

The image features a historical map of the Black Sea region, showing the Crimean Peninsula and the Sea of Azov. The map is rendered in a light blue and tan color palette. Numerous numbers (49, 48, 51, 52, 53, 16, 15, 17, 18, 46, 45, 44, 65, 42, 61) are scattered across the map, likely representing geographical coordinates or specific locations. In the foreground, a detailed illustration of a cityscape, likely Sevastopol, is visible, showing buildings, a harbor with several sailing ships, and a prominent monument on a hillside. The overall style is that of a historical document or a commemorative publication.

МОСКВА – СЕВАСТОПОЛЬ

Архивно-краеведческий альманах

Выпуск 2

ПРАВИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ
ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДА МОСКВЫ

ПРАВИТЕЛЬСТВО СЕВАСТОПОЛЯ
УПРАВЛЕНИЕ АРХИВНЫМ ДЕЛОМ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

МОСКВА – СЕВАСТОПОЛЬ
Архивно-краеведческий альманах
Выпуск 2

Москва
2020

ББК 63.3(2Р)
М 82

М 82 **Москва – Севастополь : Архивно-краеведческий альманах. Выпуск 2 /**
Главархив Москвы. – М., 2020. – 312 с.; ил.

ISBN 978-5-7228-0268-2

В 2016 г. увидел свет первый выпуск историко-документального издания «Москва – Севастополь: Архивно-краеведческий альманах».

Настоящее издание, подготовленное московскими архивистами при участии коллег из Архива города Севастополя и Государственного архива Ярославской области к 6-летию воссоединения Крыма и Севастополя с Россией, является вторым выпуском этого историко-документального проекта. В основе альманаха – документы и материалы московских и федеральных архивов, свидетельствующие о тесных исторических, духовных и культурных связях двух городов-героев – Москвы и Севастополя.

ББК 63.3(2Р)

ISBN 978-5-7228-0268-2

«Отстаивайте же Севастополь!»

Вице-адмирал В.А. Корнилов

Я.А. Онопенко

Москва и Севастополь: вехи сотрудничества

В 2020 г. исполняется шесть лет с момента вхождения Крыма и города Севастополя в состав Российской Федерации. Первое Соглашение между Москвой и Севастополем о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве подписано 19 марта 2014 г. Документ предусматривает в том числе укрепление и развитие ранее сложившихся отношений в сфере сохранения и популяризации объектов культурного наследия, обмен опытом в области использования архивных документов, проведение совместных научных и научно-практических мероприятий в сфере архивного дела. Реализация этих задач закреплена подписанием 3 апреля 2014 г. Соглашения о сотрудничестве в области архивного дела между Главным архивным управлением города Москвы и Государственным архивом города Севастополя в целях плодотворного взаимодействия архивных учреждений двух городов.

Следует отметить, что подписанию этого документа предшествовал многолетний период успешного сотрудничества и взаимодействия московских архивистов с различными учреждениями и представителями научной и культурной общественности Крыма и Севастополя.

Идея осуществления совместных проектов, призванных популяризировать культурные связи Москвы и Севастополя, возникла ещё в 1997 г., в ходе проходившей в Севастопольском художественном музее им. М.П. Крошицкого международной конференции «Меценаты и коллекционеры. К истории музейных собраний». Результатом совместной работы архивистов,

историков, искусствоведов стали два издания: «Эдуард Штейнберг» (М., 2000) и «Картины из собраний московских коллекционеров в Севастопольском художественном музее» (М., 2001). Первое из них повествует о жизни и творчестве Э.А. Штейнберга (1882–1935), выпускника Московского училища живописи, ваяния и зодчества, художника, талантливого педагога. В книгу-буклет вошла часть работ мастера из собрания Севастопольского художественного музея, посвящённых крымской земле. Вторая книга также знакомит с произведениями художественной культуры из коллекции музея.

Одновременно с этим началась работа над совместными выставочными проектами. Так, в 1997 г. московские архивисты организовали выставку работ учеников Севастопольской художественной школы – уникального центра детского творчества, созданного в 1961 г. в Севастополе. Впоследствии свет увидела книга-альбом «Севастопольская художественная школа: Москва – 225-летию Севастополя» (М., 2009).

Затем, в 2008 г., в Музее-панораме «Бородинская битва» состоялась историко-документальная выставка «Москва – Севастополю», посвящённая 225-летней годовщине со дня основания города Севастополя как базы российского военного флота.

Следующий период взаимодействия был определён Программой сотрудничества Москвы и Севастополя, принятой в 2011 г. В ходе её реализации специалисты Главархива Москвы провели масштабную работу по выявлению в фондах Центрального архива Министерства обороны РФ сведений о бойцах и командирах, сражавшихся в Севастополе в последние

дни обороны города летом 1942 г. Материалы были переданы руководству Музейного историко-мемориального комплекса героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея» для увековечения имён героев Севастопольской обороны в Пантеоне Славы музея.

Сотрудничество Главархива Москвы непосредственно с архивистами Крыма началось в 2013 г. Отправной точкой стали Первые крымско-московские архивно-краеведческие чтения (май 2013 г., Гурзуф – Симферополь). Участники мероприятия обсуждали пути сохранения и использования документов государственных архивов, объединения усилий историков, архивистов и краеведов в области объективного и всестороннего изучения культурного и документального наследия, популяризации истории Крымского полуострова как особого региона, богатого значимыми историческими событиями. В ходе чтений крымским архивистам были переданы книги по истории российской столицы, а также методические пособия по архивному делу, подготовленные специалистами Главархива Москвы. Кроме того, в декабре этого же года состоялся видеомост между Главархивом Москвы и Государственным архивом Республики Крым, наметивший перспективы дальнейшего сотрудничества.

После подписания 3 апреля 2014 г. Соглашения о сотрудничестве в области архивного дела между Главным архивным управлением города Москвы и Государственным архивом города Севастополя в обоих городах стали проводиться выставки и осуществляться издательские проекты.

Так, в 2014 г. в Севастополе, в Морской библиотеке им. адмирала М.П. Лазарева, состоялась выставка «Москва – Севастополь. Образы прошлого и настоящего в документах и фотографиях». Экспозиция рассказывала о многолетней исторической взаимосвязи Москвы и Севастополя.

В 2015 г., к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., столичными архивистами совместно с образовательными учреждениями города были организованы выставки: «Флот. Война. Победа» и «Освобождение Севастополя», экспозицию которых составили документы из фондов Центрального государственного архива Москвы, семейных архивов, школьных музеев, рассказывающие о защитниках и освободителях города русской славы.

В дни празднования юбилея Победы на трёх больших экранах, установленных в центре Севастопо-

поля и Балаклавы, демонстрировалась выставка «Этот день мы приближали...». В это же время в Москве была показана выставка «Крым и Севастополь в московской топонимике». Особое место в этой экспозиции занимали документы о строительстве новых домов для моряков-черноморцев, создании благотворительного фонда «Москва – Севастополь», открытии новых станций Московского метрополитена «Нахимовский проспект» и «Севастопольская».

В 2016 г. сначала в Москве, а затем в Севастополе проводились масштабные выставки «Восстановление Севастополя после Великой Отечественной войны. 1944–1954 гг.». Экспозицию выставок составляли документы и фотографии разрушенного Севастополя, планы и проекты реконструкции, в т.ч. неосуществлённые, из фондов Архива города Севастополя и Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева, а также уникальный комплекс материалов инженера-строителя, начальника Управления по восстановлению города Севастополя при Совете Министров РСФСР Н.К. Проскуракова, хранящийся в фондах Центрального государственного архива города Москвы.

В новых условиях взаимодействия и сотрудничества была продолжена работа в области публикации архивных документов, прежде всего из фондов Центрального государственного архива города Москвы и Архива города Севастополя. В 2016 г. увидело свет первое совместное историко-документальное издание «Москва – Севастополь: Архивно-краеведческий альманах», подготовленное архивными учреждениями обоих городов с привлечением научной общественности: историков, архивистов, краеведов.

Настоящее издание, над которым работали московские архивисты при участии специалистов из Архива города Севастополя и Государственного архива Ярославской области, является вторым выпуском этого историко-документального проекта. В основе альманаха – документы и материалы московских и федеральных архивов, свидетельствующие о тесном взаимодействии в самых разных областях жизни Москвы и Севастополя.

Альманах открывает публикация о выставке 2014 г., посвящённой культурным и экономическим связям двух городов на протяжении более двух веков, и в частности благотворительной деятельности Москвы по оказанию помощи Севастополю.

В материалах, вошедших в книгу, авторы затрагивают также следующие темы: Севастополь конца

XIX – начала XX в. в архивных фотодокументах; историографический анализ хронологии первых базилик Херсонеса; жизнь и деятельность замечательного историка, археолога и педагога О.И. Домбровского; история восстания на крейсере «Очаков» в 1905 г.; потопление Черноморского флота в 1918 г.; «триумфальное шествие советской власти» на Черноморском флоте глазами революционного матроса; Герои Советского Союза – участники боёв за Севастополь;

М.В. Стёганцев – активный участник обороны Севастополя; хроника участия ЧФ в съёмках фильма «Адмирал Ушаков»; «Севастопольский вальс» на сцене Московского театра оперетты; история Севастопольского района Москвы.

Уверен, что издание, рассчитанное на широкий круг читателей, станет достойным вкладом в развитие многостороннего сотрудничества между двумя духовными центрами России – Москвой и Севастополем.

Т.М. Булавкина

Совместные выставочные проекты архивных учреждений Москвы и Севастополя: 2014–2019

19 сентября 2014 г. в г. Севастополе, в Морской библиотеке им. адмирала М.П. Лазарева, состоялась торжественная церемония открытия историко-документальной выставки «Москва – Севастополь. Образы прошлого и настоящего в документах и фотографиях». После воссоединения Крыма с Россией москви-

чи первыми привезли в Севастополь экспозицию, посвящённую историческим связям двух городов. Этот выставочный проект, подготовленный Главным архивным управлением города Москвы и Центральным государственным архивом города Москвы, вызвал огромный интерес у севастопольцев.

На торжественном открытии выставки «Москва – Севастополь. Образы прошлого и настоящего в документах и фотографиях». Слева направо: Н.С. Калинина, начальник Управления архивным делом в городе Севастополе, Ю.И. Ореховский, зам. командующего Черноморского флота по работе с личным составом, А.А. Вершинин, зам. директора Департамента административно-территориального управления и работы с населением. Севастополь. 19 сентября 2014 г.

Н.С. Мордвинова (до 1796 г.); манифест императора Николая I о начале войны с Англией и Францией (11 апреля 1854 г.); грамота о жаловании и учреждении фейерверкера графа Льва Толстого в артиллерии прапорщики 9 января 1854 г. по всемилостивейшему повелению Николая Первого, императора и самодержца Всероссийского (25 января 1854 г.); список московских купцов, внёсших добровольные пожертвования на военные нужды (1855 г.) и др.

Архивные документы были дополнены рисунками неизвестного художника периода Крымской войны, хранящимися в Российском государственном военно-историческом архиве; рисунками художника А.В. Кокорина, иллюстратора знаменитых «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого, из фондов Государственного музея Л.Н. Толстого.

На выставке также были представлены документы и фотоснимки Героев Советского Союза, защищавших и освобождавших Севастополь: Д.М. Лебедева, Ф.Н. Тургенева, В.И. Хряева, М.В. Гришилина, а также фотографии военного фотокорреспондента А.М. Межуева, который снимал Севастополь в 1941–1944 гг.

Экспозицию составили тематические блоки, рассказывающие о многолетних исторических связях Москвы и Севастополя, по следующим направлениям: из истории Крыма и Севастополя; участие и бес-

корыстная помощь москвичей жителям Севастополя в период Крымской войны (1853–1856); участие в Крымской войне Н.И. Пирогова, основоположника военно-полевой хирургии, главного хирурга осаждённого Севастополя, и Л.Н. Толстого, великого русского писателя, автора «Севастопольских рассказов»; первые гастроли Московского Художественного театра в Севастополе (1900); участие москвичей в обороне и освобождении Севастополя в годы Великой Отечественной войны (1941–1944). Заключительный раздел выставки был посвящён многосторонним связям между Москвой и Севастополем. Причём современный блок материалов оказался для севастопольцев не менее интересным, чем исторический. Это в первую очередь Соглашение между городом Москвой и городом Севастополем о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, подписанное 19 марта 2014 г., а также решение Исполкома Моссовета от 29 апреля 1965 г. № 17/25 «О присвоении наименований проектируемым проездам в Московском районе г. Москвы», в соответствии с которым получили свои названия Черноморский бульвар, Севастопольский проспект, Нахимовский проспект. В разделе, посвящённом современному Севастополю, были использованы фотографии известного севастопольского художника и педагога А.Н. Бурцева.

Один из разделов выставки «Москва – Севастополь. Образы прошлого и настоящего в документах и фотографиях». 2014 г.

Севастопольские мальчишки. 2005 г.
Фото А. Бурцева

В связи с большим интересом горожан к этому проекту работа выставки была продлена до конца 2014 г., а затем ещё на месяц. Экспозиция оказалась близка и интересна как севастопольцам, так и москвичам.

В рамках празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 9 мая 2015 г., в день освобождения Севастополя и в День города Севастополя, на трёх больших экранах, установленных в центре Севастополя и Балаклавы, демонстрировалась выставка «Этот день мы приближали...». Она была основана на материалах экспозиции «Москва – Севастополь. Образы прошлого и настоящего...». Представленные документы и фотографии увидели сотни севастопольцев, которые пришли на главную площадь города в этот день, знаменательный для всей России.

В дальнейшем Главное архивное управление города Москвы продолжило работу над проектом, освещающим многолетние исторические связи между Москвой и Севастополем. В мае 2015 г. во Дворце творчества детей и молодёжи «Севастополь» в Москве открылась выставка «Крым и Севастополь в московской топонимике». На ней было представлено более 50 документов и фотографий из фондов Центрального государственного архива города Москвы. В октябре того же года выставка демонстрировалась во Дворце детского и юношеского творчества в Севастополе.

Афиша выставки «70 лет освобождения Севастополя». Москва. 15 мая 2014 г.

У стенда выставки «70 лет освобождения Севастополя». Москва. 15 мая 2014 г.

У стенда выставки «Крым и Севастополь в московской топонимике» во Дворце творчества детей и молодёжи «Севастополец». Москва. 19 мая 2015 г. Фото С. Губачёва

Серию совместных проектов двух городов-побратимов продолжили открывшиеся в 2016 г. в Москве и Севастополе историко-документальная и фотовыставка «Восстановление Севастополя после Великой Отечественной войны». Как отметил начальник Главного архивного управления города Москвы Я.А. Онопенко, главная цель выставки – показать, как «в небывало короткий исторический срок был заново воссоздан прекрасный город, достигнуты и перевыполнены все основные показатели довоенного времени, в т.ч. по количеству населения и объёмам жилого фонда. Город необычной, героической судьбы, который дорог сердцу каждого россиянина, Севастополь самоотверженным трудом строителей был поднят из руин и заново отстроен, вновь стал одним из красивейших городов России»¹. Большой интерес у исследователей и посетителей вызвали материалы из фондов Николая Проскурякова – инженера-строителя, начальника Управления по восстановлению города Севастополя при Совете Министров РСФСР, и Александра Устинова, известного советского фотографа. Среди участников выставки были Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева и Архив города Севастополя.

¹URL: <https://www.mos.ru/mosarchiv/documents/arhiv-novostej/view/85742220/>. Дата публикации: 14 ноября 2016 г.

Афиша выставки «Восстановление Севастополя после Великой Отечественной войны. 1944–1954 гг.». Москва. Апрель – май 2016 г.

Главный специалист ГБУ «ЦГА Москвы» Т.М. Булавкина проводит экскурсию по выставке «Восстановление Севастополя после Великой Отечественной войны. 1944–1954 гг.» в Центре культуры и искусства «Меридиан». Москва. 28 апреля 2016 г.

В 2017 г. в рамках мероприятий, посвящённых Крымской весне, выставка «Восстановление Севастополя после Великой Отечественной войны» демонстрировалась в Государственной думе Российской Федерации.

К 5-летию вхождения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации 18 марта 2019 г. в Глав-

ном архивном управлении города Москвы открылась новая историко-документальная выставка «Страницы истории дружбы и сотрудничества Москвы и Севасто-

поля». В экспозиции отразились все этапы многолетнего проекта, посвящённого истории сотрудничества двух прославленных городов России.

Отдельного рассказа заслуживает раздел выставки **«Москва – Севастополь. Образы прошлого и настоящего в документах и фотографиях»**, посвящённый одной из интереснейших страниц в культурной жизни двух городов – первым гастролем Московского Художественного театра в Севастополе, которые прошли с 10 по 13 апреля 1900 г. с необыкновенным, ошеломляющим успехом.

Раздел выставки, посвящённый первым гастролям МХТ в Севастополе. Сентябрь 2014 г.

За два года до гастролей, в 1898 г., К.С. Станиславский и В.И. Немирович-Данченко основали Художественно-общедоступный театр. Премьера первого спектакля состоялась на сцене молодого театра в московском саду «Эрмитаж» – это была постановка по трагедии А.К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович». Первые два года успех театра был средним. Активные поиски репертуара привели создателей театра к пьесам А.П. Чехова.

Московский Художественный театр. Открытка. Начало XX в. ЦГА Москвы

Первая постановка чеховской «Чайки» на сцене Александринского театра в Санкт-Петербурге в 1896 г. провалилась. Для Чехова это было тяжелейшим ударом, и не важно, по каким причинам это произошло: халатное ли отношение режиссёра к постановке или неудачно сложившиеся обстоятельства. Писатель замкнулся, никак не соглашался на постановку своих пьес, но всё же В.И. Немировичу-Данченко удалось в конце концов получить разрешение автора на новую постановку «Чайки» на сцене молодого Художественно-общедоступного театра, и Чехов, с трудом согласившийся на постановку, тем не менее с удовольствием присутствовал на репетициях спектакля.

А.П. Чехов читает пьесу «Чайка» для участников спектакля. 1898 г. Музей МХАТ. Документальный фонд

Однако все боялись, что в случае неудачи и без того сложное психологическое состояние Чехова только усугубится. Многие опасались, что очередной провал спектакля может оказаться губительным для автора и он не перенесёт его. Сохранились воспоминания К.С. Станиславского: «...Как мы играли – не помню. Первый акт кончился при гробовом молчании зрительного зала. Одна из артисток упала в обморок, я сам едва держался на ногах от отчаяния. Но вдруг, после долгой паузы, в публике поднялся рёв, треск, бешеные аплодисменты. Занавес пошёл [...] раздвинулся [...] опять задвинулся, а мы стояли, как обалделые. Потом снова рёв [...] и снова занавес...»¹.

Сцена из спектакля «Чайка». Действие четвёртое. Сезон 1898–1905 гг. Музей МХАТ. Документальный фонд

Триумфальная премьера «Чайки» состоялась в МХТ на сцене сада «Эрмитаж» в Каретном ряду 17 декабря 1898 г. Успех необходимо было закрепить.

А.П. Чехов, находившийся в то время по состоянию здоровья в Крыму, в письмах к К.С. Станиславскому выражал радость по поводу успеха его пьес на сцене МХТ, сожалел, что не может приехать в Москву. Он очень хотел увидеть свои пьесы в исполнении артистов МХТ и приглашал труппу к себе в Ялту.

Несмотря на большие сомнения и риски, связанные с поездкой в провинцию, Станиславский принял решение везти театр в Крым. В его воспоминаниях читаем: «Это была весна нашего театра, самый благоуханный и радостный период его молодой жизни. Мы ехали к Антону Павловичу в Крым, мы отправлялись в артистическую поездку, мы – гастролёры, нас ждут, о нас пишут. Мы – герои дня не только в Москве, но и в Крыму, то есть в Севастополе и в Ялте. Мы сказали себе: “Антон Павлович не может приехать к нам, так как он болен, поэтому мы едем к нему, так как мы здоровы. Если Магомет не идёт к горе, гора идёт к Магомету”»².

Приезд А.П. Чехова в Севастополь. Слева направо: В.Э. Мейерхольд, А.П. Чехов и В.И. Немирович-Данченко. 1900 г. Музей МХАТ. Документальный фонд

Театр в Севастополе. Начало XX в. Музей МХАТ. Документальный фонд

¹ Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве. М., 1980. С. 235.

² Там же. С. 240.

К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко очень рисковали, решившись на крымские гастроли и выбрав Севастополь в качестве первого провинциального города, которому они показали свой новый молодой московский театр. Однако стимулом для поездки было не только желание порадовать автора пьес и предъявить публике свою творческую новизну. Были и ещё более серьёзные причины. Об одной из них, едва ли не самой главной, написал Станиславский, подводя итоги гастролей: «Наши гастроли в Крыму кончились. В награду за наш приезд Чехов и Горький обещали написать нам по пьесе. Между нами говоря, это и была одна из главных причин, почему гора двинулась к Магомету»¹. Репертуар для молодого театра, только заявившего о себе, означал практически всё.

С постановки «Чайки» А. П. Чехова и гастролей в Крыму началась новая эпоха для МХТ. Московский Художественный театр привёз в Севастополь четыре пьесы, две из которых принадлежали перу А. П. Чехова. Играли спектакли лучшим составом: К. С. Станиславский, М. П. Лилина, М. Ф. Андреева, О. Л. Книппер, И. А. Тихомиров, А. Л. Вишневский, И. М. Москвин, А. Р. Артём и др.

Сцена из спектакля «Чайка». Действие второе. Нина – М. Л. Роксанова, Тригорин – К. С. Станиславский. Сезон 1898–1905 гг. Музей МХАТ. Документальный фонд

Программа спектакля «Чайка». Московский Художественный театр. Севастополь. 1900 г. Музей МХАТ. Документальный фонд

Вот краткая хроника первых гастролей МХТ в Севастополе согласно крымским газетам.

«Новое время» от 12 (25) апреля 1900 г.:

«Севастополь, 11 апреля. Первый спектакль труппы Московского Художественного театра прошёл вчера при полном сборе и с блестящим успехом в художественном отношении. Пьеса Чехова «Дядя Ваня» была поставлена с большим старанием. Публика много раз вызывала автора и награждала шумными аплодисментами».

О. Л. Книппер в роли Елены Андреевны. Действие первое. Фотографии к спектаклю «Дядя Ваня». Сезон 1898–1905 гг. Музей МХАТ. Документальный фонд

Программа спектакля «Дядя Ваня». Московский Художественный театр. Севастополь. 1900 г. Музей МХАТ. Документальный фонд

«Новости дня» от 13 (26) апреля 1900 г.:

«Нам телеграфируют из Севастополя: второй спектакль труппы Художественного театра, до которого шли «Одинокие» Г. Гауптмана, имел успех сенсационный. Публика прослушала с поразительно выраженным пониманием. Антракты прошли среди многочисленных восторженных вызовов артистов, К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко».

«Новости дня» от 15 (28) апреля 1900 г.:

«Нам телеграфируют из Севастополя, что для 3-го и 4-го спектакля труппа Художественно-общедоступного театра поставила «Эдду Габлер» и «Чайку». И эти спектакли

¹ Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. С. 243.

шли при переполненном зале, с стоящими во всех проходах зрителями, и с очень крупным успехом. В последний спектакль артистам была устроена небывалая в Севастополе овация, причём был прочитан прекрасно составленный адрес, покрытый несколькими сотнями подписей. Всем артисткам поднесены цветы. В воскресенье труппа даёт свой первый спектакль в Ялте».

М.Ф. Андреева в роли Эдды Габлер. Фотографии к спектаклю «Эдда Габлер». Сезон 1899–1900 гг. [1900 г.] Музей МХАТ. Документальный фонд

Программа спектакля «Эдда Габлер». Московский Художественный театр. Севастополь. 1900 г. Музей МХАТ. Документальный фонд

«Новое время» от 19 апреля (2 мая) 1900 г.:

«Из Севастополя нам пишут: спектакли Московского Художественного театра закончились у нас 13 апреля, с большой торжественностью. Шла “Чайка” А.П. Чехова под руководством самого автора, приехавшего в Севастополь специально для того, чтобы присутствовать при исполнении труппою Художественного театра его пьес. Как и на представлении “Дяди Вани”, переполнившая наш поме-

стительный летний театр публика неистово стала вызывать автора уже после 2-го акта, и талантливый писатель каждый раз появлялся на сцене, окруженный артистами с В.И. Немировичем-Данченко во главе...»

Молва об оглушительном успехе севастопольских гастролей летела впереди театра. Гастроли в Ялте закрепили этот успех, и дальше началось триумфальное шествие МХТ и чеховских пьес по российским и мировым театральным подмосткам.

Труппа МХТ в гостях у А.П. Чехова. Ялта. 1900 г. ЦГА Москвы

Сегодня мировую славу МХАТа и А.П. Чехова-драматурга продолжают Московский Художественный театр им. А.П. Чехова и Московский Художественный академический театр им. М. Горького, а также знаменитый Чеховский фестиваль, на который съезжаются лучшие театральные труппы и лучшие режиссёры мира. Они привозят московским зрителям свои новейшие постановки, и москвичи отвечают им взаимностью. Билеты на спектакли раскупаются задолго до начала фестиваля, толпы желающих купить лишние билетик и попасть на очередной театральный шедевр неизменно увеличиваются.

Успех первых гастролей Московского Художественного театра в Севастополе оказался хоть и неожиданным, но пророческим.

Религиозные праздники на Черноморском флоте и в крепости «Севастополь» в конце XIX – начале XX в.

В 1700 г., после смерти патриарха Адриана, Пётр I решил не избирать нового патриарха. В январе 1721 г. был утверждён «Духовный регламент», согласно которому учреждалась Духовная коллегия, преобразованная вскоре в Святейший правительствующий синод во главе с обер-прокурором, светским человеком¹. То есть со времени правления Петра I православная религия стала государственным институтом, в ведении которого находились церковные дела. Через обер-священника армии и флота военное и морское ведомства решали вопросы назначения священников в воинские части, отправления там религиозных обрядов существовавших конфессий. Эти вопросы упорядочивались путём издания приказов. В первой половине XIX в. Севастополь являлся главной базой Черноморского флота и крепостью 1-го класса, где гражданское население составляло подавляющее меньшинство, а большинство – моряки Черноморского флота, солдаты крепостной артиллерии и пехотных полков.

В 1850–1852 гг. в составе Черноморского флота было от 28 422 до 30 473 нижних чинов. Подавляющее большинство военнослужащих исповедовало православие, в это же время от 13,7 до 15,1% – католики, от 2,79 до 3,32% – иудеи, от 0,48 до 1,38% были лютеране и от 0,98 до 1,07% – мусульмане². К этому надо прибавить верующих разных конфессий 13-й пехотной дивизии и Севастопольской крепостной артиллерии, квартировавших в Севастополе (около 13 тыс. человек). Пропорционально числу верующих в Севастополе, Балаклаве и окрестностях к началу первой обороны находилось 14 православных храмов, католический костёл, лютеранская церковь, синагога и мечеть³.

В дни первой обороны Севастополя российское духовенство, полковые священники и иеромонахи Балаклавского Георгиевского монастыря по праву делили воинскую славу с офицерами и нижними чи-

нами⁴. Для проведения церковной службы на всех бастионах и батареях были установлены иконы. Один из участников обороны отмечал: «Нет, впрочем, у нас и маленькой батареи, где бы не было знамени веры! Едва успели где насыпать вал небольшой (земляной), ставятся орудия, ставится тут же в нише икона святая и теплится лампада»⁵.

После Крымской войны в восстановленных православных храмах Севастополя как большие реликвии хранились иконы, сопровождавшие защитников в осаждённом городе.

В Адмиралтейском соборе во имя Св. Николая Чудотворца особо почиталась икона, бывшая на 4-м бастионе. В центре иконы была изображена Св. Троица, по бокам – Алексей, митрополит Московский, и св. великомученик Георгий. На оборотной стороне имелась надпись: «Образ сооружён в 1851 году, декабря 6-го дня, ко дню тезоименитства Благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича, в командование заведующего Адмиралтейской батареей капитана Лобко усердием фейерверкеров, рядовых и канонистов оных батарей»⁶.

В церкви во имя Св. Равноапостольных Константина и Елены в с. Карань находилась икона Св. Константина и Елены в серебряной ризе, принадлежавшая расформированному в 1861 г. Балаклавскому греческому батальону⁷, в ризнице церкви во имя Св. Николая Чудотворца на Братском кладбище хранился пострадавший во время бомбардировки Севастополя образ Христа Спасителя. Надпись на нём гласила: «1855 года, июня 10-го, разорвавшегося в доме неприятельского снаряда, все украшения, риза, рама

¹ *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 73.

² Памятная книжка морского ведомства. СПб., 1853. С. 96, 98, 100.

³ Описание обороны Севастополя. Ч. 1. СПб., 1863. С. 34.

⁴ *Голикова Л.В.* «Иди во град сей и научись у первого из братьев твоих...» Православная жизнь осаждённого Севастополя // Крымский архив. 1999. № 5. С. 76; *Крестьянников В.В.* Участие иеромонахов Балаклавского монастыря в Крымской войне // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: Сборник науч. трудов III междунар. Крымской конф. по религиоведению. Севастополь, 2001. С. 111–117.

⁵ *Дубровин Н.* Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1. СПб., 1872. С. 465.

⁶ *Доценко В.Д., Клавинг В.В.* Морские храмы России. М., 1995. С. 95.

⁷ *Гермоген.* Таврическая епархия. Псков, 1887. С. 358.

уничтожены в прах, а изображение Спасителя осталось невредимо». Икона была передана в церковь наследниками Тулузановых¹.

После окончания Крымской войны по инициативе Преосвященного Иннокентия было принято решение о восстановлении разрушенной Херсонесской кинонии. Для исполнения поручения в Херсонес прибыл иеромонах Евгений². 30 апреля 1857 г. был освящён первый храм во имя Семи Священников Херсонесских. В том же году по высочайшему повелению императора Александра II «в воспоминание крещения просветителя России князя Владимира, а также в память о страшном испытании, постигшем многострадальный Севастополь» установили ежегодный крестный ход из Адмиралтейского собора в Херсонесскую кинонию. Впервые крестный ход был совершён 15 июля 1857 г.³ Крестный ход в Херсонес проходил ежегодно, но церемониал, видимо, уже не совсем подходил к данному торжественному мероприятию, и 30 июля 1866 г. на имя благочинного церквей Севастопольского округа протоиерея Александра Демьяновича было послано письмо из Духовной консистории, с которым препровождался «вновь составленный и утверждённый преосвященным Алексеем, епископом Таврическим и Симферопольским, 27 мая сего года церемониал Высочайше утверждённого крестного хода из Севастополя в Херсонесский Свято-Владимирский монастырь в 15-й день июля для должного онного с Вашей стороны исполнения»⁴. В приложенном церемониале излагался порядок шествия духовенства.

9 июля благочинный получил письмо от Управления севастопольского коменданта с приложением церемониала, утверждённого новороссийским и бессарабским генерал-губернатором, в котором был показан порядок шествия не только духовенства, но и военных и гражданских чинов. Безусловно, церемониал согласовали с епископом Таврическим и Симферопольским, т.к. вступительная часть обоих документов идентична⁵. Не останавливаясь на порядке шествия, который опубликован⁶, хотелось бы сказать о самом крестном ходе.

«В продолжение крестного хода, исключая совершение литургии, на городских колокольнях производится праздничный звон.

Процессия идёт от Адмиралтейского собора мимо Екатерининской пристани по Большой Морской улице к Петропавловской церкви, где останавливается. Архимандрит читает Евангелие молебнo. Вслед за тем дьякон возглашает: «Святому Равноапостольному Князю Владимиру помолимся!» Архимандрит, приняв ковчег со святыми мощами, осеняет им город на Владимире, «моли Бога о нас». После процессия продолжает идти мимо бывшей полковой церкви к пролomu на пятом бастионе, где останавливается, и архимандрит при возглашении дьяконом многолетия Государю Императору, православному воинству и жителям города Севастополя осеняет народ Животворящим Крестом. Отсюда процессия идёт к обители мимо городского кладбища, перед которым совершается заупокойное чтение с провозглашением вечной памяти всем православным воинам, за веру, Царя и Отечество на поле брани живот свой положившим.

Во вратах обители процессию встречает архипастырь с братией монастыря с хоругвями и святыми иконами. После всего совершается божественная литургия и благоденственное молебенствие⁷.

В 1891 г. берёт своё начало традиция совершать крестный ход в Балаклавский Георгиевский монастырь с чудотворной иконой Св. Великомученика Георгия. В июне к настоятелю монастыря архимандриту Никандру обратились жители Севастополя и Балаклавы о возвращении иконы, вывезенной в 1779 г. митрополитом Игнатием в Мариуполь. Прошение это было передано на имя митрополита Таврического и Симферопольского Мартиниана. Известно, что к решению этого вопроса подключился один из высокопоставленных чиновников в Санкт-Петербурге, А.А. Хвостов, действовавший через обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева.

К сожалению, в документах монастыря не сохранился порядок крестного хода. Но 10 октября, накануне празднования 1000-летия обители, в Петербургской газете «Новости», а затем и в других газетах была опубликована следующая заметка: «Перенесённую на время празднования тысячелетнего юбилея в Георгиевский Балаклавский монастырь чудотворную икону предположено возратить обратно в Мариуполь, вследствие усиленной просьбы граждан

¹ Доценко В.Д., Клавинг В.В. Указ. соч. С. 101.

² ГКУ «Архив города Севастополя» (ГКУ АГС). Ф. 19. Оп. 1. Д. 67. Л. 4.

³ Там же. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 4. Л. 102.

⁵ Там же. Л. 98.

⁶ Крестьянников В.В. Крестный ход в Херсонесский монастырь Святого Владимира // Крымский архив. 1999. № 5. С. 163–166.

⁷ ГКУ АГС. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4. Л. 106.

Мариуполя, но с тем, чтобы ежегодно помянутая икона крестным ходом переносилась в апреле в Георгиевский монастырь и оставалась в нём до 15 октября, а затем обратно возвращалась в Харлампиевский собор в Мариуполе, на время же отсутствия чудотворной иконы решено как в Георгиевском монастыре, так равно и в Мариупольском соборе – иметь точные копии с этой иконы»¹.

В начале XX столетия в Севастополе шла подготовка к празднованию 50-летия первой обороны Севастополя. На средства комиссии создавались памятники на местах сражений, бастионов и батарей, на Северной стороне был воздвигнут храм во имя Вознесения Господня и т.д.

6 июня 1903 г., в годовщину отбития первого штурма Севастополя, в городе провели церковный парад войск гарнизона. 5 октября, в день начала первой бомбардировки Севастополя, прошли церковные парады войск на Константиновской батарее на Северной стороне и батарее № 10 на Южной стороне города. В параде приняли участие солдаты Севастопольской крепостной артиллерии, 49-го пехотного Брестского и 50-го пехотного Белостокского полков, чьи резервные батальоны участвовали в обороне города; солдаты этих батальонов находились прислугой при орудиях на береговых батареях². Традиция церковных парадов в память первой обороны продолжалась до Первой мировой войны.

В конце XIX – начале XX в. многие полки, батареи и гарнизонные части отмечали 100-, 200-летние юбилеи. Для частей устанавливались ежегодные церковные праздники во имя святых, в 1903 г. приказом по артиллерии были установлены такие праздники и для частей, входивших в состав гарнизона Севастопольской крепости:

Сохранилась традиция называть линейные корабли не только именами императоров, но и святых, что особенно характерно для Черноморского флота. В начале века в состав Черноморского флота входили линейные корабли «Георгий Победоносец», «Пантелеймон», «Три Святителя», «Иоанн Златоуст», «Ростислав».

В царствование императора Александра I было установлено иметь знамёна в каждом батальоне полка и знамённые флаги в каждом флотском экипаже. Император Александр III своим указом ввёл полковые знамёна. Все прежние знамёна было приказано сдать в арсеналы на хранение. В отдельных случаях знамёна расформированных частей разрешалось хранить в храмах. Шесть знамён расформированного в 1861 г. Балаклавского греческого батальона хранились в балаклавской церкви во имя Св. Николая Мирликийского Чудотворца³, все знамённые георгиевские флаги бывших черноморских флотских экипажей хранились в Николаевском адмиралтейском соборе.

При подготовке к юбилеям полков было разрешено получать знамёна и штандарты из арсеналов. Так, в 1904 г., при подготовке к 100-летию юбилею, 50-й пехотный Белостокский полк получил все исторические знамёна в Санкт-Петербургском арсенале, 3 мая полк встретил их в торжественной обстановке, и после богослужения они были помещены в полковую церковь Св. архистратига Михаила на Екатерининской улице⁴.

В 1880–1890-х гг. началось экономическое возрождение Севастополя, в 1895 г. Севастополь вновь стал главной базой Черноморского флота и крепостью. Шло строительство новых боевых судов, увеличилось количество гражданского населения города

23 апреля	Великомученика Георгия Победоносца	2-я и 3-я батареи 13-й арт. бригады
30 августа	Перенесение мощей благоверного великого князя Александра Невского	6-я батарея 13-й арт. бригады
5 октября	Св. Петра, Алексея, Каны и Филиппа	Севастопольская крепостная артиллерия
8 ноября	Архистратига Михаила	3-я батарея 13-й арт. бригады
6 декабря	Святителя Николая Мирликийского Чудотворца	4-я батарея 13-й арт. бригады
11 декабря	Преподобного Даниила	1-я батарея 13-й арт. бригады

¹ ГКУ АГС. Ф. 20. Оп. 1. Д. 177. Л. 9, 22, 64.

² *Капитан Николаев*. История 50-го пехотного Белостокского Его Величества герцога Саксен-Альтенбургского полка. 1807–1907. СПб., 1907. С. 363.

³ Справочная книга Таврической епархии. Симферополь, 1910. С. 420.

⁴ *Капитан Николаев*. Указ. соч. С. 363.

и чинов гарнизона. На этот период приходится наибольшее количество вновь построенных культовых сооружений для верующих различных конфессий. Накануне Первой мировой войны на территории города и в его окрестностях действовало 3 монастыря и 19 православных храмов епархиального ведомства, 5 храмов и судовые церкви военного ведомства, католический костёл, 2 синагоги, караимская кенасса и мечеть.

В ходе войны было введено в строй много боевых судов, создавались новые соединения на флоте, личный состав флота увеличился почти в два раза.

Преобразование структуры флота, его береговых частей и подразделений крепости повлек-

ло за собой изменение и в управлении духовной жизнью.

Главным священником Черноморского флота был о. Спасский Г.И., священником штаба крепости – о. Иванов В., старообрядческим священником Черноморского флота – о. Никулин Я., военный мулла – Замалетдинов И.З. Давая возможность военнослужащим основных конфессий отправлять свои религиозные потребности, военное ведомство ежегодно на протяжении XIX и начала XX в. рассылало в воинские части циркуляры об основных религиозных праздниках православного, иудейского и мусульманского вероисповедания. В дни праздников воинские чины освобождались от любых видов работ.

О.В. Кузнецова

Образы Севастополя в фотодокументах конца XIX – начала XX в. (из собрания Государственного архива Ярославской области)

В хранилище аудиовизуальных документов Государственного казённого учреждения Ярославской области «Государственный архив Ярославской области» (ГКУ ЯО ГАЯО) находится фотоколлекция С.В. Михалкова, насчитывающая несколько сотен снимков¹. Сведений об этой интересной личности сохранилось немного. Из того же, что известно, можно составить примерно следующую картину.

Потомок древнего рода, вписанного в 6-ю часть дворянской родословной книги Ярославской губернии², Сергей Владимирович Михалков появился на свет 24 мая (по старому стилю) 1858 г. в семье рыбинского уездного предводителя дворянства³. С сентября 1877 г. по январь 1882 г. прослушал полный курс лекций на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета и получил аттестат о присвоении степени действительного студента. Избирался почётным мировым судьёй Рыбинского округа Ярославской губернии. В деле «Формулярный список о службе почётного мирового судьи Рыбинского

мирового округа, действительного студента Сергея Владимировича Михалкова», датированном 1891–1896 гг., имеется Аттестат № 2700, в котором значится: «Совет Императорского С.-Петербургского университета сим объявляет, что Сергей Владимиров сын, Михалков, из дворян, 23 лет от роду, православного вероисповедания, поступив в число студентов сего университета 31 августа 1877 г., выслушав полный курс наук по юридическому разряду юридического факультета, и оказал на испытаниях следующие познания: в истории русского права, истории римского права, русском государственном праве, гражданском праве, истории философии права и французском языке – отличные, в богословии, политической экономии, финансовом праве, полицейском праве, уголовном праве и международном праве – хорошие, в римском праве, теории государственного права, церковном праве, уголовном судопроизводстве, гражданском судопроизводстве и судебной медицине – достаточные, за которые юридическим факультетом признан достойным звания действительного студента и, на основании 4[-го] пункта § 42 общего устава Российских университетов, утверждён в этом звании советом университета 18 января 1882 г. Посему предоставляются Михалкову все права и преи-

¹ ГКУ ЯО ГАЯО. Н-2 – 307–1039.

² См.: Там же. Ф. 213. Оп. 1. Д. 2137–2139.

³ Филиал ГКУ ЯО ГАЯО в г. Рыбинске (РБФ ГАЯО). Ф. 419. Оп. 4. Д. 245. Л. 88 об.; ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 79. Оп. 7. Д. 2594. Л. 8 об.

мушества, законами Российской империи с званием действительного студента соединяемые. В засвидетельствование чего дан сей аттестат от Совета Императорского С.-Петербургского университета, с приложением университетской печати. Санкт-Петербург. 13 мая 1882 г. [...]»¹. С 1889 г. С.В. Михалков был гласным Рыбинского уездного земского собрания, с 1891 г. – рыбинским уездным предводителем дворянства. За усердную службу на этом поприще в 1894 и 1896 гг. удостоен орденов Св. Станислава II степени и Св. Анны II степени. В 1896 г. избран ярославским губернским предводителем дворянства, председателем Дворянского депутатского собрания Ярославской губернии². В том же году С.В. Михалков был награждён медалями: золотой – «В память Священного коронования императора Николая II» и серебряной – «В память царствования императора Александра III»³. С 1897 г. – коллежский асессор. Удостоился бронзовой медали «За труды по первой всеобщей переписи населения» 1897 г.⁴ Председатель Ярославского губернского училищного совета⁵. Почётный член Рыбинского уездного попечительства детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии и почётный попечитель Ярославской гимназии⁶. Член Ярославского губернского распорядительного комитета, Лесоохранительного комитета Ярославской губернии, совета директоров Ярославского губернского попечительного о тюрьмах комитета, совета Ярославского Екатерининского дома призрения ближнего, правления Рыбинского ремесленно-промышленного попечительства в память императора Александра II; попечитель Дворянской богадельни Ярославского уезда, председатель уездного Общества содействия народному образованию и распространению полезных знаний, президент Ярославского общества сельского хозяйства⁷.

Унаследовав фамильную усадьбу в с. Петровское на Шексне Рыбинского уезда (ныне в черте г. Рыбинска), сделался обладателем внушительной

коллекции монет и медалей, собранных его дедом и отцом. Здесь же находилась библиотека, основу которой составляли русские повременные издания, уникальные книги по искусству [...]»⁸. Каталог Михалковского книжного собрания насчитывал свыше 40 тыс. томов. При библиотеке располагался значительный архив, где наряду с другими документами хранился в оригинале дневник главного начальника III Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии графа А.Х. Бенкендорфа⁹.

По поручению и на средства С.В. Михалкова архивариус Ярославского депутатского собрания П.А. Тихвинский составил и выпустил «Список господ губернских и уездных предводителей и депутатов дворянства Ярославской губернии» (Ярославль, 1898), содержащий сведения о предшественниках Сергея Владимировича за более чем 100-летний период¹⁰.

С 1899 г. коллежский асессор С.В. Михалков состоял на государственной службе в звании камергера Двора Е.И.В.¹¹. К началу 1903 г. Сергей Владимирович – статский советник, кавалер ордена Св. Владимира IV степени за отличную службу в должности ярославского губернского предводителя дворянства (пожалован в 1901 г.)¹².

Незадолго до кончины С.В. Михалков привёл в порядок книги своей обширной библиотеки. Отделив новые и менее ценные тома, он завещал их Рыбинскому земству. А всё остальное собрание по воле владельца было передано в Санкт-Петербургскую академию наук¹³.

Умер Сергей Владимирович 19 октября (по старому стилю) 1905 г. и был похоронен при церкви с. Петровское на Шексне Рыбинского уезда Ярославской губернии¹⁴.

Предметом особого увлечения Михалкова служила фотография. Он много снимал на камеру свою

¹ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 346. Оп. 7. Д. 305. Без лл.

² Там же. Л. 6–10; Ф. 79. Оп. 7. Д. 3366. Л. 23 об.

³ Список господ губернских и уездных предводителей и депутатов дворянства Ярославской губернии / Сост. П.А. Тихвинский. Ярославль, 1898. С. 9.

⁴ Там же.

⁵ Памятная книжка Ярославской губернии на 1898 год. Ярославль, 1898. С. 16.

⁶ ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 79. Оп. 7. Д. 3366. Л. 13 об., 17 об.

⁷ Памятная книжка Ярославской губернии на 1898 год. С. 18, 26, 28, 31, 34, 59, 63, 86, 94, 108.

⁸ *Опочинин Е.Н.* Русские коллекционеры и уцелевшие остатки старины: Из наблюдений и воспоминаний // Наше наследие. 1990. № 4 (16). С. 109.

⁹ Там же.

¹⁰ *Савёлов Л.М.* Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию русского дворянства. М., 1904. С. 15.

¹¹ Памятная книжка Ярославской губернии на 1900 год. Ярославль, 1900. С. 68.

¹² ГКУ ЯО ГАЯО. Ф. 79. Оп. 7. Д. 3366. Л. 4 об. – 5.

¹³ *Опочинин Е.Н.* Русские коллекционеры и уцелевшие остатки старины. С. 109.

¹⁴ РБФ ГАЯО. Ф. 419. Оп. 1. Д. 133. Л. 94 об. – 95.

семью, составлял альбомы, иллюстрирующие дворянский усадебный быт¹. Ряд снимков, хранящихся в отделе аудиовизуальных документов Государственного архива Ярославской области, сделан в конце XIX – начале XX в., во время путешествий автора по Европе и Ближнему Востоку (Рим, Венеция, Помпеи, Флоренция, Неаполь, Ницца, Каир, Порт-Саид, Александрия, Иерусалим, Яффа), а также по Российской империи (Рига, Киев, Одесса, Массандра, Гурзуф, Алупка, Ялта, Севастополь). Эти материалы представляют собой

¹ Альбом фотографий семьи дворян Михалковых / Публ. В.Н. Козлякова // Российский архив. Т. 6. М., 1995. С. 543.

чёрно-белые фотографии на стекле, выполненные способом амбротипии. Под этим термином, описанным в начале 1850-х гг. изобретателем Ф. Арчером, понимается получение позитивных изображений на стеклянной поверхности, покрытой светочувствительным слоем. С этих позитивов и произведена оцифровка изображений.

В коллекции С.В. Михалкова особое место занимают фотографии Севастополя, а также живописные виды Южного берега Крыма². Значительную их часть мы и предлагаем вашему вниманию.

² ГКУ ЯО ГАЯО. Н-2-370-381, 383-387, 389-395, 397-424.

Чесменская (совр. Советская) улица. Вид на Петропавловский храм и Севастопольскую бухту

Петропавловский храм в Севастополе

Севастополь. Владимирский собор

Малый (совр. Матросский) бульвар.
Памятник капитан-лейтенанту
А. И. Казарскому, командиру
брига «Меркурий»

Севастополь. Беседка в мавританском стиле
на Малом (совр. Матросском) бульваре

Здание буфета
на Приморском
бульваре

Екатерининская
(совр. Ленина)
улица.
Храм архистратига
Михаила и Музей
Севастопольской
обороны

Екатерининская
(совр. Ленина)
улица. Боковое
крыло Музея
Севастопольской
обороны и Минная
(Адмиралтейская)
башня

Здание
гостиницы «Кист»
на площади Нахимова
в Севастополе

Крестный ход.
Вид
на Графскую пристань
со стороны
Севастопольской бухты

Свято-Никольский храм
на Братском кладбище

Братское кладбище. Памятник
на могиле генерал-адъютанта,
генерала от кавалерии
Н. А. Реада

Надгробные памятники
на Братском кладбище

Братское кладбище.
На могиле контр-адмирала В.Е. Лазарева

Часовня св. Михаила Черниговского
на могиле кн. М.Д. Горчакова, захороненного
на Братском кладбище

Малахов курган. Ветеран возле креста
из вражеских ядер, установленного на месте
смертельного ранения адмирала В.А. Корнилова

Владимирский собор в Херсонесе

Оборонная башня Корниловского бастиона на Малаховом кургане

Вид на Севастопольскую бухту

Рыбаки в Севастопольской бухте

Балаклавская бухта.
Вид на набережную

Вид на ялтинскую
набережную
и Центральную
гостиницу

Панорама Ялты с моря

На крымской пристани

Байдарские ворота

Морская прогулка у берегов Ялты

Юная купальщица в Гурзуфе

Когда были построены первые базилики Херсонеса? (О некоторых возможностях историографического анализа)

Обращение к прошлому – своеобразная общечеловеческая рефлексия, когда нужно уточнить пути в настоящем и будущем. Для России Херсонес в этом смысле уникален. Здесь есть всё: седая античность, завораживающая Византия, волны жестоких варваров, разбивавшиеся о городские стены. И всё это сопровождалось сокровенной тайной приобщения к мировой истории, поисками своего пути в земной цивилиза-

ции. И это на относительно небольшом клочке земли в крайней части юго-запада Таврики, бывшем когда-то своеобразным (дорическо-ионийским) образцом греческого полиса, ставшего затем частью Империи римеев. Всё-таки, вероятно, Владимир Красно Солнышко неслучайно пришёл именно сюда, на бывший форпост античных греков в стране диких тавров, превратившийся в опорный пункт греков-византийцев.

Херсонес Таврический. Аэрофото. Общий вид (А.И. Романчук, 2008, рис. 5)

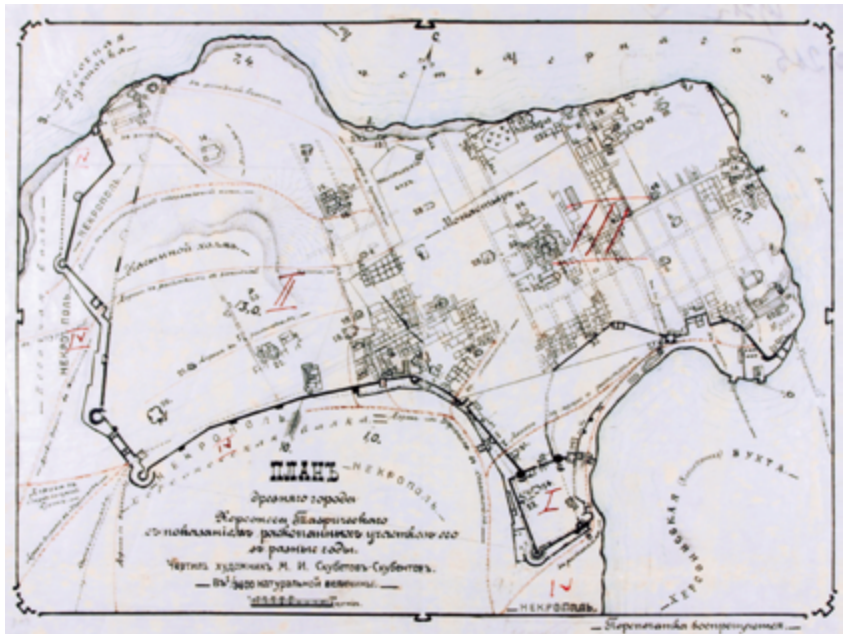
Несмотря на почти двухсотлетнюю историю исследований руин Херсонеса, многое из его древней и средневековой эпохи выглядит недостаточно ясным. Назовём хотя бы обстоятельства и время основания и становления греческого полиса, ставшего со временем довольно крупным государством, занявшим весь Западный Крым, от скал Фиолента до Перекопа. Крайне интересной выглядит и трансформация когда-то независимого «языческого» эллинского государства в составную часть христианской Восточно-Римской (Византийской) империи.

Свидетельства древних авторов и эпиграфики (надписи на мраморе и камне) кратки, неполны и отрывочны, и ждать новых значительных находок здесь не приходится. Археология, напротив, кажется безмерной: десятки тысяч артефактов, сотни могил некрополя (города мёртвых), открытых жилых, хозяйственных и культовых построек, величественные руины оборонительных стен. Но они молчаливы, и как заставить их говорить?

В то же время обращение к путям обретения Херсонесом новой реальности христианского мира в V–VII вв. выглядит крайне поучительным. В этом смысле одной из ключевых проблем истории позднеантичного Херсонеса, превращающегося тогда в Византийский Херсон, является выяснение времени, обстоятельств и хронологии возведения в городе и округе первых христианских храмов. Прежде всего, это базилики – типичные для византийской церковной архитектуры здания; обычно они трёхнефные, с внешними и внутренними нартексами, алтарными апсидами, обращёнными на восток или северо-восток.

Впервые они (как и весь город) возникли из исторического небытия усилиями российских военных топографов сразу после присоединения «полуденных земель» к Российской империи. Но первые раскопки, как известно, относятся только к 1827 г. По поручению главного командира Черноморского флота и портов вице-адмирала А.С. Грейга «известный своим просвещением чиновник, плантер (садовод, чин 12-го класса) Черноморского департамента Корпуса корабельных инженеров подпоручик Карл Крузе приступил к систематическому разрытию кургана на разва-

линах Херсонеса»¹. Он открыл руины трёх христианских храмов, один из которых, несмотря на существующие сомнения, в историю изучения вошёл именно под этим именем – Базилика Крузе. Археологические работы в Херсонесе продолжились только через два с половиной десятка лет (в 1828 г. началась война с Турцией, а в 1830 г. случился холерный бунт), когда молодой, энергичный и прекрасно образованный граф А.С. Уваров раскопал самый большой христианский храм в Херсонесе – базилику, называемую ныне Уваровской². Масштабные работы на древнем городище начинались, как известно, ещё дважды: осенью 1876 г. Одесским обществом истории и древностей (полковник Геммельман и кондуктор Прудентов)³ и летом 1888 г. Императорской археологической комиссией (К.К. Косцюшко-Валюжинич)⁴. Стараниями последнего раскопано большинство христианских храмов Херсонеса.

План древнего города Херсонеса Таврического.
Чертёж М.И. Скубетова.
Архив Херсонесского музея-заповедника

¹ Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 511, 513.

² Романчук А.И. Очерки истории и археологии Византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С. 13.

³ Золотарёв М.И., Ушаков С.В. Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса // Херсонесский сборник. 1997. Вып. VIII. С. 30–32. Рис. 38.

⁴ Романчук А.И. Указ. соч. С. 16–21.

Впрочем, некоторые из них были открыты в советское время – Базилика 1932 г., Базилика 1935 г. (Г.Д. Белов), Базилика 1989 г. (И.Т. Кругликова и А.В. Сазанов). Дополнительное исследование многих храмов продолжалось и позже¹.

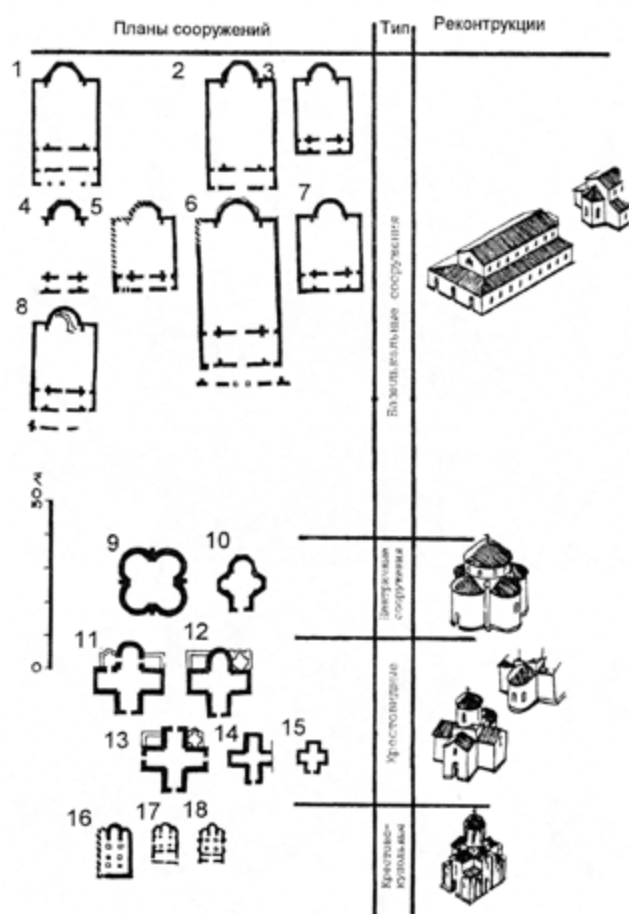
Херсонесское городище с обозначением номеров кварталов и христианских храмов (А.И. Романчук, 2000, рис. 17)

Так, изучением Западной базилики занимался А.С. Беляев, «базилика в базилике» – С.Г. Рыжов, четырёхапсидного храма – О.И. Домбровский и В.А. Кутайсов, пятиапсидного храма – А. Бернацки и Е.Ю. Клена, комплекса Базилики 1935 г. – Международная экспедиция Черноморского проекта (BSP). В 1998 г. проведены раскопки на участке Базилики Крузе совместной украинско-австрийской экспедицией², а в 2005 г. они продолжились уже без иностранных партнёров.

Собственно говоря, кроме раскопок исследования первых базилик Херсонеса нашли отражение прежде всего в ряде обобщающих работ. Тем более что базилики из Херсонеса всегда выделялись среди прочих храмов Крымского полуострова.

¹ Далее подр. см.: Романчук А.И. Указ. соч. Приложение 2. Список храмов Херсона. С. 222 и сл.

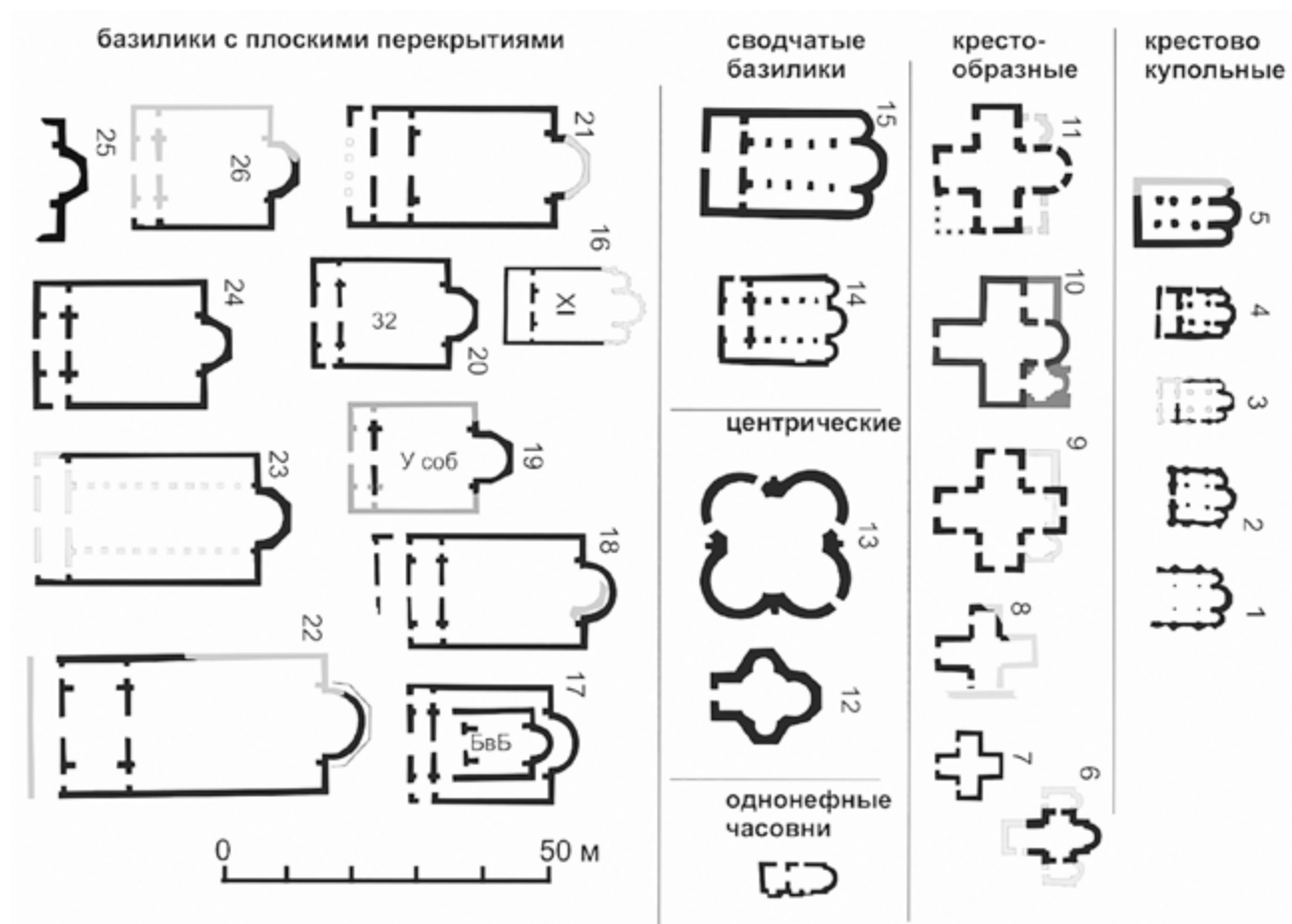
² Золотарёв М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Пиленгер Р., Пюльц А. Раскопки т.н. «Базилики Крузе» в Херсонесе (Украинско-австрийский проект) // Херсонесский сборник 2003. Вып. XII. С. 229–247.

Типы культовых построек Херсонеса: 1 – Восточная № 36; 2 – Западная (№ 13); 3 – Базилика 1932 г.; 4 – Базилика на центральной площади (№ 28); 5 – Северная базилика (№ 22); 6 – Уваровская базилика (№ 23); 7 – Базилика в базилике (№ 15); 8 – Базилика 1935 г.; 9 – Четырёхапсидный храм (№ 47); 10 – Крещальня у базилики № 23; 11 – Храм № 19; 12 – Храм в центре города (№27); 13 – Загородный (южный) храм; 14 – Пристройка к базилике № 22 (северная); 15 – Пристройка к базилике № 14; 16 – Шестистолпный храм (№34); 17 – Храм № 9; 18 – Храм № 21

(по Лосицкому Ю.Г.)

Типы культовых построек Херсона (А.И. Романчук, 2000, рис. 18)

Планы храмов Византийского Крыма (Ю.Г. Лосицкий, 2015, рис. 1).

- 1 – Храм Иоанна Предтечи в Керчи,
- 2 – Церковь в с. Лаки, 3 – Храм № 21*,
- 4 – Храм № 9*, 5 – Шестистолпный храм*,
- 6 – Храм на некрополе Мангупа, 7 – Пристройка к Западной базилике*, 8 – Пристройка к Восточной базилике*, 9 – Загородный храм*,
- 10 – Храм под собором*, 11 – Храм с ковчегом*,
- 12 – Крещальня возле Уваровской базилики*,
- 13 – Четырёхапсидный храм*,
- 14 – Базилика в Партените,

- 15 – Базилика на холме Тепень,
 - 16 – Базилика на Эски-Кермене,
 - 17 – «Базилика в базилике»*,
 - 18 – Базилика 1935 г.*,
 - 19 – Базилика возле собора*,
 - 20 – Базилика 1932 г.*,
 - 21 – Восточная базилика*,
 - 22 – Уваровская базилика*,
 - 23 – Западная базилика*, 24 – Мангупская базилика, 25 – Базилика на холме*,
 - 26 – Северная базилика*
- (обозначенные * находятся в Херсонесе)

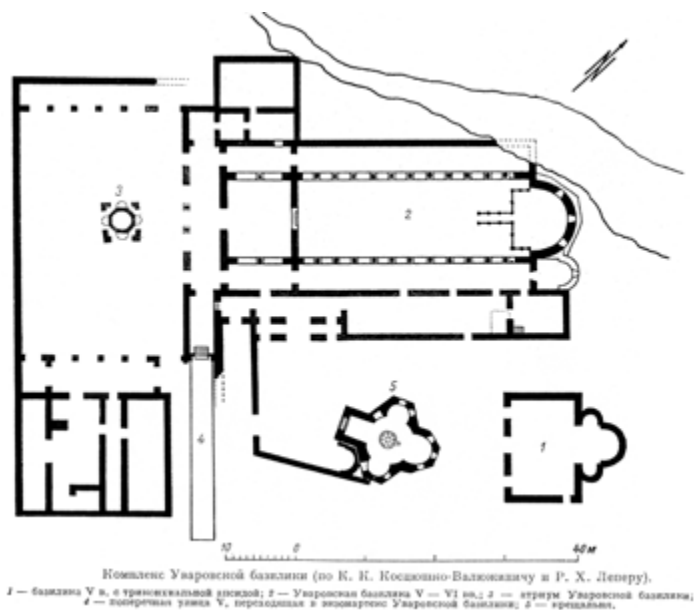
Рассмотрим далее именно их – анализ всей научной литературы о храмах (базиликах) Херсонеса слишком бы затянулся, и это совсем иная, уже крайне специальная задача... Здесь достаточно упомянуть и рассмотреть лишь основные работы по этой теме. Начнём с первой. Так, в 1905 г. в серии «Памятни-

ки христианского Херсонеса» (Вып. 1) появилась книга Д.В. Айналова «Развалины храмов»¹ с планами и краткими описаниями, где были представлены

¹ Айналов Д.В. Развалины храмов (памятники христианского Херсонеса). М., 1905. Вып. 1.

двадцать христианских памятников¹, в том числе и базилики (рис. 2).

Первая из них – базилика, раскопанная графом А. С. Уваровым (№ 23).

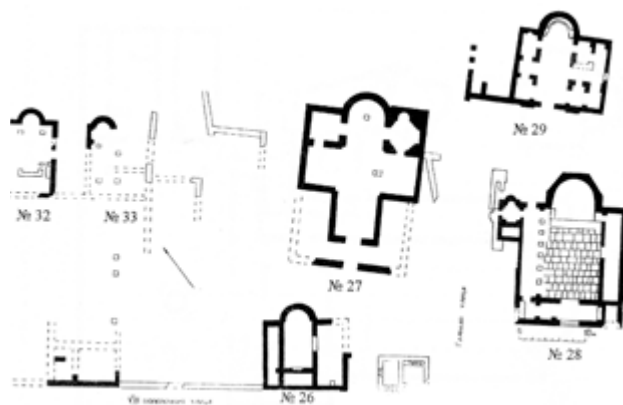
Комплекс Уваровской базилики (Якобсон, 1959, рис. 58)

Комплекс Уваровской базилики.
Фото И. Ю. Сухановой

Кроме подробного описания (по А. С. Уварову – в «Архитектурном Вестнике». 1859. № 3) с иллюстрациями там приводится вмонтированная лицевой стороной древнегреческая трёхстрочная надпись с упоминанием гражданина, бывшего агораномом, пожертвовавшего три тысячи денариев на храм Афродиты. Эта надпись подтверждает, как считает автор раскопок, «привязанность херсонитов к идолопоклонству», когда в первые 20 лет они убили «четырёх своих епископов: свв. Василия, Евгения, Елпидия и Агафодора»². Д. В. Айналов согласен, вероятно, с А. С. Уваровым, когда цитирует его: «Что касается до времени основания сего храма, то, судя по данной ему форме базилики, постройку его должно отнести к царствованию Константина Великого»³, который, как помним, правил в 306–337 гг. К югу в непосредственной близости от базилики ещё в 1876 г. Одесским обществом истории и древностей была открыта крещальня крестообразной формы, при раскопках которой найдены многочисленные кубики настенной смальты и фрагменты фресок.

Далее описывается так называемая «малая базилика на северном берегу» у монастырского кладбища с пятигранной апсидой снаружи, напоминающая по своим особенностям устройства Уваровскую базилику⁴ (№ 34). О хронологии храма в тексте не сказано ни слова. Чуть западнее её обнаружена в 1893 г. ещё одна, более крупная базилика с тремя нефами и пятигранной апсидой⁵ (№ 22).

Церковные постройки на Агоре Херсонеса (А. И. Романчук, 2000, рис. 20)

² Айналов Д. В. Указ. соч. С. 6.

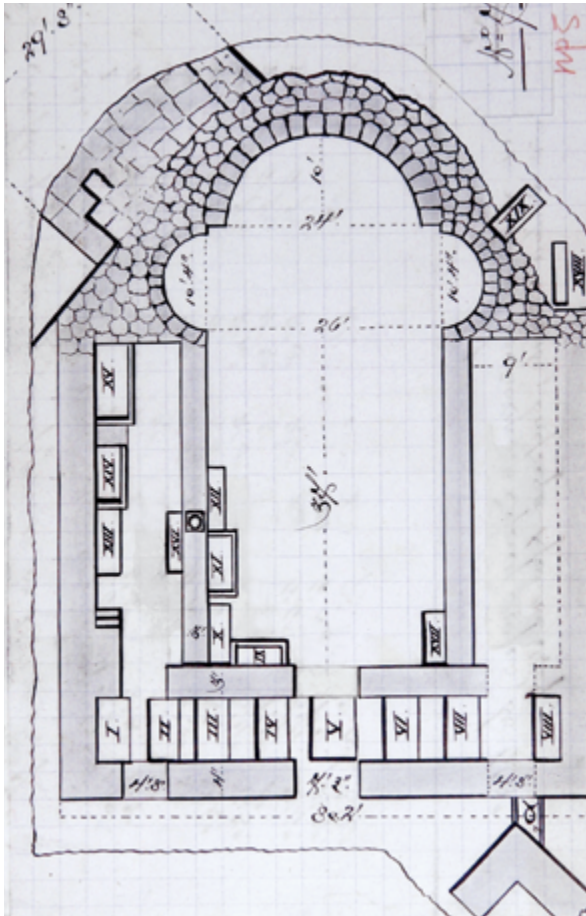
³ Там же.

⁴ Там же. С. 25.

⁵ Там же. С. 27–29.

¹ Каждая из них получила свой индивидуальный номер – «по перечню Императорской комиссии».

Руины ещё двух базилик сохранились в районе центральной площади (№ 28, 29). У одной из них – пятигранная апсида, в алтарной части которой найдены кубики разноцветной стеклянной смальты, вторая была с главной и второй небольшой боковой апсидами с четырьмя опорными столбами в середине храма¹. О датировках храмов в тексте по-прежнему нет ни слова.

План раскопок Базилики Крузе
К.К. Косцюшко-Валюжинича.
Архив Херсонесского музея-заповедника

На западе от Владимирского собора обнаружена ещё одна трёхнефная базилика (№ 26 на плане). Далее кратко упоминаются и другие храмы. Среди них выделяется базилика в юго-восточной части городи-

¹ Айналов Д.В. Указ. соч. С. 61–63. Сохранилась только апсида.

ща (№ 7). При этом автор ссылается на А.Л. Бертье-Делагарда, который сообщает о ней как о распанной Крузе по поручению адмирала А.С. Грейга². На предыдущих страницах книги помещён план храма, взятый из отчёта К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках этого же храма³, с трёхапсидным алтарём, тремя колоннами, отделявшими боковые нефы от главного. Там обнаружено 17 гробниц, располагавшихся в притворе, северном боковом и центральном нефах.

При этом утверждается: «Основания базилики оказались расположенными на месте какого-то более древнего сооружения, которое они пересекают»⁴. При этом никакой даты строительства храма в тексте снова не приводится.

Далее следует юго-западная базилика⁵ (комплекс «древней и новой» базилик, получивший впоследствии наименование «базилика в базилике»), распанная К.К. Косцюшко-Валюжиничем и описанная А.Л. Бертье-Делагардом.

Для постройки древней базилики были использованы большие кубические камни на извести⁶. Даётся подробное описание и фото базилики, далее следует описание так называемой малой базилики⁷, но, что интересно, никаких датировок снова не приводится!

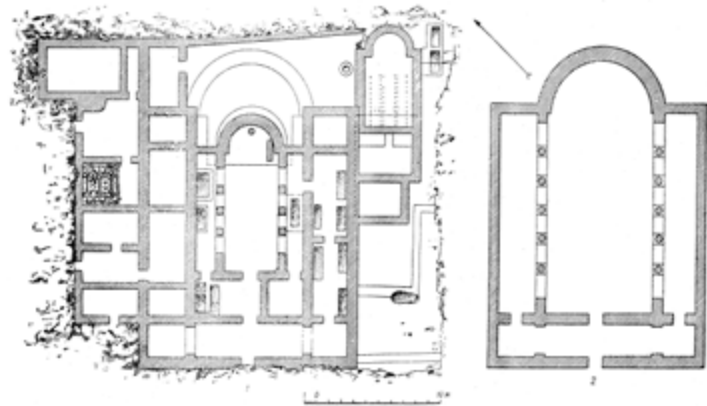

Рис. 82. Базилика № 15 (базиллика в базилике).
1 – план базилики; 2 – реконструкция (по А. Л. Бертье-Делагарду).

Базилика № 15 (Базилика в базилике)
(Якобсон, 1959, рис. 82)

² Айналов Д.В. Указ. соч. С. 67–69.

³ Там же. С. 69. Рис. 51.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Там же. С. 81.

⁶ Там же. С. 85.

⁷ Там же. С. 92.

Ещё один храм – Базилика на холме – находится вблизи западной городской стены¹ (план № 14). Это раскопки 1890 г. Из важных находок упоминаются «латинские надписи» и мозаики, а также капители, описанные А.Л. Бертье-Делагардом как равненские, «но так как они, очевидно, принесены в эту базилику из других зданий, то и не могут служить для определения времени сооружения базилики»².

Можно заключить, что первые исследователи херсонесских древностей не очень-то сильно интересовались проблемой точного установления времени возведения первых храмов, а вернее, нужно сказать, что это был период становления археологии как науки и такими вопросами первые раскопщики Херсонеса в принципе не занимались, да и определённой методики раскопок тогда не существовало.

К рассмотрению храмового строительства в городе как комплексной проблеме исследователи вернулись через полсотни с лишним лет. К этому времени Г.Д. Беловым были открыты ещё два крупных памятника – так называемые «базилика 1932 г.» и «базилика 1935 г.». Все материалы обобщил крупнейший советский археолог-византист А.Л. Якобсон в книге «Раннесредневековый Херсонес» (1959), где херсонесским базиликам посвящена отдельная глава. Таких базилик автор насчитал десять: Уваровская (№ 23), малая, Западная (№ 12), Восточная (№ 36), Северная (№ 22), «базилика в базилике» (№ 15), Базилика у нового монастырского собора (№ 28), Базилика 1932 г., Базилика 1935 г., Базилика Крузе (№ 7). Интересно, какие приводятся данные и аргументы, чтобы определить время строительства каждой из них? Рассмотрим их повнимательней.

Комплекс Уваровской базилики. Хронологические данные (по А.Л. Якобсону), позволяющие судить о времени сооружения храма, приводятся только косвенные: мозаичный пол южного нефа, находки ионической капители V в. с импостом, а также византийской коринфской капители начала VI в., фрагменты предалтарных плит и столбиков ограды (VI–VII вв.)³. Кроме того, по мнению А.Л. Якобсона, большое значение имеют «топографические указания» – упоминания в Житиях епископов херсонесских, которые сложились, как считал В.В. Латышев, в VII в., о постро-

ении св. епископом Капитоном храма апостола Петра с крещальней и о военном отряде в 500 человек во главе с военачальником Феонией. Этот район, называвшийся участком Феоны, локализуется именно в районе Уваровской базилики⁴. По поводу времени строительства этого храмового комплекса А.Л. Якобсон приводит также мнение А.Л. Бертье-Делагарда, относившего событие к середине X в. по находкам в алтаре монет Романа I (919–944) и указанию К.К. Косцюшко-Валюжинича на то, что западная стена внутреннего нартекса оказалась перекрытой колодцем с 112 монетами, самая поздняя из которых относилась ко времени правления Маврикия (582–602)⁵. Вот эти данные выглядят уже основательными! Как же объяснить более ранние капители и отличия в кладке основного здания базилики и нартекса? Автор обобщающего труда считал, что это могло быть только в том случае, если первоначальная базилика была построена не позднее второй половины V в., а заново перестроена в период V – начала VII в. (время сооружения нартекса), а точнее, в VI в., когда дотоле гранная апсида стала круглой, чему соответствуют и византийско-коринфские капители⁶.

Западная базилика. У неё – пятигранная апсида, пол, вымощенный мрамором (центральный неф) или мозаикой (в боковых нефах), с пристроенной галереей с купелью (№ 13). К этой крещальне был пристроен и несохранившийся крестообразный мавзолей, типичный для IV–V вв.⁷

Гранность апсиды, прямоугольный характер апсиды южной галереи, мозаичные полы, капитель с листьями лотоса от алтарной преграды указывают, по мнению А.Л. Якобсона, на конец V – начало VI в. как время сооружения базилики. Кроме того, она располагалась прямо крепостной стеной, построенной во время правления императора Зинона – в конце V в., то есть, можно предполагать, одновременно с храмом. К этому времени, вероятно, относится и небольшая расположенная к северу часовня, составляющая вместе единый комплекс зданий⁸.

⁴ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 159, 160, со ссылкой на В.В. Латышева.

⁵ Там же. С. 160.

⁶ Там же. Правда, остаётся неясным, как в эту концепцию вписывается последняя монетная находка из колодца, о которой упоминалось выше.

⁷ Как и мавзолей Галлы Платидии в Равенне, другие подобные сооружения в Малой Азии и Сирии, как указывает автор.

⁸ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 164, 165.

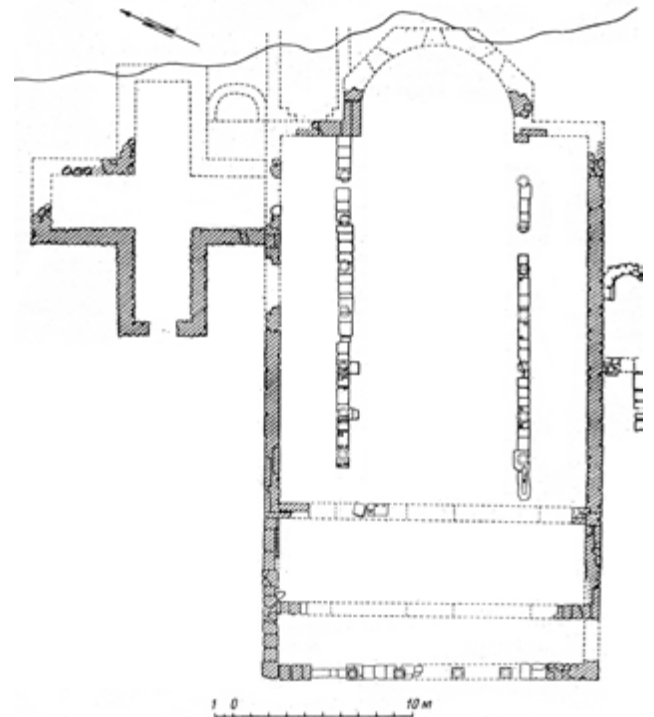
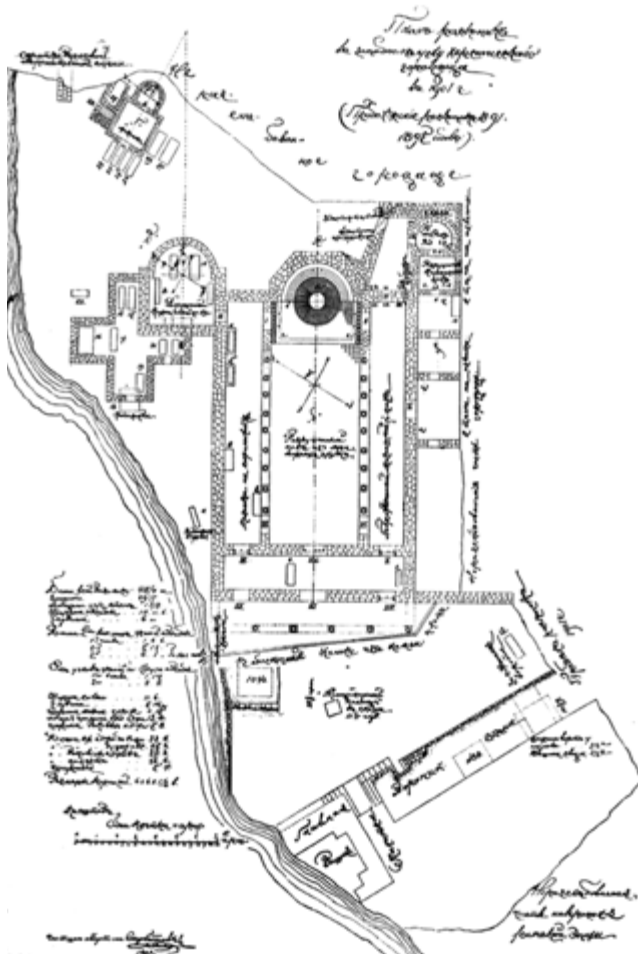
¹ Айналов Д.В. Указ. соч. С. 92.

² Там же. С. 95.

³ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // Материалы и исследования по археологии. 1959. № 63. С. 157, 158.

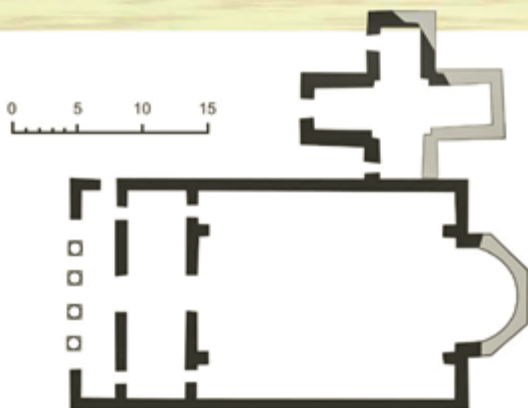
Комплекс построек Западной базилики
(Д.В. Айналов, 1905, рис. 27)

Реконструкция Западной базилики
(Ю.Г. Лосицкий, 2015, рис. 8)

Восточная базилика (Якобсон, 1959, рис. 72)

Бросается в глаза близкое конструктивное и в технике кладки сходство Восточной базилики с Западной и Уваровской базиликами, которое автор считает хронологическим показателем V в., а её расположение –

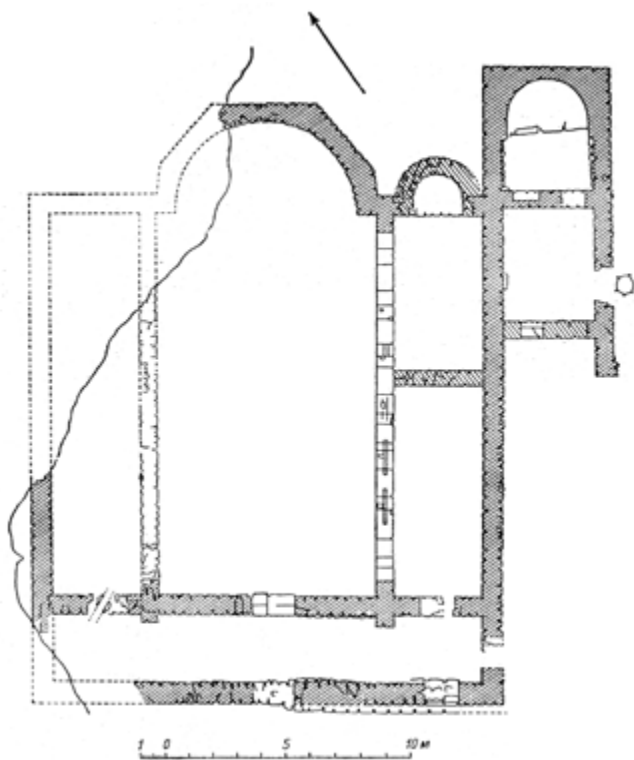

¹ Золотарёв М.И., Буйских А.В. Теменос античного Херсонеса. Опыт архитектурной реконструкции // Вестник древней истории. 1994. № 4. С. 78–101.

² Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 165, 166. Рис. 73.

в конце главной уличной магистрали – позволяет говорить о ней как об одном из самых важных христианских храмов Херсонеса¹.

Северная базилика. (№ 22) Она отличается от прочих базилик укороченностью пропорций².

Северная базилика (Якобсон, 1959, рис. 75)

Базилика была сложена чередованием плинфы и камня (это так называемая техника *opus mixtum*), стены конхи апсиды были покрыты смальтой³. Конкретно о её хронологии автор не говорит ничего.

«Базилика в базилике». Кладка стен первоначального храма напоминает только что описанные. У неё была полукруглая апсида и хоры на втором этаже (что определяется по разным диаметрам найденных колонн), пол всех помещений был вымощен мозаикой, которая характерна для VI в⁴.

Базилика в базилике. Современный вид (А.И. Романчук, 2008, рис. 18)

Там же найдены характерные мраморные капители – византийско-коринфские и с бараньими головами и листьями зубчатого аканфа VI в⁵.

Базилика 1932 г., расположенная на северном берегу Херсонеса, имеет аналогичную композицию и гранную апсиду. Она была построена на насыпи первых веков н.э. из хорошо отёсанных блоков с прокладкой кирпича в вертикальных швах⁶. На основе стратиграфических данных, композиции, мозаичных полов, византийско-коринфских капителей автор, вслед за Г.Д. Беловым, открывшим базилику, относит её к VI в⁷.

Базилика 1935 г. Она оказалась тождественна всем раскопанным храмам, во-первых, по композиции (с полукруглой апсидой, двумя нартексами – второй открыт в 1957 г.), во-вторых, по системе кладки из тёсаных квадров с заполнением внутренних промежутков щебнем на известковом растворе, на глубоком, до 2 м, фундаменте с деревянными сваями, в-третьих, по найденным капителям (византийско-коринфским). Таким образом, базилика должна относиться, как считает автор, к VI в⁸. Там же найдены капители середины V в. (так называемые феодосиан-

¹ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 168.

² Там же. С. 168, 169. Рис. 75.

³ Там же. С. 172.

⁴ Там же. Рис. 82.

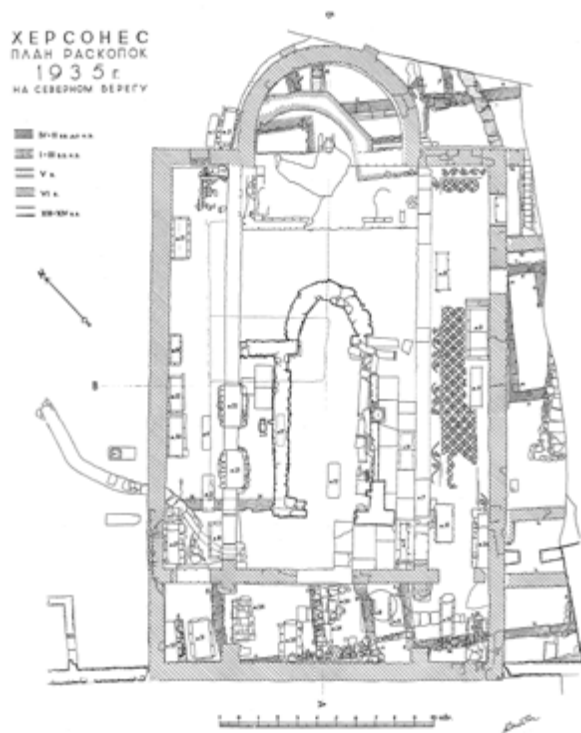
⁵ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 175.

⁶ Там же. Рис. 84, 85.

⁷ Там же. С. 176, 177.

⁸ Там же. С. 177, 178. Рис. 86, 88.

ские)¹. Обнаруженная внутри полукруглой гранная апсида является не чем иным, как остатком первоначальной базилики, которая была построена во второй половине V в.²

Комплекс Базилики 1935 г. (Г. Д. Белов) (Золотарёв, Коробков, Ушаков, Макленнан, Оверман, Оливье, Эдвардс, Линстром, Оленина, 2013, рис. 7)

Далее А. Л. Якобсон ссылается на исследования С. Ф. Стржелецким в 1949–1950 гг. этого же храма, в результате которых была прослежена детальная стратиграфия слоёв ниже мозаичного пола южного нефа и предложена новая хронология комплекса из пяти периодов. Укажу их все: 1) IV – начало V в.: построена так называемая первоначальная базилика с гранной апсидой и мозаичным полом; 2) V – начало VI в.: происходит полная перестройка здания, когда у базилики появляется круглая апсида, а в храме стоят феодосианские капители; 3) VII – VIII в.: новая

¹ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 180. Рис. 85.

² Там же. С. 180.

перестройка, когда стены украшаются фресками; 4) IX в.: снова капитальная перестройка, появляется известковая заливка пола с цемянкой; 5) X в.: полное восстановление храма, и он приобретает новый вид. Впрочем, с такой хронологией базилики ленинградский византинист не согласился. Так, он считал, что в IV – начале V в. в Херсонесе не было условий для строительства храма и дата его сооружения, таким образом, становится исключительно умозрительной, а первоначальная базилика была построена, несомненно, в конце V в. (о чём свидетельствуют её планировка, мозаичный пол и феодосианские капители); третий строительный период также ничем не определяется (так, например, отсутствуют перестройки стен)³.

Очень важные сведения для определения хронологии памятника может дать изучение особенностей фресковой росписи.

Реконструкция интерьера Базилики 1935 г.
Фото автора

По мнению А. Л. Якобсона, эти фрески очень напоминают живопись инкрустационного стиля, как в позднеармянских и раннесредневековых склепах Боспора и Херсона. Вполне возможно, что они (прямоугольники с вписанными в них ромбами, пилястры, членившие эти прямоугольники, меандровый пояс) входили в композицию первоначальной базили-

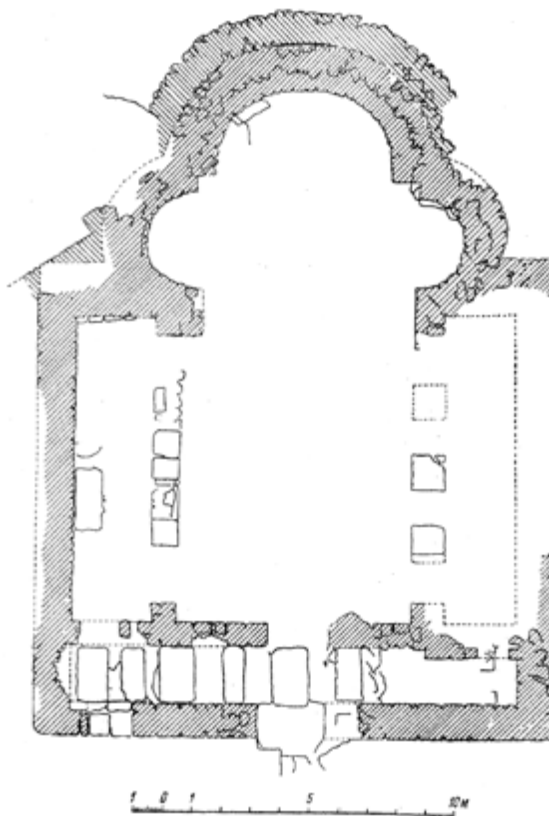
³ Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 180.

ки V в.; менее вероятно изображение античных гирлянд в росписи храма VI в.; вряд ли можно отнести их к эпохе иконоборчества; а находки в слое с фресками не выходят за пределы V в. – наиболее поздняя монета принадлежит императору Льву (457–474), но «она не выходит за рамки общего типа базилик Херсона V–VI вв.»¹, что и следует из общего описания всех представленных базилик. Итоговый вывод А.Л. Якобсона: «Хронологически вся эта группа памятников относится к концу V в., но главным образом к VI в., может быть, к началу VII в.». Перестройки храмов, по его заключению, относятся к IX–X вв.: «X век кладёт предел существованию херсонских раннесредневековых базилик». Важно и общее значение исследования базилик Херсона для изучения культуры этого времени и политической истории («насаждения» христианства, по выражению автора), общественных зданий и понимания подобных памятников в Таврике².

Далее автор приводит многочисленные примеры храмов Греции, Италии, и особенно Малой Азии. С его точки зрения, в Херсоне работали местные артели: в Италии для строительства таких зданий использовался кирпич, в Малой Азии – камень, а в Херсоне наблюдается та и другая техника, что является наследием римской эпохи. В такой же технике было построено и «здание Г»³. «Такое сочетание малоазийских архитектурных форм со строительной техникой, ставшей типичной для византийской столицы, как и со столичным декоративным оформлением, придаёт херсонесским базиликам своеобразный облик»⁴. Таким образом, именно местные артели каменщиков и осуществили огромное каменное строительство VI – начала VII в.⁵

Более подробно описывается *Базилика Крузе*. Так, по поводу датировки этого храма автор пишет: «Дату может указать лишь кладка, очень близкая по своей системе кладке Северной, Западной и других базилик, и сама композиция здания»⁶. С точки зрения А.Л. Якобсона, композиция базилики близка архитектуре Ближнего Востока V в., о чём могут говорить многочисленные примеры со ссылками на аналогичные сооружения. Вывод автора следующий: «совершенно

подобная композиция образовалась в результате перестройки в юстиниановское время базилики Рождества в Вифлееме»⁷.

План Базилики Крузе (А.Л. Якобсон, 1959)

ключевые умозаключения ленинградского учёного заключаются в том, что аналогичные сирийские памятники построены в основном в первой половине V в., и отодвинуть дату в VI в. невозможно, а отнести её строительство нужно, таким образом, ко второй половине V в. Такую композицию имели чаще всего мартирии⁸.

Как можно видеть, оснований для датировок строительства первых базилик Херсонеса действительно крайне мало, но особенности их архитектуры и рассмотрение итогов раскопок как будто позволяют говорить о начале сооружения базилик в V в., а массовое строительство храмов должно относиться к VI в., точнее, к его второй половине или началу следующего столетия.

¹ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 182.

² Там же. С. 182, 183.

³ Там же. С. 183–186.

⁴ Там же. С. 187.

⁵ Там же. С. 188.

⁶ Там же.

⁷ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 190.

⁸ Там же.

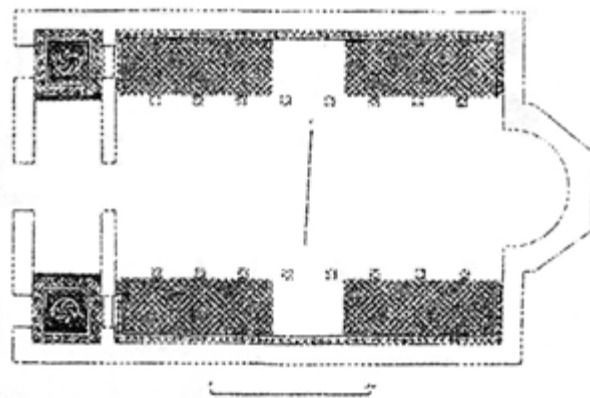
К системному анализу храмового строительства исследователи вернулись снова только через полвека. Например, С.Б. Сорочан в своём фундаментальном издании «Византийский Херсон» (2005, 2013) рассматривает практически все сохранившиеся храмы, а главное – 12 из 16 известных базиликальных храмов Херсона (Уваровская, Восточная, Северная базилики, базиликальный храм «А», открытый в 1904 г., Базилика Крузе, базилика № 28 на агоре, приморские базилики 1932 г. и 1935 г., «базилика в базилике» № 15, базилика № 17 в юго-западном квартале L, базилика № 14 «на холме»; Западная базилика № 13). Они являются основными доминантами каркаса застройки средневекового Херсона и были сооружены, скорее всего, по его заключению, в позднеюстиниановский период и позже, до второй – третьей четверти VII в.¹ При этом «четыренадцать из них (крестовидные храмы № 19, 27 и 12 базилик) можно отнести к числу кафоликонов города – главных приходских и монастырских соборных церквей, в которых богослужение происходило каждодневно»². Автор даёт и общее описание литургических особенностей храмов³.

Описание и характеристика отдельных храмов заслуживают определённого внимания. Во-первых, это так называемый храм «А» с триконхальной апсидой (рис. 6, 1) у Уваровской базилики, случайно открытый в 1904 г. Военным ведомством. В сноске 143 говорится, что ещё К.К. Косцюшко-Валюжинич первым заметил, что новооткрытый храм был «совершенно одинаковой архитектуры с юго-восточным», то есть Базиликой Крузе, хотя последняя имела гораздо более вытянутые пропорции (24 x 17,5 м)⁴.

Во-вторых, это Базилика Крузе (№ 7). Время строительства храма определяется, по мнению харьковского профессора, по косвенным данным. Так, нартекс с могилами «служил местом для гробниц “привилегированных верующих”, желавших быть погребёнными *ad sanctos* (уже одно это обстоятельство должно указывать на наличие св. мощей, которые стало принято устраи-

вать к VII в. непосредственно под престолом храма)»⁵. Далее идёт подробное описание храма. Автор перечисляет находки монет и другого материала, в том числе и обнаруженные в 1998 г. при расчистке кладок. Это единичные фрагменты амфор, поздней краснолаковой посуды со следами известкового раствора. Материалы датируются V–VII вв., и нет оснований считать храм «одной из самых ранних христианских церквей, построенных в Херсонесе», строительство которой вполне могло произойти во второй половине VI – начале VII в.⁶ Важно ещё одно умозаключение автора о том, что имеющиеся конструктивные особенности могли появиться не ранее последней трети VI в., когда стала распространяться практика литургической службы двойного выхода – Большого и Малого. Приведу и выводы харьковского профессора, считающего, что «нет достаточных оснований утверждать раннюю дату сооружения этой базилики, которая вполне может укладываться в ряд больших строек “архитектурного бума” второй половины VI – начала VII в.»⁷.

В-третьих, это так называемая Базилика на холме (№ 14), открытая К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1890 г. на территории квартала XLVI; здесь обнаружены остатки двух храмов: А – ранняя базилика, Б – поздняя. До постройки первого из них здесь стояла позднеантичная жилая усадьба с гончарной мастерской, засыпанной, судя по найденным фрагментам амфор и краснолаковой посуды, по заключению С.Б. Сорочана, не ранее середины – второй половины VI в.

Базилика на холме (А.И. Романчук, 2008, рис. 23, 4)

¹ Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. II. Харьков – Москва, 2013. С. 48.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 49–51.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). С. 54.

⁶ Там же. С. 56.

⁷ Там же. С. 58.

Ещё одно важное наблюдение: в 20 м к югу от базилики в ходе раскопок С.А. Беляева был обнаружен колодец, в котором оказались обломки краснолаковых блюд с крестами и около 100 бронзовых монет, самые поздние из которых были выпущены в правление Юстиниана I (527–565). И наконец, вывод: произошло это, вероятно, в последней трети VI в., может быть, даже в начале VII в., а не на два столетия раньше, как полагает С.А. Беляев¹. Кроме того, «многочисленные фрагменты мозаики [...] имеют значительное сходство по стилю с мозаикой центральной части южного нефа Уваровской базилики, выложенной не ранее конца VI – VII вв.»².

Далее следует *Базилика 1935 г.* на северном берегу. По поводу её хронологии имеется несколько важных наблюдений. Так, рядом с ней и соседней Базиликой 1932 г. было открыто шесть больших ям для известкового раствора и одна известково-обжигательная печь, засыпанные обломками амфор, светильниками VI в., монетами IV–V вв. и эпохи Юстиниана I. Кроме того, «в цистерне “Ж” (№ 74), сnivelированной одновременно со строительством нового храма, оказались также монеты Маврикия Тиберия (582–602) и Константа II (641–668). А фрагменты амфор этого же времени и монеты Маврикия оказались в слое, в который был глубоко впущен фундамент новой базилики»³. Кроме того, можно заметить сходство рисунков напольной мозаики в постройках примерно того же времени – пересекающиеся круги, обрамлённые бордюром с венком из лозы с листьями в южном нефе Базилики 1935 г., в южном нефе Западной базилики (№ 13), в Базилике 1932 г., Базилике на холме (№ 14), в нартексе «базилики в базилике» (№ 15). Далее, при раскопках Базилики 1935 г. открыто крестовидное отверстие для вложения мощей в центре апсиды, под престолом, как напоминает С.Б. Сорочан, в связи с утвердившейся к VII в. идеей о связи св. мощей и св. трапезы, Евхаристии⁴. Таким образом, с точки зрения учёного имеются хоть и в основном косвенные, но важные данные о датировке храма в пределах VI–VII вв.

Данные о датировке *Базилики 1932 г.* также в основном косвенные. Во-первых, это некоторые её архитектурные особенности: апсида пятигранной формы,

византийско-коринфская капитель с мягким аканфом и капитель кубовой формы VI–VII вв.⁵ Во-вторых, это археологические и нумизматические материалы из слоя засыпи (фрагменты амфор и монеты Анастасия и Юстиниана I), известковой ямы (нижняя часть стеклянной лампы VI–VII вв., монета Юстиниана I и фрагменты характерной «поливной» миски светло-коричневого цвета) и засыпи подвала «Б» (маленькие, грубые светильники с ручкой-стожком из засыпанной в ходе нивелировки площади под строительство храма) и цистерны «Л». Кроме того, известковые ямы и известеобжигательная печь, сnivelированные в квартале XXV после возведения храма, были впущены в слой, содержащий более ранние строительные остатки и фрагменты керамики. Среди них самой поздней оказалась монета Константа II (641–668)⁶, что, естественно, является *terminus post quem* времени его строительства, как и, возможно, *Северной базилики* (№ 22)⁷.

В сооружении её выделяется два строительных периода. Первый из них связан с техникой *opus mixtum*, что, по мнению С.Б. Сорочана, является одним из самых поздних случаев применения такой техники кладки в постюстиниановском Херсоне⁸.

Интересны данные о хронологии «базилики в базилике» (№ 15). Заключение о том, что базилика построена не ранее времени правления императора Юстиниана I, базируется на следующих основаниях. Это находки двух монет императора под мозаичным полом северного нефа и имя епископа Феодора на мраморном косяке двери, который, возможно, и был одним из организаторов местного «архитектурного бума» второй половины VI – начала VII в. Кроме того, это мозаичная надпись при входе, которая, как и мозаичный пол загородного храма Богородицы Влахернской, относится к тому же времени. Наконец, это небольшая купель возле восточной стены где, вероятно, крестили младенцев либо ограничивались омовением лба крещальной водой, что стало принятым с VI в.⁹

Таким образом, анализ имеющегося материала привёл харьковского профессора к выводу, что массовое церковное строительство в Херсоне было

¹ Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). С. 59.

² Там же. С. 61.

³ Там же. С. 62.

⁴ Там же.

⁵ Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). С. 64.

⁶ Там же. С. 65, 66.

⁷ Там же. С. 66.

⁸ Там же. С. 67.

⁹ Там же. С. 69–72.

развёрнуто в эпоху так называемого «архитектурного бума» второй половины VI – начала VII в.

Историографические итоги изучения церковных древностей XIX–XX вв., опираясь в том числе и на собственные исследования, подвела археолог, профессор из Екатеринбургского университета А.И. Романчук¹. Кроме общих итогов, она отметила и некоторые важные частные положения.

Так, по поводу хронологии Уваровской базилики автором выделены три основные точки зрения. Первая из них выражена в работах К.К. Косцюшко-Валюжинича и А.Л. Бертье-Делагарда – базилика построена не ранее VII в., что связано с находками монет в колодце, засыпанном перед её строительством. Вторая точка зрения принадлежит А.Л. Якобсону – базилика построена не позднее V в., была перестроена в период между второй половиной V и началом VII в., скорее всего, к VI в.; в общих чертах её придерживается и австрийский исследователь А. Пюльц. Наконец, достаточно странно выглядит идея С.А. Беляева о строительстве храма в IV в. потому, что он должен был быть построен до времени пребывания здесь епископа Капитона².

Хронология ещё одного комплекса – «базилики в базилике» может быть уточнена: в результате исследований С.Г. Рыжова в субструкции мозаичного пола (ранний храм) встречены монеты Юстиниана I³.

В несколько более ранней своей работе А.И. Романчук рассмотрела и общие принципы датировок ранних христианских храмов Херсона, в том числе и историографического плана⁴. Что же касается времени строительства базилики № 23 (Уваровской), то исследовательница напомнила информацию из Отчёта К.К. Косцюшко-Валюжинича, что стена храма перекрыла колодец, в засыпи которого были найдены монеты, самые поздние из которых относились

ко времени 582–602 гг.⁵ Сведения о базиликальных комплексах отражены также в специальном текстовом приложении (№ 2) к этой публикации⁶, а также в крайне сжатом виде в таблице «Список ранне-средневековых храмов Херсона»⁷.

Христианским памятникам Херсонеса, в том числе и их хронологии, посвящён ряд работ симферопольской исследовательницы И.А. Завадской. Она считала, что при отсутствии письменных свидетельств выстроить такую хронологию только по архитектурно-строительным признакам (как это пытался сделать киевский архитектор Ю.Г. Лосицкий) невозможно, поэтому нужно использовать данные археологии⁸. Какие же из них? Так, косвенным свидетельством времени строительства Восточной базилики может служить засыпь колодца в квартале I (с керамикой и монетами императора Маврикия). Аналогичным образом (по засыпи колодца) датируется и Уваровская базилика⁹. Анализ нумизматических данных позволил утверждать, что она была построена в 70-е гг. VI в.¹⁰

Базилика 1935 г. может быть также, как считает И.А. Завадская, датирована по данным археологии и нумизматики (находки амфор, краснолаковой керамики и монет) из слоя № 3, известковых ям перед храмом, колодца «Б» у его южного плеча, цистерны «Ж» временем не ранее третьей четверти VI в. и не позже конца VI – начала VII в.¹¹ Археологические материалы получены и при исследовании расположенной поблизости Базилики 1932 г. Показательными являются цистерна для известки у северной стены храма, яма для известки в подвале «В» и засыпь под мозаичным полом: находки из них оказались аналогичными Базилике 1935 г.¹² Данные к хронологии «базилики в базилике» пополнились после дополнительного исследования памятника С.Г. Рыжовым. Монеты, фрагменты керамики и стекла

¹ Романчук А.И. Исследования Херсонеса – Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы: В 2 ч. Ч. 2. Византийский город. Екатеринбург, 2007. С. 31–44, 84–86, 305–454.

² Там же. С. 342–344. – Всё это повторено в электронном издании фактически этой же книги, которая является её своеобразным дополненным «клоном»; Она же. Исследования Херсонеса – Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: Монография: В 2 т. Т. 2: Византийский город. Тюмень, 2008. С. 279, 280).

³ Она же. Исследования Херсонеса – Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы: В 2 ч. Ч. 2. С. 346, 347; Она же. Исследования Херсонеса – Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: Монография: В 2 т. Т. 2: Византийский город. С. 282.

⁴ Она же. Очерки истории и археологии Византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С. 60–65.

⁵ Романчук А.И. Очерки истории и археологии Византийского Херсона. С. 64.

⁶ Там же. С. 222–243.

⁷ Она же. Исследования Херсонеса – Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы: В 2 ч. Ч. 2. Византийский город. С. 449–453.

⁸ Завадская И.А. Хронология памятников ранне-средневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археол. данным) // Материалы и исследования по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VII. 2000. С. 78.

⁹ Там же. С. 79.

¹⁰ Там же. С. 80.

¹¹ Там же. С. 80, 81.

¹² Там же. С. 81, 82.

из субструкции мозаики относятся ко второй половине VI в., не ранее времени правления Юстина II (565–578). Базилика на холме: археологический материал и монеты из заполнения печи под северным нефом и колодца к юго-востоку от храма относятся ко времени не раньше правления Юстиниана I. Примерно тогда же, судя по насыпи рыбозасолочного комплекса на участке у оборонительных стен, была построена Западная базилика, так же как и четырёхапсидный храм¹.

Таким образом, как можно заключить по полученным археологическим и нумизматическим материалам, строительство всех этих храмов осуществлялось в период от времени правления Юстиниана I (примерно с середины VI в.) до начала VII в. Выстроить же последовательность их сооружения крайне сложно, в том числе и потому, что некоторые архитектурные особенности храмов – пропорции, форма апсид, чередующиеся кладки плинфы и камня, возможно, не являются хронологически значимыми².

Базилика 1935 г.
Фото автора

Базилика Крузе
в ходе раскопок.
Вид с северо-запада.
Фото автора

¹ *Завадская И.А.* Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса. С. 82.

² *Завадская И.А.* О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // Материалы и исследования по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VIII. 2001. С. 261–267.

Подводя некоторые итоги, можно заключить, что есть несколько методов (путей) определения хронологии храмов: 1) по письменным источникам, 2) на основе анализа исторической (в том числе религиозной) ситуации, 3) по особенностям архитектуры, 4) на основе археологических данных. Однако выстроить последовательность их строительства в настоящее время (в связи с отрывочностью данных) крайне затруднительно, точнее если такая последовательность и определяется, то только приблизительно.

Уточнить хронологию некоторых храмов могут результаты исследования последних лет. Это два храмовых комплекса – Базилика 1935 г. и Базилика Крузе.

Что касается первого памятника, то, опираясь на материалы археологических раскопок и интерпретацию письменных источников, можно заключить следующее. Во II–IV вв. здесь существовала синагога, а в конце IV в. (в эпоху Феодосия I, 379–395) она, сменив религиозную принадлежность, превратилась в христианский храм (базилика I с гранной апсидой), который, в свою очередь, был кардинально перестроен в новый храм (базилика II с полукруглой апсидой), скорее всего, в начале – середине VI в.¹ Примерно тогда же, а точнее, не раньше середины – начала вто-

рой половины VI в. (в эпоху Юстиниана I), строится «базилика Крузе». Именно это показал анализ массового археологического материала (амфоры, краснолаковая керамика, монеты) из раскопок не менее чем пяти археологических комплексов этого храма².

Подведём итоги нашего краткого обзора научной литературы, посвящённой хронологии базилик Херсонеса, и с учётом всего сказанного выше попробуем хотя бы примерно предложить итоговую хронологию строительства херсонесских базилик. Итак, храмы, которые, как можно предполагать, были построены ещё в IV в., не сохранились. К V в. относятся «базилика I» из комплекса Базилики 1935 г., а также, возможно, здания, бывшие на месте Уваровской и Западной базилик. Около середины следующего, VI в. возводится «базилика Крузе», а ближе к концу этого или в начале следующего столетия – базилики Западная, Уваровская и Восточная. Таким образом, основные («типичные») базилики Византийского Херсона были построены позже других. Более точными хронологические выкладки могут быть при двух условиях – более детальном анализе *всей* литературы и археологических материалов из их раскопок. Но это особая задача, решение которой принадлежит будущему.

¹ Золотарёв М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Макленнан Р., Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г., при участии Е. Олениной. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: Материалы и исследования Причерноморского проекта 1994–1998 гг. М., Севастополь, 2013. С. 281, 507.

² Ушаков С.В. О времени строительства «базилики Крузе» в Херсонесе: археологические данные // Археологические вести. Вып. 23. СПб., 2017. С. 195.

В.И. Клатаевский

Олег Иванович Домбровский – человек, который делал мир лучше

Человек жив, пока развивается дело, начатое им,
пока продолжает звучать его имя.

О.И. Сергеева

Шёл 1914 год – год начала Первой мировой войны. Немецкие и турецкие корабли регулярно бомбардировали порты Новороссийска, Феодосии, Севастополя, Одессы и других русских городов. В это тревожное время семья Домбровских проживала в Феодосии. Беременная Нина Георгиевна Домбровская, спасаясь от обстрелов, отправилась подаль-

ше от побережья, к родственникам мужа. 7 ноября 1914 г. на дороге между Феодосией и Старым Крымом появился на свет мальчик, ставший через годы известным учёным-археологом, искусствоведом, реставратором и замечательным педагогом-воспитателем, изменившим судьбы нескольких поколений крымских ребят.

В 2014 г., к 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского, вышла книга воспоминаний учеников о своём любимом учителе – «Его называли «Шеф»...»¹. В неё вошли также рассказы тех, кому довелось работать с Олегом Ивановичем, незаконченные и не изданные ранее литературные труды Домбровского и почти вся его переписка с ленинградским писателем, искусствоведом Б.Д. Сурисом, который собирал материалы о художниках, воевавших в Великую Отечественную.

Идея создания сборника возникла у одного из воспитанников Олега Ивановича – Виталия Василенко. Он подумал о том, что каждый из учеников Домбровского мог бы написать много интересного о своей истории общения с этим замечательным человеком и могла бы получиться большая и интересная книга – лучшего подарка Шефу к его 100-летию придумать было невозможно. И книга получилась – «народная» книга, как сказал мой друг Валера Береснев: сами написали, сами на свои деньги издали. Жаль, что тираж маленький для нашей большой страны – всего одна тысяча экземпляров.

Исследование наследия нашего наставника продолжается и сейчас. В Отделе рукописей Государственного Русского музея мной найдены ранее неизвестные письма Олега Ивановича к Б.Д. Сурису, а в Научном архиве Российской академии художеств – его фронтовые письма и дипломная работа. Эти материалы вошли в книгу «Олег Домбровский. Были мы все молоды и чистосердечны...», подготовленную воспитанником Олега Ивановича хирургом-онкологом высшей категории, кандидатом медицинских наук А.В. Проценко. Книга вышла в конце 2017 г. в издательстве «Н. Орианда».

В настоящей публикации передо мной стоит очень трудная и в то же время интересная задача – в сжатой форме рассказать о жизни Олега Ивановича Домбровского более широкому кругу читателей. Какие бы я ни применил слова и эпитеты о моём учителе, воспитателе и учёном, все они уже сказаны многочисленными авторами упомянутого сборника, причём сказаны так, что лучше не придумаешь. Как бы из отдельных разноцветных камешков сложена мозаика о человеке, повлиявшем не только на нас, послевоенных мальчишек, но и на многих людей, с которыми свела его жизнь. Чтобы не разрушать эту картину, я дам им слово

и прежде всего буду цитировать самого Шефа. Называть его так начали в далёкие пятидесятые годы прошлого века. В то время различные учреждения брали шефство над школами и детскими организациями. Подопечные были и у Олега Ивановича. Они-то и стали уважительно называть его «Шеф».

Большую работу по сбору биографических сведений об Олеге Ивановиче провёл его бывший ученик, а впоследствии – коллега-археолог, доктор исторических наук старший научный сотрудник Крымского филиала Института археологии НАН Украины² В.А. Кутайсов. Он является главным хранителем его научного наследия. Им же опубликованы все работы Олега Ивановича, не изданные при его жизни.

Родители О.И. Домбровского – Иван Симеонович Домбровский, конторский служащий, и Нина Георгиевна Щербина – оба представители высокообразованных, интернациональных семей: прадед Олега Ивановича, Никита Домбровский – поляк, эмигрировавший из Австро-Венгерской империи. Бабушка по материнской линии – Елизавета Франческовна Бианки состояла в родстве с известным итальянским революционером Джузеппе Гарибальди. В.А. Кутайсов нашёл в архивных документах сведения о пребывании братьев Гарибальди в России³. От своего отца Олег Иванович унаследовал польскую фамилию, а от бабушки, Елизаветы Франческовны, смуглый цвет кожи, характерный для южан, и широкоскулое, привлекательное лицо. По языку, которым он владел мастерски настолько, что даже скучные научные тексты в его исполнении читались с интересом, и по культуре он был русским интеллигентом с большой буквы. Будучи атеистом, Олег Иванович хорошо знал и уважал традиции религий и высоко ценил их историческое и нравственное значение.

В 1921 г. семья Домбровских переезжает в Симферополь. Время было голодное, но родителям удалось найти работу: отцу – бухгалтера, а матери – машинистки. В 1922 г. маленький Олег поступает в первый класс и в 1930 г. заканчивает 8 классов средней школы.

Трудовая деятельность Олега Ивановича началась в том же году в тресте «Крымгражданстрой» по специальностям каменщика и плотника, которые

¹ Его называли «Шеф». Воспоминания. Литературное творчество (к 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского) / [Сост. и отв. ред.: А.В. Проценко]. Симферополь, 2014.

² С 7 сентября 2015 г. – Институт археологии Крыма РАН.

³ Гейман В.Д. Потомки Гарибальди в Феодосии // Известия Таврической учёной комиссии. Симферополь, 1916. № 53. С. 239.

он, с присущей ему тягой ко всему новому, изучил досконально. В дальнейшем это очень помогло ему в работе археолога. Параллельно он занимается в домашнем кружке рисования у знаменитого художника-баталиста Н.С. Самокиша. Позднее, в 1937 г., О.И. Домбровский был назван одним из лучших его учеников, наряду с таким известным живописцем, как Яков Басов¹. В 1934 г. Олег Иванович был принят на подготовительные курсы Всероссийской академии художеств в Ленинграде (ныне Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина при Российской академии художеств), и в 1936 г. стал студентом архитектурного факультета, работал там же лаборантом в лаборатории цвета. В 1938 г. перешёл на факультет живописи, во вновь организованную мастерскую монументально-декоративной живописи. Сам Олег Иванович такой переход объяснял так: «Надо сказать, что мы, студенты-монументалисты, бредили в то время синтезом искусств и деятельно искали профессиональных контактов с архитекторами, скульпторами и прочими, как теперь говорят, «смежниками». Отсюда и мои вольные плавания с факультета на факультет, в какой-то мере способствовавшие подобным сближениям»². Одновременно Олег Иванович учился на факультете истории и теории искусства в качестве вольнослушателя. Там он познакомился с преподавателем истории и археологии, сыгравшим важную роль в его дальнейшей судьбе, – П.Н. Шульцем, который стал после войны его учителем на новом для Олега Ивановича поприще – археологии.

Деятельный характер Олега Ивановича не позволял ему ограничиваться только учебной программой. Уже в 1938 г. он создаёт факсимильную копию галечной эллинистической мозаики в Херсонесе, а в начале 1941 г., по заданию мозаичной мастерской и лаборатории цвета Всероссийской академии художеств, исследует мозаики Софийского собора XI в. и Михайловского Златоверхого собора XII в. в Киеве. Также им была составлена коллекция подлинных колерных и золотистых смальт. Все эти материалы Олег Иванович впоследствии использовал при защите диплома и в своей дальнейшей работе археолога и реставратора мозаик.

¹ Баранов С. У академика живописи Н.С. Самокиша // Красный Крым. 1937. 26 января.

² Художники на фронте. Переписка О.И. Домбровского с Б.Д. Сурисом // Его называли «Шеф»... С. 51.

К сожалению, в 1941 г. учёбу пришлось прервать – началась война. Вот как Олег Иванович вспоминает тот трагичный для нашего народа день: «Саша (Кочегура, сокурсник О.И. – В.К.) оказался для меня вестником войны. В ту ночь – с субботы на воскресенье – я засиделся до утра (в лаборатории цвета, где был у меня свой тихий угол); корпел над заказной работой, которую мы делали сообща. С тем, что деньги будут высланы в Крым. У меня дома, в Симферополе, съехались все «наши» (Коля Чурсин и Костя Веремеенко – В.К.), чтобы вместе поработать летом. Проездные билеты купил я на вечер понедельника, времени оставалось мало, а Сашки в то утро воскресенья всё нет и нет. Когда он наконец появился, – встречен был злобным шипением. И вдруг узнаю от него, в чём дело. Помыли мы кисти и пошли в военкомат. Несмотря на воскресенье, там уже толпилась очередь [...]»³.

Рассказывать о войне Олег Иванович не очень любил, впрочем как и все настоящие фронтовики. Из автобиографии Олега Ивановича известно, что в июне 1941 г. он вступил в народное ополчение, а в августе был призван в действующую армию и направлен на Ленинградский, затем Карельский фронт. В боевых действиях получил пять ранений (из них два – тяжёлых). Был награждён медалью «За боевые заслуги». Так бы и осталось его военное прошлое почти неизвестно (за исключением некоторых эпизодов), но в 1986 г. Б.Д. Сурис, сам бывший фронтовик-разведчик, задумал издать сборник писем ленинградских художников периода войны и блокады. Он нашёл в Научном архиве Академии художеств СССР письма О.И. Домбровского, написанные им в годы войны своим коллегам и друзьям, и обратился к Олегу Ивановичу с просьбой прокомментировать свою переписку и разрешить опубликовать её в сборнике. Вот что ответил Олег Иванович: «05.03.1986 г. Уважаемый Борис Давыдович [...] Уверен [...] что там нет ничего такого, что сегодня нельзя было бы прочитать постороннему. Были мы все молоды и чистосердечны, может быть и несколько наивны, зато не теряли перспективы: ни разу не усомнились в том, что наша возьмёт, и при всех обстоятельствах не переставали строить оптимистические планы на будущее. Такое настроение было всеобщим. Его-то Вы, полагаю, и уловили в художнической переписке военных

³ Художники на фронте... // Его называли «Шеф»... С. 51–53.

лет [...]»¹. Б.Д. Сурис попросил О.И. Домбровского прокомментировать также события, описанные в письме одного из его друзей, народного ополченца Яна Сысоева². Ответ Олега Ивановича: «26.12.1986 г. Уважаемый Борис Давыдович! Ваше письмо с вложением стародавнего послания Яна Сысоева повергло меня в смятение; всё полузабытое всхлынуло, и, с тех пор что ни день, мысленно возвращаюсь к дням минувшим. Подумал, взвесил, решил: выпростаю всё на бумагу. [...] Понимаю всю важность памяти (а значит, и упоминания) о людях, сложивших головы на фронтах Отечественной войны. [...] Сожалею, что маловато расскажу о тех, кого Вы назвали: уж очень скоротечно прошло то, о чём написал Ян [...]»³.

Далее Олег Иванович рассказывает, как их 227-й отдельный артиллерийско-пулемётный батальон в августе прибыл в деревню Райкузи (восточнее Ропши). Жители села были перед тем спешно эвакуированы, на столах стояла ещё не протухшая пища, в хлебах заперта голодная недоена-непоена скотина. Урожай был не убран. По картофельным полям бродило стадо свиней.

Почти все бойцы были полусельского воспитания и сходу взялись хозяйствовать: доили коров, копали картофель, забивали свиней. В сарае возле дороги соорудили кухню на три огромных котла, выломанных из домашних бань. Начальство инициативу одобрило. Что не съедали сами, отдавали соседям. На «котлопункт» приходили мелкие разрозненные группы отступивших из-под Ропши. Здесь они досыта наедались и приходили в себя, раненых забирал медсанбат, а из здоровых формировалось и уходило обратно в бой пополнение. Но не это было главной заботой ополченцев. По ночам обустроивали они свой микроучасток укрепрайона, рыли траншеи со стрелковыми и пулемётными ячейками, готовили западни для танков с горючей смесью в бутылках, т.к. противотанковых мин не было. Артиллерии тоже не дождалось. Поставили только стальной дот с намертво вделанной пушкой-«сорокапяткой» и со спаренным с ней станковым пулемётом. Каждая ночь заканчивалась

тщательной маскировкой позиций. Именно поэтому во время вражеской артподготовки была сожжена деревня, но почти не пострадали окопы. Ещё одна работа, которую выполнял взвод, была разведка уже недалёкого переднего края противника. Во время одной из таких вылазок осколком разорвавшейся мины зацепило ноздрю Олегу Ивановичу. Чтобы закрыть демаскирующую белую повязку, ему пришлось соорудить чадру из чехла сапёрной лопатки. Это и надвинутая до самых бровей каска позже спасли его лицо от ожогов, когда он вытаскивал раненых из горящего дота, пострадали только руки.

На рассвете следующего дня на излучине дороги появились четыре немецких танка и пехота. Два из них были подбиты из пушки, остальные, отстреливаясь, повредили наш станковый пулемёт и ушли влево за отдалённую рощу. Тут же из резерва были выделены три ручных пулемёта, необходимые для защиты «мёртвого пространства» перед пушкой. Бой затих, и поступил приказ дожидаться оперативных поручений. Бойцы решили перекусить внутри дота. Но через некоторое время те самые, почти забытые, два танка как-то уж очень быстро смяли левый фланг и, выйдя в тыл дота, принялись расстреливать его прямой наводкой.

«Первый же их снаряд разорвался, ударив по притолоке входа в дот, второй – термитный – попал в откос двери тотчас за первым. Костя (Константин Веремеенко, командир взвода ополченцев, с опытом Финской войны, сокурсник Олега Ивановича, лучший его друг. – В.К.) мигом вышвырнул меня из дота в траншею и тем спас от гибели, сам выскочить не успел, как и Саша (Александр Кочегура, по словам Олега Ивановича, был самым одарённым на курсе в живописи. – В.К.), сидевший в глубине дота у пушки. Оба они и два пушкаря были растерзаны взрывами пушечных боеприпасов и ручных гранат – от третьего снаряда, тоже зажигательного, влетевшего прямо в дверь. Когда рванул я обратно, Ян, раненый сам, уже полз по траншее. Дот весь горел. Внутри корчился у входа единственный живой – Ерофеев (Вениамин Ерофеев, студент 3-го курса архитектурного факультета. После войны встречался с О.И. Домбровским в Ленинграде. – В.К.). Я не вынес его, как приподнято и картинно пишет Ясь, а зверски выволок за шиворот. Ползком дотянул по извилистой траншее до балки справа, рядом с дотом, где приняли его санитары. У него были перебиты кости обеих голени, но транспортировать его бережнее

¹ Фонд Б.Д. Суриса. Отдел рукописей Государственного Русского музея. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 1.

² Сысоев Ян Янович, студент скульптурного факультета, сталинский стипендиат Всероссийской академии художеств. Погиб в 1944 г.

³ Фонд Б.Д. Суриса. Отдел рукописей Государственного Русского музея. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 425. Л. 1.

было нельзя: в бруствер впивались пули [...] Обратного вернулся уже не на брюхе, а вскачь. Мне было всё равно и хотелось тогда тоже быть убитым. Тут и показалась перед нами замешкавшаяся вражья пехота. Они как-то медленно, перебежками продвигались, гоня перед собой наших пленных, бредущих во весь рост с воздетыми руками. Приём трафаретный – мы у себя на кухне в Райкузи уже понаслышаны были об этих подлых штукаках. Наше противодействие тоже было неоригинальным – как учили нас, так мы и поступали. Суть, как всегда, состояла в том, чтобы оказаться проворнее противника. Так оно и получилось: немцы потеряли время на идиотскую инсценировку с пленными. Пулемётные мальчики, засевшие в своих ячейках (там они трапезовали), были потрясены гибелью дота и новым для них кошмарным зрелищем. Растерялись – не стрелять же в своих! Пришлось взбодрить их элементарно, лёгкими пинками и с помощью энергичных эпитетов, обычно моему лексикону не свойственных. После этого юнцы повели себя по-молодецки. Пока внизу немцы визжали “шнель! шнель!”, мы переметнулись как можно более левее, на разрушенные танками позиции, откуда “фрицы” беды не ждали. Ударили по ним из трёх пулемётов – сбоку и несколько сзади. Отсекли пехотинцев и от пленных, и от танков. Бедолаги наши кто куда; не исключено, что некоторые тогда и спаслись (во всяком случае, от плена). Позади нас оба танка завертелись, подпалённые бутылками с горючим: один таки въехал в западню, а второй кто-то забросал. Откуда-то подскочило и подкрепление во главе с настоящим кадровым командиром. Неравный бой стал оборачиваться в нашу пользу [...]»¹.

В этом бою Олег Иванович получил ранение в ногу, кроме того, у него открылись раны на обожжённых в доте руках, и он был эвакуирован в госпиталь в Ленинград.

К сожалению, книга Б.Д. Суриса не увидела свет при его жизни. «Так вот, с величайшим огорчением вынужден сообщить, что и Ваши усилия, и мой длившийся что-то около семи лет труд отправился, как говорят в народе, псу под хвост. Неизящно, но по существу верно»². Несмотря на положительные и восторженные рецензии и редакционное заключение о необходимости издания этого произведения, директор издательства под предлогом, что нет бумаги, нет

полиграфии, тираж не разойдётся (спросом пользуются детективы и прочая развлекательная литература), предложил автору сократить рукопись ровно вдвое. «Посидел я над нею, обливаясь слезами, превращая пышный дуб в телеграфный столб – а там и вовсе издательство заявило, что издавать не будет [...] Так вот и пропала моя книга [...] Посылаю, – может Вам пригодится, экземпляр того письма, что Вы мне когда-то прислали. По-моему, это отличный образец литературно-эпистолярного жанра»³.

Ответ Олега Ивановича: «17.10.1991 г. Что можно сказать по поводу Вашего огорчения. Не горюйте! Написанное, рано или поздно, будет издано. А в данном случае, чем позже, тем лучше. Пусть рукопись вылежится – это ведь не статья в газету или в “Огонёк”. Всё меняется с калейдоскопической скоростью, и недалёк день, когда такая книга окажется нужной. Ведь это не однодневка, а – как я понимаю – Книга навсегда»⁴. Не знал Олег Иванович, отправляя это письмо, что жить Борису Давыдовичу осталось чуть меньше месяца. 16 ноября 1991 г. его не стало. А книга была издана в 1993 г. по инициативе вдовы автора, Л.И. Сурис, к сожалению, в сокращённом варианте, и материалы О.И. Домбровского туда не попали⁵. Но, к счастью, бесценное литературно-эпистолярное наследие Олега Ивановича почти полностью вошло в юбилейный сборник «Его называли “Шеф”...».

Фронтальная судьба самого Олега Ивановича также раскрывается в его письмах, иногда написанных карандашом или: «...извините мне эти дурацкие чернила, лучше которых у меня нет. Это компот, который сварили из прошлогодних ягод к празднику»⁶. Плохой была и бумага. И это понятно – хорошая на фронте была «в дефиците», и, когда она появлялась, Олег Иванович использовал её как настоящий художник – рисовал на ней: «...рисунков у меня не остаётся, их забирают нарисованные или их друзья»⁷. На письма оставалось что придётся. Для одного из них даже пригодилось несколько страниц от инструкции к какой-то паровой машине. Все письма написаны энергичным,

³ Художники на фронте... // Его называли «Шеф»... С. 62.

⁴ Научный архив РАХ. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 8.

⁵ Б. Сурис. «...больше, чем воспоминания». Письма ленинградских художников. Кн. 1, 2. СПб., 1993.

⁶ Из письма к И.И. Витман от 03.05.43 г. Научный архив РАХ. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 1.

⁷ Из письма к И.И. Витман от 01.04.43 г. Научный архив РАХ. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 1.

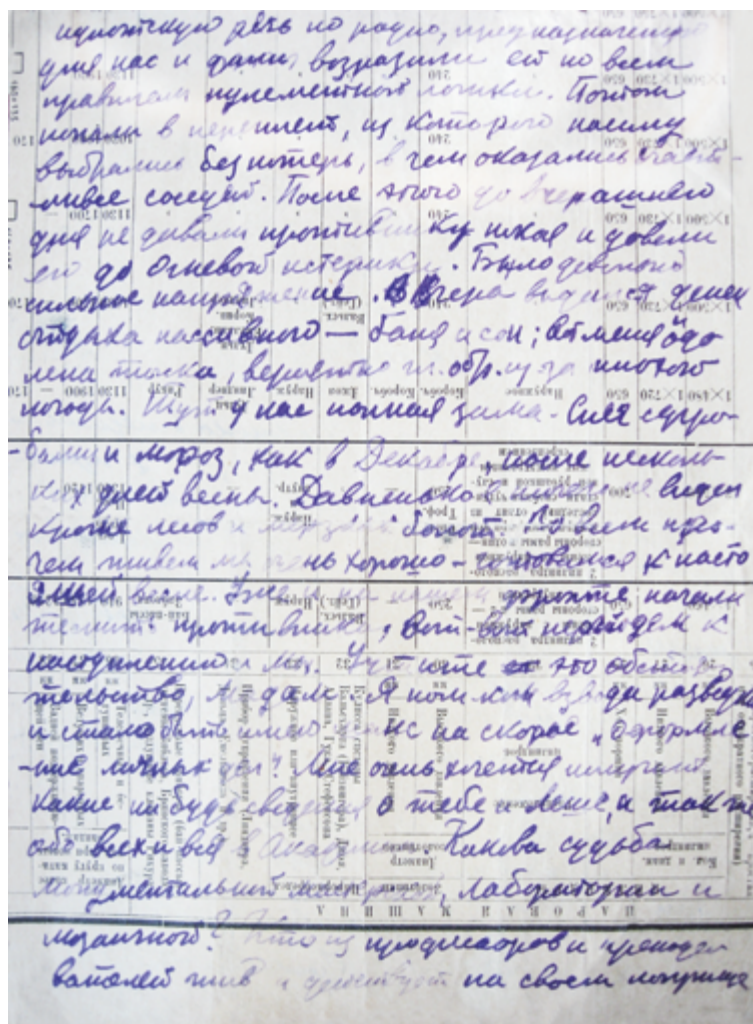
¹ Художники на фронте... // Его называли «Шеф»... С. 58, 59.

² Там же. С. 62.

плохо разборчивым почерком. Мысли изложены чётко. Текст почти без зачёркиваний и исправлений. Не все послания были вложены в конверты – многие сложены так называемым фронтовым треугольничком, а некоторые написаны на военной почтовой бумаге. Она размером с тетрадный листок, с одной стороны чистый, и на нём можно писать, а с другой стороны напечатан конверт. Если его сложить пополам и заклеить по краям, получится письмо, написанное на внутренней стороне конверта (два в одном). Всё делалось для экономии бумаги. Не буду говорить о том, какой душевный трепет испытал я, впервые увидев эти пожелтевшие от времени листочки, написанные собственной рукой человека, которого многие из его воспитанников, включая меня, считают вторым отцом. Нас ещё и на свете не было, а он уже воевал за нас и наше будущее и делился со своими друзьями всем, что у него было на душе.

Вот некоторые выдержки из его письма от 21 мая 1943 г. к Е.С. Басковой, секретарю живописного факультета Всероссийской академии художеств: «У нас после январских боёв 42-го года война самая обыкновенная, будничная и даже “тихая” какая-то. Я был разведчиком и исполнял в разведке несколько разных должностей. Последняя из них политрук. Вступил здесь в партию. По должности своей был участником обычных для разведки стычек с противником, но подвигов никаких не совершил. Прошлым летом был награждён медалью “За боевые заслуги”, но заслуги мои ещё скромней, чем эта награда. Даже не знаю, были ли заслуги. Получал я ещё благодарности и премии, но всё это знаете, как бывает. Замечательные люди сделают хорошее дело, а заодно с ними хвалят и того, кто по должности является руководителем; но в действительности не всегда так бывает, что руководитель – причина успеха. Так что я в долгу перед этой медалью. Сейчас мы в армейском резерве: это уже второй раз. В первый раз политический отдел части использовал меня по специальности для одного небольшого дела. Так с тех пор и пошло: я окончательно стал художником, а разведчиком быть перестал. Одно время был зам по политической части командира снайперской груп-

пы. Должность эту упразднили. Я опять художник, пока в резерве. Кем стану снова – на переднем крае или в наступлении – увижу. Что нужно будет, то и стану делать. Во всяком случае, краснеть за меня никого не заставлю. Художество моё мало меня удовлетворяет. Не потому, что напряжённая изменчивая обстановка фронта не даёт работать. Нет, главное – затруднения с красками и т.п. Всё надо изобретать и выдумывать. Больше занят вопросом – чем сделать, нежели самой работой [...]»¹.

Страница письма О.И. Домбровского к И.И. Витман от 05.05.1942 г. Научный архив РАХ. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 33

¹ Научный архив РАХ. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 8.

А вот что он пишет своей сокурснице И.И. Витман 9 марта 1943 г.: «Выполнил и ещё буду выполнять одно очень интересное задание. У нас есть в политотделе инструктор по работе среди солдат противника. Кроме лекций по рупору и т.п. он затеял наглядную агитацию при помощи плакатов. Листовки его не вполне удовлетворяют или ещё что, но он взял меня в оборот. Сделать плакат размером больше 3 м x 3 м невозможно, а расстояние 150–120 м до противника минимум. Ближе подтащить – это уже не риск, а верная гибель для того, кто станет это делать. Плакат изображает карту наших побед на Южном и Юго-Западном фронте. Как сделать, чтобы названия городов и рек на карте и пояснительная надпись на этом расстоянии читалась? При размерах плаката 3 м x 3 м нельзя было сделать буквы крупней 15 см высотой. По расчётам и пробам на расстоянии 120 м читались ясно буквы размером 40 см в высоту. Вот и делай что хочешь. Мне помогли среднеазиатские орнаменты, которые вы с Лёшкой¹ копировали у нас в лаборатории². Я думаю, что на моём месте человек, не вооружённый знанием этих простых вещей, скорее всего, спасовал бы или сделал бы чепуху, которую смогли бы разглядеть только в бинокль офицеры противника. А надо, чтобы солдаты прочли раньше, чем собьют плакат артиллерийским огнём. Следующая работа – карикатура. Тут ещё одна трудность – каждый раз изобретать чем и на чём выполнять задание. Война!.. Приказано, а выполняй как знаешь. Удаётся и это, хоть иногда и сам удивляешься своим изобретениям. Но это смог бы каждый уже. Вот с закономерностями расстояний сладить пока я один, вероятно, более или менее способен без особых исканий и проб. Не находите ли вы, что знание чего бы то ни было никогда не помешает, а скорее окажется полезным? Ремесло на спине не носят – есть такая пословица»³.

¹ Алексей Дмитриевич Соколов, заслуженный художник РФ, однокурсник О.И. Домбровского и муж И.И. Витман.

² Здесь имеется в виду лаборатория цвета, которая изучала психологические проблемы восприятия цвета в различных условиях. В экспериментах, проводимых этой лабораторией под руководством профессора Б.Н. Компанейского, принимали участие почти все ведущие архитекторы Ленинграда, которые во время блокады отвечали за маскировку города и, видимо, использовали опыт, полученный в этих экспериментах, для того чтобы сделать город незаметным для вражеских лётчиков.

³ Научный архив ПАХ. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 18.

В свободное время, особенно зимой, когда день короткий и не хватает света для занятий живописью, Олег Иванович пишет «Очерки теории живописи», которые не были закончены по целому ряду причин. «Я назвал свои писания так, потому что в них не могло идти речи о каком-либо развёрнутом исследовании, а они должны были охватить именно беглым очерком все основные, задетые работой лаборатории, вопросы теории живописи в той стадии их изучения, в которой они остались с 22 июня 1941 г. – набросок будущего здания. Но такое направление работы обязывает всё же к систематическому и доказательному изложению фактов; ни о чём нельзя говорить предположительно. Но у меня нет той литературы, о которой я писал, нет и ещё кое-чего, а память не сохранила многих цифр и фактов»⁴.

Во многих письмах Олег Иванович беспокоится о своих товарищах, которых разбросала война по разным фронтам, и о состоянии академии, лаборатории цвета, мозаичной мастерской и библиотеки, которую он считал лучшим местом в своём учебном заведении, и о судьбах людей, которые там работали. И ещё он очень хотел вернуться в Ленинград и продолжить учёбу.

Последнее ранение Олега Ивановича было особенно тяжёлым. Разрывная пуля попала в приклад его автомата, осколками разворотило всю брюшную полость и сильно повредило руку. В госпитале в первую очередь оперировали тех, кого наверняка можно спасти. Таков суровый закон войны.

Но случилось чудо! Хирург, проходя мимо, по сути, обречённых людей, в одном из изуродованных ранениями бойцов узнал своего давнего попутчика, вместе с которым они в сорок первом в грузовике ехали из военкомата навстречу войне. Последовал приказ: «Этого немедленно на стол!»⁵

Выздоровление было долгим и мучительным. Домбровскому был предоставлен отпуск, и Олег Иванович уехал в Крым. «Пребывание моё в Симферополе не из счастливых. Я заболел сначала брюхом (рана отворилась снова), потом чем-то вроде тифа, но, в общем, силы мои восстановлены полностью и я уже

⁴ Письмо к И.И. Витман от 01.03.43 г. Научный архив ПАХ. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 36.

⁵ Историю, услышанную из уст Шефа, поведал мне его воспитанник Виктор Гавриленко, заслуженный спасатель России.

на калеку, каким некоторое время был, не похож»¹. Комиссовали Олега Ивановича не сразу. Сначала его зачислили в штат запасного полка – обучать резервистов, и только 29 января 1945 г. окружная врачебная комиссия признала его нестроевым.

В апреле 1945 г. он встречается в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина работающего там своего бывшего учителя. Павел Николаевич Шульц, тоже фронтовик, тоже нестроевой, приглашает Олега Ивановича участвовать в Тавро-скифской археологической экспедиции Академии наук СССР в качестве художника. Олег Иванович принимает предложение, и в июле, в товарном вагоне с запасом продовольствия и со всем необходимым, экспедиция отбывает в путь. «Иногда на заведомо долгих стоянках мы, всё ещё мыслями солдаты, отходили от поезда, чтобы окинуть взглядом знатока чьи-то брошенные траншеи, противотанковые рвы, разбитые снарядами блиндажи. И странно было слышать от главы экспедиции забытые слова – “обнажение грунта”. Использовать для археологической разведки все эти “обнажения”, пока они ещё не засыпаны, не заросли, не замыты внешними водами, – такой родился план в голове нашего старшего.

В пути, на долгих остановках, мы уже начали детализировать его замысел, обдумывать методику изучения и фиксации грунтовых срезов – многочисленных, но для археологии как-никак случайных, сделанных вовсе не для нужд этой науки и отнюдь не по её правилам. Мы приучали себя улавливать взглядом и “читать” стратиграфию любых срезов, привыкали смотреть на них глазами исследователей прошлого. Много раз потом вспоминались нам – и как пригодились! – импровизированные уроки Павла Николаевича, преподанные на ходу.

До сих пор непонятно, учился ли тогда и он сам, П.Н. Шульц, чему-либо для себя новому или устраивал это нарочно, специально для нас, чтобы заранее создать нужное настроение, морально подготовить к предстоящей работе. Ненавязчиво, исподволь, но, как всегда, последовательно и методично, перестраивал он вчерашних фронтовиков с покалеченными телами и израненными душами в “гражданских” – тех прежних мирных научных работников и студентов, какими были мы накануне войны и, оказывается, в глубине души продолжали оставаться. Это походило

¹ Письмо к Г.В. Шипуновой от 10.11.44 г. Научный архив РАХ. Ф. 28. Оп.1. Ед. хр. 32. Л. 33.

на пробуждение от кошмара, в котором, увы, ничто не было сном [...]»².

В Крыму Олег Иванович принимает участие в очень интересных и увлекательных реставрационных работах при раскопках погребений мавзолея Неаполя Скифского, верхняя часть стен которого была сооружена из глины-сырца. Когда здание рухнуло, глина под воздействием атмосферной влаги раскисла и затекла между всеми погребениями и деревянным саркофагом. Его резные доски со временем превратились в труху, и на их месте образовались пустоты. Остатки истлевшего дерева осторожно выдували мехами и, как делали при раскопках Помпеев, образовавшиеся полости заполняли жидким гипсом. Так получили отливки досок, к которым прилипли остатки краски, и стало видно, что саркофаг богато украшен гирляндами из цветов и ярко раскрашен. А на углах саркофага были изображения сфинксов. Реконструкцию этого замечательного саркофага царицы, а также одежды и вооружения произвёл Олег Иванович Домбровский. По-видимому, археологическая наука увлекла его настолько, что в том же 1945 г. на раскопках «на городище Красное» он самостоятельно обнаружил и исследовал следы древней керамической обжигательной печи. Эта работа получила высокую оценку П.Н. Шульца, а археолог О.Д. Дашевская отметила, что деятельность Домбровского может служить образцом для археологов, исследующих подобные памятники³. Так в один год Олег Иванович стал не только искусствоведом-реставратором, а ещё и археологом. Конечно, П.Н. Шульц приложил много сил, чтобы увлечь его археологией. Вообще они крепко дружили, и в Симферополе это были заметные личности – огненно-рыжий Павел Николаевич и Олег Иванович с гривой чёрных вьющихся волос. Их называли: профессор Шульц и художник Домбровский, многие женщины были в них влюблены.

Продолжая учёбу в Академии художеств, Олег Иванович работал главным художником на заводе художественного стекла в Ленинграде. «В 1948 г. в связи с организацией в Симферополе Филиала Академии наук СССР перешёл туда на должность и.о. заведующего лабораторией археологической технологии. В этой должности с 1948 по 1956 г. руководил различными работами

² Домбровский О.И. Тавро-скифская экспедиция // Его называли «Шеф»... С. 67.

³ Якобсон А.Л., Дашевская О.Д. Два сборника по истории и археологии Крыма // Советская археология. 1961. № 2. С. 286.

по реставрации памятников искусства, археологических предметов, в том числе древних тканей, документов, металлических изделий и проч. Кроме того, проводил исследования и экспериментальные работы в области реставрации и восстановления археологических памятников [...] В 1949 г. окончил институт с дипломом искусствоведа (факультет истории и теории искусств) и свидетельством полных 5 курсов отделения монументально-декоративной живописи»¹.

занял в нашей жизни больше места, чем мы собирались ему уделить. К занятиям с ребятами надо было тщательно готовиться, продумывать способы подачи материала, чем дальше, тем больше завладевали нашим вниманием и сами участники кружка. Через год мы увидели в наших школьниках преданных и бескорыстных помощников, превосходно понявших основные задачи нашей исследовательской работы»².

О.И. Домбровский

В 1953 г. совершенно неожиданно для Олега Ивановича начинался новый, очень важный этап его жизни, который длился более сорока лет. Именно здесь проявились его необыкновенные педагогические способности. Вот как он сам вспоминает это время: «Осенью 1953 г. я и мой товарищ по работе, техник-геодезист П.А. Шохин, позже всех закончили полевые работы. Вернувшись в Симферополь, мы узнали, что коллектив отдела античной и средневековой археологии, сотрудниками которого мы являемся, возложил на нас руководство кружком юных краеведов при Областной детской туристско-экскурсионной станции. Вскоре кружок

Олег Иванович проводит занятия с юными воспитанниками у крепостных стен Херсонеса. Начало 1960-х гг.

В 1958 г. Олег Иванович принимает участие в археологической экспедиции, исследовавшей один из крупнейших городов древности – Аполлонию Иллирийскую, расположенную на Адриатике, в Албании. Здесь он участвует в реставрации мозаик римского времени, работая под руководством профессора, доктора искусствоведения В.Д. Блаватского.

В 1966 г. П.Н. Шульц уезжает из Крыма в Ленинград. Отдел античной и средневековой археологии возглавляет С.Н. Бибиков, постоянно проживающий в Киеве, и вся тяжесть практического руководства отделом ложится на плечи О.И. Домбровского, занимавшего

¹ Домбровский О.И. Автобиография // Его называли «Шеф»... С. 35.

² Домбровский О.И. «Бродячая академия» // Его называли «Шеф»... С. 80, 81.

Херсонес. Раскопки античного театра.
Июль 1964 г.

Херсонес. Восстановление колонн античного
храма воспитанниками О.И. Домбровского

Реставрация мозаик Херсонеса

скромную должность учёного секретаря. «Именно тогда проявились уникальные способности Олега Ивановича как организатора научной работы и вдохновителя археологических исследований памятников разных эпох. Результаты этих исследований были изданы в виде научных сборников, среди которых: «Археологические исследования средневекового Крыма» (1968), «Феодальная Таврика» (1974), «Архитектурно-археологические исследования в Крыму» (1988). В своей совокупности они существенно раздвинули горизонты исторической науки о древнем и средневековом Крыму. Уже в предисловии к первому из перечисленных изданий О.И. Домбровский изложил основные теоретические подходы к изучению средневекового Крыма»¹.

В это же время Олег Иванович принимает участие в качестве редактора в издании научно-популярной серии книг «Дорогой тысячелетий». Первая из них – «Экскурсии по средневековому Крыму» – вышла в 1966 г., вторая – «Очерки о древнем Крыму» – в 1969 г. Но обширный материал, собранный работниками отдела за несколько лет археологических разведок и раскопок, был доступен только для узкого круга специалистов-археологов. Олег Иванович стал задумываться над тем, как результаты этой работы донести простым и понятным языком до широкого круга читателей. Было решено издать серию научно-популярных книг под общим заголовком «Археологические памятники Крыма». В написании 15 книг приняли участие все ведущие археологи Крыма и Советского Союза, проводившие раскопки в Крыму. Главным вдохновителем и организатором этой работы был Олег Иванович. Об этом говорит тот факт, что в 80-х годах прошлого столетия была предпринята попытка возродить серию. Было выпущено ещё пять книг. «Однако не хватило той энергии, настойчивости и готовности прийти на помощь каждому автору, которой обладал О.И. Домбровский»². Для этой серии Олег Иванович написал книги: «Крепость в Горзувитах» (1972), «Столица феодоритов (в соавторстве с О.А. Махневой, 1973), «Аю-Даг – Святая гора» (вместе с А.А. Столбуновым и И.А. Барановым, 1975) и «Солхат и Сурб-Хач» (совместно с В.А. Сидоренко, 1978).

Олег Иванович – автор более 80 научных работ, две из которых стоит отметить особо. Первая из них – «Фрески средневекового Крыма» – вышла в 1966 г.,

¹ Кутайсов В.А. Патриарх крымской советской археологии // Его называли «Шеф»... С. 19.

² Там же. С. 28.

вторая – «Византийские мозаики Херсонеса Таврического» – была издана в 2004 г. в Познани, уже после его смерти. Созданию этих книг, посвящённых памятникам искусства – христианской живописи и мозаикам, – помогли художественное образование Олега Ивановича и необыкновенная работоспособность. Ведь понадобились десятилетия факсимильного копирования фресок и реставрации всех мозаичных панно Херсонеса по оригинальной технологии, разработанной самим Олегом Ивановичем. С.Г. Рыжов, заведующий архитектурно-археологическим отделом Национального заповедника «Херсонес Таврический», так оценил работу Олега Ивановича: «Фрески средневекового Крыма», книга эта уникальна: в тот период создать такую книгу, да ещё с цветными иллюстрациями, стоило многих усилий. И вообще, я считаю, что за такой уникальный труд Домбровскому следовало дать учёную степень. Он ведь так и умер, не имея никакой учёной степени. И при этом *de facto* создал целую плеяду кандидатов и докторов наук, которые продолжили его дело»¹. Должен отметить, что руководитель института археологии АН УССР доктор исторических наук Н.С. Бибииков выступил с ходатайством разрешить О.И. Домбровскому представить к защите на соискание степени кандидата исторических наук свою книгу. Работу оценили, сделали некоторые замечания и рекомендовали подать к защите в виде отдельной рукописи, на что Олег Иванович ответил, что это никому не нужная трата времени, которого у него крайне мало. Олег Иванович щедро делился своими мыслями. Идеи, концепции – всё отдавал. Для него не имело значения, с чьим именем будет связано то или иное открытие. Главное, чтобы оно состоялось.

По мнению В.А. Кутайсова, «работы О.И. Домбровского, без преувеличения, составляют золотой фонд науки. Их отличает симбиоз искусствоведческого, архитектурного и археологического анализа. Другой их особенностью является прекрасный литературный стиль, то же можно сказать и о редактировании работ его младших коллег [...]. Основной своей заслугой О.И. Домбровский считал (как он сам заметил на торжественном собрании в честь своего 70-летия) лишь то, что, будучи по образованию не археологом, которым он к тому же никогда не собирался становиться, ему удалось собрать и организовать кол-

лектив настоящих археологов-профессионалов»². Эти талантливые археологи, работающие по всему Крыму, в основном его воспитанники: И.А. Баранов, В.А. Кутайсов, В.П. Мыца, В.А. Сидоренко, С.Б. Ланцов и многие другие. Вместе с Олегом Ивановичем они изучали исары, крепости Капитанства Готия, пещерные города и пещеры Горного Крыма, одна из которых – в хребте Басман – названа именем О.И. Домбровского, а также проводили раскопки Судака, крепости Алустон, античной Керкинитиды и многих других объектов.

«Особенно большой вклад, – пишет В.А. Кутайсов, – О.И. Домбровский внёс в изучение Херсонеса, где, кроме открытого им, пока единственного в Северном Причерноморье, античного театра, окончательно доисследовал такие памятники византийской архитектуры, как Загородный крестообразный храм, «Уваровская базилика», храм «с ковчегом» и многое другое [...]. В процессе изучения византийской живописи Таврики художник Домбровский скопировал, опубликовал и таким образом сохранил для будущих поколений средневековые фрески Крыма, теперь в значительной степени утраченные»³.

В 1972 г. по инициативе Олега Ивановича из его воспитанников-кружковцев был создан коллектив, который под его руководством прошёл теоретическую и практическую подготовку. Впоследствии большинство из них получили подтверждённую дипломами высшую квалификацию художника-реставратора. Шефство и научное руководство над ребятами Олег Иванович осуществлял до последних дней своей жизни. Уже получившие квалификацию реставраторы работали над снятием и переносом на новое основание фрески XVI в. из церкви Иоанна Предтечи в селе Верхоречье Бахчисарайского района. Специалистами крымской реставрационной школы были возвращены к жизни мозаики храма Диониса в селе Дзалиси (Грузия); мозаики по рисункам Н.К. Рериха 1903–1906 гг. храма Покрова Пресвятой Богородицы в селе Пархомовке, Киевской области; Крестовоздвиженской церкви Ливадийского дворца и многие другие. За полную реставрацию всех мозаичных панно – неотъемлемую часть Национального заповедника «Херсонес Таврический» – представителям крымской реставрационной школы А.И. Кравченко, Ю.И. Кравченко, В.В. Кузьминову, В.И. Лобанову вместе с их учителем

¹ Рыжов С.Г. Главное – это работа и наука // Его называли «Шеф»... С. 243.

² Кутайсов В.А. Патриарх крымской советской археологии // Его называли «Шеф»... С. 22, 23.

³ Там же. С. 29.

была присвоена Государственная премия Автономной Республики Крым¹.

Благодаря тому что появилась возможность снимать мозаики с их прежних мест и перемещать туда, где обеспечена их сохранность, было устранено препятствие вести раскопки в горизонтах, расположенных под мозаиками, до самого материка. Так был открыт античный театр, раскопки на котором, а потом и его реставрацию Олег Иванович вёл до последнего своего дня. «Сопротивляться болезни и быть до последнего момента на ногах Олегу Ивановичу помогала высокая мотивация – завершить начатое дело реставрации античного театра, исследованию которого он отдал 40 лет своей жизни. К сожалению, не успел...»² Если бы не было О.И. Домбровского с его методом реставрации мозаик, мы бы их уже потеряли! Не было бы и античного театра!

Олег Иванович всегда был активным защитником культурно-исторического наследия Крымского полуострова. Благодаря его настойчивости удалось предотвратить разрушение и гибель многих памятников прошлого. Он был членом президиума Крымского правления Украинского общества истории и культуры с самого начала его создания в 1966 г. В 1991 г. эта организация присудила ему одну из первых премий им. В.В. Хвойко. Олег Иванович никогда не занимал высоких постов, не имел почётных званий, но та скромная должность, на которой он находился с 1956 по 1983 г., – учёный секретарь Отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР, благодаря его неутомимой энергии и бескорыстию, всегда была уважаемой и весомой. Он исходил не из конъюнктурных соображений, а только из интересов Крыма. Именно этим и объясняется столь высокий авторитет и известность учёного на полуострове и за его пределами. В одном из изданий³ О.И. Домбровский вполне справедливо назван «патриархом крымской археологии»⁴.

Кроме научного, Олег Иванович получил заслуженное педагогическое признание. За руководство ту-

ристско-археологическим кружком он был награждён значком «Отличник народного образования». Сотни мальчишек и девчонок Крыма прошли школу жизни у Олега Ивановича и связали с ним свою судьбу. Благодаря особому обаянию и огромному педагогическому и психологическому таланту, ему удалось заинтересовать школьников такой, на первый взгляд, скучной наукой, как археология. Атмосфера в кружке была завораживающе притягательной и доброжелательной, а руководитель был самым умным и справедливым, заботливым и слегка ироничным человеком. Ему не надо было повышать голос, чтобы привлечь внимание: стоило заговорить – и все замолкали. Кто хотя бы раз побывал на занятиях Олега Ивановича, на экскурсиях или в походах вместе с ним, возвращался и приводил своих друзей. Причём приходили в кружок ребята в очень сложном, переломном возрасте, когда некоторые родители начинали терять авторитет или просто не могли уследить за детьми, потому что много работали. Особенно трудно было контролировать своих отпрысков во время каникул. А дети ещё не понимали, куда приложить свою буйную энергию, и зачастую попадали в «лапы улицы». Были среди кружковцев и ребята из неблагополучных семей, и все они стали настоящими людьми. Так что многих из своих воспитанников Олег Иванович спас, возможно, от большой беды, приставил их к интересному делу и, благодаря своему непререкаемому авторитету, стал для них вторым отцом, может быть, более значимым в этом возрасте, чем первый, не говоря уже о тех, у кого отцов и вовсе не было. С Олегом Ивановичем мы проводили все выходные, праздники и каникулы. Он научил нас всему. Какое же это было восхитительное время! Особенно интересно было в экспедициях: «...сейчас, уже прожив большую часть жизни и проработав во многих местах и коллективах, я могу твёрдо сказать, что нигде, даже в армии, я не встречал такого чётко налаженного механизма, в котором бы сочетались жёсткая дисциплина со свободой и демократией, ответственность за порученное тебе дело, спорт и развлечения, познавательность и подготовка к последующей жизни (учёба, выбор профессии), принцип: один за всех и все за одного. На этом «сайте» отсеивались либо люди (таковых было не так много), либо то лишнее, что было в человеке. О себе могу сказать, что шелуха эгоизма и самоуверенности остались на «сайте»»⁵.

¹ *Кутайсов В.А.* Патриарх крымской советской археологии // Его называли «Шеф»... С. 26.

² *Проценко А.В.* Особая общность людей. Подарок судьбы // Там же. С. 221.

³ Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1993. Вып. 3. С. 3.

⁴ *Кутайсов В.А.* Патриарх крымской советской археологии // Его называли «Шеф»... С. 30.

⁵ *Бибиков А.С.* Мастер-педагог // Его называли «Шеф»... С. 135.

Олег Иванович как-то сказал, что кружок, как стая волков – старшие учат младших. Действительно учили: на раскопках показывали, как правильно работать, в походах – как лучше уложить рюкзак, как в дождь развести костёр, как благоустроить свой ночлег, как безопасно ходить в горах и многому другому. Всему этому старших ребят – «змеев» и «змеёнышей» – научил в своё время Олег Иванович, а те – «недомерков». Такая «табеля о рангах» появилась, когда «бывалые» проводили топографическую съёмку Змеиного грота¹. Вот с чьей-то подачи они были наречены «змеями», а младшие автоматически стали «змеёнышами». Самые маленькие, приходившие в кружок в более позднее время, оказались «недомерками». Для перехода из «недомерков» в «змеёныши» нужно было съесть много экспедиционной каши и пройти специально разработанный ритуал посвящения. Стать «змеёнышем» было заветной мечтой каждого «недомерка».

Вообще, жизнь в экспедициях была организована очень рационально. Со стороны могло показаться, что всё вертится само собой. На самом деле Олег Иванович управлял процессом – раньше всех вставал, позже всех ложился. Строил работу так, чтобы на каждом участке был старший из опытных «змеев» или «змеёнышей», которым уже можно было поручить всё что угодно, или кто-нибудь из научных работников-археологов – помощников Шефа. Часто в экспедициях работали Е.А. Паршина, В.А. Анохин, О.А. Махнева и др. И Шеф, и все они разговаривали с нами как со взрослыми. Рассказывали, что и как делать, объясняли значение находок, иногда превращая работу в подобие лекции или семинара. Нам это нравилось – мы чувствовали свою причастность к большому и важному делу. Шеф всё контролировал, везде успевал, где надо, вникал в суть проблемы и помогал. Надо заметить, что Олег Иванович часто доверял старшим ребятам самостоятельную работу не только на раскопках. Почти все топографические съёмки производили его ученики. Когда он сам не мог вести нас в поход, тоже поручал это ответственное дело опытным ребятам.

Кроме научной работы, Олег Иванович занимался организацией быта экспедиции. Он назначал команданта из «змеев», который следил за инвентарём и продуктами, определял дежурных (еду готовили сами себе по очереди), организовывал сбор хвороста для костра, доставку воды для кухни и поддерживал поряд-

док в лагере. Особое внимание Олег Иванович уделял питанию. Бывало, что в лагере находилось одновременно более пятидесяти человек, и всех надо было накормить. Несмотря на то что исходный набор продуктов был скудным: крупы, макароны, картофель, рыбные консервы, тушёнка, сгущёнка, лавровый лист и перец, он умудрялся сварганивать что-то вкусенькое и всегда участвовал в конечной фазе приготовления пищи – делал салатки, подливки и соусы. Никто не оставался голодным, даже неожиданно появившиеся гости. Если продуктов не хватало, он брал деньги из своей зарплаты и посылал гонцов в магазин или на рынок. Вот почему он подолгу ходил в одних и тех же брюках и рубашках, но всегда был гладко выбрит и аккуратно причёсан. Когда он успевал привести себя в порядок, никто не видел. В городской жизни он всегда одевался в классическом стиле: ослепительно белая рубашка с отложным воротником без галстука, жилетка, неизменно отутюженный пиджак и брюки.

После работы начиналась настоящая свобода – море, футбол, прогулки в горах. Никаких ограничений не было. Вообще, Олег Иванович поощрял занятия спортом. С его лёгкой руки многие ребята, кроме туризма, стали заниматься спортивным ориентированием, спелеологией, скалолазанием и альпинизмом. Многие занимались всем сразу. Повзрослев, определились в своих предпочтениях. Лучшие спелеологи, альпинисты и скалолазы Крыма, мастера спорта, в том числе и международного класса, были воспитанниками Олега Ивановича. Стоит отметить, что на лыжи нас поставил тоже он. Сам Шеф ещё на Карельском фронте освоил это средство передвижения и в зимние каникулы устраивал для нас лыжные походы по Крыму, а тех, кто ещё не стоял на лыжах, отправлял учиться на кордон Буковий. Там и мы с друзьями на студенческих каникулах сделали первые шаги. Когда через год нам довелось участвовать в лыжном походе на вершину Говерла в Карпатах, мы уже чувствовали себя вполне уверенно. Любовь к лыжам мы сохранили на всю жизнь.

Хотя у нас в «бродячей академии», как окрестили кружковцев Олега Ивановича в далёком 1958 г., и была неограниченная свобода, но не было вседозволенности. Особое внимание уделялось дисциплине. Когда по утрам Шеф произносил слово «подъём», все выскакивали из палаток как ошпаренные. Кто был последним, должен был принести два ведра воды для кухни.

Олег Иванович мог и подзатыльник вклеить сильно расшалившимся ребятам или приложить к мягкому месту кизиловой палкой. Надо сказать,

¹ Карстовая пещера в обрывистом склоне Внутренней гряды Крымских гор рядом с селом Левадки.

что в полевых условиях Олег Иванович никогда с ней не расставался. Этот своеобразный посох, около полутора метров длиной, для всех нас был частью образа Шефа, зримым свидетельством его всемогущества и нашей беспрекословной веры в него. Посох мог выполнять самые разнообразные функции: был мерным инструментом (т.к. имел деления-метки через каждые 5 см), служил дополнительной опорой, помощником в преодолении непролазных зарослей и каменных осыпей и был предметом воспитательного воздействия на нерадивых и провинившихся членов нашей «бродячей академии». Такое наказание называлось «получить кизилового варенья». Некоторые говорят, что это непедагогично. Может быть, но зато как действенно! Да никто и не обижался, потому что «за дело» и потому что уважали Олега Ивановича. Некоторые даже гордились таким наказанием. Бывало, вечером у костра соберутся и со смехом вспоминают, кто и за что схлопотал от Шефа. Вообще вечера у костра все любили. Олег Иванович обладал великолепным чувством юмора и был превосходным рассказчиком. Иногда его притчи имели очень тонко завуалированный воспитательный смысл. Да и его коллеги не отставали – много поведали интересных и поучительных историй. «...Поступать скверно было и стыдно, и страшно, и не престижно, мы во всём подражали Шефу и стремились быть достойными его расположения. Каждый старался быть в глазах Олега Ивановича выше, стройнее, красивее, быстрее всех выполнить поручение, раньше всех внести рациональное предложение – с ним каждый из нас постоянно совершенствовался, становился лучше»¹. Поощрения тоже были. Самый распространённым призом была банка гущёнки, например, за победу в футбольном матче. Наиболее ценным – путёвка (за которую всегда платил Шеф) на Кавказ, в детский альпинистский лагерь.

Отношение Олега Ивановича к своим подопечным было уникальным. Любой из нас мог запросто, без предупреждения, прийти к нему домой или на работу. Он откладывал в сторону бумаги, спокойно и участливо, с доброжелательной улыбкой выслушивал весь детский бред, который мы несли. Никогда не говорил, что он сильно занят (а занят он был всегда) и не может с тобой разговаривать. Было такое ощущение, что к нему пришёл любимый сын, с которым ему очень интересно проводить время и болтать ни о чём. При-

чём он безошибочно определял лучшие качества и способности в каждом из нас и всячески старался их развивать. Думаю, нет, точно знаю, что он любил всех нас, а мы все любили его. При этом каждый был уверен в том, что он, и только он, любимчик Шефа.

Олег Иванович учил нас бережному отношению к природе. Везде после ухода наших групп на месте стоянок был идеальный порядок. Нигде ни пустой банки, ни бумажки. Костёр всегда тщательно залит водой, кострище завалено камнями. Если место стоянки до нашего прихода было замусорено, мы всё убирали. В конце 1960-х Шеф был инициатором расчистки и приведения в порядок родников. Начинание было подхвачено другими туристскими секциями. До сих пор в Горном Крыму встречаются источники под навесами из деревянных жердей, построенными нашими ребятами. Никто из нас никогда не сломал ветку, не вырезал на стволе дерева и не написал краской на скале своё имя. Как сам Олег Иванович относился к природе, можно понять из эпизода, участником которого был я сам. В середине 70-х годов прошлого века мы с моими друзьями – Валерой Бересневым, Витей Костриченко, Славой Пантюхиным, Сашей Молдовановым, Славой Засыпкиным, Володей Куляминым – работали в Крымской межобластной специальной научно-реставрационной производственной мастерской. Наша специальность называлась «проходчики горных склонов», а сослуживцы нас называли просто – скалолазы. Почти все в нашей бригаде были воспитанниками Шефа, мастерами спорта и инструкторами альпинизма. Мы занимались укреплением скал над пляжами и дорогами Южного берега Крыма. Иногда руководство мастерской командировало нас на другие работы, требующие сильных рук: то леса сложной конфигурации надо, и непременно быстро, построить на Армянской церкви в Ялте, то, наоборот, разобрать или без устройства лесов, на верёвках покрасить фасады Ливадийского дворца, то смонтировать детали минарета на мечети в Евпатории и т.д. И вот как-то поручили нам работу по реставрации стен цитадели на Мангупе. Поручили не совсем нам. Дело в том, что на Мангупе уже много месяцев, главным образом в одиночку, работал опытный реставратор-каменщик Женя Бартан из севастопольского участка нашей мастерской. Помощники у него задерживались недолго – никто не хотел там жить, – и приходилось ему решать все вопросы и проблемы. И стройматериалы туда доставлять, и стены восстанавливать. Он даже получил шуточный титул «князь Мангупа». Я думаю, что за такие трудовые подвиги

¹ Сергеева О.И. Талантлив во всём // Его называли «Шеф»... С. 272.

медалью надо награждать. Вот и решили нашей бригадой усилить Бартана – нам не привыкать жить в горах. Под его руководством работа шла довольно быстро, да и нам было интересно приобретать новые навыки, которые вскоре пригодились. (В следующем году Олег Иванович поручил нашей бригаде реставрацию и консервацию стен римских терм на мысе Ай-Тодор и высоко оценил качество выполненных нами работ.)

И вот в один прекрасный день у нас появляется Олег Иванович. Всё как в юности – мы с Шефом на Мангупе! А пришёл он посмотреть, как мы работаем, поскольку проводил научное сопровождение реставрации почти всех археологических объектов Крыма. Нашей работой Олег Иванович остался доволен и отозвал меня в сторонку поговорить, о чём не помню, но не это врезалось в память. Присесть было не на что, так как жили мы в палатках. Но недалеко из земли торчал камень с плоским верхом. Иногда мы использовали его как стул. Я предложил Шефу посидеть на нём. Когда мы подошли поближе, то увидели, что в середине камня, в небольшом углублении, скопилась вода – утром из тёплого воздуха на холодной поверхности сконденсировалась влага. Я очень огорчился, что Шефу не на что сесть. Недолго думая, смахнул воду ладонью. Брови у Олега Ивановича поползли вверх, и он спросил меня: «Зачем ты это сделал?» «Как зачем? – не понял я, – сейчас принесу что-нибудь, постелю, и можно будет сесть». «Подожди! – остановил меня Олег Иванович. – Смотри, вон на ветке птичка сидит. Видишь?» «Вижу», – ответил я. «А она могла бы из этой лужицы напиться», – укоризненно сказал Олег Иванович. Птичка чирикнула словно в подтверждение слов Шефа и улетела. Я огорчился ещё больше. Ведь я взрослый уже человек, у самого сын в школу ходит, а вот не сообразил такой простой вещи. Ведь лето было сухое, все лужи высохли, и почти все источники давно иссякли. Пришлось сбегать за водой и восстановить поилку для птиц. А про себя я в очередной раз восхитился Шефом – уже немолодой человек – за 60. Встал ни свет ни заря, пешком, под палящим солнцем поднялся на Мангуп, а расстроился не тому, что не смог отдохнуть, а моей бестолковости и тому, что птичка осталась без воды! Какое же надо иметь огромное сердце, чтобы так любить жизнь, природу, животных, людей и нас, несмышлёных, которых надо всё время учить! В этом, наверное, и заключается феномен этого великого человека! Эх, нам бы всем хотя бы половину его замечательных качеств – насколько мир был бы лучше. После ухода

Шефа, в процессе работы, я всё время посматривал, прилетит ли? А когда прилетела, и не одна – обрадовался. Олег Иванович оказался прав, как всегда.

О.И. Домбровский остался в жизни и в памяти каждого из своих учеников: «Пройдут годы, радостные и печальные события. И вдруг ученики откроют для себя простое величие учителя, может быть, самого лучшего в их жизни. Они будут, кто по разуму, а кто инстинктивно, следовать его принципам: справедливости, честности, великому терпению, умению находить в жизни светлое, шутить над собой и видеть в человеке его лучшие стороны»¹.

15 октября 1994 г. Олега Ивановича не стало, он не дожил до своего восьмидесятилетия двадцать три дня. «Из жизни он ушёл, как и жил, – стремительно. Отработал в пятницу на объекте до конца рабочего дня, сам себе вызвал карету “скорой помощи”, взял в больницу очки да книгу почитать и к полуночи уснул вечным сном. Рак»². Прощались с Олегом Ивановичем сначала в Херсонесе, где он проработал большую часть своей жизни, а потом гроб с телом перевезли в Симферополь. Похоронная процессия растянулась так, что на некоторых улицах ГАИ пришлось перекрывать движение – пришли все его ученики разных возрастов, некоторые из них даже никогда не видели друг друга, но имя «Шеф», как пароль, всех нас сблизало...

Олег Иванович был богом и отцом для многих поколений крымских мальчишек. Суровая и радостная жизненная школа, которую они проходили в его «бродячей академии», запомнилась им на всю жизнь. Лучшее тому подтверждение – слова, написанные его коллегой доктором геолого-минералогических наук В.Н. Дублянским: «Перефразируя Гоголя, можно сказать, что вся крымская полевая археология и спелеология в значительной мере вышли из знаменитого кизилового посоха Олега Ивановича. И может быть, это главное, что он сделал в жизни»³.

«Домбровский решил вопрос вечности – он реализовал себя через учеников. И в этой необыкновенной мозаике, которая и есть Олег Иванович, каждый его ученик – маленький квадратик. Частица человека, личности, космоса, явления, имя которому – Домбровский»⁴.

¹ Усиков Д. Первопроходец // Его называли «Шеф»... С. 154.

² Сергеева О.И. Талантлив во всём // Там же. С. 273.

³ Дублянский В.Н. Пещера имени О.И. Домбровского на Басмане // Там же. С. 240.

⁴ Рощина М. Мозаика Домбровского // Там же. С. 307.

Мемориальная доска на здании Крымского отдела археологии в г. Симферополе

В.И. Клатаевский выступает на церемонии открытия мемориальной доски О.И. Домбровскому

Могила О.И. Домбровского. Мозаика выполнена реставраторами-мозаичистами – учениками О.И. Домбровского, античная колонна перенесена на могилу с раскопок Херсонеса

На могиле Олега Ивановича в день его рождения и в день ухода всегда собираются его воспитанники

В Симферополе на могиле Олега Ивановича стараниями его учеников сооружено надгробие с мозаичным орнаментом, в качестве обелиска установлен фрагмент античной колонны и посажен кизилевый куст. В дни рождения и смерти Шефа здесь собираются его воспитанники, чтобы отдать дань памяти своему учителю. Очень хотелось бы, чтобы в Херсонесе, где Олегом Ивановичем Домбровским были сделаны самые главные и значимые открытия за всю историю раскопок, был установлен памятный знак в честь учёного, отдавшего лучшую часть своей жизни этому замечательному кусочку нашей Родины. Уверен, что всякое возрождение надо начинать с восстановления памяти о великих людях, к которым, бесспорно, относится Олег Иванович Домбровский.

30 октября 2017 г.

Об авторе

Клатаевский Виталий Иванович, 1944 г. рождения. В кружке Шефа с 1959 г. Занимался спортивным туризмом, спелеологией, скалолазанием и с 1963 г. – альпинизмом. В 1963 г. окончил Симферопольский техникум железнодорожного транспорта по специальности «Техник-строитель». Служил в армии с декабря 1963 по декабрь 1966 г. После армии работал инженером-конструктором, а с 1968 по 1996 г. – проходчиком горных склонов. В 1975 г. окончил Ростовский госуниверситет по специальности «Географ-краевед». Работал промышленным альпинистом. Мастер спорта СССР по альпинизму, инструктор альпинизма 1-й категории, инструктор по горным лыжам. С 1996 г. проживает в Санкт-Петербурге.

С.Д. Гарнюк

Из истории вооружённого восстания в Севастополе в ноябре 1905 г. (по документам ЦГА Москвы)

В истории России 1905 г. стал переломным. Он начался с Кровавого воскресенья в Санкт-Петербурге, где 9 января была расстреляна многотысячная демонстрация рабочих. Недовольство существующим порядком вещей в той или иной степени проявляли тогда все основные общественные группы, а не только пролетариат. Крупная буржуазия, либеральная часть дворянства, элитарные слои интеллигенции мечтали о конституционной монархии по британскому образцу, намереваясь таким образом улучшить и «облагородить» самодержавие. Выразителем их настроений были полулегальные политические организации «Союз освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов». В июле 1905 г. они создали организационный комитет конституционно-демократической партии, которая была учреждена в октябре того же года. Тогда же умеренное крыло либеральной оппозиции образовало партию «Союз 17 октября». Леворадикальные партии и организации хотели не модернизации существующей системы, а её уничтожения. Ведущую роль в революционном лагере, который претендовал на выражение интересов рабочего класса и крестьянства, играли Российская социал-демократическая рабочая пар-

тия (РСДРП) и партия социалистов-революционеров (эсеры). Несмотря на однозначно выраженное в их программах стремление к установлению социалистического строя, эти партии в тот момент выдвигали общедемократические требования. В статье «Демократические задачи революционного пролетариата», опубликованной в июне 1905 г., В.И. Ленин заявил о приоритетах российской социал-демократии: «1. Низвержение царского самодержавия. 2. Замена его демократической конституцией самодержавия народа, т.е. сосредоточие всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату»¹.

Непримиримое отношение к самодержавию неизбежно толкало революционеров на крайние меры борьбы. Эсеры осуществили целый ряд громких террористических актов. Наибольший резонанс получило убийство в Москве 4 февраля 1905 г. дяди императора Николая II великого князя Сергея

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 273.

Александровича¹. Главные же надежды и социалисты-революционеры, и социал-демократы возлагали на вооружённое восстание. Именно в 1905 г. небывалое до того распространение получила революционная пропаганда в вооружённых силах, прежде всего на флоте. Широкий международный резонанс вызвало июньское восстание на броненосце «Потёмкин». Затем на протяжении нескольких месяцев всю страну сотрясали забастовки, митинги, крестьянские волнения, покушения. Октябрьская всероссийская стачка, ставшая наивысшей точкой протестного движения, вынудила Николая II подписать Манифест 17 октября 1905 г. о даровании основных политических прав и свобод. Но напряжение в стране продолжало только нарастать. Одним из центров революционной активности осенью 1905 г. стал Севастополь. 18 октября в городе начались многоярусные митинги. На одном из них, на Приморском бульваре, выступил лейтенант флота беспартийный социалист Пётр Петрович Шмидт², призвавший к немедленному освобождению политических заключённых. Затем к городской тюрьме двинулась десятитысячная демонстрация под красными знамёнами. Результатом шествия стал расстрел манифестантов, повлёкший гибель восьми человек.

Утром 19 октября в Севастополе вновь прошли массовые собрания. В ходе митинга на том же Приморском бульваре протестующие сформулировали основные требования для передачи их Городской думе и избрали для этого 28 депутатов, в том числе П.П. Шмидта. На состоявшемся внеочередном заседании Дума «постановила выразить свой протест правительству, администрации коего были убиты граждане Севастополя, мирно праздновавшие осуществление свободы и совершавшие мирную манифестацию уздания тюрьмы в честь заключённых за политические убеждения»³. Основными пунктами данного постановления были: снятие военного положения, замена войск и казаков временной народной охраной,

освобождение всех политзаключённых, общая амнистия, отмена смертной казни.

20 октября состоялись похороны погибших. Исполняющий обязанности начальника Севастопольского жандармского управления подполковник А.П. Бельский⁴ в своём донесении командиру корпуса жандармов оценил число собравшихся на траурной церемонии в 10–12 тыс. человек. Из речей ораторов, как особенно зажигательную, он выделил ту, что произнёс П.П. Шмидт⁵. За это выступление мятежный лейтенант был арестован, что только увеличило его популярность. Ситуация в городе оставалась крайне напряжённой, постоянно проходили забастовки, а также митинги с участием матросов, солдат и рабочих.

11 ноября главный командир Черноморского флота вице-адмирал Г.П. Чухнин⁶ телеграфировал морскому министру А.А. Бирилёву⁷: «Настроение в командах ненадёжное, появились признаки его на «Очакове», «Пантелеймоне» и в дивизии при направлении из Севастополя центральной революционной пропаганды... Начались сходки тысячи по две матросов и солдат – агитация идёт за освобождение от суда матросов «Потёмкина». Арестовать тысячи нельзя, на действие оружием против них рассчитывать тоже нельзя, чувствую, что с арестами и при действии оружием восстановит весь флот»⁸.

Восстание началось в тот же день, примерно в 5 ч дня, во время митинга на площади между казармами флотских экипажей и казармами 49-го Брестского пехотного полка⁹. Один из матросов 28-го флотского экипажа, Константин Петров¹⁰, на глазах у собравшихся выстрелами из винтовки застрелил штабс-капитана 50-го Белостокского пехотного пол-

¹ Сергей Александрович (1857–1905), великий князь, сын императора Александра II. Московский генерал-губернатор (1894–1905), командующий войсками Московского военного округа (1896–1905).

² Шмидт Пётр Петрович (1867–1906), в 1886 г. окончил Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге, лейтенант флота, в 1905 г. офицер 28-го флотского экипажа Черноморского флота.

³ Севастопольское вооружённое восстание в ноябре 1905 года. Документы и материалы. М., 1957. С. 112.

⁴ Бельский Алексей Петрович (1857–?), в 1901–1905 гг. начальник жандармского управления в Севастопольском градоначальстве и Евпаторийском уезде, генерал-майор (1913). После 1917 г. сведения не обнаружены.

⁵ Севастопольское вооружённое восстание... С. 117.

⁶ Чухнин Григорий Павлович (1848–1906), вице-адмирал. Главный командир Черноморского флота и портов Чёрного моря в 1904–1906 гг. Убит в Севастополе 28 июня 1906 г. матросом Я.С. Акимовым.

⁷ Бирилёв Алексей Алексеевич (1844–1915), в июне 1905 – январе 1907 г. морской министр, адмирал (1907). С 1907 г. в отставке.

⁸ Цит. по: Севастопольское вооружённое восстание... С. 129.

⁹ 49-й Брестский пехотный полк существовал в составе русской армии в 1806–1918 гг.

¹⁰ Петров Константин, матрос 28-го флотского экипажа. Другие сведения не обнаружены.

ка¹ А.А. Штейна² и ранил контр-адмирала С.П. Писаревского³. Месяц спустя в газете «Одесские новости» было опубликовано письмо Петрова, в котором он повествовал об этом драматическом эпизоде. Получив ответ на свой вопрос, где стоят роты, адмирал Писаревский сказал: «Приготовьтесь, стрелять придётся». Я запнулся и спрашиваю: «В кого?» Он мне ничего не сказал и пошёл дальше. Я тогда, не теряя ни минуты, зарядил винтовку и выстрелил. Первая пуля попала в того, кто сказал: «Приготовьтесь, стрелять придётся». Я наметился в другого – это был армейский офицер. Я его не знал, но знал, что это кровь одна, одни кровопийцы⁴. Петров был задержан, но затем освобождён восставшими матросами. Повстанцы арестовали офицеров, обезоружили их и изгнали из казарм. К восстанию присоединились матросы флотской дивизии, ряда судов Черноморского флота, солдаты Брестского полка, а также рабочие адмиралтейства. Руководящую роль в движении сыграл Севастопольский Совет матросских, рабочих и солдатских депутатов, первое заседание которого состоялось 12 ноября. На нём был избран исполнительный орган совета – «Матросская комиссия». На втором заседании совета вечером 12 ноября обсуждались требования, которые восставшие в итоге предъявили действующим властям: освобождение всех политических матросов и солдат на поруки матросов и солдат и предание их гласному суду; удаление из города всех боевых рот, казаков и снятие военного положения, отмена смертной казни; неприкосновенность личности депутатов; полная свобода вне службы, право посещать все общественные места и собрания; вежливое обращение офицеров с нижними чинами на «Вы», отмена титулов вне службы; уменьшение срока службы: до 2 лет для солдат и до 4 лет для матросов. Самое важное требование содержалось в пункте 17: «Сверх этого, матросы и солдаты присоединяются к всеобщим российским требованиям: 1) немедленного созыва Учредительного собрания на основании всеобщего, прямого,

равного и тайного голосования и 2) 8-часового рабочего дня»⁵.

Первоначально повстанцы были настроены миролюбиво. Например, утром 12 ноября восставшие задержали коменданта Севастопольской крепости генерал-лейтенанта В.С. Неплюева⁶ и командира 13-й пехотной дивизии генерал-майора В.Г. Сидельникова⁷, но уже через несколько часов освободили их. Обострение ситуации наступило 13–14 ноября.

14 ноября помощник начальника Таврического губернского жандармского управления ротмистр Н.А. Васильев⁸ информировал Департамент полиции о положении в городе: «Настроение жителей крайне тревожное, чернь против властей, крейсер «Очаков» вышел из повиновения, между матросами, крепостной артиллерией возбуждение растёт, сапёрная рота передана матросам. Крепость объявлена на военном положении. Мои агенты из страха отказались работать»⁹.

Главной фигурой в лагере восставших стал П.П. Шмидт, незадолго до того освобождённый из-под ареста. Вечером 13 ноября на заседании «Матросской комиссии» он дал согласие возглавить восстание в качестве военного руководителя. Основные надежды повстанцы возлагали на экипаж крейсера «Очаков», на который Шмидт переехал утром 14 ноября. Депутаты от других восставших кораблей, прибывшие на «Очаков», сообщили ему, что он избран командующим эскадрой. После этого на крейсере был поднят сигнал: «командую флотом. Шмидт»¹⁰.

Чтобы привлечь на сторону революции личный состав эскадры, Шмидт на миноносце «Свирепый» совершил обход всех кораблей, но достигнуть поставленной цели ему не удалось. К восстанию присоединилась лишь команда броненосца «Пантелеймон» (бывший «Потёмкин»). Кроме того, на транс-

¹ 50-й Белостокский пехотный полк существовал в составе русской армии в 1806–1918 гг.

² Штейн Августин Августович, штабс-капитан, командир роты 50-го Белостокского полка.

³ Писаревский Сергей Петрович (1848–1908), в 1905 г. контр-адмирал, начальник штаба Черноморской флотской дивизии, затем – вице-адмирал.

⁴ «Одесские новости». 1905. 11 декабря. Цит. по: Севастопольское вооружённое восстание... С. 194.

⁵ Цит. по: Севастопольское вооружённое восстание... С. 135, 136.

⁶ Неплюев Владимир Степанович (1847–?), генерал-лейтенант. В августе 1905 г. – феврале 1907 г. комендант Севастопольской крепости. С 1908 г. в отставке в звании инженер-генерала. Проживал в Гатчине, после 1917 г. сведения не обнаружены.

⁷ Сидельников Владимир Гаврилович (1847–?), генерал-майор. Другие сведения не обнаружены.

⁸ Васильев Николай Антонович (?–?), сведения не обнаружены.

⁹ Цит. по: Севастопольское вооружённое восстание... С. 144.

¹⁰ Цит. по: Там же. С. 257.

порт «Прут» был высажен десант, который освободил находившихся там в заключении матросов-потёмкинцев.

Восстание в Севастополе вызвало прилив энтузиазма в революционных кругах, стало событием общенационального масштаба. 16 ноября 1905 г. В.И. Ленин писал в ежедневной большевистской газете «Новая жизнь»: «Севастопольские события знаменуют полный крах старого, рабского порядка в войсках, того порядка, который превращал солдат в вооружённые машины, делал их орудием подавления малейших стремлений к свободе»¹. В том же номере «Новой жизни» была опубликована и приветственная телеграмма участникам восстания от Петербургского Совета рабочих депутатов, который воспринимался в революционных кругах как своеобразное альтернативное правительство: «Да будут севастопольские события примером для солдат всей России, как забастовка петербургских рабочих в защиту кронштадтских матросов – примером для рабочих всей России. Тогда союз революционного пролетариата и революционного войска положит конец всем остаткам самодержавия и водворит на развалинах его свободный демократический строй»². Впрочем, в день выхода в свет этого номера газеты восстание уже было подавлено.

В полночь 12 ноября Николай II телеграфировал вице-адмиралу Г.П. Чухнину: «Помощь будет прислана. Не теряйте бодрости духа»³. 13 ноября Севастополь был объявлен на военном положении. В город постоянно продолжали прибывать верные правительству части, возглавляемые командиром 7-го армейского корпуса генерал-лейтенантом А.Н. Меллер-Закомельским⁴. 15 ноября, в 5 ч 20 мин утра, он сообщал в телеграмме, отправленной Николаю II: «Когда придут все подкрепления и все попытки прекратить мятеж без кровопролития окажутся безуспешны, буду действовать беспощадно»⁵.

Развязка, причём действительно беспощадная, наступила в тот же день. В другой телеграмме Мел-

лер-Закомельского на имя императора, отправленной вечером 15 ноября, говорилось: «Сегодня во втором часу дня, ввиду вызывающего образа действия мятежников, я приказал открыть огонь оружейный и из пулемётов по транспорту “Днестр” и миноноске, стоявшим в Южной бухте и поднявшим красные флаги [...]. В ответ “Очаков” открыл огонь. Ему ответили “Ростислав” и четыре орудия тринадцатой бригады с Северного берега. “Очаков” спустил было флаг, но вскоре вновь открыл огонь, и ему ответили “Ростислав”, береговые батареи и полевая батарея. “Очаков” вскоре сдался и сейчас горит»⁶. Одновременно начался обстрел городских казарм, где забаррикадировалось большое количество восставших. Там сопротивление продолжалось до утра 16 ноября. Установить точное число погибших революционеров так и не удалось. В любом случае, жертвы исчислялись сотнями. Именно такой вывод можно сделать из доклада уже упоминавшегося жандармского ротмистра Н.А. Васильева от 22 ноября командиру отдельного корпуса жандармов. В нём говорилось, что команда крейсера «Очаков» насчитывала 380 человек; также на нём находились арестованные офицеры с восставших кораблей, освобождённые с транспорта «Прут» матросы-потёмкинцы и различные гражданские лица. Как писал Васильев, «убитые и раненые остались на “Очакове” после того как он загорелся, и все сгорели, в 9 ч вечера я сам видел раскалённые борты “Очакова”»⁷. Из числа матросов и штатских лиц, находившихся на «Очакове», задержали только 41 человека. Согласно различным официальным данным, общее количество арестованных в те дни составило от 1400 до 2000 человек.

17 ноября Николай II писал матери, вдовствующей императрице Марии Фёдоровне⁸: «Вчера, по крайней мере, ген[ерал] Меллер-Закомельский энергично покончил с мятежом; морские казармы взяты Брестским полком, и крейсер “Очаков” сдался после стрельбы с “Ростислава” и артиллерии на берегу. Сколько убитых и раненых, я ещё не знаю. Подумать страшно, что это всё свои люди!!

Какой-то прогнанный со службы офицер бывший лейтенант Шмидт провозгласил себя командиром “Очакова”, но после боя бежал, переодетый

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 111.

² Цит. по: Троцкий Л.Д. Наша первая революция. Ч. 1. М., 2018. С. 203.

³ Цит. по: Севастопольское вооружённое восстание... . С. 137.

⁴ Меллер-Закомельский Александр Николаевич (1844–1928), генерал от инфантерии (1906), в 1909–1917 гг. член Государственного совета. С 1918 г. в эмиграции, умер во Франции.

⁵ Цит. по: Севастопольское вооружённое восстание... . С. 153, 154.

⁶ Севастопольское вооружённое восстание... . С. 159.

⁷ Там же. С. 175.

⁸ Мария Фёдоровна (1847–1928), жена императора Александра III. С 1918 г. в эмиграции, умерла в Дании.

матросом, и был пойман. Его, конечно, придётся расстрелять!»¹

Процесс над П.П. Шмидтом и 40 другими очаковцами проходил с 7 по 18 февраля 1906 г. Их судил временный военно-морской суд, но не в Севастополе, а в г. Очакове. Шмидта, которому на тот момент было 39 лет, и трёх матросов: 25-летнего комендора² Н.Г. Антоненко³, 23-летнего машиниста 2-й статьи А.И. Гладкова⁴ и 31-летнего старшего баталёра⁵ С.П. Частника⁶ приговорили к смертной казни и расстреляли 6 марта того же года на о. Березань. Ещё 18 подсудимых приговорили к каторжным работам – от 4 лет до бессрочных, а 9 человек отдали в исправительные арестантские отделения гражданского ведомства на срок от 2 до 4 лет. 10 матросов полностью оправдали⁷.

В течение 1906 г. состоялись ещё два процесса в Севастополе над участниками восстания, причём с очень большим количеством обвиняемых. В июле перед военно-морским судом Севастопольского порта предстали 92 матроса Черноморской флотской дивизии, в октябре – ноябре на скамье подсудимых находилось уже 257 человек. Приговоры выносились суровые, только на каторгу отправилось 99 подсудимых, но смертных казней уже не было⁸. Впрочем, некоторым участникам восстания удалось скрыться, и их розыск продолжался и в последующие годы.

Одним из них был матрос-очаковец Андрей Емельянович Чураев, человек очень интересной судьбы.

Его биографические материалы находятся в фонде Замоскворецкой (Кировской) районной комиссии г. Москвы по делам бывших дружинников 1905 г., красногвардейцев и красных партизан⁹. Подобные комиссии, нередко именовавшиеся красногвардейскими, существовали по всей стране с 1930 по 1935 г.

¹ Красный архив. 1927. Т. 22. С. 174, 175.

² Комендор – матрос-артиллерист.

³ Антоненко Никита Григорьевич (1880–1906), комендор крейсера «Очаков».

⁴ Гладков Александр Иванович (1882–1906), машинист 2-й статьи крейсера «Очаков».

⁵ Баталёр – военный служащий, отвечающий за продовольственное и вещевое снабжение на военном корабле.

⁶ Частник Сергей Петрович (1874–1906), старший баталёр крейсера «Очаков».

⁷ Севастопольское вооружённое восстание... С. 293, 294.

⁸ Там же. С. 378–380, 384, 385.

⁹ ЦГА Москвы. Ф. Р-2187. Оп. 1. Д. 550, 554.

и занимались как сбором сведений по истории революционного движения и Гражданской войны, так и социальной поддержкой бывших красногвардейцев. В первой половине 1930-х гг. в Москве существовало десять таких комиссий – по числу районов города. В настоящее время документы этих комиссий составляют десять фондов, хранящихся в ЦГА Москвы. В состав этих фондов входят протоколы, отчёты о работе комиссий, а также личные дела красногвардейцев. Среди них есть и участники революционного движения на Черноморском флоте в 1905–1907 гг., и подпольщики, работавшие в нелегальных социал-демократических организациях Крыма и Севастополя, и деятели большевистской партии, сыгравшие заметную роль в событиях Гражданской войны на Крымском полуострове: С.Я. Бабахан, М.М. Васильев, Ш.Н. Ибрагимов и др.

Из анкеты и автобиографии А.Е. Чураева можно узнать, что родился он 10 (22) октября 1880 г. в Самаре в семье рабочего. С 12 лет работал на мельнице, мыловаренном заводе и в Главных железнодорожных мастерских (слесарем). В 1903 г. был призван на Черноморский флот и после краткосрочных курсов военно-морского училища назначен машинистом на крейсер «Очаков». Одновременно стал участвовать в революционном движении и в 1904 г. вступил в РСДРП. В ноябре 1905 г. принимал активное участие в восстании.

В обвинительном акте по делу П.П. Шмидта и других участников восстания на «Очакове», датированном 11 января 1906 г., дана следующая характеристика ноябрьских событий и роли в них А.Е. Чураева: 10 ноября 1905 г. «команду заметно волновали машинисты Гладков, Чураев и Докукин¹⁰, возбуждая вопросы, касающиеся продовольствия»¹¹, а 12 ноября, «когда разбудили команду, то стали назначать людей в боевую роту. Так как строевых нижних чинов не хватало, то приказано было дополнить роту из машинной команды. Старший офицер вызвал Чураева, Докукина и Гладкова и спросил их, будут ли они стрелять, если придётся, на что они так уклончиво ответили, что можно было понять, что они стрелять не будут.

¹⁰ Докукин (он же Кукушкин) Родион Васильевич (1881–?), машинист 2-й статьи крейсера «Очаков». В феврале 1906 г. за участие в восстании приговорён к 15 годам каторжных работ. Другие сведения не обнаружены.

¹¹ Цит. по: Севастопольское вооружённое восстание... С. 249–252.

В это время на мачте в дивизии подняли позывные “Очакова” и сигнал: “принять депутатов”. [...]

Около 11 ½ ч дня на мачте дивизии снова были подняты позывные “Очакова” и тот же сигнал. Докукин, Чураев и Гладков, поддерживаемые командой, стали кричать, что надо ответить на сигнал дивизии и послать туда депутатов, потому что там, может быть, режут людей¹. После того как депутаты А.И. Гладков и Р.В. Докукин вернулись на корабль и сообщили команде выработанные в дивизии требования матросов, «офицеры крейсера вступили в беседу с нижними чинами по поводу матросских требований. [...] Часть команды была успокоена разъяснениями офицеров, а некоторые, особенно Гладков, Чураев, Докукин, комендор Антоненко, кочегары Чебоненко² и Плетнёв³, настаивали на немедленном удовлетворении требований и очень волновали команду. Из них особенно беспокойно вёл себя Чураев, который открыто высказал лейтенанту Винокурову⁴, что он, Чураев, – убеждённый социал-демократ и что среди команды “Очакова” много членов той же партии, чего удалось добиться, вербуя по два, по три человека путём открития им глаз на истины»⁵.

13 ноября «на крейсер приехал офицер, который передал приказание главного командира, что если “Очаков” ещё раз ответит на сигнал дивизии, то по “Очакову” будут стрелять крепость и эскадра. Об этом было объявлено команде, на что Чураев ответил: “Ну что ж, пусть стреляют, сам “Ростислав”, флагманский корабль, ответит, когда поднимут: “твёрдо”, а вот эскадра расстреляет нас, когда мы не ответим”»⁶.

После подавления восстания Чураев скрылся и перебрался в Баку, где жил под чужими фамилиями, работал на различных заводах и принимал активное участие в рабочем движении. В частности, в 1907 г. был одним из организаторов Союза металлистов, а в 1907–1909 гг. возглавлял Союз безработных. На-

кануне Первомая 1909 г. был арестован и два года просидел в бакинской тюрьме под следствием, причём одно время его сокамерником был И.В. Сталин. Так как А.Е. Чураев опрометчиво назвал свою настоящую фамилию, то его этапировали в Севастополь. Дело Андрея Емельяновича 4 мая 1911 г. рассматривал Севастопольский военно-морской суд. Обвинителем выступил И.А. Ронжин⁷ – военно-морской прокурор, который в феврале 1906 г. участвовал в процессе над П.П. Шмидтом и другими очаковцами. Копия приговора находится среди других документов личного красногвардейского дела Чураева⁸. В приговоре указано, что «военно-морской суд признал подсудимого Чураева виновным в том, что в ноябре 1905 г., в период времени с 8-го по 15-е этого месяца, на крейсере “Очаков” нижними чинами в числе более восьми человек под руководством лейтенанта Шмидта и некоторых гражданских лиц было поднято вооружённое восстание по ниспровержению насильственным путём существующего в России государственного строя. Он примкнул к восставшим и оказал им содействие, преследуя не политические цели, не низвержение государственного строя, а руководствуясь исключительно желанием воспрепятствовать распоряжению начальства, направленному к подавлению восстания, причём активная его деятельность, преступление, не принадлежала [к] главным организаторам мятежа на крейсере с самого начала волнения среди команды»⁹.

Выше мы уже цитировали обвинительный акт по делу очаковцев, где неоднократно упоминается Чураев. В приговоре, вынесенном 4 мая 1911 г., эти обвинения носят более развёрнутый характер: «8 ноября, когда командир 2-го ранга крейсера Глизер¹⁰ приказал стоявшей около шканта¹¹ толпе машинной команды отправиться на работу, находящийся впереди этой толпы

¹ Цит. по: Севастопольское вооружённое восстание... С. 250.

² Чебоненко Григорий Николаевич (1879–?), кочегар 1-й статьи крейсера «Очаков». В феврале 1906 г. судился за участие в восстании, был оправдан. Другие сведения не обнаружены.

³ Плетнёв Василий Иванович (1880–?), кочегар крейсера «Очаков». В феврале 1906 г. за участие в восстании был приговорён к 4 годам исправительных арестантских отделений. Другие сведения не обнаружены.

⁴ Винокуров – лейтенант (или мичман) крейсера «Очаков». Другие сведения не обнаружены.

⁵ Цит. по: Севастопольское вооружённое восстание... С. 251.

⁶ Цит. по: Там же. С. 252.

⁷ Ронжин Иван Александрович (1867–1927), в феврале 1906 г. полковник, помощник прокурора Одесского военного округа, обвинитель на процессе очаковцев. Генерал-майор (1908), генерал-лейтенант (1912). В годы Гражданской войны – активный участник белогвардейского движения на юге России. С 1920 г. в эмиграции, умер во Франции.

⁸ ЦГА Москвы. Ф. Р-2187. Оп. 1. Д. 554. Л. 4–5.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ Так в документе. Правильно – Глизан Сергей Александрович (1857–1908). В октябре – ноябре 1905 г. капитан 2-го ранга, временно исполняющий обязанности командира крейсера «Очаков». В 1908 г. капитан 1-го ранга, командир крейсера «Аскольд».

¹¹ Так в документе. Правильно – шканцы.

громко и резко ответил командиру: “Мне и здесь хорошо, я отсюда не уйду”. Сначала 12 ноября того же года перед поднятием флага, когда команда была собрана на шканцы¹, ходил вдоль фронта и убеждал нижних чинов не отвечать на приветствие командира. Это и было исполнено ими. В тот же день около 11 ч 30 мин дня на мачте дивизии поднялся позывный сигнал: “Очаков”. Он совместно с Гладковым и Докукиным стали кричать, что надо ответить на сигнал дивизии и потребовать от старшего офицера послать депутатов; на вопрос же подошедшего в это время к ним старшего офицера капитана 2-го ранга Скаловского², “что там будут делать депутаты?”, он крайне вызывающе ответил: “А может быть, наших там режут”, когда же после этого капитан 2-го ранга Скаловский приказал боцману Каранфилову³ выносить фалы⁴, то он, Чураев, с другими мятежниками бросились к боцману и не допустили его исполнить это приказание. 13 ноября, после объявления старшим офицером вызванной на шканцы команды приказания главного командира, он вышел вперёд и громко сказал: “Не слушайте их – с теми, кто согласится на это, поступят так же, как и с 32-м экипажем, – переведут в армию”. Когда же во время обеда старший офицер с целью воспрепятствовать команде сноситься сигналами с дивизией приказал стоящему на вахте мичману Городынскому⁵ выносить левые фалики, то он после того, как это приказание было исполнено и фалики с шумом упали на продольный мостик, прекратил обед, бросился к мостику и закричал: “Выдерните фалики – новые заведём. Срубите мачту – на трубу их повесим; уберёте трубу – я на руках подниму сигнал”. Наконец в тот же день вечером, перед съездом офицеров с корабля, на обращённое к команде старшего офицера требование “выдать ударники”⁶ он, Чураев, громко закричал: “Ударников не давать, а то мы пропадём”⁷.

Кроме того, Андрея Емельяновича обвиняли в самовольной отлучке с «Очакова», присвоении

казённого обмундирования и проживании по подложному паспорту. В результате суд постановил: «Машиниста 2-й статьи команды бывшего крейсера “Очаков” Андрея Емельяновича Чураева (он же Чураков), из мещан города Самары, 30 лет, за участие в военном восстании, учинённом командою в числе более восьми человек, за 1) со службы побег, длившийся более полугодия, 2) промотание вещей казённого обмундирования и проживание по подложному паспорту лишить военного звания и всех прав состояния, исключить с военной службы и сослать на каторжные работы на двадцать лет (20 лет). Убыток казне от промотанных Чураевым вещей казённого обмундирования в сумме 10 руб. 32 коп. взыскать из собственности подсудимого»⁸. Наказание Андрей Емельянович отбывал в Орловской каторжной тюрьме, известной своим суровым режимом. В 1917 г., после освобождения по амнистии, вернулся в Баку, где занял руководящее положение в рабочем движении. Сначала он был секретарём, а затем председателем городского совета профсоюзов. Тогда А.Е. Чураев по своей партийной принадлежности являлся социал-демократом меньшевиком. В августе 1917 г. как депутат от Баку он принимал участие в съезде меньшевистских и объединённых организаций РСДРП в Петрограде, на котором организационно оформилась меньшевистская партия. Затем от меньшевиков отошёл, состоял в организации социал-демократов интернационалистов; в партию большевиков вступил в 1919 г.

В 1918 г., во время Бакинской коммуны, принимал участие в боях с турецкими войсками и азербайджанскими мусаватистами⁹, будучи завхозом 14-го батальона, командиром роты и чрезвычайным комиссаром Кубинского уезда. Был взят в плен турками, где провёл шесть месяцев. Дальнейшие события Андрей Емельянович изложил в своей автобиографии: «По возвращении в Баку вошёл снова в работу. Инициативная группа, в которой я принимал участие, восстановила профсоюзы и совет профсоюзов, в котором я был выбран председателем. Совет профсоюзов решил созвать рабочую конференцию из месткомов и фабкомов [...]. Нами были выставлены следующие требования: 1) вывоз нефти в Астрахань, 2) предание суду убийц 26 комиссаров, 3) освобождение

¹ Шканцы – часть верхней судовой палубы между средней и задней мачтами; место для парадов на военных судах.

² Скаловский М.М. – капитан 2-го ранга, старший офицер крейсера «Очаков». Другие сведения не обнаружены.

³ Каранфилов – боцман крейсера «Очаков». Другие сведения не обнаружены.

⁴ Фалы (фалики, фаленя) – верёвки, при помощи которых на судах поднимают паруса, сигнальные флаги и вымпелы.

⁵ Так в тексте. Правильно – Городынский. Мичман крейсера «Очаков». Другие сведения не обнаружены.

⁶ Ударники – часть затвора артиллерийского орудия.

⁷ ЦГА Москвы. Ф. Р-2187. Оп. 1. Д. 554. Л. 4–4 об.

⁸ ЦГА Москвы. Ф. Р-2187. Оп. 1. Д. 554. Л. 4 об. – 5.

⁹ Мусаватисты – члены партии «Мусават» (Равенство), правившей в Азербайджане в 1918–1920 гг.

из тюрьмы семейств убитых и 4) экономические требования»¹. Одним из соратников Чураева в то время был руководитель бакинских большевиков Анастас Микоян. Вместе они подготовили всеобщую забастовку в городе, закончившуюся арестом членов стачечного комитета, в т.ч. и самого А.Е. Чураева.

После освобождения он был выслан в Грузию, где просидел в тюрьме полгода, затем вновь приехал в Баку, где опять подвергся аресту, бежал, причём как раз накануне установления советской власти в Азербайджане в конце апреля 1920 г. Тут же был назначен Ревкомом председателем Азербайджанской ЧК, но проработал на этом посту всего несколько дней, а затем перешёл на должность заместителя наркома труда и социального обеспечения Азербайджана. С мая 1920 г. по май 1921 г. – народный комиссар труда Азербайджанской ССР и одновременно с декабря 1920 г. по май 1921 г. – заместитель председателя республиканского Главного комитета по проведению всеобщей трудовой повинности. Далее – председатель и заместитель председателя чрезвычайной тройки Азербайджанской комиссии помощи голодающим.

В 1922 г. А.Е. Чураев переехал в Москву, где первоначально работал в Наркомате труда РСФСР, затем перешёл в аппарат ВСНХ СССР. В 1924–1926 гг. – секретарь московского представительства Среднеазиатской краевой конторы Центросоюза. В 1926 г., в связи с резким ухудшением состояния здоровья, вышел на пенсию по инвалидности, но несмотря на это продолжал вести активную общественную работу. Так, 6 ноября 1933 г. по постановлению президиума Замоскворецкого райсовета и президиума Замоскворецкой районной красногвардейской комиссии Чураев был удостоен звания лучшего ударника в первом году 2-й пятилетки и награждён почётной грамотой². Вскоре, 11 января 1934 г., Андрей Емельянович скончался³.

14 января в газете «Рабочая Москва» опубликовали некролог, подписанный двумя видными партийными деятелями, соратниками А.Е. Чураева по работе в Баку: кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), наркомом снабжения СССР А.И. Микояном и кандидатом в члены ЦК ВКП(б), председателем Мособлисполкома Г.Н. Каминским.

Для подтверждения своей революционной деятельности А.Е. Чураев представил в районную крас-

ногвардейскую комиссию целый ряд документов, заверенных нотариально. Среди них – рекомендация А.И. Микояна, датированная 7 июня 1931 г., где он характеризует Чураева как «преданного революции товарища, с которым вместе проводили стачку в Баку и сидели в тюрьме при английской оккупации»⁴.

В деле Андрея Емельяновича имеются также мандат председателя Азербайджанской ЧК от 28 апреля 1920 г. и удостоверение о работе в 1920–1921 гг. народным комиссаром труда и заместителем председателя Главного комитета по проведению всеобщей трудовой повинности Азербайджанской ССР от 29 мая 1921 г.⁵ Такую же цель – доказать свои революционные заслуги для получения звания красногвардейца – имел в виду А.Е. Чураев, направляя в распоряжение Замоскворецкой красногвардейской комиссии документы о своём участии в Севастопольском восстании. Среди них – уже цитированный приговор Севастопольского военно-морского суда за 1911 г. и воспоминания о событиях ноября 1905 г.

1920-е гг. стали временем расцвета историко-революционной литературы. Молодая советская республика нуждалась в своих героях и мучениках. При этом официальная пропаганда не ограничивала перечень героических образов прошедшей эпохи лишь большевиками-подпольщиками. Огромной популярностью пользовались и народовольцы, и революционеры более позднего времени, казнённые по приговорам царских судов⁶. Так, прославлялись террористы из боевой организации эсеров: достаточно вспомнить про Ивана Каляева, совершившего покушение на великого князя Сергея Александровича 4 февраля 1905 г. и казнённого через повешение в Шлиссельбургской крепости 10 мая 1905 г. Огромное внимание уделялось и судьбе П.П. Шмидта. Потомственный дворянин, кадровый офицер, беспартийный социалист, он олицетворял собой лучших людей образованной части общества, в 1905 г. перешедших на сторону народа. События же первой русской

⁴ ЦГА Москвы. Ф. Р-2187. Оп. 1. Д. 554. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 6, 10.

⁶ Ещё 26 декабря 1925 г. в своём выступлении на 2-м Всесоюзном съезде общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев Л.Д. Троцкий сказал: «Без Радищева не было бы Пестеля. Без Пестеля не явился бы Желябов. Без Желябова мы не имели бы Александра Ульянова. А без Александра не было бы Владимира. [...] В ленинизме живут декабристы, просветители-шестидесятники, народники и народовольцы» (Цит. по: *Троцкий Л.Д.* Указ. соч. Ч. 2. М., 2018. С. 155).

¹ ЦГА Москвы. Ф. Р-2187. Оп. 1. Д. 554. Л. 22.

² Там же. Л. 20.

³ Там же. Л. 32.

революции, одним из самых знаменитых эпизодов которой стало восстание в Севастополе, трактовались как генеральная репетиция 1917 г.

Характерно, что первыми историографами ноябрьского восстания стали его непосредственные деятели и очевидцы. Уже в 1922 г. вышли воспоминания активных участников восстания, социал-демократов И.П. Вороницына¹ и И.И. Генкина², а также документальный сборник, посвящённый П.П. Шмидту³. В 1923 г. сестра Шмидта, А.П. Избаш⁴, опубликовала свои мемуары о нём⁵. В 1925 г. И.П. Вороницын и И.И. Генкин также выпустили книги, посвящённые руководителю восстания⁶. Один из сопроцессников Шмидта, подшхипер «Очакова» В.И. Карнаухова⁷, приговорённый к 20 годам каторги, опубликовал в 1926 г. свои воспоминания «Красный лейтенант»⁸.

Из журнальных публикаций стоит особо выделить статью очевидца тех событий В.Ф. Дробота⁹, опубликованную в журнале «Пролетарская революция»¹⁰. На её страницах неоднократно упоминается и А.Е. Чураев.

¹ Вороницын Иван Петрович (1885–1938), член РСДРП с 1902 г., меньшевик. В ноябре 1905 г. председатель Севастопольского Совета. В ноябре 1906 г. за участие в восстании был приговорён к бессрочной каторге. В 1920–1930-е гг. беспартийный. Историк религии и атеизма. Расстрелян в 1938 г.

² Генкин Иосиф Исаевич (1884–1939), член РСДРП, меньшевик. В ноябре 1906 г. за участие в Севастопольском восстании приговорён к 10 годам каторжных работ. В 1920–1930-е гг. беспартийный, находился на хозяйственной работе. В 1938 г. репрессирован.

³ Вороницын И.П. Из мрака каторги. 1907–1917. Харьков, 1922; Генкин И.И. По тюрьмам и этапам. Пг., 1922; Лейтенант П.П. Шмидт. Письма, воспоминания, документы. М., 1922.

⁴ Избаш (урождённая Шмидт) Анна Петровна (1865–1942).

⁵ Избаш А.П. Лейтенант П.П. Шмидт. Воспоминания сестры. Пг., 1923.

⁶ Вороницын И.П. Лейтенант Шмидт. М.-Л., 1925; Генкин И.И. Лейтенант Шмидт и восстание на «Очакове». К 20-летию 1905–1925. М.-Л., 1925.

⁷ Карнаухова (он же Карнаухова-Краухова) Василий Игнатьевич (1880–?), подшхипер крейсера «Очаков». В феврале 1906 г. за участие в восстании приговорён к 20 годам каторжных работ.

⁸ Карнаухова-Краухова В.И. «Красный лейтенант». Из воспоминаний о лейтенанте П.П. Шмидте и восстании на крейсере 1-го ранга «Очаков» в 1905 г. М., 1926.

⁹ Дробот Василий Филимонович. В ноябре 1905 г. житель Севастополя, очевидец восстания. Другие сведения не обнаружены.

¹⁰ Дробот В.Ф. Севастопольское восстание 1905 г. // Пролетарская революция. 1923. № 6–7. С. 109–163, № 10. С. 61–94.

Сам Андрей Емельянович в 1925 г., в год широко отмечавшегося 20-летия первой русской революции, тоже выступил в печати со своими краткими воспоминаниями о восстании. Его статья в журнале «Молодая гвардия» так и называлась – «Очаков»¹¹. (Напомним: тогда же была завершена работа над легендарным «Броненосцем Потёмкиным» С.М. Эйзенштейна.)

Шесть лет спустя Чураев представил в Замошворецкую районную красногвардейскую комиссию расширенный и дополненный вариант этого текста, озаглавив его «Воспоминания старого моряка А.Е. Чураева к 26-летию Севастопольского Очаковского восстания 14–15 ноября»¹². Именно этот документ предлагается вниманию читателей.

«Воспоминания...» представляют собой машинописный текст без правок. Он написан хорошим и ясным языком, читается легко и отражает личное восприятие А.Е. Чураевым событий четвертьвековой давности, причём их хронология воспроизводится без каких-либо ошибок. Отчасти это объясняется тем, что автор пользовался имеющимися у него копиями документов. Кроме того, очевидно, Севастопольское восстание стало переломным эпизодом в его биографии, именно поэтому рассказ о нём производит впечатление высокой достоверности. Это впечатление дополнительно усиливается тем, что А.Е. Чураев приводит в «Воспоминаниях...» тексты исторических документов – например, цитирует телеграмму П.П. Шмидта императору; стремится насытить повествование выразительной прямой речью, разнообразными деталями и даже профессиональными терминами. Кроме того, ему прекрасно удаются характерные сценки, живые диалоги, запоминающиеся психологические портреты, – например, офицера, который, перед тем как покинуть «Очаков», на глазах у матросов горько оплакивал судьбы России. При этом пафос и даже драматизм в описании событий на «Очакове» органично сочетается с мягким юмором и ненавязчивостью умелого рассказчика.

В «Воспоминаниях...», как и в любых мемуарах, – как минимум, два героя: эпоха, увиденная глазами её современника, и автор.

А.Е. Чураев, которому в момент восстания было 25 лет, предстаёт перед читателями убеждённым и зрелым революционером. Последующие испытания – жизнь на нелегальном положении, арест,

¹¹ [Чураев А.Е.] «Очаков» // Молодая гвардия. 1925. № 12. С. 142–149.

¹² ЦГА Москвы. Ф. Р-2187. Оп. 1. Д. 554. Л. 14–18.

каторга, видимо, воспринимались им как естественные и осознанные издержки на пути революционной борьбы. Направляя свои воспоминания в Замоскворецкую красногвардейскую комиссию вместе с другими документами для получения звания красногвардейца, Чураев внёс в них ряд изменений по сравнению с ранее опубликованным текстом. Прежде всего, он вкратце рассказал о своей дальнейшей судьбе после поражения восстания, а также внёс ряд правок фактического, уточняющего и стилистического характера. Так, в «Воспоминаниях...» 1931 г. упоминается один из руководителей восстания – А.И. Гладков, ранее названный Гладким. Безымянный мичман, упрекавший Чураева и Гладкова в том, что они анархисты, оказался мичманом Винокуровым. Численность команды с 600 человек «уменьшилась» до 400¹.

Одно из наиболее интересных дополнений в тексте 1931 г. – о том, что матросы броненосца «Потёмкин» ещё в мае 1905 г. сообщили социал-демократической организации «Очакова» о своей готовности поднять восстание, но очаковцы предложили отложить выступление до осени. Тем самым автор «Воспоминаний...» подчёркивает, что последовавшее 14 июня 1905 г. вооружённое восстание на «Потёмкине» не было спонтанным бунтом.

Любопытный момент, также свидетельствующий о характере редакционной правки исходного текста статьи 1925 г., связан уже с событиями ноября 1905 г., когда офицер-посланник командующего флотом адмирала Г.П. Чухнина предложил всем недовольным властью отъехать на берег для отправки на родину. Свою роль в срыве этого замысла А.Е. Чураев подчеркнул особо, поместив в текст 1931 г. следующий фрагмент, отсутствующий в редакции 1925 г.: «Я вышел из строя и громко сказал: “Товарищи, не верьте им. Тот, кто их послушает, с теми сделают так же, как с нашими товарищами в экипажах – отправят в армию”»². Ещё одно дополнение повествует о конфронтации между начальством крейсера «Очаков» и командой, когда Чураев воскликнул: «Снимете фаленя – новые повесим; срубите мачту – на трубу повесим; уберёте трубу – на руках подыдем»³. Это дополнение соответствует тексту приведённого выше приговора 4 мая 1911 г., что пря-

мо свидетельствует о том, что А.Е. Чураев пользовался имеющимися у него копиями документов, а также, по-видимому, опубликованными материалами. Один из таких источников – книгу Л.Д. Троцкого «1905» – он упоминает сам, в тексте и 1925, и 1931 гг.

Интересно, что в ходе работы над статьёй «Очаков» и, шесть лет спустя, над «Воспоминаниями...» их автор отмечал и некоторые расхождения реальных событий, как они сохранились в его памяти, с официальными документами. Например, в разделе «Проба “Очакова”», обращаясь к эпизоду, связанному с замыслом сменить караул Г.П. Чухнина и арестовать его как заложника, А.Е. Чураев счёл необходимым сделать специальное примечание, поясняющее, что в тексте обвинительного акта приведена реплика «посмотрим», которую он и Гладков якобы произнесли в ответ на вопрос командира крейсера о намерении открыть стрельбу⁴. В действительности же их ответ был утвердительным. Очевидно, для мемуариста подчеркнуть этот смысловой нюанс было чрезвычайно важным.

В тексте 1931 г. заметен акцент на персональное участие Андрея Емельяновича в восстании, его личное восприятие описываемых событий. В публикации в «Молодой гвардии» этот акцент менее отчётлив. Например, описывая свою миссию по доставке писем пленным офицерам на берег, в публикации 1925 г. А.Е. Чураев писал: «Не имея возможности сообщить о результатах исполненного задания, мне пришлось вместе с некоторыми товарищами наблюдать около красного флага развивающиеся события»⁵. В 1931 г. он изложил этот фрагмент уже в иной редакции: «Не имея возможности сообщить о результатах исполненного задания, я остался на берегу в экипажах»⁶. Досадная роль наблюдателя событий, развивающихся близ красного флага, а не в самой гуще восставших, предельно нивелирована.

Очевидно, не случаен и выбор заголовков обоих материалов: «Воспоминания старого моряка А.Е. Чураева к 26-летию Севастопольского Очаковского восстания 14–15 ноября [1905 г.]» (1931 г.) и «Очаков» (1925 г.). Композиционно структура обоих текстов совпадает, как и названия пяти «главок» или разделов – «Крейсер 1-го ранга “Очаков”», «Проба

¹ Согласно докладу жандармского ротмистра Н.А. Васильева, команда крейсера «Очаков» на момент восстания насчитывала 380 человек (Севастопольское вооружённое восстание... С. 175).

² ЦГА Москвы. Ф. Р-2187. Оп. 1. Д. 554. Л. 16.

³ Там же.

⁴ См.: Чураев А.Е. «Очаков». С. 145; ЦГА Москвы. Ф. Р-2187. Оп. 1. Д. 554. Л. 15.

⁵ Чураев А.Е. «Очаков». С. 148.

⁶ ЦГА Москвы. Ф. Р-2187. Оп. 1. Д. 554. Л. 18.

«Очакова», «Провокаторы-офицеры», «Напряжённый момент», «Лейтенант Шмидт». В журнальной публикации авторскому тексту предшествует документ – приказ Г.П. Чухнина от 4 марта 1906 г. об утверждении приговора суда по делу очаковцев (непосредственно с Чураевым не связанный); в «Воспоминаниях...» 1931 г. его нет.

Текст 1925 г. завершается фразой: «Так закончилось наше восстание». Фактически, констатация поражения. В 1931 г. автор даёт «финальные титры» в иной, гораздо более выразительной редакции, подводящей итоги пережитого и осмысленного. Перед нами – свидетельство далеко не рядового очевидца поворотных шагов истории: «Так закончилось наше славное восстание, положившее начало к Октябрю»¹.

Публикация подготовлена в соответствии с правилами и нормами современного русского языка, с максимальным сохранением стилистических особенностей оригинала. В примечаниях по тексту документа оговорены разночтения с публикацией 1925 г., за исключением тех случаев, когда правка носит чисто стилистический характер.

Удостоверение
А.Е. Чураева,
подтверждающее
присвоение ему
звания бывшего
красногвардейца.
Выдано
7 января 1932 г.
ЦГА Москвы.
Ф. Р-2187. Оп. 1.
Д. 554. Л. 31 об., 31 г

Воспоминания старого моряка А. Е. Чураева к 26-летию Севастопольского Очаковского восстания 14–15 ноября [1905 г.]

1931 г.

Крейсер 1-го ранга «Очаков»

«Очаков» строился в Севастопольском порту и вышел на пробу в боевом порядке, кажется, в начале октября 1905 г. Он строился довольно долго, и команда в количестве до 400 чел[овек]² была набрана за несколько месяцев.

Я с самого новобранства в 1903 г. попал в 32-й экипаж, к которому был причислен «Очаков», и тогда же подружился с Александром Гладковым³ (Пензенск[ой] губ[ернии]), расстрелянным одновременно со Шмидтом и другими т[оварищами]. Тов. Гладков по прибытии во флот быстро связался с организацией с[оциал]-д[емократов] и, сделавшись её членом, через некоторое время ввёл и меня; таким образом, будучи членами партии и ожидая окончания сооружения «Очакова», мы ежедневно ходили на массовки и каждый день приводили новых моряков. Массовки нами устраивались в лесу, и мы сами поочерёдно несколько человек вели дежурство, дабы не дать возможности захватить нас врасплох.

Нужно сказать, что власти, почуяв о наших собраниях, делали несколько попыток арестовать собиравшихся, но безрезультатно, т.к. наши часовые заранее предупреждали нас.

Потёмкинцы приблизительно за месяц до выступления прислали нам (очаковцам) письмо с жалобой на своего командира и что они хотят объявить восстание. Это было приблизительно в мае 1905 г., мы им ответили и посоветовали подождать до осени, т.е. к тому времени, когда мы должны были выйти в Северную бухту⁴, за это время подготовив и береговую команду.

Если бы «Потёмкин» не восстал бы преждевременно, то «Очаков», соединившись с ним, представляли бы крупную революционную единицу, и тогда легко было бы склонить весь Черноморский флот на нашу сторону. Взяв Севастополь и закрепив его за нами, мы бы забрали все портовые города в Чёрном море

² В публикации 1925 г.: «600 человек».

³ В публикации 1925 г.: «Гладким».

⁴ Часть Севастопольской бухты; вдаётся в Северную сторону Севастополя. С 1910 г. – Старо-Северная бухта.

¹ ЦГА Москвы. Ф. Р-2187. Оп. 1. Д. 554. Л. 18.

и высадили свой десант на Кавказском побережье, развивая там революционное движение¹.

Но «Потёмкин», не дождавшись нас, выступил 14 июня, и очаковцы сожалели, что не готовы для совместного выступления².

Проба «Очакова»

Первый выход в море на пробу машины и возвращение обратно прошли благополучно; во второй выход после пробы орудий и возвращения обратно произошёл инцидент, который имел роковые последствия.

Дело в том, как сказано выше, наша команда, во-первых, была подготовлена революционной агитацией к борьбе, во-вторых, был момент общего подъёма настроения по всей России и, в-третьих, наш командир Глизер³ был человек скверный и команда была в отношении его предубеждена. Всё это вместе взятое привело к столкновению между нами и офицерами⁴. При возвращении с моря командир дал приказ, чтобы кочегарная команда во время остановки вышла на палубу на подмогу строевой команде становиться на якорь (на бочку).

Кочегарная команда только что сменилась с вахты, уставшая и обессиленная от жары у новых котлов до того, что многие лежали в кубрике (помещение на судне) совершенно раздетые и без памяти. Вдруг, по прихоти командира, их вызывают наверх, на палубу. Получив этот приказ, наши кочегары обратились в машинное отделение с вопросом: что делать?

Машинное отделение, являющееся революционным⁵ штабом команды, ответило, чтобы они не шли бы на палубу. Кочегарная команда не пошла наверх, и там великолепно обошлись без неё, но как только стали на место, командир приказал боцману Каранфилову вызвать на палубу кочегарную команду,

выстроить во фронт и против них поставить вооружённый караул с определённой целью наказать команду за непослушание.

Кочегарная команда снова обратилась в машинное отделение с таким же вопросом: как быть? Посоветовавшись, машинное отделение предложило кочегарам выйти всем вместе на палубу. Сказано – сделано!

Командиру доложили, что всё готово, команда выстроена.

Выходит командир и, видя вместе с кочегарной командой машинное отделение, недоумевая, обращаясь к боцману, спрашивает: «Что это значит? Здесь не только кочегары, но и машинная?»

Боцман вытянулся в струнку и, взяв под козырёк, ответил:

– Не могу знать, мною приказано дежурному вызвать только кочегарную команду.

Немного подумав, командир скомандовал: «Машинная команда – в кубрик!» Никто не тронулся с места. Командир повторил команду, но безрезультатно. Видно было, что командир позеленел от злости и стал подходить к каждому из нас отдельно, предлагая удалиться в кубрик, но и это не привело ни к чему, т.к. каждый в отдельности заявил, что он уйдёт только с командой. Видя такое настроение, командир отошёл в сторону и как будто немножко струсил. Воспользовавшись моментом, т. Гладков крикнул: «Товарищи, все в кубрик!»⁶, и команда как один ушла в кубрик. В кубрике было устроено собрание с участием также и строевых, и на нём было вынесено постановление об удалении командира с судна.

Команда была возбуждена, и в этот момент в кубрике появился сам командир. Ещё больше масла подлила в огонь и команда, [которая] как один⁷ крикнула: «Долой командира». Раздавались крики: «За борт его» и т.д. Учитывая настроение команды, командир сел в шлюпку и уехал на берег.

После отъезда командира нашим начальником остался старший офицер Складовский⁸, который повёл дело с нами иначе – был как будто мягче, разыгрывая из себя «славного малого».

¹ В публикации 1925 г. текст «Потёмкинцы... революционное движение» отсутствует.

² В публикации 1925 г. эта фраза, завершающая раздел «Крейсер 1-го ранга "Очаков"», приведена в следующей редакции: «Таким образом, очаковская команда к выходу в море была уже подготовлена, и когда "Очаков" стоял ещё в порту, а на "Потёмкине" вспыхнуло восстание, то очаковцы сожалели, что "Очаков" не готов для совместного с "Потёмкиным" выступления».

³ Так в документе. Правильно – С.А. Глизян (о нём – см. комментарий на с. 65). – В публикации 1925 г. фамилия командира отсутствует.

⁴ В публикации 1925 г. слова «между нами и офицерами» отсутствуют.

⁵ В публикации 1925 г. слово «революционным» отсутствует.

⁶ В публикации 1925 г. фрагмент «товарищ Гладков... все в кубрик!» отсутствует.

⁷ В публикации 1925 г. фрагмент «ещё больше... как один» отсутствует.

⁸ Так в документе. Правильно – Скаловский (см. комментарий на с. 66). – В публикации 1925 г.: «старший офицер Степанов».

Его политика заключалась в том, чтобы сгладить тяжёлое впечатление, оставленное командиром, и отвлечь команду от всего происходившего на «Очакове», а главным образом, на берегу.

Он всё время волновался в связи с происходящими событиями и очень часто заходил в кубрик, особенно вечером после проверки, когда команда лежала, но не спала и занималась чтением всякой литературы, легальной и нелегальной.

Такое поведение команды его, естественно, волновало¹, и он ходил по кубрику, уговаривал перестать читать, а ложиться спать. Команда как будто делала вид, что соглашалась ложиться спать, но, как только выходил командир, чтение возобновлялось. Командир как будто догадывался, что команда возьмётся за чтение после его ухода, и возвращался часто обратно².

Командный состав считал, что матросы должны быть вообще аполитичны, поэтому [офицеры] всякий раз старались убедить матросов во вредности чтения газет и литературы. И однажды, когда командир убеждал бросить чтение, я громко крикнул: «Прошло уже то время, когда вы нас держали в темноте и невежестве».

Все попытки убедить команду не читать не приводили ни к чему. Тогда он неоднократно распорядился тушить огонь. Кубрик погружался в тьму, и чтение волей-неволей прекращалось³.

В один из вечеров он явился к нам, по обыкновению застав нас неспящими, присел к постели и повёл такого рода беседу: «Почему вы не спите?» Мы ответили: «Не хотим спать».

– Это неверно, вы не спите и заставляете меня⁴ не спать; знаю, вы что-то замышляете.

Нам пришлось дать уклончивый ответ:

– Мы ничего не замышляем и советуем Вам спать спокойно.

– Нет, мне спокойно не спать, – покачив головой и встав, ответил он.

Жизнь шла своим чередом, и в один из таких дней наш «Очаков» получил приказ о том, что он яв-

ляется дежурным судном и ему предлагается выслать команду для охраны Дворца Чухнина⁵.

Этот приказ натолкнул нас на мысль – подобрать надёжную команду, сменить старый караул дворца Чухнина и, арестовав Чухнина как заложника, отправить его в экипаж или на «Очаков». Но наш замысел потерпел крушение, т.к. командир обошёл назначенный караул и заметил, что в нём больше нестроевых (т.е. машинной и кочегарной команды), чем строевых, чего в практике никогда не бывало. Он подошёл к т. Гладкову, около которого стоял и я, и переводя глаза с одного на другого, спросил, будем ли мы в случае нападения на дворец стрелять. Мы ответили утвердительно и незаметно для него⁶ переглянулись⁷.

Но командир, уловив наше переглядывание и убедившись в ненадёжности караула, сигналом сообщил Чухнину, что команда ненадёжна. В караул мы не попали – план наш был нарушен⁸.

Провокаторы-офицеры

Как выше упоминалось, в экипажах происходило революционное брожение, и наши моряки захватили власть. Об этом знала наша команда и чутко прислушивалась к происходящему на берегу, будучи всё время наготове.

Что касается власти, то она тоже не дремала: с одной стороны, она готовилась к сражению, а с другой – организовала группы офицеров, которые объезжали суда, собирали команду и рассказывали, что на берегу диктатура какой-то «банды», руководимой «жидовкой», которая вешает направо и налево всех, кто не понравится ей, будь то офицер или матрос. «Жидовка» была партийный товарищ, одна из руководителей революционного движения, работавшая среди моряков⁹; об этом великолепно знали очаковские

¹ В публикации 1925 г. вместо текста «его, естественно, волновало» – «он не мог переваривать».

² В публикации 1925 г. далее следует текст: «Видя такую картину, он немножко сердился, давал приказы тушить огонь, и этим прекращалось чтение. Положение его было незавидное».

³ В публикации 1925 г. фрагмент «командный состав... волей-неволей прекращалось» отсутствует.

⁴ В публикации 1925 г. вместо фразы «заставляете меня не спать» – «и я не сплю».

⁵ Имеется в виду 2-этажный дворец, построенный в 1900 г. и находившийся на Центральном холме г. Севастополя. В нём размещалась резиденция командующего флотом. Дворец был разрушен в годы Великой Отечественной войны. В настоящее время на этом месте находится здание Штаба Черноморского флота Российской Федерации.

⁶ В публикации 1925 г. фраза «незаметно для него» отсутствует.

⁷ В обвинительном акте о восстании говорится, что мы ответили: «Посмотрим». – *Примеч. док.*

⁸ В публикации 1925 г. фраза «в караул мы... нарушен» отсутствует.

⁹ Имеется в виду Вольская Евгения Михайловна (1878–?), в 1905 г. – член севастопольской организации РСДРП. Другие сведения не обнаружены.

моряки, и провоцирование офицерства было встречено всеобщим возмущением, причём офицерам, выпускающим такие слухи, категорически предложили оставить судно.

Однажды приехал на судно офицер с приказом от Чухнина. Командир Складовский прочёл нам этот приказ, в котором говорилось, что кто остался верен царю и отечеству, должен оставаться на судне, а кто неверен – должен отправляться на берег, откуда будет отправлен к себе на родину.

Я вышел из строя и громко сказал: «Товарищи, не верьте им. Тот, кто их послушает, с теми сделают так же, как с нашими товарищами в экипажах, – отправят в армию».

Примечание: в 1904 г., во время Русско-японской войны, были призваны запасники. Их заперли в экипажах и не выпускали в город. Это их возмутило, и они, взяв винтовки, стали ломать ворота. Но части Брестского полка разоружили «бунтовщиков» и отправили их в армию¹.

Мы решили использовать эти провокационные случаи для командирования нашего товарища на берег делегатом для связи с экипажами. Начальству волею неволей пришлось согласиться с нашими требованиями, и на берег был послан т. Гладков, выбранный от моряков.

Напряжённый момент

Начальство кр[ейсера] «Очаков», убедившись в том, что команда выходит из повиновения, видно, решило действовать, а не уговаривать, и предприняло решительные меры.

Во-первых, оно издало приказ о снятии фаленей (фаленя – верёвки, по которым даются сигналы), намеренно лишая нас возможности общаться с берегом и с судами².

Когда стали снимать фаленя, я выскочил на середину мостика и крикнул: «Снимете фаленя – новые повесим; срубите мачту – на трубу повесим; уберёте трубу – на руках подыдем»³.

После этого все матросы категорически заявили, что фаленя они снять не дадут.

¹ В публикации 1925 г. фрагмент «однажды... и отправили их в армию» отсутствует.

² В публикации 1925 г. слова «и с судами» отсутствуют; далее следует фраза: «Эта выходка начальства подняла на ноги всех моряков, категорически заявивших, что фаленя они снять не дадут».

³ В публикации 1925 г. фрагмент «когда стали снимать фаленя... на руках подыдем» отсутствует.

Во-вторых, был издан приказ о снятии орудийных замков, лишая нас возможности не только вооружённо действовать, но и защищаться. Первый, который узнал о замыслах начальства, был т. Антоненко, комендор (комендор – старший у орудия).

Он сообщил об этом команде, которая взбудоражилась и постановила замки от орудий не отдавать. Это упорство привело к тому, что наше начальство поставило нам ультиматум: или мы отдаём орудийные замки, или всё офицерство покидает «Очаков».

Команда заявила, что офицерство нам не мешает, может остаться на судне, но замков от орудий они не получат.

Это была последняя попытка нашего начальства уговорить нас, и после совещания оно действительно покинуло «Очаков».

Всё офицерство «вежливо», с иронией распросалось с нами, что также сделали [и] мы, но у самого трапа (лестница для схода) один из них, мичман Винокуров⁴, подошёл к нам с т. Гладковым и заявил: «Мы вас поняли, вы анархисты и крови хотите».

Мы ответили, что мы не анархисты, а убеждённые социал[ист]-демократы и крови не хотим, а если явится необходимость, то мы её прольём.

Наше начальство покинуло нас, предоставив нам право самим распоряжаться на судне, но не скоро оставило в покое, т.к. к нам несколько раз приезжали офицеры штаба Чухнина, уговаривая нас во что бы то ни стало сдать замки орудий, чтобы начальство возвратилось обратно.

Помнится мне случай, как один из офицеров нашего судна возвратился обратно, вошёл в кают-компанию и горько заплакал. На вопрос, отчего он плачет, он ответил, что от таких потрясений погибает Россия. Мы сказали, что вовсе не хотим гибели России, а, наоборот, хотим вырвать её из когтей буржуазии.

– А если вы плачете над Россией, то оставайтесь с нами на судне и разделите готовящуюся участь.

Во время нашего разговора пришёл дежурный и доложил офицеру, что ему с адмиральского судна дан приказ оставить «Очаков». На этом закончилась наша беседа, и он уехал⁵.

Оставшись на судне без начальства, мы поддерживали дисциплину и сохраняли порядок до прихода на судно лейтенанта Шмидта.

⁴ В публикации 1925 г. после слов «один из них» следует фраза: «не помнится, мичман или лейтенант».

⁵ В публикации 1925 г. слова «и он уехал» отсутствуют.

Лейтенант Шмидт

До объявления Манифеста 17 октября 1905 г. многие моряки знали лейт[енанта] Шмидта как хорошего офицера по отношению к своей команде, но с объявлением манифеста¹ он стал известен как сторонник революц[ионного] движения.

За произнесённую им речь на похоронах убитых товарищей лейтенант Шмидт был арестован и посажен на броненосец «Три святителя», но судить его не удалось, т.к. не было приказа, запрещающего выступать офицерству на митингах, ему было «вежливо» предложено подать в отставку, что и сделал лейт[енант] Шмидт; это увеличило его популярность.

Зная о популярности Шмидта и его столкновении с начальством, очаковская команда послала делегацию к нему с просьбой принять участие в нашей борьбе.

Лейт[енант] Шмидт согласился², и 13 ноября³ он явился на судно и объявил себя главным командиром с согласия команды.

Первое, что сделал Шмидт, это послал царю телеграмму следующего содержания (это характеризует его взгляд на царя и министерство): «Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от Вас, государь, немедленного⁴ созыва Учредительного собрания и перестать повиноваться Вашим министрам. Командующий флотом Шмидт»⁵.

Чтобы придать боевой характер «Очакову» и для порядка, вся команда была распределена по своим местам, и командиром «Очакова», как специалист строевой службы, был назначен ун[тер]-оф[ицер] Уланский⁶, а старшим комендором – Антоненко.

Таким образом, приведя судно в боевой порядок, мы получили сведения через нашего делегата, т. Гладкова, что на 14 ноября объявляется вооружённое восстание, и первое судно, которое должно поднять

красный боевой флаг, – это брон[еносец] «Ростислав», на котором находился адмирал и откуда исходили приказы для всех судов.

Но в назначенный день и час на «Ростиславе» красного флага не оказалось, потому что они трусили, и получился раскол, часть команды стояла за поднятие флага, а часть была против под влиянием офицерства.

Видя такую растерянность и колебание команды «Ростислава», мы подождали с полчаса и первые подняли красный боевой флаг, а нашему примеру последовал «Потёмкин» (после первого восстания переименованный в «Святого Пантелеймона») и некоторые мелкие суда.

Что касается брон[еносцев] «Ростислав», «Три Святителя», «12 Апостолов» и др[угих] меньшего калибра судов, то на них флаги были подняты наполовину, вокруг этих флагов возгорелась борьба: одна группа поднимает наверх, другая – под влиянием офицерства – опускает книзу, результаты борьбы таковы, что реакция победила и флаги спущены.

Видя такое колебание на судах, лейт[енант] Шмидт сел на контрминоносец «Свирепый» (а не на «Очаков», как говорится ут. Троцкого в книге «1905 год»⁷ на с. 195) и с музыкой проходил около судов, призывая их к объединению и восстанию. Многие встречали с криками «ура», но поднять красные флаги всё-таки не решились. С последнего судна, к которому подошёл лейт[енант] Шмидт, где находились арестованные потёмкинцы (за первое восстание), Шмидт освободил арестованных, а командный состав (офицерство) арестовал и взял, как заложников, на «Очаков».

Таким образом, наше положение было незавидным, так как внутренняя борьба среди моряков задерживала вооружённое восстание, заставляла нас искать способы временной оттяжки до решительного момента. Эту роль взял на себя Шмидт, который после нашего совещания пошёл к пленным офицерам и заявил: «Вполне возможно, что через некоторое время в нас будут стрелять; я предупреждаю, что при первом выстреле вынужден буду принять решительные меры по отношению к вам, как заложникам и сторонникам правительства, вплоть до расстрела, а если вы не хо-

¹ В публикации 1925 г. после слов «с объявлением манифеста» – фраза: «когда были похороны убитых трёх товарищей».

² В публикации 1925 г. – «охотно согласился».

³ В публикации 1925 г. – «ровно в 4 ч 13 ноября». В действительности П.П. Шмидт прибыл на «Очаков» утром 14 ноября.

⁴ В публикации 1925 г. слово «немедленного» отсутствует.

⁵ В публикации 1925 г. фраза «командующий флотом Шмидт» отсутствует.

⁶ Уланский Исаак Егорович (1880–1964), боцманмат крейсера «Очаков». В феврале 1906 г. за участие в восстании приговорён к бессрочной каторге.

⁷ Имеется в виду книга Л.Д. Троцкого, вышедшая в Москве в 1922 г., в основе которой – текст другой его книги – «Наша революция», изданной в Санкт-Петербурге в 1906 г.

тите допустить до таких осложнений¹, то вам предоставляется возможность сообщить начальствующим лицам о моём предупреждении».

Это заявление возымело действие, и пленное офицерство написало письма, которые необходимо было доставить на берег. На пристани и на берег начали стягивать солдат. Доставка писем выпала на мою долю, и я приступил к исполнению этого задания. Чтобы не быть замеченным, что я с судна «Очаков», мне пришлось перевернуть ленту на шапке с надписью: «Очаков» обратной стороной, сесть на паровой катер (что очень редко бывает с рассыльными), взять рассыльную книгу и через Графскую пристань, где уже в два ряда стояли солдаты, благополучно миновать первую опасность.

При разноске писем не обошлось без маленьких неприятностей. Многие офицеры, которым были адресованы эти письма, узнав, что я с крейсера «Очаков», угрожали арестом и сожалели, что не могут меня теперь же расстрелять², но их удерживало то, что на «Очакове» находились в качестве заложников офицеры. Закончив взятое на себя поручение, я должен был (как было условлено) пойти в экипаж, дать оттуда сигнал об исполненном и ждать катера для возвращения на «Очаков». Сигнал был дан, но его принять не успели, т.к. в этот момент канонерская лодка «Терец» открыла стрельбу по идущему катеру с делегатами на суда с берега.

Не имея возможности сообщить о результатах исполненного задания, я остался на берегу в экипаже³.

Вслед за этим мы увидели⁴, как в Южную бухту, где стоял «Терец», вошёл контрминоносец «Свирепый» и, видя, что стреляет «Терец», решил пустить мину, но всё несчастье заключалось в том, что мину быстро пустить было невозможно, т.к. «Терец» загорался «Буг»⁵. При взрыве «Буга» мог бы сильно пострадать город.

Вскоре поднялась стрельба со всех судов, направляя все удары на «Очаков», который, сделав несколько выстрелов, вынужден был прекратить стрельбу, т.к. снаряды попали в кочегарку, отчего загорелся «Очаков». Многие товарищи, видя безвыходность положения, бросались в море, но подплывая к берегу их расстреливали в воде солдаты пачками⁶.

В последний момент Шмидт со своим сыном⁷, переодевшись в матросские костюмы, пересели на миноносец № 270, думая переправиться на Северную бухту. Но в это время «Ростислав» выстрелил в миноносец, и он стал тонуть⁸.

Участь их всем была известна.

Покончив на море, наша контрреволюция взялась за берег. Если не устояла флотилия, то экипажам, слабо вооружённым, не было возможности устоять, хотя было решено защищаться. К утру мы были окружены, и многие из нас, более заметные, через порт скрылись на Корабельной [стороне], где нас встретили портовые товарищи и быстро переодели.

После нашего поражения мне удалось бежать в Баку. Бежал я через Новороссийск – Батум. По дороге из Батума, в Михайлове, я остановился и участвовал в партизанском восстании (см. мою статью в сб[орнике] № 12 «Молодая гвардия», с. 142, и орловский сб[орник] «Орловская каторжная тюрьма», с. 161, 1909 г.)⁹. В Баку я скрывался под разными фамилиями (Бондаренко, Черепанов, Чадрин), работал до 1907 г. на заводах Нобеля, Шибаева и «Электрич[еской] силе». В это время я был одним из организаторов Союза металлистов (профсоюза механическ[их] рабочих). С 1907 г. по 1909 г. я был председателем

¹ В публикации 1925 г. – «до таких серьёзных осложнений».

² В публикации 1925 г. фраза «и сожалели, что не могут меня теперь же расстрелять» отсутствует.

³ В публикации 1925 г. фрагмент приведён в следующей редакции: «Не имея возможности сообщить о результатах исполненного задания, мне пришлось вместе с некоторыми товарищами наблюдать около красного флага развивающиеся события».

⁴ В публикации 1925 г. фраза «вслед за этим мы увидели» приведена в следующей редакции: «После нескольких выстрелов, сделанных «Терецем», мы увидели».

⁵ В публикации 1925 г.: «...загорался «Буг», нагруженный минами и пироксилином и другими взрывчатыми веществами».

⁶ В публикации 1925 г. фрагмент «многие товарищи... пачками» приведён в следующей редакции: «Многие товарищи, видя безвыходность положения, решили спастись, пускаясь вплавь, и подплывали к берегу, откуда их расстреливали в воде солдаты пачками, а Шмидт, Гладкий, Антоненко и Частник арестованы».

⁷ Шмидт Евгений Петрович (1889–1951), сын П. П. Шмидта. Участник восстания на «Очакове», освобождён от наказания как несовершеннолетний. Окончил Петроградскую школу прапорщиков инженерных войск. В годы Гражданской войны – участник белогвардейского движения. С 1921 г. – в эмиграции. Умер в Париже.

⁸ В публикации 1925 г. фрагмент «в последний момент... и он стал тонуть» отсутствует.

⁹ Имеется в виду книга «Орловский каторжный централ: сборник воспоминаний бывших орловских политкаторжан (1908–1917)» (М., 1929), в которой А. Е. Чураев опубликовал «Воспоминания бывшего матроса царского флота» (с. 161–175).

Союза безработных и член стачкома во время забастовки бакинских моряков.

30 апреля 1909 г., т.е. накануне 1 Мая, я был арестован жандармерией и просидел два года под следствием в бакинской тюрьме (в то время в одной со мной камере сидел т. Сталин). В этот период времени я по паспорту был тифлисским гражданином. По наведённым жандармерией справкам нашли, что мой паспорт подложный, и меня, как не помнящего родства, в обвинит[ельном] акте объявили бродягой. Но спустя некоторое время, когда я навёл через партию справки относительно дела о восстании лейт[енанта] Шмидта и товарищей, мне было сообщено, что всё дело похищено нашими товарищами, я решил открыть свою настоящую фамилию. И вот тогда жандармский ротмистр Зайцев отправил меня этапным порядком. По приезде в Севастополь меня допросил военно-морской следователь, который сказал, что мне грозит только восемь мес[яцев] тюрьмы и лишение воинского звания. Дело же моё передал военно-морскому прокурору Рожневу¹, у которого находился обвинит[ельный] акт со списком всех моряков, принимавших активное участие в восстании

¹ Так в тексте. Правильно – И.А. Ронжин.

со Шмидтом. Так как военно-морским министром был издан приказ, по которому пойманные моряки, участники восстания, судятся в течение 24 часов, то меня осудили по военному положению. Прокурором мне было предъявлено обвинение по ст. 110 Военного кодекса², но т.к. большинство свидетелей восстания – офицеров – не присутствовало на суде, то ко мне применили 109-ю ст.³, т.е. вместо расстрела – 20 лет каторги⁴.

Так закончилось наше славное⁵ восстание, положившее начало Октябрю⁶.

ЦГА Москвы. Ф. Р-2187. Оп. 1. Д. 554. Л. 14–18.
Машинопись.

² Очевидно, имеется в виду ст. 100 Уголовного уложения, которая предусматривала смертную казнь за насильственное посягательство на ниспровержение существующего в России государственного строя.

³ Ст. 109 Военно-морского уложения о наказаниях предусматривала уголовную ответственность за «явное в числе более 8 человек восстание с намерением воспротивиться начальству».

⁴ В публикации 1925 г. фрагмент «после нашего поражения... 20 лет каторги» отсутствует.

⁵ В публикации 1925 г. – «наше восстание».

⁶ В публикации 1925 г. фраза «положившее начало Октябрю» отсутствует.

О.Г. Доскато

О праздновании 300-летия Императорского Дома Романовых в 1913 г. в Крыму и в Севастополе¹

Во второй половине февраля 1913 г. Севастополь и Черноморский флот вместе со всей Россией отмечали юбилей царствующего Дома Романовых. На всех кораблях эскадры проходили смотры и служились молебны. В Морском собрании была развёрнута экспозиция национальных костюмов Российской империи и её провинций.

¹ В настоящей статье история празднования 300-летия Императорского Дома Романовых в 1913 г. в Крыму и Севастополе изложена на основе статей севастопольской газеты «Крымский вестник». В публикации без прямого цитирования использованы терминология, фразы, речевые обороты, которые применялись в 1913 г. в газетных статьях.

По случаю предстоящего юбилея 17 февраля состоялась чрезвычайное заседание Севастопольской городской думы. Заместитель городского головы К.П. Мертваго, открыв заседание, обратился к гласным Думы с глубоко прочувствованной исторической речью, соответствующей случаю. Дума единогласно постановила «повергнуть к стопам Государя Императора верноподданнейшие чувства и поздравления»². Эту задачу предстояло выполнить лично городскому голове Н.Ф. Ергопуло, 15 февраля убывшему в Петер-

² ГКУ АГС. Ф. КМФ-4. Оп. 1. Д. 736. Крымский вестник. 1913. 23 февраля.

бург в составе делегации Севастопольского городского самоуправления для участия в торжествах по случаю юбилея. В день юбилея было принято решение устроить народные гулянья и наименовать Романовскими строящийся Институт физических методов лечения и площадь перед ним. Предложение особого совещания о переименовании Большой Морской улицы в Романовскую улицу или проспект было гласными отклонено, так как, по их мнению, эта улица – не главная...¹

Романовские площадь
и Институт физических методов лечения.
Севастополь. Открытка. Начало XX в.
Из личного архива О.Г. Доскато

В дни празднования юбилея на Нахимовском проспекте в городских театрах демонстрировалась воспроизведённая на исторических местах событий юбилейная картина «300-летие Дома Романовых 1613–1913». Владелец театра «Ренессанс» А.С. Никуличевым были устроены бесплатные сеансы для чинов армии и флота, учащихся местных учебных заведений и призываемых в приютах. В течение трёх дней празднования театр бесплатно посетило около девяти с половиной тысяч человек. А управляющим театром «Лотос» Данильченко были приложены все старания, дабы возможно торжественнее поставить картины и озвучить немое кино: демонстрация сопровождалась хором певчих под управлением В.М. Кузнецова, оркестром музыки, звуковыми эффектами и звоном колоколов².

20 февраля, накануне юбилея, в храме Св. Владимира была отслужена панихида по в Бозе почивающим Царям и Императорам Дома Романовых. В этот же день были отслужены панихиды во всех остальных храмах города, на судах флота, в церквях военного ведомства, в местах расположения войск и учебных заведений, во всех инославных и иноверческих храмах г. Севастополя, а вечером во всех храмах состоялось торжественное всеобщее бдение³.

И хотя юбилей выпал на будний день, он был объявлен неприсутственным по стране⁴. 21 февраля, в высоко-торжественный день 300-летнего юбилея царствования Дома Романовых, откликнувшись на покорнейшую просьбу генерал-майора С.К. Кульстрема к населению вверенного ему градоначальства, Севастополь с раннего утра принял праздничный вид. Все дома были украшены национальными флагами, вензелевыми изображениями, бюстами и портретами Их Императорских Величеств. Нахимовский проспект, Большая Морская и особенно Екатерининская улицы были запружены публикой. От Никольского адмиралтейского собора к памятнику адмиралу Нахимову были расставлены шпалерами войска, прибывшие со своими знамёнами и хорами музыки.

В 8 ч 30 мин в Никольском соборе началась божественная литургия, к началу которой прибыли высокопоставленные лица флота и города. Литургию совершал настоятель Херсонесского монастыря епископ Иннокентий в сослужении с причтом собора. В 10 ч 30 мин к Никольскому собору прибыли крестные ходы других храмов города. По окончании литургии от собора общий крестный ход направился к памятнику адмиралу Нахимову, за которым следовали все начальствующие лица и большая толпа молящихся. Как и во всех инородческих храмах, по прибытии к памятнику Нахимова был прочитан Высочайший манифест, а затем совершено торжественное благодарственное молебствие с провозглашением многолетия Их Императорским Величествам, по окончании которого одновременно с салютом с судов флота и крепостных батарей во всех

¹ ГКУ АГС. Ф. КМФ-4. Оп. 1. Д. 736. Крымский вестник. 1913. 18 февраля.

² Там же. 19 февраля.

³ ГКУ АГС. Ф. КМФ-4. Оп. 1. Д. 736. Крымский вестник. 1913. 21 февраля.

⁴ Там же. 17 февраля.

церквях начат целодневный звон, под который состоялся церковный парад на главной площади города. Вице-адмирал Сарнавский обошёл фронт войск и учащих местных учебных заведений и, поздравив их с высокаторжественным днём, провозгласил здравицу за Их Императорских Величеств, покрытую долгим несмолкающим «ура» и звуками гимна. В заключение войска и учащиеся прошли церемониальным маршем. В храме на Братском кладбище аналогично были совершены божественная литургия и торжественный молебен, по окончании которого состоялся парад частей войск, дислоцированных на Северной стороне. Принимал парад комендант Севастопольской крепости генерал-лейтенант Ананьин. По окончании парадов в войсках, в морских командах, в городских общественных учреждениях, а также в учебных заведениях были устроены празднества и чтение торжественных актов согласно Высочайше утверждённым программам¹.

Совет старшин Севастопольского Общественного собрания в этот день покорнейше просил господ членов и их гостей почтить своим присутствием юбилейный оперно-драматический вечер и бал, устраиваемый в Зимнем собрании в день празднования 300-летия царствования Дома Романовых. Чистый сбор от вечера должен был поступить для образования Романовского благотворительного фонда.

В Севастопольском доме трудолюбия всем трудолюбцам и ночлежникам в этот день после сообщения о воцарении и царствовании Дома Романовых был выдан бесплатный обед и чай с белым хлебом, девочки-белошвейки, кроме обеда и чая с булками, получили фрукты, орехи и сладости. Всем трудолюбцам и ночлежникам на все три дня празднеств был предоставлен бесплатный приют и ночлег в ночлежном приюте Дома трудолюбия.

В Народном доме попечительства о народной трезвости было отпущено для бедных 280 бесплатных обедов. Такое же количество бесплатных обедов было роздано и в столовой попечительства на Лагерной улице. Не забыли и не могущих явиться в столовые по болезни – было разослано на дом много обедов. Вечером в Народном театре состоялся спектакль, была поставлена пьеса «Дедушка Сусанин», прошедшая с большим успехом.

Торжественно отпраздновала юбилей Севастопольская мужская гимназия. Здесь был устроен для учащих литературно-вокально-музыкальный вечер.

По окончании музыкальной части вечера были розданы награды – книги и похвальные листы перешедшим с отличием в 1912 г. учащимся гимназии.

В зале Константиновского реального училища 21 февраля состоялся юбилейный вечер для учеников I–IV классов училища и для учениц тех же классов казённой женской гимназии. Для воспитанников старших классов реального училища и казённой женской гимназии юбилейный вечер был устроен в помещении женской гимназии. После окончания его была разыграна пьеса в трёх действиях «Жизнь за Царя». Затем состоялся бал, молодёжь долго и весело танцевала.

Во всех учебных заведениях учащимся были розданы на память портреты царя Михаила Фёдоровича и юбилейные брошюры. Но особо запоминающимся для юных севастопольцев стало празднование юбилея в цирке Труцци на площади Новосильцева (ныне пл. Ушакова). Огромное здание к началу юбилейного торжества преобразилось: снаружи оно было украшено флагами, материей и транспарантами. Внутри эстрада была задрапирована и были устроены декорации, изображавшие московскую Грановитую палату. Повсюду – гербы, цифры «1613–1913», инициалы первого царя из Дома Романовых. В зелени и среди тропических цветов утопал бюст Государя Императора Николая II.

К 2 ч дня цирк наполнился учащимися всех учебных заведений, содержимых городом и земством. К началу торжества прибыли: замещающий городского головы К.П. Мертваго, члены управы Н.И. Тарнавский и М.Г. Фальченко, некоторые гласные, полицеймейстер А.Н. Каленский, педагогический персонал всех школ. Торжество открылось пением гимна, исполненного соединённым хором училищ под аккомпанемент двух оркестров. После беглого обзора деятельности царей и императоров Дома Романовых, прочтённого одним из учителей, соединённый хор училищ исполнил гимн в честь царя Михаила Фёдоровича. Пели безукоризненно. Видно было, что на подготовку хора, в состав которого вошли учащиеся из всех училищ Севастополя, потрачено очень много времени и трудов. Затем малыши, мальчики и девочки, с выразительностью и подкупающей естественностью декламировали произведения известных поэтов. Всё это чередовалось выступлением оркестров, исполнением кантат и поурри. Огромный фурор произвело выступление оркестра балалаечников Меньковского ремесленного училища, торжественно сыгравшего юбилейный гимн сочинения Я. Богорада «Великий Царь земли Российской». Этот красивый гимн был испол-

¹ ГКУ АГС. Ф. КМФ-4. Оп. 1. Д. 736. Крымский вестник. 23 февраля.

нен хором училища под мелодичный аккомпанемент оркестра балалаечников. Бесконечные аплодисменты заставили юных музыкантов повторить его несколько раз. Юные балалаечники исполнили на бис несколько песен и романсов. Особенно хорошо вышел у них романс Глинки «Не искушай меня без нужды» и марш с пением и со свистом. Только в 5 ч вечера под звуки юбилейного марша учащиеся разошлись из помещения цирка, оживлённо обсуждая номера юбилейной программы. Но только взрослые могли понять, какой ценой была решена преподавателями эта нелёгкая задача подготовки детей к юбилейному торжеству, каких огромных усилий это стоило регенту о. диакону Найде-Костенко, чтобы заслужить всяких похвал.

Как мы видим, не только верноподданнические чувства пробуждал юбилей у населения многонациональной Российской империи. На первом месте была забота о её будущем – подрастающем поколении державы.

Вечером в дни празднования юбилея улицы Севастополя были переполнены публикой. Весь город и суда флота сияли огнями иллюминации, на кораблях зажгли роскошный фейерверк.

По традиции, по случаю юбилея объявили всевозможные льготы – прощение недоимок, дарение на благотворительные цели, смягчение кар. Так, Севастопольское мещанское общество постановило открыть общественную школу в память 300-летия царствования Дома Романовых с наименованием «Севастопольская мещанская общественная школа им. Дома Романовых», а также списать общественные недоимки в размере одной четверти суммы с каждого мещанина. Не забыли и заключённых: в день юбилея в севастопольской тюремной церкви священником Зверевым была отслужена божественная литургия и торжественный молебен, а также объявлен заключённым Высочайший манифест. В 3 ч дня в тюрьму прибыли товарищ прокурора В.И. Канишевич и помощник полицеймейстера А.М. Сухорепов, где в их присутствии начальник тюрьмы г. Суров вызвал арестованных – 29 мужчин и 2 женщин, подлежащих заключению в тюрьме до четырёх лет, и объявил об их освобождении на основании 18-го пункта Высочайшего манифеста.

В связи с празднованием юбилея были пожалованы льготы по представлению к Высочайшим наградам как лиц, состоящих на действительной государственной службе, так и лиц, отличившихся на благотворительном и общественно-полезном поприщах¹.

Первая половина 1913 г. прошла под знаком Балканской войны и Романовского юбилея. Императорской семье необходимо было отдохнуть, и она в начале августа отправляется в Крым, намереваясь провести осень в Ливадии. И хотя официальная часть празднеств закончилась, в Крыму прошла как бы вторая, малая, волна юбилейных торжеств. По пути на Южный берег Крыма, как всегда, был Севастополь, который, с размахом отметив юбилейную дату, ожидал приезда императора. Нашему городу в отличие от других праздновать пришлось дважды, но за 130 лет своего существования город и флот к этому привыкли и научились подавать себя в лучшем виде. И всякий раз, встречая венценосного монарха, готовили для него приятный сюрприз. 6 дней провёл Государь Император с августейшей семьёй в Севастополе, на яхте «Штандарт» в Южной бухте.

Императорская яхта «Штандарт» в Севастопольской бухте. Севастополь. Начало XX в. Из личного архива О.Г. Доскато

Как говорится, отдыхал, работая. Судя по записям в дневнике Николая Александровича, дни пребывания на севастопольской земле оставили у него весьма приятное впечатление.

¹ ГКУ АГС. Ф. КМФ-4. Оп. 1. Д. 736. Крымский вестник. 23 февраля.

«9 августа. Пятница. Встал и оделся... Сидел с Алексеем у окна и любовался видами до самого Севастополя, куда мы прибыли в 11.15 утра. Салют флота и крепости, как всегда, и обычная встреча на пристани с чудным почётным караулом от Брестского полка. На гребном катере прибыли на “Штандарт” к 12 ч. Жара была большая, но лёгкая, с приятным бризом. Сели завтракать в час... В 3.30 отправился на эскадру и посетил линейные корабли: “Георгий Победоносец”, “Синоп”, “Пантелеймон”, “Ростислав” и крейсера “Кагул” и “Память Меркурия”. Нашёл суда в большом порядке и чистоте, а команды в молодецком виде... Был сожжён городом хороший фейерверк. Затем обошёл с Ольгой (младшая сестра Николая II. – *Примеч. авт.*) и детьми иллюминированные суда в обеих бухтах. Ночь была дивная, тихая и лунная.

Великая княжна Ольга Александровна Романова.
Конец XIX – начало XX в.
Из личного архива О.Г. Доскато

10 августа. Суббота.

В 9.30 при чудесной погоде пошёл в Голландию (бухта) и выкупался там с великим наслаждени-

ем – в воде было 21°. Вернулся, переоделся и отправился на Северную сторону, где по шоссе произвёл смотр половине гарнизона крепости... В 3.30 съехал с Ольгой и дочками к Госпитальной пристани. Прошли вверх к вновь выстроенной часовне Св. Митроф[ана] Воронежского на месте древней церкви; при нас она была освящена. После этого осмотрел Морской госпиталь. Вернулись на яхту в 5.15. Смотрели на интересные спуски на воду гидропланов и подъёмы их на воздух...

11 августа. Воскресенье.

В 9 ч ездил в Голландию и выкупался. В 10.30 отправился с Ольгой и дочками к обедне на Братское кладбище. Вернулся к 12 ч на яхту. В 3.30 отправился с ними же на Графскую пристань и на автомобиле к Херсонесскому монастырю, где осмотрел интереснейшие раскопки Археологической комиссии. Граф Бобринский показывал. Посетил собор и к 5.45 был обратно на яхте.

12 августа. Понедельник.

В 9.30 поехал купаться. В 11 ч произвёл смотр Брестскому и Белостокскому полкам, 13-й арт[иллерийской] бригаде и остальным крепостным частям. Войска представились отлично. Пыль летела ужасная... В 3.15 отправился с Ольгой и дочками с Графской пристани по военной дороге мимо Георгиевского монастыря к вновь оканчиваемой батарее № 21. Она имеет огромный обстрел и находится близко над Балаклавой. Осмотрев её, поехал по шоссе Севастополь – Ялта и остановился недалеко от древней часовни Св. Георгия, в которой течёт источник целебной воды. Оттуда проехал в Балаклаву, к дому Моти Апраксина. Он, жена и сын встретили, угостили богатым чаем и показали свой дом и сад. Имение их очень красиво расположено, как раз против выхода из бухты. Вернулся на яхту к 7 ч.

13 августа. Вторник.

В 9 ч отправился купаться. Вернувшись на яхту, принял Григоровича и начальника отряда болгарских судов кап[итана] II ранга Добрева. До завтрака посетил и осмотрел лин[ейные] корабли: “Три Святителя”, “Иоанн Златоуст” и “Евстафий”. Вернулся около часа. В 3 ч часа на “Ките” с Ольгой и дочками отправился в конец бухты в Чёрную речку. Осмотрел древнюю церковь в скале, в которой был в 1911 г., и в моторе объехал поля сражений в 1854 г. Инкерманского, Балаклавского и на Чёрной речке. Интересные объяснения давал Зайончковский. Пыль была ужасная. Вернулся оттуда же на “Ките” в 6.30... Дочитывал бу-

маги. Во время обеда отлично играл хор балалаечников-мальчиков Меньковского училища... После чтения бумаг сидел наверху с Алекс, наслаждаясь дивным вечером.

Дача графа М.А. Апраксина. Балаклава.
Открытка. Начало XX в.
Из личного архива О.Г. Доскато

Император Николай II с семьёй. Начало XX в.
Из личного архива О.Г. Доскато

14 августа. Среда.

В 8.30 в последний раз выкупался в Голландии. Погода стояла дивная и жаркая. В 10 ч снялись с бочек и вышли в море. Впереди шёл крейсер "Кагул", сзади "Алмаз", с обеих сторон – по три миноносца...»¹.

В дневник императора вкралась небольшая неточность. Он пишет об освящении часовни Св. Митрофана Воронежского на месте древней церкви. На самом деле речь идёт о севастопольской часовне в память 300-летия Дома Романовых, сооружённой по случаю юбилея. «Вновь освящённая часовня сооружена на месте разрушенного в 1855 г. во время Крымской кампании храма, построенного Морским ведомством в 1829 г. во имя Святого Равноапостольного Великого князя Владимира. В то время храм находился при казармах бывшего 37-го флотского экипажа, служа одновременно и для жителей Корабельной стороны единственным местом молитвы. Идея построить на месте бывшего храма часовню в память 300-летия благополучного царствования Дома Романовых возникла у ктитора церкви Св. Митрофания капитана I ранга Ратькова. Осуществить эту благую мысль ему помог бывший временный генерал-губернатор, главный командир Севастопольского порта и начальник гарнизона г. Севастополя вице-адмирал В.С. Сарнавский. Ввиду глубокого чувственного отношения чинов флота, гарнизона, порта и населения г. Севастополя к сбору пожертвований, дело сооружения часовни быстро продвинулось вперёд, и в сравнительно короткий период времени, благодаря деятельности комитета и энергии строительной комиссии, Корабельная сторона обогатилась украшающей её часовней, прекрасно выдержанной в русском стиле и венчанной на высоком куполе громадным крестом, с разрушенного храма Св. Владимира, вновь реставрированным; крест этот, как известно, был увезён французами из Севастополя в Париж и недавно возвращён назад городу французским правительством.

¹ Дневники Императора Николая II / Общ. ред. и предисл. К.Ф. Шацилло. М., 1991. С. 416, 417.

Часовня, сооружённая в Севастополе, на Корабельной стороне, в память 300-летия Дома Романовых. После 1913 г. Из личного архива О. Г. Доскато

Строилась часовня по проекту и под непосредственным руководством инженера Абрамова на площади, отведённой согласно постановлению Думы Севастопольским городским управлением, которое, кроме того, участвовало и средствами¹. Внутри часовни установлен роскошный дубовый иконостас с большой лентой, на которой выгравировано: «Благодарный Севастополь в память славного 300-летнего царствования Дома Романовых». В часовне устроено электрическое освещение как внутри её, так и наверху внутреннего купола, где в 12 окнах вокруг часовни установлены стёкла с художественными портретами царствующих особ. Все эти портреты нарисованы на стекле окон и в торжественные дни в ночное вре-

мя освещались изнутри электричеством. Часовня разделила судьбу многих храмов России – всего полтора десятилетия она украшала одну из площадей Корабельной стороны.

Несмотря на то что император находился в Ливадии, армия, флот, да и город постоянно чувствовали его внимание. В 23-й день августа 1913 г. по Высочайшему докладу министра внутренних дел Государь Император всемилостивейше соизволил на присвоение сооружённому в г. Севастополе Институту физических методов лечения и предположенному к постройке новому городскому театру наименований: «В память 300-летия царствования Дома Романовых». Уже убывая из Крыма, по ходатайству о том Севастопольской городской думы, утвердил наименование площади в г. Севастополе между Корниловской набережной и Нахимовским проспектом – «Романовской», а также, по докладу морского министра, о закрытии коммерческого порта в Южной бухте г. Севастополя с 1 мая 1914 г.

2 октября в Ливадии Его Императорскому Величеству имели счастье представляться прибывшие из Севастополя офицеры, окончившие курсы Школы авиации отдела воздушного флота, в числе 18 человек. Представлял их императору сам августейший председатель отдела великий князь Александр Михайлович. Его Величество обошёл офицеров, удостаивая их любезными вопросами. Поблагодарив их за усердие и труды по авиации, он пожелал им с успехом применить полученные в школе познания. По окончании представления Его Величество соизволил сняться с офицерами в общей группе².

В высокаторжественный день тезоименитства Его Императорского Высочества наследника цесаревича и в знаменательный день первого бомбардирования Севастополя 5 октября 1854 г. был назначен общий церковный парад при храме Св. Владимира³. Но главные события в этот день развивались не в Севастополе, а в Ялте, куда пришла приветствовать августейшую семью вся Черноморская эскадра, став на якорь напротив Ливадии, где на площади перед дворцом в Высочайшем присутствии сначала состоялся церковный парад всем частям Ялтинского гарнизона, а затем – производство в мичманы корабельных гардемарин, плавающих на судах Черноморского флота. Государю

¹ ГКУ АГС. Ф. КМФ-4. Оп. 1. Д. 747. Крымский вестник. 1913. 12 августа.

² ГКУ АГС. Ф. КМФ-4. Оп. 1. Д. 747. Крымский вестник. 1913. 4 октября.

³ Там же.

Императору благоугодно было обратиться к ним с напутственным словом: «В продолжение вашей службы офицерами флота руководствуйтесь следующими моими заветами: прежде всего веруйте в Бога, будьте искренними и преданными слугами Государю и Родине! Относитесь с уважением к вашему начальству и будьте настоящими товарищами между собой. Вникайте в нужды подчинённых вам команд, относитесь к ним строго, но справедливо, что необходимо в военно-морской службе. И этим вы составите с ними одно сплочённое неразрывное целое. Желаю вам всякого успеха, много счастливых морских кампаний»¹.

Событие это торжественно отмечалось на всех кораблях эскадры, а вечером суда осветились столь красивой иллюминацией, что Николай II с дочерьми специально ездил на машине поближе полюбоваться этим прекрасным зрелищем².

Два события всё-таки омрачили юбилейный год, изрядно подпортили настроение севастопольцам, и особенно морякам-черноморцам. Несмотря на то что они произошли не во время юбилейных торжеств и в разное время года, косвенно они были связаны с царской фамилией. В ночь на 3 июня 1913 г., на даче вблизи Стрелецкой бухты, на 54-м году жизни скоропостижно скончался от разрыва сердца севастопольский градоначальник генерал-лейтенант по флоту Сергей Карлович Кульстрем. Накануне, 2 июня, несмотря на праздник Св. Троицы, утром он ещё работал в своей канцелярии, занимаясь обычными делами, а в час дня присутствовал на торжестве закладки при церкви Св. Феодосия колокольни в память 300-летия царствования Дома Романовых, где сам заложил первый камень в основание этого памятника.

Памятник-колокольню и к ней колокол в 300 пудов при церкви Св. Феодосия станции Севастополь в ознаменование 300-летия царствования Дома Романовых решили соорудить служащие и рабочие по почину начальника Южных железных дорог инженера В.И. Стульгинского, которым был дважды разрешён сбор пожертвований по линии дороги. Проект памятника-колокольни в русском стиле был разработан инженером В.М. Олиферовым.

По распоряжению архиепископа Димитрия Свято-Феодосиевский храм был украшен историческим крестом, переданным французским правительством

«в знак союза и дружбы». Сооружение колокольни шло по плану. Через полгода после закладки она была закончена и отделана³. К отъезду Николая II из Крыма в декабре 1913 г. её, видимо, собирались освятить, но сделано это было только в сентябре 1915 г.

Вид на Вокзальную церковь во имя Св. Феодосия Черниговского и памятник-колокольню в честь 300-летия царствования Дома Романовых при ней. Севастополь. Южная бухта. Начало XX в. Из личного архива О.Г. Доскато

Русский флот, так жестоко пострадавший в японскую войну, возрождался к новой жизни. И в этом была огромная заслуга Государя Императора, дважды преодолевшего упорное сопротивление думских кругов. Строились современные сверхдредноуты (один из них – «Севастополь»), лёгкие крейсера, миноносцы, подводные лодки, активно развивалась авиация. За исключением нескольких малых судов весь новый флот закладывался на отечественных верфях в Санкт-Петербурге и в Николаеве. Ко времени завершения малой строительной программы (около 1917 г.) русский флот с 11 новейшими линейными кораблями должен был снова достигнуть 4-го места в ряду мировых флотов (после Англии, Германии и Соединённых Штатов).

В юбилейный год с началом кампании Государь Император посещает корабли и выходит на них в море, устраивает смотры матросам-новобранцам. Буквально накануне приезда в Крым участвует сначала

¹ ГКУ АГС. Ф. КМФ-4. Оп. 1. Д. 747. Крымский вестник. 1913. 7 октября.

² Дневники Императора Николая II. С. 426.

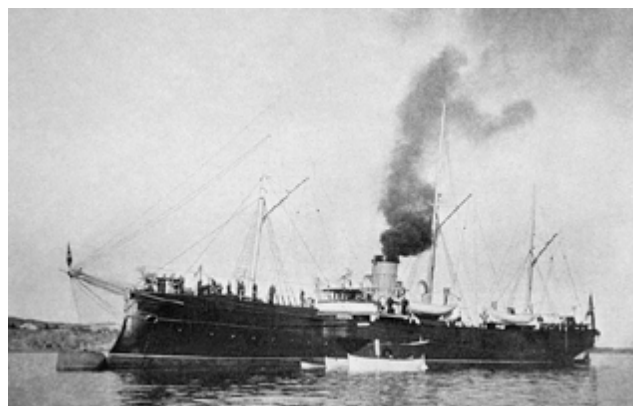
³ ГКУ АГС. КМФ-4. Оп. 1. Д. 753. Крымский вестник. 1913. 12 ноября.

в освящении Морского собора, а затем и памятника адмиралу С.О. Макарову в колыбели русского флота – Кронштадте. И тем не менее в юбилейном году неприятности постоянно преследуют моряков – Балтийский и Черноморский флоты как бы соревнуются в этом друг с другом.

Но аварией года, безусловно, стала посадка на рифы канонерской лодки «Уралец», которая, вернувшись в Севастополь из длительного заграничного плавания, через несколько дней была отправлена на Высочайший смотр в Ялту. 16 ноября Государь Император прибыл на неё с великими княжнами Ольгой и Татьяной в сопровождении флаг-капитана Его Величества и дежурного флигель-адъютанта. Встреченный временно командующим морскими силами Чёрного моря контр-адмиралом П.И. Новицким, командиром судна капитаном II ранга Берхом, Его Величество обошёл команду, после чего произвёл смотр судну. Подробно осмотрев судовые помещения, Государь Император и его дочери в каюте командира занесли свои августейшие имена в книгу Высочайших посетителей. Поблагодарив офицеров и команду за службу во время заграничного плавания, Государь Император с великими княжнами отбыли в Ливадию. К Высочайшему завтраку были приглашены контр-адмирал Новицкий и капитан II ранга Берх¹. После Высочайшего смотра около часа дня канонерская лодка спешно вышла из Ялты и около 20 ч начала огибать Херсонесский мыс. Погода была пасмурная, моросил дождь со снегом, ветер 5–6, море – около 4 баллов. Пройдя Херсонесский маяк и увидя два огня, весьма похожие на огни Инкерманских маяков, командир корабля, приняв их за Инкерманские створы, лично отдал приказание лечь на опасный курс. Около 20 ч 23 мин старший офицер, выйдя на мостик, увидел в непосредственной близости пену бурунов и берег. Несмотря на предпринятые меры, лодка села на прибрежные камни. Случилось это у восточного берега Круглой бухты. Сообщив об аварии, вся команда «Уральца» благополучно перебралась на берег с вещами. Но катер, отправленный с подошедшей на помощь канонерской лодки «Кубанец», залило водой, и из 11 человек, бывших на нём, погибло 6, в том числе мичман Верещагин Алексей Васильевич². Полтора месяца принимались меры, чтобы спасти лодку, но сделать этого так и не удалось.

¹ ГКУ АГС. КМФ-4. Оп. 1. Д. 754. Крымский вестник. 1913. 18 ноября.

² Там же.

Канонерская лодка «Уралец». Начало XX в.
Из личного архива О.Г. Доскато

На Черноморском флоте существовала добрая традиция: ежегодно 18 ноября в память боя при Синопе в Морском собрании давал бал, открывавший сезон балов. Этот первый бал назывался Синопским. К нему заранее готовились жители Севастополя и все моряки. Торжества начинались с банкета, в котором принимали участие все офицеры флота. Отдельно устраивался и праздничный обед для матросов. Для всех моряков Черноморского флота этот праздник был святой традицией. 60-летнюю годовщину Синопского боя собирались отметить более торжественно³, но в результате морской трагедии – гибели офицера и моряков – традиционные Синопский обед и танцевальный вечер в Севастопольском Морском собрании были отменены⁴. В Ливадии в этот день к Высочайшему завтраку по случаю памятной даты были приглашены адмирал Покровский, князь Трубецкой, командиры и офицеры четырёх миноносцев, находящихся на Ялтинском рейде⁵.

Из-за болезни цесаревича пришлось дольше обычного оставаться в Крыму, и только во второй половине декабря семейство возвратилось в Царское Село. 17 декабря по пути в Санкт-Петербург, во время пребывания Государя Императора проездом в нашем городе, в Его Высочайшем присутствии состоялось освящение Школы авиации отдела воздушного флота на Александро-Михайловском аэродроме близ Севастополя⁶.

³ ГКУ АГС. КМФ-4. Оп. 1. Д. 754. Крымский вестник. 13 ноября.

⁴ Там же. 18 ноября.

⁵ Там же. 20 ноября.

⁶ Там же. 18 декабря.

Офицерская школа авиации отдела воздушного флота. Севастополь. Кача. Начало XX в.
Из личного архива О.Г. Доскато

Камышловский мост.
Конец XIX – начало XX в.
Из личного архива О.Г. Доскато

В этот же день императорский поезд с Их Величествами, Августейшими детьми и великим князем Дмитрием Павловичем в сопровождении лиц свиты отбыл на север по новому, освящённому в день тезоименитства Государя Императора, Камышловскому мосту. Если бы не болезнь наследника, как знать, может быть, канонерская лодка «Уралец» и далее была бы в составе Черноморского флота, да и не было бы братского захоронения моряков «Кубанца» на старом городском севастопольском кладбище¹.

Когда-то 16-летний мальчик стал русским царём и основал одну из великих династий. Через 300 лет она включала 60 человек, а ещё через четыре года лишилась трона. В марте 1917 г. Романовы стали России не нужны. Но они не исчезли. Их история продолжается и сейчас, несмотря на то что три четверти века память о них, в том числе и в нашем городе, стиралась. Ныне имена их восстают из небытия.

¹ ГКУ АГС. КМФ-4. Оп. 1. Д. 755. 1913. Крымский вестник. 10 декабря.

«Триумфальное шествие советской власти» на Черноморском флоте глазами революционного матроса

В Севастополе и на Черноморском флоте большевики пришли к власти значительно позднее, чем в Центральной России, – только к середине декабря 1917 г. Об этом «триумфальном шествии советской власти» – в настоящей публикации, основанной на документах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

Весть об Октябрьской революции дошла до Черноморского флота уже утром 26 октября 1917 г., когда была обнаружена радиограмма Петроградского военно-революционного комитета (ПВРК) о свержении Временного правительства и переходе «всей власти» к «Советам». На кораблях и в частях прошли митинги, затем в городе состоялась массовая демонстрация под лозунгом «Да здравствует социалистическая революция!»¹.

Матросы броненосца «Синоп», который в то время базировался в Одесском порту, записали в своей резолюции: «Мы [...] приветствуем восставший Петроградский гарнизон и пролетариат. Мы признаём Советы единственными источниками власти как в центре, так и на местах [...]»². Аналогичные резолюции приняли команды линейных кораблей «Свободная Россия», «Ростислав», «Иоанн Златоуст», «Евстафий», эскадренных миноносцев «Гневный», «Гаджибей», «Пронзительный» и др.³ Общее собрание команды минной бригады Черноморского флота указало в своей резолюции: «Мы приветствуем революционный Петроград и верный революции Балтийский флот и мы, черноморцы минной бригады, преклоняемся перед героической борьбой Петроградского гарнизона, *Балтийского флота* (курсив наш. – С.В.) и рабочих г. Петрограда, которые так твёрдо стоят за счастье трудового народа»⁴. Следует заметить, что минная бригада была настроена, в сравнении с другими частями Черноморского флота, более революционно, что особенно важно для нас потому, что именно в ней служил автор публикуемого в приложении документа⁵.

По свидетельству офицера Н. Кришевского, находившегося во время Октябрьской революции в Керчи, ставшего позднее очевидцем вакханалии массового красного террора в Крыму, сумевшего эмигрировать и опубликовать воспоминания о красной (с учётом

флотской специфики, вернее было бы написать – красно-чёрной, т.е. большевистско-анархистской) смуте 1917–1918 гг., «в Керчи большевистский переворот ничем не отразился. Черноморский флот ещё держался, ещё если и не крепко было в нём влияние эсеров, то всё же пока матросы верили в партию, в её лозунги и заветы. И в то время как город за городом подпадали “под ножи” Ленина, Крым был в стороне и ничем ещё не проявил склонности к большевизму и только в Севастополе шла усиленная работа кронштадтских матросов по “углублению революции” и развитию коммунистической сознательности среди матросов и рабочих»⁶.

27 октября Центральный комитет Черноморского флота (Черноморский Центрофлот) совместно с представителями всех кораблей и частей направил ПВРК приветственную телеграмму, в которой заявил: черноморцы будут всемерно поддерживать народную власть⁷.

Однако на первых порах имело место скорее формальное, нежели фактическое признание советской власти. Исполком Севастопольского Совета, по составу своему соглашательский (эсеро-меньшевистский), утвердил по итогам прений примечательную резолюцию: «Сейчас же выработать воззвание ко всем казакам и послать делегацию [в Киев и Макеевку] для моральной поддержки, в физической же поддержке отказать за неимением таковой»⁸. Эсеро-меньшевистские руководители Севастопольского Совета были настроены антибольшевистски, однако не имели ни малейших возможностей для оказания *реальной* поддержки военной контрреволюции.

6–19 ноября в Севастополе проходил I Обще-черноморский флотский съезд, сыгравший, по признанию советской историографии, решающую роль «в сплочении революционных сил моряков-черноморцев»⁹. Съезд состоял из 22 большевиков, 50 «соглашателей» (эсеров и меньшевиков) и 16 беспартийных¹⁰, однако большевикам удалось повести за собой представителей соглашательских партий, в совокупности составлявших большинство собравшихся¹¹.

10 ноября съезд принял резолюцию о поддержке решений 2-го Всероссийского съезда Советов, посредством которого большевики «легализовали» захват власти, и о признании «единственным источником

власти»¹² во вновь избранном составе Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК). Судя по всему, большинство собравшихся делегатов всё же выступало за «однородное социалистическое правительство», однако это не помешало «большинством 37 против 9 принципиально» принять решение о посылке «приветственной телеграммы Совету Народных Комиссаров за энергичную политику в деле приближения демократического мира и объявления перемирия»¹³. Таким образом, севастопольцы поддержали В.И. Ленина и его Совнарком.

I Общечерноморский флотский съезд единогласно принял резолюцию об отправке в Ростов-на-Дону отряда матросов для борьбы с атаманом А.М. Калединым¹⁴: «Центрофлоту. Съезд Черноморского флота, заслушав доклад представителя Ростовского-на-Дону Совета солдатских и рабочих депутатов, постановил: передать для технического исполнения Центрофлоту с командующим флотом и в срочном порядке послать флотилию на Дон для реальной поддержки Совета солдатских и рабочих депутатов в Ростов-на-Дону»¹⁵. Съезд одобрил постановление ленинского Совнаркома о роспуске Всероссийского Центрофлота, который занял явно враждебную позицию к советской власти¹⁶.

Симпатии матросских масс постепенно склонялись в сторону большевиков. По данным крупного современного исследователя Гражданской войны в Севастополе В.В. Крестьянникова, с 10 по 30 ноября основная масса команд Черноморского флота и береговых подразделений высказала своё отношение в резолюциях о власти и перемирии с Германией. Большинство команд – штаба Северного порта, 8-й и 2-й рот крепостного артиллерийского полка, воздушной станции «Бухта Нахимова», 474-й пешей Екатеринославской дружины, 572-й Астраханской дружины, 1-й зенитной батареи 4-й роты крепостного арtpолка, линкора «Евстафий», крейсеров «Память Меркурия» и «Прут»¹⁷, эсминца «Громкий» и т.д. – выразило доверие ленинскому Совнаркому и одобрило его действия по заключению перемирия. Но при этом немало команд, в том числе дивизион сторожевых судов, линкор «Георгий Победоносец», бригада траления и другие, требовало формирования «однородного социалистического правительства», в котором должны были быть представлены все партии, от «народных социалистов до большевиков включительно». Имели место резолюции с открытым выражением недоверия ленинскому Совнаркому¹⁸.

Тем не менее 12 ноября курс на подавление контрреволюции в Ростове-на-Дону взяла сформированная в Севастополе флотилия в составе двух тральщиков, эсминца «Капитан Сакен», двух истребителей и одного гидроаэроплана. Руководила флотилией «Комиссия пяти» (В.Е. Драчук¹⁹, Ракитский²⁰, А.Д. Бугаенко²¹, Г. Волик²² и Ларионов²³), возглавлял её революционный матрос-большевик В.Е. Драчук. Каледины попытались не допустить флотилию к устью Дона. Около Керчи флотилию задержал начальник гарнизона города. При входе в устье Дона один тральщик сел на мель, т.к. белогвардейцы отдали приказ о снятии всех вех. Несмотря на эти трудности, 24 ноября флотилия прибыла в Ростов-на-Дону. Эсминец «Капитан Сакен» остался в Таганроге для связи. 25–26 ноября в Ростове состоялось торжественное приветствие флотилии. На посыльном судне «Колхида», стоявшем в Ростове на ремонте с 1916 г., был образован новый Военно-революционный комитет – революционный штаб обороны, в который вошли представители моряков, красногвардейцев и революционных солдат гарнизона. Получив поддержку, Ростовский Совет потребовал от Каледина отменить военное положение в городе, отказаться от власти и освободить арестованных²⁴. В ответ в ночь на 26 ноября каледины напали на Совет и убили трёх его членов. «Комиссия пяти» обратилась с воззванием к населению Донской области: «“Комиссия пяти”, которой поручено ведать флотилией, заявляет, что с этого момента она берёт под свою защиту Совет рабочих и солдатских депутатов Ростова и Нахичевани – на Дону и примет все меры к тому, чтобы разбить контрреволюционеров, начавших своё гнусное дело с разгрома Совета [...]»²⁵ Начались упорные бои за Ростов и Нахичевань²⁶.

26 ноября Черноморский флот запросил Временное рабоче-крестьянское правительство Республики Российской, «как действовать и что предпринимать в дальнейшем Черноморскому флоту». Ленинский Совнарком телеграфировал в ответ, в связи с выступлением Каледина на Дону: «Действуйте со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху. [Вожди контрреволюции] Каледин, Корнилов, Дутов – вне закона. Переговоры с вождями контрреволюционного восстания безусловно воспрещаем. На ультиматум отвечайте самым сильным, смелым революционным действием. Да здравствует революционный Черноморский флот!»²⁷

6 декабря «Комиссия пяти», добившаяся значительных успехов, направила Севастопольскому

Совету военных и рабочих депутатов, Центральному комитету Черноморского флота и главному комиссару Черноморского флота большевику В.В. Роменцу радиogramму о возвращении флотилии с Дона в Севастополь: «Вся флотилия прибыла [в] Мариуполь, тральщики идут в Севастополь, истребители остались [в] Мариуполе до благоприятной погоды. “Дерзкий” возвращается [в] Севастополь с “Комиссией пяти”, командой “Колхиды” и красногвардейцами в числе около 60 человек. В 18 ч будем [в] Севастополе»²⁸.

Возвращение «командированных» на борьбу с военной контрреволюцией имело следствием всплеск т.н. «спецедействия»²⁹, поскольку революционные матросы поведали товарищам о зверствах белоказачков. 7 декабря общее собрание команды штаба отрядов борьбы с подводными лодками приняло следующую резолюцию: «Принимая во внимание плохо скрываемое, явно реакционное [настроение] подавляющего большинства офицеров, их открытую вражду и ненависть к рабоче-крестьянской революции, – холодным и огнестрельным оружием, отобранным у офицеров, вооружиться команде. Ни одного револьвера, ни одной сабли у офицеров быть не должно. Все виды оружия у них должны быть отобраны. Вооружённая контрреволюция является опасностью для революции»³⁰. Общее собрание команды поддержал Севастопольский Совет военных и рабочих депутатов, который наставлял революционных матросов в своей резолюции: «... всё оружие должно быть у нас. Вооружить контрреволюцию – это погубить революцию»³¹.

10 декабря матросы, солдаты и рабочие Севастополя приняли на своём митинге резолюцию с призывом отозвать членов Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов, саботирующих борьбу с контрреволюцией: «... народное собрание разных национальностей призывает рабочих, солдат, матросов и крестьян тесно сплотиться вокруг своих Советов в их борьбе против контрреволюции, под каким именем она бы ни выступала»³². В то же время собрание отметило, что «Севастопольский Совет военных и рабочих депутатов, занимая выжидательную позицию и отказываясь от использования находящихся в его распоряжении сил для активной борьбы с контрреволюцией, способствует развитию контрреволюции и ослаблению сил революционной демократии»³³. Вследствие этого собрание призвало «всех товарищей начать во всех частях гарнизона широкую агитацию за то, чтобы части отозвали из Со-

вета тех своих депутатов, которые, занимая выжидательную позицию, тормозят дело борьбы с контрреволюцией»³⁴. Собрание заявило в своей резолюции о необходимости создания в Севастополе единого центра, который объединил бы деятельность Совета и Центрофлота в области борьбы с контрреволюцией и повёл бы её «планово совместно с другими Советами и центральными органами народного правительства»³⁵.

12 декабря из Севастопольского Совета вышла большевистская фракция – 15 декабря Совет распался и в городе началась анархия: погромы, грабежи, самосуды над наиболее реакционными офицерами³⁶, аресты севастопольских эсеров и меньшевиков. Последние были спасены «только благодаря»³⁷ вмешательству большевистской партии. Убедившись в полной утрате политического авторитета в массах, меньшевистские и эсеровские лидеры обратились к большевикам и Центральному комитету Черноморского флота с просьбой об организации хотя бы временного органа до перевыборов Севастопольского Совета – для обуздания анархии³⁸.

В условиях тяжёлой военно-политической обстановки большевики, как единственная реальная сила в Севастополе, приняли решение о взятии всей полноты власти в городе в свои руки. В 1 ч ночи с 15 на 16 декабря состоялось созванное Центрофлотом экстренное собрание, которое организовало Временный военно-революционный комитет, направивший телефонограммы о созыве делегатского собрания 16 декабря в 11 ч утра³⁹. Собрание состоялось – как и было намечено: 16 декабря в театре «Ренессанс» на объединённом заседании представителей судовых и береговых частей флота и гарнизона, штаба революционного отряда, а также членов президиумов Севастопольского Совета и Центрофлота, по инициативе большевиков сформировали теперь уже не «Временный», а постоянно действующий Севастопольской военно-революционный комитет, к членам которого, собственно, и перешла вся власть в городе⁴⁰. Членами Севастопольского ВРК стали: Н.А. Пожаров⁴¹, Ю.П. Гавен⁴², К.Я. Зедин⁴³, В.Е. Драчук, Н.И. Островская⁴⁴, П.З. Марченко⁴⁵, И.Л. Сюсюкалов⁴⁶, С.Г. Шмаков⁴⁷, А.Д. Савицкий⁴⁸, Н.К. Сапронов⁴⁹ (не следует путать с Т.В. Сапроновым и С.Г. Сапроновым⁵⁰), Р.Е. Вагул⁵¹, И.В. Санецкий⁵², А.И. Никонов⁵³, Ф. Осколков⁵⁴, Пирогов⁵⁵, Ворончин⁵⁶, Чайка⁵⁷, Борский⁵⁸, Ларионов, И.Н. Ильюха⁵⁹ – 20 человек: 18 большевиков и 2 эсера⁶⁰. Председателем временного ВРК избрали

И.Л. Сюсюкалова, постоянного – Ю.П. Гавена⁶¹. Основными задачами комитета были «предотвращение беспорядков, всякого рода эксцессов и беспощадная борьба с контрреволюцией»⁶².

Большевик В.К. Жуков, в то время прапорщик Черноморского флота, писал в своей книге, что именно с этого момента «власть в Севастополе твёрдо перешла в руки большевиков»⁶³. И это не было преувеличением. Представитель противоположной стороны, офицер-эмигрант Н. Кришевский, констатировал в своих воспоминаниях: «...после первой резни власть в Севастополе фактически перешла к большевикам, которые опирались на матросов»⁶⁴.

17 декабря на объединённом заседании представителей армии и флота и Военно-революционного комитета «единогласно» приняли следующую резолюцию: «1. Послать своих комиссаров от каждого судна и армейских частей для совместной работы с Военно-революционным комитетом. 2. Послать к революционному отряду Черноморского флотского экипажа [делегацию] с предложением принять меры, чтобы отдельные личности отряда не производили самовольных обысков и арестов, и согласовать действия отряда с действиями Военно-революционного комитета. 3. Для охраны города Военно-революционному комитету назначить свои патрули, для чего в распоряжение Военно-революционного комитета судовые и береговые комитеты посылают нужное количество людей. 4. Аресты и обыски производятся только по ордерам Военно-революционного комитета. Все арестованные контрреволюционеры находятся в ведении Военно-революционного комитета, и дела каждого арестованного разбирает следственная комиссия революционного трибунала при Военно-революционном комитете»⁶⁵.

Матрос, большевик К.Я. Зедин, направленный в Севастополь Центральным Комитетом (большевиком) РСДРП, сообщил наркому по морским делам матросу П.Е. Дыбенко⁶⁶: «Среди матросов-черноморцев нет того единения и революционного духа, как на Севере. Самосуды, анархические выступления. В войсковых частях и на Черноморском флоте благодаря контрреволюционерам, сидящим в Раде, идёт разложение. По приказу Петлюры⁶⁷ крепость оставлена без гарнизона, пороховые погреба, мастерские оставлены без охраны. В Симферополе, Евпатории и других пунктах Крыма советские войска разоружаются крымско-мусульманскими войсками. Советская власть окончательно растерялась. Создан Военно-революци-

онный комитет, который боролся не с контрреволюцией, а с самосудами»⁶⁸.

16 декабря Военно-политическая часть Черноморского флота объявила: «Исполнительный комитет Совета военных и рабочих депутатов просит все судовые части немедленно приступить к переизбранию Совета с таким расчётом, чтобы избранные явились для приёма дел не позже 18 декабря к 2 ч дня. Порядок выборов: один на 150 человек, а отдельные команды, находящиеся в отдельности (так в тексте. – С.В.), избирают от 70 – одного, более мелкие части сливаются до 150 человек. Предлагается всем членам старого Совета прибыть во дворец командующего флотом сегодня, 16 декабря, в 5 ч вечера»⁶⁹. Выборы Севастопольского Совета, состоявшиеся, как и предполагалось в сообщении, 18 декабря 1917 г., дали большевикам 87 мандатов, но при этом, что характерно, эсерам – 86⁷⁰, беспартийным – 50, меньшевикам и польским социал-демократам – по 6. Несмотря на явное численное преимущество соглашателей, Исполком Совета составили 11 большевиков, 5 беспартийных и 3 эсера, председателем Севастопольского Совета избрали большевика Н.А. Пожарова, секретарём – большевика П.З. Марченко⁷¹. Как установил исследователь В.А. Широков, численно Совет стал большевистским только 2 января 1918 г.,⁷² однако по духу Совет являлся таковым уже во второй декаде декабря 1917 г., поскольку, как написал в своей книге В.К. Жуков, в переизбранный «через несколько времени» после событий 15 декабря Совет «также прошло значительное число большевиков, которые, несмотря на своё абсолютное меньшинство (курсив наш. – С.В.), [играли] в Севастополе руководящую роль»⁷³.

19 декабря 1917 г. Ю.П. Гавен выпустил первый номер «Известий Севастопольского Военно-революционного комитета» – первой большевистской газеты в Севастополе. В период разгона Учредительного собрания газета называлась «Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов». В 20-х числах января 1918 г. в Севастополе стали выпускать «Таврическую правду» – орган Севастопольской губернской организации РСДРП (большевиков)⁷⁴. Собственно, тем и увенчалось установление большевистского режима в Севастополе и на Черноморском флоте.

Атмосферу того, что называлось в советской историографии «триумфальным шествием советской власти», помогают воссоздать воспоминания, написанные спустя почти сорок лет после событий 1917–1918 гг.

на Черноморском флоте Романом Андреевичем Мирошниченко (1895–1981), призванным в 1915 г. на военную службу матросом. Документ интересен тем, что принадлежит перу рядового революционного матроса, и это позволяет взглянуть на важные для истории нашей страны события глазами простого человека.

В советские времена скрупулёзно собирались документальные и мемуарные источники об Октябрьской революции, поэтому в федеральных и региональных архивах есть целые фонды, в которых хранятся автобиографии и воспоминания активных участников революционного движения – большевиков и обывателей, запечатлевших события революционной эпохи. Публикуемый документ отложился в Объединённом фонде «Участники Октябрьской революции и борьбы за советскую власть» (ГА РФ. Ф. Р-9597), где собраны рукописи воспоминаний, письма, дневники и фотографии участников и свидетелей событий, потрясших мир в 1917 г.

В связи с тем что миноносец «Счастливый», на котором служил Р.А. Мирошниченко, не всё время находился в порту (он выполнял боевые задания), при подготовке воспоминаний к публикации мы опустили три главы, события в которых переданы со слов других лиц или не имеют прямого отношения к Севастополю: «I. Революционные события военно-морского Черноморского флота; IV. Роль Сулинского гарнизона в срыве июньского наступления на фронте устья Дуная; V. Предоктябрьские события в Сулинском порту»⁷⁵.

**Из воспоминаний матроса минной бригады
Р.А. Мирошниченко –
об Октябрьской революции на Черноморском флоте**

18 июля 1957 г.

Личные воспоминания
о революционном движении
в Черноморском военно-морском флоте
и его героической гибели в 1918 году*

[...] II. Февральская революция
в Черноморском флоте

Февральская буржуазная революция 1917 г. и революционные события в Петрограде командующим Черноморским флотом адмиралом Колчаком долго скрывались от матросов, и только в конце марта

1917 г. было сообщено матросам Черноморского военно-морского флота о свержении самодержавного строя⁷⁶.

В это время я был на миноносце «Счастливый», и, по распоряжению начальника минной бригады контр-адмирала князя Трубецкого, команды матросов выводились по очереди в глухие, безлюдные места, между продскладами на берегу Южной бухты, где команде давалось распоряжение снять головные уборы, и после этого князь Трубецкой зачитывал Манифест Николая II об отречении его от престола в пользу своего брата Михаила, и тут же Трубецкой призывал матросов продолжать войну за «веру, царя и отечество»⁷⁷ до полной победы.

Несмотря на полную изоляцию Черноморского флота от всей России, в Севастополь начали поступать сведения о революционных событиях в Петрограде, и особенно о событиях в братском Балтийском военно-морском флоте.

О свержении самодержавия и организации Временного правительства в Севастополе было объявлено прибывшим в Севастополь членом Государственной думы Туляковым⁷⁸, который официально объявил о составе Временного правительства, его внешней и внутренней политике, которая была продолжением политики царского правительства. Как сам состав этого правительства, состоящего** из помещиков и фабрикантов (Львов⁷⁹, Родзянко⁸⁰ – крупные помещики, Терещенко⁸¹ – сахарозаводчик), так и его политика вызвали разочарование и недовольство матросов и рабочих порта.

На собрании матросов и рабочих в Севастопольском порту Туляков был освистан, и никакой резолюции о поддержке Временного правительства на этом собрании ему провести не удалось. Все его призывы к матросам соблюдать строгую дисциплину и угрозы за нарушение дисциплины дали отрицательные результаты.

III. Преследования матросов командованием флота

После общего собрания матросов и рабочих порта среди матросов началось революционное брожение. Командование флотом, боясь, что это брожение перейдёт к открытым выступлениям против Временного правительства и может вызвать восстание, стало на путь реакции, начав аресты и высылку на фронт революционной части матросов. Особенно жестоко командование флотом расправлялось с большеви-

* Заголовок документа.

** Так в документе.

ками и сочувствующими им. Те военные суда, на которых были созданы большевистские организации, выводились в море под видом выполнения боевых заданий, и там организации подвергались разгрому. При стоянке военных судов в порту было запрещено посещение матросами других судов, а отпуск судовых команд на берег был ограничен до одного раза в месяц.

Эсеры и меньшевики активизировали свою пропаганду среди матросов за поддержку Временного правительства. Одновременно под видом эсеровских и меньшевистских пропагандистов на военных судах стали появляться агенты разведки, которые выявляли революционно настроенных и выступавших против Временного правительства матросов.

В результате всех ненадёжных и опасных революционно настроенных матросов начали списывать из военных судов в экипаж, а из экипажа отправляли отдельными группами на фронт в штрафные части или запирали в плавучую тюрьму.

Этой операцией командование флота в значительной части изъяло из военных судов большевиков и сочувствующих большевикам.

В числе группы матросов, изъятых из военных судов и направленных на Румынский фронт, был и я направлен на о. Федониси, а из острова Федониси переправлен на Румынский фронт, в г. Сулин на Дунае. [...]

VI. Октябрьские события в Севастополе

По прибытии в Севастополь Черноморский флот произвёл на меня удручающее впечатление. В отличие от фронтовых солдат и матросов, решительно требовавших немедленного прекращения войны, большинство матросов Севастопольского гарнизона ещё голосовали за войну до победы.

Если на фронте уже давно были сняты погоны и все знаки отличия, то здесь, в Севастополе, все офицеры и матросы были в погонах и со всеми знаками отличия. Партийным организациям севастопольских большевиков приходилось проводить среди матросов и солдат пропаганду и распространять партийную литературу нелегальным путём; и выступать на собраниях за прекращение войны было небезопасно для жизни выступающего. Поэтому местная парторганизация для открытых выступлений на собраниях привлекала большевиков, прибывших с фронта, или большевиков Балтийского флота. [Из присланных] ЦК партии большевиков в Севастополь я познакомился с тт. Гавенем и Островской и по их поручению выступал на матросских и солдатских собраниях.

Моё первое выступление на заседании Севастопольского Совета в театре на Приморском бульваре с предложением немедленного прекращения империалистической войны и передачи всей власти Советам встревожило местных «вождей» эсеровских и меньшевистских организаций. Особенно встревожила руководителей фракции Совета бурная овация матросов, присутствовавших в театре, которые единогласно одобряли моё предложение и требовали от Совета принять моё предложение. Поэтому лидеры эсеров и меньшевиков, чтобы не допустить принятия моего предложения, объявили заседание закрытым. Только после закрытия заседания Совета я узнал, что на этом заседании присутствовал представитель от Украинской центральной рады – Винниченко⁸², который, увидев настроение матросов военно-морского флота, не решился выступить с предложением об украинизации Черноморского флота, которое он должен был сделать от имени Рады⁸³. После этого заседания Севастопольского Совета на военных кораблях начались собрания матросов, на которых принимались резолюции с требованием немедленного прекращения войны и признания советского правительства.

В ответ на переход военно-морского флота на сторону советского правительства местные эсеры и меньшевики организовали саботаж работы в порту и городе, объявив забастовку рабочих порта, электростанции, водопровода и хлебозавода. В ответ на этот саботаж большевики потребовали немедленной организации военно-революционного комитета и передачи ему всей власти.

Военно-революционный комитет был организован из 5 матросов, 5 солдат и 5 рабочих⁸⁴. Вся власть в Севастополе была передана Военно-революционному комитету. (15–16 декабря 1917 г.)*

От Центрофлота в числе 5 матросов в Военно-революционный комитет был назначен и я. Военно-революционным комитетом мне было поручено ликвидировать саботаж на морском хлебозаводе и на электростанции в Южной бухте. Когда я прибыл в хлебозавод флотского экипажа, который снабжал весь флот хлебом, завод бастовал. Завод обслуживался вольнонаёмными матросами под руководством мастеров – почётных ветеранов-матросов, участников обороны Севастополя 1854–1855 гг. Это были седые, глубокие старики, увешанные Георгиевскими крестами

* Здесь и далее в документе выделенные курсивом слова вписаны автором синей ручкой.

и медалями. На мой вопрос, почему они саботируют и почему не поддерживают свою революционную власть, они заявили, что работу прекратили по распоряжению Севастопольского Совета, но когда я от имени Военно-революционного комитета потребовал немедленно приступить к работе, то они заявили, что они все матросы и будут подчиняться только Центрофлоту. Убедившись в том, что я член Центрофлота, они заверили меня, что немедленно приступят к работе, и обратились ко мне с просьбой: «Товарищ Центрофлот, дайте нам электроэнергию и на следующий день присылайте за хлебом, только хлеб будем отпускать по нарядам Центрофлота». По пути из хлебозавода я заехал на электростанцию, где выяснил, что никакой забастовки нет. Рабочие электростанции никакой забастовки не объявляли, а работа электростанции прекращена по распоряжению городского Совета.

После разъяснения работникам электростанции, что горсовет распущен и вся власть сосредоточена в Военно-революционном комитете, рабочие станции немедленно приступили к работе и дали хлебозаводу электроэнергию.

За это же время другие члены Военно-революционного комитета восстановили работу водопровода, продскладов и магазинов. На следующий день эсеры и меньшевики пытались спровоцировать вооружённое столкновение рабочих с матросами. С этой целью они вывели портовых рабочих в город для демонстрации против Военно-революционного комитета, но члены Военно-революционного комитета разъяснили рабочим, что Военно-революционный комитет является временной властью – до создания Советов рабочих, солдатских и матросских депутатов и, как только будет создан Совет, ему будет передана власть. После этого разъяснения рабочие и служащие приступили к работе.

В это же время в Военно-революционный комитет поступили требования от матросов военных судов о выдаче им для суда реакционеров – генералов и адмиралов, которые в 1905–1912 гг. жестоко расправлялись с восставшими матросами, а после Февральской революции Временное правительство укрывало их в арестном доме флотского экипажа. На требование матросов Военно-революционный комитет заявил, что эти реакционеры будут судиться революционным судом и понесут заслуженное наказание. Но гнев матросов против этих реакционеров, особенно против быв[шего] *нач[альни]ка гарнизона* г. Севастополя контр-адмирала Новицкого, настолько

был сильным, что матросы, не дождавшись суда, самовольно похитили из арестного дома Новицкого и ещё нескольких самых реакционных офицеров и учинили над ними самосуд. Кем был организован самосуд над реакционерами, мне не известно, только из результатов произведённого Центрофлотом расследования я узнал, что спрятанные при флотском экипаже в арестном доме реакционеры были похищены ночью отрядом вооружённых матросов, которые доставили их в Ушакову бухту, где погрузили на моторный катер и увезли в направлении Севастопольской крепости. Обратный катер возвращался только с матросами – без реакционеров.

Когда в Севастополе был избран Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов и у руководства Совета [в]стали большевики, Военно-революционный комитет передал власть Совету и был распущен. С этого времени в Севастополе и военно-морском Черноморском флоте была установлена советская власть с диктатурой пролетариата. Революционная часть матросов военно-морского флота была основной опорой советской власти не только в Севастополе, но и на всём Крымском полуострове.

Организованные из матросов красногвардейские отряды принимали активное участие в подавлении контрреволюционного мятежа, организованного на Дону белогвардейцами генерала Каледина.

VII. Изоляция Севастополя

Сбежавшие с фронта и [из] Петрограда генералы и белогвардейские офицеры под руководством генерала Каледина организовали в Ростове-на-Дону контрреволюционное восстание казаков и изолировали Черноморский флот от Дона и Кубани, а крымские татары-националисты, подняв контрреволюционный мятеж, захватили Крымский полуостров и изолировали Севастополь от Украины и России.

Калединский мятеж был быстро ликвидирован отрядом добровольцев-матросов при участии военных миноносцев. Подавление калединского мятежа было первым активным участием Черноморского военно-морского флота в Гражданской войне. (*Мокротов⁸⁵ – Драчук.*)

Контрреволюционное восстание белогвардейцев и казаков было наглядной демонстрацией классовых врагов против революционного советского правительства, организованного в Петрограде т. Лениным.

Вторым боевым крещением в Гражданской войне матросов Черноморского военно-морского флота была ликвидация контрреволюционного мятежа

крымских татар – националистов, которые прервали ж.-д. сообщение с Севастополем и зверски уродовали захваченных в плен матросов⁸⁶.

Когда прорвались в Севастополь матросы, бежавшие из плена с вырезанными на лбах лентами кожи, с отрезанными ушами и отрубленными на руках пальцами, немедленно всколыхнулся весь флот. Со всех кораблей вооружённые матросы стихийно направились на вокзал, где члены Центрофлота организовывали отряды, формировали эшелоны и направляли из Севастополя на освобождение железной дороги от Севастополя до Симферополя. Многие из матросов, ушедших на ликвидацию татарского мятежа, влились в красногвардейские отряды и возвратились в Севастополь только в апреле 1918 г., при оккупации немцами Крымского полуострова. Наибольшее количество матросов было в красногвардейских отрядах тт. Мокроусова и Федько⁸⁷.

VIII. Оккупация немцами Крымского полуострова

После оккупации немцами Украины они бросили свои главные силы на оккупацию Крымского полуострова с тем, чтобы вместе с Крымским полуостровом захватить стоявший в Севастополе Черноморский военно-морской флот. Под названием украинских частей, под украинскими флагами на Крымский полуостров были брошены вооружённые новейшей техникой регулярные немецкие части, которым не могли противостоять отдельные разрозненные красногвардейские отряды. Попытка революционной части Центрофлота взять с военных судов матросов и организовать для защиты Севастополя военно-морские сухопутные части была сорвана саботажем командующего флотом контр-адмирала Саблина⁸⁸, который обманул командиров судов и матросов, заверив их, что Севастополь займут украинские части, а военно-морской флот остаётся нейтральным до получения указаний правительства.

Под напором превосходящих сил и техники немецкой армии наши красногвардейские отряды из солдат и матросов вынуждены были отступить в Севастополь.

В это время командующий флотом Саблин дал распоряжение поднять на всех военных судах украинский флаг.

Это распоряжение командующего флотом окончательно дезориентировало командный состав и матросов.

Националистически настроенная часть командного состава и матросов дредноутов, крейсеров, бро-

ноносцев и военных транспортов, подняв на кораблях украинские флаги, торжествовали свою победу, а революционно-настроенные команды миноносцев, подводных лодок и быстроходных катеров отнеслись к этому распоряжению как к предательству революции и измене рабочему классу и на своих судах подняли красные флаги. На всех военных кораблях в командах началась обострённая политическая борьба между революционной частью матросов и отсталыми националистическими элементами. В результате этой борьбы Черноморский военно-морской флот, находившийся в Севастополе, разделился на две части.

IX. Вывод военно-морского флота из Севастополя

В конце апреля 1918 г., когда немецкие войска заняли Крымский полуостров и приблизились к Севастополю, революционная часть Центрофлота совместно с городской партийной организацией большевиков приняли решение не допустить сдачи немцам Черноморского военно-морского флота и вывести флот из Севастополя.

К этому времени вся Украина была оккупирована немцами, Дон захвачен генералом Красновым, Кавказ занят меньшевиками, оставался только один Новороссийский порт, подчинённый советскому правительству, поэтому было решено вывести в Новороссийск революционную часть флота, а также транспорты с красногвардейскими частями и партийной организацией большевиков г. Севастополя.

К выводу были подготовлены миноносцы, подводные лодки и быстроходные катера, а также транспорты с красногвардейскими частями. Отколовшаяся от Центрофлота революционная часть матросов – *членов Центрофлота*, совместно с командирами миноносцев разработали план вывода флота и дали указания командирам военных кораблей и транспортов подготовиться к выходу, а от командующего флотом Саблина потребовали разрешения открыть бонные ворота для выхода из Севастопольской бухты в море.

Наше требование Саблин отверг и приказал подчиняться его распоряжениям, а при невыполнении его распоряжений *угрожал* применить военную силу дредноутов.

После этого отказа нами были приведены в полную боевую готовность эскадренные миноносцы первого дивизиона и двум из них было дано распоряжение выйти в Северную бухту и занять позицию минной атаки дредноутов. Когда миноносцы установились на свои места, мы опять отправились к Саблину и на его угрозу ответили угрозой, предупредив, что

при первом выстреле из дредноутов оба дредноута будут торпедированы нашими миноносцами.

Тут же мы предъявили командующему Саблину ультиматум – если он не выпустит нас из Севастополя, мы применим военную силу миноносцев. На наш ультиматум от революционной части флота Саблин заявил нам, что он снимает с себя ответственность за судьбу уходящих из Севастополя судов, и предупредил, что у него имеются сведения о том, что при входе в Севастополь, у Херсонского маяка, дежурят немецкие подводные лодки, и при выходе из Севастополя все суда и транспорты будут потоплены. На это предупреждение Саблина мы ответили, что за судьбу революционной части флота ответственность берём мы – [представители] Центрофлота – и требуем открыть боны для вывода флота, иначе вынуждены будем действовать силой, но революционных кораблей немцам мы не сдадим.

Только после этого предупреждения Саблин вызвал начальника штаба морских сил и дал распоряжение открыть боны для выхода «безумцев», как он выразился, на верную гибель.

Условившись с начальником штаба о времени выхода, мы захватили личный катер командующего и отправились по всем транспортам, чтобы дать указание капитанам о порядке их выхода из Севастопольской бухты⁸⁹. После того как был установлен порядок вывода революционных судов и транспортов, оказалось, что подводные лодки выйти не могут, т.к. командиры и офицеры лодок сбежали и лодки не подготовлены к выходу, поэтому матросы подводных лодок должны были быстро привести в негодность свои подводные лодки и перебраться на миноносцы.

В условленное время выхода боны были открыты. Первыми по плану вывода вышли быстроходные катера, которые должны были прикрывать при выходе из бухты миноносцы и транспорты от нападения немецких подводных лодок. Вывод судов был проведён организованно, точно по установленному графику.

Когда все суда вышли за минное поле, был установлен порядок движения судов. Все транспорты с красногвардейскими частями выстроились в кильватер и взяли курс на Новороссийск. Впереди транспортов и по сторонам прикрывали их от подводных лодок миноносцы и быстроходные катера.

Х. Решение судьбы Черноморского флота

Ушедшая из Севастополя революционная часть Черноморского флота пришла в Новороссийск 1 мая 1918 г.

Рабочие новороссийских заводов и население города очень тепло встретили нашу революционную часть эскадры⁹⁰.

Через день после нашего прибытия в Новороссийск сторожевые катера на горизонте заметили дым нескольких кораблей. Первое время эти корабли были приняты за немецко-турецкую эскадру, которая шла на Новороссийск, но, когда был послан на самолёте воздушный разведчик, он, возвратясь, сообщил, что идут наши дредноуты «Воля» и «Свободная Россия» с несколькими военными судами и держат курс на Новороссийск.

Когда военные корабли приблизились к Новороссийску, на одном из дредноутов был замечен флаг командующего. Прибывшие дредноуты [в]стали на рейде Новороссийской бухты, а командующий флотом адмирал Саблин прибыл в штаб революционной части флота. Своё отношение к революционной части флота Саблин объяснил тем, что он был обманут Украинской радой, которая заверила его, что Крымский полуостров и Севастополь оккупируются немецкими войсками, а фактически Севастополь был уже занят немецкими войсками.

Когда немецкое командование предложило командующему флотом Саблину подчиниться немецкому командованию, он отказался, заявив, что «он русский и может подчиниться распоряжениям только русского правительства», и под обстрелом немецкой полевой артиллерии он вывел дредноуты из Севастополя и привёл в Новороссийск в распоряжение советского правительства.

Приведённые в Новороссийск дредноуты Саблин передал назначенному советским правительством комиссару Черноморского флота, а сам уехал в Москву для получения инструкций от советского правительства – как быть с флотом, если немцы потребуют возвращения флота в Севастополь (позже мы узнали, что Саблин вместо Москвы бежал к белогвардейцам*).

По условиям подписанного советским правительством с немцами перемирия⁹¹ в Бресте Черноморский военно-морской флот должен оставаться в Севастополе, поэтому вывод флота из Севастополя был нарушением Брестского договора.

Если учесть, что к этому времени вся Украина и Крым были оккупированы немцами, Дон занят контрреволюционным казачеством Краснова, Кавказ занят меньшевиками, а на Кубани формировалась

* Так в документе.

из белогвардейцев-офицеров Добровольческая белогвардейская армия Корнилова⁹², которая стремилась отрезать связь Новороссийска с Россией, то это окружение создавало смертельную опасность для военно-морских сил Черноморского флота.

Учитывая эту опасность, революционный штаб флота решил привести флот в боевую готовность, сделать запас топлива, продовольствия, боеприпасов и вывезти в Москву все запасы золота, собранного в городах Крыма и Новороссийска, а также вывезти все исторические ценности и секретную военную документацию флота. Для этого был построен специальный бронепоезд, вооружённый морской артиллерией и пулемётами, и под его прикрытием, с отрядом матросов под командой члена Центрофлота Мухина, все ценности и документация были отправлены через станцию Тихорецкая в Москву советскому правительству.

В это время на Кубани советскими войсками командовал Сорокин, который не признавал централизованного управления Красной Армией и проводил свою местную авантюристическую политику^{**}; которая способствовала белогвардейцам⁹³. Белогвардейскую Добровольческую армию возглавлял генерал Корнилов, а после того как он был убит, на его место вступил в командование генерал Деникин⁹⁴, который начал наступление по всему фронту на Черноморском побережье и на Новороссийск.

Над Новороссийском со всех сторон начали сгущаться чёрные тучи контрреволюции, а в это время немцы потребовали от советского правительства немедленного возвращения в Севастополь военно-морского флота по Брестскому договору, а белогвардейское командование в свою очередь спешило захватить Черноморский флот в своё распоряжение.

Для Черноморского флота наступили решающие дни, а т.к. в это время все вопросы решались на митингах большинством голосов, то и судьба Черноморского флота решалась на матросских собраниях военных кораблей и на собраниях уполномоченных от судовых команд, которые собирались при революционном штабе Черноморского флота.

В процессе обсуждения положения, в котором находился флот, и его перспектив было три разных течения:

Первое, наиболее сильное и поддерживаемое большинством матросов, было предложение, чтобы снять ответственность с советского правительства

за невыполнение Брестского договора, объявить Черноморский флот независимым и вести войну с немцами до предельной возможности.

Второе сводилось к тому, чтобы военно-морской флот не был использован против молодой советской республики немцами или белогвардейцами [и что] нужно снять вооружение [с] военных судов и использовать его для защиты Новороссийска, а все военные корабли флота потопить.

Третье течение, исходившее преимущественно от офицеров, а также изменников революции и предателей родины, сводилось к тому, чтобы весь Черноморский военно-морской флот возвратит обратно в Севастополь и сдать немцам, предварительно договорившись с немецким командованием о безнаказанном и беспрепятственном роспуске офицеров и матросов по домам.

Первое предложение поддерживалось не только революционной частью матросов, но и абсолютным большинством матросов всех судов. Поэтому революционный штаб должен был подсчитать наличие боевых запасов, наличие топлива и продовольствия и сколько времени флот [с]может продержаться при том условии, если белогвардейская армия захватит Новороссийск.

В результате подсчёта запасов и учёта перспектив добывания силой в занятых немцами и белогвардейцами городах топлива и продовольствия штаб пришёл к заключению, что в таком положении флот долго не продержится, израсходовав все боеприпасы, топливо и продовольствие, не сможет их пополнить и вынужден будет топить суда, при этом он потеряет дорогое и нужное для молодой советской армии* вооружение и потеряет живую силу, а главное – такое решение судьбы флота осложнит положение советского правительства и даст повод немецкому командованию начать наступление на Ленинград**.

Таким решением судьбы Черноморского флота мы ставили под угрозу завоевания Октябрьской революции. Поэтому пришлось мобилизовать все партийные силы для того, чтобы убедить матросов отказаться от такого решения и принять второе решение, т.е. снять с кораблей вооружение, боеприпасы и продовольствие, [самый] флот потопить, а из матросов сформировать сухопутные части для борьбы с контрреволюционной белогвардейской армией Деникина.

* Так в документе. До 1946 г. – Красной Армией.

** Так в документе. До 1924 г. – Петроград.

** Так в документе, следует – местническую.

Несмотря на убедительность таких доводов, трудно и тяжело было матросам согласиться с этим предложением. Каждый матрос был патриотом своего боевого корабля, он любил свой корабль и свой дружный боевой коллектив, с которым сжился и вместе с которым неоднократно участвовал в боевых операциях против немецких и турецких кораблей. Все понимали революционную целесообразность такого решения судьбы флота, но решиться на это не хватало сил.

Только полученная секретная телеграмма от В.И. Ленина с предложением флота немцам не сдавать облегчила решение этой трудной задачи, и большинство матросов приняло решение: флот немцам не сдавать, потопить все корабли и уйти на фронт для борьбы против контрреволюционных белогвардейских банд Деникина.

Такое решение судьбы флота перепугало командиров и офицеров военных судов, поэтому, когда начали сниматься с судов вооружение и боеприпасы, командиры и офицеры большинства кораблей бежали на дредноут «Воля» и, воспользовавшись беспечностью матросов и недостаточной бдительностью революционного штаба, ночью 17 июня ушли на дредноуте «Воля» в Севастополь и сдались немцам. С «Волей» ушло шесть эскадренных миноносцев.

После снятия вооружения и боеприпасов с судов приближался решающий судьбу флота, тяжёлый, трагически-мучительный день 18 июня.

В этот день все военные суда Черноморского флота, находившиеся в Новороссийске, должны были [быть] выведены из бухты и потоплены в море.

Со всех судов команды были свезены на берег, кроме одного миноносца «Керчь», который должен был торпедировать в море суда и после окончания этой операции сам должен выброситься на берег, а команда миноносца должна была составить свой боевой отряд морской пехоты и уйти на фронт против белогвардейцев.

Наступил последний день существования Черноморского военно-морского флота. С утра 18 июня на всех военных судах был поднят сигнал «Погибаем, но не сдаёмся». Экипажи кораблей высаживались на набережную Новороссийской бухты. Вся набережная и мол, отделяющий бухту от моря, были заполнены матросами и их личными вещами и населением г. Новороссийска, которое вышло посмотреть последний раз на военные корабли. Первыми были потоплены на месте стоянки пассажирские и госпитальные транспорты, стоявшие в бухте на причале у мола, а военные корабли выводились буксиром на бухту к Геленджику и там топились в море.

Белогвардейская контрреволюционная агентура в это время развила бешеную агитацию среди населения и пыталась натравить население [на] матросов с тем, чтобы помешать потоплению флота.

Были организованы провокационные попытки задержать отдельные миноносцы у причалов и воспрепятствовать потоплению их, но революционная решительность и твёрдость решения моряков были непоколебимы. Моряки самоотверженно исполняли свой долг перед родиной и перед социалистической революцией. Никакие провокации немецкой агентуры, никакие соблазны матросов водкой и деньгами не имели успеха. Матросы, будучи внешне спокойны, внутренне переживали величайшую трагедию в своей жизни.

Нет таких слов, которыми можно было бы передать переживания матросов в этот трагический для них день.

Насколько тяжело было матросам расставаться со своими боевыми кораблями, можно судить по тому, как отдельные матросы, выполняя боевое задание, до последнего момента оставались на своих кораблях и вместе с ними похоронили себя на дне морском.

После потопления эскадренных миноносцев последним был торпедирован дредноут «Свободная Россия», который после пущенных в него двух мин держался на воде, и только после третьей мины он скрылся с поверхности моря.

Последним оставался на поверхности моря эскадренный миноносец «Керчь». После выполнения порученной ему операции командир миноносца⁹⁵ дал радиogramму «всем, всем, всем», которой извещил весь мир: «Погибаю, но не сдаюсь». Он ушёл к Туапсе, где спустил команду на шлюпках на Черноморское побережье, а сам миноносец опустился на дно морское.

Так закончил своё существование славный, боевой, революционный военно-морской Черноморский флот.

18 июля 1957 г.

Р. Мирошниченко

ГА РФ. Ф. Р-9597. Оп. 12. Д. 18. Л. 5–7, 9–24.

Подлинник. Машинопись.

Правка и подпись – автограф синей ручкой.

¹ Краснознамённый Черноморский флот. 3-е изд., испр. и доп. М., 1987. С. 93.

² Цит. по: Там же. С. 94.

³ Там же.

⁴ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). Киев, 1963. С. 29.

⁵ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 575 (коммент).

⁶ Кришевский Н. В Крыму // Архив русской революции. Т. 13–14. М., 1992. С. 100.

⁷ Краснознамённый Черноморский флот. 3-е изд., испр. и доп. С. 94.

⁸ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 31.

⁹ Там же.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 818. Л. 248.

¹¹ Краснознамённый Черноморский флот. 3-е изд., испр. и доп. С. 94.

¹² Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 34.

¹³ Там же.

¹⁴ Каледин Алексей Максимович (1861–1918) – донской атаман, один из лидеров Белого движения.

¹⁵ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 32.

¹⁶ Краснознамённый Черноморский флот. 3-е изд., испр. и доп. С. 95.

¹⁷ Турецкий крейсер «Меджидие», построен в 1905 г. в США (водоизмещение – 4090 т, экипаж – 500 человек). В апреле 1915 г. подорвался на русской мине и затонул в районе Одессы; поднят, отремонтирован и 29 октября 1915 г. вступил в строй Черноморского флота под названием «Прут». В 1918 г. захвачен немцами в Севастополе и возвращён Турции (*Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. Симферополь, 2007. С. 581).

¹⁸ *Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 559.

¹⁹ Драчук Владимир Ефимович (Евгеньевич) (1897–1918) – член РСДРП (большевик) с 1917 г.; из семьи рабочего, матрос линкора «Иоанн Златоуст», в ноябре 1917. член Комиссии по формированию флотилии для борьбы с Калединым и член «Комиссии пяти», в декабре – член Севастопольского военно-революционного штаба по борьбе с контрреволюцией, с января 1918 г. комиссар связи Севастопольского областного военно-революционного штаба. Погиб в конце 1918 г. по пути к Астрахани во время отступления в рядах Таманской армии (*Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд. Симферополь, 2008. С. 355; *Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 542; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 633, именной ук.). Команда линейного корабля «Иоанн Златоуст», заслушав доклад В.Е. Драчука, приняла на общем собрании 8 ноября 1917 г. резолюцию, в которой декларировала: «Горячо приветствуем все постановления Черноморского съезда о реальной поддержке демократии против выступления контрреволюционеров, где бы таковые ни совершались; мы заявляем, что не все из нас большевики, но все мы, как один, пойдём без колебаний за партиями, которые будут решительно идти к раз намеченной цели полного раскрепощения трудящихся. Сметём всех явных и тайных контрреволюционеров, старающихся [ставить препятствия] на пути к завоеванию

революции» (Известия Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. 1917. 11 ноября. Цит. по: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 995. Л. 63).

²⁰ Ракитский – моряк Черноморского флота, в ноябре 1917 г. член «Комиссии пяти» (Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 647, именной ук.).

²¹ Бугаенко Александр Дмитриевич – матрос эсминца «Гневный», в ноябре 1917 г. член «Комиссии пяти», в январе 1918 г. член Центрального комитета Черноморского флота и начальник артиллерийского отдела Севастопольского военно-революционного штаба (Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 629, именной ук.).

²² Волик Григорий (1890 –?) – член РСДРП (большевик) с 1917 г., командир минного заградителя «Великая княгиня Ксения», в конце августа 1917 г. избран членом Центрального комитета Черноморского флота, в октябре 1917 г. – членом «Комиссии пяти» (*Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 548; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 630, именной ук.).

²³ Ларионов – моряк Черноморского флота, в ноябре 1917 г. член «Комиссии пяти», в декабре 1917 г. член Севастопольского военно-революционного комитета (Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 640, именной ук.).

²⁴ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 577, 578 (коммент).

²⁵ Цит. по: Там же. С. 578 (коммент).

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 49.

²⁸ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 53.

²⁹ *Монастырёв Н.А.* Гибель царского флота / Пер. с нем. СПб., 1995. С. 88.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 818. Л. 282.

³¹ Там же. Л. 283.

³² Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 54, 55.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 584 (коммент).

³⁷ *Жуков В.К.* Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. М., 1931. С. 103.

³⁸ См. подр.: Там же. С. 103, 104.

³⁹ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 57.

⁴⁰ Там же. С. 584 (коммент).

⁴¹ Пожаров Николай Арсентьевич (1895–1928) – революционный матрос, член РСДРП (большевик) с 1916 г., один из активных участников Октябрьской революции и Гражданской войны. 8 марта 1917 г. избран членом Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов, с апреля 1917 г. – член Кронштадтского комитета РСДРП. В декабре

1917 г. избран членом Военно-революционного комитета и председателем Севастопольского Совета, одновременно назначен комиссаром по охране города и крепости. В марте 1918 г. избран членом Таврического губернского комитета РКП(б). С 22 марта 1918 г. член ЦИК Советов Тавриды и особоуполномоченный от СНК Республики Тавриды в Верховном военно-революционном штабе (Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 589, 590, коммент.). Участник Гражданской войны, затем служил в РККА и органах ГПУ – ОГПУ (*Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 542). По данным А.Г. и В.Г. Зарубиных, умер в 1925 г. (Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. С. 185).

⁴² Гавен Юрий Петрович (Дауман Ян Эрнестович) (1884–1936) – профессиональный революционер, член РСДРП (большевик) с 1902 г. Активный участник революции 1905–1907 гг. в Латвии, сослан в Минусинск. С октября 1917 г. член Севастопольских городского и губернского комитетов РСДРП(б), в декабре – председатель Севастопольского военно-революционного комитета, в 1918 г. член Таврического губернского комитета РСДРП(б) и Областного военно-революционного штаба. В 1921–1924 гг. председатель ЦИК Крымской АССР, затем на государственной работе (*Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 550; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 630, именной ук.). См.: *Гавен Ю.П.* Октябрь в Крыму // Революция в Крыму. Сб. 1. Симферополь, 1922. С. 5–24; *Он же.* Возникновение Крымской организации РКП(б) // Революция в Крыму. Сб. 2. Симферополь, 1923. С. 26–44.

⁴³ Зедин (Зиединьш) Карл Янович (Юлиус-Карл) (1885–1919) – член РСДРП (большевик) с 1904 г. Офицер, участник Первой мировой войны на Чёрном море. В 1917 г. делегат 1-го Всероссийского съезда Советов, член большевистской фракции Всероссийского Центрофлота, в октябре 1917 г. член Центрального комитета Черноморского флота и Центрофлота. Активный участник Октябрьской революции и Гражданской войны, с декабря 1917 г. член Севастопольского военно-революционного комитета, в марте сражался под Одессой с немецкими войсками, получил ранение, с июня 1918 г. военный комиссар Северокавказского военного округа, с марта 1919 г. начальник Морского управления Советской Латвии. Погиб в боях за Ригу (*Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 542; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 634, 635, именной ук.).

⁴⁴ Островская Надежда Ильинична («Нина») (1881–1933) – активный участник Первой русской революции, член РСДРП с 1901 г., направлена в июле 1917 г. в Севастополь лично членом ЦК (большевиков) РСДРП и руководителем Секретариата ЦК Я.М. Свердловым.

⁴⁵ Марченко Павел Зиновьевич (1896–1966) – член РСДРП (большевик) с 1917 г., матрос воздушной станции «Бухта Нахимова», в 1917 г. член Севастопольского Совета, затем секретарь Исполкома Севастопольского Совета, в декабре 1917 г. член Севастопольского военно-революционного комитета. В апреле 1918 г. участвовал в боях с германскими

войсками и передислокации флота в Новороссийск. Участник Гражданской и Великой Отечественной войн. Капитан 2-го ранга в отставке, скончался в Крыму (*Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 531, 532; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 641, именной ук.).

⁴⁶ Сюсюкалов Иван Леонтьевич (1895–1967) – из крестьян Воронежской губернии. Большевик, член Севастопольского комитета РСДРП с 1917 г. В 1914 г. призван на службу в Черноморский флот, машинист 1-й ст. линкора «Евстафий», в 1917 г. председатель судового комитета, член Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов. С 16 декабря секретарь Севастопольского военно-революционного комитета. С 1921 г. на хозяйственной и преподавательской работе. Делегат 10-го и 11-го Всероссийских съездов Советов, 1-го и 2-го съездов Советов СССР (*Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 528; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 651, именной ук.).

⁴⁷ Шмаков Семён Григорьевич – конторщик судостроительной мастерской Севастопольского порта. В начале 1917 г. входил в РСДРП (объединённую), позднее примкнул к РСДРП (большевиков), член Севастопольского Совета. С 16 декабря 1917 г. член Севастопольского военно-революционного комитета, с 26 декабря член Исполкома Совета. С 12 января 1918 г. член Севастопольского областного военно-революционного штаба, начальник его оперативной части. В конце января 1918 г. с отрядом севастопольских красногвардейцев направлен в Симферополь. Заражённый анархистскими настроениями, отряд попытался организовать переворот, 24 февраля 1918 г. совершил погром, в результате которого было убито свыше 150 человек. Под давлением Севастопольского областного военно-революционного штаба отряд в марте 1918 г. перебросили под Одессу, где он был полностью разгромлен. По возвращении в Севастополь Шмакова арестовали, но после прихода немцев он бежал из тюрьмы (см. подр.: *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 130, 131; *Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 572; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 655, именной ук.).

⁴⁸ Савицкий Афанасий Диомидович – матрос электротехнической мастерской Севастопольского порта, в декабре 1917 г. член Севастопольского военно-революционного комитета (Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 648, именной ук.).

⁴⁹ Сапронов Никита Кириллович (1895–1960) – член РСДРП (большевик) с 1917 г. С 1915 г. солдат Севастопольского крепостного артиллерийского полка, в 1917–1918 гг. член Севастопольского Совета, в декабре 1917 г. член Севастопольского военно-революционного комитета, комиссар штаба ВРК. В апреле 1918 г. комиссар штаба обороны Крыма. В 1918 г. командовал красногвардейскими отрядами в Крыму и на Дону. Участник Гражданской войны. С 1921 г. на ответственной партийной, советской и дипломатической работе (*Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 575, 576;

Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 649, именной ук.).

⁵⁰ Сапронов Савелий Гаврилович (1889–1952) – член РСДРП (большевик) с 1917 г. Участник революционных событий 1905–1910 гг. на Балтийском флоте. С 1914 г. матрос эсминца «Капитан Сакен», один из организаторов и первый председатель в 1917 г. большевистского комитета в Севастополе, с 16 декабря 1917 г. член ВРК. Участник Гражданской войны, с 1923 г. на партийной и советской работе (*Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 528).

⁵¹ Вагул Рудольф Екабович (1884/1889–1918) – член РСДРП (большевик) с 1903 г. Уроженец г. Риги. С 12 лет работал на рижских заводах. В 1906 г. за пропагандистскую работу среди солдат крепости Динамюнд подвергся административной высылке. После возвращения работал в порту, организовал союз транспортных рабочих, избран его председателем. После всеобщей забастовки портовых рабочих (1912) арестован и выслан. Работал в Архангельске и Ростове-на-Дону. В конце 1917 г. организовал в ж.-д. мастерских отряд Красной гвардии и сражался против частей генерала Каледина (*Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 564). В декабре 1917 г. член Севастопольского военно-революционного комитета, в январе 1918 г. помощник комиссара флотилии и революционного отряда, направленных в Ялту для подавления контрреволюционного мятежа (Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 629, именной ук.). Устанавливал советскую власть в Ялте и на Южном берегу Крыма, член Гурзуфского военно-революционного комитета, комиссар национального имени «Артек». Погиб в апреле 1918 г. (*Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 565).

⁵² Санецкий Иван Владимирович – машинист линкора «Евстафий», в 1917 г. член Севастопольских Советов и военно-революционного комитета (Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 649, именной ук.).

⁵³ Никонов Андрей Иванович – рабочий судоремонтной мастерской Севастопольского порта, в ноябре 1917 г. член Исполкома Севастопольского Совета, в декабре 1917 г. член Севастопольского военно-революционного комитета (Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 644, именной ук.).

⁵⁴ Осколков Филипп, в декабре 1917 г. член Севастопольского военно-революционного комитета (Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 645, именной ук.).

⁵⁵ Пирогов – в декабре 1917 г. член Севастопольского военно-революционного комитета (Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 646, именной ук.).

⁵⁶ Ворончин – в декабре 1917 г. член Севастопольского военно-революционного комитета (Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 630, именной ук.).

⁵⁷ Чайка – в декабре 1917 г. член Севастопольского военно-революционного комитета (Моряки в борьбе за власть

Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 654, именной ук.).

⁵⁸ Борский – в декабре 1917 г. член Севастопольского военно-революционного комитета (Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 628, именной ук.).

⁵⁹ Ильюха И.Н. – в декабре 1917 г. член Севастопольских Совета и военно-революционного комитета (Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 635, именной ук.).

⁶⁰ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 584 (коммент.).

⁶¹ Там же. С. 57, 584 (коммент.).

⁶² Там же. С. 584, 585 (коммент.).

⁶³ Жуков В.К. Указ. соч. С. 106.

⁶⁴ Кришевский Н. Указ. соч. С. 107.

⁶⁵ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 59, 60.

⁶⁶ Дыбенко Павел Ефимович (1889–1938) – матрос-боцман (1913), командарм 2-го ранга (1935). В революционном движении с 1905 г. – расклейка революционных объявлений и воззваний; участник крестьянского восстания в Новозыбковском и Стародубском уездах Гомельской губернии (1907), арест, освобождён как малолетний. Членство в партиях: РСДРП, большевик (с 1912 г. до весны 1918 г.), исключён по делу о сдаче Нарвы (восстановлен в 1922 г.). На партийной работе – выговор ЦК КП(б)У за нетактичность. В старой армии и на флоте с 1911 г., как «политически неблагонадёжный» направлен во 2-й флотский экипаж, где сразу занялся революционной деятельностью; арестован в числе подготавливавших восстание на Балтийском флоте (июнь 1912); организатор восстания на линейных кораблях (1915); списан в сформированный морской отряд армии генерала Р.Д. Радко-Дмитриева, где вместе с другими «неблагонадёжными» отказался идти в наступление; направлен в Крюковские казармы Петрограда. Во время Февральской революции – председатель Центрального комитета Балтийского флота; захвачен на Невском проспекте отрядом юнкеров, избит прикладами, отправлен в Зимний дворец, затем в «Кресты» (июль 1917); освобождён под залог ЦК (большевик) РСДРП без права выезда из Петрограда (сентябрь 1917), но отплыл в Гельсингфорс и восстановлен председателем Центробалта. Во время Октябрьского переворота вызван Лениным в Петроград (28 октября 1917); разбил отряды Керенского и Краснова (30 октября 1917); арестовал генерала Краснова (1 ноября 1917). На советской работе – член президиума губернского исполкома (1917), нарком по морским делам РСФСР (с октября 1917); нарком по военным и морским делам Крымской республики (1919). В советском военном ведомстве – член Коллегии по делам военным и морским (с октября 1917); арестован за сдачу Нарвы (май 1918), оправдан по суду; ком. роты (с ноября 1918); ком. 7-го Сумского полка; ком. Особой группы Екатеринославского направления (с января 1919); нач. Заднепровской дивизии (с февраля 1919) – 1-й Крымской армии (с мая 1919); в распоряжении Полевого штаба (июль – сентябрь 1919); в распоряжении Юго-Восточного фронта (октябрь 1919); в распоряжении РВС 10-й армии (октябрь 1919); нач. 37-й

стр. дивизии (с октября 1919); в распоряжении нач. штаба 10-й армии для направления в штаб Кавказского фронта (февраль 1920); нач. 1-й Кавказской конной Дикой дивизии 10-й армии (с февраля 1920) – 1-й конной армии (с апреля 1920); нач. 2-й кав. дивизии 13-й армии (июнь 1920); ком. группы в составе двух дивизий против войск, наступавших на Кронштадт (с марта 1921); нач. Западно-Черноморского сектора (май 1921 – [октябрь 1922]) и нач. 51-й Перекопской дивизии (с июня 1921); врид военкома 51-й Перекопской дивизии (с апреля 1921); ком. 6-го корпуса (с июня 1922); в командировке для участия в полевой поездке и военной игре (август – сентябрь 1922); главный руководитель корпусной двухсторонней полевой поездки (сентябрь 1922); ком. 5-го армейского корпуса (сентябрь – октябрь 1922); ком. 5-го корпуса (с октября 1922); ком. 10-го стр. корпуса (с мая 1924); нач. Артиллерийского управления РККА (с мая 1925); нач. Артиллерийского управления Управления снабжений РККА (с ноября 1925); нач. снабжений РККА (с ноября 1926); команд. САВО (с октября 1928). *Участие в войнах*: Первая мировая война – во время прорыва германским флотом Рижского залива и на сухопутном Рижском фронте, в боях с германским флотом; Гражданская война – на Южном и Восточном фронтах (1918); при форсировании Днепра и взятии Екатеринослава (27 января 1919); при взятии Мариуполя (21 апреля 1919); при взятии Севастополя (27 апреля 1919); в боях под Акманассы (14 мая – 2 июня 1919); в боях под Екатеринославом (9–18 июня 1919); при разгроме корпуса ген. Топоркова ст. Качалинская (29 декабря 1919); на Юго-Восточном фронте при взятии Царицына (в ночь на 2 января 1920); при взятии Перекопа (24 апреля 1920); в подавлении Кронштадтского мятежа (6–18 марта 1921). *В межвоенный период* – команд. Приволжским ВО (с декабря 1933); команд. и член ВС Сибирского ВО (с апреля 1937); команд. Ленинградским ВО (с 1937). Арестован 26 февраля 1938, осужден Военной коллегией Верховного суда СССР 29 июля 1938 к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован 16 мая 1956. *Награды*: золотые часы от РВС 10-й армии из подарков ВЦИК (1920), золотые часы от Петросовета (1920), боевая лошадь (1920), три ордена Красного Знамени (1921, 1922, 1922).

⁶⁷ Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) – генеральный секретарь по военным делам Украинской центральной рады (июнь – декабрь 1917).

⁶⁸ Цит. по: Хесин С. С. Матросы революции. М., 1958. С. 161, 162.

⁶⁹ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 59.

⁷⁰ По другим данным – 89 (*Крестьянников В. В.* Демократизация Черноморского флота в 1917 г. и события 23 февраля 1918 г. // Москва – Севастополь. Историко-краеведческий альманах / Главное архивное управление города Москвы; Центральный государственный архив города Москвы; Управление архивным делом в г. Севастополе; Архив города Севастополя. М., 2016. С. 112).

⁷¹ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 585 (коммент); *Широков В. А.* Большевики Черноморского флота в борьбе за власть Советов (март 1917 – июнь 1918 гг.): Автореф. дисс. к. и. н. Одесса, 1977. С. 13.

⁷² *Широков В. А.* Большевики Черноморского флота в борьбе за власть Советов (март 1917 – июнь 1918 гг.). С. 13.

⁷³ *Жуков В. К.* Указ. соч. С. 106, 107.

⁷⁴ См. подр.: Там же. С. 109, 110.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-9597. Оп. 12. Д. 18. Л. 2.

⁷⁶ Это не так. А. В. Колчак показал на допросе в Иркутской губернской ЧК в 1920 г.: «Я первый признал Временное правительство, считал, что как временная форма оно является при данных условиях желательным, его надо поддерживать всеми силами, что всякое противодействие ему вызвало бы развал в стране, и думал, что сам народ должен установить в учредительном органе форму правления, и, какую бы форму он ни выбрал, я бы подчинился. Я считал, что монархия будет, вероятно, совершенно уничтожена. Для меня было ясно, что восстановить прежнюю монархию невозможно, а новую династию в наше время уже не выбирают. Я считал, что с этим вопросом уже покончено, и думал, что, вероятно, будет установлен какой-нибудь республиканский образ правления и этот республиканский образ правления и отвечал потребностям страны» (Адмирал Колчак: Исповедь под дулом пистолета. Л., 2009. С. 60). 3 марта вице-адмирал А. В. Колчак издал приказ № 789, в котором сообщалось о Февральском перевороте и отречении Николая II (*Крестьянников В. В.* Севастопольская городская организация партии социалистов-революционеров в 1917 г. // Севастополь. Взгляд в прошлое / Сост. В. В. Крестьянников. Севастополь, 2006. С. 171).

⁷⁷ В этом позволительно усомниться.

⁷⁸ Туляков Иван Никитич (1876–1918) – политический и государственный деятель, член 4-й Государственной думы от области Войска Донского. Активно выступал с думской трибуны в защиту прав рабочих. Участник Февральской революции. Делегат 1-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде, избран в члены ВЦИК от меньшевиков. 2 мая 1918 г. погиб недалеко от Сулина в районе пос. Чуево.

Члены Государственной думы эсер А. М. Александров и меньшевик И. Н. Туляков прибыли в Севастополь 10 (23) марта 1917 г. Их встретил А. В. Колчак и другие представители военно-морских властей. В речи к собравшимся Александров призвал к спокойствию и просил энергично взяться за дело, чтобы довести Первую мировую войну «до победного конца». Затем выступил капитан 1-го ранга Федорович, который сказал: «Впервые в стенах морского собрания говорит меньшевик» (Цит. по: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 818. Л. 20.). После этого Александров и Туляков обменялись рукопожатиями «в знак того, что с этого момента между социал-демократами и офицерством нет различия» (Там же). Правда, обе стороны не учли, что социал-демократы бывают разными, поскольку пораженцы-большевики тоже были социал-демократами – вплоть до марта 1918 г.

⁷⁹ Львов Георгий Евгеньевич, кн. (1861–1925) – русский общественный и политический деятель. 2 (15) марта 1917 г. Временным комитетом Государственной думы Львов назначен министром-председателем и министром внутренних дел первого Временного правительства, возглавлял также первое коалиционное правительство. Провал июньского наступления Русской армии и организованная большевика-

ми июльская попытка осуществления военного переворота привели к правительственному кризису. 7(20) июля 1917 г. Львов ушёл в отставку с постов главы кабинета и министра внутренних дел.

⁸⁰ Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) – русский политический деятель, убеждённый монархист. Председатель Государственной думы третьего и четвёртого созывов. Один из лидеров Февральской революции, в ходе которой возглавил Временный комитет Государственной думы.

⁸¹ Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) – крупный российский и французский предприниматель, владелец сахарорафинадных заводов, крупный землевладелец, банкир. В 1917 г. министр финансов, позднее – министр иностранных дел Временного правительства. Видная фигура русской эмиграции.

⁸² Винниченко Владимир Кириллович (1880–1951) – украинский националистический политический и общественный деятель, с апреля 1917 г. заместитель председателя Украинской центральной рады, с 15 июня 1917 г. возглавил Генеральный секретариат – фактический орган исполнительной власти на территории 9 (позднее 5) украинских губерний, а также занял в нём должность секретаря. В октябре 1917 г. вызван в Петроград Временным правительством, от ареста Винниченко со товарищи спас захват власти большевиками. От имени Украинской центральной рады Винниченко вёл переговоры с ленинским Совнаркомом вплоть до провозглашения Радой независимости в январе 1918 г.

⁸³ Этот эпизод вызывает сомнения хотя бы потому, что революционный деятель не узнал одного из своих основных оппонентов.

⁸⁴ Неточность: в составе – 20 человек (18 большевиков и двух левых эсеров) (Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 584, коммент.).

⁸⁵ Мокроусов (Савин) Алексей Васильевич (Фома Матвеевич) (1887–1959) – анархист, член ВКП(б) с 1928 г. В 1912 г. за революционную пропаганду на Балтийском флоте арестован, но бежал и эмигрировал. После Февральской революции вернулся в Россию и с августа 1917 г. служил на Черноморском флоте. Участник Октябрьской революции в Петрограде. Организатор и руководитель нескольких отрядов черноморских моряков. В августе – ноябре 1920 г. командовал Крымской повстанческой армией. После Гражданской войны – на хозяйственной работе, добровольцем сражался в Испании, в 1941–1942 гг. командовал партизанским движением в Крыму, с 1943 г. командовал полком (См. подр.: *Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 553; *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. С. 197).

⁸⁶ Восстание, проходившее под националистическими пантюркистскими лозунгами и сопровождавшееся зверствами в отношении советского руководства и отчасти гражданского русского населения, длилось с декабря 1917 г.

по январь 1918 г. Подавлено революционными матросами Севастополя.

⁸⁷ Федько Иван Фёдорович (1897–1939) – известный советский военачальник, герой Гражданской войны, командарм 1-го ранга (1938). Член РСДРП (большевик) с июня 1917 г. В 1917–1918 г. организатор и руководитель в Феодосии революционного комитета и красногвардейского отряда, развернутого в 1-й Черноморский революционный отряд (позднее – 1-й Черноморский революционный полк). В 1918 г. сражался с германскими оккупантами.

⁸⁸ Саблин Михаил Павлович (1869–1920) – контр-адмирал (1915), вице-адмирал (1919). Окончил Морской кадетский корпус (1890) и минный офицерский класс. Участник похода Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток. С 1906 г. на различных высших командных должностях в Черноморском флоте, командовал миноносцами, дивизионами миноносцев. Участвовал в бою Черноморской эскадры с германо-турецкими крейсерами «Гебен» и «Бреслау» у мыса Сарыч, в ноябре 1914 г. награждён Георгиевским оружием. В 1915 г. назначен начальником минной бригады. В 1916 г. отстранён от командования адмиралом Колчаком (*Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 576). С 26 июля 1917 г. начальник штаба командующего Черноморским флотом. В январе – феврале 1918 г., занимая должность ответственного оперативного члена Центрофлота, фактически командовал Черноморским флотом под контролем Центрального комитета Черноморского флота (Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 599, именной ук.). В конце апреля – начале июня 1918 г. командующий Черноморским флотом. В 1919–1920 гг. служил в белом флоте главным командиром судов и портов Чёрного и Азовского морей, главным командиром Севастопольского порта, командующим Черноморским флотом. Скончался в Ялте, похоронен в Севастополе во Владимирском соборе (*Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 577).

⁸⁹ Вероятно, ошибка памяти.

⁹⁰ Это не так. См. следующую публикацию.

⁹¹ Мирного договора.

⁹² Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) – русский военачальник, генерал от инфантерии, герой Русско-японской и Первой мировой войн, Верховный главнокомандующий (июль – август 1917), один из руководителей Белого движения на Юге России, один из создателей и главнокомандующих Добровольческой армии. Л.Г. Корнилов погиб 31 марта (13 апреля) 1918 г. при штурме Екатеринодара.

⁹³ Таких «революционных» командиров в РККА в этот период были сотни.

⁹⁴ Деникин Антон Иванович (1872–1947) – русский военачальник, герой Русско-японской и Первой мировой войн, один из основных руководителей Белого движения, его лидер на Юге России (1918–1920).

⁹⁵ В.А. Кукель. См. следующую публикацию.

Потопление Черноморского флота в 1918 г. (по документам РГАСПИ и ЦГА Москвы)

История Черноморского флота между февралём 1917 г. и июнем 1918 г. стала объектом целого ряда исследований, в том числе книг и диссертаций Н.М. Гречанюка и П.И. Попова¹, А.Г. и В.Г. Зарубиных², А.И. Козлова³, В.В. Крестьянникова⁴, А.П. Павленко⁵, А.С. Пученкова⁶, А.К. Селяничева⁷, И.Т. Сирченко⁸, Д.В. Соколова⁹, А.А. Цецорина¹⁰, В.А. Широкова¹¹. В настоящей статье история Черноморского флота в 1917–1918 гг. изучена на основании опубликованных источников, а также документов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы). Неопубликованные источники позволяют реконструировать механизм принятия судьбоносных для Черноморского флота решений в 1918 г.

Определённую сложность в реконструкции механизма принятия ключевых решений о судьбе Черноморского флота создаёт целенаправленное умолчание мемуарных источников 1930-х гг. и последующих исследований советских историков о ряде военно-политических деятелей, непосредственно ответственных за события 18 июня 1918 г. Сначала (1927) был сослан в Алма-Ату, а затем и выслан из СССР (1929) Л.Д. Троцкий, в результате чего в классическом советском полумемуарном труде В.К. Жукова, вышедшем в 1931 г. с предисловием видного военно-морского большевистского деятеля Ф.Ф. Раскольникова, фамилия «Троцкий» была повсеместно заменена на указание должности: «нарком», «нарком по морским делам»¹² и «народный комиссар по морским делам»¹³, а в позднесоветских исследованиях вообще отсутствовали какие-либо сведения о роли опального «создателя Красной Армии» в принятии решения о потоплении флота в 1918 г. Затем стал невозвращенцем и сам Ф.Ф. Раскольников, бежавший из СССР и опубликовавший на западе нашумевшее открытое письмо «хозяину» партийно-государственного механизма Страны Советов с рефреном «Вы арестовали их, Сталин». Как следствие со страниц исследований исчез и Раскольников. В солидном документальном сборнике 1963 г. его фамилию заменили на безликое «член коллегии Народного комиссариата по морским делам»¹⁴. Правда, не находилась под запретом фамилия технического исполнителя решения о потоплении флота – старшего лейтенанта Черноморского флота

В.А. Кукеля: его необоснованно репрессировали, однако во время хрущёвской «оттепели» реабилитировали. В ходе написания очерка приходилось систематически обращаться к материалам личного фонда В.И. Ленина – для того чтобы убедиться, чьи же на самом деле документы длительное время фигурируют в литературе в качестве «ленинских». Умолчания начала 1930-х гг. выглядят анекдотично ещё и потому, что в них чаще названы по именам оппоненты большевиков из эсеров, меньшевиков и левых эсеров, чем оппозиционные деятели, вылетевшие из руководящей «тележки» (выражение И.В. Сталина 1927 г.) большевистской партии.

* * *

3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был заключён мирный договор Советской России с Германией, в соответствии с которым наша страна лишалась огромных территорий и своих военно-морских сил. В статье 5-й Советская Россия обязалась перевести из иностранных в русские порты военные корабли, с предписанием интернировать или разоружить их до заключения всеобщего мира. В какие порты переводить корабли, конкретно не определялось, что позволяло Германии трактовать текст договора по собственному усмотрению.

Брестский договор никак не обязывал Германию признавать целостность и неприкосновенность Советской России в тех пределах, в которых она оставалась после всех отторжений и оккупаций, и документ, таким образом, мог явиться основанием для политики постепенного наступления и просачивания всё дальше вглубь России, в особенности к востоку, где Германия стремилась занять стратегические пункты на случай наступления Антанты из Сибири и на Кавказе, через который открывались новые пути азиатским планам Германии¹⁵. Как на грех, отказался признать договор самопровозглашённый Закавказский комиссариат – этим незамедлительно воспользовалась Турция, двинувшая войска в Закавказье, туда же направила свои войска и Германия¹⁶.

Как писал нарком по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерин, «после Брестского мира германские войска, не считаясь ни с какими демаркационными линиями, постепенно продвигались вперёд, в особенности со стороны Украины, т.к. границ губерний германские войска не признавали»¹⁷. 14 марта Пред-

седатель СНК РСФСР В. И. Ленин указал в письме чрезвычайному эмиссару Совнаркома на Юге России Г.К. Орджоникидзе¹⁸: «Очень прошу Вас обратить серьёзное внимание на Крым и Донецкий бассейн в смысле создания единого боевого фронта против нашествия с Запада. Убедите крымских товарищей, что ход вещей навязывает им оборону и они должны обороняться, независимо от ратификации мирного договора. Дайте им понять, что положение Севера существенно отличается от положения Юга и, ввиду войны, фактической войны немцев с Украиной, помощь Крыма, который (Крым) немцы могут мимоходом слопать, является не только актом соседского долга, но и требованием самообороны и самосохранения»¹⁹. 9 апреля Г.К. Орджоникидзе назначили декретом Совнаркома за подписью В. И. Ленина чрезвычайным комиссаром Юга России для руководства всей деятельностью в Крыму, на Донбассе, на Северном Кавказе, в Чёрном море и Каспии с задачей неуклонного проведения в жизнь «директив центральной советской власти на суше и на море»²⁰.

15 марта немцы заняли Одессу и двинулись дальше – на Николаев вдоль Черноморского побережья. Черноморский флот не был способен оказать противодействие при занятии Одессы, однако помог эвакуировать водный транспорт и некоторые продовольственные грузы в Херсон и Николаев, по горькой иронии В.К. Жукова, «в наивной уверенности, что немцы ограничатся оккупацией только Одессы согласно заверениям украинских представителей»²¹.

В условиях активизации германской угрозы 16 марта на объединённом заседании Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов, Центрального комитета Черноморского флота, Областного военно-революционного штаба и штаба Красной Армии было принято воззвание, в котором говорилось: «Объединённое заседание обращается ко всем судовым и береговым комитетам, и ко всем товарищам матросам, и к рабочим как военного, так и торгового флота быть всякий час наготове и выполнять всякое поручение, какое им будет дано. Все же лица, не выполнившие какого-либо поручения или приказания, будут считаться изменниками и предателями революции и будут объявлены вне закона и защиты, и против них будут приняты, наконец, самые суровые, самые строгие и самые решительные меры»²².

Черноморский Центрофлот направил в Николаев дивизион миноносцев, поставив ему задачу организации помощи местным сухопутным частям – остановить немцев, не допустить захвата ими города, а также эва-

куировать портовые плавучие средства и недостроенные военные суда с николаевских морских заводов. Отрядам удалось лишь направить из города на буксире отдельные торговые суда и недостроенные подлодки в Севастополь. В Николаеве остался только крейсер «Нахимов», для вывода которого не хватило буксиров. 17 марта около 15 ч из Севастополя пришёл отправленный Центрофлотом миноносец «Калиакрия», заставший в Николаеве несколько судов, даже не знающих, что им следует делать. Командам отдали распоряжение отплыть в Севастополь. В тот же день Николаев был почти без боя занят австро-германскими войсками²³. Правда, в течение нескольких дней оккупанты довели население до того, что рабочие (главным образом металлосты николаевских заводов), солдаты-фронтовики, объединённые в Союз увечных воинов-фронтовиков, и моряки, в условиях прибытия красновардейского отряда во главе с И. Федько и И. Михалько под Николаев с целью выбить оттуда немцев, решились 21 марта на партизанское выступление. Оно началось на следующий день, однако немцам удалось перебросить из Одессы подкрепление²⁴, и к вечеру 25 марта германцы стали «опять полными хозяевами Николаева, уже “по праву войны”»²⁵. В николаевском бою немцы потеряли около тысячи человек, местное население – около трёх тысяч, причём более половины наших потерь составили сгоревшие в огне и погибшие под развалинами, а также расстрелянные после восстания²⁶.

19 марта Таврический ЦИК, по согласованию с В.И. Лениным, принял декрет о создании на Крымском полуострове (северные уезды Таврической губернии уже находились в зоне оккупации) Таврической Республики Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в составе Симферопольского, Феодосийского, Ялтинского, Евпаторийского, Мелитопольского, Бердянского, Перекопского и Днепровского уездов, входящей в состав Республики Российской. Во главе её был поставлен Совнарком под председательством старого большевика А.И. Слуцкого²⁷.

К 20-м числам марта 1918 г. резко осложнилось военно-политическое положение Севастополя. В ночь на 21 марта на объединённом заседании Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов, Центрального комитета Черноморского флота и представителей от кораблей и частей по обороне Крыма перед итоговым голосованием В.А. Басенко²⁸ сделал от имени большевиков и левых эсеров заявление, что они «отказываются от вынесения какой-либо резолюции, а идут на фронт защищать революцию»²⁹. Была принята

следующая резолюция: «Заслушав доклады и прения по обороне Крыма, собрание закрывает заседание в 6 ч утра 21 марта – ушли от слов к оружию. Принята большинством против пяти при 12 воздержавшихся»³⁰.

22 марта Черноморский Центрофлот восстановил должность командующего флотом, подконтрольную ему, и назначил на неё контр-адмирала М.П. Саблина. Решение утвердило делегатское собрание флота. В приказе о вступлении в командование Черноморским флотом от 30 марта Саблин писал: «Будучи коренным черноморцем и любя Черноморский флот, я считаю себя не вправе в такую трудную минуту отойти в сторону и нахожу своим долгом служить флоту, пока на это хватит моих сил...»³¹ Стандартное для генералов старой армии и адмиралов заявление Саблина: «Я был всегда далёк от политики...»³² – вопреки мнению советских историков, очевидно, вполне соответствовало действительности. Во всяком случае, Саблин мало что в ней понимал – отсюда и его последующие алогичные, на первый взгляд, шатания из стороны в сторону. Н.А. Монастырёв указал в своих воспоминаниях: «Сначала адмирал послал телеграммы правительству Украины и немецкому командованию, прося взять флот под защиту “самостийного правительства” и прекратить наступление на Крым. На послание не было получено никакого ответа. Посланные навстречу немцам парламентарии тоже ничего не добились. Немцы продолжали наступление на Севастополь. Навести хоть какой-то порядок на флоте и организовать оборону города было совершенно невозможно в столь короткое время. Как и ожидалось, далеко не все корабли собирались выполнять приказы Саблина»³³.

23 марта, под влиянием «эсеро-меньшевистского» большинства Центрального комитета Черноморского флота и главного комиссара Черноморского флота В.Б. Спири провели на пленарном заседании Центрофлота³⁴ резолюцию, которая отвергала Брестский мир³⁵. Помимо этого, Черноморский флот провозглашался «достоянием всей Российской Федеративной Республики Советов в составе Великороссии, Украины, Таврии, Кавказа и всех остальных частей... Действует совершенно самостоятельно... Окончательную судьбу Черноморского флота может решить свободный конгресс республик федерации Советов»³⁶. Пока же «высшим, независимо от СНК, органом управления всем Черноморским флотом»³⁷ пленум провозгласил Центрофлот, в котором эсеры и меньшевики имели подавляющее большинство голосов. Похоже, отсюда было недалеко и до идеи самарского Комуча.

Обстановка накалилась до предела, никто из руководящих работников толком не представлял себе, какие именно договорённости достигнуты центром с Германией и, главное, какие из этих договорённостей подлежат исполнению не на словах, а на деле. Большевик В.В. Роменец, фактический лидер большевиков в Черноморском Центрофлоте, задал 25 марта целый ряд вопросов по прямому проводу коллегии Наркомата по морским делам Российской Республики (Наркоммора): «Прошу ответить на мой вопрос, как нам быть? Согласно [Брестскому] договору, ратифицированному [IV Чрезвычайным Всероссийским] съездом [Советов], Черноморский флот должен быть демобилизован и переведён на мирное положение. Наши функции – демобилизовать и мобилизовать весь Черноморский флот. Кроме того, образовалась Таврическая автономная республика, которая присоединилась и подтвердила постановление IV съезда. Тенденция же Чёрного моря, вынесенная на общем объединённом собрании, – “довольно слов и все к оружию, вести войну против контрреволюционных банд австрийцев, немцев и гайдамаков”. По четвёртому универсалу (опубликован Центральной радой 11 января и оглашён делегацией Рады 2 февраля в Брест-Литовске во время мирных переговоров, провозгласил отделение Украины от России и образование самостоятельной Украинской республики. – С.В.) у нас имеются сведения, что Севастополь и некоторые части Крыма отходят к Украинской Советской Республике, кроме того, Совет Народных Комиссаров Тавриды в лице т. Финогенова заявил Центральному комитету Черноморского флота, что Севастополь как таковой должен принадлежать Советской Республике Тавриде. Сопоставляя вкратце всё создавшееся положение, прошу вас [...] сказать нам, что мы здесь из себя представляем и продолжать ли нашу работу, которая возложена Советом Народных Комиссаров Российской Республики, причём присовокупляю, что переход флота по вольному найму идёт успешно и флот как таковой в настоящее время представляет из себя сильную боевую единицу, укомплектование которой закончится в ближайшие дни»³⁸.

26 марта помощник начальника Морского генерального штаба контр-адмирал В.М. Альфатер³⁹ направил запрос командованию Черноморского флота о технической возможности эвакуировать суда и запасы флота в Новороссийск. На следующий день второй помощник командующего Черноморским флотом по оперативной части Н.И. Протасов сообщил В.М. Альфатеру: «Местом эвакуации флота может служить только Новороссийск. Порт не оборудован, не имеет складов,

не имеет доков и мастерских и не в состоянии вместить всего нашего флота. Условия стоянки в смысле погоды крайне неблагоприятные»⁴⁰. Н.И. Протасов, несмотря на то что об этом его из центра не запросили, упомянул и затруднения политического характера: «Приступить же к эвакуации, если на таковую всё же последует приказание центрального правительства, не представляется возможным до выяснения вопроса со Спиро и местным совдепом»⁴¹. Очевидно, Н.И. Протасов и сам был не прочь оставить суда в Севастополе, однако воспользовавшись серьёзным снижением влияния большевиков, не преминул сослаться на позицию левых эсеров.

27 марта Ф.Ф. Раскольников принял участие в заседании ленинского Совнаркома, на котором высший военный коллегиальный орган – Высший военный совет отказался гарантировать, что части Красной Армии не допустят захвата Севастополя противником. Ф.Ф. Раскольникову было указано: вследствие заключения мирного договора «Черноморский флот [...] не должен принимать участия в военных действиях. Неосмотрительные действия в данном случае могли бы повлечь за собой срыв мира и объявление нам новой войны. Очередная задача сводится к тому, чтобы немедленно приступить к эвакуации флота из Севастополя в Новороссийск»⁴².

В тот же день, 27 марта, начальник Морского генерального штаба Е.А. Беренс⁴³ и член коллегии Наркомата по морским делам Российской Республики (видимо, тот же Ф.Ф. Раскольников⁴⁴) констатировали, что «слабость наших сил не может обеспечить Крым от захвата австро-германскими войсками»⁴⁵, и передали Центральному комитету Черноморского флота официальное постановление Высшего военного совета, принятое по представлению коллегии Наркомата по морским делам: «1. Немедленно приступить к вывозу запасов и имущества флота в Новороссийск, переводя в первую голову всё необходимое для обеспечения базирования Черноморского флота на Новороссийский порт. 2. Немедленно приготовить все исправные суда Черноморфлота к переходу в Новороссийск по первому к тому требованию. 3. Теперь же приступить к переводу в Новороссийск всех ремонтирующихся и неисправных судов и плавучих средств Черноморского флота. 4. Немедленно донести коллегии Морского комиссариата о необходимых для исполнения сего средствах, а равно план и срок выполнения указанных задач. 5. Переход исправных судов флота в Новороссийск выполнить в случае явной угрозы Севастополю. 6. Всё имущество и запасы флота, кои не смогут быть перевезены

в Новороссийск из Севастополя, надлежит приготовить к уничтожению. 7. Ответственность за успешное и своевременное выполнение настоящей директивы возлагается на Центрофлот»⁴⁶.

В тот же день, 27 марта, или на следующий, 28 марта, В.И. Ленин и члены его правительства получили резолюцию Центрофлота от 23 марта, которая, естественно, «вызвала тревогу в Москве»⁴⁷. Совнарком и коллегия Наркоммора отреагировали достаточно жёстко. 28 марта Ф.Ф. Раскольников вызвал по прямому проводу Центральный комитет Черноморского флота. К аппарату подошли левый эсер С.С. Кнорус⁴⁸, большевик В.В. Роменец и первый помощник командующего Черноморским флотом по оперативной части А.А. Нищенков⁴⁹ (по мнению И.Т. Сирченко, в переговорах со стороны Севастополя участвовал также В.Б. Спиро)⁵⁰. Раскольников запросил, «как следует понимать резолюцию Центрофлота от 23 марта»⁵¹. Полученный ответ, впрочем, «вполне»⁵² удовлетворил члена коллегии Наркоммора: «Черноморский флот впредь, как и никогда, не отказывается от выполнения распоряжения Совета Народных Комиссаров и коллегии [Наркоммора], но их не было, точного текста договора не было, а поползновение завладеть флотом целиком и его частями со стороны отдельных республик – [таких], как Украины, Закавказской и Таврической, были, потому Центрофлот счёл необходимым заявить, что Черноморский флот действует самостоятельно, *независимо от правительств местных республик* (здесь и далее в цитате курсив наш. – С.В.). Часть резолюции, говорящая о поддержке Кавказа в его борьбе с Турцией, явилась результатом полного отсутствия запасов нефти и бензина в Севастополе, результатом угрозы полной остановки всех боевых судов. Масса *народившихся организаций, пытаясь распорядиться флотом помимо Центрофлота*, заставила нас заявить, что таковой является высшим органом управления. Об окончательной судьбе флота говорили в ответ на те же притязания отдельных республик»⁵³. Центрофлот отнюдь не горел желанием эвакуировать флот в Новороссийск и запросил Раскольникова о причинах эвакуации. Тот честно признался: «Эвакуацию нужно проводить исключительно потому, что Тавриде грозит опасность наступления австро-германских войск. Мирным договором это не предусмотрено, но немцы могут сделать поползновение рассматривать Севастополь как город Украины...»⁵⁴ В распоряжении исследователей отсутствуют документы о том, что Германия и Австро-Венгрия были готовы рассматривать в качестве «городов Украины» Ижевск

и Воткинск, однако претензии оккупантов на Крым были понятны и Раскольникову, и Черноморскому Центрофлоту. Тем не менее последний демонстративно (видимо, это была инициатива С. С. Кноруса) запросил Москву, с какой стати «германцы могут рассматривать Севастополь как принадлежащий Украине, если нет этого в договоре?»⁵⁵, и получил в ответ констатацию факта, известного ему лучше, чем Раскольникову: «Об Одессе в мирном договоре тоже ничего не говорилось, однако германцы [назвали] её украинским городом. Конечно, может быть (обратите внимание на нагромождение вводных конструкций. – С.В.), эвакуация будет впустую и Севастополь занят не будет, но всё же, раз такая возможность имеется, необходимо принять все меры для спасения флота»⁵⁶. Само собой разумеется, последний тезис прошёл без возражений, однако предписание об эвакуации Черноморского флота Центрофлот встретил без малейших признаков энтузиазма⁵⁷. В тот же день, 28 марта, если верить фактам из автобиографии 1947 г., «специальное задание по подготовке Новороссийского порта к приёму флота, а главное, по снабжению его горючим» (см. Приложение), получил и персонально от Совнаркома В. В. Роменец.

Для советского центрального правительства необходимость не только соблюдать условия «позорного»⁵⁸, по признанию самого В. И. Ленина, мирного договора и, более того, идти на дальнейшие уступки, никак в этом договоре не предусмотренные, порождала на Черноморском флоте возмущение, а в Крыму разброд и шатания. Пока Севастополь и Москва уточняли планы друг у друга, германские войска, обогащённые опытом оккупации Николаева, по всем правилам военного искусства повели наступление на Херсон, который обороняли солдаты-фронтовики завода «Ваддон», военные моряки Дунайской транспортной флотилии и небольшой отряд матросов, прибывших из Севастополя. Однако уже 28 марта защитникам Херсона пришлось спешно эвакуироваться за Днепр или укрыться в одиночку в городе. 28 марта немцы захватили Херсон, в порту которого стояли вереницы барж с Дунайской транспортной флотилии, которые были нагружены имуществом, оставшимся от Дунайской армии⁵⁹.

29 марта Черноморский Центрофлот принял следующее постановление: «1. Немедленно готовить базу для флота в Новороссийске, флот же привести в боевую готовность так скоро, как это возможно. 2. Необходим отпуск денег для эвакуации не менее 200 млн руб.»⁶⁰. 30 марта постановление было передано председателем Черноморского Центрофлота С. С. Кнорусом в Морской

генеральный штаб. Кнорус также запросил, «может ли это (выделение 200 млн. – С.В.) быть выполнено в кратчайшее время?»⁶¹ Однако, как представляется, и передача постановления, и даже требование денег стали для Кноруса удобным предложением, чтобы уточнить одно важное обстоятельство: «Если Севастополь считается Совнаркомом русским портом, то не явится ли выход нашего флота из Севастополя для перехода в Новороссийск нарушением мирного договора и не послужит ли это причиной срыва мира, или же Совнарком считает единственным русским портом на Чёрном море Новороссийский и переводит туда флот во исполнение мирного договора»⁶². Подтекст «уточнения» ясен: в случае получения ответа о том, что Совнарком не считает Севастополь русским портом, Центральный комитет Черноморского флота, весьма вероятно, вообще бы объявил о своей автономии. Однако вступать в какие-либо переговоры о статусе двух портов с Черноморским Центрофлотом Москва была не намерена. Ответ был целенаправленно резкий: «Придерживаться ранее данных указаний и готовиться к переводу флота в Новороссийск. Средства для эвакуации будут отпущены, для чего нужно командировать в Москву специальных людей»⁶³.

В конце марта 1918 г. Германия и Австро-Венгрия, в нарушение договора с Советской Россией от 3 марта, заключили в Бадене соглашение о разделе Юга нашей страны на сферы влияния. В зону господства Австро-Венгрии попали Волынь, Подольская, Херсонская и Екатеринославская губернии, Германии – другие территории России и Украины, среди которых Крым, Таганрог и Новороссийск. Оккупации смешанных войск подлежали Николаев, Мариуполь и Ростов-на-Дону⁶⁴. В Николаев и Херсон были стянуты крупные силы австро-германских войск, прекрасно вооружённые и снабжённые. Учтя опыт Николаева и Херсона, оккупанты предприняли масштабные меры для подготовки наступления на Крым и Севастополь. Для борьбы с морской артиллерией подвозились в разобранном виде крупные орудия – до 10-дюймового калибра включительно⁶⁵.

31 марта Севастопольский Совет военных и рабочих депутатов направил в Москву для опубликования в печати текст следующей телеграммы: «Военная. Херсон, Николаев, по сведениям главковерха [Н. В. Крыленко], заняты нами, но, по последним сведениям начальника отряда [А. В.] Мокроусова, под давлением превосход[ящих] сил они вновь занимают противником. [...] Крым и Севастопольский Совет мобилизуют массы и готовят отпор, ни о какой сдаче без боя речи

быть не может. Отношение масс к ратификации пассивное. Среди рабочих – усиленная агитация оборонцев за перевыборы Совдепа, флот настроен революционно, усиленно укомплектовывается, на днях состоятся перевыборы Совета»⁶⁶. Главный комиссар Черноморского флота В. В. Роменец «выехал из Севастополя 2 апреля 1918 г. (см. Приложение). Задержка была связана с тем, что эвакуацию пришлось, пусть и наспех, но всё же готовить: председатель СНК Тавриды А. И. Слуцкий «вне очереди» телеграфировал 29 марта в Наркомат по морским делам Российской Республики: «Эвакуировать флот [в] Новороссийск невозможно, ибо там нет ни доков, ни угольных складов, ни провианта, ни надлежащего порта. Ещё неосуществимее эвакуация Севастопольской крепости. Сообщите срочно мотивы вашего требования»⁶⁷.

Тем временем германское наступление продолжалось. 4–5 апреля немецкие части форсировали Днепр, началась оборона Перекопского перешейка. Сразу же вновь подняли голову крымско-татарские националисты, которые вступили в Киев в переговоры с немцами о создании Крымского ханства под эгидой Германии. Украинская центральная рада намеревалась захватить Крым и Севастополь. Немецкие подлодки перерезали морские пути вдоль Крымского побережья и появились в районе Севастополя. 11 апреля германский военно-морской флот обстрелял и захватил советский коммерческий пароход в районе Тарханкутского полуострова. 13 апреля НКВД РСФСР выразил свой протест, однако германская сторона заявила в ответ, что она-де не делает различий «между украинской и российской территорией»⁶⁸. 15 апреля МИД Германии и вовсе обвинил Черноморский флот в совершении нападения «на военно-морские силы союзников» – вопреки Брестскому миру и его 5-й статье⁶⁹. 17 апреля ленинский Совнарком предложил в ответ «скорейшее образование особой комиссии... в целях урегулирования и детального выяснения всех касающихся флота вопросов, затронутых статьями 5-й и 6-й Брестского договора»⁷⁰. Германия выразила согласие только 23 апреля, причём предложила созвать комиссию в Берлине, что автоматически приводило к новой затяжке соответствующих переговоров⁷¹. Это притом, что 22 апреля в оперативной сводке Московского военного округа, на основании данных радиоперехвата, сообщалось: «...немцы, сломив сопротивление наших войск у Перекопа и Карт-Казака, открыли себе путь на Крымский полуостров»⁷².

13 апреля на чрезвычайном пленарном заседании Центрального комитета Черноморского флота в городе,

флоте и крепости было объявлено военное положение. Фактическая власть в Севастополе сосредоточилась в руках Центрофлота, который разослал судовым комитетам радиogramму следующего содержания: «Ввиду срочности приведения города в нормальное положение, комитетам срочно озаботиться приготовлением караула в количестве по 20 человек в каждом трёх местах и по требованию Центрофлота выслать немедленно на Красную пристань в распоряжение члена Центрофлота. Во всех учреждениях будут стоять смешанные караулы: матрос, солдат и рабочий»⁷³. Временный революционный комитет попытался было перехватить у Черноморского Центрофлота инициативу, назначив на 14 апреля в театре «Ренессанс» собрание для образования, как писали советские историки, «подлинно революционного органа власти»⁷⁴. Однако Черноморский Центрофлот решительно пресёк большевистское начинание, заявив в специальном обращении: «...попытка создания новой временной единой власти в Севастополе до образования общепризнанной власти Совета в настоящий момент разгара страстей могла бы породить вторично нежелательные явления в рядах демократии»⁷⁵.

Последующие «желательные» явления исчерпывающим образом описаны в книге И. Т. Сирченко: «16 апреля на собрании делегатов от всех кораблей флота, воинских частей Севастопольского гарнизона и заводского комитета морского завода, проходившего на линкоре “Воля”, председателю Центрофлота Кнорусу с помощью эсеров и меньшевиков удалось провести решение, в котором поручалось “Центрофлоту руководство властью” до избрания нового Совета. Оба существовавших Совета были распущены, и избрана мандатная комиссия для организации новых выборов в Совет. Выборы [...] происходили 18–19 апреля, когда германские полчища уже ворвались в Крым. В Севастополе подняли голову враги советской власти. Большевики, будучи заняты организацией отпора врагу, в выборах принимали слабое участие: судьба советской власти в Крыму решалась на фронте»⁷⁶. В результате избрали т.н. «беспартийный» Совет, который впоследствии прозвали «беспринципным»⁷⁷. Большинство его депутатов составляли меньшевики, правые эсеры, украинские буржуазные националисты и беспартийные. Председателем Исполкома Совета, по предложению меньшевиков, был поставлен беспартийный Даксергоф⁷⁸, которого В. К. Жуков охарактеризовал как «личность довольно тёмную» и о котором со вполне законным презрением написал: «В роли председателя Исполкома Даксергоф

ничем себя не проявил, т.к. за его спиной управляли меньшевики и эсеры, но с приходом в Севастополь немцев физиономия Даксергофа выявилась с достаточной определённой. Этого “достойного” председателя Севастопольского Исполкома можно было видеть в роли переводчика у немцев и шофёра на одной из машин немецкого штаба»⁷⁹. «Предательские действия меньшевиков, правых эсеров и украинских буржуазных националистов, – констатировал И. Т. Сирченко, – нанесли удар по обороне Крыма, способствовали захвату Севастополя и значительной части Черноморского флота германскими империалистами»⁸⁰.

Наступление немцев продолжалось по всему побережью, несмотря на уверения Военно-морского комиссариата Советской Социалистической Республики Тавриды в том, что Черноморский флот и «революционный Севастополь [...] решили до последнего вздоха стойко защищать благополучие Крыма от различных посягательств со стороны различных банд, руководимых предателями интересов трудящихся во главе с австро-германским генералом Макензеном и другими империалистами»⁸¹.

19 апреля на Сиваше было получено сообщение о падении Перекопа, части в панике отступали на Джанкой, куда в то же время стремительно продвигались немцы. 1-й Черноморский полк под командованием И. П. Федько и другие боеспособные подразделения продолжали сражаться, однако судьба Севастополя фактически уже была решена⁸². 20 апреля Центрофлот передал всю полноту власти Севастопольскому Совету военных и рабочих депутатов. Последний орган принял по этому поводу обращение к населению Севастополя с объявлением «благодарности Центрофлоту, сумевшему в момент безвластия предотвратить могущие быть беспорядки»⁸³. Исполнительный комитет Совета заодно обратился «в этот тяжёлый и грозный момент [...] к морякам за поддержкой, зная, что без поддержки советской власти от нас могут быть отняты все тяжёлые, добытые трудом завоевания»⁸⁴. Специально оговаривалось: «Все распоряжения, которые должны исполняться беспрекословно, будут исходить только от Исполнительного комитета»⁸⁵.

20 апреля началась поспешная эвакуация советских учреждений из Симферополя. Часть работников бежала на восток и спаслась. Другие направились на юг в надежде добраться до Новороссийска. Оказавшись в Ялте, они связались с Алуштой, откуда сообщили, что в городе безопасно. Члены ЦИК и Совнаркома Советской Республики Тавриды А. Слуцкий, Я. Тарвацкий,

С. Новосельский⁸⁶, А. Коляденко, И. Финогенов, И. Семёнов⁸⁷, С. Акимочкин⁸⁸ и два члена Севастопольского Совета А. Бейм и Баранов двинулись на автомобилях в сторону Феодосии, где 21 апреля были перехвачены татарскими повстанцами и отправлены в Алушту. На «допросах» 22 и 23 апреля они подверглись пыткам и издевательствам, а 24 апреля, под грохот рвущихся под Алуштой снарядов с пришедшего на выручку миноносца «Фидониси», были расстреляны. Вместе с членами ЦИК и СНК республики повстанцами были казнены руководители Алуштинского Совета. Уцелели только четверо – тяжелораненые Бейм (не вынес нечеловеческих мук и удавился), Акимочкин (скончался позднее), Семёнов⁸⁹ «и неизвестный рабочий»⁹⁰, которых отбили спешно направленные из Ялты на подавление мятежа красногвардейцы при артиллерийской поддержке миноносца «Фидониси»⁹¹.

21 апреля на заседании Центрофлота представитель Центральной рады заявил: если черноморцы признают протекторат Украины над флотом, немцы не оккупируют Севастополь. Под влиянием большевиков моряки отвергли эту «гарантию» и приступили к организации боевых отрядов. Отряды севастопольцев встретили немцев на подступах к городу. Особо отличились два коммунистических отряда. Двенадцать храбрцев во главе с В. А. Басенко ценою жизни задержали вражеский бронепоезд, двигавшийся к Севастополю. Храбрость и отвагу проявил пулемётчик Г. Ф. Скачко, расстрелявший весь боезапас и дравшийся штыком и прикладом до последнего дыхания⁹².

В ночь на 22 апреля в Севастополе, в штабе крепости, состоялось совещание Военно-морского комиссариата с начальниками отрядов. Выяснились неподготовленность флота к эвакуации и брожение на судах вследствие провокационных призывов украинских националистов. Была вполне реальна опасность того, что флот вообще откажется от эвакуации и передаст себя в распоряжение украинского правительства. На общем фоне здраво прозвучали предложения Ю. П. Гавена⁹³: для начала привести в порядок все воинские части, которые дислоцировались в Севастополе, и выдвинуть их на фронт для задержки германского наступления – по крайней мере до подготовки флота к эвакуации, а затем эвакуироваться в должном порядке. Предусматривался и запасной вариант на случай отказа флота от эвакуации (с боем отступить через горы по линии Ялта – Феодосия – Керчь с последующей эвакуацией через Керченский пролив на Кубанскую территорию), но, как известно нам сейчас, он не понадобил-

ся⁹⁴. Было решено немедленно восстановить фронт обороны Севастополя по линии р. Альмы: туда ещё не успел проникнуть противник. Все боеспособные части получили приказание выступить на позиции и войти в соприкосновение с германскими частями⁹⁵. Большую роль в ободрении и воодушевлении панически настроенных частей сыграли В.А. Басенко и 12 храбрцев из конно-пулемётного полка, сумевшие личным примером двинуть на позиции весь полк. Несмотря на дезертирство нескольких отрядов и их командиров, удалось восстановить фронт обороны Севастополь – Альминский, куда немедленно выехал серьёзно больной Ю.П. Гавен – для организации походного штаба и агитационно-пропагандистской работы в войсках. Затем начался общий подъём духа на судах Черноморского флота, потребовавших от Центрофлота принятия мер к обороне Севастополя. На фронт отправились добровольные морские дружины, а в полуэкипаже начались новые формирования добровольцев⁹⁶. Защитники Севастополя сделали всё, что смогли, однако 22 апреля пал Симферополь и по всему Крыму прокатилась волна антисоветских восстаний – в Севастополе пачками получали телеграммы от местных советов с призывом об оказании помощи⁹⁷.

В фондах РГА ВМФ отложился и был опубликован В.И. Александровой и Т.С. Фёдоровой черновик Предписания Совнаркома командующему Черноморским флотом и главному комиссару ЧФ от 23 апреля о предоставлении им чрезвычайных полномочий для организации обороны Севастополя: «Совнарком приказал военному моряку Саблину вступить [в] исполнение обязанностей наморси, а военному моряку [эсеру С.С.] Кнорусу – обязанностей главного комиссара Черномфлота. Совнарком предоставляет наморси совместно с главным комиссаром чрезвычайные полномочия. Совнарком предлагает Черномфлоту оказать энергичное сопротивление захвату Севастополя, а в случае невозможности удержать Севастополь со всеми судами, могущими выйти в море, перейти [в] Новороссийск, уничтожив все остающиеся [в] Севастополе суда, имущество и запасы»⁹⁸. Ленинское руководство делало всё, с одной стороны, для спасения положения, с другой – для сваливания ответственности с большевиков на левых эсеров и беспартийных военных специалистов.

Правда, уже на следующий день подготовка к эвакуации Черноморского флота в Новороссийск была развёрнута в полном объёме. Командир эскадренного миноносца «Керчь» В.А. Кукель указал в своей записке: «Ещё за шесть дней до падения Севастополя

(до 1 мая. – С.В.), по-видимому, был принципиально высшим командованием решён вопрос о переходе в ближайшее время флота в Новороссийск, т.к. в порту спешно грузились транспорты и флот был всё время в положении от № 1 до № 3 (степени готовности корабля к походу: № 1 – полная готовность к снятию с якоря; № 2 – готовность, определяемая часами; № 3 – длительная готовность, определяемая сутками. – С.В.) включительно. Эти обстоятельства, в связи с полным отсутствием точных сведений [как] о внешней обстановке, так и о предпринятых решениях о судьбе флота, создавали впечатление отсутствия твёрдых решений и растерянности и до крайности нервировали личный состав, а также давали почву всяким нелепым слухам и бессовестной провокации»⁹⁹.

К 25 апреля 1918 г. все отряды оставили позиции и перешли на суда и береговые укрепления. Одновременно, стараясь опередить немцев, вела наступление Крымская группа украинских войск под командованием подполковника П. Болбочана, которому ставилась задача, опережая немецкие войска на линии Харьков – Лозовая – Александровск – Перекоп – Севастополь, очистить Крымский полуостров от большевиков и занять Севастополь. Предполагалось, что флот будет включён в состав вооружённых сил «Украинской державы». Однако немедленно по занятии Крыма командующий немецкой группировкой в Крыму генерал Р. Кош предъявил Болбочану ультиматум: украинцам сдать оружие и немедленно покинуть территорию полуострова под сопровождением немецкого конвоя на правах интернированных¹⁰⁰.

25 апреля на Черноморском флоте прошли массовые митинги, в ходе которых были определены позиции моряков: 1) за эвакуацию высказалась команда линкора «Свободная Россия»; 2) за поднятие украинского флага и передачу флота в ведение «Украинской державы» – линкор «Воля», крейсер «Память Меркурия» и подводки; 3) против немедленной эвакуации и за предварительную борьбу на сухопутном фронте до последней крайности – команды большинства миноносцев, «во весь период революционной борьбы» отличавшиеся «большой активностью и революционностью, нежели команды линкоров, склонные к консервативности и миролюбивым решениям»¹⁰¹. Как отметил В.К. Жуков, на Черноморском флоте «боролись два главных течения в настроении матросских масс: между линкорами и миноносцами. Команды вспомогательных судов колебались между двумя этими течениями, примыкая то к одному, то к другому. Как-то в стороне

стоял Черноморский флотский полуэкипаж береговых команд, который держался крайне левых, анархических направлений, во главе с [...] Мокроусовым»¹⁰².

24–26 апреля немцы окончательно разбили советские отряды под Симферополем и двинулись по разным направлениям к важнейшим пунктам по побережью Крыма. Быстрому продвижению немецких частей способствовали банды крымских татар¹⁰³ – «нашим войскам приходилось вести борьбу одновременно на два фронта»¹⁰⁴. 28 апреля после прорыва немцами Альминских позиций восстановить положение на фронте было уже невозможно¹⁰⁵.

На рассвете 29 апреля Ю.П. Гавен отдал приказ последним частям, которые прикрывали отступление, оторваться от германцев и отойти для загрузки на суда Черноморского флота¹⁰⁶. Положение Севастополя и Черноморского флота, по признанию В.К. Жукова, «стало критическим»¹⁰⁷. По свидетельству В.А. Кукеля (не позднее 2 апреля 1918 г.), «29-го днём стало точно известно, что немецкие войска находятся вблизи от Севастополя (около 10 вёрст) и намереваются двигаться дальше на Севастополь. Для большинства это известие было неожиданностью, т.к. за несколько дней [до этого] в местной прессе сообщалось, что наши войска оттеснили немцев из Симферополя»¹⁰⁸. На дредноуте «Воля» вновь созвали общеделегатское собрание Черноморского флота¹⁰⁹, постановившее «прекратить военные действия и немедленно приступить к эвакуации»¹¹⁰. Для её руководства делегация флота обратилась к адмиралу М.П. Саблину. Тот принял предложение делегации – правда, «с условием, чтобы ему не мешали и выполняли все его распоряжения»¹¹¹. Делегация согласилась и обещала также надавить на Центрофлот – с тем чтобы последний предоставил командующему флотом всю полноту власти. Около 15 ч М.П. Саблин прибыл в морской штаб и принял командование от А.И. Тихменёва¹¹². Затем на штабном корабле «Георгий Победоносец» подняли сигнал: «Вступил в командование Украинским (! – С.В.) Черноморским флотом – адмирал Саблин»¹¹³. Радиограмма аналогичного содержания была отправлена и германскому командованию – с просьбой о принятии делегации от командующего Черноморским флотом. Одновременно по судам отдал распоряжение: «Поднять украинский флаг»¹¹⁴, которое, однако, проигнорировало большинство миноносцев.

Командир миноносца «Керчь» В.А. Кукель, воспринявший приказ с наибольшим неприятием¹¹⁵, объяснил действия контр-адмирала М.П. Саблина так: «...прика-

зание поднять украинские флаги [было отдано], дабы убедить немцев, что флот украинизировался и что нет больше никаких причин для дальнейшего продвижения их войск к Севастополю»¹¹⁶. Однако, на наш взгляд, причины отдачи М.П. Саблиным приказа о поднятии украинских флагов более вскрыты в письме старого большевика Н.И. Островской: «Саблин ведёт весьма недвусмысленную политику, стоя на страже украинской государственности. [...] Саблин – маньяк, поставивший себе целью спасение флота в полном составе, но ничуть не для советской власти, с которой он совершенно не желает считаться. [...] Уже одна мысль о соединении с корниловцами во имя спасения Саблинской России говорит определённо об его “преданности” советской власти» (см. Приложение). Строго говоря, многие из тех бывших генералов, адмиралов и офицеров, кто весной 1918 г. пошли на службу в Красной Армии, действовали из патриотических убеждений о необходимости ликвидировать германскую угрозу, а вовсе не из лояльности к большевикам¹¹⁷.

Вечером М.П. Саблин попытался заручиться симпатиями украинцев, выступив со следующим сообщением по радио: «Братья Киевской центральной рады! Сего числа Севастопольские крепость и флот, находящийся в Севастополе, подняли украинский флаг»¹¹⁸. По справедливому замечанию В.К. Жукова, указанные «мероприятия Саблина ни к чему не привели»¹¹⁹. Германские части продолжали стремительное приближение к Севастополю, надеясь успеть захватить Черноморский флот до эвакуации¹²⁰.

Флот разведали противоречия – главным образом проукраински настроенных команд дредноутов и большевизированных команд миноносцев. Первых возмутили действия минной бригады, которая, проигнорировав как мнение большинства флота, так и распоряжения командующего, подчинилась штабу эвакуировавшейся Красной Армии, настаивавшему на немедленном выходе в море¹²¹.

По воспоминаниям матроса С.М. Лепетенко, день 29 апреля протекал «в Севастополе в большой суматохе. Моряки бегают с одного корабля на другой и совещаются об уходе в Новороссийск; многие из них, особенно украинцы, решают остаться в Севастополе. Представители севастопольской украинской Рады то и дело шныряют среди моряков, уговаривая их остаться с флотом в Севастополе. На эту удочку быстро поддаются украинцы, рассчитывая на спасение от немцев под украинским флагом, развевающимся на крейсере “Память Меркурия”. Митинги и на кораблях, и на пристанях

сменяются один за другим. Всё чаще и чаще передают слух: «Немцы у подступов к Севастополю». После полудня часть миноносцев, не дождавшись митингового решения об уходе из Севастополя, снимается с якоря и уходит в море. Транспортные суда принимают на борт беженцев и войска. Давка неимоверная. Часть из них уже готова к выходу, но почему-то ждёт «у моря погоды». Впоследствии выяснилось, что многие командиры, желая остаться в Севастополе, саботировали выход»¹²².

Не позднее 2 мая В.А. Кукель указал в своей записке: «Для части кораблей, а в частности для эскадренного миноносца “Керчь”, стала ясна цель германского командования – во что бы то ни стало захватить флот в гаванях, и поднятие украинских флагов только упростит им задачу, а потому в ответ на приказание поднять украинские флаги на “Керчи” был поднят сигнал: “Позор и продажа флота” и попутно на “Керчи” же, по его инициативе, созывалось частное делегатское собрание. [29 апреля] “Керчь” во что бы то ни стало решила ночью идти в Новороссийск. К решению “Керчи” присоединились эскадренные миноносцы “Калиакрия”, “Пронзительный”, “Пылкий”, “Громкий”, “Поспешный”, “Лейтенант Шестаков”, “Капитан[лейтенант] Баранов”, “Живой” и перед уходом “Гаджибей”, дивизион сторожевых катеров и подводн[ых лодок]. Командиры эскадренных миноносцев “Поспешный” и “Громкий” явились к командующему флотом М.П. Саблину и доложили о решении части судов идти в Новороссийск, на что командующий ответил, что не препятствует, но советует уходить до 12 ч ночи, т.к. полагает, что к этому времени боны будут закрыты. В 10 ч вечера на эскадренном миноносце “Пронзительный” собрались командиры уходящих судов для обсуждения плана выхода в море и похода, т.к. нам было известно, что выход в море сторожится неприятельскими подводными лодками. Совещание передало командование отрядом командиру эскадренного миноносца “Калиакрия”, как старшему, а на случай невыхода “Калиакрии” командование должно было перейти мне»¹²³.

В.К. Жуков рассказал в книге: «Только к 10 ч вечера берег постепенно пустеет от любопытных и загорается лихорадочная жизнь на судах, идущих в поход»¹²⁴. Н. Кришевский вспоминал: «Паника, которая поднялась среди красного Севастополя, не поддаётся описанию, и все эти декабрьские и февральские убийцы, грабители крымских городов, палачи, убившие тысячи (несколько сотен. – С.В.) безвинных людей, как стадо баранов, лезли с награбленным добром в транспорты, наполняя их свыше меры»¹²⁵. Следует заметить, что это утверждение

офицера-эмигранта всё же следует счесть публицистической, требующей соответствующего отношения: у Кришевского были все основания ненавидеть «революционных матросов» и их «направляющую руку». Севастополь после ухода миноносцев описал в своей книге 1931 г. В.К. Жуков: «С уходом миноносцев из Черноморского флота исчезла вся его живая, кипучая энергия. Боевая атмосфера сменилась напряжённым затишьем. Над Севастополем нависла мрачная ночь тревожных ожиданий. Что принесёт с собой завтрашний день? Бухта казалась осиротевшей, пустынной. Наличие большей части флота как будто не замечалось, если бы расстилавшиеся над рейдом облака чёрного дыма, выбрасываемые из труб дредноутов, не напоминали об их присутствии»¹²⁶.

Южная бухта и рейд наполовину опустели, в Южной бухте остались отдельные торговые суда, все старые броненосцы, команды с которых были расформированы и переведены на новые суда, а также крейсера и несколько старых миноносцев, стоявших в порту и в доках на ремонте. В Северной бухте остались линкоры «Воля» и «Свободная Россия», в минной бригаде – миноносцы «Дерзкий», «Беспокойный», «Гневный», «Звонкий» и «Зоркий», а также все подводные лодки, команды которых поддались агитации украинских элементов¹²⁷.

30 апреля, около 18 ч, из захваченного Симферополя вернулась делегация Черноморского флота¹²⁸, после чего исчезли последние иллюзии о передаче флота Украинской народной республике. Генерал Кош заявил, что не может отказаться от оккупации Севастополя и предоставить автономии Черноморскому флоту. Генерал потребовал немедленного разоружения флота и расформирования его личного состава с последующим переукомплектованием по указанию украинского штаба флота, в распоряжение которого флот поступит. В Севастополе флоту было предуготовлено находиться в бездействии до завершения Германией войны на Западном фронте, а затем перейти в полное распоряжение Украины¹²⁹. М.П. Саблин – под давлением большинства команд – принял решение о выводе в Новороссийск кораблей в 22 ч. Суда выходили в Новороссийск из Севастополя под Андреевским флагом начиная с 23 ч – под обстрелом немецких орудий и пулемётов с берега¹³⁰. Сам командующий находился на дредноуте «Воля»¹³¹. По мнению И.Т. Сирченко, «Саблин, когда пришёл к выводу, что средней линии нет, предпочёл господству германских империалистов подчинение советской власти и, несмотря на свою ненависть к большевикам, решил идти в красный Новороссийск»¹³². А.И. Козлов в оценке позиции М.П. Саблина разошёлся с И.Т. Сирченко:

«Во-первых, в борьбе с советской властью Саблин никогда, в том числе и на этом этапе, не придерживался т.н. “средней линии”, во-вторых, сама идея остаться у немцев не противоречила его морали и принципам»¹³³.

Эвакуация в Новороссийск прошла не особенно успешно¹³⁴, однако следует заметить, что команды и командиры держались героически. В.А. Кукель отметил в своей записке: «Уходящим судам от имени линейных кораблей “Воля” и “Свободная Россия” грозили, в случае ухода, расстрелом из орудий, на что миноносцы ответили угрозой минной атаки, и в полной боевой готовности, согласно дислокации, выработанной на совещании командиров, около 11 ч 30 мин вечера начали выходить из Южной бухты в море, приказав транспортам, стоявшим на рейде и готовым к походу, следовать за собой. На походе, ввиду вероятности атак подводными лодками, транспорты конвоировались миноносцами. По невыясненной причине подводные лодки, хотя и решившие присоединиться к уходящим судам, остались в Севастополе. По слухам, лодки были приведены в негодность личным составом, за что оный был подвергнут жестокому преследованию немецким командованием»¹³⁵. По данным В.К. Жукова, только командир «Свободной России», не выдержав, выпустил по немцам противолодочный снаряд. На его линкоре ранило пулями и осколками несколько человек¹³⁶.

1 мая оккупационные войска овладели Севастополем. Неприятелю достались 7 линкоров, 3 крейсера, 12 эсминцев, 15 подводных лодок, 5 плавучих баз, 3 румынских вспомогательных крейсера, несколько крупных торговых судов, учебных кораблей, минных заградителей, гидроаэропланов (1-й и 2-й бригад воздушного флота полностью), много мелких судов, большие запасы сырья и продовольствия, значительное число пушек, мин, бомбомётов, радиотелеграфная станция и многое другое. Машины и пушки на кораблях находились в рабочем состоянии, разбитыми оказались только компасы и подзорные трубы. На всех оставшихся в Севастополе судах подняли украинские флаги. В командование флотом вступил капитан 1-го ранга М.М. Остроградский¹³⁷, известивший правительство «Украинской державы», что оставшийся в бухте флот поднял украинские флаги. 3 мая, после захвата Севастопольской морской базы, украинские флаги были спущены и подняты германские. Расчёт украинцев на передачу им германцами Черноморского флота не оправдался¹³⁸.

Появление утром 1 мая флотилии кораблей Черноморского флота в Цемесской бухте стало полной неожиданностью для новороссийцев. По свидетель-

ству бывшего вахтенного начальника эсминца «Керчь» Б.М. Подвысоцкого, при входе в новороссийскую гавань моряков Черноморского флота «больше всего поразило то, что, несмотря на яркий, весенний день, несмотря на необычность и внушительность картины подхода к порту крупной эскадры военных кораблей, на широких и просторных набережных и пирсах было почти совершенно пусто, как будто всё кругом вымерло. На некоторых пирсах буквально некому было даже принять с кораблей бросательные концы, вследствие чего некоторым кораблям для швартовки приходилось подходить к пирсам вплотную. Почти та же картина была и в городе. Было совершенно очевидно, что здесь нас боятся и, на всякий случай, не зная, какой мы придерживаемся ориентации, стараются избегать с нами встречи». Однако такое положение продолжалось недолго. Убедившись, что ничего предосудительного мы себе не позволяем, отношение к нам быстро переменялось (так в тексте. – С.В.) и жизнь в городе приняла своё обычное, свойственное всем южным городам течение»¹³⁹.

Н.А. Монастырёв вспоминал: «Гавань Новороссийска, хоть и считалась самой лучшей на Северокавказском побережье, была мало приспособлена для приёма [такого] количества боевых кораблей. Ещё до прибытия эскадры в этом регионе образовалась т.н. Кубанская (в действительности – Черноморская, объединённая Кубано-Черноморская Советская Республика как составная часть РСФСР будет образована только 19 мая¹⁴⁰. – С.В.) республика, существовавшая только в своём названии, поскольку хаос здесь был такой же, как по всей России»¹⁴¹. Город испугался бесчинств «красы и гордости», однако, отметил Монастырёв, «события последних дней сильно изменили матросов. Они поняли, что их т.н. народные вожди сбегали с награбленными деньгами и драгоценностями, бросив обманутых моряков на произвол судьбы. Матросы начали сознавать, что пошли за трусами и подонками убивать своих командиров, которые за годы войны первыми шли навстречу опасности»¹⁴².

На день позднее, 2 мая, в Цемесскую бухту прибыли и корабли под командованием М.П. Саблина, сделавшего всё для возвращения себе полноты власти на флоте¹⁴³.

В Новороссийске собрались остатки Черноморского флота, частью из пришедших из Севастополя судов, частью из судов, коих севастопольские события застали в других крымских портах – Ялте и Феодосии. Теперь в Новороссийске дислоцировались: линейные корабли (дредноуты) «Воля» (флагман) и «Свободная

Россия»; эскадренные миноносцы типа «Новик» (нефтяники): 1-й дивизион – «Дерзкий», «Беспокойный» и «Пронзительный»; 2-й дивизион – «Пылкий», «Громкий» и «Поспешный»; 3-й дивизион (дивизион памяти адмирала Ф. Ф. Ушакова) – «Керчь», «Гаджибей», «Фидониси» и «Калиакрия», угольные миноносцы 2-го ранга – «Капитан[лейтенант] Баранов», «Лейтенант Шестаков»; 3-го ранга – «Живой», «Жаркий», «Сметливый» и «Стремительный»¹⁴⁴.

2 мая в Новороссийске, который был центром Черноморской Советской Республики (создана по аналогии с Таврической), собралось более 20 судов военно-морского флота с личным составом, по данным В. К. Жукова, около 5 тыс. человек и около 36 торговых судов с личным составом около 1,5 тыс. человек*, а также около 15 тыс. беженцев и эвакуированных, притом что Новороссийский порт, оборудованный исключительно для погрузки хлебопродуктов, при наличии большого элеватора, совершенно не подходил для долговременной стоянки указанного количества судов, не имея ко всему прочему больших топливных складов и необходимых материалов и ремонтных средств. Черноморский флот мог рассчитывать лишь на небольшие запасы, погружённые на суда при эвакуации. Их могло хватить на три-четыре месяца, да и то в случае полного бездействия флота. Самой большой проблемой стало продовольственное обеспечение Черноморского флота, поскольку значительную часть вывезенного на транспортных средствах пришлось выделить эвакуированным частям РККА и беженцам. Сам же Новороссийск с трудом мог прокормить свой небольшой гарнизон и около 2 тыс. больных и раненых красногвардейцев, которых эвакуировали с Кавказского и Крымского фронтов. Вследствие продолжавшихся боевых действий на Дону и Кубани и общей неустойчивости обстановки быстро наладить продовольствие не представлялось возможным. К тому же одна ж.-д. ветка на Екатеринодар с плохим подвижным составом с трудом справлялась с перевозкой множества людей и эвакуационных грузов, предназначенных

к дальнейшему следованию¹⁴⁵. Положение в городе осложнилось до предела: по оценке заведующего финансовым отделом Новороссийского Совета А. А. Рубина, оно стало критическим, была прекращена выплата пособий больным, беженцам и пенсионерам¹⁴⁶.

Реакционность М. П. Саблина в полном объёме проявилась после эвакуации Черноморского флота в Новороссийск. Судя по всему, личный состав флота откровенно устал от неопределённости и соскучился по «твёрдой руке». Вечером 2 мая на крейсере «Император Траян» состоялось делегатское собрание флота. Почувствовав возможность установления диктатуры, Саблин заявил о готовности принять командование флотом при выполнении следующих условий: «1) избрание командующего флотом должно быть произведено не делегатским собранием, а референдумом всего флота, находящегося в Новороссийске; 2) все не желающие командующего с единоличной властью должны покинуть корабли, хотя бы для этой цели пришлось вывести из строя некоторые суда за недостаточностью команд; 3) командующему должна быть предоставлена единоличная власть на основе морского устава и законоположений военного времени; 4) командующему должно быть предоставлено право по личному усмотрению отдавать под суд всех провинившихся лиц, без исключения, по служебным дисциплинарным проступкам, причём суд должен быть образован при штабе флота; 5) во флоте должно быть отменено всякое выборное начало; 6) самое главное условие для принятия флота под своё командование – поднятие на всех судах Андреевского флага»¹⁴⁷. 3 мая состоялся референдум личного состава Черноморского флота: из более чем 3 тыс. участников 2433 человека проголосовали за передачу Саблину всей полноты власти, против – всего 237 человек (остальные воздержались или потребовали смягчения поставленных условий)¹⁴⁸. По справедливому замечанию В. К. Жукова, настроение команд сильно «поправело»¹⁴⁹. Окрылённый одержанной внутривнутриполитической победой, Саблин заявил на прошедшем в тот же день, 3 мая, делегатском собрании: «Сейчас вы сами видите, куда вас завели красные лозунги и фразы излюбленных вами революционных вождей, ваших кумиров. Но вот наступили тяжёлые минуты – и ваших кумиров нет с вами. Где они? Покинутые ими, вы обращаетесь ко мне – больному, измождённому старику, и просите вас спасти. Должен вас предупредить, что против офицеров и, в частности, против меня будет вестись агитация. Уже сейчас среди вас есть подобные люди, которые начали своё дело, но вы должны сами вырвать их из своей

* Данные В. К. Жукова оспаривает в своей монографии А. И. Козлов. Из выявленных им источников следует, что, по данным на 16 мая, в командах судов состояло около 3,5 тыс. матросов, 100 командиров, в т.ч. 15–20 бывших офицеров, остальные – мичманы, включая мичманов военного времени. Кроме того, почти на 40 торговых судах, включая принадлежащие странам Антанты, было более 1,5 тыс. моряков (Козлов А. И. Во имя революции. (Потопление Черноморского флота по приказу В. И. Ленина в 1918 г.). Ростов н/Д, 1985. С. 80).

среды. Да здравствует наша дорогая, истерзанная Россия, да здравствует славный Андреевский флаг!»¹⁵⁰ При этом М.П. Саблин не решился на открытое выступление против ленинского правительства, продолжая свою патриотическую деятельность под прикрытием «полуревOLUTIONной» демагогии. 4 мая в 8 ч утра был поднят с церемонией Андреевский флаг, означавший, что Саблин вступил в командование Новороссийской эскадрой¹⁵¹. В тот же день Саблин подписал приказ № 1, из которого следует, что, признавая на словах власть ленинского Совнаркома и возглавляемого Л.Д. Троцким Высшего военного совета, командующий флотом вовсе не собирается исполнять все предписания центральной советской власти: «С сегодняшнего дня никто не покусится на присвоение наших судов, как плавающих под флагом, не признанным иностранными державами (тут явно имелись в виду вчерашние союзнички по Антанте. – С.В.). Пусть знают все, что Андреевский флаг есть символ нераздельности нашей Родины и обязанность каждого русского гражданина, к какой бы он национальности, религии и партии ни принадлежал, защищать его так, как он защищает честь и достоинство Российской Федеративной Республики. Я призываю флот, казачество (лучший «друг» советской власти. – С.В.) и весь советский народ забыть все распри, прекратить междоусобную войну и вспомнить, что все мы, добывающие себе пропитание собственным трудом, потом и кровью, что все мы – сыны единой, ныне растерзанной Родины. Нам не нужны чужие земли и воды, мы первые отказались от политики захватов и грабежей, но потомство проклянёт нас, если мы отдадим на позор и разграбление то, что даже по позорному и небывалому в истории мирному договору бесспорно принадлежит нам. Высший военный совет при Совете Народных Комиссаров признал, что Черноморский флот, для которого обязательно соблюдение мирного договора, должен быть неприкосновенным для центральных держав, и наша обязанность сохранить его для России»¹⁵².

Через неделю после передислокации флота в Новороссийск от германского фельдмаршала Эйхгорна поступило требование к командующему флотом о возвращении всех судов в Севастополь. Требование не было удовлетворено, после этого за Новороссийском стали следить германские подводная лодка и аэропланы¹⁵³.

Перевод флота в Новороссийск военно-политического успокоения не принёс. Условия Брестского мира нарушила Закавказская СФСР, а германская сторона возложила за это ответственность на РСФСР¹⁵⁴.

11 мая германскому правительству направили протест Совета Народных Комиссаров РСФСР, текст которого был лично написан В.И. Лениным:

«Народный комиссар по иностранным делам считает необходимым выразить германскому правительству свой решительный протест:

1. Ни одного разу, ни в одном документе германское правительство не заявляло нам о том, будто наш флот участвовал в боях против немецких войск на Украине.

2. Поэтому соответствующее заявление в радио от 11/V 1918 [г.] явно неверно, не находит себе подтверждения в актах германского правительства.

3. Если часть флота причислила себя к украинскому флоту, то она и осталась в Севастополе.

3 bis) Если наш флот ушёл из Севастополя, то это сделано было лишь *после наступления германцев и нападения на Севастополь, следовательно, в этом случае явно нарушен был Брестский договор германцами* (курсив наш. – С.В.), а не нами»¹⁵⁵.

Аргументы были железными: «4. Факты показывают, следовательно, что мы твёрдо стоим на почве Брестского договора, германцы же отступили от него, заняв весь Крым. 5. Они заняли его только германскими войсками, удалив оттуда всех украинцев. 6. Они заняли Крым после того, как германское правительство в своей собственной радио[грамме] [...] совершенно точно заявило, что считает Крым не входящим в территорию Украины. 7. Посол Германии Мирбах заявил нашему комиссару иностранных дел, что Германия не претендует на новые территориальные приобретения»¹⁵⁶.

В тексте справедливо отмечалось: «8. Если в данный момент германское правительство заняло другую позицию и предьявляет требования на Крым, или на часть Крыма, или на другие территориальные приобретения, то мы считали бы безусловно необходимой полную ясность в этом деле, и мы заявляем ещё раз официально, что со своей стороны настаиваем на заключении точного договора с Финляндией, Украиной и Турцией, *воюющей вопреки Брестскому договору о мире* (курсив наш. – С.В.). 9. Ещё раз настоятельно просим германское правительство сообщить нам, стоит ли оно на позиции желательности мира с Украиной, Финляндией и Турцией и какие шаги оно предприняло и предпримет в этих целях»¹⁵⁷.

Наконец, перейдя, собственно, к вариантам развития событий, связанных с судьбой Черноморского флота, Ленин констатировал: «10. По вопросу о Черноморском флоте мы согласны дать всяческие новые гарантии его невмешательства в войну или его разоружения (о чём

вчера, 10/V 1918 [г.], посол Мирбах официально заявил нам), если только точные условия полного мира, т.е. мира и с Финляндией, и с Украиной, и с Турцией, германское правительство нам сообщит и этот мир будет заключён, на чём мы настаиваем. 11 Мы несколько не отказываемся и от возвращения флота в Севастополь, если этот порт, – согласно заявлению Мирбаха от 10/V 1918 [г.] в беседе с народным комиссаром иностранных дел, – не аннексируется в той или иной форме и не оккупируется Германией и если точный и полный мир с германцами как с составной частью финских, украинских и турецких армий, будет осуществлён»¹⁵⁸.

14 мая Высший военный совет предписал начальнику морских сил Чёрного моря М.П. Саблину: «1. Безотлагательно принять меры к оборудованию защиты с моря входа в Новороссийскую бухту, используя для сего, если это понадобится, часть орудий судов по Вашему усмотрению. 2. Принимая меры к содержанию судов [в] готовности, надлежит принять все меры к уничтожению судов, если бы обстановка этого потребовала. Подготовку к уничтожению надлежит провести как расписание на всех судах, причём надлежит иметь список лиц, коим поручена та или иная работа по уничтожению судов, надлежит разъяснить этим лицам всю важность и ответственность возложенных на них обязанностей. 3. Ежедневно доносить об обстановке и положении на флоте. 4. Немедленно сообщить состав судов, находящихся в Новороссийске и оставшихся в Севастополе»¹⁵⁹.

По указанию ЦК РКП(б) главным комиссаром Черноморского флота был назначен коллегией Народного комиссариата по морским делам Н.П. Авилов-Глебов, а его помощником – А.В. Баранов¹⁶⁰. 14 мая М.П. Саблину телеграфировали: «Морской комиссариат постановил возложить на т. Глебова-Авилова секретное временное исполнение обязанностей главного комиссара Черноморского флота, а на т. Баранова возлагаются обязанности его помощника. Если эти лица в Новороссийске, то передайте им это приказание, а равно передайте им все приказания [...] Наркоммор»¹⁶¹. Фактически большевик Н.П. Авилов-Глебов занял пост левого эсера В.Б. Спиро¹⁶², который, как мы помним, ещё в апреле 1918 г. был устранён с политической арены Лениным со товарищи. 15 мая оба большевика вступили в исполнение своих обязанностей, и уже на следующий день М.П. Саблин с возмущением сообщил по прямому проводу в центр В.М. Альфатеру: «Лица, назначенные комиссарами флота, начали свою деятельность в Новороссийске агитацией против меня и Андреевского флага, и от дальнейшей деятельности будет зависеть увеличе-

ние боеспособности или окончательный развал флота, т.к. я совершенно не считаю себя способным заниматься политикой и партийной борьбой, и в этом отношении вся ответственность за дальнейшее ложится на них и на вас, назначивших их, т.к. флот с приходом сюда под моим командованием начал оздоравливаться и получалась возможность сделать его боеспособным»¹⁶³.

При этом в тот же день, 16 мая, М.П. Саблин послал в Москву председателю Высшего военного совета, наркому по военным и морским делам Л.Д. Троцкому и наркому по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерину радиogramму, в которой доложил: «Сегодня мною послано следующее радио: “Главнокомандующему германскими силами на востоке. Сухум бомбардируют два катера и тральщик бывшего кавказского отряда, несколько месяцев тому назад отколовшиеся от Черноморского флота. Условием соблюдения Брестского договора о невыходе из порта я лишён возможности пресечь такого рода отдельные выступления. Считаю подобное положение ненормальным и нахожу необходимым срочно выработать условия, дабы я мог принять соответствующие меры в подобных случаях”»¹⁶⁴. Не решён был вопрос о флаге для военных судов РСФСР, немцы не признавали никем не утверждённый красный флаг¹⁶⁵.

17 мая Наркомат по морским делам направил М.П. Саблину и Н.П. Авилову-Глебову, находящимся в контрах, следующее предписание: «...нет никаких гарантий, что перемирие будет достигнуто. Флот обязан поддерживать высшую готовность. Наморси и главному комиссару вменяется священная обязанность работать рука об руку на упорядочение внутренней жизни флота. Никакие местные организации не имеют права отдавать флоту какие бы то ни было предписания. Все местные советские учреждения обязаны оказывать флоту всемерную поддержку. Взаимоотношения наморси и главного комиссара определены инструкцией для Балтфлота, которая обязательна и для вас. Опыт Балтфлота, бывшего в таких же тяжёлых условиях, в коих ныне находится Черноморский флот, показал практическую применимость и жизненность этой инструкции. О желательных изменениях её донесите для представления [в] Совнарком. Вы и главный комиссар непосредственно подчиняетесь коллегии Народного комиссариата по морским делам. Выражаем всему личному составу флота, пришедшего в Новороссийск, братское приветствие от имени Морского комиссариата и Совнаркома. Республика оценит героические усилия, направленные в этих трудных условиях на спасение флота, страны и революции»¹⁶⁶.

19 мая состоялось совместное заседание центральных исполнительных комитетов Кубанской и Черноморской республик, на котором вследствие внешней угрозы общих врагов и сходства политических и экономических интересов приняли решение об их объединении в единую Кубано-Черноморскую Советскую республику как составную часть РСФСР. Исполкомы обеих республик постановили соединить и с этого дня считать их единым ЦИК Кубано-Черноморской Советской республики. Председателем ЦИК стал И.П. Борисенко, председателем Совнаркома – А.А. Рубин¹⁶⁷. ЦИК республики немедленно вступил в конфликт с главкомом республики А.И. Автономовым, который с трудом удалось погасить Г.К. Орджоникидзе¹⁶⁸. Представители Черноморского флота просили ЦИК Кубано-Черноморской Советской республики взять флот в своё подчинение для ведения, вопреки воле ленинского правительства, «вооружённой борьбы с немцами»¹⁶⁹, однако, как писал позднее Борисенко, «ЦИК не мог прийти к твёрдому решению и не знал, что делать»¹⁷⁰. В условиях всеобщего развала попытки единения мало к чему приводили.

21 мая Чрезвычайный черноморский революционный комитет совместно с представителями Областного правления и Центрального исполнительного комитета водного транспорта Чёрного и Азовского морей, обсудив вопрос о поднятии кормового флага, постановили: поскольку «суда Черноморского флота, как военные, так и коммерческие, являются собственностью Российской Федеративной Советской Республики, флагом которой Рабоче-Крестьянское правительство утвердило красное знамя с надписью белыми буквами названия республики, просить Совет Народных Комиссаров издать приказ по флоту поднять на корме наш флаг, обгагрённый кровью лучших защитников нашего социалистического отечества»¹⁷¹. При этом М.П. Саблин, потерявший все ориентиры, отдал явно абсурдный приказ поднять на торговых судах старый трёхцветный флаг торгового флота России. 23 мая в ответ на это приказание Исполком Кубано-Черноморского Совета направил Совнаркому телеграфное требование «немедленного отстранения его (Саблина) от занимаемой им должности командующего флотом и предания суду народа»¹⁷².

24 мая 1918 г. В.И. Ленин написал в письме А.А. Иоффе и В.Р. Менжинскому: «Если можно помочь тому, чтобы получить мир с Финляндией, Украиной и Турцией (в этом гвоздь), надо всегда и всё для этого сделать (конечно, без *неких* новых (! – С.В.) аннексий и даней этого не получить). За ускорение такого мира а бы *много* дал»¹⁷³. Ещё более интересен для нас пост-

скриптом: «Опоздал к курьеру. Чичерин передал мне текст ноты, которую Иоффе *от себя* послал немецкому правительству, соглашаясь на отдачу судов Черноморского флота (т.е. на отвод их из Новороссийска в Севастополь) на условии *только* мира с Украиной. Между тем правительство в ясной ноте (по радио сообщённой и Иоффе) признало возможным согласиться на отвод судов в Севастополь *на иных* условиях, [а] именно: 1) мир на всех трёх фронтах, т.е. и с Украиной, и с Финляндией, и с Турцией; 2) не – аннексия Севастополя»¹⁷⁴. Ленин возмутился: «Как мог Иоффе сделать такую ошибку? Как мог он так “продешевить”? Как можно было вообще по столь важному вопросу посылать ноту *от себя*, не посоветовавшись, не понимаю...»¹⁷⁵.

В тот же день, 24 мая, начальник Морского генерального штаба Е.А. Беренс¹⁷⁶ написал текст доклада¹⁷⁷ в Высший военный совет, в котором констатировал: «Положение с оставшейся частью нашего Черноморского флота становится всё более и более критическим»¹⁷⁸. Беренс сделал следующий вывод: «...уничтожение судов в Новороссийске надо произвести теперь же, иначе они, несомненно, и наверно полностью или в части, попадут в руки Германии и Турции»¹⁷⁹. На заседании доклад рассмотрели председатель Высшего военного совета Л.Д. Троцкий и заместитель члена Высшего военного совета К.А. Мехоношин¹⁸⁰. Они наложили следующую резолюцию (текст – автограф Троцкого): «Предложить Н[ародному] к[омиссариату] по морским делам послать <туда деять[ельных]> в Новороссийск абсолютно надёжных и компетентных (выделенные курсивом слова вписаны над строкой. – С.В.) лиц для подготовки полного уничтожения флота в момент, когда это окажется необходимым. Обратиться к Предс[едателю] Совета Нар[одных] Ком[иссаров] с представлением о необходимости уничтожить флот немедленно ввиду безвыходности положения. Предс[едатель] В[ысшего] в[оенного] с[овета] Л. Троцкий, К. Мехоношин»¹⁸¹. Л.Д. Троцкий не желал брать на себя всю полноту ответственности и представил документ В.И. Ленину. В тот же день Председатель Совнаркома лично наложил на тексте доклада вторую резолюцию: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно. Предс[едатель] СНК В. Ульянов (Ленин)»¹⁸². В тот же день, в ходе заседания Совнаркома, В.И. Ленин запросил запиской Л.Д. Троцкого: «Есть что-либо новое о флоте?» Л.Д. Троцкий ответил на том же листке бумаги формата А6: «Есть какая-то дурная весть через Царицын, но не знаю ещё, что именно: жду записки по прямому проводу»¹⁸³. Неизвестно,

получил ли Л.Д. Троцкий что-либо от И.В. Сталина или от А.Г. Шляпникова, однако интересен самый факт обмена записками двух членов ЦК РКП(б). В.И. Ленин следил за судьбой Черноморского флота, в частности в плане «проверки исполнения» собственных предписаний, постоянно.

28 мая В.И. Ленин как Председатель Совнаркома и Л.Д. Троцкий в качестве наркома по морским делам¹⁸⁴ подписали, по представлению Высшего военного совета, секретную директиву Совнаркома командирующему и главному комиссару Черноморского флота «уничтожить все суда флота и коммерческие пароходы, находившиеся в Новороссийске»¹⁸⁵ – «ввиду явных намерений Германии захватить суда Черноморского флота»¹⁸⁶ и невозможности перевести их в другой порт или защитить Новороссийск с суши¹⁸⁷. Кроме того, В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий¹⁸⁸ утвердили постановление Высшего военного совета о направлении заместителя наркома по морским делам И.И. Вахрамеева в Новороссийск с инструкцией приступить к выполнению распоряжения правительства о потоплении находившегося там флота. В.И. Ленин (неизвестно только, присутствовал ли Л.Д. Троцкий) удостоил И.И. Вахрамеева личной аудиенции и подписал удостоверение о полномочиях, данных последнему Совнаркомом¹⁸⁹: «1. Ввиду явного стремления германцев захватить Черноморский флот, ныне находящийся в Новороссийске, и невозможности обеспечить (в данном случае – защитить. – С.В.) Новороссийск с сухого пути или перевести суда в другой порт, Совет Народных Комиссаров приказал теперь же уничтожить все военные и коммерческие суда, находящиеся в Новороссийске. Общее руководство выполнением этой ответственной задачи возлагается на Вас. 2. При выполнении этой основной задачи Вам предоставляются чрезвычайные полномочия; все начальствующие лица, Советы и организации обязаны оказывать Вам полное содействие и исполнять Ваши указания беспрекословно. 3. По прибытии Вашем в Новороссийск немедленно надлежит приступить к подготовке судов к уничтожению и по готовности, *не ожидая указаний от правительства* (курсив наш. – С.В.), уничтожить. 4. О всех предпринятых Вами мерах, а равно и тотчас по прибытии, немедленно донести по радио и по телеграфу правительству. 5. Если бы по обстоятельствам дела правительство решило отменить отданное приказание об уничтожении судов, то Вы будете извещены по радио и по телеграфу условной телеграммой. 6. Личный состав и то имущество, которое может быть вывезено без задержки работ по уничтожению судов, надлежит

направить в Саратов или в другое место, которое будет указано дополнительно»¹⁹⁰.

В тот же день, 28 мая, в Екатеринодаре открылся 3-й Чрезвычайный съезд Советов Кубанской и Черноморской республик, большинство делегатов которого были большевиками. Несмотря на призывы левых эсеров к разрыву Брестского мирного договора, 612 голосами против 234 была принята большевистская резолюция¹⁹¹ – о признании «единственной правильной»¹⁹² политики ленинского Совнаркома. Кубано-Черноморская Советская Республика предложила другим советским республикам Юга объединиться в единую Южно-Русскую республику¹⁹³. В избранных съездом руководящих органах большинство мест заняли большевики, председателем ЦИК Совета стал большевик А.А. Рубин, его заместителями – большевичка Н.И. Островская и левый эсер Козлов, секретарями – большевик В.Ф. Чёрный и левый эсер П. Онипко. ЦИК республики состоял из 40 членов, из которых 27 были большевиками, 13 – левыми эсерами¹⁹⁴. Численное преобладание большевиков, впрочем, не означало, что теперь ЦИК будет слепо повиноваться указаниям центрального советского, ленинского, правительства. В.К. Жуков констатировал в своей книге: «Население смотрело на флот с узко бытательской точки зрения, жалело его как весьма ценное народное имущество и приходило в ужас и негодование при одной мысли о возможности его уничтожения, за что нередко упрекало матросов. Члены же Новороссийского Совета и Кубано-Черноморской республики видели в Черноморском флоте организованную боевую силу, которую предполагали использовать для задержания немецкого наступления на территорию Кубано-Черноморской республики, главный сухопутный фронт которой находился под Батайском, Ростовом и Таганрогом; с потерей же Черноморского флота Кубанской республике угрожала опасность с тыла, со стороны моря, от возможной высадки десанта. Поэтому за идею использования флота для обороны Кубани и для борьбы с немцами особенно ухватились члены ЦИК Кубани. Они совершенно не учитывали того обстоятельства, что для использования флота нужно принять на себя заботу о его содержании и снабжении всем необходимым. По неопытности в морском деле им казалось, что флот сам по себе является неисчерпаемым источником революционной и материальной энергии и совершенно не нуждается в её пополнении – по крайней мере, в ближайшее время. Понятно, что пропаганда идеи сохранения флота для Кубано-Черноморской республики имела некоторое влияние на матросскую среду,

но, во всяком случае, она не убедила её совершенно отказаться от мысли уничтожения флота в критический момент. На вопросы по этому поводу матросы отвечали, что они для того и пришли в Новороссийск, чтобы спасти флот от захвата немцами в Севастополе, но если это им не удастся здесь, то они всё же принуждены будут потопить флот, но не отдадут его в руки врагов»¹⁹⁵.

1 июня начальник Морского генерального штаба Е. А. Беренс доложил Высшему военному совету: «Согласно постановлению Высшего военного совета, утверждённому Председателем Совнаркома, член коллегии Морского комиссариата Вахрамеев выехал в Новороссийск...»¹⁹⁶ Военный руководитель Высшего военного совета наложил на докладе резолюцию: «Оп[еративному управлению]. Срочно передать эту бумагу Л. Д. Троцкому с просьбой дать указания Беренсу. М. Д. [Бонч-Бруевич]»¹⁹⁷¹⁹⁸. В соответствии с резолюцией, копию доклада передали в пакете «для срочной отправки наркомму Л. Д. Троцкому в 22 ч»¹⁹⁹. Эти резолюция и помета, никак не учтённые в публикациях, важны потому, что свидетельствуют: все решения о судьбе Черноморского флота, если и не принимались и не согласовывались с Л. Д. Троцким непосредственно, то уж, во всяком случае, не отдавались за спиной «вождя Красной Армии»²⁰⁰.

2 июня, приехав в Новороссийск, И. И. Вахрамеев встретился с М. П. Саблиным, который признал необходимость уничтожения Черноморского флота, но отказался лично исполнить это приказание со ссылкой на свою 30-летнюю службу на флоте, расстроенное здоровье и скорый отъезд для доклада в столицу²⁰¹. 6 июня²⁰² – спустя ровно год после приказа А. В. Колчака о сдаче офицерами личного оружия – выехал в Москву М. П. Саблин. Командир эсминца «Керчь» В. А. Кукель описал в своих воспоминаниях прощание Черноморского флота со своим командующим: «В начале июня произошло очень грустное для флота, а для командного состава в особенности, событие – в Москву был вызван всеми любимым и уважаемым Михаил Павлович Саблин, которому верили и которому флот, несомненно, готов был подчиниться. Чрезвычайно грустное и тяжёлое впечатление произвело прощание Михаила Павловича с флотом на делегатском собрании, когда он со слезами на глазах и в голосе, напоминая, что флот был на высоте своего призвания, выйдя при исключительных условиях из Севастополя в весьма сомнительную базу Новороссийск, буквально без всего, лишь только чтобы не попасть в руки врагу, призывал всех исполнить свой долг, когда придёт момент, что он надеется успеть вер-

нуться к флоту, но всё же события могут развернуться так быстро, что судьба флота может решиться без него, но что он, хотя и с глубокой грустью уезжает, но спокоен за флот, т.к. передаёт его в руки Александра Ивановича Тихменёва (от него 29 апреля принял командование Саблин. – С. В.), командира линейного корабля “Воля”, которого знает давно, и что убеждён, что Тихменёв с честью доведёт флот до конца»²⁰³. Однако, как показали дальнейшие события, возложение М. П. Саблиным своих обязанностей на А. И. Тихменёва стало роковой ошибкой. Да и прощальные слова Саблина, обращённые к Черноморскому флоту, свидетельствуют о том, что с необходимостью его потопления адмирал внутренне уже смирился.

8 июня Германия предъявила Советской России ультиматум: в течение шести дней вернуть Черноморский флот в оккупированный Севастополь²⁰⁴. В Новороссийск члену коллегии Наркоммора РСФСР И. И. Вахрамееву и главному комиссару Черноморского флота Н. П. Авилову-Глебову была отправлена телеграмма № 11/м: «Германия ультимативно требует от нас возвращения флота в Севастополь, не давая никаких гарантий, что он не будет захвачен ими или Украиной, кроме бумажных. Наш морской член мирной делегации в Киеве донёс, что немцы там требуют участия нашего Черноморского флота в войне против союзников, на что Украина склонна согласиться. На наше предложение немцам оставить флот в Новороссийске под гарантией, что он оттуда не выйдет, дан отрицательный ответ. Морская германо-русская миссия в Берлине, которая должна была разобрать все недоразумения по морской части, на которую Германия сначала согласилась, отклонена по её же заявлению, что она будет собрана “после выяснения обстановки на Чёрном море”. Все дипломатические попытки обезопасить Черноморский флот в Новороссийске оказались тщетными. При таких условиях и при беззащитности Новороссийска с суши было принято решение уничтожить суда в Новороссийске, чтобы они ни в коем случае не были использованы Германией. Сообщите это командованию флота и запросите, на что оно рассчитывает, не соглашаясь на такую меру, какие гарантии оно может дать, что суда не попадут в руки немцам, кто будет нести за это ответственность»²⁰⁵.

9 июня в 15 ч 19 мин Наркомат по морским делам РСФСР направил И. И. Вахрамееву и Н. П. Авилову-Глебову телеграмму № 13/м о необходимости уничтожения флота, категорически заявив: «Всякое промедление означало бы передачу флота Германии. Разъясните страшную ответственность, которую берут на себя

сопротивляющиеся»²⁰⁶. В 20 ч 40 мин специальное разъяснение (телеграмма № 14/м) было направлено Л.Д. Троцким и одним из членов коллегии Наркоммора РСФСР²⁰⁷ в Новороссийск И.И. Вахрамееву: «Так как срок немецкого ультиматума истекает 14 июня, так как флот защищать себя не в силах, то единственным исходом является своевременное уничтожение судов. Ввиду германского ультиматума правительство сочло себя вынужденным формально согласиться на возвращение судов в Севастополь. В этом смысле вам будет послан [не]зашифрованный телеграфный приказ. Но вы обязуетесь его не исполнять и считаться только с отданными ранее предписаниями и с настоящей телеграммой. Флот должен быть уничтожен. Моряки обязаны понять, что правительство решается на эту страшную меру только потому, что другого исхода нет»²⁰⁸. Незашифрованный телеграфный приказ о переводе находившихся в Новороссийске судов Черноморского флота в Севастополь был подписан В.И. Лениным в тот же день²⁰⁹.

Поздним вечером 10 июня получившие инструкции из Москвы И.И. Вахрамеев и Н.П. Авиллов-Глебов немедленно отправились на линкор «Воля», где устроили совещание с А.И. Тихменёвым и флагманами. Большевистские представители не добились от командующего и флагманов приведения приказа в исполнение «до получения открытого приказа», который мог «вызвать недоразумение и породить брожение в командах»²¹⁰. Воспылав деланным демократизмом (подлинный кадровым офицерам военно-морского флота был чужд), Тихменёв и флагманы отказались предпринимать что-либо «без предварительного мнения команд»²¹¹.

10 июня или утром следующего дня (документальные данные об этом событии в распоряжении исследователей отсутствуют) в Новороссийске состоялось делегатское собрание по поводу полученного ленинским правительством германского ультиматума о возвращении судов из Новороссийска в Севастополь к 19 июня²¹². По свидетельству В.К. Жукова, Н.П. Авиллов-Глебов «прочёл все телеграммы в порядке их получения, кроме последней (№ 14/м. – С.В.), воздержавшись от её оглашения по тем соображениям, что совершенно секретный документ исключительной важности не подлежит оглашению на многоядном собрании»²¹³. Этого-то и дожидался А.И. Тихменёв, видимо уже решивший для себя, что он поведёт флот сдаваться в Севастополь. А.И. Тихменёв тут же «уличил» Н.П. Авиллова-Глебова в том, что он скрыл от собравшихся «самую главную телеграмму»²¹⁴. Н.П. Авиллов-

Глебов, возразив, что «по характеру телеграммы её не следует сейчас оглашать»²¹⁵, фактически расписался в правоте А.И. Тихменёва. Тот, «прикрывшись маской фальшивого демократизма [...] громогласно заявил собранию, что комиссар флота почему-то скрыл ещё одну, самую важную телеграмму, но что он не намерен ничего скрывать от флота»²¹⁶. Естественно, собравшиеся заставили Н.П. Авиллова-Глебова ознакомить их с документом, который большевистские комиссары по дипломатическим соображениям тщательно скрывали, а прочитанный «без осторожной и предварительной подготовки» текст телеграммы произвёл «потрясающее впечатление»²¹⁷. Противники потопления флота активизировались и обвинили И.И. Вахрамеева и Н.П. Авиллова-Глебова в перекладывании ответственности с плеч большевистского руководства на демократические слои Черноморского флота: «Эти предатели хотят свалить на нас вину за потопление флота, хотят поставить нас вне закона»²¹⁸. За политику Ленина призвали к ответу его новороссийских проконсулов.

Дебаты были бурными, однако большинство собравшихся всё же проявило политическую зрелость. При голосовании 79 делегатов высказались за потопление флота, 29 – против, 28 – воздержались²¹⁹ (по другим данным, «решение прошло большинством 76 голосов против 20 при 8 воздержавшихся»²²⁰). Так или иначе, решение окончательным не стало, поскольку делегатское собрание не пожелало взвалить на собственные плечи бремя ответственности и вынесло вопрос на референдум всех судовых команд²²¹.

В 8 ч вечера делегаты разъехались по своим кораблям, на которых были срочно собраны команды. В 12 ч ночи на 12 июня делегатское собрание Черноморского флота собралось вновь и выяснило: «...подавляющее большинство команд настаивает на том, что в Севастополь не идти, флот не топить, а в случае наступления немцев сражаться до последней возможности и лишь только при явной невозможности отстоять флот – его затопить»²²². В.К. Жуков написал, что общefлотское собрание фактически не пришло к единому мнению: «Голоса разбились на три категории: 700 человек стояло за продолжение борьбы с немцами в Новороссийске до последней возможности, 600 – за потопление и 600 – воздержавшихся. Общее положение и содержание полученных директив для команд было совершенно ясно. Открыто за поход в Севастополь не было ни одного голоса»²²³, однако отсутствие единого мнения давало возможность для реализации задуманного А.И. Тихменёву.

Уполномоченные ленинского правительства И. И. Вахрамеев и Н. П. Авилов-Глебов доложили Совнарком: «Выполнить поручение было невозможно. Делегатское собрание вынесло предварительное решение о затоплении. Собрания команд решили в Севастополь не идти, а сражаться в Новороссийске. Наше влияние было решающим на делегатском собрании, на общих ничего сделать было нельзя. Началась травля и усилилась после получения нешифрованного радио о выходе в Севастополь. Узнали, что Тихменёв в последнюю минуту согласился идти в Севастополь. В самые решающие минуты нам активно мешали представители Кубани и оказали решающее (так в тексте. – С.В.) отрицательное влияние»²²⁴. Сочтя своё задание проваленным, Н. П. Авилов-Глебов и И. И. Вахрамеев не нашли ничего лучшего, как выехать за инструкциями в Царицын²²⁵ и вложить противникам ленинской политики в руки серьёзный козырь в дискуссиях с оппонентами: «Вот вам и гарантия, что вас не отдадут немцам за потопление флота: от кого вы её теперь получите?»²²⁶

12 июня М. П. Саблин отправил из Москвы А. И. Тихменёву телеграмму с более чем реалистичным взглядом на сложившуюся военно-политическую ситуацию: «Внести по международной обстановке изменения в принятые решения не представляется возможным»²²⁷. В тот же день, 12 июня, на Таманском полуострове высадился дополнительный усиленный немецкий десант: 2,5 тыс. человек, 30 орудий, 150 пулемётов и 4 аэроплана – как водится, якобы в ответ на «десант кубанских войск под Таганрогом»²²⁸. Впрочем, германское командование сочло целесообразным отложить наступление на Новороссийск до решения вопроса о судьбе Черноморского флота²²⁹.

Вечером 12 июня И. И. Вахрамеев и Н. П. Авилов-Глебов прибыли в Екатеринодар и отправились в ЦИК Кубано-Черноморской Советской Республики для проведения совещания о судьбе Черноморского флота. Заседание ЦИК Кубано-Черноморской республики продолжалось всю ночь и окончилось только к 10 ч утра 13 июня. Большинство, как и следовало ожидать, высказалось против потопления, объясняя свою позицию тем, что Кубанская республика осталась бы совершенно беззащитна с моря в случае высадки немецкого десанта. В. К. Жуков констатировал, что ЦИК Кубано-Черноморской Советской Республики, позиционируя себя как «полноправное правительство Кубани», не признал себя обязанным подчиняться распоряжениям «центрального правительства»²³⁰.

13 июня В. И. Ленин узнал, что командование Черноморского флота не выполнило решение о по-

топлении флота, и телеграфировал в Царицын И. В. Сталину или А. Г. Шляпникову предложение немедленно выехать в Новороссийск, чтобы добиться скорейшего «исполнения флотом приказа правительства»²³¹. Глава правительства подчеркнул: «Если приказ правительства не будет исполнен флотом без малейшего промедления, то неизбежно германское наступление и взятие германцами Новороссийска – таков точный и определённый германский ультиматум»²³². Несомненно, вождь большевиков предпочёл бы, чтобы в Новороссийск отправился наводить порядок И. В. Сталин, который нашёл бы способ добиться уничтожения Черноморского флота без дальнейших разговоров. Однако И. В. Сталин, как он впоследствии уведомил В. И. Ленина, «послал туда (в Новороссийск. – С.В.) вместо себя» А. Г. Шляпникова²³³, тем более что разделительный союз «или» вполне позволял ему даже не нарушать букву ленинской директивы. Если Ф. Ф. Раскольников ничего не напутал в своих воспоминаниях, И. В. Сталин «послал» решать вопрос А. Г. Шляпникова, лично настроенного «против потопления Черноморского флота»²³⁴. Так или иначе, имея весьма предметные представления о сталинских «капризах», В. И. Ленин не ограничился попыткой отправки в Новороссийск эмиссаров Совнаркома.

13 июня, не ранее 23 ч 10 мин, и.о. командующего Черноморским флотом А. И. Тихменёву (копии были направлены председателю делегатского собрания в Новороссийске Миткевичу и главному комиссару Черноморского флота Н. П. Авилову-Глебову) полетела шифрованная телеграмма № 49 руководителей Советского государства и «рабоче-крестьянского» правительства с распоряжением немедленно потопить корабли Черноморского флота в Новороссийске и не выполнять радиogramму № 48²³⁵ от 12 июня 1918 г. о возвращении флота в Севастополь²³⁶:

«Вести особую политику против воли [Всероссийского] Центрального Исполнительного Комитета флот не имеет права. Флот в Новороссийске отстоять себя не может. Следовательно, из положения есть только два выхода: либо уничтожить флот, либо перевести его в Севастополь (в лапы германского империализма. – С.В.). Агитаторы, которые при этих условиях говорят о боевых действиях флота, – либо безумцы, либо провокаторы. Германские военные власти хотят вызвать флот на какую-то авантюру, чтобы занять Новороссийск, как они заняли Севастополь. Тогда они овладеют флотом по праву войны и будут употреблять его против нас и против союзников.

Ответственность за это падёт на головы безумцев и преступников, не считающихся с общим положением страны и её [вооружённых]²³⁷ сил.

Подтверждаем приказ: немедленно уничтожить суда. В противном случае флот будет объявлен вне закона. Требуем своевременного уничтожения всех секретных телеграмм и инструкций матросам, дабы не достались немцам. Открытое радио за № 48 не выполнять.

Председатель ЦИК Свердлов
Председатель СНК Ленин
Нарком Троцкий»²³⁸.

Документ был выявлен научными сотрудниками Центрального государственного архива Военно-морского флота, расшифрован капитаном 2-го ранга А. И. Киселёвым и впервые частично опубликован в журнале «Вопросы истории»²³⁹. Впоследствии более полный текст документа неоднократно публиковался²⁴⁰, однако в ряде как советских, так и постсоветских²⁴¹ изданий опущена последняя подпись – Л. Д. Троцкого. Документ был известен как «радиограмма Председателя Совнаркома В. И. Ленина и Председателя ВЦИК Я. М. Свердлова»²⁴².

На документе имелись пометы: «Повторить 14 июня», «Повторение 14 июня, [в] 14 ч 30 мин»²⁴³. Судя по всему, на другом экземпляре документа²⁴⁴ – более позднее пояснение: «Открытая радиограмма № 48 была дана 12 июня 1918 г. из дипломатических соображений. В ней флоту было предписано возвратиться в Севастополь, т.к. невыполнение этого требования Советской Республики дало бы повод Германии нарушить Брестский мирный договор и возобновить наступление»²⁴⁵. А. И. Козлов подчеркнул в своей монографии: приказ «предназначался для дезинформации противника, тщательно следившего за эфиром и занимавшегося радиоперехватом»²⁴⁶.

Наконец, также не позднее 23 ч 10 мин, В. И. Ленин, но не один, а вместе с Л. Д. Троцким (факт подписания документа помимо вождя большевиков наркомом по военным и морским делам в советские времена не упоминали²⁴⁷, замалчивая роль в решении вопросов Черноморского флота Высшего военного совета и его председателя) отправили телеграмму персонально «Председателю делегатского собрания. Миткевичу, [в] Новороссийск. “Радио № 13 и 14 подтверждаются к немедленному исполнению»»²⁴⁸.

13 или 14 июня²⁴⁹ (А. И. Козлов считает, что всё-таки 13-го²⁵⁰) В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий²⁵¹ на-

правили приказы штабу и командующему всеми войсками Донской и Кубано-Черноморской республик о немедленном прекращении военных действий. Это следует из телеграммы И. В. Сталина и Г. К. Орджоникидзе В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому и Г. В. Чичерину, переданной в 3 ч ночи с 14 на 15 июня из Царицына и полученной в Москве в 6 ч 26 мин утра 15 июня: «Ночью с 14-го на 15-е в 2 ч я с Орджоникидзе говорили по прямому проводу со штабом главнокомандующего войсками Донской и Кубано-Черноморской (так в документе. – С. В.) области. Выяснилось, что штаб и главнокомандующий получили приказ Ленина и Троцкого о немедленном прекращении военных (так в документе, следует – боевых. – С. В.) действий и выехали на фронт 14-го ночью для проведения в жизнь упомянутых приказов. Мы повторили штабу содержание приказов, сообщили ультиматум немцев и срок ультиматума, сказали, чтобы в случае противодействия со стороны ЦИК Кубани штаб не считался с ним. Мы ни на минуту не сомневаемся, что военные действия будут приостановлены, можете не сомневаться, что налаживающееся перемирие *не будет сорвано также флотом* (курсив наш. – С. В.) – итак, действуйте решительно в духе ваших приказов»²⁵².

14 июня против уничтожения Черноморского флота высказались в телеграмме Высшему военному совету военный комиссар Северокавказского военного округа большевик К. Я. Зедин и военный специалист, врид военного руководителя округа, белогвардейский агент в Красной Армии А. Л. Носович: «...самосдача наших судов поднимет дух наступающих, окончательно дезорганизует последнюю возможность оказывать сопротивление, т.к. даст огромную пищу провокации, обнажит тыл Черноморского Кубанского фронта и тыл Кубанского, что продолжение нашей борьбы с потерей Новороссийска сделает невыносимым. Даст ещё более энергии отрядам, оперирующим против нас на Дону. При невыполнении командами приказа о переходе в Севастополь создаётся сложная политическая обстановка, но гораздо более благоприятная для обороны страны [от внутренних врагов]. До получения ваших срочных распоряжений будем употреблять все усилия для защиты Новороссийска с суши [...]. Подтверждаем: сдача флота – верная потеря последних шансов на успех обороны»²⁵³.

Если «мичман» Ильин (Ф. Ф. Раскольников) ничего не напутал в своих «рассказах», то не 9 июня, как утверждают составители биографии вождя мировой революции²⁵⁴, а 15 июня его вызвал В. И. Ленин²⁵⁵.

Эту же дату (15 июня) назвал в биографическом очерке о Ф.Ф. Раскольникове В.К. Архипенко²⁵⁶. Председатель Совнаркома рассказал об очередном телеграфном послании А.А. Иоффе, в котором последний сообщил об ультимативном требовании германского правительства перевода Черноморского флота из Новороссийска в Севастополь не позднее 18 июня²⁵⁷. В случае оставления флота в Новороссийске германцы грозили оккупировать город²⁵⁸. По словам В.И. Ленина, в Новороссийске дела шли «плохо»: «Вахрамеев и Глебов-Авиллов телеграфируют, что потопление Черноморского флота встречает неслыханное сопротивление со стороны части команд и всего белогвардейски (так в тексте. – С.В.). Но увести флот в Севастополь – это значит подарить его германскому империализму»²⁵⁹. Во избежание захвата Германией Черноморского флота Ленин подчеркнул необходимость потопить его «во что бы то ни стало»²⁶⁰. В.И. Ленин приказал Ф.Ф. Раскольникову «сегодня же выехать в Новороссийск»²⁶¹. Поскольку командировка не обещала быть лёгкой (между Козловым и Царицыном, по его признанию, было «неспокойно»²⁶² вследствие активизации донских казаков), В.И. Ленин предписал Ф.Ф. Раскольникову обязательно захватить с собой пару вагонов с матросами и пулемётом²⁶³. Текст мандата был стандартным для тех, кого отправляли на юг России: всем гражданским, военным и ж.-д. организациям предписывалось оказывать Раскольникову всяческое содействие²⁶⁴. В автобиографии, опубликованной в издании «Гранат», Раскольников указал, что поручение Совнаркома было «секретным»²⁶⁵, сомневаться в чём не приходится. Перед отъездом Ф.Ф. Раскольников захватил в Морской генеральный штаб, где В.М. Альфатер вручил ему «толстый переплетённый код с длинной бумажной лентой перешифрованных таблиц»²⁶⁶. По пути, который занял свыше двух суток, Ф.Ф. Раскольников был вынужден заехать в Царицын к И.В. Сталину, отметившему в разговоре с ним ошибку И.И. Вахрамеева, который в Новороссийске отнюдь не сразу рассказал руководству Кубано-Черноморской Советской Республики о настоящей цели своей командировки. «Эта ультраконспирация никуда не годится»²⁶⁷, – констатировал Сталин и посоветовал Раскольникову «проездом через Екатеринодар непременно повидать местных руководящих товарищей, ознакомить их с целью [...] поездки»²⁶⁸.

16 июня в 1 ч 21 мин начался малоприятный разговор по прямому проводу наркома по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерина (Москва) и военного руководителя Высшего военного совета бывшего генера-

ла М.Д. Бонч-Бруевича (г. Муром – место дислокации Высшего военного совета и его Штаба). Наркоминдел начал с главного: «Вопрос о флоте в центре всей акции германской дипломатии»²⁶⁹. Более того, «все дальнейшие переговоры, все возможные соглашения поставлены в зависимость от этого пункта»²⁷⁰. Бонч-Бруевич полагал, будто бы «у нашего флота выхода два: пойти на дно, не дожидаясь атаки, или погибнуть в бою. Совет Народных Комиссаров, посылая в Новороссийск Вахрамеева, избрал первое. А по [...] непроверенным слухам, личный состав флота желает оказать сопротивление»²⁷¹. Г.В. Чичерин констатировал: «Мысль о том, чтобы Черноморский флот погиб в бою [...] – это самая несчастная мысль, ибо она будет стоить дорого нам. Это будет означать срыв всех соглашений и всех переговоров и, может быть, немедленную общую катастрофу. Надо всеми силами против этого бороться»²⁷². В ответ генерал старой армии фактически расписался в беспомощности Штаба Высшего военного совета: «Мысль не отдавать флот германцам без боя принадлежит не Высшему [военному] совету, а самому Черноморскому флоту, вопреки постановлению Совета Народных Комиссаров. Что касается Новороссийска, то из телеграммы для меня ясно, что кубанцы не желают отдавать его немцам. Военное командование в своём распоряжении войск не имеет, потому что армия ещё не сформирована, сейчас почин военных действий целиком находится в руках Черноморско-Кубанской (так в тексте, следует: Кубано-Черноморской. – С.В.) республики. От Финского залива до Воронежа военное командование может рассчитывать на исполнение своих приказов, а дальше до самого Ростова и Новороссийска действуют не войска, а местное население, само собою управляющееся, и только местами удаётся брать дело в свои руки»²⁷³. Данную тенденцию только предстояло переломить в ходе упорной и систематической работы НКВД РСФСР по приведению к порядку местных советов (1918 – начало 1919 г.) и Секретариата ЦК РКП(б) по расстановке и перестановке кадров в местных партийных организациях (1918–1922 гг.)²⁷⁴. Кстати сказать, М.Д. Бонч-Бруевич не только не мог повлиять на руководство Кубано-Черноморской республики и верхушку Черноморского флота: он в целом весьма скверно представлял себе реальное положение дел на флоте, который фактически перестал представлять собой боевую единицу²⁷⁵.

16 июня утром и.о. командующего Черноморским флотом А.И. Тихменёв собрал делегатское собрание, которое началось с внеочередного заявления предста-

вителей судовых комитетов кораблей «Воля» и «Свободная Россия» о бегстве за минувшую ночь с кораблей свыше 200 человек и о том, что указанные корабли представляли собой «железные коробки, лишённые какой бы то ни было боеспособности»²⁷⁶. А. И. Тихменёв, как и М. П. Саблин, не желал возложить на свои плечи груз ответственности за уничтожение судов, а потому, как указал в своих заметках В. А. Кукель, «после подробного изложения всем уже известного печального материального состояния флота (не коснувшись совсем [морального состояния] личного состава) и стратегической обстановки заявил, что он видит только два выхода из создавшегося положения, а именно: или потопить флот до срока ультиматума, т.е. самое позднее в ночь с 17-го на 18-е (считая сутки на переход в Севастополь), или идти в Севастополь в тот же срок»²⁷⁷. А. И. Тихменёв предложил делегатам разехаться по своим кораблям, срочно созвать команды и поставить вопрос на референдум команд. Как и следовало ожидать, референдум ясности не внёс. По одним данным, за переход флота в Севастополь было подано 939 голосов, за потопление – 640, остальные воздержались²⁷⁸, по другим данным, за переход в Севастополь проголосовало свыше 500 человек, за потопление – около 450 человек, а воздержалось или захотело «сражаться до последнего снаряда» более тысячи голосовавших²⁷⁹. По справедливому замечанию А. И. Козлова, сколь бы ни были «разноречивы эти данные, они не оставляли сомнений в том, что чуть ли не три четверти моряков выступили против перевода кораблей в Севастополь»²⁸⁰. А. И. Тихменёв, когда до его сведения довели результат «всеобщего волеизъявления» флота, «заявил, что, так как им уже было сказано, что третьих и т.д. решений он не принимает, он считает, что большинство высказалось за уход в Севастополь, а посему приказывает готовиться к походу»²⁸¹. Против высказался В. А. Кукель, его поддержали командиры трёх кораблей и несколько большевиков – комиссар и матросы, однако А. И. Тихменёв остался непреклонным в своём решении, поскольку искренне надеялся, что после окончания Первой мировой войны «флот будет возвращён России»²⁸². Именно России, а не РСФСР, поскольку за спиной у большевиков и других революционеров А. И. Тихменёв успел, если верить В. К. Жукову, проконсультироваться с атаманом П. Н. Красновым, чьё мнение полностью совпало «с его собственным»²⁸³.

В биографической хронике вождя большевиков говорится о том, что 16 июня ранее 16 ч 40 мин «Ленин»²⁸⁴ подписал телеграмму ВЦИК и СНК в Екатерино-

дар Центральному исполнительному комитету Советов Кубано-Черноморской республики с категорическим требованием «полного подчинения приказам Центральной Власти» относительно Черноморского флота. Однако обращение к подлиннику из личного фонда В. И. Ленина позволяет выяснить, что документ подписала та же самая тройка, что и телеграмму от 13 июня: «Председатель ЦИК Свердлов, Председатель Совнаркома Ленин, Наркомвоенмор Троцкий»²⁸⁵. Более того, весь документ представляет собой автограф Я. М. Свердлова.

16 июня в 20 ч 10 мин начальник Морского генерального штаба Е. А. Беренс направил А. И. Тихменёву радиограмму с требованием о немедленном уничтожении кораблей: «Как ответственные перед историей руководители флота, так и высшие морские авторитеты (адмирал явно надеялся списать перед судом Истории вину за потопление флота на большевиков. – С. В.) вполне солидарны в необходимости при данных условиях уничтожить все суда в Новороссийске без промедления, о чём вам неоднократно указывалось. Если флот в Новороссийске не сумеет принять *этого героического решения* (курсив наш. – С. В.), которое одно является правильным, и попадёт целым в руки немцев в Новороссийске или в Севастополе, то ответственность за это ляжет исключительно на тех именно лиц, кои препятствуют уничтожению судов. Они будут покрыты позором перед всей страной и революцией, как [лица] малодушные и предатели»²⁸⁶. А. И. Тихменёв разделял точку зрения Москвы, однако был убеждён: «...теперь уже поздно что бы то ни было предпринимать»²⁸⁷. К тому же, не зная «достаточно хорошо» настроение флота «в целом», он попросту опасался отдать приказ о потоплении судов. Командующий Черноморским флотом допускал, что, получив приказ о потоплении судов от офицеров, команды попросту вышвырнут их «за борт»²⁸⁸.

16 июня в Екатеринодаре состоялось заседание ЦИК Кубано-Черноморской Советской Республики, на котором обсуждался вопрос о выводе боевых судов Черноморского флота из Новороссийска в Севастополь, согласно предложению центра²⁸⁹. На заседании присутствовали, с одной стороны, делегация от Черноморского флота, с другой – А. Г. Шляпников, И. И. Вахрамеев и Н. П. Авилов-Глебов, которые встретились накануне вечером на станции Торговая (Шляпников, доказав, что он отнюдь не случайно руководил большевистской партией в России на момент Февральской революции²⁹⁰, убедил Вахрамеева и Авилова-Глебова поехать с ними обратно)²⁹¹.

Левозеро́вская фракция ЦИК Кубано-Черноморской Советской Республики предложила проект резолюции, в котором подчёркивала: «Исполнение приказа Всероссийского Совнаркома о затоплении в Новороссийской бухте судов Черноморского флота нанесло бы страшный удар всему делу защиты фронта Кубано-Черноморской Советской Республики, т.к. без существования флота защита фронта представляется совершенно немыслимой и невозможной»²⁹². Фактически в проекте резолюции содержался призыв к руководству Кубано-Черноморской Советской Республики проводить в случае с Черноморским флотом политику, шедшую вразрез с политикой ленинского Совнаркома: «Центральный исполнительный комитет Кубано-Черноморской Советской Республики отчётливо представляет себе необходимость координации своих действий с Всероссийской Советской Властью, но если последняя по своим соображениям вынуждена идти по пути, неприемлемому для Советской Власти на Кубани и Черноморье, Центральный исполнительный комитет последней видит свой долг в самостоятельной организации защиты Кубано-Черноморской Советской Республики, охраняя права и интересы трудового населения этой части Федеративной России»²⁹³. Руководство Кубано-Черноморской Советской Республики призывалось «употребить все силы и средства, находящиеся в её распоряжении, в т.ч. и Черноморский флот должен принять участие в обороне республики, действуя по указаниям Центрального исполнительного комитета Кубано-Черноморской Советской Республики»²⁹⁴.

Как сообщалось в заметке «Историческое заседание ЦИК» в газете екатеринодарских левых эсеров «Знамя борьбы», «мнения по вопросу резко расходились»: «Лидеры большевиков остались верны себе, и, несмотря на преступность выполнения этого приказа [...] высказались против обсуждения вопроса по существу, а лишь о времени выполнения. Фракция левых социалистов-революционеров определённо высказалась за невыполнение распоряжения. Многие рядовые члены фракции большевиков разделяли взгляды [левых эсеров] и, несмотря на партийную дисциплину, не захотели подписать смертный приговор боевым судам, – они оставили заседание»²⁹⁵. 16 голосами большевиков против 10 голосов левых эсеров прошла резолюция большевистской фракции, в которой говорилось, что ЦИК Кубано-Черноморской Советской Республики, будучи органом власти части РСФСР, «считает для себя обязательным подчиниться всем директивам и распо-

ряжениям Центрального Советского Всероссийского Правительства», а потому ЦИК «не считает возможным по вопросу о флоте принимать те или другие решения, независимо от Центральной Власти»²⁹⁶. Утром 17 июня, не дожидаясь приезда Ф.Ф. Раскольников, о котором их любезно уведомил по телеграфу И.В. Сталин, И.И. Вахрамеев и Н.П. Авилов-Глебов, уверовавшие наконец в возможность исполнения предписания Москвы, выехали вместе с делегатами Черноморского флота в Новороссийск, уговорив А.Г. Шляпникова «остаться в Екатеринодаре ввиду опасности путешествия»²⁹⁷.

Ф.Ф. Раскольников написал в своих воспоминаниях, что 17 июня он якобы уговорил «скрепя сердце»²⁹⁸ признать необходимость потопления Черноморского флота Совнарком Кубано-Черноморской Советской Республики во главе с А.А. Рубиным, т.е. местный совнарком не подчинился принятому накануне решению местного ЦИК. В принципе, с учётом фактической независимости ленинского Совнаркома от ВЦИК, в это заявление, в соответствии с которым Совнарком Кубано-Черноморской Советской Республики считал для себя необязательным постановление Центрального исполнительного комитета той же самой республики, вполне можно поверить.

После того как ЦИК и СНК Кубано-Черноморской Советской Республики согласились исполнить приказание, полученное из Москвы, судьба Черноморского флота была практически решена, поскольку теперь всё зависело исключительно от самого флота.

В ночь на 17 июня в Москве Г.В. Чичерин написал текст телеграммы В.И. Ленину И.В. Сталину (весь документ, включая подпись – автограф наркома по иностранным делам): «Сталину. Приказы, посланные флоту в Новороссийск, должны быть безусловно выполнены. Надо объявить, что за неисполнение их моряки будут объявлены вне закона. Надо во что бы то ни стало помешать безумной авантуре. Почему Шляпников не поехал? Почему Вахрамеев <убежал>, уехал, не сделал ничего? Где Раскольников? Непременно должен поехать влиятельный товарищ, чтобы справиться с сопротивляющимися. Обещание, которое Иоффе дал Кюльману²⁹⁹ от нашего имени, должно быть безусловно исполнено. Ленин»³⁰⁰. Текст был передан адресату по прямому проводу в 0 ч 45 мин³⁰¹. Нет ни малейшего сомнения, что автор текста – вождь большевиков, однако автограф Чичерина свидетельствует: документ стал итогом совещания главы правительства с наркомом по иностранным делам. В.И. Ленин ещё не знал, что И.В. Сталин «послал» в Новороссийск А.Г. Шляпникова, который и выехал сразу же после получения послания от 13 июня.

В ночь на 17 июня в Новороссийске «продолжалась невероятная суматоха. Часть команд, которая в последний момент согласилась идти в Севастополь, перегружалась на “Волю”, большинство же, отказавшееся от похода и от участия в потоплении, массами грузилось в эшелоны со всем, что только можно было унести. Настроение у многих матросов было подавленное. Население, узнавшее, что часть судов готовится к потоплению, массами высыпало на набережную, некоторые с целью воспрепятствовать этому, а другие – просто пограбить бросаемые суда или купить за бесценок вещи у матросов. Дезертирству поддались не только команды, но и офицерство некоторых судов. Так, бежал в Керчь, устроившись на моторе, командир миноносца “Фидониси” старший лейтенант Мицкевич со всем почти офицерским составом, бросив на произвол судьбы свой корабль»³⁰².

Утром 17 июня старший лейтенант В. А. Кукель, получивший приказ А. И. Тихменёва идти в Севастополь, отправился с делегатского собрания на свой миноносец «Керчь». В 8 ч утра он собрал команду, заявил, что приказ исполнять не будет, и призвал «команду исполнить свой долг – помочь затоплению кораблей»³⁰³. Команда поддержала В. А. Кукеля, постановив исполнять все его единоличные приказания «беспрекословно»³⁰⁴. Команда также обязала судовой комитет содействовать всем распоряжениям Кукеля³⁰⁵. Это решение одобрили и подтвердили многие из команд других судов³⁰⁶.

17 июня около 11 ч утра был поднят сигнал «пол-II», а затем «пол-I»³⁰⁷. Это А. И. Тихменёв отдал приказ о выходе в Севастополь. На сигналы ответили «Свободная Россия», «Воля», эскадренные миноносцы «Дерзкий», «Беспокойный», «Пылкий», «Громкий», «Поспешный», «Жаркий» и «Живой». Проигнорировали преступный приказ эскадренные миноносцы «Керчь», «Пронзительный», «Гаджибей», «Калиакрия», «Фидониси», «Капитан[-лейтенант] Баранов», «Лейтенант Шестаков», «Сметливый» и «Стремительный»³⁰⁸. Решение и.о. командующего не изменила даже телеграмма его личного друга М. П. Саблина, завершавшаяся констатацией того факта, что «уход в Севастополь – позор»³⁰⁹. Выход судов «угнетающе действовал на команды оставшихся судов – многие плакали, были случаи истерики, и раздавались истеричные выкрики: “Они оставили нас”, “Они самовольно предают себя в руки врагов”, “Они опозорили нас”, “Лучше погибнуть с кораблём, чем сдаться” и т.д.»³¹⁰. Когда корабли уходили из Новороссийска, на мачтах оставшихся кораблей был поднят сигнал: «Судам, идущим в Севастополь:

позор изменникам России»³¹¹. Следует заметить, что в Севастополь пришли не все вышедшие из Новороссийска: один из миноносцев команда всё же затопила по дороге³¹². Впоследствии комиссар миноносца «Лейтенант Шестаков» большевик С. М. Лепетенко – один из тех, кто поддержал В. А. Кукеля в его «дебатах» с А. И. Тихменёвым³¹³, справедливо написал: «Много было проклятий по адресу моряков, уведших эти суда в Севастополь, не меньше их будет и от молодых поколений моряков»³¹⁴. По воспоминаниям управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича, возмущению В. И. Ленина «не было пределов, когда он получил сведения [...] об отплытии части эскадры из Новороссийска в Севастополь к немцам... Жаль, говорил В. И. Ленин, что наши сплеховали и не открыли огонь по уходящим в Севастополь! Обязательно надо бы их расстрелять и потопить... Мерзавцев, изменников, предателей нельзя было упускать!»³¹⁵

Е. А. Беренс не зря упрекал А. И. Тихменёва в малодушии: как отметил в своих записях В. А. Кукель, 17 июня около 12 ч дня состоялся митинг команд оставшихся судов, пославший делегацию к командующему (к этой делегации присоединилась и другая – «от местного населения с тем же намерением») «с просьбой не идти в Севастополь, но командующим делегация принята не была»³¹⁶.

Днём 17 июня к командиру эсминца «Керчь» В. А. Кукелю зашёл флагманский инженер-механик штаба командующего Черноморским флотом генерал-майор В. Ф. Берг, который относился к части чинов штаба командующего, не пожелавшей идти в Севастополь вместе с командующим. Понимая, что «Керчь» будет играть главную роль в предстоящем потоплении оставшейся в Новороссийске части флота, Берг «со слезами на глазах» убеждал Кукеля «топить корабли как следует и советовал привести их в большую негодность, подложив под турбины и главные машины у угольных миноносцев подрывные патроны»³¹⁷.

Следствием тотального ощущения близкого краха стал тот факт, что от боевого духа Черноморского флота не осталось и следа. «День 17 июня проходит в кошмарном состоянии духа, – констатировал В. А. Кукель в своих воспоминаниях, – повальное бегство с кораблей и расхищение судового имущества»³¹⁸. Сумевшие сохранить хладнокровие офицеры оказались бессильны исправить совершенно безнадёжное положение.

Поздним вечером В. А. Кукелю стало окончательно ясно, что бремя руководства затоплением Черноморского флота легло на его плечи³¹⁹ (его с ним, правда, отчасти

разделит командир линейного корабля «Свободная Россия» В.М. Терентьев³²⁰, хотя действия последнего оцениваются в источниках и литературе неоднозначно³²¹), однако вследствие «полного хаоса, который творился на кораблях, и присутствия на рейде судов, решивших идти в Севастополь, от которых всё можно было ожидать, о выводе судов на глубокую воду раньше утра не могло быть и речи»³²².

Все авторы опубликованных в 1920-е – начале 1930-х гг. полумемуарных книг о судьбе Черноморского флота в 1918 г. утверждают, что явление Ф.Ф. Раскольникова якобы серьёзно облегчило потопление флота. По словам В.А. Кукеля (1923), приезд члена коллегии Наркомата по морским делам позволил резко изменить настроение матросских масс³²³. Ему вторил и С.М. Лепетенко (1928): явись Ф.Ф. Раскольников в Новороссийск хотя бы днём раньше, Черноморский флот удалось бы потопить полностью. Наконец, В.К. Жуков утверждал в своей книге (1931), что к 6 ч утра 18 июня в Новороссийск прибыл Ф.Ф. Раскольников, что «значительно» облегчило задачу участников потопления и изменило «настроение многих моряков, оставшихся в гавани в качестве объективных зрителей происходящего»³²⁴. Разумеется, пятью годами позднее выхода книги В.К. Жукова с предисловием Ф.Ф. Раскольникова (1936) сам Раскольников также вспомнил, что в Новороссийск он прибыл «на рассвете» 18 июня и «сразу отправился в порт»³²⁵, где начал свою масштабную разъяснительную работу. 19 июня Ф.Ф. Раскольников направил Л.Д. Троцкому, В.М. Альфатеру и Е.А. Беренсу следующее донесение: «...по приезде в Новороссийск я тот час же отправился на “Свободную Россию”, которая собиралась идти в Севастополь. После моего выступления команда единодушно решила уничтожить корабли. Уничтожение судов началось в 14 ч 45 мин. Первым взорвался миноносец “Пронзительный”. В последовательном порядке: “Калиакрия”, “Гаджибей”, “Капитан-лейтенант Баранов”, “Лейтенант Шестаков”, “Фидониси”, “Сметливый”, “Стремительный”; “Свободная Россия” была затоплена на 22-саженной глубине, в 18 ч 40 мин, четырьмя минами с миноносца “Керчь”. Перед уничтожением андреевские флаги, часть артиллерии и радиотелеграфного имущества сняты и эвакуируются. Все суда затоплены на большой глубине. Кроме того, под турбины были заложены восемнадцатифунтовые патроны. Два миноносца, по особым соображениям, были отправлены в Туапсе. Матросы и командный состав вели себя самоотверженно. Особенно отличились командир “Свободной России”

Терентьев и командир “Керчи” Кукель»³²⁶. Последним погиб его эсминец «Керчь», как раз ушедший из Новороссийска в Туапсе. Перед тем как сойти на берег, доблестные моряки направили с борта корабля радиogramму: «Всем, всем, всем! Погиб, уничтожив часть судов Черноморского флота, которые предпочли гибель позорной сдаче Германии. Эскадренный миноносец “Керчь”»³²⁷.

Несмотря на тот факт, что нельзя недооценить агитационно-пропагандистский талант и смелость Ф.Ф. Раскольникова, разъяснявшего командам, что «у нас нет иного почётного выхода, кроме потопления флота»³²⁸, заметим, что потоплением в действительности руководил не Ф.Ф. Раскольников при некотором участии В.М. Терентьева³²⁹, а В.А. Кукель при определённом участии В.М. Терентьева³³⁰. Собственно, это косвенно признал в своих «рассказах» и сам «мичман Ильин» – Ф.Ф. Раскольников³³¹. Это, впрочем, не помешало тому, что верными соратниками Ф.Ф. Раскольникова в годы Гражданской войны стали с июня 1918 г. военно-морской специалист В.А. Кукель и большевик С.М. Лепетенко³³².

В любом случае, 18 июня на рейде Новороссийска была «потоплена своими командами половина Черноморского флота бывшей императорской России»³³³.

* * *

Ленин со товарищи сделали всё, с одной стороны, для обеспечения мирной передышки и перерастания «войны империалистической в войну гражданскую», а с другой – для сохранения военно-морских сил на Чёрном море, однако необходимость мирной передышки настойчиво диктовала уступки в важных для Советского государства вопросах. Книга В.К. Жукова и оригиналы документов из РГАСПИ свидетельствуют, что ключевые решения о судьбе Черноморского флота были приняты после серьёзного ознакомления с докладами военных специалистов из Штаба Высшего военного совета и Черноморского флота, вопреки распространённым в историографии утверждениям, всеми тремя лидерами ЦК РКП(б): В.И. Лениным, Я.М. Свердловым и Л.Д. Троцким (в условиях нахождения И.В. Сталина на руководящей военно-организаторской и продовольственной работе в Царицыне) – и то после преодоления сопротивления временных попутчиков большевиков во власти – левых эсеров. Наряду с другими жизненно важными для советской власти проблемами (Гражданской войной в деревне, против которой выступила Партия левых социалистов-революционеров) именно решение вопроса

о Черноморском флоте настоятельно потребовало от большевистского руководства отказа от дальнейшего союза с левыми эсерами, имевшего место на протяжении мая – июля 1918 г., т.е. с момента повсеместного разоружения левозсеровских отрядов и использования государственного аппарата для выкачки хлеба из деревни и до резолюции 5-го Всероссийского съезда Советов об исключении из ВЦИК и местных советов всех левых эсеров, которые солидаризируются с Центральным комитетом своей партии, санкционировавшим т.н. Левозсеровский мятеж 6–7 июля 1918 г.). «Рука Москвы» ещё не успела взять за горло весь юг – даже советский, поэтому окончательное решение принимали в Екатеринодаре и в самом Новороссийске. Как это ни парадоксально, исполнить приказание «центральной власти» позволила измена А.И. Тихменёва. Столь тяжёлую ношу имел мужество взвалить на свои плечи старший лейтенант флота В.А. Кукель. Считаю это важным фактом для изучающих тему «Военные специалисты на службе Республики Советов».

Формально военно-политических альтернатив в 1918 г. было много, однако в данном случае иных вариантов развития событий не просматривается. Опубликованные источники, документы ЦГА Москвы и РГАСПИ свидетельствуют о том, что реальная возможность спасения Черноморского флота после заключения Брестского мира действительно отсутствовала. Как большевистским руководством, так и командованием Черноморского флота было сделано всё для спасения флота, более того – вернее было бы уничтожить флот целиком, дабы он не достался Германии и нашим бывшим союзникам. В конечном итоге «брестская передышка» себя оправдала, поскольку большевикам удалось справиться и с интервенцией союзников и в достаточно короткие сроки восстановить вначале вооружённые силы, а затем и военно-морской флот.

* * *

Публикуемый в приложении документ отложился в фонде автобиографий деятелей революционного движения, целенаправленно собранных Институтом истории партии при МК и МКГ ВКП(б) – КПСС (ЦГА Москвы. Ф. П-8654). Данная автобиография содержит ценные сведения по истории большевистской организации в Севастополе, о взаимоотношениях военно-морских специалистов и их политических контролёров на Черноморском флоте, о судьбе Крыма и Украины.

Приложение

Автобиография старого большевика В.В. Роменца

29 октября 1957 г.

Краткая автобиография
Роменец Василия Васильевича,
члена ВКП(б)³³⁴ с августа 1917 г.,
партбилет № 0925261*

Родился я 1 января 1886 г. в г. Кролевец Черниговской губ. (теперь Сумская обл.). Отец мой рабочий-каменщик, мать ткачиха. Отца 83 лет деникинская банда повесила в 1919 г. По национальности я украинец.

Сам я рабочий: вначале ткач, каменщик, а потом счетоводство и письмоводство в Кролевецком казначействе.

[С] 7 лет до 18 лет я учился вначале в церковно-приходской школе, потом [в] земской, а затем в Кролевецком городском трёхклассном училище, которое окончил на отлично.

Революционная моя работа началась ещё на заре рабочего движения, т.е. с 1903 по 1907 г. Я был максималист-террорист, с 1907 г. по апрель мес[яц] 1917 г. – анархист-коммунист³³⁵. Старой полицией и жандармерией привлекался два раза: за революционную работу, но ввиду полной конспирации в своей работе, за отсутствием улик, не судили, но находился под надзором полиции официально два года, с явкой еженедельно.

Первый раз был призван в Балтийский флот в октябре мес[яц] 1907 г., а в январе 1908 г. бежал с военной службы и скрывался в течение трёх лет. В 1910 г. был вторично призван на военную службу в тот же Балтфлот в г. Петроград и находился в Крюковских казармах 2-го Балтийского флотского экипажа, где и проходил строевую службу до присяги. После присяги был назначен в писарскую команду Генерального [штаба] и Главного морского штаба, где первый раз был арестован за нетчика³³⁶ в течение 9 дней и предан суду. До суда сидел 2 месяца в Литовской тюрьме г. Петрограда³³⁷, по суду получил 8 мес[яцев]. Такое лёгкое сравнительно наказание было вынесено в силу того, что о мне дал хорошую характеристику отец Медведь – протоиерей церкви Св. Спиридония, благодаря моему хорошему голосу. После отбывания наказания был переведён во 2-ю кадровую роту 2-го Балтийского флотского экипажа (матросом 2-й ст[атьи] в разряд

* Заголовок документа.

штрафованных), где назначался только на грязную работу по кухне, конюшням и т.д. На случай же приезда кого-либо из высочайших особ всегда изолировался или назначался в отдалённые наряды. В 1912 г. был переведён в Кронштадтский флотский полуэкипаж, где нёс ту же работу. В том же году плавал матросом на крейсере «Рюрик» и после возвращения из заграничного плавания опять был списан в Кронштадтский флотский полуэкипаж.

За невыполнение приказа ст. лейтенанта Вещицкого был предан вторично суду, но на почве психического расстройства был помещён в Кронштадтский Николаевский морской госпиталь, арестное отделение, где после трёхмесячного пребывания (суда на этой почве не было) был отпущен домой на год на поправку.

Будучи в течение года на поправке, [я] опять работал по счетоводству в Кролевецком казначействе. По истечении года военной комиссией был признан годным к продолжению военной морской службы и был направлен для окончания срока службы в Черноморский флотский экипаж, где и работал в канцелярии Черноморского экипажа сначала в звании писарского ученика, а под конец окончания службы был произведён в писаря 1-й статьи (ст. писарь) и был уволен в запас в марте мес[яце] 1914 г.

В Германскую войну 1914 г. был призван в Черноморский флот, где плавал вначале на миноносце «Стремительный» – старший писарь 6-го дивизиона миноносцев, после первого боя с крейсером «Бреслау» был списан по болезни в Севастопольский флотский полуэкипаж, где также был в том же звании в течение 5 месяцев, и был уволен в отпуск по неврастении на 6 месяцев в марте мес[яце] 1915 г. Больше на фронте империалистической войны не участвовал, получая отсрочки по болезни.

Во время нахождения в отпуску по болезни работал опять по письмоводству в Землестроительной комиссии в г. Кролевец, на родине.

Февральская революция меня застала в моём родном городе Кролевец, где я активно вёл агитационную работу за прекращение войны, там же разоружал и арестовывал полицию, команду воинского начальника. В апреле мес[яце] 1917 г. был избран первым председателем Кролевецкого Совета и вёл тогда уже большевистскую линию. В это же время вышел из состава группы анархистов-коммунистов.

Там же, в г. Кролевец, организовал революционную группу из 7 товарищей, с которыми проводил больше-

вистскую линию, где я и вступил в партию в апреле 1917 г.* По приказу военного командования Керенского подлежал аресту за неподчинение директивам Временного правительства, но [арестован не был] благодаря тому, что в нашей группе состоял членом телеграфист почтовой телеграфной конторы г. Кролевец т. Баулин, который предупредил меня о получении телеграммы на имя воинского начальника о моём аресте и обещал мне задержать эту телеграмму на два-три дня. Я вынужден был бежать из г. Кролевец в г. Ленинград** через г. Харьков в июне мес[яце] 1917 г.

В Харькове я встретился со следующими моряками Балтийского флота, которые ехали в Чёрное море: тт. Фёдоров, Сергиенко, Зайцев, Журавлёв³³⁸ и др.***, с которыми я выяснил, что в г. Ленинграде мне будет гораздо спокойнее и там я смогу также получить направление в Черноморский флот.

Прибыл я в Петроград и встретился со своими старыми моряками по Балтфлоту: тт. Скульский, Полухин, Ковальский³³⁹, Кирьянов и другие, и через несколько дней я получил задание ехать также в Черноморский флот, причём я был предупреждён, что черноморцы в Севастополь большевиков не пропускают и что они большевиков считают за немецких шпионов.

Получив точные указания от т. Свердлова Я.М., как действовать мне в Черноморском флоте, куда я и пробыл 10 июля 1917 г. и прибыл в Севастопольский флотский полуэкипаж, где через три дня был избран председателем Комитета Севастопольского флотского полуэкипажа на первом общем собрании по предложению т. Нечаева, последний должен был выехать в Петроград.

С этого момента я работал активно по революционизированию Черноморского флота по директивам, полученным мной от т. Свердлова Я.М., и тут же связался с большевистской организацией г. Севастополя.

От Севастопольского флотского полуэкипажа я был делегирован в Севастопольский исполнительный комитет городского Совета вместо выбывшего т. Нечаева.

На Первом съезде черноморских моряков был избран членом Президиума Центрофлота Черноморского флота, в котором я был председателем военной секции и одновременно, через три дня, был Центрофлотом назначен в «Комиссию десяти», заменяющую штаб командующего Черноморским флотом.

* Вписано над строкой.

** До 1924 г. – Петроград.

*** Вписано над строкой.

Я также был делегирован Центрофлотом на Демократическое совещание в г. Петроград³⁴⁰ и там выступал вместе с большевистской фракцией.

Особенно меня стала знать вся матросская масса, что я провожу большевистскую линию и являюсь большевиком, когда я выступил на гарнизонном собрании в цирке Труцци по вопросу о введении на фронте и в войсковых частях смертной казни Корниловым и Савинковым³⁴¹.

После моего выступления была вынесена резолюция протеста против смертной казни, и тут же был обновлён Исполнительный комитет Севастопольского Совета, куда я был также избран. Это была большая работа партийной организации большевиков г. Севастополя.

В период подготовки к Октябрьскому перевороту я выехал в Петроград за получением дальнейших указаний, где участвовал в свержении Временного правительства Керенского³⁴², брал Зимний дворец, а также участвовал в боях с юнкерами, засевшими в гостинице «Астория».

После Октябрьского переворота я вернулся в г. Севастополь и на следующем Черноморском съезде моряков был избран Генеральным главным комиссаром* Черноморского флота по предложению фракции большевиков и утверждён Революционным Комитетом Республики³⁴³ по телеграфу за подписью т. Ленина В.И. и народного комиссара по морским делам³⁴⁴. Моими помощниками были избраны большевики тт. Большевский и Кислица от флота, а от крепости солдат – т. Бондарев М., бывший ранее с[оциал]-д[емократом]-интернационалистом.

В декабре мес[яце] 1917 г. я был вызван в Петроград вместе с командующим флотом вице-адмиралом Немитцем А.В. в связи с резкими принципиальными разногласиями, особенно по поводу посылки на Дон, против Каледина³⁴⁵, Азовской флотилии морем (имели место) и другие разногласия с ним). Быв[ший] командующий флотом Немитц А.В. обманул меня и свой вагон в г. Харькове прицепил к поезду на Киев и уехал к Украинской раде.

После доклада в г. Петрограде³⁴⁶ Революционному Комитету³⁴⁷ и лично т. Ленину В.И. я вернулся обратно [на] Черноморский флот, получив дальнейшие указания

от т. Подвойского³⁴⁸, и от него же получил нагрудный знак и револьвер системы «маузер».

Во время этого отъезда т. Сталин И.В. мне сказал: «Поезжай обратно, только смотри, там анархией не занимайся». Я ответил: «Есть – обратно», и тут же заявил, «что я руль уже повернул давно на 180°».

В связи с тем что бывший командующий флотом вице-адмирал Немитц А.В. бежал к Украинской раде, я был назначен в то время также и командующим флотом³⁴⁹, морским специалистом при мне состоял контр-адмирал Саблин, и всю свою работу я проводил под контролем Центрофлота и большевистской организации г. Севастополя. Данное назначение было подтверждено морским командованием Республики, и в этой должности я был до марта мес[яца] 1918 г. За этот период на меня были два покушения эсеров и всей севастопольской своры.

С изданием декрета о создании Красной Армии и Флота на новых началах я приказом Революционного Комитета Республики за подписью т. Ленина В.И.³⁵⁰ был назначен комиссаром по демобилизации и мобилизации Черноморского флота и портов Чёрного и Азовского морей, перестроив флот и армию на началах краснофлотцев, а солдат – на началах красноармейцев. В помощь мне из Петрограда были присланы т. Ковальский и т. Кирьянов.

Эта весьма важная и сложная работа была проведена успешно благодаря полной поддержке руководства большевистской организации г. Севастополя и лично т. Сапронова С.Г. как первого председателя Городского комитета партии большевиков г. Севастополя³⁵¹, совместно с Центрофлотом и моими помощниками, при содействии состоящего при мне морского специалиста Саблина и особенно капитана 2-го ранга т. Багданова М.М.

К этому периоду приехала бригада ЦК из Совнаркома, с которой у меня произошли принципиальные разногласия, также на их стороне стояли и отдельные члены Революционного Комитета г. Севастополя. Требования бригады, поддержанные отдельными товарищами из Революционного Комитета, я не выполнил, после чего я только по отдельным вопросам согласовывал свою работу с фракцией большевиков Центрофлота и со стойкими большевиками Севастопольской организации. В Революционный Комитет не ходил, а назначил от командования Черноморского флота в Революционный Комитет капитана 2-го ранга т. Багданова М.М.

На чрезвычайном съезде моряков Черноморского флота в марте (в конце) месяце 1918 г. вместо меня был избран Главным комиссаром Черноморского флота,

* Так в документе. Обычно в документах указано или «генеральный», или «главный» комиссар. Первое название должности было официальным, хотя, как правило, лица, занимавшие её, предпочитали второе.

при поддержке эсеров, член бригады Совнаркома* левый эсер [Виллиам] Спиро. Член же бригады матрос Анатолий Железняк³⁵² не согласился с моей установкой и выехал в Центр, т.к. я получил из Центра телеграмму о том, что я действовал правильно.

С Октябрьского переворота и в начале 1918 г. я, совместно с большевистской организацией г. Севастополя, организовывал отряды красногвардейцев против Корнилова, Каледина, Украинской рады, Курултая и др. Во все порты назначал надёжных комиссаров, как то: в г. Одессу был назначен т. Кондренко, в г. Новороссийск – т. Растрепин, в г. Батуми – т. Зайцев, в Ростов – т. Драчук, возглавивший пятёрку, и т.д.

В этой работе мне особенно помогала большевистская организация г. Севастополя и её первый председатель т. Сапронов С.Г., комендор с миноносца «Капитан Савин», а потом т. Сапронов С.Г. плавал на миноносце «Лейтенант Шестаков». Также была проведена весьма сложная и трудная работа против эсеров и меньшевиков, и особенно украинских шовинистов, по вопросу об украинизации флота и его делёжки вообще между отдельными республиками и областями. Тут политические руководители флота с моим участием, под руководством Севастопольской партийной организации, проделали большую работу. Кто помнит 22, 23 и 24 февраля 1918 г., тому будет ясна вся сложность этого вопроса.

В частности, помню также, как отдельные члены Революционного Комитета г. Севастополя помогали нам в нашей общей работе – матрос т. Булатников Г.Д., когда последний работал комиссаром по борьбе с контрреволюцией и по расквартированию войск, перевозимых с Турецкого фронта, т. Чистяков В.С. – работавший в транспортной флотилии по выполнению задач политического руководства флота по портам Мариуполь, Ростов и Керчь.

Самые серьёзные поручения политического руководства флота выполнял лично т. Сапронов С.Г. – под Таганрогом, [в] Ростове, в Одессе и в отряде против Евпатории и т.д.

28 марта 1918 г., после моих переговоров с правительством по вопросу о Брестском мире и выводе из Севастополя флота в Новороссийск, я получил специальное задание по подготовке Новороссийского порта к приёму флота, а главное, по снабжению его горючим, и я выехал из Севастополя 2 апреля 1918 г. В потоплении флота мне принимать участия не пришлось, т.к. я вернулся уже в то время, когда выводили последний

линкор «Свободная Россия» для потопления его на рейде. После потопления флота я остался в Новороссийске и был избран помощником военного комиссара Кубано-Черноморской республики, в како[во]й должности и был до 26 августа 1918 г.

26 августа 1918 г. Новороссийск был занят деникинским генералом Кутеповым, военный комиссариат был отрезан и весь мой архив остался в Новороссийске, и мне пришлось уходить в горы с тт. Докучаевым, Фишман[ом], Компанеец и другими, и я стал во главе партизанского отряда. Генерал Кутепов³⁵³ по занятии Новороссийска 26 августа издал первый приказ о том, «кто выдаст меня или мою голову, тому назначается 20 тыс. руб. золотом». За нашим отрядом охотились три казачьих полка, и я со своими товарищами был неуловим, благодаря хорошо налаженной связи с населением и преданными Революции людьми, которые каждый раз спасали нас в самые трудные минуты и моменты. В частности, молодая девушка – Мария Георгиевна Быкова, которая впоследствии была выдана соседями, была брошена в тюрьму и подвергалась пыткам, но всё же нашего отряда и его местонахождения она не выдала.

В горах я находился до ноября мес[яца] 1918 г. В ноябре мес[яце] по заданию партии и личному распоряжению т. Орджоникидзе, переданному через нашу связь, я с группой товарищей выехал в Керчь, с тем чтобы потом направиться в г. Москву, но по дороге было решено захватить Керченскую крепость, [однако вследствие] отказа керченских рабочих и солдат крепостной артиллерии, которые находились под влиянием эсеров и меньшевиков, эта операция не осуществилась и я выехал в г. Москву.

По дороге в Москву я был эсерами-меньшевиками выдан петлюровской банде в г. Кролевец 12 декабря 1918 г., куда я решил завезти свою жену, и был посажен в одиночку в кролевцевской тюрьме, подвергался там насилию и пыткам, и, когда партизаны под командованием т. Афанасенко, т. Черных, т. Коновалова и т. Сушенко потребовали моей выдачи, петлюровское командование перевело меня в конотопскую тюрьму при конвое в 18 человек, и, когда мать моя хотела со мной проститься по дороге, её начальник караула ударил прикладом, она упала, и я не помню, как я очутился в товарном вагоне с отдельным паровозом, и меня доставили на ст. Конотоп 18 декабря 1918 г.

Когда меня выводили из вагона на перрон станции, я там увидел большевика т. Спицкого Г.С., которому я дал знать, кто я. Последний принял меры вовремя, т.е. когда меня приговорило петлюровское командование

* Так в документе.

под председательством атамана Паля и члена суда полковника Калюжного, третьего фамилии не помню, к смертной казни – к расстрелу совместно с т. Павасицким и другими; т. Спицкий поднял весь рабочий класс ст. Конотоп, и рабочие вышли на улицу и потребовали нас, смертников, показать. Тут-то мне и удалось бежать при содействии т. Спицкого Г.С. 23 декабря 1918 г. После побега я командовал партизанским отрядом на Черниговщине, занял г. Кролевец, где и был первый раз ранен в грудь. По занятии г. Кролевец 10 января 1919 г. я был избран председателем уревкома Кролевецкого уезда, и тут же вторично я вступил в партию, т.к. документы все остались в Новороссийске, и там же, в г. Кролевец, 29 января 1919 г. был избран председателем упарткома.

В июле мес[яце] 1919 г. Черниговский губком партии направил меня для работы в Сосницкий уезд, где я был избран председателем Сосницкого уисполкома и одновременно председателем упарткома.

В том же 1919 г., когда денкиницы наступали на север, я был назначен командующим боевым участком Макошино-Сосницкого фронта, где был тяжело ранен в ногу и голову под Бахмачём. С этого времени я оставил армию и опять был избран председателем Кролевецкого уисполкома и одновременно упарткома.

В конце 1920 г. участвовал с особым отрядом, будучи его командиром, в борьбе против Врангеля³⁵⁴, после чего я, как моряк, поступил в распоряжение морских сил Республики.

В декабре 1920 г. наморси Республики³⁵⁵ я был назначен чрезвычайным комендантом по переправе через Керченский пролив по льду 9-й стрелковой дивизии и отдельной огневой бригады в связи с событиями в Грузии.

С 11 января 1921 г. приказом наморси Республики был назначен комиссаром штаба, а потом и комиссаром артиллер[ийской] обороны Азово-Черноморско-Кавказского побережья и был начальником гарнизона г. Новороссийска.

В конце 1922 г. был назначен *комиссаром** Убеко-Каспия³⁵⁶ и демобилизован по требованию ЦК ВКП(б)³⁵⁷, на основании ходатайства т. Кирова С.М.³⁵⁸, в 1923 г. 20 июня для работы в Баку, т.к. бандит Троцкий заявил, что «ему такие командиры не нужны»³⁵⁹.

В Баку работал на руководящей работе до 1924 г. В 1924–1925 гг. работал за границей. В 1925–1928 [гг.] в г. Баку – начальником торгового порта, в 1928–1930 гг. – Ялта – начальник торгового порта, с 1930

по 1933 [г.] – Москва – НКПС, старший инспектор Главной инспекции по морским вопросам при наркоме. С 1933 [г.], с 4 марта, по 12 апреля 1934 [г.] – Норвегия, остров Шпицберген, управляющий рудниками и консул[ьтант]. С 5 мая 1934 г. по 15 мая 1935 г. – НКВД, с 15 мая 1935 г. по 8 июля 1936 г., по согласованию с ЦК ВКП(б), г. Киев – уполномоченный водного транспорта при Совнарком УССР. С 1936 г. по 1937 г. – начальник особого строительства в Горьковской области. С мая 1937 г. по ноябрь 1939 г. при Мосгорнеруде³⁶⁰ на специальной работе. С декабря 1939 г. по 12 ноября 1940 г. – начальник инспекции Главшахтстроя Наркомугля и нач[альник] моботдела. С марта мес[яца] 1941 г. не работаю после аварии на шахте Урала 12 ноября 1940 г., получив инвалидность первой группы.

Во второй Отечественной войне не участвовал, но, находясь в эвакуации, просил два раза призвать меня, но каждый раз получал отказ по мотивам моей болезни.

В 1944 г. вернулся в г. Москву 8 марта и работал по общественной линии до 1 января 1947 г.

В настоящее время живу только на одну пенсию, которую получаю в размере 500 руб. в месяц (книжка № 16869), эта пенсия была мне назначена республиканского значения с 1 августа 1934 г., *по ходатайству РВС СССР***.

Имею благодарность Реввоенсовета Каспвоенфлота, почётную грамоту Реввоенсовета СССР за боевые заслуги к 10-летию Октябрьской революции, почётную грамоту Крымского правительства в связи с 20-летием Крымской республики, медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» от имени Президиума Верховного Совета СССР.

Ни в каких группировках и оппозициях не участвовал. Всегда проводил и провожу генеральную линию нашей партии – партии Ленина – Сталина.

Взысканий как по партийной линии, так и по советской не имею и не судился.

Партстаж с августа мес[яца] 1917 г. утверждён Президиумом ЦКК от 8 октября 1927 г. – протокол № 66.

29 октября 1947 г.

Роменец В.В.

Помета на копии: «№ 800³⁶¹. 4/VII [19]50 г.».

ЦГА Москвы. Ф. П-8654. Оп. 1. Д. 961. Л. 2–9.

Копия. Машинопись.

Подпись – автограф фиолетовыми чернилами.

* Вписано синими чернилами.

** Вписано фиолетовыми чернилами.

¹ Гречанюк Н.М., Попов П.И. Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь, 1957.

² Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. 2-е изд. Симферополь, 2008.

³ Козлов А.И. Во имя революции. (Потопление Черноморского флота по приказу В.И. Ленина в 1918 г.). Ростов н/Д, 1985.

⁴ Крестьянников В.В. Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. Симферополь, 2007.

⁵ Павленко А.П. Офицеры Черноморского флота России в Революции 1917 г. и начале Гражданской войны: Дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015.

⁶ Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. СПб., 2013.

⁷ Селяничев А.К. В.И. Ленин и становление советского Военно-морского флота. М., 1979.

⁸ Сирченко И.Т. Погибаю, но не сдаюсь! Краснодар, 1969.

⁹ Соколов Д.В. Таврида, обгаренная кровью. Большевизация Крыма и Черноморского флота в марте 1917 – мае 1918 г. М., 2013.

¹⁰ Цецорин А.А. Большевики Черноморского флота в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (апрель 1917 – январь 1918 гг.): Дисс. канд. ист. наук. М., 1952.

¹¹ Широков В.А. Большевики Черноморского флота в борьбе за власть Советов: Дисс. канд. ист. наук. Одесса, 1977.

¹² См., напр.: Жуков В.К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. М., 1931. С. 249.

¹³ См., напр.: Там же. С. 256.

¹⁴ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). Киев, 1963. С. 163.

¹⁵ Цит. по: Козлов А.И. Указ. соч. С. 30.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Чичерин Г.В. Ленин и внешняя политика. М., 1985. С. 5.

¹⁸ Орджоникидзе Григорий Константинович (1886–1937) – старый большевик, с апреля 1918 г. временный чрезвычайный комиссар Юга России, в мае 1918 г. один из организаторов обороны Царицына; в июле – ноябре 1918 г. возглавил борьбу против контрреволюционных сил Северного Кавказа; в декабре 1918 г. – июне 1919 г. – борьбу против войск Деникина.

¹⁹ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 105.

²⁰ Цит. по: Селяничев А.К. В.И. Ленин и становление советского Военно-морского флота. С. 97.

²¹ Жуков В.К. Указ. соч. С. 176.

²² Цит. по: Сирченко И.Т. Указ. соч. С. 65.

²³ См. подр.: Жуков В.К. Указ. соч. С. 176, 177, 182.

²⁴ См. подр.: Там же. С. 182–190.

²⁵ Там же. С. 190.

²⁶ Там же. С. 191.

²⁷ См. подр.: Сирченко И.Т. Указ. соч. С. 66; Козлов А.И. Указ. соч. С. 30, 31.

Слуцкий Антон (Анатолий) Иосифович (Нафтали, Нафталий Григорьевич) (1884–1918) – член РСДРП (большевик) с 1905 г., большевистский военный и политический деятель, участник Октябрьской революции в Петрограде и установления советской власти в Крыму в 1918 г. С марта 1918 г. председатель СНК Советской Социалистической Республики Тавриды, член ВЦИК (Крестьянников В.В. Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 578; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 649, им. указатель; Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. С. 313). 21 апреля у деревни Бююк-Ламбат был арестован в числе направлявшихся в Новороссийск партийных и государственных руководителей Советской Социалистической Республики Тавриды. Вместе с другими руководителями республики расстрелян немцами (по другой версии – крымско-татарскими националистами) в Алуште 24 апреля 1918 г.

²⁸ Басенко Владимир Афанасьевич (1894/1895–1918) – член РСДРП (большевик) с 1917 г. Военфельдшер, участник Первой мировой войны. На 3-м Всероссийском съезде Советов избран членом ВЦИК, по заданию которого в январе 1918 г. прибыл в Крым. В Севастополе избран в состав Военно-морского комиссариата Советской Социалистической Республики Тавриды, членом Севастопольского Совета, Центрофлота, редколлегии газеты «Таврическая правда». В апреле 1918 г. командир Севастопольского коммунистического отряда. Погиб в бою под Севастополем (Крестьянников В.В. Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 574; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 627, им. указатель).

²⁹ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 109.

³⁰ Там же.

³¹ Цит. по: Сирченко И.Т. Указ. соч. С. 73.

³² Там же.

³³ Монастырёв Н.А. Гибель царского флота / Пер. с нем. СПб., 1995. С. 94.

³⁴ Сирченко И.Т. Указ. соч. С. 72.

³⁵ Краснознамённый Черноморский флот. 3-е изд., испр. и доп. М., 1987. С. 111.

³⁶ Сирченко И.Т. Указ. соч. С. 72.

³⁷ Цит. по: Козлов А.И. Указ. соч. С. 39.

³⁸ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 110.

³⁹ Альфатер Василий Михайлович (1883–1919) – контр-адмирал, пом. нач. Морского генерального штаба (с февраля 1918), морской эксперт советской делегации на переговорах с Германией, член коллегии Наркомата по морским делам (с апреля 1918), член РВСР с октября 1918 г., первый командующий Морскими силами Республики (Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М., 1996. С. 362).

⁴⁰ Цит. по: Сирченко И.Т. Указ. соч. С. 68.

⁴¹ Там же. С. 69.

⁴² Цит. по: Там же. С. 199.

⁴³ Беренс Евгений Андреевич (1876–1928) – в 1918–1919 гг. начальник Морского генерального штаба, с апреля

1919 по февраль 1920 г. командующий Морскими силами Республики (Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 628, им. указатель).

⁴⁴ В советских изданиях конкретная фамилия не названа. См., напр.: Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 112; *Селяничев А.К.* В.И. Ленин и становление советского Военно-морского флота. С. 96.

⁴⁵ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 112.

⁴⁶ Там же. С. 113.

⁴⁷ *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 197.

⁴⁸ Кнорус Сергей Сергеевич – эсер. Юрист, в годы Первой мировой войны призван на флот в чине прапорщика (с сентября 1917 г. – мичман), служил в Черноморском флотском экипаже. В 1917 г. председатель комитета экипажа, с февраля 1918 г. командир и комиссар экипажа, в марте – апреле 1918 г. председатель Центрального комитета Черноморского флота, главный комиссар; в апреле 1919 г. член коллегии по управлению учреждениями Севастопольских порта и завода, с 30 апреля – начальник распорядительной части Севастопольского отдела штаба Черноморского флота (*Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 571; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 637, им. указатель).

⁴⁹ *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 197.

Нищенко Алексей Аркадьевич, капитан 2-го ранга, в начале 1918 г. врид начальника военно-морского отдела Центрального комитета Черноморского флота, с марта – первый помощник командующего Черноморским флотом по оперативной части (Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 644, им. указатель).

⁵⁰ См.: *Сирченко И.Т.* Указ. соч. С. 70.

⁵¹ *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 197.

⁵² Там же. С. 199.

⁵³ Там же. С. 198.

⁵⁴ Там же. С. 199.

⁵⁵ Там же. С. 200.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ См.: Там же.

⁵⁸ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 37. М., 1969. С. 25.

⁵⁹ См. подр.: *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 194, 195.

⁶⁰ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 115.

⁶¹ Там же.

⁶² Цит. по: *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 201.

⁶³ Цит. по: Там же.

⁶⁴ *Козлов А.И.* Указ. соч. С. 41, 42.

⁶⁵ *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 196.

⁶⁶ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 116.

⁶⁷ Там же. С. 113.

⁶⁸ *Козлов А.И.* Указ. соч. С. 45.

⁶⁹ *Козлов А.И.* Указ. соч. С. 46.

⁷⁰ Цит. по: Там же. С. 47.

⁷¹ Там же.

⁷² Цит. по: Там же. См. подр.: *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 203, 204.

⁷³ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 117; *Сирченко И.Т.* Указ. соч. С. 77.

⁷⁴ Цит. по: *Сирченко И.Т.* Указ. соч. С. 77.

⁷⁵ Цит. по: Там же.

⁷⁶ Там же. С. 78.

⁷⁷ *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 174.

⁷⁸ *Сирченко И.Т.* Указ. соч. С. 78.

⁷⁹ *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 174.

⁸⁰ *Сирченко И.Т.* Указ. соч. С. 78.

⁸¹ Цит. по: *Пученков А.С.* Новороссийская трагедия Черноморского флота: 1918 год [электрон. ресурс] // <http://flot2017.com/item/history/31597>

⁸² См. подр.: *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 208, 209.

⁸³ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 123.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Новосельский Станислав Петрович (1879–1918) – один из основателей польского социал-демократического движения. По профессии столяр. Член Социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы с 1905 г. До октября 1917 г. политэмигрант. В ноябре 1917 г. направлен ВЦИК в Крым, работал в профсоюзах, партийных органах. Весной 1918 г. – член ЦИК Советской Социалистической Республики Тавриды, комиссар внутренних дел. Расстрелян эскадронцами (*Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей. С. 186).

⁸⁷ Семёнов Иван Никитович (1886–1936) – левый эсер, депутат Севастопольского Совета (с июля 1917 г.). Уроженец Смоленской губернии. В 1912–1917 г. рабочий судостроительного завода Беккера в Риге. Тяжело ранен во время расстрела руководства Советской Социалистической Республики Тавриды крымско-татарскими повстанцами. В 1919 г. рабочий мастерских Севастопольского военного порта, член Севастопольского городского подпольного военно-революционного комитета. С 1920 г. член РКП(б). В 1921–1925 гг. на советской работе в Севастополе, затем работал в Московской и Иртышской группах при Истпарте ЦК ВКП(б) (*Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей. С. 351).

⁸⁸ Акимочкин Степан Свиридович (1890–1918) – левый эсер, комиссар земледелия Советской Социалистической Республики Тавриды. Уроженец Орловской губернии, с 15 лет работал плотником. В январе 1918 г. участвовал в боях с войсками Штаба крымских войск. На Таврическом губернском съезде Советов рабочих, солдатских, крестьянских, поселянских и батрацких депутатов, земельных и военно-революционных комитетов (7–10 марта 1918 г.) избран наркомом земледелия. 24 апреля тяжело ранен крымско-татарскими сепаратистами. Перевезён в Севастополь, где скончался в августе 1918 г.

⁸⁹ Жуков В.К. Указ. соч. С. 215; Соколов Д.В. Указ. соч. С. 214, 215.

⁹⁰ Там же. С. 216.

⁹¹ Там же. Указ. соч. С. 215; Гречанюк Н.М., Попов П.И. Указ. соч. С. 125.

⁹² Черноморский флот: Ист. очерк / П. Болгари и др. М., 1967. С. 107.

⁹³ Гавен Юрий Петрович (Дауман Ян Эрнестович) (1884–1936) – профессиональный революционер, член РСДРП с 1902 г., большевик. Активный участник революции 1905–1907 гг. в Латвии, сослан в Минусинск. С октября 1917 г. член Севастопольских городского и губернского комитетов РСДРП(б), в декабре – председатель Севастопольского военно-революционного комитета, в 1918 г. член Таврического губернского комитета РСДРП(б) и Областного военно-революционного штаба. В 1921–1924 гг. председатель ЦИК Крымской АССР, затем на государственной работе (*Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 550; *Моряки в борьбе за власть Советов на Украине* (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 630, им. указатель). См.: *Гавен Ю.П.* Октябрь в Крыму // Революция в Крыму. Сб. 1. Симферополь, 1922. С. 5–24; *Он же.* Возникновение Крымской организации РКП(б) // Революция в Крыму. Сб. 2. Симферополь, 1923. С. 26–44.

⁹⁴ См. подр.: Жуков В.К. Указ. соч. С. 204, 205.

⁹⁵ Там же. С. 205.

⁹⁶ Там же. С. 206.

⁹⁷ Козлов А.И. Указ. соч. С. 58.

⁹⁸ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 126.

⁹⁹ Там же. С. 127.

¹⁰⁰ Пученков А.С. Новороссийская трагедия Черноморского флота...

¹⁰¹ Жуков В.К. Указ. соч. С. 217.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. С. 220, 221.

¹⁰⁴ Там же. С. 221.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. С. 222.

¹⁰⁷ Там же. С. 223.

¹⁰⁸ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 128.

¹⁰⁹ Жуков В.К. Указ. соч. С. 224.

¹¹⁰ Цит. по: Там же. С. 225.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Тихменёв Александр Иванович (1879–1959) – контр-адмирал (1920). Окончил Морской кадетский корпус (1901). Служил на Черноморском флоте, в Первую мировую войну командовал миноносцами «Жаркий» и «Беспокойный», награждён Георгиевским оружием. В апреле 1917 г. командир крейсера «Память Меркурия», с сентября 1917 г. – линкора «Воля». В июне 1918 г., в связи с отъездом адмирала Саблина в Москву, и.д. начальника морских сил Черноморского флота. Противник затопления судов

в Новороссийске, увёл часть эскадры в Севастополь. В белом Черноморском флоте – начальник морского отдела Морского управления; начальник Морского управления. Эвакуировался с флотом в Бизерту, в ноябре 1920 г. начальник базы по обслуживанию эскадры, с декабря 1920 г. начальник штаба эскадры. Председатель объединения русских моряков в Тунисе (*Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 582, 583).

¹¹³ Цит. по: Жуков В.К. Указ. соч. С. 225.

¹¹⁴ Цит. по: Там же.

¹¹⁵ См.: Там же.

¹¹⁶ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 128.

¹¹⁷ См., напр.: *Тинченко Я.Ю.* Голгофа русского офицерства в СССР, 1930–1931 годы. М., 2000.

¹¹⁸ Жуков В.К. Указ. соч. С. 225.

¹¹⁹ Там же. С. 226.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Там же.

¹²² *Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 297.

¹²³ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 123.

¹²⁴ Жуков В.К. Указ. соч. С. 228.

¹²⁵ *Кришевский Н.* В Крыму // Архив русской революции. Т. 13–14. М., 1992. С. 116, 117.

¹²⁶ Жуков В.К. Указ. соч. С. 229.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же. С. 229.

¹²⁹ Там же. С. 230.

¹³⁰ Там же. С. 230, 231. Ср.: *Крестьянников В.В.* «...Оставляю флот с чувством исполненного долга» // Москва – Севастополь. Архивно-краеведческий альманах. М., 2016. С. 136; *Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 299; *Сирченко И.Т.* Указ. соч. С. 100.

¹³¹ Жуков В.К. Указ. соч. С. 231.

¹³² Цит. по: *Козлов А.И.* Указ. соч. С. 66.

¹³³ Там же.

¹³⁴ См. подр.: *Сирченко И.Т.* Указ. соч. С. 98–101.

¹³⁵ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 128, 129.

¹³⁶ Жуков В.К. Указ. соч. С. 232.

¹³⁷ Остроградский Михаил Михайлович (1870–1923) – капитан 1-го ранга. Окончил Морской кадетский корпус (1890) и минный офицерский класс. Служил на Черноморском флоте, командуя канонерскими лодками, эсминцами, крейсером «Память Меркурия», линкором «Евстафий». В мае – июле 1917 г. и. д. коменданта крепости «Севастополь», с августа начальник 2-й бригады линкоров. В мае – июне 1918 г. особый уполномоченный Украинского военного министерства по морским делам и управлению Черноморским флотом. В эмиграции.

- ¹³⁸ *Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 301; *Плученков А.С.* Новороссийская трагедия Черноморского флота...
- ¹³⁹ Цит. по: *Сирченко И.Т.* Указ. соч. С. 104.
- ¹⁴⁰ *Козлов А.И.* Указ. соч. С. 110.
- ¹⁴¹ *Монастырёв Н.А.* Гибель царского флота. С. 95.
- ¹⁴² Там же. С. 95, 96.
- ¹⁴³ *Козлов А.И.* Указ. соч. С. 80, 86.
- ¹⁴⁴ *Кукель В.* Правда о гибели Черноморского флота // Гражданская война в России: Черноморский флот. М., 2002. С. 29, 30.
- ¹⁴⁵ *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 237.
- ¹⁴⁶ *Козлов А.И.* Указ. соч. С. 82.
- ¹⁴⁷ Цит. по: *Сирченко И.Т.* Указ. соч. С. 110.
- ¹⁴⁸ *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 238; *Сирченко И.Т.* Указ. соч. С. 110, 111.
- ¹⁴⁹ *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 238.
- ¹⁵⁰ Цит. по: Там же. С. 239.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² Цит. по: Там же. С. 240.
- ¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 31. Л. 2.
- ¹⁵⁴ *Крестьянников В.В.* «...Оставляю флот с чувством исполненного долга». С. 136.
- ¹⁵⁵ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 36. М., 1962. С. 320.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 320, 321.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 321.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 132.
- ¹⁶⁰ *Сирченко И.Т.* Указ. соч. С. 114.
- ¹⁶¹ Цит. по: *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 243, 244.
- ¹⁶² Там же. С. 244.
- ¹⁶³ *Сирченко И.Т.* Указ. соч. С. 114.
- ¹⁶⁴ Цит. по: *Крестьянников В.В.* «...Оставляю флот с чувством исполненного долга». С. 136.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 136.
- ¹⁶⁷ *Козлов А.И.* Указ. соч. С. 110.
- ¹⁶⁸ См. подр.: Там же. С. 110, 111.
- ¹⁶⁹ Цит. по: Там же. С. 112.
- ¹⁷⁰ Там же.
- ¹⁷¹ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 137.
- ¹⁷² Цит. по: Там же. С. 601 (коммент.).
- ¹⁷³ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 50. М., 1965. С. 80.
- ¹⁷⁴ Там же. С. 80, 81.
- ¹⁷⁵ Там же. С. 81.
- ¹⁷⁶ Беренс Евгений Андреевич – начальник Морского генерального штаба, член Высшего военного совета.
- ¹⁷⁷ Доклад неоднократно использован в научной литературе. См.: *Сирченко И.Т.* Указ. соч. С. 128, 129; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 137–139. *Крестьянников В.В.* «...Оставляю флот с чувством исполненного долга». С. 136, 137.
- ¹⁷⁸ Цит. по: *Крестьянников В.В.* «...Оставляю флот с чувством исполненного долга». С. 136.
- ¹⁷⁹ Цит. по: Там же. С. 137.
- ¹⁸⁰ Мехоношин (Механошин) Константин Александрович (1889–1938) – член РСДРП (большевик) с 1913 г. В *Красной гвардии* с 1917 г., в *Красной Армии* с 1918 г., член коллегии Наркомата по военным делам с ноября 1917 г. и зам. члена Высшего военного совета с марта 1918 г.; член РВС Республики с октября 1919 г.; член РВС Каспийско-Кавказского фронта с февраля 1919 г.; член РВС 11-й отд. армии с марта 1919 г.; член РВС Южного фронта (июнь – июль 1919 г.); член РВС 11-й армии Юго-Восточного фронта (декабрь 1919 г. – май 1920 г.) (Реввоенсовет Республики. Протоколы. М., 1997. С. 615).
- ¹⁸¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6084. Л. 1. Опубл. с неточностями: К истории потопления Черноморского флота в 1918 г. // Исторический архив. 1960. № 2. С. 39; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 139, 140. В указанных публикациях опущены обе фамилии.
- ¹⁸² РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6084. Л. 1. Опубл.: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 50. С. 81.
- ¹⁸³ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6077. Л. 1.
- ¹⁸⁴ В ленинской биохронике о том, что директиву наряду с В.И. Лениным подписал Л.Д. Троцкий, как водится, упомянуть позабыли (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974. С. 490, 491).
- ¹⁸⁵ Цит. по: *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 249.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 248.
- ¹⁸⁷ Там же.
- ¹⁸⁸ На факт его участия указывает В.К. Жуков: Там же. С. 249.
- ¹⁸⁹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 491.
- ¹⁹⁰ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 141, 142.
- ¹⁹¹ См.: *Козлов А.И.* Указ. соч. С. 129–131.
- ¹⁹² Цит. по: Там же. С. 131.
- ¹⁹³ Там же.
- ¹⁹⁴ Там же. С. 131, 132.
- ¹⁹⁵ *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 258.
- ¹⁹⁶ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 142.
- ¹⁹⁷ Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870–1956) – генерал-лейтенант (1915), нач. штаба Верховного главнокомандующего с ноября 1917 г. В *Красной Армии* с 1918 г., участник организации обороны Петрограда с февраля 1918 г.; военный руководитель Высшего военного совета с 4 марта 1918 г.; нач. Полевого штаба РВСР с июня 1919 г.; нач. Редакционной военно-исторической комиссии по обобщению опыта войны 1914–1918 с августа 1919 г.

- ¹⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6324. Л. 2.
- ¹⁹⁹ Там же.
- ²⁰⁰ Жуков В.К. Указ. соч. С. 249.
- ²⁰¹ Крестьянников В.В. «...Оставляю флот с чувством исполненного долга». С. 137.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ Кукель В. Указ. соч. С. 31.
- ²⁰⁴ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 144.
- ²⁰⁵ Жуков В.К. Указ. соч. С. 261, 262.
- ²⁰⁶ Там же; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 144.
- ²⁰⁷ Фамилия не установлена.
- ²⁰⁸ Жуков В.К. Указ. соч. С. 262; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 144, 145.
- ²⁰⁹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 528.
- ²¹⁰ Жуков В.К. Указ. соч. С. 262.
- ²¹¹ Там же. С. 263.
- ²¹² См. подр.: Козлов А.И. Указ. соч. С. 148–150.
- ²¹³ Жуков В.К. Указ. соч. С. 263.
- ²¹⁴ Там же.
- ²¹⁵ Там же.
- ²¹⁶ Там же. С. 264.
- ²¹⁷ Там же.
- ²¹⁸ Там же.
- ²¹⁹ Цифры из монографии А.И. Козлова (См.: Козлов А.И. Указ. соч. С. 148–150).
- ²²⁰ Жуков В.К. Указ. соч. С. 265.
- ²²¹ См. подр.: Козлов А.И. Указ. соч. С. 148–150.
- ²²² Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 151.
- ²²³ Жуков В.К. Указ. соч. С. 266.
- ²²⁴ Козлов А.И. Указ. соч. С. 152, 153.
- ²²⁵ Селяничев А.К. В.И. Ленин и становление советского Военно-морского флота. С. 101.
- ²²⁶ Козлов А.И. Указ. соч. С. 152, 153.
- ²²⁷ Крестьянников В.В. «...Оставляю флот с чувством исполненного долга». С. 137.
- ²²⁸ Козлов А.И. Указ. соч. С. 154.
- ²²⁹ См. подр.: Жуков В.К. Указ. соч. С. 272, 273.
- ²³⁰ Там же. С. 267.
- ²³¹ Ленинский сборник. Т. XXXVII. М., 1970. С. 88.
- ²³² Там же.
- ²³³ См. подр.: Войтиков С.С. «Послал туда... Шляпникова». Начальный этап деятельности И.В. Сталина на Юге России. 1918 год // Военно-исторический архив. 2016. № 4. С. 100–116.
- ²³⁴ Раскольников Ф.Ф. Рассказы мичмана Ильина. М., 1936. С. 29.
- ²³⁵ В ней говорилось о переводе флота из Новороссийска в Севастополь.
- ²³⁶ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. 538, 539.
- ²³⁷ В документе – военных.
- ²³⁸ Нами текст приведён полностью по архивному оригиналу: РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25136. Л. 1.
- ²³⁹ Хроникальные заметки // Вопросы истории. 1960. № 8. С. 176.
- ²⁴⁰ См., напр.: Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 145, 146.
- ²⁴¹ См., напр.: Краснознамённый Черноморский флот. 3-е изд., испр. и доп. С. 114; Козлов А.И. Указ. соч. С. 155, 156; Предисловие // Гражданская война в России: Черноморский флот. С. 19.
- ²⁴² Хроникальные заметки... С. 176.
- ²⁴³ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25136. Л. 1; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 146.
- ²⁴⁴ В деле РГАСПИ такое отсутствует.
- ²⁴⁵ Предисловие // Гражданская война в России: Черноморский флот. С. 19.
- ²⁴⁶ Козлов А.И. Указ. соч. С. 156.
- ²⁴⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 539; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 145.
- ²⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25137.
- ²⁴⁹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 539.
- ²⁵⁰ Козлов А.И. Указ. соч. С. 155.
- ²⁵¹ О Троцком, как водится, ни составители биографии, ни А.И. Козлов упоминать не стали.
- ²⁵² РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 6. Д. 73. Л. 1; Ф. 558. Оп. 1. Д. 907.
- ²⁵³ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 146, 147.
- ²⁵⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 526.
- ²⁵⁵ Сомнений в самом факте вызова нет, однако не исключена путаница в датах.
- ²⁵⁶ Архипенко В.К. Раскольников Фёдор Фёдорович // Реввоенсовет Республики (6 сент. 1918 г. – 28 авг. 1923 г.). М., 1991. С. 308.
- ²⁵⁷ Раскольников Ф.Ф. Рассказы мичмана Ильина. С. 20.
- ²⁵⁸ Там же. С. 21.
- ²⁵⁹ Там же. С. 20.
- ²⁶⁰ Там же.
- ²⁶¹ Там же. С. 21.
- ²⁶² Там же.
- ²⁶³ Там же.
- ²⁶⁴ Там же. С. 22.
- ²⁶⁵ Раскольников, Фёдор Фёдорович (автобиография) // Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 191.
- ²⁶⁶ Раскольников Ф.Ф. Рассказы мичмана Ильина. С. 22.
- ²⁶⁷ Там же. С. 29.

- ²⁶⁸ *Раскольников Ф.Ф.* Рассказы мичмана Ильина. С. 29.
- ²⁶⁹ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 147.
- ²⁷⁰ Там же.
- ²⁷¹ Там же. С. 148.
- ²⁷² Там же.
- ²⁷³ Там же. С. 148, 149.
- ²⁷⁴ См., напр.: *Павлюченков С.А.* Орден меченосцев. М., 2008; *Войтиков С.С.* «Средостение между партией и ЦК». О руководстве Секретариатом РСДРП – РСДРП(б) – РКП(б) в 1917–1919 гг. // Военно-исторический архив. 2016. № 3. С. 60–69.
- ²⁷⁵ См.: Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 150–153; *Кукель В.* Указ. соч. С. 38.
- ²⁷⁶ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 153.
- ²⁷⁷ Там же. С. 154.
- ²⁷⁸ Там же. С. 602 (коммент.).
- ²⁷⁹ *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 271.
- ²⁸⁰ *Козлов А.И.* Указ. соч. С. 163.
- ²⁸¹ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 154.
- ²⁸² Цит. по: *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 271.
- ²⁸³ Там же. С. 272.
- ²⁸⁴ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 547.
- ²⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24904. Л. 2.
- ²⁸⁶ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 149, 150.
- ²⁸⁷ Там же. С. 155.
- ²⁸⁸ Там же.
- ²⁸⁹ Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы, 1917–1925 гг. Т. 2. Ч. 1 / Сост. Я.В. Леонтьев, М.И. Люхундаев. М., 2010. С. 615 (коммент.).
- ²⁹⁰ Он был председателем «Всероссийского» (Русского) бюро ЦК РСДРП.
- ²⁹¹ *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 267.
- ²⁹² Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы, 1917–1925 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 121.
- ²⁹³ Там же.
- ²⁹⁴ Там же. С. 121, 122.
- ²⁹⁵ Цит. по: Там же. С. 615 (коммент.).
- ²⁹⁶ Там же.
- ²⁹⁷ *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 268.
- ²⁹⁸ *Раскольников Ф.Ф.* Рассказы мичмана Ильина. С. 32.
- ²⁹⁹ Кюльман Рихард – в августе 1917 г. – июле 1918 г. статс-секретарь иностранных дел Германии.
- ³⁰⁰ Ленинский сборник. Т. XXXVII. М., 1970. С. 90.
- ³⁰¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6324. Л. 1 об.
- ³⁰² *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 274.
- ³⁰³ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 157.
- ³⁰⁴ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 157.
- ³⁰⁵ *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 274.
- ³⁰⁶ Там же.
- ³⁰⁷ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 155.
- ³⁰⁸ Там же.
- ³⁰⁹ Цит. по: *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 273.
- ³¹⁰ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 155, 156.
- ³¹¹ Черноморский флот: Ист. очерк. С. 111.
- ³¹² *Архипенко В.К.* Указ. соч. С. 309.
- ³¹³ *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 271.
- ³¹⁴ Цит. по: Черноморский флот: Ист. очерк. С. 112.
- ³¹⁵ Цит. по: *Козлов А.И.* Указ. соч. С. 187.
- ³¹⁶ Там же. С. 156.
- ³¹⁷ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 156.
- ³¹⁸ *Кукель В.* Указ. соч. С. 38.
- ³¹⁹ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 156.
- ³²⁰ Там же. С. 164.
- ³²¹ См.: *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 281, 282.
- ³²² Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 156.
- ³²³ См.: *Архипенко В.К.* Указ. соч. С. 309.
- ³²⁴ *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 278.
- ³²⁵ *Раскольников Ф.Ф.* Рассказы мичмана Ильина. С. 33.
- ³²⁶ Цит. по: *Жуков В.К.* Указ. соч. С. 288, 289.
- ³²⁷ Черноморский флот: Ист. очерк. С. 111.
- ³²⁸ *Раскольников Ф.Ф.* Рассказы мичмана Ильина. С. 37.
- ³²⁹ См.: Там же. С. 36, 39–42.
- ³³⁰ Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (ноябрь 1917–1920 гг.). С. 163. Источники о роли Ф.Ф. Раскольникова до крайности противоречивы, и в данном случае сложно принять безапелляционность заявления А.С. Пученкова о том, что именно Ф.Ф. Раскольников «стал ключевой фигурой последнего акта трагедии флота» (*Пученков А.С.* Украина и Крым в 1918 – начале 1919 года. С. 140). В конце концов, на рассказ о потоплении флота В.А. Кукеля ссылается даже В.К. Жуков в своей книге, вышедшей с предисловием Ф.Ф. Раскольникова (*Жуков В.К.* Указ. соч. С. 288).
- ³³¹ См.: *Раскольников Ф.Ф.* Рассказы мичмана Ильина. С. 41.
- ³³² См.: *Архипенко В.К.* Указ. соч. 308, 310.
- ³³³ Правда о гибели Черноморского флота: От редакции издания 1923 года // Гражданская война в России: Черноморский флот. С. 51.
- ³³⁴ До марта 1918 г. – РСДРП(б).
- ³³⁵ В одном из документов В.В. Роменца уточнялось, что он состоял «в группе анархистов-коммунистов (группе Тарату-ты)» (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 918. Л. 11). По всей видимости, С.М. Таратуты (См.: Там же. Л. 30).

³³⁶ За то, что находился в бегах (*устар.*).

³³⁷ Имеется в виду Литовский замок – бывшая тюрьма в Санкт-Петербурге (Петрограде), в округе Коломна, у пересечения реки Мойки и Крюкова канала, напротив Новой Голландии. Располагалась в проезде, получившем в 1844 г. название Тюремного переулка, а в 1919 г. – переулка Матвеева. Точный адрес на последний (1917) год существования Городского ведомства Исправительного арестантского отделения: Коломенская часть, 1-й участок, Левая сторона Тюремного переулка, 2 – 102 – 29.

³³⁸ Ф. Ф. Раскольников указал в 1931 г.: «Центральный комитет нашей партии ещё весной 1917 г. командировал в Черноморский флот двух моряков-кронштадтцев – Зайцева и Журавлёва, но заранее принятыми мерами Колчака они были задержаны в Симферополе» (*Раскольников Ф. Ф. Предисловие // Жуков В. К. Указ. соч. С. 6.*)

³³⁹ Ковальский Викентий Викентьевич – член РСДРП (большевик), матрос линкора «Евстафий». С сентября 1917 г. товарищ председателя Центрального комитета Черноморского флота, в октябре 1917 г. делегат 2-го Всероссийского съезда Советов. С января 1918 г. командовал бронепоездом, построенным рабочими военного порта. Сражался с отрядами генерала Каледина (*Крестьянников В. В. Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 554.*)

³⁴⁰ Всероссийское демократическое совещание (Демократическое совещание) – совещание представителей политических партий и общественных организаций, проходившее в Петрограде 14–22 сентября (27 сентября – 5 октября) 1917 г.

³⁴¹ 8 июля 1917 г. генерал Л. Г. Корнилов был назначен главнокомандующим войсками Юго-Западного фронта, а уже 9 июля потребовал в телеграмме от Верховного главнокомандующего генерала А. А. Брусилова и Временного правительства восстановления смертной казни. 11 июля (по другим данным, 12 июля) – новый ультиматум, поддержанный эсером Б. В. Савинковым, приставленным к Корнилову политическим комиссаром. Официальное восстановление смертной казни на фронте состоялось 12 июля 1917 г.

³⁴² В данном случае имеется в виду Директория Керенского.

³⁴³ Так в документе именуется вначале Петроградский военно-революционный комитет, затем – ленинский Совет Народных Комиссаров.

³⁴⁴ Видимо, имеется в виду П. Е. Дыбенко.

³⁴⁵ Каледин Алексей Максимович (1861–1918) – донской атаман, один из вождей Белого движения.

³⁴⁶ В. В. Роменец прибыл в Петроград 12 декабря 1917 г. (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 918. Л. 16).

³⁴⁷ Имеется в виду Петроградский ВРК.

³⁴⁸ Подвойский Николай Ильич (1880–1948) – заместитель наркома по военным делам РСФСР, и. д. наркома по военным делам РСФСР (ноябрь 1917 г. – март 1918 г.); член Высшего военного совета (март – сентябрь 1918 г.), член Реввоенсовета Республики с сентября 1919 г. и председатель Высшей военной инспекции (апрель 1918 г. – январь 1919 г.).

³⁴⁹ По мемуарному свидетельству В. В. Роменца (позднему, датированному 3 ноября 1953 г.), данное назначение стало следствием как раз аудиенции у Председателя Совнаркома, основателя РСДРП(б) и члена ЦК партии В. И. Ленина:

«Прибыл я в Петроград без командующего флотом, и только в Петрограде выяснилось, что он сбежал к Украинской раде. Всё подробно было доложено мною кому нужно, а потом я доложил В. И. Ленину. Последний выслушал и заявил: “А у вас есть командующий – Роменец”. Так состоялось назначение меня и командующим Черноморским флотом. Тут же В. И. Ленин мне сказал, что надо оформить мой партстаж и т. д. Стоявший тут же И. В. Сталин заявил В. И. Ленину, что Роменцу надо ехать срочно обратно, т. к. имеются сведения, что в Крыму готовится восстание татар и татарских эскадронов, руководимое бежавшими с флота офицерами и приехавшими в Крым всякими сволочами. Описать этот период кратко невозможно – оставляю на другое время, но коротко скажу, как я готовился к встрече с В. И. Лениным. Готовясь к этой встрече, я, с момента получения телеграммы и до самого приезда в Петроград, день и ночь думал, как доложить всё Ленину, как он примет меня, и примет ли вообще, и как оценит всё то, что я ему доложу. На этот раз видеть Ленина мне пришлось не больше 10–15 минут, но [то], как он меня принял, всегда останется у меня самым важным событием в моей жизни. Взгляд его был пронизательный и, казалось, суровый, и в то же время какой-то тёплый-тёплый. Я собирался многое ему сказать, но, признаться, я сказал мало, но главное я успел всё же доложить. И в ответ на всё сказанное Ленин ответил: “Раз обстановка этого требовала и партийная организация это подтверждает, значит, Вы как руководитель поступили правильно”. Вышел я от Ленина, надо признаться, вспотевшим, но зато сколько сил, сколько энергии от этой встречи» (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 918. Л. 16).

³⁵⁰ В 5-м томе биографии В. И. Ленина, материалы которого охватывают период с октября 1917 г. по июль 1919 г., В. В. Роменец не упомянут (см.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5).

³⁵¹ Во второй половине апреля 1917 г. при обсуждении ленинских Апрельских тезисов в главной базе флота Севастополе создали первую в Крыму самостоятельную легальную большевистскую организацию. В Севастопольском Совете создали большевистскую фракцию во главе с А. И. Каличем, которая использовала трибуну Совета для критики соглашательских партий, политики Временного правительства и Колчака. В апреле – мае большевикам Севастополя и всего Черноморского флота удалось установить связи с большевистскими организациями Донбасса и Харькова, откуда они стали регулярно получать листовки и брошюры. Но особое значение для усиления их работы имело установление в мае 1917 г. непосредственной связи с большевистским Центральным комитетом через побывавшего в Петрограде А. И. Калича. 1 июня избрали Севастопольский комитет РСДРП(б). В него вошли С. Г. Сапронов (председатель), И. К. Ржанников (секретарь), И. Л. Сюсюкалов (казначей), А. И. Калич и А. В. Клепиков (см. подр.: Краснознамённый Черноморский флот. 3-е изд., испр. и доп. М., 1987. С. 89, 90).

³⁵² Железняков (Железняк) Анатолий Григорьевич (1895–1919) – матрос Балтийского флота, в 1917 г. принадлежал к группе анархистов, поддерживавших большевиков. Член Военно-морского революционного комитета, участник штурма Зимнего дворца. В январе 1918 г. главный испол-

нитель большевистского решения о разгоне Учредительного собрания; член Верховной коллегии по русско-румынским делам, председатель революционного штаба Дунайской флотилии. В 1918–1919 гг. командовал полком, бронепоездом. Погиб в бою (*Крестьянников В.В.* Севастополь: Хроника революций и Гражданской войны 1917–1920 годов. С. 569).

³⁵³ Кутепов Александр Павлович (1882–1930) – видный деятель Белого движения, в указанный период – черноморский военный губернатор.

³⁵⁴ Если с П.Н. Врангелем, стало быть, не до конца 1920 г., а до ноября 1920 г.

³⁵⁵ Начальник морских сил Республики.

³⁵⁶ Управление безопасности кораблевождения Каспийского моря.

³⁵⁷ До конца 1925 г. – РКП(б).

³⁵⁸ Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886–1934) – видный партийный, советский и военный деятель. Член РСДРП (большевик) с 1904 г. В 1923 г. первый секретарь КП Азербайджана.

³⁵⁹ Глава военного ведомства, член Политбюро ЦК РКП(б) Л.Д. Троцкий обладал редким кадровым чутьём.

³⁶⁰ Мосгорнеруд – трест, действовавший «в составе следующих предприятий: а) Москворецкая контора по добыче песка; б) Бяковский бутовый карьер; в) Горенский бутовый карьер; г) Протопоповский бутовый карьер» (ЦГА Москвы. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 493. Т. 4. Л. 598–598 об.).

³⁶¹ Очевидно, В.В. Роменец стал 800-м деятелем революционного движения, чью автобиографию получил Институт истории партии при МК и МГК ВКП(б).

Д.А. Алексеев

Воспоминания о Севастополе 1918–1921 гг.: документ из семейного архива

В истории почти каждой семьи одним из связующих звеньев, мостиком между поколениями служат воспоминания. Чаще всего они передаются устно от старших к младшим, что более чем естественно, как естественна передача навыков, знаний, жизненного опыта, мировоззрения, духовного багажа. Но семейное предание, своего рода менталитет семьи, рода, представляет собой гораздо более сложную и протяжённую цепочку. Она складывается из воспоминаний и рассказов не только о важнейших фактах, эпизодах судьбы кого-то из наших близких, но и о поворотных моментах семейной истории, уже значительно отстоящих от нас во времени и пространстве и связанных с более или менее давними предками и дальними представителями семейно-родственного круга. Наверное, все, кому посчастливилось застать своих бабушек и дедушек, а иногда даже прабабушек и прадедушек, помнят рассказы о прошлом, которые повторялись не раз и не два. Человек взрослеет и слышит их снова, но воспринимает уже иначе; наконец, они становятся его частью, врезаются в память на всю жизнь – как и интонации, обороты речи, сам облик рассказчика. И здесь, в этой успокаивающей повторяемости, таится одна из самых горьких и почти неизбежных ошибок: так и не собравшись записать, зафиксировать любым иным способом драгоценные подробности. Ведь вместе с уходом близкого человека стираются из памяти детали – даты, имена, а возможности уточнить, переспросить уже нет и никогда не будет... Не все люди старшего поколения любят вспоминать, и причины на то могут быть самые разные. Но чаще всего они ждут благодарного

слушателя, того, кому можно поведать о пережитом или о том, что сохранилось в памяти из рассказов уже их предков. А иногда, в ответ на заинтересованное внимание, появляется потребность написать или продиктовать несколько слов. Это – волнующий момент рождения воспоминаний, одного из самых интересных и сложных жанров среди исторических документов.

Такие воспоминания сохранились и в моём архиве. Они представляют собой перепечатку с рукописи, подготовленной в январе 1993 г. её автором – Наталией Дмитриевной Расшивалиной (ур. Тиличевой) по моей просьбе. Машинописный текст заверен авторской подписью.

К сожалению, о биографии мемуаристки, сверх рассказанного ею самой, известно немного. Она родилась 16 декабря 1905 г. в Риге, в семье орловского помещика, инспектора народных училищ Рижского учебного округа Дмитрия Дмитриевича Тиличева¹

¹ Мой двоюродный прадед Д.Д. Тиличев окончил 2-ю Московскую гимназию и Техническое училище в Москве. В своём родовом имении Пахомово, Орловского уезда, организовал школу ремёсел для крестьянских детей. Автор публицистических и художественных очерков, опубликованных в журнале «Русское богатство»; состоял в переписке с Г.И. Успенским, Л.Н. Толстым (в 1887–1899 гг.; ОР ГМТ. Ф. 1. Ед. хр. 190/108). В советское время его жене А.К. Тиличевой, как многодетной матери и вдове, одной из первых было присвоено звание «Мать-героиня». По свидетельству Н.Д. Тиличевой, это позволило ей защищать уже взрослых сыновей (М.Д. и Л.Д. Тиличевых), попавших под репрессии.

(1858–1910) и Анастасии Кузьминичны Тиличевой (1869–1954), дочери крепостного крестьянина. Наталия была младшей дочерью в семье. В зрелые годы Н.Д. Тиличева работала редактором графического бюро в московском издательстве «Художественная литература», а также в гравюрном кабинете Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

Авторский заголовок документа – «Некоторые сведения о семье Тиличевых, которые мне известны». В момент его создания Н.Д. Тиличевой шёл 88-й год. Воспоминания посвящены периоду жизни матери Наталии Дмитриевны и её семерых братьев и сестёр в 1910 – начале 1920-х гг., когда рассказчице было от пяти до пятнадцати лет. Это время для семьи было особенно трудным: именно в 1910 г. скоропостижно скончался отец Наталии, Дмитрий Дмитриевич. Всего через четыре года началась Первая мировая война, и Тиличевы, жившие тогда в Риге, были эвакуированы на родину – в Орёл. Вскоре же, как и миллионам других русских семей, им предстояло пережить драматические события и в масштабах всей страны – близилась Октябрьская революция 1917 г. и последовавший за ней грандиозный исторический перелом, небывалый по своим далеко идущим последствиям. Испытывая лишения, в надежде спастись от голода, Тиличевы перебрались в Севастополь. В связи с тем что А.К. Тиличева тяжело заболела сыпным тифом и смогла приехать к детям позже, в первое время заботу о младших и их содержание взяла на себя старшая сестра, Елизавета Дмитриевна. В Севастополе Тиличевы провели несколько лет, до переезда в Москву летом 1920 г. Они стали очевидцами одной из поворотных страниц истории города – оставления его войсками Н.П. Врангеля и установления советской власти. Тогда же стало известно, что по пути из турецкого плена пропал без вести один из братьев, Георгий Дмитриевич, участник Трапезундской эпопеи, в 1915 г. ушедший на фронт добровольцем. Последняя его телеграмма гласила: «Бежал из плена. Скоро буду».

Воспоминания Н.Д. Тиличевой, в которых семейная история тесно переплетена с обстоятельствами жизни страны тех лет, бесспорно, имеют историческую ценность. Спустя более 70 лет после описываемых событий Н.Д. Тиличева сохранила поразительную ясность памяти. Большое количество деталей и умение метко передать их неповторимый колорит, прекрасный русский язык, свобода изложения и вместе с тем чёткая логическая выстроенность текста, как и сама его драматургия, создают ощущение достоверности и даже эффект присутствия рассказчицы рядом с нами.

Д.Д. Тиличев с женой А.К. Тиличевой и сыном Георгием. [Орёл]. 1892–1893 гг.

Некоторые сведения о семье Тиличевых, которые мне известны

Отец – Дмитрий Дмитриевич Тиличев (1858–1910).
Мать – Анастасия Кузьминична Тиличева (1869–1954).

Семья стала жить в Риге, по-видимому, с начала 1900-х гг. Имели восемь человек детей – см. формулярный список о службе Д.Д. Тиличева.

Младшие дети: Надежда, 1903 г.р., Наталия, 1905 г.р., Николай, 1908 г.р. – родились в Риге.

В марте 1910 г. Д.Д. Тиличев был назначен сверхштатным чиновником канцелярии попечителя Рижского учебного округа и откомандирован для временного исполнения обязанностей учителя-инспектора Тальсенского городского училища.

В мае 1910 г. Д.Д. Тиличев скоропостижно скончался в г. Тальсене (теперь г. Тальси).

Распоряжением попечителя Рижского учебного округа от мая¹ 1910 г. был исключён из списка служащих в Рижском учебном округе за смертью.

После смерти Д.Д. Тиличева его жена А.К. Тиличева с детьми вернулась в г. Ригу. Здесь, по рекомендации

¹ Так в документе.

попечителя Рижского учебного округа, ей была предоставлена работа в государственной винной торговле.

Для человека в её положении – одинокой женщины, обременённой большой семьёй, это было большой удачей, тем более что А. К. Тиличеева имела только небольшое домашнее образование. При магазине ей была предоставлена бесплатная квартира с отоплением и освещением. Эту работу она получила, по-видимому, примерно через год после возвращения в Ригу. За это время попечитель Рижского учебного округа оказывал нам безвозмездную материальную помощь из своих личных средств.

Старшие дети – Георгий, 1890 г.р., и Елизавета, 1892 г.р., в это время уже жили отдельно в других городах.

С матерью оставались дети: Дмитрий, Леонид, Мстислав, а также младшие: Надежда, Наталия и Николай.

Первые трое были определены в рижские гимназии. Обучались они бесплатно, на стипендии. Мстислав, как очень способный мальчик, был принят в классическую гимназию, где была повышенная программа и кроме французского и немецкого языков (как в остальных гимназиях) изучали латынь и греческий.

Семья жила на окраине Риги (эта местность называлась тогда Красная Двина). Все жили в отдельном небольшом доме, половину которого занимал винный магазин и склад, а вторая половина была жилым помещением – три небольшие комнаты и кухня. Других удобств не было. До остановки трамвая нужно было идти 20 минут.

Итак, старшие дети учились, а младшие бегали и играли во дворе с латышскими детьми. Жизнь была трудной, и все три гимназиста, чтобы помочь матери, в свободное от гимназии время давали частные уроки. Летом все трое, как обычно, жили на дачах в богатых немецких семьях, где были мальчики, которым нужна была практика русского языка.

Через некоторое время к матери приехала и старшая дочь Елизавета, которая после смерти отца в г. Валк (Рижский учебный округ) работала педагогом.

В Риге А. К. Тиличеева с детьми жила и работала на том же месте до начала Первой мировой войны 1914 г. Когда началась война, все государственные винные магазины сразу были закрыты. Закрылся и магазин, в котором работала наша мать (на Красной Двине), но мы продолжали жить на той же квартире при магазине. Мать осталась без работы, но жалованье ей платили и предложили ждать решения своей дальнейшей судьбы. Так мы жили несколько месяцев (около полугода). Наконец пришло решение: ей, как многодетной одинокой матери,

предоставляется в Риге, на Московской улице, магазин, в котором будет продаваться денатурат. В этом же доме ей была предоставлена 3-комнатная квартира с кухней и ванной комнатой. Магазин был, естественно, на 1-м этаже, квартира же была на 2-м этаже, и вход в неё был, как и во все другие квартиры, через общий подъезд. В квартире, в одной из комнат, был проделан ход, через который по крутой деревянной лестнице можно было спускаться на склад при магазине; из этого же помещения был ход в магазин.

А. К. Тиличеева с детьми.
В центре (сидит) Наталия,
автор воспоминаний. [Рига]. Около 1914 г.

Для нас, детей, всё было ново и интересно: просторная квартира, которая как бы и не имела отношения к магазину, электрическое освещение (раньше мы пользовались керосином), ванная комната и т.д.

Мне было девять лет, и меня решили отдать в рижскую городскую гимназию. Туда принимали детей по конкурсу. Читала я уже свободно, так как научилась читать самостоятельно ещё в пять лет, но вот с письмом было хуже. Неважно обстояло дело и с арифметикой, так как никто меня никогда этому не учил, и я решала только

те задачи, в которых всё можно было сосчитать в уме. Мне дали учебники и предложили готовиться самостоятельно. Нужно было сдавать русский язык, арифметику, закон Божий, уметь прочитать 20 параграфов по учебнику французского языка. Не помню, кто помог мне освоить азы иностранного языка. И вот с такими знаниями я с матерью пошла сдавать экзамены в 1-й класс. В гимназии было восемь основных классов и, кроме того, два подготовительных. Педагогов, наверное, удивляла неравномерность моей подготовки. Я совершенно свободно читала, пересказывала прочитанное, но по диктанту получила совсем плохую оценку, так как забывала после точки ставить большую букву, писать перед гласными «и», что было тогда положено, и т.д., ведь я никогда не писала диктантов, никто не посоветовал мне хотя бы переписывать тексты. Так же было и с арифметикой. Я хорошо справилась с задачей, так как там можно было всё сосчитать в уме, но никаких арифметических действий не знала, в чём мне и пришлось сознаться. Закон Божий и язык я как-то сдала. В гимназию меня всё же приняли, но не в первый, а в старший подготовительный класс. Отбор был довольно строгий. Однако учиться в гимназии мне не пришлось. В Риге началась эвакуация. Моя мать с младшими детьми была эвакуирована на свою родину, в г. Орёл. Старшие дети разъехались в разные места. Дмитрий уехал в г. Юрьев (Рижский учебный округ), куда переместилась его гимназия. Он плохо учился и боялся переходить в другую гимназию. Леонид и Мстислав уехали в Москву. Елизавета тоже оказалась в Москве.

В Орле, в Орловском женском монастыре, жила монахиней сестра покойного Д. Д. Тиличеева – Ольга Дмитриевна Тиличеева. В её келье А. К. Тиличеева с тремя детьми остановилась и прожила там некоторое время, пока ей не удалось найти квартиру.

В Орле А. К. Тиличеева стала работать в столовой какого-то железнодорожного учреждения, тоже эвакуированного из Риги. Я и моя сестра Надежда начали учиться в Орловской городской женской гимназии. В Орле нас и застала Октябрьская революция 1917 г.

В это время трое моих старших братьев – Дмитрий, Леонид и Мстислав уже жили в Москве. Старшая сестра Елизавета жила в Севастополе, куда она поехала по совету врачей из-за плохого состояния здоровья. В Севастополе тогда хозяйничали немцы, и Елизавета работала у них переводчицей, так как хорошо знала немецкий язык.

А в Центральной России жизнь становилась всё труднее, и мои братья, списавшись с сестрой Елизаветой, решили отправить мать с младшими детьми в Севастополь, где было не так голодно. Это было в конце

О. Д. Тиличеева. [Орёл]. 1878 г.

1917 – начале 1918 гг. Дорога была очень тяжёлая, но мы всё же добрались до Севастополя. Однако по дороге моя мать потеряла все деньги, которые братья дали ей на жизнь.

Когда Елизавета нашла для нас квартиру и как-то нас устроила, матери пришлось возвращаться обратно к братьям за деньгами. По дороге она тяжело заболела сыпным тифом. Не знаю как, но братья узнали об этом, и кто-то из них приехал к ней в Харьков, где и устроили её в знакомую латышскую семью, согласившуюся её принять. Мать долго и тяжело болела и приехала в Севастополь только через год, когда совсем поправилась.

В отсутствие матери старшей сестре Елизавете пришлось содержать всех на своё жалованье и опекать младших детей (в то время ей было 26–27 лет). Девочки, Надежда и Наталия, учились в Севастопольской женской гимназии. Через некоторое время начал учиться и младший брат Николай.

Я не помню, когда именно вернулась в Севастополь наша мать. Помню только, что во время нашего пребывания в Севастополе Крым заняла Белая армия.

В городе появились генерал Врангель, генерал Деникин, множество офицеров; открылись рестораны. Стало очень оживлённо. Деникина я видела на одной

из площадей, где он принимал парад. Врангель не раз появлялся на главной улице Севастополя в сопровождении своих адъютантов. Он отличался необычайно высоким ростом.

Из истории известно, сколько времени пробыли в Крыму белые. Неожиданно началась эвакуация. Все улицы были заполнены народом и машинами, иногда машины вынуждены были въезжать на тротуары, потому что не могли пробраться через толпы, заполняющие улицы. Все спешили на пристань, чтобы погрузиться на пароходы, направляющиеся за границу. На одной из улиц, помню, увидела генерала Врангеля, медленно идущего по тротуару. Он был один, без обычно сопровождавших его военных. В один из вечеров, почти ночью, совсем близко от нашего дома проходила строем, молча, под проливным дождём пешая армия. Она направлялась в Южную бухту, откуда их тоже, наверное, куда-то увезли. Потом наступила гнетущая тишина – безвластие. Люди старались не выходить из домов.

Как появились большевики в Севастополе – не помню. Старшая сестра Елизавета поступила на работу в какое-то советское учреждение. Теперь мы уже не были отрезаны от старших братьев, которые по-прежнему жили в Москве. Мы начали переписываться с ними. На Севастополь надвигался голод. Из писем Елизаветы братья, как они говорили, мало что могли понять. Оказывается, мои письма были более вразумительными. В Севастополь приехал брат Леонид, чтобы на месте ознакомиться со сложившейся обстановкой.

После возвращения Леонида в Москву братья попросили Елизавету постараться отправить туда мать с детьми. Это удалось сделать. Мы были погружены в переполненный поезд. Люди сидели даже на крышах. Это было, кажется, летом 1920 г.¹ В то время до Москвы прямого сообщения, по-видимому, не было. Мы доехали до какого-то города, где нужно было делать пересадку. Мать наняла носильщика, который переправил наши вещи и провёл нас куда-то на запасные пути. Здесь он погрузил нас с вещами в какой-то пустой товарный вагон. Потом состав подали на станцию, и все вагоны быстро заполнились. Мы в это время уже занимали удобный угол в одном из вагонов. Так мы доехали до Москвы.

Мы не могли сообщить братьям точного времени нашего прибытия, поэтому нас никто не встречал. Зная адрес основной базы братьев – комната в коммунальной квартире на Остоженке – мы как-то туда добрались. У братьев были ещё какие-то жилые помещения при институтах, в которых они учились.

После голодной жизни в Севастополе нам показалось, что мы попали в рай. У братьев были запасы продуктов – мука, картофель и проч. Старшая сестра Елизавета после нашего отъезда из Севастополя вышла замуж (в феврале 1921 г.). Поскольку жизнь в Севастополе становилась всё хуже, братья посоветовали сестре с мужем тоже приехать в Москву, что они и сделали. Они поселились у брата Леонида, который имел свою комнату на Новой Басманной улице. Через какое-то время им удалось получить в этом же доме небольшую комнату и для себя. Потом они обменяли её на большую в той же квартире. Таким образом вся семья собралась в Москве.

Г.Д. Тиличев (слева) с товарищем. 1917 г.

Наш старший брат Георгий Тиличев к началу Империалистической войны 1914 г. был уже женат и имел двоих детей. В 1915 г. он ушёл добровольцем на фронт. Материал о Георгии Дмитриевиче Тиличеве хранится отдельно. По словам нашей матери, он был очень одарённым человеком.

Историю жизни и смерти Мстислава Дмитриевича Тиличева (1898–1959), возможно, я напишу отдельно. Он был доктором химических наук, окончил Сельскохозяйственную академию и химический факультет МГУ.

¹ Так в тексте. По-видимому, речь идёт о событиях 1921 г.

Наперекор стихии. О ликвидации в Севастополе последствий землетрясения 1927 г. в Крыму (по документам ГКУ «Архив города Севастополя»)

В 1927 г. на территории Крыма и Севастополя произошло несколько мощных землетрясений различной магнитуды. Наиболее сильные толчки (5–8 баллов по десятибалльной шкале Росси – Фореля) произошли 26 июня, 12 и 24 сентября, более слабые наблюдались и позже, вплоть до конца 1927 г.

В научно-исследовательской литературе достаточно широко освещена череда крымских землетрясений 1927 г., описаны сопровождавшие их природные явления. Самые мощные толчки были зафиксированы в ночь с 11 на 12 сентября, в 0 ч 17 мин. Несколько эпицентров располагались в Чёрном море, по линии вдоль Южного берега Крыма от Алушты до Балаклавы. Сила толчков составляла 8 баллов. Между мысом Лукулл и Севастополем, в 48 км от берега, на глубине около 200 м произошёл мощный выброс сероводорода, который сопровождался «вскипанием моря», появлением огненного столба высотой 500 м и шириной до 3 км. В Севастополе и Балаклаве различные повреждения получили жилые здания, постройки промышленного, социально-культурного назначения, памятники истории и культуры – всего до 1200 строений. Без крова остались сотни жителей города, один человек погиб, около 400 человек получили ранения и травмы. Общая сумма ущерба составила от 8 млн до 9 млн руб. На ликвидацию последствий землетрясения в фонд помощи пострадавшим от стихии централизованно были перечислены значительные средства: Советом Народных Комиссаров РСФСР – 100 тыс. руб., Комитетом помощи Крыму при Всеукраинском центральном исполнительном комитете – 300 тыс. руб., Центральным исполнительным комитетом Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и военно-морских депутатов Крымской АССР (далее – КрымЦИК) – 8 тыс. руб. Госбанк СССР предоставил для Крымской АССР кредиты на сумму 300 тыс. руб. Ввиду нехватки этих средств дополнительно изыскали и собрали по Крымской АССР 200 тыс. руб., по РСФСР – 300 тыс. руб.¹

По документам Архива города Севастополя можно проследить основные направления деятельности

органов власти в Севастополе, принятые ими меры, направленные на нормализацию общей обстановки в городе, скорейшую и оперативную ликвидацию сокрушительных последствий природной стихии.

12 сентября 1927 г. на внеочередном объединённом заседании Исполкома и Президиума Севастопольского городского Совета была создана чрезвычайная комиссия по ликвидации последствий землетрясения. В подготовленном уже к утру 12 сентября бюллетене газеты «Маяк Коммуны» Севастопольский городской Совет оперативно проинформировал севастопольцев о том, что «приняты меры к бесперебойному снабжению города водой и светом, обеспечена своевременная подача медицинской помощи, пожарная охрана начеку. Жизнь города протекает нормально, предприятия и учреждения приступили к работе, транспорт и связь в порядке»².

Одновременно при Севастопольском горсовете начала работу Комиссия по выявлению действительных размеров убытков и разрушений и принятию последующих мер в связи с происшедшим землетрясением. На первом заседании 12 сентября комиссия приняла решение «для выявления размеров разрушений и убытков создать Техническую комиссию под председательством райинжа – (районный инженер. – *Примеч. авт.*) т. Новоуспенского и членов – инженера Коммунохоза Врангеля и техника Горжилсовета Зеленского». Члены Технической комиссии в кратчайшие сроки должны были произвести «предварительную общую регистрацию разрушений», затем провести обследование в первую очередь «тех зданий, которые находятся в угрожающем состоянии, в целях принятия мер общественной безопасности». В последующем комиссия в ходе подборки материалов по оценке общего ущерба и повреждений должна была составлять сметы, акты оценки разрушений, фотографировать повреждения и т.д.³

О первых результатах работы комиссии, в частности на территории сельских советов, относящихся к Севастополю

¹ Севастополь. Энциклопедический справочник. Севастополь, 2007. С. 321.

² Гридасова М. Землетрясение века // Севастопольская газета. 2010. 13 сентября.

³ ГКУ «Архив города Севастополя» (ГКУ АГС). Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 916. Л. 105.

полю, районный инженер Новоуспенский доложил уже в середине октября 1927 г. В представленном им предварительном расчёте стоимость ремонтных работ осмотренных общественных зданий и 55 частновладельческих построек оценивалась в размере 93 828 руб.¹

20 октября 1927 г. инженер Врангель на техническом совещании выступил с докладом, в котором проанализировал основные типы построек в Севастополе и районе, характерные для них общие закономерности повреждений и разрушений, зависимость этих повреждений от вида почв и грунтов, наличия грунтовых вод, от применяемых при их строительстве местных материалов. Спустя 23 года, когда вся страна поднимала из руин и пепла разрушенный до основания в годы Великой Отечественной войны Севастополь, Михаил Александрович Врангель направил «на имя Председателя Комитета по строительству г. Севастополя при Совете Министров СССР» свои предложения по восстановлению Севастополя, где в одном из пунктов настоятельно просил «принять меры, чтобы найти все материалы бригады [...] по [...] сейсмологии города – мою работу (она уже принесла пользу и я полагаю, что принесла бы и теперь пользу, т.к. в ней мною определён характер разрушений зданий, построенных из разных материалов и на разных растворах, зафиксированы все места в городе, наиболее подверженные разрушениям, и определены причины этого); там же мной описаны “забытые” землетрясения, которые г. Севастополь испытывал и до 13 сентября 1927 г.». Предложения М.А. Врангеля, его исследования, сделанные в период ликвидации последствий землетрясения 1927 г., и работы в технической комиссии были учтены при проектировании объектов, вновь возводимых в Севастополе в 1950-х гг.: обязательно предусматривались антисейсмические пояса, усиленная арматура дверных проёмов, лестничных пролётов, балочных перекрытий и т.д.

Но продолжим рассказ о ликвидации в Севастополе последствий землетрясения 12 сентября 1927 г. При Севастопольском горсовете одновременно с уже названными комиссиями создали и особую комиссию, которая подчинялась непосредственно распоряжениям Правительственной комиссии при КрымЦИК по оказанию помощи и ликвидации последствий землетрясения, – Севастопольскую районную тройку по оказанию помощи пострадавшим от землетрясения и по борьбе с последствиями землетрясения.

Эта комиссия выполняла роль координатора работы всех временных комиссий, созданных на период ликвидации последствий землетрясения, связующего звена между Севастопольским горсоветом и Правительственной комиссией КрымЦИК. В документах 1927–1928 гг. эта комиссия чаще всего упоминается как «Севастопольская тройка», «тройка».

27 сентября 1927 г. на заседании тройки было принято решение «затребовать по телеграфу от Крымской правительственной комиссии 100 тыс. руб. на ремонт больниц, школ и других общественных организаций»². Одновременно в Севастополе приступили к составлению так называемых «дефектных ведомостей» – списков разрушенных зданий, для чего решили привлечь «к работе свободные технические силы (безработные)»³. Работа техников «по осмотру зданий, разрушенных и повреждённых землетрясением» оплачивалась в размере 70 коп. за каждый осмотренный дом⁴.

Нехватка специалистов-техников для обследования объектов, составления актов об объёме и характере повреждений, оценки стоимости восстановительных работ резко тормозила процесс составления списков повреждённых объектов, формирования очередности их восстановления, планирования финансирования работ по преодолению последствий землетрясения. В документах фонда «Севастопольский районный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов» имеется много повторных заявок от организаций, учреждений и частных лиц с требованием прислать техника для обследования строений, составления акта о характере повреждений и необходимых ремонтно-восстановительных работах.

В первую очередь обследованию и восстановлению подлежали жилые помещения, здания промышленного, производственного назначения. Памятники истории и культуры, постройки культурно-развлекательного назначения вносились в перечень объектов, подлежащих восстановлению во вторую очередь. Так, Управление Военно-исторического музея ещё 21 октября 1927 г. направило в Комиссию по обследованию повреждений от землетрясения заявку на проведение обследования беседки на памятном месте 1-го бастиона (в районе Килен-бухты), «которая от землетрясения

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 915. Л. 8.

² ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 953. Л. 11.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 53.

получила трещины и грозит обрушением на ж.-д. путь при повторных толчках». Спустя три месяца, 8 февраля 1928 г., Управление музея сообщало районному инженеру при Севастопольском райисполкоме о том, что начальник 8-го участка Южной железной дороги требует предоставить сведения «о необходимости производства ремонта указанной беседки или о разборке её совсем», что без обследования специалистом, подтверждённого актом, осуществить было невозможно¹.

В первые часы после землетрясения 12 сентября в Севастополе сформировали и комиссию по обеспечению жильём граждан, оставшихся без крова. Первые итоги её работы подвели на заседании тройки уже 4 октября 1927 г. В протоколе отмечалось, что за неполные четыре недели в городе были «мобилизованы» все сохранившиеся здания, учреждения переведены в торговые помещения, вступил в силу строжайший запрет их самовольного расширения за счёт жилой площади, проводилась массовая проверка по выявлению «скрытой жилой площади». Всего в распоряжении комиссии для размещения потерявших кров на 4 октября было 20 торговых помещений на 200 человек, 20 палаток на 80 человек, 6 гостиничных номеров, 182 комнаты на 520 человек. По направлению комиссии за отчётный период было размещено 518 человек. При этом отмечалось, что в адрес Комиссии по ликвидации последствий землетрясения за отчётный период поступило 456 заявлений на получение квартиры, из них 62 – от военных, 8 – от демобилизованных, 28 – от беженцев с Южного берега Крыма². При рассмотрении заявлений о предоставлении жилья в первую очередь удовлетворялись заявления граждан, потерявших жилплощадь вследствие землетрясения, демобилизованных из рядов Красной Армии и Флота, командированных в Севастополь на службу, а также лиц, выселенных из их квартир по суду вследствие перемещения туда организаций и учреждений³. Все решения о предоставлении жилья в обязательном порядке публиковались в газете «Маяк Коммуны», срок закрытия принятия заявлений на предоставление жилья, ввиду непрекращающихся обращений граждан, чрезвычайная комиссия неоднократно переносила на более поздний период: до 5 октября, до 5 ноября и т. д.⁴

На заседании 4 октября также было отмечено, что из 100 проверенных заявлений «обоснованными для удовлетворения оказались только 70»⁵.

В документах фонда встречаются указания на такие причины отказа в удовлетворении заявлений о выделении жилья, как предоставление недостоверных сведений о степени повреждений жилых помещений, о состоянии здоровья пострадавших или принадлежность к социальной группе лиц, «использующих наёмный труд» или получающих доходы от «непролетарской» деятельности. Так, например, гражданину Ускову, участнику Гражданской войны, чья комната пострадала и была не пригодна для проживания, предъявившему дополнительно и «справку от врача по нервным болезням» Нильсена, был выдан ордер на получение другой квартиры. Однако правление жилищного арендного кооперативного товарищества отказало обладателю ордера в праве на вселение в предоставленную квартиру на том основании, что «он – торговец (что подтвердилось)», проинформировало об этом Чрезвычайную комиссию по ликвидации последствий землетрясения, после чего при повторном рассмотрении его заявления комиссия приняла решение: «Гр-ну Ускову в квартире отказать»⁶. С другой стороны, когда в адрес тройки обратился заводской комитет (Севморзавода) с просьбой оказать помощь рабочим, желающим выехать из Крыма в связи с землетрясением, им также было отказано на том основании, что «потерявшим квартиры будут предоставлены другие жилища»⁷.

22 октября 1927 г. Севастопольская тройка, обсуждая порядок «рассмотрения заявлений и отпуска средств на восстановление разрушенных домов рабочих, служащих, беднейшего населения и беднейшего крестьянства», постановила: «Преимущество оказывать рабочим, служащим и кустарям. Помощь оказывать также и городской бедноте. В деревнях – батрацким и бедняцким хозяйствам и в особых случаях – середняцким, когда нет возможности получать льготный кредит»⁸.

Значительным бременем на плечи городского бюджета в этот период легла и необходимость оказания помощи беженцам из населённых пунктов Южного берега Крыма. В протоколах неоднократно указывается факт «значительного наплыва беженцев с Юж-

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 938. Л. 52.

² Там же. Д. 953. Л. 12.

³ Там же. Л. 53.

⁴ Там же. Л. 21.

⁵ ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 953. Л. 12.

⁶ Там же. Л. 15.

⁷ Там же. Л. 11.

⁸ Там же. Л. 16.

ного берега Крыма, в большинстве своём обременённых детьми», и, как следствие, требования Севастопольской тройки в адрес Крымской Правительственной комиссии «доассигновать из резервного фонда» в их распоряжение дополнительные средства на оказание помощи иногородним беженцам. Для «упрощения системы передачи ассигнованных на восстановление крестьянских хозяйств средств» был введён порядок передачи крестьянам долговременных ссуд (для середняков) и единовременных безвозвратных пособий (для бедняков) через председателей сельскохозяйственных кредитных товариществ, которые должны были «раздавать эти деньги всем крестьянам по деревням, охваченным кредитными товариществами», по утверждённому Севастопольским горсоветом списку¹.

С целью установления контроля над целевым расходованием средств на восстановление пострадавших в результате землетрясения жилых помещений в сельской местности при Управлении коммунального хозяйства Крыма (далее – Крымкоммунхоз) был создан штат техников-инструкторов по восстановлению жилых крестьянских помещений. В их обязанность входило на основании заявок производить осмотр повреждённых помещений, оценивать объём ущерба, стоимость восстановительных работ, проводить инструктаж владельцев строений об обязательных антисейсмических мерах в процессе восстановления жилых помещений, контролировать их исполнение, а также окончательно оценивать проведённые восстановительные работы на выделенные государством средства. Для оплаты работы техников-инструкторов в смету закладывалась сумма 201 руб. 10 коп. на человека в месяц, включая «суточные (30 руб.), разъездные (20 руб.), квартирные (15 руб.), почтово-канцелярские (2 руб.) расходы, отчисления в Стражкассу (12 руб. 90 коп.) и в Союз (1 руб. 20 коп.)». С апреля 1928 г. распоряжением Крымкоммунхоза взамен компенсации этих расходов техника-инструкторам вводилась твёрдая ставка оклада в размере 120 руб.²

Поскольку поступающих централизованно средств на ликвидацию всех последствий землетрясения катастрофически не хватало, в Крыму и в Севастополе были приняты меры по изысканию дополнительных ресурсов финансирования на местах. Постановлением № 5, принятым ещё 16 сентября 1927 г.,

Правительственная комиссия КрымЦИКа распорядилась всем райисполкомам и горсоветам Крыма ввести надбавки на государственные услуги с перечислением средств, собранных от их отчисления, в фонд по борьбе с последствиями землетрясения. Распоряжением от 22 сентября 1927 г. КрымЦИК определил, что «все средства, поступающие на указанную цель, как то: пожертвования и установленные [...] сборы-надбавки, считаются централизованными, а потому предлагается [...] все подобные суммы, поступающие в ваше распоряжение, ежедневно переводить в г. Симферополь Крымкоммунбанку для зачисления их на текущий счёт Комиссии [...]. Указанные средства ни в коем случае не могут быть расходуеты райисполкомами и целиком должны поступать в распоряжение Правительственной комиссии при КрымЦИКе на вышеуказанный текущий счёт»³.

В Севастопольском отделении Коммунального банка был открыт счёт № 159 Чрезвычайной комиссии по борьбе с последствиями землетрясения при Севастопольском райисполкоме, на который производились зачисления всех собранных средств.

На основании постановления КрымЦИК № 5 от 16 сентября 1927 г. в Севастополе ввели надбавку на билеты для входа в места публичных зрелищ и увеселений, которую Чрезвычайная комиссия при Севастопольском райисполкоме по ликвидации последствий землетрясения просила финотдел взимать «одновременно со взиманием местного налога и надбавки в пользу РОКК (Российское общество Красного Креста. – *Примеч. авт.*), не допуская никаких изъятий и освобождений»⁴. Финотдел усилил контроль «в местах публичных зрелищ и увеселений за выполнением отв[етственными] строителями и администраторами действующих на сей счёт инструкций и правил»⁵. За период с 20 по 28 сентября 1927 г. Театрально-художественным объединением Севастополя, за счёт отчисления установленных надбавок на билеты, было собрано и перечислено 1404 руб. 80 коп.⁶

Однако без «изъятий и освобождений» от исполнения общего требования не обошлось. Уже 27 сентября Управление театрально-художественного объединения Севастополя обратилось с просьбой театральный билет стоимостью от 15 коп. облагать налогом

³ ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 953. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 938. Л. 7.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Д. 953. Л. 10.

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 953. Л. 103.

² Там же. Д. 938. Л. 22.

в сумме не 10, а только 5 коп.¹ Администрация кинотеатра «Молот» ходатайствовала перед тройкой «об освобождении от сборов на землетрясение экрана рабочего кинотеатра “Молот” на Корабельной стороне». Комиссия, учитывая, что данный кинотеатр «находится в рабочем районе и обслуживает исключительно рабочих, по сравнительно низким ценам на билеты», сочла возможным «приравнять экран “Молота”» к экрану рабочих клубов и ходатайствовать перед КрымЦИК об освобождении этого учреждения от дополнительных сборов². При этом при обсуждении постановления Балаклавского горисполкома «Об освобождении от сбора по трамваю лиц, пострадавших от землетрясения» комиссия постановила: «Отклонить»³, а надбавку на игры в казино в пользу пострадавших от землетрясения ввели только с 25 октября⁴.

3 апреля 1928 г. Президиум Севастопольского городского Совета сформировал Комиссию по проверке правильности взимания сборов в пользу пострадавших от землетрясения в составе трёх человек, которой было поручено «произвести проверку приёма и сдачи денежных сумм, поступивших в пользу пострадавших от землетрясения»⁵. Было установлено, что за период с 20 сентября 1927 г. по 18 апреля 1928 г. общая сумма поступлений составила 50 127 руб. 65 коп. Из них «львиную» долю составили сборы от «зрелищных предприятий» (26 054 руб. 94 коп.) и от надбавки к трамвайным и автомобильным билетам (20 013 руб. 24 коп.)⁶. В докладе об итогах проверки указывалось, что в опубликованном в средствах массовой информации постановлении КрымЦИК № 5 от 16 сентября 1927 г., на основании которого и строилась вся работа по установлению дополнительного сбора, было «недостаточно ясно изложено, с кого, за что, сколько и кем взимать», не была «опубликована форма отчётности с обязательством применения её для всех принимающих участие в этом общественном деле». Чёткие инструкции и единые правила по установлению дополнительных сборов, формированию подписных листов, перечень организаций и учреждений, подлежащих обложению, организаций, в чью обязанность вменялся контроль над исполнением данного постановления, Правительственная комиссия в регионы так

и не передала. В результате отсутствие единой системы требований к установлению надбавки, учёту поступлений и порядку перечисления собранных средств на расчётный счёт № 159 привело к многочисленным нарушениям и злоупотреблениям как в порядке установления и взимания надбавок, так и в расходовании полученных дополнительных средств на ликвидацию последствий землетрясения⁷.

Для централизованной организации сбора и учёта пожертвований от организаций и частных лиц при КрымЦИК сформировали особую Правительственную комиссию по изысканию средств помощи пострадавшим от землетрясения, в задачу которой входило установление связей с созданными во многих крупных промышленных центрах страны комиссиями помощи пострадавшим от землетрясения в Крыму, организация совместных мероприятий, распространение в средствах массовой информации сведений о масштабах разрушений, о потребности отдельных населённых пунктов Крыма в строительных материалах, оборудовании, денежной помощи, сводок о ходе ликвидации последствий землетрясения в Крыму и т.д. Так, 8 февраля 1928 г. Ленинградская комиссия помощи пострадавшим от землетрясения в Крыму обратилась в Севастопольский окружной исполком с просьбой для организуемой в конце февраля 1928 г. в Манеже Аничкова дворца выставки, «чистый сбор от которой поступит в фонд помощи», предоставить чертежи, эскизы антисейсмического строительства в Севастополе, план города, фотографии разрушенных зданий и прочее⁸.

Редакция газеты «Маяк Коммуны», выполняя поручение усилить информирование «Центра и печати, как центральной, так и автономных республик и губернских», постоянно размещала публикации о ходе ликвидации последствий землетрясения в Севастополе, о масштабах разрушений, значительных, но недостаточных объёмах государственного финансирования, необходимости добровольных пожертвований, направляла в средства массовой информации других регионов страны бюллетени с призывом оказывать посильную помощь в ликвидации последствий землетрясения и оказании помощи пострадавшим⁹.

Помимо сведений о масштабах разрушений и мерах, предпринятых для скорейшей ликвидации послед-

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 953. Л. 14 об.

² Там же.

³ Там же. Л. 21.

⁴ Там же. Л. 20.

⁵ Там же. Д. 1072. Л. 5.

⁶ Там же.

⁷ ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 1072. Л. 5–7.

⁸ Там же. Д. 938. Л. 38.

⁹ Там же. Л. 20.

ствий землетрясения, в архивных документах имеются и многочисленные свидетельства о настроениях среди жителей Севастополя, об общем эмоциональном фоне в обществе. Известно, что в первые часы после сокрушительных подземных толчков многих жителей Севастополя «охватили панические настроения». В архивных документах упоминаются многочисленные факты травм и увечий, полученных в результате падения из окон и с балконов. В последующие дни многие жители, опасаясь входить в свои повреждённые дома и квартиры, ночевали под охраной патрулей на Приморском и Историческом бульварах, в скверах, во дворах домов, на открытых площадках¹. В сентябре – начале октября 1927 г. наблюдался отток населения из города: опасаясь повторения подземных толчков, люди уезжали из Севастополя и Крыма на материковую часть страны.

В протоколах заседаний Севастопольской чрезвычайной комиссии видим, что при рассмотрении вопросов о выделении средств на выезд из Севастополя и Крыма в качестве уважительной причины для предоставления помощи принимались не только потеря жилья, полученные травмы, но и «нервные расстройства вследствие землетрясения»².

В этой обстановке, наряду с оказанием помощи в получении новых квартир, выделением безвозвратных сумм беднякам и льготных возвратных кредитов середнякам на восстановление и ремонт повреждённых жилых помещений, хозяйственных построек, Севастопольским горсоветом была организована масштабная агитационно-просветительная кампания среди городского и сельского населения. 12 сентября в бюллетене газеты «Маяк Коммуны» горсовет призвал жителей «не поддаваться панике, не верить дурным слухам и предсказаниям». Одним из самых распространённых

мотивов к ожиданию «апокалипсиса» в отдельно взятом регионе были передаваемые «из уст в уста» рассуждения о скором уходе под воду Крымского полуострова, который по своему геологическому строению был похож на «гриб, стоящий на тонкой ножке», и в результате воздействия дальнейших подземных толчков эта «ножка» непременно должна была «обломаться»³. В клубах, кинотеатрах, на агитплощадках для проведения разъяснительной работы с целью подавления панических настроений организовали выступления специалистов по географии, геологии, сейсмологии, которые разъясняли особенности геологического строения Крымского полуострова, причины возникновения землетрясений, историю их повторения на территории Крыма с древних времён и т.д. Учителей школ 2-й степени привлекли к проведению «бесед и лекций в населённых пунктах района и на окраинах города на тему “Миросоздание и землетрясение”»⁴.

В результате проведения целого комплекса просветительных мероприятий удалось быстро добиться перелома в изменении настроений населения. Получая материальную помощь и моральную поддержку от центральных органов власти, от организаций и отдельных граждан со всех уголков Советского Союза, приобретая знания о природе землетрясений, постоянно получая информацию о предпринимаемых органами власти мерах, направленных на оперативное устранение последствий землетрясения, жители Севастополя, Балаклавы, сельских районов довольно быстро справились с охватившими их в первые дни паническими настроениями, растерянностью и активно включились в работу по ликвидации последствий самого мощного за всю историю Крыма и Севастополя землетрясения.

¹ Севастополь. Энциклопедический справочник. С. 321.

² ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 953. Л. 20.

³ Гридасова М. Указ. соч.

⁴ ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 953. Л. 20.

М.Г. Соловьёва

И каждый памятник нам дорог. Об истории строительства в Севастополе в 1930-е гг. и восстановлении в 1950-е гг. памятника В.И. Ленину

21 января 1924 г. в 18 часов 50 минут в усадьбе Горки Подольского уезда Московской губернии после продолжительной болезни на 54-м году жизни скон-

чался Владимир Ильич Ленин, стоявший у истоков создания первого в мире социалистического государства – Союза Советских Социалистических Республик.

По всей стране был объявлен траур, во всех городах и населённых пунктах стихийно прошли митинги, собрания трудящихся.

В Севастополе 23 января 2500 рабочих и служащих крупнейшего в городе промышленного предприятия «Севастопольский морской завод» собрались на общее внеочередное собрание по случаю смерти В.И. Ленина. «Все рабочие и служащие на это историческое собрание явились как один», отмечалось в протоколе собрания. В принятой единогласно резолюции говорилось: «...Неожиданная для нас смерть нашего дорогого и уважаемого мирового вождя пролетарской революции В.И. Ульянова-Ленина является чрезвычайной потерей для рабочего класса в целом мирового масштаба, нет слов выразить скорбь по случаю тяжёлой для нас потери...»¹.

Вскоре в Севастополе был создан Фонд имени В.И. Ленина. В Севастопольском отделении Государственного банка СССР зарегистрировали расчётный счет № 6848, на который жители Севастополя, профсоюзные организации, предприятия, учреждения города, военнослужащие частей и соединений Черноморского флота начали перечислять средства на «постановку в Севастополе памятника В.И. Ленину»².

В 1924 г. по заказу Исполкома Севастопольского городского Совета московский художник-скульптор В.Е. Лямин приступил к работе над проектом памятника В.И. Ленину, однако этот проект в Севастополе не одобрили, и он не был воплощён в жизнь³.

В 1930 г. Комиссия по увековечению памяти Ленина Института Ленина при ЦК ВКП(б), рассмотрев ходатайство Севастопольского городского Совета «о разрешении на постановку в Севастополе памятника В.И. Ленину, высказалась за постановку памятника», при этом указав, что средствами на установку памятника в Севастополе «комиссия не располагает»⁴.

В 1930 г. Севастопольский городской Совет поручил разработать проект памятника В.И. Ленину ленинградскому скульптору Василию Васильевичу Козлову (1887–1940). Выбор кандидатуры скульптора Козлова не был случайным.

Председатель Комитета скульпторов Петрограда (с 1919 г.), сотрудник Отдела охраны и реставрации памятников искусства и старины (1919–1925), позже профессор скульптурного факультета Академии художеств, Василий Козлов к этому времени уже был хорошо известен как автор точных и выразительных скульптурных портретов советских руководителей – К.Е. Ворошилова, С.М. Кирова, Г.К. Орджоникидзе, И.В. Сталина.

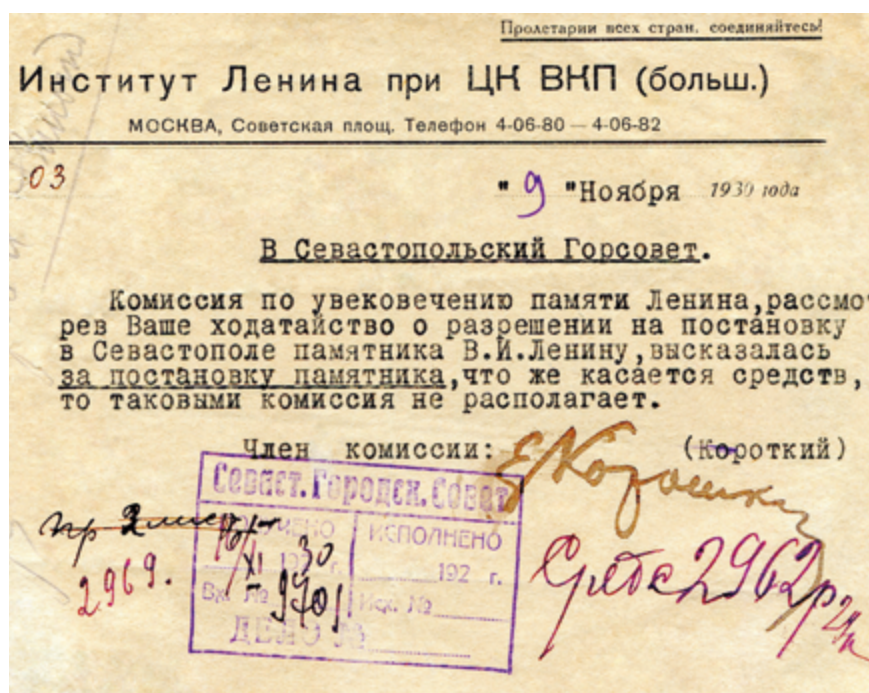
Сообщение Управления Севастопольского военного порта о передаче в агитотдел Политуправления Черноморского флота средств, собранных работниками Севвоенморпорта на строительство памятника В.И. Ленину, в размере 189 руб. 28 коп. Севастополь. 6 октября 1924 г. ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 257. Л. 3

¹ ГКУ «Архив города Севастополя» (ГКУ АГС). Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 1562. Л. 5–5 об.

² Там же. Д. 257. Л. 2.

³ ГКУ АГС. Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 257. Л. 8.

⁴ Там же. Р-79. Оп. 1. Д. 672. Л. 22.

Сообщение Комиссии по увековечению памяти В.И. Ленина при Институте Ленина при ЦК ВКП(б) о положительном решении ходатайства Севастопольского городского Совета на постановку памятника В.И. Ленину в Севастополе. Москва. 9 ноября 1930 г. ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 672. Л. 22

В.В. Козлов – скульптор, автор памятника В.И. Ленину в Севастополе. [1930-е гг.] ГКУ АГС. Ф. Р-183. Оп. 2. Д. 280. Л. 10

В 1931 г. мастерскую скульптора в Ленинграде посетил руководитель немецких коммунистов Вильгельм Пик (в 1949–1960 гг. – первый и единственный президент Германской Демократической Республики), и Василий Козлов лепил его портрет с натуры.

Украшением многих объектов архитектуры и градостроительства стали работы В.В. Козлова в Ессентуках (Грязелечебница), Пятигорске (решётка около памятника на месте дуэли М.Ю. Лермонтова), Киеве (здание бывшего Педагогического музея), Ленинграде (здание Ленинградского областного комитета Коммунистической партии СССР) и др.¹

Но главной причиной избрания Севастопольским городским Советом кандидатуры ленинградского

скульптора для исполнения памятника В.И. Ленину в Севастополе было то, что В.В. Козлов стал одним из первых советских скульпторов, кто приступил к воплощению образа вождя в памятниках вскоре после его смерти и нашёл единственно верное, полюбившееся сразу, пластическое решение. Скульптору Василию Козлову удалось создать в монументальном искусстве «подлинно реалистический, простой, как сам Ленин, и доходчивый образ вождя, Учителя и создателя первого в мире социалистического государства, ставший самым популярным, любимым и поистине народным»². Так написала в 1956 г. о Василии Козлове в своих воспоминаниях, переданных на хранение в Государственный архив г. Севастополя, вдова скульптора Антонина Сергеевна Томашевич. В 1967 г. она передала для Севастопольского архива и многочисленные фотографии В.В. Козлова,

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-183. Оп. 2. Д. 280. Л. 18/41. Ламм Л. Создатель памятника В.И. Ленину // Блокнот агитатора. 1962. Октябрь. № 29. Издание отдела пропаганды и агитации Ленинградского обкома и горкома КПСС.

² ГКУ АГС. Ф. Р-183. Оп. 2. Д. 280. Л. 4, 5.

детальное описание памятника В.И. Ленину, пояснения содержания многофигурных композиций барельефов и горельефов, украшавших его постамент, фотографии скульптора, сделанные в период работы над памятником В.И. Ленину в Севастополе в 1930–1932 гг., и другие документы о скульпторе В.В. Козлове.

Трудность работы скульптора Козлова над образом Ленина заключалась в том, что ему не довелось ни видеть при жизни, ни рисовать с натуры первого руководителя советского государства. При работе над воссозданием его портретных черт Василий Васильевич использовал фотографии, посмертную маску, снятую вскоре после смерти Ленина скульптором С.Д. Меркуловым. Усложнял художественный выбор и сам жанр скульптуры, который оставлял автору возможность воплотить в статуе только один, наиболее характерный для полного раскрытия всей многогранной личности героя момент. Василий Васильевич много и серьёзно изучал воспоминания о Ленине его соратников, впитывал впечатления и характеристики, которые они давали в своих статьях: «гигант мысли», «суровый революционер», «обязательный человек с лукавыми глазами» и «огоньком почти женственной нежности к человеку» (А.М. Горький), «мыслитель со лбом Сократа» (А.В. Луначарский). Как всё это передать в одной скульптуре, в одной застывшей позе?

В 1924 г. Василий Козлов исполнил статую Ленина, впоследствии установленную в управлении Северо-Западной железной дороги. Фигура вождя с высоко поднятой рукой раскрывала только одну черту В.И. Ленина – его мастерство пламенного и страстного оратора. Неудовлетворённый этим образом, Василий Козлов продолжил поиски, исполнил несколько вариантов памятника, выставляя их на суд общественности, участвовал во всех конкурсах, которые объявляли Академия художеств и Комиссия по увековечению памяти Ильича. В 1925 г. памятник В.И. Ленину работы скульптора Козлова открыли в Таганроге, в 1926 г. – в Ленинграде, на Финляндском вокзале. Из пяти памятников В.И. Ленину работы В.В. Козлова, установленных в Ленинграде, всемирную известность приобрёл памятник, торжественно открытый 7 ноября 1927 г. у здания бывшего Смольного института. Удачно найденное новое пластическое решение позволило скульптору воплотить и динамику стремительно развивавшихся событий революции 1917 года, и простоту, естественность человека – главного их руководителя, достичь органического единства фигуры с гранитным пьедесталом

(автор В.А. Шуко), и всего памятника с целым ансамблем Смольного. В адрес Василия Козлова посыпались письма с просьбами от жителей других советских городов повторить этот памятник и в их населённом пункте. И скульптор создал оригинальные памятники В.И. Ленину для Ярославля, Махачкалы, Новороссийска¹. По сведениям А.С. Томашевич, в общей сложности в 40 городах Советского Союза были установлены памятники В.И. Ленину по проекту В.В. Козлова. Кроме того, он разработал несколько базовых моделей статуи первого руководителя советского государства, с которых впоследствии производилась массовая отливка широко растиражированных скульптур, установленных в десятках населённых пунктов страны, во всех союзных республиках.

По мнению Л.Я. Латт², «наиболее грандиозный по своим масштабам памятник был установлен в Севастополе». Севастопольский вариант памятника В.И. Ленину стал не только одной из лучших работ в творчестве скульптора В.В. Козлова, но и одним из лучших среди созданных в 1920–1940-х гг. в Советском Союзе в цикле «Лениниана».

Местом проведения основных работ В.В. Козлова по созданию модели памятника В.И. Ленину, двух вариантов постамента, отливки скульптуры, горельефов и барельефов стал Ленинград. Здесь к августу 1931 г. для работы скульптора Козлова над моделью памятника В.И. Ленину на средства Севастопольского городского Совета художественно-репродукционными мастерскими «Худрепмас» сектора науки Народного комиссариата просвещения была специально отремонтирована и дооборудована мастерская³. В ней проходила основная работа скульптора над моделью памятника, были разработаны два варианта постамента, горельефов, барельефов. Изначально предполагалось, что памятник В.И. Ленину будет установлен в центре Севастополя, на площади III Интернационала, на месте демонтированного в 1928 г. памятника адмиралу П.С. Нахимову.

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-183. Оп. 2. Д. 280. Л. 18/43–46. Латт Л. Создатель памятника В.И. Ленину.

² Латт Любовь Яковлевна – искусствовед, свыше 40 лет (с 1947) научный сотрудник Государственного Эрмитажа, член Союза художников СССР (с 1957). Её работы, посвящённые в основном скульптуре, публиковались в журналах «Искусство», «Нева», «Театр», изданиях Русского музея и Союза художников СССР. С 1988 г. жила в Израиле, где умерла в 2005 г.

³ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 672. Л. 8.

Скульптор В. В. Козлов у второго варианта модели памятника В.И. Ленину.

Ленинград. До апреля 1931 г.

ГКУ АГС. Ф. Р-183. Оп. 2. Д. 280. Л. 8

Демонтаж памятника П.С. Нахимову. 1928 г.

Фото И.В. Акуленко.

ГКУ АГС. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 14. Л. 58

Проект предусматривал создание оригинального постамента со сглаженными закруглёнными углами, все фасады которого украшали бы горельефы и барельефы, отражающие этапы революционной борьбы в России и их победное воплощение в практике социалистического строительства: «1905 год», «Восстание на броненосце “Потемкин”», «Штурм Перекопа», «Бегство белых», «Восстановительный период первых пятилеток», «Дружба народов» и другие, общей площадью до 40 кв. м. Однако в связи с принятым позднее решением использовать в качестве основы для памятника гранитный постамент от демонтированного памятника П.С. Нахимову площадь горельефов и барельефов сократилась до 25 кв. м, что повлекло за собой необходимость разработки второго варианта модели постамента, пересмотра его формы, отдельных деталей¹.

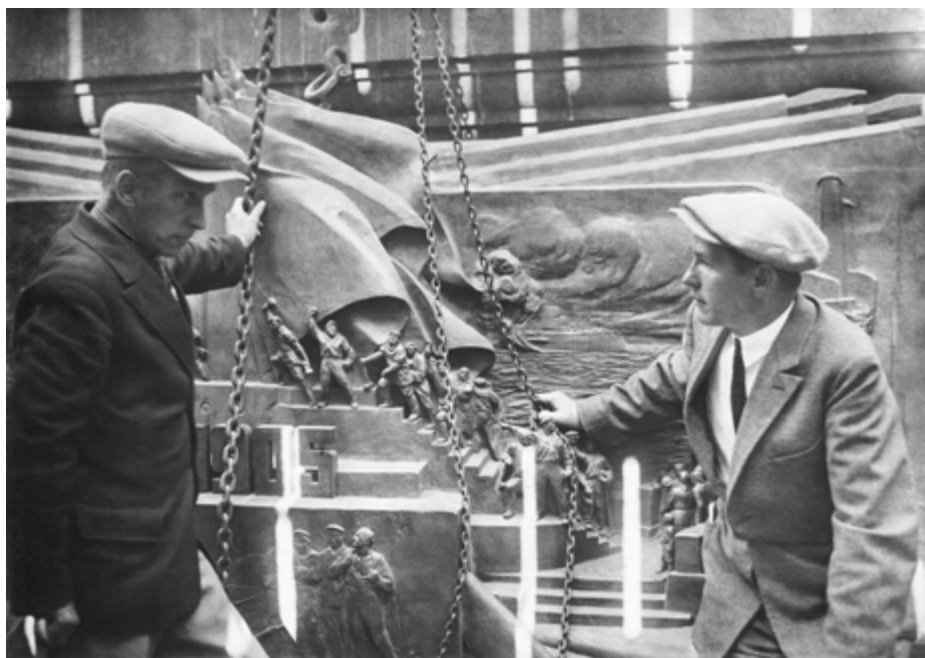
16 августа 1931 г. на заседании президиума Исполкома Севастопольского городского Совета было принято решение «одобрить проект памятника в последней его редакции [...] фигуры сделать не из искусственного камня, а из бронзы [...] считать последним сроком постройки памятника и его установки в г. Севастополе – к 15-й годовщине Октябрьск[их] торжеств, в связи с чем т. Козлову считать работу памятника – ударной работой [...] статую В.И. Ленина поставить лицом к городу, т.е. к Дому Красной Армии и Флота [...]. В целях мобилизации общественных средств для постройки памятника продлить срок 2-копеечного сбора с трамвайных билетов в специальный фонд постройки памятника, без указания срока»².

На заседании президиума Исполкома Севастопольского городского Совета от 16 августа 1931 г. в качестве основного источника пополнения недостающих средств на постройку памятника В.И. Ленину (123 тыс. руб.) утвердили распространение «в Крыму и Севастополе бюстов и барельефов т. Ленина скульптора Козлова, в количестве 25 000 экз., определив

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 672. Л. 10–11.

² Там же. Д. 617 а. Л. 286.

Скульптор В.В. Козлов (слева) и представитель Севастопольского городского Совета И.Д. Максименко (справа) у горельефа «1905 год» первого варианта модели постаamenta памятника В.И. Ленину. Ленинград. До апреля 1931 г. ГКУ АГС. Ф. Р-391. Оп. 3. Д. 13. Л. 10

Горельеф «1905 год». Размещён под барельефом «Штурм Перекопа» на фронтальной стороне постаamenta. Автор – скульптор В.В. Козлов. Первый вариант. Ленинград. До апреля 1931 г. ГКУ АГС. Ф. Р-391. Оп. 3. Д. 13. Л. 73

Их ценность заключается в том, что практически все известные видовые фотографии довоенного периода запечатлели общий вид памятника В.И. Ленину, но не детали многофигурных композиций. А снимки из фотофонда Архива города Севастополя в сочетании с детальным описанием памятника, сделанным вдовой скульптора А.С. Томашевич, позволяют воссоз-

дать представление об этом выдающемся произведении советского монументального искусства 1930-х гг.

Так, например, в горельефе «Переход через Сиваш» А.С. Томашевич указывает на такие детали, как «телеграмма В.И. Ленина товарищу Фрунзе; указан № телеграммы, дата – 5 ноября и текст – приказ начать освобождение Крымского полуострова

от Врангеля. Рядом фигура Фрунзе на постаменте. В центре, в воде Сиваша, плывущие красноармейцы». В горельефе «Штурм Перекопа» – «ответная телеграмма Фрунзе В.И. Ленину, что штурм 15-й и 20-й дивизиями увенчался успехом. [...] Внизу под «Штурмом Перекопа» барельеф «1905 года», слева восстание на «Потёмкине», на горизонте Очаков в огне, рядом, правее, Одесса, где на лестнице, наверху, Матюшенко призывает всех присоединиться к морякам. Внизу расстрел восставших. Обрамление – победные знамёна. Внизу символическая цепь с разорванным звеном». И такое подробное пояснение по каждому барельефу и расположенному под ним горельефу постамента.

В описаниях фигур в основании памятника С.А. Томашевич приводит характеристики образов, которые В.В. Козлов запечатлел при работе над ними: «Матрос сидит на бухте каната. Солдат с винтовкой зорко следит – он на охране, а не нападении. Крестьянин сидит рядом с колосьями. Умное лицо с бородой, рука жилистая, рабочая. Рабочий с циркулем, с чертежом – передовой вожак, стремящийся к знаниям». Сам автор в рабочей записке к Г.С. Пивину дал такие пояснения к скульптуре «Рабочий»: «Фиг[ура] изображает нашего современного рабочего – в позе полуотдыхающего, опирающегося правой рукой на тяжёлый молот. После тяжёлого физич[еского] труда и овладения техникой. Он уже держит в другой руке чертежи, циркуль, угольник и линейку. Это его вечерняя работа в Ф.З.У. Вот так мы преодолеваем поставленную перед нами Партией и Правительством задачу». В своих воспоминаниях Антонина Сергеевна указала важную деталь: «на сооружение памятника был установлен правительством срок 10 месяцев. В.В. Козлов уложился в 9 месяцев»¹.

Торжественное открытие памятника состоялось 7 ноября 1932 г. Три дня спустя газета «Красный Крым» описала это событие: «На месте, где долгие годы мозолил глаза царский адмирал Нахимов, перед взорами тысяч глаз предстала огромная фигура Ленина. Пока линкор «Парижская Коммуна» и стоящие на рейде крейсера салютуют открытию памятника, взоры всех устремляются на памятник В.И. Ленину. Высота его 14 метров, размер фигуры Ильича – 4,5 метра. Фигура призывает к дальнейшим боям, указывая путь к социализму»². По сведениям А.С. Томашевич, вскоре после открытия памятника «Н.К. Крупская, Мария Ильинична и Дмитрий Ильич (сестра и брат

В.И. Ленина. – *Примеч. авт.*) приехали в Севастополь для осмотра памятника. Им давал объяснения т. Максименко (участник штурма Перекопа и консультант В.В. Козлова при лепке горельефов и барельефов). Осмотрев памятник, они были в восторге»³.

Памятник В.И. Ленину. Фото И.В. Акуленко. Севастополь. [1931–1939 гг.] ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 0–1760

В 1932 г. постановлением президиума Севастопольского городского Совета различными наградами и денежными премиями были поощрены 102 человека, принимавшие активное участие в создании памятника В.И. Ленину. Скульптор В.В. Козлов был награждён грамотой ударника, денежной премией в размере 3000 руб. Кроме того, «учитывая высокую художественную и политическую значимость построенного

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-183. Оп. 2. Д. 280. Л. 3.

² Красный Крым. 1932. 10 ноября.

³ ГКУ АГС. Ф. Р-183. Оп. 2. Д. 280. Л. 3.

памятника В.И. Ленину», Севастопольский городской Совет ходатайствовал перед ВЦИК о присвоении ему звания заслуженного деятеля искусств.

В числе награждённых в 1932 г. Севастопольским горсоветом активных участников строительства памятника В.И. Ленину в Севастополе упоминается также первый помощник В.В. Козлова скульптор-художник Н.В. Томский.

Открытый в 1932 г. прекрасный, истинно народный, памятник В.И. Ленину, установленный исключительно на средства севастопольцев, был украшением города всего лишь 10 лет. В период обороны Севастополя 1941–1942 гг. памятник пострадал в ходе многочисленных артиллерийских обстрелов и бомбардировок противника. Израненный «Ильич» оставался с защитниками Севастополя до конца в их стойком и упорном сопротивлении врагу.

Памятник В.И. Ленину. Севастополь.
Площадь III Интернационала. 1941–1942 гг.
ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 1005

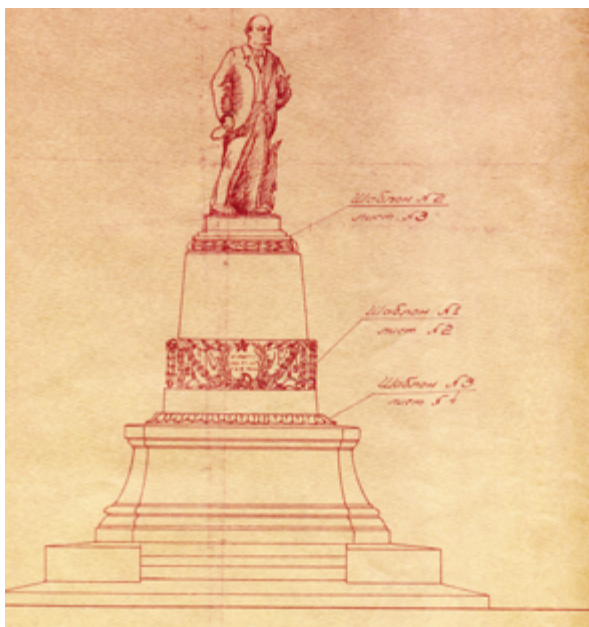
После оставления советскими частями Севастополя в первых числах июля 1942 г. (7 или 8 июля) германские оккупационные власти демонтировали памятник В.И. Ленину и впоследствии вывезли его в качестве металлолома на переплавку в Германию. Жительница оккупированного Севастополя Е.П. Бараненко (в девичестве Даниличева) написала об этом в своих воспомина-

ниях: «Немцы под дулами автоматов сгоняют оставшихся жителей на центральную площадь [...] сгоняют среди белого дня, чтобы эффектнее было сбросить скульптуру вождя [...] и тем показать установление “нового порядка”. Обвязали фигуру тросом, привязали к танку и рванули, а трос и лопнул [...] На площади прокатился шумок со смехом. Людей тотчас разогнали, и памятник ломали уже ночью без свидетелей...». «...Гнусная немчура опутали верёвками и канатами памятник, как паук муху, и за концы тягачами и машинами тянули в направлении морского вокзала. Щёлкали затворы фото- и киноаппаратов да стоял иноземный лай ликующей фашистской сволочи. Памятник Ленину упорно и долго сопротивлялся, но всё же не устоял и упал в направлении Графской пристани. Нас заставили немцы убирать от лома и камней площадь, а потом конвоем погнали по улице», – вспоминал Н.А. Астафьев, участник обороны Севастополя, в 1942 г. оказавшийся в немецком плену¹.

После освобождения Севастополя от немецко-фашистских захватчиков в апреле – мае 1944 г. жители города, памятуя о прекрасном памятнике В.И. Ленину работы В.В. Козлова, установили временно на посечённом осколками снарядов и бомб постаменте небольшой бюст В.И. Ленина. Позже по проекту архитектора П.И. Швабауэра изготовили скульптуру В.И. Ленина в полный рост и установили её на постаменте. Однако предусмотренные проектом отделочные работы не были выполнены до конца, по своим размерам и пропорциям скульптура не соответствовала высоте постамента. Очевидно поэтому в 1955 г., по результатам обследования, в паспорте Управления культуры Исполнительного комитета Севастопольского городского Совета депутатов трудящихся на памятник В.И. Ленину, в графе 12 «Какие необходимы меры для сохранения памятника», появилась отметка: «Необходимо воздвигнуть новый памятник»².

¹ Н.Ф. Задорожная. Севастополь в период немецко-фашистской оккупации 1942–1944 гг. Хроника. Рукопись. С. 21.

² ГКУ АГС. Ф. Р-183. Оп. 2. Д. 76. Л. 5.

Проект восстановления памятника В.И. Ленину. Автор – архитектор И.А. Швабауэр. Севастополь. 1957 г. ГКУ АГС. Ф. Р-308. Оп. 2. Д. 716. Л. 8. Ч. 1

Памятник В.И. Ленину. Автор – архитектор И.А. Швабауэр. Севастополь. Площадь Нахимова. [После 1957 г.] ГКУ АГС. Ф. Р-183. Оп. 2. Д. 76. Л. 4

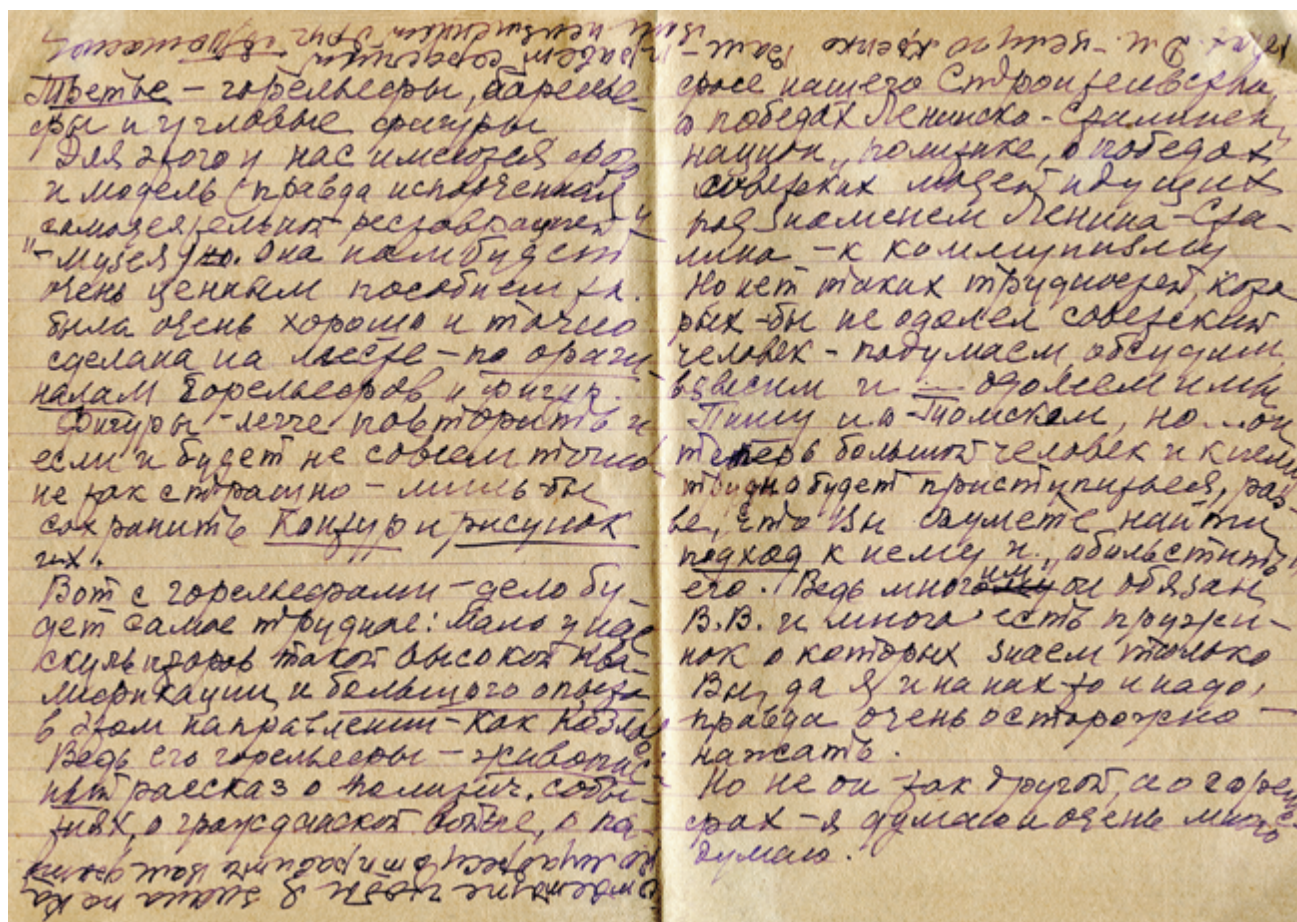
В 1950 г. директор Севастопольского музея капитан 1-го ранга В.П. Болгари обратился к вдове скульптора В.В. Козлова А.С. Томашевич с просьбой оказать содействие в восстановлении памятника Ленину, предоставить чертежи и схемы, в случае если они сохранились в домашнем архиве семьи Козловых. В письме к И.Д. Максименко от 20 декабря 1950 г. А.С. Томашевич сообщила, что сохранила все документы, связанные с постройкой памятника в Севастополе, готова передать их в Севастополь, запрещая обсуждать с ней вопрос об оплате, рекомендовала в качестве скульптора, единственно способного воплотить замысел В.В. Козлова, хотя бы частично, ученика своего мужа Н.В. Томского, накануне удостоенного Сталинской премии 1-й степени. Упомянула о нём, как об одном из немногих, кому под силу восстановить знаменитые многофигурные горельефы Козлова – «живописный рассказ о политических событиях, о Гражданской войне, о пафосе нашего строительства, о победах Ленинско-Сталинской национ[альной] политики, о победах советских людей, идущих под знаменем Ленина – Сталина – к коммунизму»: «Пишу и о Томском, но он теперь большой человек, и к нему теперь будет трудно приступить, разве что Вы сумеете найти подход к нему и “обольстить” его. Ведь многим он обязан В.В. (Козлову. – *Примеч. авт.*) [...] Но не он так другой...»¹.

Место для возведения нового памятника выбрали на Центральном городском холме, на Нагорной площади (с 22.12.1954 г. – площадь Победы, с 1.11.1957 г. – площадь Ленина). Работу над его проектом осуществил скульптор П.И. Бондаренко в соавторстве с архитекторами Г.В. Шуко² и С.Я. Туровским. В новом памятнике Ленину был сохранён основной принцип композиции предыдущего памятника: скульптура В.И. Ленина на постаменте, у подножия четыре скульптуры – «Рабочий», «Крестьянин», «Солдат», «Матрос». Однако повторить великолепные многофигурные горельефы и барельефы в 1950-е гг. уже не смогли.

Решением Исполнительного комитета Севастопольского городского Совета депутатов трудящихся от 20 декабря 1975 г. № 856 в утверждённом списке памятников истории и культуры г. Севастополя памятник В.И. Ленину на площади Ленина внесли

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-391. Оп. 3. Д. 10. Л. 6.

² Шуко Георгий (Юрий) Владимирович – выдающийся русский советский архитектор, старший сын архитектора Владимира Алексеевича Шуко, работавшего с В.В. Козловым над памятником В.И. Ленину у здания Смольного института в Ленинграде в 1927 г.

Страницы из письма А. С. Томашевич к И. Д. Максименко о деталях реализации проекта восстановления памятника В.И. Ленину работы скульптора В.В. Козлова в Севастополе. Ленинград, 20 декабря 1950 г. ГКУ АГС. Ф. Р-391. Оп. 3. Д. 10. Л. 6

Памятник В.И. Ленину. Севастополь. Площадь Ленина. 22 апреля 1975 г. ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. 8284

в раздел «Памятники союзного значения»¹. В списках памятников республиканского значения значились памятники В.И. Ленину в Балаклаве (ул. Новикова), в бухте Омега (территория санатория ЧФ), на территории Севастопольского авторемонтного завода (ул. Шабалина, 2), в совхозе им. С. Перовской,

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 2. Д. 2436. Л. 93-133.

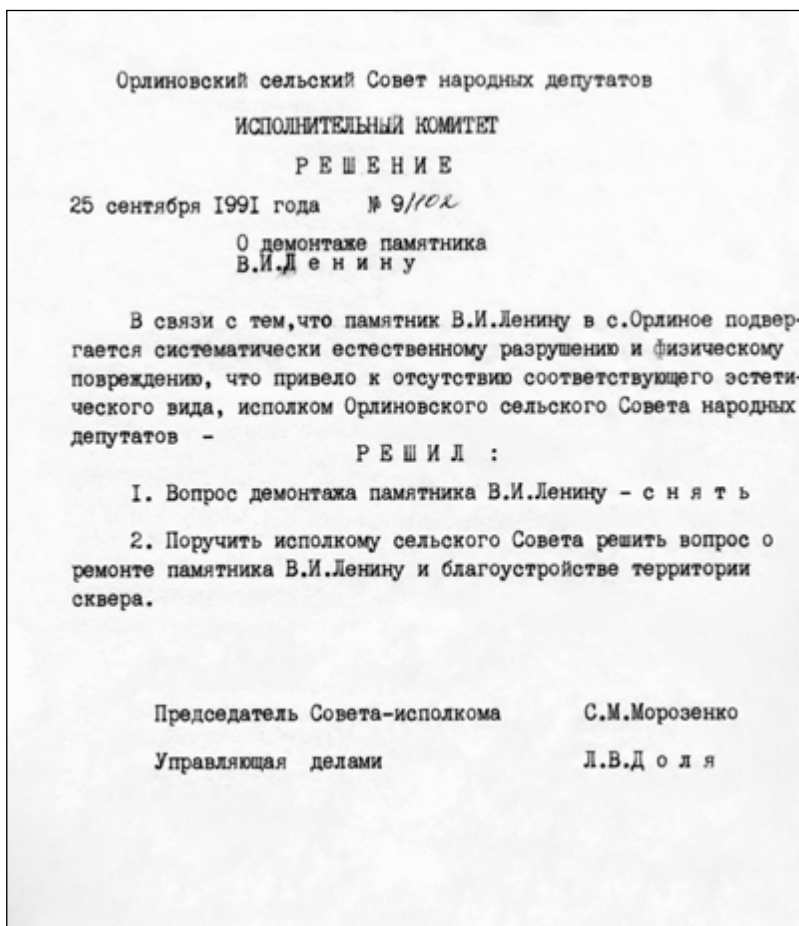
в совхозе им. П. Осипенко¹. По состоянию на 2008 г. в Севастополе в общей сложности насчитывалось 10 памятников В.И. Ленину².

В начале 1990-х гг., после распада Советского Союза, когда во всех его бывших республиках по городам и сёлам прокатилась волна уничтожения памятников, посвящённых советским вождям (этот процесс получил негласное название «ленинопад»), севастопольцы отстояли все памятники советской эпохи, не позволив снести или демонтировать ни один из памятников первому советскому руководителю.

В чём же причина такой удивительной для многих гостей Севастополя «стойкости» нашего города в сохранении исторической памяти советского периода? Можно по-разному относиться к роли В.И. Ленина в истории нашей страны, к его личным качествам, можно восхищаться достижениями советского общества, науки, культуры или осуждать просчёты руководства страны. Но при этом мы хорошо помним, что Севастополь дважды сыграл огромную роль в защите национальных интересов нашей страны, пережил две разрушительные осады, дважды возрождался из руин и пепла, к сожалению не всегда сумев вернуть утраченные памятники истории и культуры. Слишком дорого заплатили севастопольцы за сохранение исторического и культурного наследия, запечатлённого в памятниках архитектуры, монументальной скульптуры, градостроительства, чтобы своими руками в мирное время уничтожить его прекрасные образцы.

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 2. Д. 2436. Л. 132.

² Севастополь. Энциклопедический справочник. Севастополь, 2008. С. 460.

Решение Исполнительного комитета Орлиновского сельского совета от 25 сентября 1991 г. № 9/102 «О демонтаже памятника В.И. Ленину». ГКУ АГС. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 1266. Л. 228

Внимательное изучение документов Архивного фонда города Севастополя по истории создания и возрождения памятника В.И. Ленину в Севастополе даёт возможность осознать необходимость трепетного отношения к нашей истории, её воплощению в памятниках, каждый из которых нам дорог.

Оборона Севастополя 1941–1942 гг. в советской историографии второй половины 1940–1960-х гг.

Первые труды по истории Великой Отечественной войны были созданы в ходе самой войны. По мемуарному свидетельству Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова, «Героическая оборона Севастополя по достоинству была оценена, несмотря на отдельные промахи»¹. Причём оценена как руководством партии и страны, так и, соответственно, ведомственными, военными, историками. Осенью 1942 г. действовала специальная комиссия вице-адмирала С.П. Ставицкого² по изучению опыта обороны Севастополя, в которой, в частности, трудился генерал П.А. Моргунов³ – один из руководителей обороны (заместитель командующего Севастопольским оборонительным районом) и в будущем (1979) автор книги «Героический Севастополь» – о событиях 1941–1942 гг.

В 1943 г. вышли подготовленная сотрудниками Военно-исторического отдела Генерального штаба Красной Армии брошюра «Оборона Севастополя»⁴ и учебное пособие кафедры истории ВКП(б) Военно-политической ордена Ленина академии Красной Армии им. В.И. Ленина «Героическая оборона Севастополя»⁵. В брошюре, вполне объективно представляющей деятельность «группы генерал-майора Петрова»⁶, подчёркивалось: «Исключительно важную и в то же время тяжёлую задачу выполняли корабли Черноморского флота, обеспечивая войска Севастопольского оборонительного района всем необходимым для боя и жизни»⁷. То есть речь шла о том, что основная тяжесть противостояния врагу легла на плечи Севастопольского оборонительного района.

Начало публикациям по истории Крыма и Севастополя в годы войны было положено Крымской комиссией по истории Великой Отечественной войны⁸ и непосредственно её сотрудником Р.М. Вулем⁹. В 1944 г. он выпустил сборник материалов «Немецкие варвары в Крыму»¹⁰, рассказывающий о зверствах оккупантов. Вскоре после победы в войне, в 1946 г., Вуль выпустил первый сборник документов и материалов, посвящённый истории Севастопольской обороны 1941–1942 гг. В него вошли главным образом материалы периодической (центральной и местной) печати. Специально оговаривалось, что Крымская комиссия «не ставила перед собой цели опубликовать все материалы, относящиеся к истории

обороны Севастополя»¹¹. Судя по текстам, составитель ставил своей задачей показать роль «коммунистов (Всесоюзной Коммунистической партии и Крымского обкома. – С.В.) в боях за Севастополь»¹². Однако при жизни И.В. Сталина и в первые годы после его смерти далеко не все факты об организации обороны Севастополя и, главное, причинах его потери в 1942 г. можно было упоминать в научных исследованиях. Само собой разумеется, ни ошибки «Ставки» Верховного Главнокомандования, точнее – личные просчёты И.В. Сталина (см. док. № 2), ни ошибки представителя Ставки – Л.З. Мехлиса¹³ – давнего сталинского соратника и главного антигероя обороны, нельзя было упоминать даже косвенно. По большому счёту, указанные сюжеты вообще остались за рамками сборника, представлявшего собой агитационно-пропагандистский материал, но не фундаментальный труд.

В историографии 1950-х гг. следует выделить вышедшее в 1956 г. краткое учебное пособие генерал-лейтенанта В.Ф. Воробьёва, преподававшего в Краснознамённой военной академии им. М.В. Фрунзе¹⁴. В данном труде были изложены основные факты истории обороны Севастополя, а в фокусе внимания находилась Отдельная Приморская армия, бойцы которой внесли решающий вклад в героическую оборону Севастополя.

Историографический «канон» описания роли командования в обороне Севастополя в годы Великой Отечественной войны начал формироваться в выступлениях на военно-научных конференциях конца 1950 – начала 1960-х гг. командующего Черноморским флотом и в 1941–1942 гг. Севастопольским оборонительным районом адмирала Ф.С. Октябрьского¹⁵, который приписал главную заслугу в обороне Севастополя Черноморскому флоту и лично себе, «благодаря» последнее сделать было тем легче, что формально Октябрьский был руководителем Севастопольского оборонительного района – СОР (см. док. № 1).

В источниках и научной литературе деятельность Ф.С. Октябрьского получила неоднозначные оценки.

С одной стороны, признаётся его большой вклад в организацию обороны. Так, в современной официальной армейской историографии справедливо отмечается: «Он умело организовал сухопутную, морскую

и противовоздушную оборону города, успешно руководил действиями войск и сил флота, которые 250 суток обороняли Севастополь. Принимал участие в разработке плана и проведении Керченско-Феодосийской десантной операции в декабре 1941 г. – январе 1942 г. В результате был захвачен важный оперативный плацдарм в Крыму, на котором в дальнейшем были развёрнуты войска Крымского фронта; под его руководством войска и личный состав кораблей, осуществлявшие высадку в сложных штормовых условиях и при сильном противодействии противника, проявили героизм и высокое воинское мастерство»¹⁶.

С другой стороны, именно Ф.С. Октябрьский – инициатор т.н. «эвакуации», а фактически бегства высшего и старшего командного состава Отдельной Приморской армии и Черноморского флота, партактива Севастополя (эвакуация остальной части военнослужащих не предполагалась, люди были брошены на произвол судьбы, часть захваченных была расстреляна, часть погибла ещё на крымской земле в ходе оккупации, из заключённых в концлагеря многие не дожили до освобождения). Командование Черноморского флота во главе с Ф.С. Октябрьским эвакуировалось из города на самолёте в ночь на 1 июля, а для эвакуации командования сухопутных войск, партийных и советских руководителей были предоставлены две подводные лодки. Инициатива в эвакуации высших кадров Черноморского флота принадлежала Военному Совету Черноморского флота (то есть Ф.С. Октябрьскому и его политкомиссарам), который 30 июня доложил наркому Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецову и командующему Северокавказским фронтом С.М. Будённому о необходимости вывезти самолётами в ночь на 1 июля 200–250 ответственных работников и командиров на Кавказ. Ответ наркома пришёл в тот же день: «Эвакуация ответственных работников и ваш выезд на Кавказ Ставкой разрешены. Кузнецов»¹⁷.

Некоторые обстоятельства «эвакуации» высшего комсостава были изложены ещё в конце 1970-х гг. крупным советским историком флота Г.И. Ваневым¹⁸. Позднее, в середине 1990-х гг., Г.И. Ванев привёл такой факт: «Когда к самолёту подходили командующий Черноморским флотом вице-адмирал Октябрьский и член Военного Совета флота дивизионный комиссар Кулаков, их узнали. Скопившиеся на аэродроме воины зашумели, началась беспорядочная стрельба в воздух... Но их поспешил успокоить военком авиационной группы Михайлов, объяснив, что командова-

ние улетает, чтобы организовать эвакуацию из Севастополя»¹⁹.

В эпоху «гласности» все вещи назвал своими именами преподаватель ВВМУ им. М.В. Фрунзе, в середине 1980-х гг. – лектор группы командирской подготовки главнокомандующего Военно-Морским Флотом В.Д. Доценко: командующий Севастопольским оборонительным районом Ф.С. Октябрьский и его заместитель по сухопутной части, командующий Приморской армией генерал-майор И.Е. Петров бросили «на произвол судьбы более чем 80-тысячный гарнизон (в том числе 23 тыс. раненых) в осаждённой противником крепости»²⁰. «В критической обстановке два высших военачальника (Октябрьский и Петров. – С.В.) предали своих бойцов. Этот поступок надо рассматривать как бегство с театра военных действий. С петровских времён в Морском (а затем и в Корабельном) уставе записано: “Командир покидает корабль последним”. В русской военной истории трудно найти примеры, когда командиры первыми покидали свой корабль (или войска). В период первой обороны Севастополя в 1854–1855 гг. ни один из адмиралов и генералов не оставил свои войска. Даже фельдмаршал Паулюс не покинул обречённые на гибель и плен свои войска под Сталинградом, он разделил их участь»²¹. Как считают современные исследователи из Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооружённых Сил РФ им. А.М. Василевского, «части СОРа могли ещё держаться, а сколько – зависело от поддержки флота. Бегство же начальства оказало на подчинённых сильнейший деморализующий эффект и привело в результате к полному развалу обороны. Генерал-майор Новиков, которого Петров оставил вместо себя, при попытке эвакуации попал в немецкий плен, где на допросе заявил следующее: “Можно было бы ещё держаться, отходить постепенно, а в это время организовать эвакуацию. Что значит отозвать командиров частей? Это развалить оборону, посеять панику, что и произошло»»²².

Важно указать, что ясность в вопрос о действиях Ф.С. Октябрьского на заключительном этапе обороны Севастополя внёс в своих воспоминаниях, опубликованных в начале 2000-х гг., адмирал Н.Г. Кузнецов: «Ф.С. Октябрьского я знал довольно давно. [...] [В] Севастополе и на учениях флота у меня складывалось положительное мнение о новом командующем. Это был, бесспорно, энергичный адмирал, работавший не жалея сил и имевший партийный подход к делу. До этого он никогда не командовал крупными кораб-

лями или соединениями больших надводных кораблей. Для Черноморского флота, крупного по составу, это имело значение. Об этом при назначении Ф.С. Октябрьского мне докладывали кадровики, но я лично большого значения этому не придавал²³.

«Серьёзные разногласия с командующим флотом у меня были весной 1942 г., – указал Николай Герасимович. – Мне и начальнику ГМШ (Главного морского штаба ВМФ. – С.В.) к тому времени становилось очевидным, что новые условия на морском театре – с оживлёнными морскими коммуникациями из кавказских портов в Севастополь и Керчь и необходимостью вести более активную работу с увеличившимся к тому времени флотом противника – настоятельно требовали нахождения Военсовета флота со своим ФКП там, откуда действует весь флот, т.е. на Кавказском побережье. [...] На мой первый устный доклад и предложение о переносе КП флота Сталин определённого ответа не дал, а когда в апреле 1942 г. я повторил свой доклад и назвал даже кандидата на должность командующего СОР (генерала С.И. Кабанова), то, вылетая 23 апреля 1942 г. вместе с маршалом С.М. Будённым в Краснодар, я попутно получил указание переговорить по этому поводу с Ф.С. Октябрьским. Прибывший туда Октябрьский в присутствии С.М. Будённого попросил разрешения *подумать*, а дня через два дал *отрицательный* ответ. Я, конечно, не мог знать, как сложатся события дальше, но отрицательный ответ командующего, к тому же посланный прямо в адрес Верховного, заставил сохранить прежнюю организацию»²⁴.

Н.Г. Кузнецов до конца своих дней сожалел, что ему не удалось убедить Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина в необходимости принятия своих предложений. По убеждению наркома ВМФ СССР, реорганизация командования СОР в марте 1942 г. «ещё могла по-иному провести оборону Севастополя в самые последние дни борьбы и эвакуацию большего числа людей»²⁵.

По высокоавторитетной оценке Адмирала Флота Советского Союза, «вынужденная поспешная эвакуация из Севастополя явилась одной из причин последующего (почти через год) перевода Ф.С. Октябрьского на другую работу. [...] Во второй половине июня 1942 г., когда шли непрерывные бои за Севастополь, шансов удержать Севастополь с каждым днём оставалось меньше. Верховное Главнокомандование и Наркомат ВМФ внимательно следили за боями, но враг медленно сжимал кольцо вокруг

города. 29 июня Ф.С. Октябрьский (не Военный Совет Черноморского флота, а лично командующий флотом. – С.В.) дал телеграмму в мой адрес с просьбой разрешить ему с группой руководящих работников покинуть Севастополь, *“оставив за себя генерала И.Е. Петрова”*. Тогда уже не время было вспоминать о своих предложениях на этот счёт и возражении Октябрьского. Представляя сложность положения, я тотчас же приказал ответить, что *“согласен и буду ходатайствовать об этом перед Верховным Главнокомандующим”*»²⁶. Н.Г. Кузнецов пояснил: «Эта телеграмма посылаясь спешно для того, чтобы сориентировать командование флота и дать возможность подготовиться в ожидании согласия Ставки. Такое согласие через несколько часов я получил лично от Сталина и на основании его дал разрешение Военсовету флота *“оставить Севастополь”*, полагая, что там будет продолжать борьбу генерал И.Е. Петров, как писал командующий флотом»²⁷.

Однако Ф.С. Октябрьский фактически ввёл в заблуждение наркома: «В последний момент было принято решение генералу Петрову также эвакуироваться. Когда на следующий день Ставка узнала, что из Севастополя отбыли Ф.С. Октябрьский и И.Е. Петров, то Сталин был крайне недоволен. *“Вы же мне говорили, что там остаётся Петров. За это придётся кого-то из вас наказать”*, – сказал он сердито, и мне ничего не оставалось, как по телефону зачитать текст телеграммы Октябрьского»²⁸.

По мнению Н.Г. Кузнецова, Ф.С. Октябрьский «имел обыкновение слишком [многое] возмнить [о себе], когда дело у него шло хорошо, и критиковать своих подчинённых, если случались неудачи»²⁹. За этой строкой читалось – и сваливать ответственность на подчинённых в случаях провала.

Всячески подчёркивая значение Черноморского флота, адмирал Ф.С. Октябрьский фактически приписывал заслуги Отдельной Приморской армии и её бойцов, вынесших на своих плечах последний этап обороны.

Нарождавшийся официальный «канон» был закреплён с выходом в 1960–1965 гг. комплексной 6-томной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945». Вопрос о необходимости написания такого труда поставили военные деятели ещё при жизни И.В. Сталина. Один из крупнейших полководцев Второй мировой войны Маршал Советского Союза А.М. Василевский³⁰ неоднократно поднимал перед И.В. Сталиным вопрос о необходимости

выявления документов для последующего написания комплексной истории Великой Отечественной войны. По мемуарному свидетельству маршала, они с В.Д. Соколовским³¹ присутствовали на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), рассматривавшем вопросы военного ведомства. Судя по журналу записей посетителей И.В. Сталина, данное заседание состоялось в июне или июле 1952 г., поскольку два военачальника находились на приёме у И.В. Сталина одновременно четыре раза: 12 июня, 13 июня, 3 июля и 7 июля 1952 г.³² «Я поставил более настойчиво вопрос перед Сталиным, – рассказал Василевский, – что надо приниматься за это дело...»³³

И.В. Сталин отлично понимал значимость документальных источников и их взрывную силу, в случае если они попадут «не в те руки». Не отклонив предложение маршала, Председатель Совета Министров СССР дал ему понять, что эту работу (которую он взял под личный и непосредственный контроль) он поручает не А.М. Василевскому, а преданному секретарю и действующему начальнику Генштаба: «И тут же Сталин вносит предложение: отобрать все архивные документы, касающиеся Ставки [и] Генерального штаба. Кому поручить? [А.Н.] Поскрёбышеву³⁴ и [С.М.] Штененко³⁵. А мне говорят: ничего не предпринимать в этом отношении. Все материалы собрали и [то], что [лично] смотрел Сталин. И только потом, оказывается, начали возвращать [документы обратно в архив Министерства обороны], и целый ряд материалов был возвращён»³⁶.

После смерти Сталина, в 1955–1956 гг., архив Министерства обороны принял «обратно из Особого сектора ЦК материал», однако «далеко не всё»³⁷. Ряд наиболее ценных документов партийное руководство оставило у себя – в «т.н. личном архиве Сталина»³⁸, у А.Н. Поскрёбышева, который, как отметил в 1964 г. А.М. Василевский, «говорит меньше, чем египетский сфинкс»³⁹. А при ограниченной документальной основе плюс жёстких и бескомпромиссных идеологических установках не могло быть речи о полноценном и объективном (для своего времени), тем более обобщающем труде. Личный помощник И.В. Сталина относился к тому типу людей, которые в самом прямом смысле этого слова уносили все тайны с собой в могилу. Оставшиеся у А.Н. Поскрёбышева материалы были совершенно недоступны вплоть до начала 1990-х гг. Следует заметить, что часть их до сих пор находится на секретном хранении. Историкам приходилось опираться на ограниченную источниковую базу, которая

не позволяла составить полную картину обстоятельств потери Крыма.

Труд «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945» начал готовить Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС на основании постановления Президиума ЦК КПСС от 12 сентября 1957 г. В самый разгар хрущёвской «оттепели» – в качестве ответа буржуазным фальсификаторам истории Второй мировой войны. В этот день на заседании Президиума Центрального Комитета присутствовали члены Президиума Н.И. Беляев, Л.И. Брежнев, О.В. Куусинен, А.И. Микоян, Н.М. Шверник, кандидаты в члены Президиума А.Н. Косыгин, М.Г. Первухин и П.Н. Поспелов⁴⁰, однако, судя по всему, вопрос был решён не на заседании, а опросом членов Президиума – по записке Поспелова⁴¹. В соответствии с постановлением, книга должна была «представлять собой глубокое марксистское исследование, охватывающее все стороны военной истории 1941–1945 гг., внутренние процессы экономического и общественно-политического развития страны, а также внешней политики в этот период»⁴². 5 октября, на первом заседании редакционной комиссии книги, её председатель П.Н. Поспелов сделал доклад «О задачах и структуре Отдела истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС»: «Перед редакционной комиссией и Институтом марксизма-ленинизма Центральным Комитетом партии поставлена сложная задача – в короткие сроки создать и выпустить труд большого воспитательного и международного значения. Выпуск этого труда особенно важен именно в данный момент, потому что история в какой-то мере повторяется: в Западной Германии возрождаются милитаризм и фашизм, идёт подготовка к новой войне. Мы должны правдиво, по-марксистски осветить историю Второй мировой и Великой Отечественной войны и этим нанести удар по пропаганде милитаризма и буржуазной историографии этой войны»⁴³. ЦК КПСС видел труд о Великой Отечественной войне «как общественно-политическую и военную историю Второй мировой войны»⁴⁴. Главная задача состояла в том, чтобы «показать силы Советского государства, героизм советских людей на фронте и в тылу»⁴⁵. «Труд должен дать советскому народу и всему человечеству ясный ответ на прямой вопрос – почему из этой тяжёлой войны Советский Союз сумел выйти победителем, в чём заключаются истоки несокрушимой силы Советского Союза и его Вооружённых Сил», – подчеркнул Поспелов⁴⁶.

В условиях холодной войны следовало «ещё более укрепить уверенность нашего народа в исторической непобедимости социализма, а нашим врагам сделать своего рода историческое предупреждение, что их попытки ещё раз напасть на страну социализма закончатся крахом»⁴⁷.

О второй цели в официальном постановлении ЦК КПСС не было сказано ни единого слова, однако цель эта была поставлена неформально. О ней 20 февраля 1963 г., на теоретической конференции на тему «Ликвидация последствий культа личности в освещении вопросов истории Великой Отечественной войны», высказался обладавший большим опытом военно-политической работы заведующий отделом истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС генерал-майор Советской армии Е.А. Болтин⁴⁸: «Расчистить историю войны от явных наслоений неправды, от прямого восхваления Сталина, пересмотреть те положения истории, на которые повлиял культ личности Сталина»⁴⁹. По признанию Болтина, сделать это оказалось отнюдь не просто: «Легче всего убрать из истории Великой Отечественной войны следы восхваления Сталина, т.е. исключить его имя и такие эпитеты, как “гениальный полководец”, “великий вождь” и т.п. Это сделать довольно просто, но это только часть, причём меньшая часть, задачи. А большая часть задачи заключается в том, чтобы исключить влияние культа личности на оценки событий войны. И тут мы до сих пор часто бессознательно находимся под влиянием тех старых формулировок, которые рождались в период культа личности Сталина»⁵⁰.

Конкретной задачей ставилось «показать вдохновляющую роль партии, социалистического общественного строя, роль советского народа, советского патриотизма»⁵¹. В структуре второго тома предполагалось осветить в том числе «вынужденное отступление Красной Армии и её героическое сопротивление врагу, провал “молниеносной” войны фашистской Германии против СССР и создание условий для перелома в ходе войны»⁵².

Отдел истории Великой Отечественной войны ИМЛ, который начал формироваться в октябре 1957 г., и редакционная комиссия издания стали организациями, на которые работали «все учреждения, занимающиеся историей Великой Отечественной войны»⁵³. Собственно, головной организацией стал возглавляемый Е.А. Болтиным отдел.

Формирование Отдела истории Великой Отечественной войны было практически начато 1 ноября,

штат утвердили 24 декабря 1957 г., однако полностью организация отдела была завершена в феврале 1958 г., а штат укомплектовали только в марте – апреле⁵⁴. Видимо, именно в это время работа отдела была поставлена на должную высоту: уже 21 мая 1958 г. руководитель 2-го тома генерал-майор Н.А. Фокин⁵⁵ доложил Е.А. Болтину: подобран коллектив по написанию глав и разделов 2-го тома в составе 29 человек, 13 из которых были штатными сотрудниками отдела, а 16 – «приватными авторами»⁵⁶. Фокин также указал в докладной записке Болтину: «Часть сотрудников тома и частных авторов в данное время занимается выявлением и отбором документов и материалов для сборника в архивах (Центральный партийный архив, Архив Министерства обороны, Архив ВЦСПС, Центральный государственный архив Октябрьской революции, Архив Центрального статистического управления СССР). Составляется картотека опубликованных документов. Было положено начало масштабной работе по выявлению и систематизации источников. Небольшое количество документов из архивов уже поступило (документы немецкого главного командования, часть директив Главного политического управления Советской армии). Составлены списки выявленных документов и направлены на них заявки на предмет размножения и высылки в Отдел, в Архив Главного политического управления Советской армии, Канцелярию министра обороны, Центральный партийный архив»⁵⁷.

Глава 3-я части 1-й 2-го тома книги носила название «Крах немецко-фашистской стратегии “молниеносной” войны». В ней предполагалось осветить в числе других сюжетов бои в Донбассе и в Крыму и оборону Севастополя⁵⁸, а также борьбу за Крым и освобождение Керченского полуострова⁵⁹. Глава 10-я части 3-й называлась «Потеря Красной Армией стратегической инициативы и переход немецких войск в новое наступление» (позднее – глава 12-я «Временная потеря Красной Армией стратегической инициативы»⁶⁰, её редактором был назначен сотрудник Отдела истории Великой Отечественной войны ИМЛ П.П. Богданов⁶¹). В ней предписывалось раскрыть следующие сюжеты: «1. Обстановка на советско-германском фронте к лету 1942 г. и планы сторон. 2. Оставление Крыма советскими войсками. 3. Неудачное наступление советских войск на харьковском направлении. 4. Оборонительные бои на воронежском направлении и в Донбассе. 5. Боевые действия Красной Армии на других участках фронта»⁶².

Следует отметить, что уже в проспекте издания (1958) Отдельной Приморской армии было уделено меньшее внимание, нежели Черноморскому флоту и даже партийной организации Севастополя⁶⁵.

15 марта 1958 г. состоялось заседание Отдела истории Великой Отечественной войны ИМЛ, на котором было принято решение готовить издание «Документы и материалы по истории Великой Отечественной войны Советского Союза» в пяти томах, причём каждый том «будет соответствовать аналогичному тому нашей пятитомной истории»⁶⁴ (цитируется Е.А. Болтин). Когда отдел приступил к данной работе, подготовку документальных сборников свернули Институт истории АН СССР и Военно-научное управление Генерального штаба⁶⁵. Последнее, работавшее по заданию Института истории, направило 4 марта 1958 г. заведующему Отделом истории Великой Отечественной войны ИМЛ генерал-майору Е.А. Болтину «Краткий доклад о содержании сборника документов, подготовленного коллективом работников Центрального архива Министерства обороны (г. Подольск) по заданию Института истории АН СССР»⁶⁶. Е.А. Болтин указал 13 марта, что присланные материалы «не представляют для нас особого интереса»⁶⁷. Судя по всему, в этом с ним вполне согласились заместитель заведующего Отделом истории Великой Отечественной войны ИМЛ Б.С. Тельпуховский⁶⁸ и руководители 2-го, 3-го и 4-го томов «Истории Великой Отечественной войны...»⁶⁹.

Принципам подготовки сборника документов в ИМЛ было посвящено состоявшееся 21 июля 1958 г. расширенное заседание редакционной комиссии по изданию «Истории Великой Отечественной войны...». На заседание были приглашены руководящие работники архивов – прежде всего начальник Главного архивного управления МВД СССР Г.А. Белов⁷⁰ и руководство Центрального архива Министерства обороны. На заседании редакционной комиссии 21 июля 1958 г. крупный советский военный историк П.А. Жилин⁷¹ подчеркнул, что цель и значение сборников определены постановлением Центрального Комитета: «Издать пять томов по истории Великой Отечественной войны и пять томов сборников документов для дальнейшего развития научно-исследовательской работы по вопросам истории Великой Отечественной войны»⁷². Жилин указал: «Цель сборников документов состоит в обосновании того, что будет написано в основных томах истории Великой Отечественной войны, а главное, [в том, чтобы] помочь нашей интеллигенции, практическим работникам правильно понять

события и бороться против фальсификаторов истории Великой Отечественной войны»⁷³. Слова о фальсификаторах имели под собой конкретные основания. Как с возмущением написал начальнику Отдела пропаганды ЦК КПСС Л.Ф. Ильичёву 9 февраля 1959 г. Маршал Советского Союза А.И. Ерёменко, переломом в истории Второй мировой войны У. Черчилль называл Эль-Аламейн, ряд американских историков – «наступление американцев в Тихом океане»⁷⁴, «либо даже высадку англо-американских войск во Франции в 1944 г., как набирается наглости утверждать битый фашистский генерал фон Вестфаль в книге “Роковые решения”»⁷⁵⁷⁶.

Как указано в Отчёте о работе Отдела истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС за 1958 г., архив отдела собирал и хранил документы истории Великой Отечественной войны, которые выявляли и копировали научные сотрудники отдела, а также различные министерства и ведомства. В течение 1958 г. было «собрано 3800 документов, из которых 3000 прошли научно-техническую обработку. На архивные документы составлены хронологический и предметно-тематический каталоги»⁷⁷. 20 июня 1959 г. П.Н. Поспелов с гордостью отметил, что было изучено больше тысячи документов из архивов Центрального Комитета партии, Государственного Комитета Оборона в дополнение к документам архива Министерства обороны⁷⁸.

В 1959–1962 гг. помощь Институту марксизма-ленинизма оказывало Главное архивное управление СССР, регулярно откомандировывавшее в ИМЛ по 6–7 человек⁷⁹. Совместные усилия партийных историков и работников архивов принесли масштабные результаты. 30 марта 1962 г. на заседании дирекции ИМЛ Б.С. Тельпуховский рассказал, что за период подготовки было выявлено 18 тыс. документов (это не считая материалов Генштаба), свыше 1500 из которых являлись «основополагающими документами, извлечениями из [делопроизводства и архива] ЦК КПСС», а именно – постановлениями ГКО СССР, ЦК ВКП(б) и Совнаркома⁸⁰, а также Ставки Верховного Главнокомандования⁸¹. В отборе документов принимали активное участие лично П.Н. Поспелов и два его заместителя»⁸². По признанию Б.С. Тельпуховского, «мы могли бы составить 18 сборников, в несколько раз больше»⁸³, чем было заявлено. Тельпуховский признался, что «одновременно готовить том и готовить сборник документов чрезвычайно тяжело и даже невозможно при таком количестве людей, каким мы

располагаем»⁸⁴. Б.С. Тельпуховского поправил начальник Главархива СССР Г.А. Белов: выявленного материала хватило бы на несколько сотен сборников⁸⁵.

Тогда же обозначились и первые проблемы с выходом документального издания в свет. Б.С. Тельпуховский рассказал: «После составления первого тома – в декабре 1960 г. – был сделан этот сборник (сделан макет. – *С.В.*) и роздан членам комиссии на рецензию. Сборник был ими одобрен и представлен на рассмотрение председателя редакционной комиссии. Но [...] дело окончательного доведения сборника до конца задержалось, и он окончательно не рассмотрен и до сих пор не издан»⁸⁶. Сложности возникли и [потому], что ряд документов был подписан теми, кто потерпел поражение во внутрипартийной борьбе 1953–1957 гг., на что сделал более чем прозрачный намёк Тельпуховский: «Основополагающие документы подписаны известными вам людьми, которые, как вы знаете... не должны бы фигурировать»⁸⁷. Из этого положения нашли выход, ставший в советской историографии и археографии традиционным: «документы, на которых лежит печать культа личности или подпись соответствующих лиц, нужно давать без подписи, за подписью соответствующего органа»⁸⁸.

Б.С. Тельпуховский справедливо отметил в кратком обзоре источников, использованных для написания шеститомного труда «История Великой Отечественной войны»: «Для освещения хода вооружённой борьбы Красной Армии и Военно-Морского Флота широко использованы документы Архива Министерства обороны Союза ССР: документы Ставки Верховного Главнокомандования, Генерального и Главного морского штабов, штабов видов вооружённых сил (ПВО, ВВС и ВДВ) и Центрального управления органов тыла военных советов и штабов фронтов и армий, корпусов, дивизий и частей сухопутных войск, военно-морских флотов и флотилий, воздушных сил фронтов и воздушных армий, соединений и частей авиации и Военно-Морского Флота»⁸⁹.

Неожиданно работа над документальной серией была прекращена аппаратом ЦК КПСС. В Отчёте о работе Отдела истории Великой Отечественной войны ИМЛ при ЦК КПСС скупно сообщалось: «Рукописи четырёх сборников документов фактически были подготовлены, но, по указанию Идеологического отдела ЦК КПСС, передача их в производство задержана и работа над ними прекращена»⁹⁰. Неизвестно, была ли это инициатива Л.Ф. Ильичёва – в любом случае вопрос решался на уровне Президиума ЦК КПСС.

Сборник документов по истории Великой Отечественной войны так и не вышел, хотя необходимость его подготовки активно обсуждалась на заседаниях редакционной комиссии «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945». Так, 4 июля 1966 г. член редкомиссии В.А. Андреев рассказал на заседании комиссии: «Мы неоднократно говорили и в рабочем порядке, и на заседаниях, что необходимо издать и сборники документов. Они нужны и научно-исследовательским работникам, и массовому читателю. Ведь не все с периферии могут приехать в архивы Москвы, Ленинграда и т.д. Изданием документов мы поможем развитию науки о Великой Отечественной войне. Надо просить Центральный Комитет о разрешении издания сборника документов, доказать, что это крайне необходимо»⁹¹.

Однако ликвидация документальной серии не затормозила работу над исследованием. 1 июля 1958 г. редакционная комиссия «Истории Великой Отечественной войны...» пришла к выводу о необходимости издания не пяти, а шести томов книги (5-й том было решено посвятить «военным и международным событиям 1945 г., включая и завершение войны на Дальнем Востоке»⁹², а 6-й том – «итогам и результатам Великой Отечественной и Второй мировой войны»)⁹³. Судя по всему, редкомиссию⁹⁴ поддержали в ЦК КПСС.

По состоянию на 4 июля 1958 г., к работе над 2-м томом было привлечено 12 штатных сотрудников и 17 «приватных авторов»⁹⁵. Редакция 2-го тома закончила подготовку рукописи и представила её в редакционную комиссию в конце марта – начале апреля 1959 г. 6 мая состоялась обсуждение рукописи на совещании сотрудников ИМЛ и представителей научных кругов Москвы, где выступили 22 человека. Кроме того, были получены 32 рецензии специалистов – историков, экономистов, военных деятелей. 27 мая, 12 и 30 июня состоялись подробные обсуждения на заседании редкомиссии⁹⁶. Для нашего исследования важно привести оценку академика И.И. Минца, заявившего 12 июня, в частности: «В книге не везде соблюдается пропорция в распределении материала. [...] Читатель знает, что у нас имеется четыре города-героя, и, вероятно, будет искать их в книге. Когда он откроет второй том, то прежде всего найдёт описание Киева, великолепно сделанное, со всеми подробностями, с ролью народного ополчения, с ролью пропагандистской работы и т.д. Мне кажется, что Ленинград и Севастополь заслуживают такого же внимания или,

во всяком случае, о них нужно написать так же подробно, как написано о Киеве. К сожалению, этого нет. Может быть, это потому, что по Киеву попался хороший материал, а по Ленинграду материала нет»⁹⁷. В данном случае академик отметил узость источниковой базы глав об обороне Ленинграда и Севастополя.

20 июня редакционная комиссия по изданию «Истории Великой Отечественной войны...» в основном одобрила текст рукописи 2-го тома, поручив авторам «продолжить работу по улучшению и углублению содержания тома, добиваясь более яркого показа в нём героических усилий Красной Армии и всего советского народа по организации отпора врагу, руководящей роли Коммунистической партии в подготовке условий для коренного перелома в ходе войны»⁹⁸.

В Отчёте о работе Отдела истории Великой Отечественной войны ИМЛ при ЦК КПСС за 1960 г., подписанном Е.А. Болтиным 23 января 1961 г., уточнялось, что типографский макет тома был выпущен в июле 1960 г., однако, по указанию П.Н. Поспелова и на основании рецензий членов редкомиссии, отделу пришлось внести в него «ряд важных изменений и дополнений, особенно связанных с характеристикой Битвы под Москвой. В результате потребовалась серьёзная доработка макета, что вынудило перенести издание тома на 1961 г.»⁹⁹.

Второй том истории войны вышел к 20-й годовщине начала Великой Отечественной войны¹⁰⁰, т.е. к 22 июня 1961 г. В нём говорилось об «отражении советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР» и о создании условий для перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.)¹⁰¹. В рецензиях и письмах издание называли «большим научным событием»¹⁰², отмечалось, что ИМЛ создал «подлинно научный труд по истории Великой Отечественной войны, в котором на основе огромного фактического материала глубоко и правдиво с марксистско-ленинских позиций раскрывается величественная картина героической борьбы советского народа с фашистской Германией и её сателлитами»¹⁰³. Читатели признавали и литературные достоинства книги, и её хорошее художественное оформление. Адмирал флота И.С. Исаков писал: «Книга впечатляюще повествует о поворотном пункте в ходе войны – поражении немецких войск под Москвой. Яркие страницы посвящены битве на берегах русской реки Волги. С благодарностью к авторскому коллективу, совершившему поистине грандиозную работу, закрывает читатель 2-й том. Многие мы вспомнили, на многое взглянули

иными глазами. И снова подумалось: народ, совершивший такой подвиг, велик и непобедим»¹⁰⁴.

Однако с благодарностью закрыли 2-й том книги отнюдь не все читатели. В отчёте указали на ряд критических замечаний по содержанию и оформлению 2-го и 3-го томов: «Некоторые товарищи предлагают ещё раз внимательно пересмотреть тексты томов под углом зрения более решительного раскрытия тяжёлых последствий культа личности Сталина на руководство вооружённой борьбой в ходе событий первого и последующего периодов войны, в частности на систему стратегического руководства и оценку оперативно-стратегической обстановки на различных этапах вооружённой борьбы, на решение конкретных оперативно-стратегических задач»¹⁰⁵.

Помимо общих замечаний высказывались и конкретные¹⁰⁶. В числе прочих сюжетов во 2-м томе рассказывалось об обороне Севастополя 1941–1942 гг., однако, во-первых, ей было уделено внимание всего на 14,5 страницах текста (см. док. № 1), причём в различных главах, во-вторых, оборона освещалась неполно и тенденциозно.

16 апреля 196[2] г. возмущённые генералы и штаб-офицеры, служившие в Отдельной Приморской армии (судя по всему, даже только что получивший воинское звание Маршала Советского Союза Н.И. Крылов¹⁰⁷) и защищавшие Севастополь, послали письмо с протестом против «неверного» освещения обороны города-героя в Центральный Комитет КПСС, который переслал заверенную копию документа в Институт марксизма-ленинизма. В заверенной копии документа, отложившейся в фонде Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (см. док. № 1), подпись маршала отсутствует, однако судя по письму директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС П.Н. Поспелова (см. приложение к док. № 1) и сборнику воспоминаний «У черноморских твердынь. Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя» (М., 1967), в подлиннике она действительно стояла. Маршал Советского Союза Н.И. Крылов написал к сборнику «У Черноморских твердынь» предисловие¹⁰⁸, авторами опубликованных в книге очерков-воспоминаний из подписавших документ были: генерал-полковник артиллерии Н.К. Рыжи, полковник Д.И. Пискунов, полковник В.П. Сахаров, майор Я.Я. Васьковский¹⁰⁹.

Закрывать доклад «О культе личности и его последствиях», изменивший общественную жизнь страны, был возможен только в период кратковре-

менной хрущёвской «оттепели», до 1963 г. люди не боялись открыто выражать своё мнение, военные деятели не стеснялись отправлять в ЦК коллективные послания. В сталинские времена выход истории Великой Отечественной войны едва ли стал бы основанием для резких протестов и возмущений (издание в 1938 г. книги «История ВКП(б). Краткий курс» вызвало бурю писем с указанием на фактические неточности, однако появление коллективных заявлений, да ещё и от военнотружущих, было совершенно немыслимо). Теперь, при Н.С. Хрущёве, на написание и отправку в ЦК КПСС «коллективки» – по партийной линии – решились даже высшие и старшие офицеры, составлявшие группировку маршала Н.И. Крылова (от генерала Н.К. Рыжи до майора Я.Я. Васьковского).

Маршал Н.И. Крылов и другие военные и военно-партийные деятели сделали ряд замечаний ко 2-му тому и практически потребовали восстановить историческую справедливость и рассказать о роли в обороне Севастополя Отдельной Приморской армии, её бойцов и командиров, среди которых были и подписанты апелляции в Центральный Комитет партии. Критика была строго научной, авторы послания ссылались не на личные воспоминания, а на документы из фондов Центрального архива Министерства обороны об организации обороны Севастополя и действиях частей и соединений Отдельной Приморской армии.

Как отметили генералы и штаб-офицеры Отдельной Приморской армии, был «очень мало показан на конкретных примерах массовый героизм защитников Севастополя» (см. док. № 1). При изложении хода отражения второго наступления 11-й немецкой армии «авторами почему-то преувеличены» (см. док. № 1) её успехи. И главное – основная заслуга в обороне города приписывалась Черноморскому флоту, с умалением роли Приморской армии, бойцы которой вынесли всю тяжесть обороны, в том числе в условиях отсутствия какой бы то ни было связи между частями на последнем её этапе: в рассказах о том, кто собственно участвовал в героической обороне города, Черноморский флот неизменно ставился на первое место, а Приморская армия – на второе¹¹⁰. Несмотря на очевидный героизм всех защитников: и красноармейцев, и краснофлотцев, и партизан, и советских граждан, это было исторически необъективно.

Почему такое высокоавторитетное учреждение, как ИМЛ при ЦК КПСС, допустил подобные недоработки?

Во-первых, изначально ограниченный постановлением ЦК КПСС объём издания не позволил выделить оборону Севастополя в самостоятельную главу. Как отметил впоследствии (1966) Н.А. Фокин, «второй том, который вышел в свет, представляет собой лишь часть той рукописи, которую мы подготовили в первом варианте. Нам был дан определённый лимит на издание, и поэтому пришлось убрать очень много ценного материала»¹¹¹. При этом была сокращена и часть материалов, связанных с обороной Севастополя¹¹². И действительно, в 1958 г. ИМЛ получил написанную доцентом Рижского Краснознамённого высшего инженерно-авиационного военного училища к.и.н. М.Ф. Незовитина 165-страничную рукопись «Героическая оборона Севастополя (1941–1942 гг.)»¹¹³, которая, собственно, и должна была лечь в основу соответствующей главы второго тома книги.

Во-вторых, имела место узость источниковой базы, использованной при изучении обороны Севастополя. М.Ф. Незовитин использовал опубликованные источники и материалы периодической печати¹¹⁴, а также документы Партархива Крымского областного комитета Коммунистической партии Украины (Партархив Крымского ОККПУ)¹¹⁵, в рукописи есть единичные сноска на другие архивы, а также Архив Музея обороны Севастополя¹¹⁶). При этом М.Ф. Незовитин ссылался лишь на *отдельные* документы из фондов Архива МО СССР¹¹⁷, использование материалов сухопутных частей и руководства Приморской армии явно носило эпизодический характер¹¹⁸. Приморская армия и её Военный Совет упоминались крайне редко, причём речь не шла о конкретных постановлениях указанного Военного Совета по управлению войсками¹¹⁹. Упоминания постановлений Военного Совета Отдельной Приморской армии носят единичный характер¹²⁰.

Естественно, узость источниковой базы особо ощутима и в сокращённых текстах: в параграфе 2-м «Оставление советскими войсками Крыма»¹²¹ главы 12-й «Временная потеря Красной Армией стратегической инициативы», под редакцией П.П. Богданова, и в итоговом тексте 2-го тома. При описании обороны Севастополя авторы, вслед за рукописью М.Ф. Незовитина, ссылались преимущественно на документы архива исторического отделения Главного штаба Военно-Морского Флота (ИО ГШ ВМФ)¹²², т.е. документы, по определению освещавшие деятельность Наркомата Военно-Морского Флота и Черноморского флота, но не Севастопольского оборонительного района и не Отдельной Приморской армии. Из вышедших

на тот момент трудов по истории обороны Севастополя авторы использовали лишь книгу С.Н. Максимова (из неё был взят статистический материал о количестве бомб, сброшенных вражеской авиацией на город)¹²³. Примечательно, что на заседании редакционной комиссии по изданию «Истории Великой Отечественной войны...» член редкомиссии, вице-адмирал¹²⁴ И.Д. Елисеев¹²⁵, отдавший на свой страх и риск приказ о переводе Черноморского флота в боевую готовность в ночь на 22 июня 1941 г., несправедливо упрекнул автора текста о героической обороне Севастополя Н.А. Фокина, который «иронически сказал, что флот боролся за базы, но этому нужно было придать особое значение. Если мы назовём действия флота по защите Одессы и по питанию её морем, то здесь этот вопрос нужно принципиально поставить, что это заслуга флота. Точно так же и о Севастополе. Севастополь продержался такое количество времени только потому, что Военно-Морской Флот его питал. Эту функцию флота т. Фокин не осветил, а игнорировать эту функцию нельзя, потому что эта обязанность флота будет и в дальнейшем»¹²⁶. Всю вину за то, что весной 1942 г. не была организована глубоко эшелонированная оборона, авторы свалили на командование Крымского фронта: «После нескольких неудачных попыток предпринять решительное наступление войска Крымского фронта по указанию Ставки прекратили активные действия и перешли к обороне»¹²⁷. В труде справедливо указывалось, что «отрицательную роль в обороне Керченского полуострова сыграл бюрократический метод руководства войсками. В критические дни операции командующий фронтом генерал-лейтенант Д.Т. Козлов и представитель Ставки армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис вместо конкретного руководства войсками тратили время на многочасовые бесплодные заседания Военного Совета фронта. Кроме того, личная недисциплинированность Д.Т. Козлова и Л.З. Мехлиса привела к невыполнению указаний Ставки по своевременному отводу войск на Турецкий вал. Опоздание с отводом войск на два дня оказалось губительным для всей оборонительной операции»¹²⁸. Однако о бойцах Отдельной Приморской армии, о её частях и соединениях говорилось до крайности мало¹²⁹.

Материалы «т.н. личного архива Сталина» были недоступны, однако элементарную фактуру происшедшего в Крыму и Севастополе вполне можно было извлечь из документов современных фондов 224 (Полевое управление Северокавказского и Крымского

фронтов) и 238 (Полевое управление Отдельной Приморской армии)¹³⁰ Центрального архива Министерства обороны.

Но главное состояло в «двойной природе» Института марксизма-ленинизма, который ставил и решал не только *научные*, но и *идеологические* задачи, а «источниковедческий канон» в буквальном смысле формировался на их глазах: на военно-научных конференциях, в которых принимали участие военачальники и флотоводцы Великой Отечественной войны. Авторы и редакторы, по всей видимости, чётко понимали огромную важность устных публичных «выступлений» субъектов военной работы тех лет (например, Ф.С. Октябрьского), стенограммы которых (или другие формы фиксации, такие как интервью, в советское время называемые «беседами») осознавались как важнейший источник исторической информации.

17 июля 1962 г. Секретариат ЦК КПСС принял постановление «Об издании дополнительного тиража Истории Великой Отечественной войны», в 3-м пункте которого говорилось: «Поручить дирекции ИМЛ и главной редакции Истории Великой Отечественной войны переиздание 1-го, 2-го и 3-го томов для устранения недостатков, выявленных в томах, вышедших в свет после XXII съезда КПСС»¹³¹. Следует подчеркнуть, что прежде всего речь шла о ревизии заслуг И.В. Сталина в деле руководства воюющей страной. Если раньше, после доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС (1956), признавались ошибки и просчёты покойного Председателя СНК (Совета Министров) СССР, то теперь П.Н. Поспелов, будучи председателем редакционной комиссии «Истории Великой Отечественной войны...», подчеркнул на заседании редкомиссии 11 января 1963 г. ответственность за провалы первых дней войны Г.К. Жукова и С.К. Тимошенко, которые «не приняли всех мер» в ночь на 22 июня 1941 г., притом что в 19 ч 21 июня «было известно, что в эту ночь состоится нападение»¹³².

В Отчёте о работе редакции 2-го тома «Истории Великой Отечественной войны» за 1963 г., составленном 30 ноября 1963 г., Н.А. Фокин доложил: критические замечания были учтены при подготовке дополнительного тиража, вышедшего в ноябре. Редакция «пересмотрела содержание тома в свете решений XXII съезда КПСС и внесла некоторые уточнения в текст, связанные с освещением роли Сталина: убраны некоторые цитаты из работ Сталина, усилен критический анализ его деятельности, изменена терминология при описании Битвы на Волге и др.»¹³³. Изложение фактов,

связанных с Битвой на Волге, вероятно, вызвало особое недовольство Маршала Советского Союза А. И. Ерёменко¹³⁴. В соответствии с предложениями «зарубежных товарищей»¹³⁵ внесли «некоторые поправки в разделы, относящиеся к движению Сопротивления в Польше и Германии»¹³⁶. Очевидно, к предложениям «зарубежных товарищей» и к близкого к Н. С. Хрущёву маршала редакция 2-го тома отнеслась с большим вниманием, нежели к замечанию командования и состава Отдельной Приморской армии.

К моменту решения Секретариата ЦК КПСС со времени выхода 2-го тома книги прошло полтора года, редакция получила много рецензий, отзывов, писем. В крупнейших городах страны прошли читательские конференции, на которых были высказаны «мнения и соображения по поводу второго тома»¹³⁷. В частности, доложил 11 января 1963 г. на заседании редакционной комиссии «Истории Великой Отечественной войны...» Н. А. Фокин, «у нас было записано, что при обороне Севастополя батарея № 35 дралась до последнего снаряда и что защитники батареи героически погибли. Оказалось, что командир этой батареи жив. Он рассказывал, что действительно они дрались до последнего снаряда, потом подорвали батарею и сами ушли, а во всех советских источниках пишут, что они погибли под её развалинами. Такого рода неточности обнаружены и в других местах книги»¹³⁸.

В 1962 г. на текст, посвящённый обороне Севастополя в 1941–1942 г., были получены весьма серьёзные замечания. 1 ноября Н. А. Фокин направил Е. А. Болтину «Краткий отчёт о поездке на научную конференцию [в Севастополе], посвящённую обсуждению 2-го и 3-го томов “Истории Великой Отечественной войны”», в котором указал: «Наряду с положительной оценкой наших томов на конференции и в беседах были высказаны и критические замечания. Оказалось, что флоту (! – С. В.) в томах отведено мало места, высказывались пожелания расширить морские разделы.

Указывалось на необходимость полнее показать трагический конец обороны Севастополя и дать более резкую оценку командованию флота и Ставке, не сумевшим по-настоящему организовать эвакуацию защитников города-героя.

Выступавшие отмечали, что в книгах, посвящённых описанию обороны и освобождения Севастополя, имеются неточности. Некоторые из них проникли и в наши тома.

Все критические замечания будут собраны и обобщены Севастопольским Домом офицеров флота и высланы в Институт в конце ноября 1962 г.»¹³⁹.

12 ноября 1965 г. редакционная комиссия приняла постановление «Об итогах работы над созданием [книги по истории] Великой Отечественной войны и задачах по подготовке второго издания труда». Многотомный труд, распространённый в количестве 220 тыс. экземпляров, «получил в основном положительную оценку»¹⁴⁰ и выполнил свою основную задачу – нанёс «удар по буржуазным фальсификаторам истории, искажающим действительность, а также по тем, кто замалчивает гигантские усилия советского народа и решающую роль Советского Союза в победе над фашизмом»¹⁴¹. При этом признавалось, что труд был не свободен «от недостатков»¹⁴².

Основным недостатком редколлегии зафиксировала умаление вклада в Победу И. В. Сталина при возвышении заслуг Н. С. Хрущёва: «Пять томов были выпущены из печати в 1960–1964 гг., до решений октябрьского (1964) Пленума ЦК КПСС»¹⁴³, подтвердившего постановление Президиума ЦК КПСС о снятии Хрущёва с поста Первого секретаря ЦК. В них «подчёркиваются преимущественно отрицательные моменты и ошибки в деятельности И. В. Сталина и недооценивается его роль в руководстве страной и Вооружёнными Силами в период тяжёлого военного испытания. Вместе с тем на содержание глав и разделов труда повлияли субъективистские оценки войны и в них допущено преувеличение личной роли Хрущёва в этот период»¹⁴⁴.

Помимо причин идеологического характера отмечались и причины, связанные с объективным развитием исторической науки: «Советская историческая наука непрерывно движется вперёд. Современное состояние историографии Великой Отечественной войны и Второй мировой войны превысило тот уровень, на котором написаны первые тома труда. Большой материал собран как в нашей стране, так и за рубежом в результате проведения научных мероприятий в связи с 20-й годовщиной Победы над фашистской Германией. В 1958–1960 гг., когда создавалась “История Великой Отечественной войны Советского Союза”, авторский коллектив труда не смог во всей полноте раскрыть ряд фактов и обобщить их. Некоторые важные документы Государственного Комитета Оборона, Ставки Верховного Главнокомандования и Генерального штаба (например, донесения представителей Ставки, отдельные постановления и директивы

ГКО и т.д.) по ряду причин оставались неиспользованными. По требованию цензурного характера, в данное время устаревшему, в труде (особенно в 1–3-м томах) отсутствуют необходимые данные о составе советских Вооружённых Сил, о военной экономике и т.п. Недостаточно полно описаны некоторые решающие операции войны – например, Битва под Москвой (она вызывала наиболее ожесточённые споры на заседаниях редколлегии. – С.В.)»¹⁴⁵.

Вывод логичен и закономерен: «Необходимость устранения этих недочётов, и особенно – освобождение труда от элементов субъективизма, ставит вопрос о дальнейшей углублённой работе по научному освещению истории Великой Отечественной войны, а следовательно, и о подготовке второго издания труда»¹⁴⁶.

Решение о необходимости подготовки второго издания многотомника было принято единогласно. Вопрос о переиздании был доложен секретарю ЦК КПСС П.Н. Демичеву¹⁴⁷. Не дожидаясь решения ЦК КПСС, Отдел истории Великой Отечественной войны занялся подготовкой переиздания.

Однако далеко не все полученные замечания были учтены. 13 апреля 1966 г. на заседании редакции 2-го тома по обсуждению первого варианта «направлений подготовки второго издания 2-го тома» Н.А. Фокин опять говорил о необходимости усиления военно-морских сюжетов: «Возьмём оборону Прибалтики, оборону Ленинграда, оборону Одессы, оборону Севастополя, Керченско-Феодосийскую десантную операцию – все они неразрывно связаны с действиями сухопутных войск. Их необходимо освещать там, где освещаются эти события, но в этот период наш флот проводил и самостоятельные действия, которые попали в первое издание»¹⁴⁸. В итоге, несмотря на осторожные возражения Б.С. Тельпуховского («вопрос спорный»¹⁴⁹), было принято решение выделить новую главу «Самостоятельные действия Военно-морского флота в первый период войны»¹⁵⁰, но не главу «Героическая оборона Севастополя», о необходимости которой на заседании речи не шло.

Редколлегия «Истории Великой Отечественной войны...» обсудила на своём следующем заседании, состоявшемся 4 июля 1966 г., основные замечания, сделанные после выхода первого издания. Н.А. Фокин доложил, в частности: «На нас очень обижаются сева­стопольцы за то, что мы не отвели героической обороне Севастополя отдельную главу. Конечно, нам надо более ярко и полно показать и Севастополь, и Битву под Москвой, в частности её значение не только для

последующих событий первого периода, но и для хода всей войны»¹⁵¹.

Когда в 1964 г. Институт марксизма-ленинизма поставил перед ЦК КПСС вопрос о том, чтобы после выпуска 6-го, заключительного, тома Истории Великой Отечественной войны (том вышел в следующем, 1965-м г.¹⁵²) приступить к подготовке второго издания, переработанного, исправленного и дополненного¹⁵³, предполагалось учесть полученные замечания и предложения. Однако на октябрьском (1964) Пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущёв был снят с поста первого секретаря ЦК КПСС, его место занял Л.И. Брежнев. В 1965 г., в докладе на торжественном заседании, посвящённом 20-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Л.И. Брежнев упомянул о Сталине одной-единственной фразой: «Был образован Государственный Комитет Обороны во главе с [...] И.В. Сталиным для руководства всеми действиями по организации отпора врагу»¹⁵⁴. Это первое после хрущёвского периода правления упоминание имени вождя народов в положительном ключе было встречено аплодисментами.

20 ноября 1967 г. в Отделе истории Великой Отечественной войны ИМЛ состоялось совещание, на котором Е.А. Болтин уведомил собравшихся о реорганизации отдела в сектор, задачей которого ставился выпуск следующих изданий: «Краткая история (однотомник)», т.е. переиздание, «то же – на иностранных языках, сборник документов “КПСС – организатор побед в Великой Отечественной войне”, второе издание сборника “Преступные цели, преступные средства”, второе издание сборника документов “Огненные воды”»¹⁵⁵. Было заторможено, а фактически уже отменено переиздание «Истории Великой Отечественной войны...»: «Вопрос о выпуске [...] трёх томов истории Великой Отечественной войны (второго издания) Комитет по печати будет докладывать в ЦК КПСС и, как будет решено, сообщат дополнительно»¹⁵⁶.

Постепенный процесс политической реабилитации И.В. Сталина начался в 1969 г., когда обсуждался вопрос об опубликовании в газете «Правда» статьи к 90-летию генсека. Член Президиума ЦК КПСС М.А. Суслов заявил: «Такую статью ждут в стране вообще, не говоря о том, что в Грузии особенно ждут. Нам, очевидно, не нужно широко отмечать 90-летие и вообще никаких иных мероприятий не проводить, кроме статьи, но статью дать надо, тем более что вы помните, что в связи с 80-летием или вскоре после этого (я не помню) была передовая [статья] “Правды”,

и тогда все успокоились, всё встало на свои места. Мне кажется, молчать совершенно сейчас нельзя. Будет расценено неправильно, скажут, что ЦК боится высказать открыто своё мнение по этому вопросу. На мой взгляд, тот вариант статьи, который разослан, в целом подходящий. Он говорит и о положительной работе Сталина, и о его ошибках. Говорится это в соответствии с известным решением ЦК КПСС. Если что-либо нужно привести в соответствие с этим решением, нужно об этом подумать. Я думаю, что нас правильно поймут все, в том числе и интеллигенция, о которой здесь некоторые товарищи упоминали. Неправильно могут понять Солженицын и ему подобные, а здоровая часть интеллигенции (а её большинство) поймёт правильно. Нам не нужно обелять Сталина. Сейчас в этом нет никакой нужды, но объективно, в соответствии с уже известным всем решением ЦК, надо сказать»¹⁵⁷.

Л.И. Брежнев, действовавший с оглядкой на очредной состав «коллективного руководства», заявил в заключительном слове: «...побеседовав со многими секретарями обкомов партии, продумав дополнительно и послушав ваши выступления, я думаю, что всё-таки действительно больше пользы в том будет, если мы опубликуем статью. Ведь никто не оспаривает и не оспаривал никогда его (Сталина. – С.В.) революционных заслуг. Никто не сомневался из нас и не сомневается сейчас в его серьёзных ошибках, особенно последнего периода. [...] Может быть, какие-то издержки и будут, но это, наверное, неизбежно. Думаю, что издержек будет больше, если мы не дадим этой статьи. Если мы дадим статью, то будет каждому ясно, что мы не боимся прямо и ясно сказать правду о Сталине, указать то место, какое он занимал в истории, чтобы не думали люди, что освещение этого вопроса в *мемуарах отдельных маршалов, генералов* (курсив наш. – С.В.) меняет линию Центрального Комитета партии. Вот эта линия и будет высказана в этой статье»¹⁵⁸.

В условиях, когда руководящее ядро ЦК КПСС более всего интересовали воспоминания Г.К. Жукова и других «отдельных маршалов» и «генералов», готовить переиздание «Истории Великой Отечественной войны», писать о реальной вине Л.З. Мехлиса и направившего его в Крым И.В. Сталина, а также других деятелей эпохи «культы личности» с точки зрения политической конъюнктуры было нецелесообразно. ЦК тонко чувствовал настрой партийной массы, а масса эта была готова к частичной политической реабилитации Сталина. Интерес к переизданию книги 1960–1965 гг. был утрачен.

Однако полученные замечания были учтены Институтом марксизма-ленинизма при подготовке краткой истории Великой Отечественной войны (1967)¹⁵⁹, создание которой также было запланировано ещё 12 сентября 1957 г. Данную книгу Президиум ЦК КПСС предписал создать в объёме 30–45 п.л. для «широкого круга читателей»¹⁶⁰. Издание было рассчитано на «рабочих, колхозников, офицеров, солдат и матросов Советской Армии и Военно-Морского Флота»¹⁶¹. Краткая история должна была «существенно отличаться от шеститомного труда»¹⁶². Прежде всего обобщённым освещением событий войны «с выделением только важнейших операций советских Вооружённых Сил (Битвы под Москвой, Сталинградом и Курском, Белорусская, Берлинская операции)»¹⁶³. Редакция предполагала «осветить в ней героические подвиги советских воинов, частей и соединений»¹⁶⁴, причём ограниченный объём издания требовал «особенно тщательного отбора фактов и примеров»¹⁶⁵.

Рукопись подвергалась всестороннему обсуждению, «особенно большую помощь оказал труд Маршала Советского Союза А.М. Василевского, подвергший глубокому анализу текст одотомника. Его замечания внесли существенный вклад в создание Краткой истории Великой Отечественной войны»¹⁶⁶. Наряду с традиционно высокой оценкой Черноморского флота признавалось: «Неувядаемой славой покрыли себя воины Приморской армии и черноморцы. Особенно отличились бойцы 25-й Чапаевской дивизии генерала Т.К. Коломийца, 95-й дивизии полковника А.Г. Капитохина, 172-й дивизии полковника И.А. Ласкина, 8-й бригады морской пехоты полковника П.Ф. Горпищенко, сводного отряда 7-й бригады морской пехоты полковника Е.И. Жидилова, гарнизона Константиновского рavelина под командованием капитана 3-го ранга М. Евсеева, 365-й зенитной батареи старшего лейтенанта И.С. Пьянзина и другие»¹⁶⁷. Для сравнения: в «пространной» истории 1962 г. было сказано лишь о «25-й Чапаевской дивизии под командованием генерал-майора Т.К. Коломийца»¹⁶⁸ и сводном отряде «7-й бригады морской пехоты под командованием полковника Е.И. Жидилова»¹⁶⁹. И в дополнение: «Сухопутные войска постоянно чувствовали большую поддержку кораблей Черноморского флота...»¹⁷⁰.

В настоящей подборке публикуется письмо генералов и штаб-офицеров Отдельной Приморской армии 1962 г., а также интервью, данное в 1964 г. Маршалом Советского Союза А.М. Василевским Е.А. Болтину, – о сталинском руководстве обороной СССР

в годы Великой Отечественной войны, об обстановке службы в Генеральном штабе в 1941–1942 гг., об обороне Москвы осенью 1941 г. и об обстоятельствах потери Крыма летом 1942 г. Маршал дал генералу откровенное интервью: последний имел опыт ответственной работы в Совинформбюро, поэтому умел хранить информацию не хуже, чем распространять её. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) хранится неавторизованная, неправленая стенограмма, передающая живую речь, интонации маршала. «Беседа» с А.М. Василевским более объективно и живо, нежели прошедшие сквозь цензурные сита опубликованные воспоминания маршала и других военачальников, рассказывает об обстановке принятия ключевых решений в годы Великой Отечественной войны¹⁷¹.

Содержание «беседы», как и мемуарных источников, ценно и потому, что, по признанию А.М. Василевского, «письменных докладов Ставке со своими выводами, предложениями Генеральный штаб не только в то время, но и на протяжении всей войны не делал» (док. № 2).

Оба публикуемых в настоящей подборке документа выявлены в фонде Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (РГАСПИ). Они содержат ценный материал для сопоставления с официальной историей обороны Севастополя, опубликованной в первой половине 1960-х гг.

Документ № 1

Письмо руководства Приморской армии в Центральный комитет КПСС с протестом против уменьшения заслуг армии в героической обороне Севастополя 1941–1942 гг.

16 апреля 196[2] г.

Одна из особенностей защиты военно-морских баз Одессы и Севастополя в первом году Великой Отечественной войны состояла в том, что эти базы пришлось оборонять не с моря, а с суши. Для этой цели была привлечена общевойсковая Приморская армия, которая оборону городов-героев осуществляла именно с суши в тесном взаимодействии с Черноморским флотом, что и явилось одной из причин столь длительной и упорной борьбы.

Однако в ряде работ, как исследовательских, так и мемуарных, посвящённых обороне Севастополя 1941–1942 гг. и вышедших за последние семь-восемь

лет, а также в выступлениях бывшего командующего Севастопольским оборонительным районом адмирала Октябрьского Ф.С., например, на встрече с работниками панорамы «Оборона Севастополя» в декабре 1958 г., на военно-научных конференциях в г. Севастополе в мае и в Симферополе в декабре 1961 г. тенденциозно освещается героическая оборона Севастополя.

В них почти все успехи этой обороны приписываются Черноморскому флоту, умаляя при этом немаловажную роль Приморской армии в целом и её частей и соединений, громивших гитлеровские войска на сухопутном участке фронта, мужество и героизм которых восхищал весь мир и служил примером для всей Советской* Армии в первом году Великой Отечественной войны.

Никто из нас не отрицает исключительно большую роль Черноморского флота, которую он сыграл в героической обороне города-героя.

Но наряду с этим Приморской армии в обороне Севастополя принадлежит также очень важная роль. Она после боёв на территории Молдавии и героической обороны Одессы имела уже определённый боевой опыт, являясь стойкой армией, а по своему составу во много раз превосходила выделенные Черноморским флотом войска для обороны на сухопутном участке фронта (две бригады и два полка морской пехоты, которые, кстати, оперативно входили в состав Приморской армии).

Так, например, с начала обороны (ноябрь 1941 г.) армия имела пять дивизий, к концу 1941 г. – семь дивизий и одну бригаду и к началу третьего наступления немцев (июнь 1942 г.) – восемь дивизий и одну бригаду.

Казалось, что в выходящем капитальном труде «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» будет дана объективная оценка всем силам, принимавшим участие в обороне города-героя, и тем самым будет положен предел тенденциозному её освещению. Но этого не получилось. Во 2-м томе указанного труда по-прежнему имеют место такие же и другие, более серьёзные, недостатки.

Всё это вместе взятое вызывает законное недовольство многих оставшихся в живых приморцев. А родственники погибших воинов часто в своих письмах задают один и тот же вопрос – действовала ли вообще Приморская армия под Севастополем и были ли

* Так в документе. До 1946 г. – Красной.

в её составе 25-я Чапаевская¹⁷², 95-я, 172-я, 345-я, 386-я, 388-я стрелковые дивизии, 7-я и 8-я бригады морской пехоты и другие части и соединения.

Мы полностью разделяем справедливое недовольство этих людей и вынуждены были написать письмо о недостатках в описании героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. во 2-м томе указанного труда, которое просим опубликовать в журнале «Коммунист»¹⁷³, а при переиздании этого тома – учесть наши замечания.

О недостатках в описании героической обороны Севастополя 1941–1942 гг. во 2-м томе «Истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»

В вышедшем недавно 2-м томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» героической обороне Севастополя посвящено всего 14,5 стр., притом в различных главах*.

Прочитав эти страницы, мы, непосредственные участники обороны Севастополя, считаем, что ряд вопросов, рассмотренных в них, изложен недостаточно глубоко и правильно.

Так, например, в труде в указанных местах убедительно изложено то огромное значение Крыма, которое придавало ему немецкое командование и которое он играл в первом году Великой Отечественной войны как для наших, так и для немецких войск.

В труде так же верно оценивается сама оборона Севастополя, имевшая важное значение для боевых действий наших войск на южном крыле советско-германского фронта, в результате которой на небольшом участке Крыма была скована наиболее боеспособная армия немцев в течение восьми месяцев.

Здесь дана высокая оценка защитникам Севастополя, а оборона по праву названа героической, в которой «советские пехотинцы, моряки, командиры и политработники совершили чудеса воинской доблести и героизма» (стр. 410).

Положительной оценки заслуживает и то, что в изложении событий достаточно полно раскрыты планы немцев, показаны их силы и прослежены действия немецких войск при каждом наступлении их на Севастополь.

В главах труда заслуженно отражено активное участие в героической обороне партийной организации и населения города Севастополя, показана це-

леустремлённая работа горкома партии и городского комитета обороны.

Однако мы немало были удивлены тем, что в столь капитальном труде допущены серьёзные недостатки, которые и заставили нас написать об этом в настоящем письме.

Как известно, в состав Севастопольского оборонительного района входили войска Приморской армии и часть сил Черноморского флота, оборонявшие главную базу по существу только с суши, т.к. основным противником, трижды предпринимавшим наступление на Севастополь, была 11-я немецкая полевая армия. Этому противнику в составе СОРа непосредственно противостояла Приморская армия, которая и являлась здесь основным объединением этого оборонительного района. Черноморский флот также являлся не менее значительной силой, без которой не могло бы и быть столь длительной обороны. В нём особенно важную роль сыграли береговая артиллерия, авиация и части ПВО. Кроме того, флотом была выделена для обороны на сухопутном участке часть сил в виде двух бригад и двух отдельных полков морской пехоты, которые оперативно входили в состав Приморской армии и во всех отношениях подчинялись командующему армией*, а также одной бригады для обороны морского побережья. Эта армия во взаимодействии с силами флота вынесла в основном всю тяжесть оборонительных боёв, и её солдаты и офицеры проявили чудеса героизма в деле отпора всех трёх штурмов врага. И нам представляется, что в этом труде должно быть уделено действиям Приморской армии и её соединениям должное внимание. А в нём, к сожалению, не показана та роль армии, притом очень важная, которую она играла в обороне Севастополя.

Если в труде, хотя и слабо, отражено участие в обороне города-героя Черноморского флота, что является также существенным недостатком, то участия Приморской армии в целом совершенно не показано. Правда, о ней в описании упоминается в четырёх местах, но только о следующем: на стр. 225 о том, что частям Отдельной Приморской армии пришлось отступить кружным путём через горы; на стр. 227 «не менее важной задачей было доукомплектование и организационное укрепление Приморской армии...» и что «к 10 ноября... армия была восстановлена»; на стр. 305 о составе армии и на стр. 406 о том, что «силы... армии были приведены в повышенную боевую готовность».

* См. стр. 225–228, 304–309, 406–411. – *Примеч. док.*

* Архив МО. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 4. Л. 79. – *Примеч. док.*

Как видно, во всех этих случаях ничего не говорится о боевой деятельности армии под Севастополем.

Если в труде в необходимой степени показана деятельность Военного Совета Черноморского флота и оборонительного района, то о работе Военного Совета Приморской армии, её командующего [И.Е. Петрова¹⁷⁴] и штаба вообще ничего не сказано.

Если об участии в обороне надводных кораблей и подводных лодок – с их перечислением (стр. 226, 308, 409), которые в Севастополь приходили периодически, изложено в такой степени, что можно представить их боевую деятельность, то подобная деятельность соединений и частей Приморской армии почти не показана. На стр. 228, 305–306, 408–409 отмечается участие в обороне только нескольких соединений армии, а их боевая деятельность при этом показана отдельными эпизодами, которые не могут дать представления о боевых действиях армии в целом. О большинстве же соединений армии вообще не упоминается. Ни слова, например, не говорится о боевых делах 18-го гв[ардейского] артиллерийского полка, который постоянно находился под Севастополем и очень много сделал в деле нанесения урона немецким войскам, за что получил гвардейское наименование. Об этом полке гремела боевая слава не только под Севастополем, но далеко за его пределами.

Нам могут возразить и сказать, что в труде много говорится о боевой деятельности войск секторов. Но в этом-то как раз и беда редакции.

Дело в том, что, во-первых, эти сектора, несмотря на то что их заполняли соединения Приморской армии и комендантами их были командиры дивизий армии, являлись секторами Севастопольского оборонительного района (стр. 227); во-вторых, под наименованием войск секторов оказались скрытыми конкретные соединения и части Приморской армии (стр. 228, 306, 307, 408, 409). Далее, редакции тома следовало бы разобраться, что эти сектора сыграли известную роль в деле упорядочения управления войсками и объединения усилий отдельных действующих отрядов и частей в первый период обороны Севастополя. В дальнейшем, особенно в ходе третьего наступления немцев, они потеряли своё значение, а само деление на сектора не оказывало почти никакого влияния на ход боевых действий.

В труде совершенно не нашёл отражения такой важный вопрос, как взаимодействие войск армии, сил флота и авиации в ходе всего оборонительного сражения за главную базу флота. Это взаимодей-

ствие было не обычным, как мы его привыкли понимать, а повседневный деловой контакт, в результате которого командованием СОР, армии и флота очень удачно использовались все роды войск. Например, вся артиллерия оборонительного района (полевая, береговая и корабельная) боевые задачи выполняла по плану одного органа – командующего и штаба артиллерии Приморской армии.

Не менее существенным недостатком описания героической обороны Севастополя является и то, что на его страницах, кроме как констатации о свершении чудес воинской доблести и героизма пехотинцами, моряками, командирами и политработниками или о том, что «героические защитники Севастополя продолжали упорно отражать атаки врага на подступах к городу» (стр. 307), очень мало показан на конкретных примерах массовый героизм защитников Севастополя.

В труде мы не находим этого героизма, совершённого подразделениями, частями и соединениями Приморской армии. А приведённые четыре примера героических подвигов (стр. 226, 227, 306, 307, 409), которые, кстати, неоднократно описаны ещё раньше во многих работах по обороне Севастополя, совершены только моряками-черноморцами. Они действительно проявили исключительное мужество, и их героизм заслуженно должен быть отмечен. Но ведь были героические дела, не менее достойные, и воинов, частей и соединений Приморской армии. Например, особым упорством и мастерством своей борьбы отличались воины 241-го и 161-го сп 95-й сд, 514-го и 747-го сп 172-й сд, 79-й курсантской стрелковой бригады, 18-го гв[ардейского] арт[иллерийского] полка и многих других частей. Достаточно только привести следующее: 95-й сд при третьем наступлении немцев пришлось отражать наступление и перемолоть 132-ю, 46-ю, 24-ю пд, часть сил 73-й, 22-й и 50-й пехотных дивизий врага*. Однако ничего этого в труде мы не находим.

Конечно, все или почти все примеры героических подвигов привести невозможно, но выдающиеся из них должны бы найти место в этом труде, которые бы дали представление о совершении массового героизма при обороне города-героя как моряками, так и приморцами и населением города.

Не можем мы умолчать и об искажении такого исторического факта, изложенного на стр. 227. Там записано, что 7 ноября 1941 г. Ставка утвердила пред-

* Архив МО. Ф. 6598. Оп. 721603. Д. 134. – *Примеч. док.*

ложения командующего войсками Крыма о создании Севастопольского оборонительного района и якобы командование этим районом возлагалось на командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф.С. Октябрьского. Из этого можно заключить, что до этого времени Севастопольской оборонительный район не был ещё создан, а из последующего изложения видно, что директивой были назначены три заместителя командующего СОР и один член Военного Совета.

Но на самом деле было по-другому, а именно: Севастопольский оборонительный район был создан 4 ноября 1941 г. приказом командующего войсками Крыма одновременно с созданием Керченского оборонительного района (о чём упоминается на стр. 225), а командующим этим районом был назначен командующий Приморской армией генерал Петров И.Е., который в этой должности был до 10 ноября**. За этот короткий промежуток времени он во взаимодействии с командованием Черноморского флота проделал огромную работу по упорядочению управления войсками и организационному объединению отдельных действующих отрядов и частей***. В это же время им был разработан план и отданы два основополагающих приказа по созданию прочной и устойчивой обороны**** и оборонительный район был разделён на четыре сектора 9 ноября*****; а не 11 ноября 1941 г., о чём неточно сообщается на стр. 227.

Становится непонятным, почему редакции данного тома нужно умалчивать об этом? Материалы у неё по этому вопросу, видимо, имеются. Возникает также вопрос, зачем потребовалось исказить истину о создании секторов? Здесь дело не в числах, а в том, кто проделал эту работу.

Действительно директивой Ставки от 7 ноября 1941 г. руководство обороной Севастополя возлагалось на командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф.С. Октябрьского, но в ней и намёка нет об оборонительном районе, тем более о назначении заместителя командующего СОРа. Следовательно, в этой директиве нет никакого утверждения предложения командующего войсками Крыма о создании СОР. Кстати, ради справедливости заметим: заместителем командующего СОРа по сухопутным войскам генерал

Петров был назначен директивой командующего войсками Крыма 8 ноября*, а Ставкой – 19 ноября 1941 г. Другие же заместители назначались приказами командующего СОРа: так, например, генерал П.А. Моргунов был назначен приказом, подписанным генералом Петровым как командующим СОР, 5 ноября 1941 г.** Член же Военного Совета СОРа вообще не назначался, т.к. такого Военного Совета не было, а командующий СОРом в своей деятельности опирался на Военные Советы Черноморского флота и Приморской армии, которые повседневно в тесном содружестве увязывали свою работу.

Не соответствует действительности и такое утверждение, изложенное на стр. 226: «К началу первого наступления гитлеровцев на Севастополь был оборудован лишь передовой оборонительный рубеж». Да и сам бывший командующий СОР адмирал Октябрьский на военно-научной конференции в мае 1961 г. в г. Севастополе говорил о готовности к указанному времени только главного рубежа обороны. На самом же деле к началу боевых действий за Севастополь далеко были не готовы ни передовой, ни главный рубежи обороны. И только тыловой рубеж оказался в известной степени оборудованным.

Далее мы совершенно не согласны с констатацией того, что «В течение первой декады ноября разрозненные... части и соединения Отдельной Приморской армии подходили по ялтинской и другим дорогам к Севастополю» (стр. 225). Вот как это было. В целом армия вышла к Севастополю организованно и компактно 9 ноября 1941 г. в составе 25-й, 95-й и 172-й сд***. Другие дивизии ещё раньше были выведены из гор и действовали на путях, идущих от Ялты на Севастополь. Так, например, сводный полк 2-й кд – 2 ноября 1941 г. перебрасывался автотранспортом из Ялты на Севастополь в распоряжение контр-адмирала Жукова****, 40-я и 42-я кд к исходу 4 ноября 1941 г. сосредоточились в районе Гаспра*****; а в последующие дни занимали оборону на рубеже: (иск.) Календо, выс[ота] 307,0, Биок-Мускомья*****. Если в то время и были случаи, когда некоторые части и подразделения, в том числе обозы, следовавшие впереди войск, выходили отдельно (например, 514-й сп), то они

* Архив МО. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 4. Л. 48, 49. – Примеч. док.

** Там же. Л. 69. – Примеч. док.

*** Там же. Д. 33. Л. 51, 62, 63, 66–67, 75. – Примеч. док.

**** Там же. Л. 48, 49. – Примеч. док.

***** Там же. Л. 54, 55. – Примеч. док.

***** Примечание в документе отсутствует.

* Архив МО. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 4. Л. 52, 53. – Примеч. док.

** Там же. Д. 4. Л. 55. – Примеч. док.

*** Там же. Д. 7. Л. 35, 36, 40–43; Д. 4. Л. 40, 47. – Примеч. док.

**** Там же. – Примеч. док.

***** Там же. – Примеч. док.

не могут служить основанием, чтобы считать, что все части и соединения армии выходили разрозненно.

Что же касается утверждения о том, что «Уже к 10 ноября Приморская армия была восстановлена» (стр. 227), то у редакции тома имеется явное расхождение с возможной действительностью, т.к. для этого потребовались бы не одни сутки. А ведь армия, прибыв в Севастополь 9-го, уже 10 ноября заняла оборону на севастопольских позициях. Она организационно была крепкой, имела соединения и отдельные полки, во главе которых стояли достаточно опытные командиры с крепкими и работоспособными штабами.

Следовательно, армию не было нужды восстанавливать, т.к. она вообще не распалась, но была сильно ослаблена предыдущими боями. Но для этого её нужно было доукомплектовать, а не восстанавливать, что и было сделано (доукомплектование) командующими СОР (т.е. генералом Петровым) во взаимодействии с командованием Черноморского флота.

Несмотря на верное и достаточно полное освещение намерений, сил и боевых действий противника, имеется ряд неточностей о нём. Например, не совсем верно авторами излагается попытка противника овладеть Севастополем после 10 ноября (стр. 228). Получается, что он якобы подтянул 30-й ак для ведения организованного и подготовленного наступления.

На самом же деле с 11 ноября 72-я пд, которая на это время была единственной дивизией 30-го ак, начала наступать также с ходу, продвигаясь вслед за частями Приморской армии от Ялты к Севастополю*. Вызывают сомнение и другие данные о составе войск и боевой техники противника.

При изложении хода отражения второго наступления немцев авторами почему-то преувеличены их успехи. Так, например, на стр. 306 сообщается, что противник в первые два дня наступления прорвал оборону наших войск в районе полустанка Мекензиевы Горы. Это не соответствует действительности. Он за первые два дня действительно прорвал передовой рубеж обороны, продвинулся вперёд на направлении главного удара от 2 до 3 км, но это было ещё далеко от указанного района, т.к. он находился от переднего края в 8–10 км. Да и сама эта станция (а не полустанок) находилась даже за тыловым рубежом обороны**, и немцы вышли к ней через 10 дней после начала наступления, т.е.

28 декабря 1941 г.* Следовательно, не соответствует действительности и то, что враг прорвался к этой станции 22 декабря, о чём говорится на стр. 308.

Нельзя согласиться и с выводом о результатах этого наступления немцев, изложенном на стр. 309. Согласно этому заключению, наши войска якобы были отброшены к южной окраине станции Мекензиевы Горы и там остались. Тогда как в действительности было по-другому. В течение 31 декабря 1941 г., 1 и 2 января 1942 г. враг был отброшен из этого района на северо-восток примерно на 3–3,5 км от ст. Мекензиевы Горы. Следовательно, немцы при втором наступлении продвинулись на главном направлении всего на 5–6 км,** а не на 8–9 км.

Далее, при описании этого же наступления немцев имеются и такие недостатки. Так, на стр. 305 не совсем точно приводится состав Приморской армии. Она, после прибытия 388-й сд, имела не пять, а шесть дивизий***.

Неверно сообщается и о том, что вражеские войска, продолжая наступление севернее и южнее р. Бельбек, «несколько потеснили в четвёртом секторе оборонной части 95-й стр. дивизии» (стр. 307). На самом деле были потеснены при этом части 8-й бригады морской пехоты, а части 95-й [стрелковой] д[ивизии] (241-й и 90-й сп) успешно отбили все атаки, где особым сопротивлением и героизмом отличился 241-й сп.

Далее, читая на стр. 308 о событиях, которые проходили 22 декабря, мы находим, что и здесь допущена неточность. В тот день рвавшийся враг к кордону Мекензи № 1 и Северной бухте был контратакован 79-й стрелковой бригадой и ею был отброшен к долине р. Бельбек. Части же 345-й сд в этой контратаке не участвовали, т.к. к этому времени их ещё не было под Севастополем****.

При описании хода отражения наиболее сильного, третьего, наступления немцев также имеются неточности и искажения истины. Так, например, в контрударе 11 июня 1942 г. участвовали, помимо сводного отряда 7-й бригады морской пехоты и части сил 25-й сд, 79-я курсантская стрелковая бригада и 95-я сд. В этих боях в районе ст. Мекензиевы Горы и кордона Мекензи № 1 особо упорно сражались части и подразделения

* Архив МО. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 33. Л. 296–299. – Примеч. док.

** См. карту 16 между стр. 304 и 305. – Примеч. док.

*** Архив МО. Ф. 288. Оп. 4382с. Д. 4. Л. 74; Оп. 2819сс. Д. 16. Л. 71. – Примеч. док.

**** Там же. Оп. 9905. Д. 14. Л. 381, 382. – Примеч. док.

* Архив МО. Ф. 6598. Оп. 721603. Д. 134. Листы за 9–13 ноября 1941 г. – Примеч. док.

** См. карту 16 между стр. 304 и 305. – Примеч. док.

345-й сд, сводного полка 172-й сд и 79-й бригады, о чём на стр. 408 нет ни единого слова, но почему-то говорится о 25-й сд, находившейся в это время сравнительно далеко правее от указанного района.

Хотелось указать ещё на такой недочёт. В томе не совсем скромно сказано о том, что директивой Ставки ВГК от 20 декабря 1941 г. было приказано адмиралу Октябрьскому лично руководить обороной Севастополя (стр. 307). Но оказалось – в ней ни слова не говорится об этом. Наоборот, там было так записано: «Командующему Закавказским фронтом т. Козлову¹⁷⁵ немедленно командировать в Севастополь крупного общевойскового командира для руководства сухопутными операциями».

Помимо указанных недостатков в труде встречаются и другие, менее существенные погрешности. Так, например, на стр. 225 говорится, что «после ожесточённых боёв противнику 25 октября удалось прорвать ишуньские позиции». Это не совсем точно. На самом деле он прорвал наши позиции 26 октября, и не ишуньские, а позиции в 9–10 км южнее и юго-восточнее их; или на стр. 308 о 79-й стр. бригаде упоминается как о бригаде морской пехоты, тогда как она никогда так не называлась*. На этой же странице неверно сообщается о районе боёв 40-й кд и месте гибели её командира полковника Кудюрова Ф.Ф.

Обращает внимание и то, что из шести иллюстраций, посвящённых обороне Севастополя, ни одной из них нет, которая бы показывала части и подразделения Приморской армии.

Совершенно неуместные, в труде имеются и такие выражения: «гарнизоны секторов» (стр. 305) и «Севастопольский гарнизон» (стр. 306, 309, 410), имея в виду соединения и армию в целом, занимавшие оборону и ведшие бои на известном удалении от этого города.

Мы обратили внимание и на то, что в труде в основном приводятся как источники материалы архива исторического отделения Главного штаба Военно-Морского Флота. И совершенно недостаточно использованы богатые материалы такого архива, как архив Министерства обороны. Нам не верится, чтобы редакция этого тома не знала об этих источниках.

Нам представляется, что отмеченные недостатки, которые во многих местах сводятся к традиционному освещению событий в героической обороне Севастополя, снижают историческую ценность описания этой

обороны и не дают [возможности] правильно представить её роль в вооружённой борьбе Советской Армии и Военно-Морского Флота в первом году Великой Отечественной войны, должны быть исправлены.

Всё должно быть объективно поставлено на своё место.

Генерал-полковник арт[иллерии] Рыжи Н.К.¹⁷⁶
Генерал-полковник инж[енерных] войск Хренов А.Ф.¹⁷⁷

Генерал-лейтенант Воробьёв В.Ф.
Генерал-лейтенант Ласкин И.А.¹⁷⁸
Генерал-майор Бочаров Л.П.¹⁷⁹
Генерал-майор Ковтун-Станкевич А.И.¹⁸⁰
Полковник Пискунов Д.И.¹⁸¹
Полковник Хомич И.Ф.¹⁸²
Полковник Сахаров В.П.¹⁸³
Полковник Безгинов И.П.¹⁸⁴
Полковник Пичугин А.М.¹⁸⁵
Майор Васьяковский Я.Я.¹⁸⁶
Полковник Соколовский Л.Г.¹⁸⁷

*Верно:**

Приложение

Служебное письмо директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС П. Н. Поспелова заместителю заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам А. Г. Егорову с указанием о предпринятых мерах в связи с получением письма военнослужащих об умалении заслуг Отдельной Приморской армии в обороне Севастополя 1941–1942 гг.

№ 0–801

31 июля 1962 г.

Тов. Егорову А.Г.

Возвращается письмо Маршала Советского Союза Н.И. Крылова, генералов Рыжи Н.К., Хренова А.Ф. и других по поводу освещения обороны Севастополя во 2-м томе «Истории Великой Отечественной войны». Одновременно направляется справка заведующего Отделом истории Великой Отечественной войны ИМЛ при ЦК КПСС т. Е.А. Болтина по существу этого письма**:

* Архив МО. Ф. 288. Оп. 9912. Д. 10. Л. 175; Д. 16. Л. 207–213. – Примеч. док.

* Подпись неразборчива.

** В деле отсутствует.

Дирекция Института марксизма-ленинизма намерена провести в сентябре с.г. совещание с авторами письма и другими компетентными лицами с целью выявления и формулирования вопросов обороны Севастополя, требующих дополнительного освещения во 2-м томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза». Естественно, что любые дополнения и изменения могут быть внесены лишь при переиздании 2-го тома.

Кроме того, роль Приморской армии в обороне Севастополя будет освещена в документах, публикуемых в подготовляемом к изданию II Сборнике документов Великой Отечественной войны¹⁸⁸. Авторы письма будут привлечены к консультациям по этим документам.

Приложения:

1. Письмо № 0140834, наш вх[одящий] номер 259 от 26.8.[19]62 г. на 18 л.
2. Справка на 3 л.

П[одлинный] п[одписал]

директор института

П. Поспелов

Верно:

Королёв

РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 22. Л. 262–279.

Документ – отпуск. Машинопись.

Приложение – заверенная копия. Машинопись.

Документ № 2

Из интервью Маршала Советского Союза А.М. Василевского, данного заведующему Отделом истории Великой Отечественной войны ИМЛ при ЦК КПСС Е.А. Болтину, об обороне Москвы в 1941 г. и потере Крыма в 1942 г.

10 декабря 1964 г.

Стенограмма беседы с Маршалом Советского Союза т. Василевским А.М.*

[...] Надо всё-таки товарищам, которые работают над историей Великой Отечественной войны [...] хорошо познакомиться с той обстановкой, в которой приходилось нам работать. Прежде всего с той обстановкой, в которой приходилось работать Генеральному штабу. Это, знаете, не обычная обстановка, это сугубо своеобразнейшая обстановка.

* Заголовок документа.

Ведь вы возьмите, вот, начиная с 1 августа 1941 г. 1 августа я был назначен – как снег на голову на меня [назначение] свалилось, я ждал до 3 ч утра назначения начальником штаба Северо-Западного направления к Ворошилову¹⁸⁹. Борис Михайлович Шапошников¹⁹⁰ говорит:

– Разгон был в Политбюро Ворошилову со Ждановым¹⁹¹ после того, как они потеряли Лугу.

И мне приказано было вместе с Ворошиловым в течение суток укрепить Северо-Западное направление, и прежде всего создать хороший аппарат. [...] * Я говорю:

– Борис Михайлович, Вы смотрите, но я боюсь, что я не смогу [вынести] титанической работы в этой должности.

– Ну, что ж, давай [попробуй]!

Уговорил меня.

– Берите материал, садитесь.

Я с ним поехал в штаб и до трёх часов ждал.

Приезжаю, [Сталин¹⁹²] вызывает меня к себе в кабинет и подаёт мне лист бумаги с карандашом. Собственноручно написал назначить меня начальником [Генерального штаба]. И вот после этого каждый день¹⁹³, [а] когда был Борис Михайлович, с ним вдвоём я уже ездил в качестве ответственного...

Какая обстановка у нас была для работы? [...] Ставка Верховного [Главкомандования]. Что Ставка? Никакой Ставки по существу не было, а это был Сталин. Иногда случайно совпадало, иногда, правда, нас вызывали, когда собирались, конечно, Маленков¹⁹⁴, Берия¹⁹⁵, Микоян¹⁹⁶, иногда Вознесенский¹⁹⁷. Вот, значит, так: [заходим мы с Б.М. Шапошниковым, а в кабинете уже сидят] они **; садимся, обсуждаем какие-нибудь хозяйственные вопросы. Кончатся эти дела – «Вы можете остаться», – тому-другому [Сталин] говорит из членов Политбюро. Остальные оставались частенько после докладывать. Если сугубо острая обстановка на фронте, сплошь и рядом началась наша работа. Сам только дверь открываешь, заходишь, вдруг:

– А, чёрт вас возьми-то, военные, опять мне всё испохабили.

Словечко навернёт.

– Вот что, надо вот то-то и то-то.

* Далее очень обрывочно говорится о том, что после выполнения задания Б.М. Шапошников предложил кандидатуру А.М. Василевского на пост начальника Генерального штаба.
** Имеются в виду члены Политбюро ЦК ВКП(б).

А Борис Михайлович, знаете, очень скромный, дисциплинированный человек, слишком скромный:

– Вот то-то нужно, идите сейчас пишите.

Там у Поскрёбышева была комната, телефонные переговоры, а рядом большой зал библиотечный – это наша рабочая комната, обычно мы ходили туда, там отрабатывать все документы на основе принятых решений. И, собственно, не принятых, а продиктованных решений, когда Сталин [диктует] то-то, то-то, то-то.

Я вижу, что это сугубо не отвечает не только тем предложениям, с которыми мы хотели с Борисом Михайловичем вылезать перед Сталиным, а вообще не отвечает обстановке.

Я Бориса Михайловича подталкиваю. Тот только: «Слушаюсь, слушаюсь. Товарищ Сталин, разрешите сказать».

– Что?!

– А вот мы, мол, обсуждали, мне кажется, не будет отвечать обстановке.

– А что у вас там?

– Вот так, – начинаешь, – нужно делать...

И вот так иногда, знаете ли, удавалось немного подправить.

– Чёрт возьми, чего же вы молчите? – [спрашивает Верховный].

И тут мы выходим, Борис Михайлович на меня:

– Военный человек, раз уж вы начальник...

– Я, Борис Михайлович, не могу, не могу выдерживать.

– Нам с вами придётся отвечать, ведь мы же представляем Генеральный штаб!

Пожурит, пожурит: «А, верно, хорошо сделали. Пишите». [...]

Я считаю себя несчастнейшим человеком: проработать три года в шкуре начальника Генерального штаба под непосредственным руководством Сталина, да, после войны я был полтора года начальником Генерального штаба, когда шла реорганизация всей армии, а потом в роли министра года четыре. Надо быть самым несчастнейшим человеком, чтобы под его* руководством столько времени проработать.

Возьмите 16/X [1941 г.], когда было принято решение об эвакуации государственного аппарата, а вместе с ним всего аппарата Наркомата [обороны] и Генерального штаба. Ставка приняла к [исполнению] во главе с начальником Генерального штаба Борисом Михайловичем [приказ о передислокации] в Арзамас,

а мне говорят: «Вы заступайте, давайте Вы будете обслуживать Ставку в оперативном отношении». Вы имеете право оставить при себе восемь-девять оперативных работников. Это в те времена, в октябре месяце, при той обстановке! Я схватился за голову: как я могу обслуживать Сталина с восьмью-девятью людьми? Никаких [возражений не принималось], восемь-девять человек, отберите кого хотите, и всё. Я спрашиваю, чем это вызвано. “Это не Ваше дело”. Потом я ушёл. Вслед за этим мне Поскрёбышев говорит, что вам [выделено] восемь-девять мест в самолёте Генерального штаба на случай эвакуации. Самолёты все стояли на Ходынке, причём танки были близко – 10–15 минут, и танки могли быть в Москве. Восемь-девять мест, поэтому восемь-девять человек обслуживают [Генеральный] штаб. Я отобрал восемь-девять человек, и мы сидели [и решали все вопросы сами], а потом начал с Арзамасом, с Борисом Михайловичем [Шапошниковым], каждый день разговаривать. Борис Михайлович: «Давайте, давайте, [держитесь]», военно-политическое значение Москвы играло колоссальнейшее значение*.

Потом существовавшая до конца апреля [1942 г.] группировка войск противника с основными силами на том же центральном московском направлении.

Наконец, неудовлетворительные к тому времени, надо прямо сказать, результаты нашей разведки. Всё это, вместе взятое, и привело [Ставку] и Генеральный штаб вместе с ним (у нас Генеральный штаб немалую роль играл при определении основных замыслов Программы лета [19]42 г.) к ошибочным выводам. Ставка и Генеральный штаб считали, и я лично знаю, [что] этого мнения придерживалось большинство командующих войск фронта, что особенно важное событие с начала летнего периода осуществляется вокруг Москвы, что именно здесь, на центральном направлении, опять попытаться нанести решительный удар**.

Вот именно в марте месяце, когда наши Вооружённые Силы по своему численному и техническому составу, особенно по резервам, были значительно сильнее, у нас в Генеральном штабе сложилось твёрдое мнение, что основной ближайшей задачей для войск на весеннюю и на начальный период летней кампании должна быть временная стратегическая оборона, с тем чтобы с оборонительными боями на заранее подготовленных рубежах, с нанесением

* Так в стенограмме.

** Так в стенограмме. Имеется в виду – немцы нанесут решительный удар.

* И. В. Сталина.

в процессе оборонительных боёв сильных контрударов по группам противника не только сорвать подготавливаемый противником удар, но и подорвать его силы с тем, чтобы с наименьшими для нас потерями подготовить переход наших войск в решительное наступление.

Ещё раз подчёркиваю, что Генеральный штаб считал, что при организации этой стратегической обороны основное внимание должно быть уделено Центральному направлению с концентрацией сил...

Вот эти соображения в середине марта 1942 г. с необходимыми расчётами, подкрепляющими эти соображения, в моём присутствии были доложены Борисом Михайловичем Шапошниковым Сталину¹⁹⁸.

Тов. БОЛТИН Е.А.: Простите, это было в середине марта?

Маршал ВАСИЛЕВСКИЙ А.М.: Может быть, я ошибаюсь, в начале марта, но это не последний раз. Опять очень детально обращались мы к этому вопросу. Собственно, не мы, а Сталин ставил этот вопрос, после того как Военный Совет Юго-Западного направления (тогда были Тимошенко¹⁹⁹, Хрущёв²⁰⁰, Баграмян²⁰¹) представили Сталину свой план проведения крупной операции силами Брянского фронта и Южного фронта.

Когда докладывались впервые эти соображения Генерального штаба, то Верховный Главнокомандующий Сталин согласился с выводами Бориса Михайловича. Он принял эти предложения. (Тов. Болтин: «Об обороне?») Об обороне, о переходе [к обороне], но внёс довольно существенную поправку, которая имела потом большое значение для стратегической обороны. Он приказал одновременно с переходом к стратегической обороне войск предусмотреть проведение на ряде направлений частных наступательных операций.

Причём надо сказать, что до этой встречи он, хотя и [о]сознавал, что мы выдохлись в результате сильного весеннего наступления, что силёнок у нас нет, а созданию резервов было уделено исключительное внимание. Весь Госкомитет [оборон] сидел на этом вооружении и создании крупных стратегических сил.

К сожалению, у нас обстановка вырвала эти резервы, и мы, создав [их], их же бросили. Мы пыжились, чтобы тот успех, который получили в декабре [1941 г.] – январе [1942 г.], главным образом в январе месяце, во что бы то ни стало развить и не упустить эту инициативу. [...]

Историки, которые не осведомлены о тех условиях, в которых приходилось работать тогда руководству Генерального штаба, особенно в тот период, [не знают] условия [работы Генштаба 19]41 – начала [19]42 г., могут (и вполне справедливо) обвинять руководство Генерального штаба в том, что оно не сумело доказать [Верховному] Главнокомандующему [свою правоту] и настоять [на] целесообразном решении о времени подготовки к военной стратегической обороне. [...] Хотели бы мы или не хотели, но обстановка вынудила переходить в стратегическое направление* и провал в Крыму. Что, мы в Крыму не имели силёнок? Мы были гораздо сильнее, чем его^{2**} крымская армия. Но почему? Потому что Мехлис, являясь представителем Ставки, начальником Главного политического управления [Красной Армии], уезжал из Ставки в Крым с настроением Сталина: наступать, бить, наступать, бить, наступать, бить. Несмотря на то что Козлов вместе с ним имели от Ставки, от того же Сталина приказ организовать оборону, посмотрите, как у них была организована оборона? Несмотря на постоянные требования и Ставки, и Генерального штаба, они всё передвинули и только проткнули, сразу выскочили, и тут сразу картонный домик распался. Надо было по-настоящему переходить в стратегическое наступление. [...]

Вы пишете по письменным документам^{**}: К сожалению, письменных докладов Ставке со своими выводами, предложениями Генеральный штаб не только в то время, но и на протяжении всей войны не делал. Начальством нам это не рекомендовалось.

Основное требование, которое предъявлялось ко всем нам, – поменьше писанины, поменьше болтовни и т.д. Там, где можно обойтись без бумаг, ни в коем случае бумаг не нужно, так что тут мы никаких докладов не делали. Но хотя я отлично помню, что в данном случае Генеральный штаб, перед тем как выйти к Сталину с такими предложениями, готовил подробные соображения и расчёты по вопросам создания оборонительных стратегических рубежей, на которых стремились организовать эту стратегическую оборону [...].

ВОПРОС: Можно ли считать, что решение перейти к стратегической обороне летом 1942 г. было бы целесообразно?

[Тов. ВАСИЛЕВСКИЙ А.М.]: Я считаю, что все события, состояние наше диктовали нам именно такое решение. И если бы мы тогда могли убедить того же

* Так в стенограмме. Следует – наступление.

** Гитлера.

Сталина в отказе от проведения большой Харьковской операции, то это бы избавило нашу страну, наши Вооружённые Силы от целого ряда серьёзнейших неприятностей и позволило бы нам, безусловно, вырвать у немцев инициативу, опять вернуть...^{*} и гораздо раньше, чем это последовало в ноябре 1942 г.

Мы создали это всё дело – Крым, Харьковскую операцию и т.д., на Западном фронте они заставили нас тыкаться с этими резервами, мы создали их в феврале...^{**}

Потом не знали, чем тут характерно то, что немцы всё же основной удар будут проводить в районе Москвы^{***}. Такое мнение довлекло и над Ставкой, да и над

руководством Генерального штаба, очень долго оно довлекло, чуть ли не до июля месяца 1942 г. Поэтому там нас бьют, и мы боимся, что и здесь будут бить. Туда часть бросим, тут часть оставляем, а если бы правильно определились, конечно, надо было бы укрепить сразу Южное крыло нашего фронта, но и Москву не оставить, у нас силёнок бы не хватило. У нас очень плохо было в марте, но в отношении резервов мы бы к концу мая – к июню месяцу выглядели бы совершенно по-другому, если бы они у нас своевременно были на своих местах. [...] Но допущенные Ставкой ошибки при планировании боевых действий 1942 г. были в дальнейшем учтены, конечно, и Ставкой, и Генеральным штабом.

РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 114. Л. 3–7, 19–26.
Неправленая стенограмма. Машинопись.

^{*} Пропуск в тексте.

^{**} Пропуск в тексте.

^{***} Так в стенограмме.

¹ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца: Сб. док. и матер. 2-е изд. / Сост.: Р.В. Кузнецова, А.А. Киличенков, Л.А. Неретина. М., 2004. С. 188.

² Ставицкий С.П. – вице-адмирал. В 1930-е гг. – заместитель командующего Черноморским флотом. Имел уникальный опыт как командно-штабной, так и научной деятельности. По-видимому, к началу Великой Отечественной войны являлся ведущим отечественным специалистом в области военно-морского искусства.

³ Моргунов Пётр Алексеевич (1902–1985) – генерал-лейтенант, первый в СССР кавалер ордена Нахимова I степени (1944). С 1939 г. комендант береговой обороны Крыма и Главной базы Черноморского флота. 21 мая 1941 г. присвоено звание «генерал-майор береговой службы». Летом – осенью 1941 г. руководил строительством сухопутных оборонительных рубежей Главной базы Черноморского флота и артиллерийского укрепрайона на севере Крыма. Участник обороны Севастополя 1941–1942 гг.; с ноября 1941 г. по июнь 1942 г. заместитель по береговой обороне командующего Севастопольским оборонительным районом; комендант береговой обороны Черноморского флота; с июля 1942 г. заместитель командующего Черноморским флотом по сухопутным войскам. Осенью 1942 г. работал в спецкомиссии вице-адмирала С.П. Ставицкого по изучению опыта обороны Севастополя. С начала 1943 г. начальник береговой обороны Черноморского флота.

⁴ *Замятин Н.М., Воробьёв Ф.Д.* Оборона Севастополя. М., 1943.

⁵ *Киряев Н.М.* Героическая оборона Севастополя. М., 1943.

⁶ *Замятин Н.М., Воробьёв Ф.Д.* Указ. соч. С. 9.

⁷ Там же. С. 41.

⁸ После того как в апреле – мае 1944 г. Крым был освобождён от немецко-фашистских захватчиков, задача сбора по горячим следам необходимых для написания истории Великой Отечественной войны в Крыму и Севастополе мате-

риалов была возложена на специально созданную для этого Крымскую комиссию по истории Великой Отечественной войны. Комиссия издала два сборника документов: «Бои за Крым» (1945) и «Героическая оборона Севастополя» (1946) (см.: *Филимонов С.* У истоков разработки темы «Крым в период Великой Отечественной войны» [электрон. ресурс] // <https://rusorel.info/u-istokov-razrabotki-temy-krym-v-period-velikoj-otechestvennoj-vojny/>).

⁹ Вуль Роман Михайлович – известный крымский историк литературы. Автор книги: «А.М. Горький в Крыму. Очерк жизни и творчества» (Симферополь, 1961). Соавтор книги «У литературной карты Крыма» (Симферополь, 1965).

¹⁰ *Немецкие варвары в Крыму.* Сб. материалов / сост. Р.М. Вуль. Симферополь, 1944.

¹¹ Героическая оборона Севастополя 1941–1942 гг. Симферополь, 1946. С. 4.

¹² См.: Там же. С. 79.

¹³ Мехлис Лев Захарович (1889–1953) – член большевистской партии с 1918 г. Кандидат в члены ЦК с 1934 г., член ЦК ВКП(б) с 1937 г. В 1930–1937 гг. редактор газеты «Правда», одновременно заведующий Отделом печати ЦК. В 1937–1942 гг. начальник Главного политического управления Красной Армии и заместитель наркома обороны СССР. В 1942 г. представитель Ставки Верховного Главнокомандования на Крымском фронте. 8 февраля 1938 г. Л.З. Мехлису было присвоено военно-политическое звание армейский комиссар 1-го ранга, что соответствовало воинскому званию генерала армии. 4 июня 1942 г. понижен в звании на две ступени до корпусного комиссара по итогам Керченской катастрофы. 6 декабря 1942 г. переехал в генерал-лейтенанты. С 29 июля 1944 г. генерал-полковник.

¹⁴ Воробьёв Василий Фролович (1899–1966) – советский военачальник, генерал-лейтенант (1944). С началом войны генерал-майор Воробьёв был выделен на формирование

Полевого управления Южного фронта и назначен начальником оперативного отдела штаба фронта. 7 июля 1941 г. переведён на ту же должность в штаб Приморской группы войск, созданной для обороны города Одессы (с 20 июля – Приморской армии). С 10 августа 1941 г. вступил в командование 95-й стрелковой дивизией, входившей в состав 35-го стрелкового корпуса (с 19 августа в составе Одесского оборонительного района). Участвовал с ней в обороне Одессы (в Западном секторе обороны). В первой половине октября дивизия в составе Приморской армии была эвакуирована на Крымский полуостров и принимала участие в обороне Севастополя (с 4 ноября в составе Севастопольского оборонительного района). Её части удерживали подступы к городу на рубеже реки Бельбек до Черноморского побережья. С февраля 1942 г. и.д. начальника оперативного отдела – заместителя начальника штаба Приморской армии Крымского фронта. С мая 1942 г. помощник командующего войсками по формированию Северокавказского фронта. В июле – августе его войска вели тяжёлые бои в нижнем течении Дона, затем на ставропольском и краснодарском направлениях. В начале сентября вступил в должность помощника командующего войсками по формированию Черноморской группы войск Закавказского фронта. В её составе принимал участие в Новороссийской (август – сентябрь 1942) и Туапсинской (сентябрь – декабрь 1942) оборонительных операциях. Автор краткого учебного пособия для Краснознамённой военной академии им. М.В. Фрунзе: *Воробьёв В.Ф.* Оборона Севастополя в 1941–1942 годах. М., 1956.

¹⁵ Октябрьский (Иванов) Филипп Сергеевич (1899–1969) – командующий Черноморским флотом с марта 1939 г., вице-адмирал (1941). В Великую Отечественную войну один из руководителей героической обороны Одессы и Севастополя. Будучи командующим Черноморским флотом, одновременно в 1941–1942 гг. являлся командующим Севастопольским оборонительным районом. Опасаясь появления на Чёрном море крупных итальянских надводных кораблей или вступления Турции в войну на стороне Германии, командование Черноморского флота предприняло ряд явно избыточных мер по обороне портов, включая установку плотных минных полей, на которых погибли несколько советских эсминцев и транспортов. Весной – летом 1942 г. не смог организовать бесперебойное снабжение Севастополя в условиях господства немецкой авиации в небе над городом и эвакуацию основных сил гарнизона.

Ф.С. Октябрьский участвовал в подготовке и осуществлении Керченско-Феодосийской десантной операции (28 декабря 1941 – 2 января 1942), благодаря которой советские войска получили плацдарм в Крыму, дававший возможность дальнейших наступательных действий. В связи с провалом февральской десантной операции у Южной Озерейки в июле 1943 г. снят с должности командующего Черноморским флотом и назначен командующим Амурской военной флотилией. С марта 1944 г. вновь командующий Черноморским флотом, который под его командованием внёс большой вклад в освобождение Кавказа и Крыма. 10 апреля 1944 г. Ф.С. Октябрьскому присвоено воинское звание адмирала. После войны адмирал Ф.С. Октябрьский продолжал командовать Черноморским флотом. С ноября 1948 г.

по январь 1951 г. первый заместитель главкома Военно-Морских Сил. В 1951–1952 гг. в отставке по болезни. С апреля 1952 г. по ноябрь 1953 г. начальник Управления научно-испытательных полигонов. В 1957–1960 гг. начальник Черноморского высшего военно-морского училища им. П.С. Нахимова (Севастополь).

¹⁶ Октябрьский Филипп Сергеевич [офиц. сайт Министерства обороны РФ] // <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/heroes/USSR/more.htm?id=11909205@morfHeroes>

¹⁷ Цит. по: *Ванеев Г.И.* Черноморцы в Великой Отечественной войне. М., 1978. С. 179.

¹⁸ См.: Там же. С. 179–182.

¹⁹ Цит. по: *Никонов Г.А., Сидорчук Е.А.* Героическая оборона Севастополя в 1941–1942 гг. Смоленск, 2017. С. 52.

²⁰ *Доценко В.Д.* Мифы и легенды Российского флота. Изд-е 4-е, испр. и доп. М.; СПб., 2004. С. 227.

²¹ Там же. С. 230.

²² *Никонов Г.А., Сидорчук Е.А.* Указ. соч. С. 51.

²³ Адмирал Кузнецов: Москва в жизни и судьбе флотоводца. С. 186.

²⁴ Там же. С. 187.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 188.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Василевский Александр Михайлович (1895–1977) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (1943), начальник Генерального штаба (1942–1945), член Ставки Верховного Главнокомандования, Главнокомандующий Главным командованием советских войск на Дальнем Востоке, Министр Вооружённых Сил СССР и Военный министр СССР. Член ЦК КПСС (1952–1961). Во второй половине 1945 г. главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке в войне с Японией.

³¹ Соколовский Василий Данилович (1897–1968) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (3 июля 1946), Герой Советского Союза. Член ЦК КПСС (1952–1961). Во время Великой Отечественной войны – начальник штаба и командующий фронтами.

³² Посетители кремлёвского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1998. № 4. С. 41, 164.

³³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 22. Д. 114. Л. 11.

³⁴ Поскрёбышев Александр Николаевич (1891–1965) – государственный, политический и партийный деятель СССР. Личный помощник И.В. Сталина (более 20 лет). Заведующий Особым сектором ЦК (Секретариат Сталина, 1928–1952). Генерал-майор. Член РСДРП с марта 1917 г. (большевик).

³⁵ Штеменко Сергей Матвеевич (1907–1976) – советский военный деятель, начальник Генштаба Вооружённых Сил СССР (1948–1952), начальник Главного разведывательного управления ГШ ВС СССР (1956–1957), генерал армии.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 114. Л. 11.

³⁷ Там же. Л. 12.

- 38 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 114. Л. 12.
- 39 Там же.
- 40 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. В 3 т. Т. 2. Постановления. 1954–1958. 2-е изд. М., 2005. С. 998.
- 41 В сборнике постановлений Президиума ЦК КПСС указанное постановление отсутствует (см.: Там же. С. 1108, 1109).
- 42 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Проспект. М., 1958. С. 5.
- 43 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 10. Л. 1.
- 44 Там же. Л. 2.
- 45 Там же.
- 46 Там же.
- 47 Там же. Д. 30. Л. 33.
- 48 Болтин Евгений Арсеньевич (1900–1981) – генерал-майор. С 1918 г. служил в Красной, потом Советской Армии. Окончил оперативный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе, многие годы преподавал в этой академии. Работал заместителем ответственного редактора «Военно-исторического журнала», а в предвоенные годы – ответственным редактором газеты «Красная звезда» и одновременно первым ответственным редактором журнала «Техника молодёжи» ЦК ВЛКСМ. После начала Великой Отечественной войны назначен начальником Военного отдела Совинформбюро. Завершил войну начальником оперативного отдела 38-й армии. Участвовал в освобождении Чехословакии и Польши. После войны преподавал в Академии Генерального штаба Советской Армии. Заведующий Отделом истории Великой Отечественной войны, заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, профессор Дипломатической академии МИД СССР. Принимал непосредственное участие в разработке научных проблем истории Второй мировой и Великой Отечественной войны, в частности в создании 6-томной «Истории Великой Отечественной войны». Опубликовал 236 научных работ. Награждён 28 орденами и медалями СССР, наградами Чехословакии и Польши.
- 49 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 108. Л. 20.
- 50 Там же.
- 51 Там же. Д. 30. Л. 33.
- 52 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Проспект. С. 13.
- 53 Цитируется начальник Главархива МВД СССР Г.А. Белов (РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 10. Л. 14).
- 54 Там же. Д. 126. Л. 56.
- 55 Фокин Николай Алексеевич – генерал-майор, кандидат исторических наук, руководитель 2-го тома «Истории Великой Отечественной войны...».
- 56 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 127. Л. 35.
- 57 Там же. Л. 36.
- 58 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Проспект. С. 21.
- 59 Там же. С. 22.
- 60 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 411. Л. 1–64.
- 61 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 411. Титульный лист дела.
- 62 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Проспект. С. 23.
- 63 См.: Там же. С. 98, 111, 113, 114, 123.
- 64 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 54. Л. 2.
- 65 Там же. Д. 127. Л. 8.
- 66 Там же. Л. 1–9.
- 67 Там же. Л. 1.
- 68 Тельпуховский Борис Семёнович – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего Отделом истории Великой Отечественной войны ИМЛ (Там же. Д. 6. Л. 216).
- 69 См.: Там же. Д. 127. Л. 1.
- 70 Белов Геннадий Александрович – полковник, начальник Главархива МВД СССР (Там же. Д. 6. Л. 216).
- 71 Жилин Павел Андреевич – генерал-лейтенант (1968), доктор исторических наук (1956), профессор (1961). В 1947–1958 гг. старший научный сотрудник, затем начальник Военно-научного отдела Генштаба Вооружённых Сил СССР (1947–1958).
- 72 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 15. Л. 19.
- 73 Там же. Л. 19, 20.
- 74 Там же. Д. 9. Л. 180.
- 75 Книга вышла на русском языке годом раньше. Перевод с немецкого см.: Рокковые решения. М., 1958.
- 76 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 9. Л. 180.
- 77 Там же. Д. 126. Л. [68]. (Часть листов не пронумерована. – С.В.)
- 78 Там же. Д. 30. Л. 33.
- 79 Там же. Д. 48. Л. 5.
- 80 Там же. Л. 4.
- 81 Там же. Л. 17.
- 82 Там же. Л. 4.
- 83 Там же. Л. 9.
- 84 Там же. Л. 4.
- 85 Там же. Л. 14.
- 86 Там же. Л. 4, 5.
- 87 Там же. Л. 6.
- 88 Там же.
- 89 Там же. Д. 869. Л. 2.
- 90 Там же. Д. 130. Л. 5.
- 91 Там же. Д. 21. Л. 25.
- 92 Там же. Д. 127. Л. 54.
- 93 Там же.
- 94 См.: Там же. Л. 55; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 6. М., 1965.
- 95 РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 127. Л. 50.
- 96 Там же. Д. 128. Л. 150.
- 97 Там же. Д. 29. Л. 9.
- 98 Там же. Д. 30. Л. 51.
- 99 Там же. Д. 129. Л. 66.

- ¹⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 129. Л. 139.
- ¹⁰¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: Т. 2. М., 1961.
- ¹⁰² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 129. Л. 140.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 141.
- ¹⁰⁶ Например, «во втором томе при описании подвига героев-панфиловцев ошибочно указан 1077-й сп вместо 1075-го сп. Назначение наркома связи Пересыпкина начальником связи Красной Армии состоялось 23 июля 1941 г., в томе указано 23 июня 1941 г. Вместо фамилии Герасимова – героя повести Шолохова “Наука ненависти” – в томе написано Гаврилов. Имеются искажения в названиях населённых пунктов и т.п. Всё это явилось следствием недостаточного контроля и внимательной сверки со стороны научных сотрудников и руководителей редакций» (Там же. Л. 142).
- ¹⁰⁷ Крылов Николай Иванович (1903–1972) – советский военачальник и военный деятель, Маршал Советского Союза (1962), дважды Герой Советского Союза (19 апреля 1945 г. и 8 сентября 1945 г.). В мае 1941 г. назначен начальником штаба Дунайского укрепрайона на южном участке советско-румынской границы в Одесском военном округе, в этой должности встретил Великую Отечественную войну. В первый день войны вступил в бой с румынскими войсками, безуспешно пытавшимися перейти границу. Когда возникла угроза захвата врагом Одессы, войска с границы были отведены к ней, а полковник Н.И. Крылов был назначен в начале июля 1941 г. заместителем начальника оперативного отдела Приморской армии. В условиях нехватки командиров в окружённой Одессе, с 11 августа стал начальником оперативного отдела армии, а уже с 21 августа – начальником штаба Приморской армии. В этой должности прошёл от начала до конца оборону Одессы и оборону Севастополя. Генерал-майор (27 декабря 1941 г.). 8 января 1942 г. тяжело ранен при артобстреле во время выезда в войска под Севастополем, по медицинским показателям подлежал эвакуации, однако по настоянию командующего армией генерал-майора И.Е. Петрова был оставлен в городе. В конце марта вернулся к штабной работе, но незаживающая рана потом причиняла боль всю жизнь. Эвакуирован из города в последние дни обороны со штабом армии на подводной лодке. Затем более месяца был в резерве и писал отчёт об обороне Севастополя.
- ¹⁰⁸ *Крылов Н.И.* Об этой книге // У черноморских твердынь. Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя. М., 1967. С. 3, 4.
- ¹⁰⁹ Ср.: У черноморских твердынь. С. 416; док. № 1 настоящей публикации.
- ¹¹⁰ См., напр.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 406.
- ¹¹¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 21. Л. 27.
- ¹¹² См.: Там же.
- ¹¹³ Там же. Д. 344. Л. 1–165.
- ¹¹⁴ См.: Там же. Д. 869. Л. 47, 49, 59, 60 и др.
- ¹¹⁵ См.: Там же. Л. 43, 45, 79 и др.
- ¹¹⁶ См.: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 869. Л. 103.
- ¹¹⁷ См., напр.: Там же. Л. 54, 71, 90, 121, 132, 133.
- ¹¹⁸ Редкий пример использования документов совр. ЦАМО см.: Там же. Л. 71.
- ¹¹⁹ См.: Там же. Л. 75.
- ¹²⁰ См.: Там же. Л. 58.
- ¹²¹ См. подр.: Там же. Д. 411. Л. 22–36.
- ¹²² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 226, 227, 311–313, 408, 409.
- ¹²³ *Максимов С.Н.* Оборона Севастополя. 1941–1942 гг. М., 1959. С. 408.
- ¹²⁴ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 9. Л. 83.
- ¹²⁵ Елисеев Иван Дмитриевич – в 1941 г. контр-адмирал, начальник штаба Черноморского флота. Впоследствии – вице-адмирал, в 1960-е гг. член редакционной комиссии «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945».
- ¹²⁶ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 28. Л. 25.
- ¹²⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 404.
- ¹²⁸ Там же. С. 406.
- ¹²⁹ Упоминалось лишь, что 12 июня в Севастополь была доставлена 138-я стрелковая бригада (Там же. С. 409), а 22–26 июня в Севастополь лидером «Ташкент» и двумя эскадренными миноносцами было доставлено «последнее крупное пополнение – 142-я стрелковая бригада» (Там же). Правда, значительно более подробно говорилось о сухопутных частях, принявших участие в Керченско-Феодосийской десантной операции (см.: Там же. С. 312, 313).
- ¹³⁰ См.: *Абрамов Е.Л.* Морская пехота в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Дисс. д-ра ист. наук. СПб., 2007.
- ¹³¹ Цит. по: РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 32. Л. 1.
- ¹³² Там же. Л. 38.
- ¹³³ Там же. Д. 129. Л. 413.
- ¹³⁴ См.: Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 30. Д. 409. Л. 144, 145. Документ выявил и любезно предоставил автору Л.В. Максименков.
- ¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 129. Л. 414.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Там же. Д. 32. Л. 11.
- ¹³⁸ Там же. Л. 12. Исполняющему обязанности командира батареи А.С. Роттенбергу и части личного состава удалось эвакуироваться на Кавказ. В автобиографии А.С. Роттенберг указал, что в ходе обороны Севастополя он был трижды ранен, причём последний раз – 1 июля 1942 г., в последний день обороны города. 16 июня 1942 г. А.С. Роттенберг был награждён орденом Красной Звезды, в 1945 г. – орденом Красного Знамени. В наградном листе значилось: «Тов. Роттенберг при обороне Севастополя всё время боевых действий находился на корректировочном посту... Благодаря умелому определению места нахождения противника... 35-й бат[ареи] в июньских боях 1942 г. было истреблено большое количество живой силы противника и техники... 30 июня 1942 г. при выходе из строя (ранении. – С.В.) к[оманди]ра 35-й бат[ареи] т. Роттенберг принял на себя ко-

мандование 35-й батареей и принимал непосредственное руководство организацией обороны батареи с суши. [...] 30 июня 1942 г. в 16 ч [...] из орудий 35-й батареи... был дан последний залп... Тов. Роттенберг лично осуществлял подрыв 35-й батареи и приведение механизмов в негодное состояние». После обороны Севастополя гвардии капитан Роттенберг был отправлен в тыл для получения специальности режиссёра, а с января 1943 г. по февраль 1944 г. работал художественным руководителем театра при Главном политуправлении Военно-Морского Флота. См.: *Гаврилкин Н.В.* Севастопольская 305-мм башенная батарея № 35 [электрон. ресурс] // <http://www.bellabs.ru/30-35/35.html>; *Орлов В.* Адольф Роттенберг [электрон. ресурс] // <https://grafskaya.com/?p=12637>

¹³⁹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 130. Л. 193, 194.

¹⁴⁰ Там же. Д. 9. Л. 8.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же. Л. 9.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же. Д. 21. Л. 1.

¹⁴⁸ Там же. Д. 117. Л. 10.

¹⁴⁹ См.: Там же. Л. 23.

¹⁵⁰ Там же. Л. 9.

¹⁵¹ Там же. Д. 21. Л. 27.

¹⁵² См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 6.

¹⁵³ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 114. Л. 12а.

¹⁵⁴ 1969. Политбюро ЦК КПСС обсуждает вопрос о 90-лети со дня рождения Сталина [электрон. ресурс] // <https://kpss-ru.livejournal.com/62728.html>

¹⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 130. Л. 247.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ 1969. Политбюро ЦК КПСС обсуждает вопрос о 90-лети со дня рождения Сталина...

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М., 1967. С. 150.

¹⁶⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Проспект. С. 13.

¹⁶¹ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 8. Л. 130. Цитируется письмо Е.А. Болтина начальнику Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генералу армии А.А. Епишеву.

¹⁶² Там же. Д. 7. Л. 257. Цитируются Предложения о создании однотомного труда «Краткая история Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.», направленные 16 июня 1961 г. Е.А. Болтиным членам редкомиссии.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же. Д. 8. Л. 130.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 22. Д. 130. Л. 73.

¹⁶⁷ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. С. 150.

¹⁶⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. С. 408.

¹⁶⁹ Там же. С. 409.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ См.: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1973.

¹⁷² Эта дивизия в труде была по крайней мере упомянута (Там же. С. 408), как и 7-я бригада морской пехоты (Там же. С. 409).

¹⁷³ В журнале «Коммунист» ни в 1962 г., ни в 1963 г. документ опубликован не был.

¹⁷⁴ Петров Иван Ефимович (1896–1958) – военачальник, генерал армии, герой обороны Одессы, Севастополя и Северного Кавказа, Герой Советского Союза (1945). 20 августа 1941 г. назначен командиром 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, с которой принял участие в обороне Одессы. 5 октября 1941 г. генерал-майор И.Е. Петров принял командование Приморской армией. Он руководил эвакуацией советских войск из Одессы на Крымский полуостров. Один из руководителей обороны Севастополя. До лета 1942 г. советские войска в Севастопольском оборонительном районе под командованием И.Е. Петрова успешно сковывали крупные силы немецких войск. В июне – июле 1942 г. блокированный гарнизон Севастопольского оборонительного района четыре недели отражал новое наступление превосходящих сил немецких войск Э. фон Манштейна. После сдачи города И.Е. Петров, среди прочих руководителей обороны, был эвакуирован на подводной лодке. Тяжело переживая поражение и невозможность спасти защитников города, перед эвакуацией Петров попытался застрелиться, но был удержан своими соратниками от этого поступка. С августа 1942 г. командовал войсками 44-й армии. С октября 1942 г. командующий Черноморской группой войск Закавказского фронта.

¹⁷⁵ Козлов Дмитрий Тимофеевич (1896–1967) – советский военачальник, генерал-лейтенант (1940, 1943). 30 декабря 1941 г. назначен командующим войсками Кавказского фронта. К тому времени под его командованием уже был разработан план десантной операции в Крыму и с 26 декабря началась под его командованием совместно с силами Черноморского флота Керченско-Феодосийская десантная операция. 28 января 1942 г. назначен командующим войсками новообразованного Крымского фронта. Под его командованием велись боевые действия на Керченском полуострове, когда в феврале – марте фронт трижды предпринимал попытки наступления с Керченского полуострова. Все они окончились с минимальным продвижением и большими потерями, в чём большая часть вины лежала на представителе Ставки Верховного Главнокомандования на фронте Л.З. Мехлисе. В мае 1942 г. войска 11-й немецкой армии генерала Э. фон Манштейна провели наступательную операцию под кодовым наименованием «Охота на дроф». В течение 12 дней Крымский фронт, обладавший превосходством в силах, потерял более 160 тыс. человек, 196 танков, более 4500 орудий и миномётов, 417 самолётов.

Разрозненные остатки войск фронта переправились через Керченский пролив на Таманский полуостров. Керченский плацдарм советских войск был ликвидирован. 19 мая 1942 г. Крымский фронт был расформирован, Д.Т. Козлов остался без нового назначения.

¹⁷⁶ Рыжи Николай Кирьякович (1896–1972) – советский военачальник, генерал-полковник артиллерии (1958). В начале Великой Отечественной войны воевал начальником артиллерии 14-го стрелкового корпуса на Южном фронте. С июля 1941 г. начальник артиллерии Отдельной Приморской армии. В этой должности проявил себя выдающимся артиллерийским командиром при обороне Одессы и обороне Севастополя, в труднейших условиях умело маневрируя немногочисленными силами артиллерии, организуя артиллерийскую оборону и быстрое сосредоточение артотряда на наиболее угрожаемых участках. Участвовал в планировании и проведении Керченско-Феодосийской десантной операции. Автор воспоминаний, см.: *Рыжи Н.К. На севастопольских рубежах // У черноморских твердынь. С. 139–178.*

¹⁷⁷ Хренов Аркадий Фёдорович (1900–1987) – советский военачальник, генерал-полковник инженерных войск (1944), Герой Советского Союза (1940). С 22 июня 1941 г. начальник инженерных войск Южного фронта. С 19 августа 1941 г. помощник командующего по оборонительному строительству Одесского оборонительного района. После оставления Одессы – начальник инженерных войск Севастопольского оборонительного района (1941–1942). Начальник инженерных войск Крымского (апрель – май 1942), Ленинградского и Волховского (1942–1944), Карельского (1944–1945), 1-го Дальневосточного (1945) фронтов.

¹⁷⁸ Ласкин Иван Андреевич (1901–1988) – советский военачальник, генерал-лейтенант (1943), участник обороны Крыма. В 1939–1941 гг. начальник штаба 15-й Сивашской мотодивизии (Молдавия). Великую Отечественную войну встретил в Молдавии, попал в августе 1941 г. в окружение под Уманью. При выходе из окружения Ласкин вместе с двумя офицерами были задержаны немцами и допрошены немецким офицером, однако через несколько часов пленникам удалось бежать. Ласкин с офицерами присоединился к одной из частей Красной Армии. Зная о работе особых отделов, спутники договорились скрыть задержание и плен. С 1 октября 1941 г. начальник штаба 172-й стрелковой дивизии, сформированной в Крыму (место формирования – Симферополь), через 6 дней он стал командиром этой дивизии, которая вошла в состав 51-й армии. В составе Приморской армии 172-я стрелковая дивизия защищала Севастополь до последнего дня обороны. После эвакуации Ласкин стал заместителем начальника штаба Юго-Восточного фронта, с 26 августа по 7 сентября 1942 г. – начальником штаба 62-й армии, с 7 сентября 1942 г. по 16 апреля 1943 г. – начальником штаба 64-й армии, с 16 апреля по 15 мая 1943 г. – начальником штаба 7-й гвардейской армии. Обе армии участвовали в обороне Сталинграда, заняв фронт протяжённостью 65 км. За умелое командование Ласкин неоднократно поощрялся командованием, однако был необоснованно репрессирован: он 8 лет содержался в тюрьме без суда.

¹⁷⁹ Бочаров Леонид Порфирьевич (1909–1964) – советский военачальник, генерал-майор (1942), член советской воен-

ной делегации, погибшей в 1964 г. в авиакатастрофе под Белградом. В годы Великой Отечественной войны работал инспектором политуправления Южного фронта, начальником политотдела Отдельной Приморской армии. Во время обороны городов Одессы и Севастополя руководил партийно-политической работой военных частей и соединений. С 10 июля по 8 ноября 1942 г. начальник политотдела 4-й резервной армии. С ноября 1942 г. по август 1943 г. начальник политотдела 1-й гвардейской армии, участник Сталинградской битвы. С августа 1943 г. по июнь 1946 г. член военного совета 57-й армии.

¹⁸⁰ Ковтун-Станкевич Андрей Игнатьевич (1900–1986) – советский военачальник, участник Гражданской, Великой Отечественной, советско-японской войн. Командир 297-й стрелковой Славянско-Кировоградской Краснознамённой ордена Богдана Хмельницкого 1-й степени дивизии, гвардии генерал-майор. В феврале 1940 г. призван в Красную Армию и назначен пом. начальника 1-го (оперативного) отделения штаба 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, с 3 мая исполнял должность начальника разведотделения штаба дивизии. С началом Великой Отечественной войны дивизия в составе 14-го стрелкового корпуса Приморской группы войск (с 20 июля 1941 г. – Приморской армии) Южного фронта вела оборонительные бои с превосходящими силами противника на реках Прут и Дунай (от Кагула до Килии). Во время отхода из Бессарабии при угрозе окружения дивизии капитан Ковтун-Станкевич с резервом обеспечил вывод частей у Цареградского гирла. С отходом к Одессе, после оставления ст. Раздельная и боёв под совхозом «Червоный маяк», он назначен командиром 287-го стрелкового полка. После оставления Одессы и эвакуации в Крым во второй половине октября 1941 г. назначен начальником 2-го (разведывательного) отделения штаба 25-й стрелковой дивизии. В ноябре – декабре и.д. нач. северо-восточного сектора обороны Севастополя, затем выполнял оперативные задачи под Балаклавой. С декабря 1941 г. начальник оперативного отдела штаба Приморской армии. После оставления Севастополя и эвакуации в Новороссийск состоял в распоряжении Военного совета Северокавказского фронта и работал в группе генерал-майора Н.И. Крылова и начальника штаба Черноморского флота по разработке инструкции по организации взаимодействия сухопутных войск и флота на основе опыта обороны Севастополя. С августа 1942 г. начальник оперативного отдела и замначальника штаба 44-й армии. В составе Северной группы войск Закавказского фронта участвовал в оборонительных боях в ходе битвы за Кавказ.

¹⁸¹ Пискунов Дмитрий Иванович (1901 – 1998) – начальник артиллерии 95-й стрелковой дивизии, один из тех старших офицеров, кто остался защищать Севастополь после эвакуации из города командования Севастопольского оборонительного района в июле 1942 г. Пережил многодневные непрерывные бои и неприятельский плен, вернулся на Родину. См.: *Пискунов Д.И. 95-я Молдавская. Кишинёв, 1987.*

¹⁸² Хомич Иван Фёдорович (1899–?), советский военачальник, гвардии полковник. Член РКП(б) с 1918 г. В Красной Армии с октября 1918 г., добровольно по направлению Нижегородского губкома РКСМ направлен на пулемётные курсы в Москву. Участник Гражданской войны

с августа 1919 г. по 1921 г. на Южном фронте. С началом Великой Отечественной войны полковник И.Ф. Хомич назначен ответственным за формирование 339-й стрелковой дивизии. С декабря 1941 г. до 9 июля 1942 г. участник обороны Крыма и г. Севастополя. Командир 95-й стрелковой дивизии Отдельной Приморской армии, попал в плен 9 июля 1942 г., до осени 1944 г. в плену под именем Карпова Ивана Фёдоровича 1892 г. рождения (февраль – ноябрь 1943 г.). Сумел совершить побег и выйти к партизанам. Назначен начальником штаба партизанской бригады в Брестской области. Заместитель командира 317-й стрелковой дивизии в составе 18-й армии, затем 280-й стрелковой Конотопско-Коростеньской Краснознамённой дивизии по строевой части. С 2 по 15 сентября 1944 г. командир 181-й (формирования 1942 г.) ордена Ленина Сталинградской Краснознамённой дивизии. С 7 ноября 1944 г. командир 271-й стрелковой Горловской Краснознамённой ордена Богдана Хмельницкого дивизии.

¹⁸³ Сахаров В.П. – полковник, участник Великой Отечественной войны. Участник обороны Одессы, Крыма и Севастополя в составе 25-й Чапаевской Краснознамённой стрелковой дивизии, с 27 февраля 1942 г. – начальник штаба 79-й курсантской стрелковой бригады. См.: *Сахаров В.П.* Мы шли от Прута // У черноморских твердынь. С. 54–81; *Он же.* Героями были все // Там же. С. 381–415.

¹⁸⁴ Безгинов И.П. – полковник. Участник обороны Крыма и Севастополя 1941–1942 гг., капитан, сотрудник оперативного отдела (см.: *Моргунов П.А.* Героический Севастополь [электрон. ресурс] // <http://www.krimoved-library.ru/books/geroicheskiiy-sevastopol8.html>

¹⁸⁵ Пичугин А.М. – полковник. Участник обороны Крыма и Севастополя в 1941–1942 гг., полковой комиссар, военком 345-й стрелковой дивизии Приморской армии.

¹⁸⁶ Васьковский Я.Я. – майор, участник Великой Отечественной войны. Участник обороны Одессы, Крыма и Севастополя в 1941–1942 гг. в составе 25-й Чапаевской Краснознамённой стрелковой дивизии. Автор воспоминаний об обороне Одессы, см.: *Васьковский Я.Я.* Стойкость // У черноморских твердынь. С. 130–138.

¹⁸⁷ Соколовский Л.Г. – полковник, участник обороны Крыма и Севастополя 1941–1942 гг.

¹⁸⁸ Были подготовлены, однако не изданы четыре тома сборника. См. предисловие к настоящей публикации.

¹⁸⁹ Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) – член РСДРП с 1903 г. (большевик). Член ЦК РКП(б) с 1921 г. Член Политбюро ЦК ВКП(б) – Президиума ЦК КПСС в 1926–1960 гг. В 1925–1934 гг. председатель РВС СССР, нарком по военным и морским делам СССР. В 1934–1940 гг. нарком обороны СССР. В 1940–1953 гг. заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров – Совета Министров СССР. Член Государственного Комитета Обороны (ГКО) с его образования 30 июня 1941 г. по 22 ноября 1944 г. С 10 июля по 27 августа 1941 г. главнокомандующий войсками Северо-Западного направления. См.: *Ломагин Н.А.* «Народному Комиссару Обороны товарищу Сталину»: донесения командующего Ленинградским фронтом К.Е. Ворошилова // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 35–55.

¹⁹⁰ Шапошников Борис Михайлович (1882–1945) – полковник старой армии (1917), Маршал Советского Союза (1940), профессор (1935). В годы Великой Отечественной войны постоянный советник при Ставке Верховного Главнокомандования (с июня 1941); нач. штаба Западного направления (июль 1941); нач. Генерального штаба Красной Армии (июль 1941 – май 1942) и член Ставки Верховного Главнокомандования (июль 1941 – февраль 1945); зам. наркома обороны СССР (с мая 1942); нач. Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова (с июня 1943). Участие в войнах: Первая мировая война (контужен в голову разрывом снаряда в октябре 1914), Гражданская война, советско-польская война, Великая Отечественная война.

¹⁹¹ Жданов Андрей Андреевич (1896–1948) – видный деятель ВКП(б). В 1934–1944 гг. первый секретарь Ленинградских обкома и горкома. В годы Великой Отечественной войны член Военного совета Северо-Западного направления (1941); член Военного совета Ленинградского фронта (1941–1944).

¹⁹² См.: Посетители кремлёвского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1998. № 4. С. 41.

¹⁹³ В 1941–1942 гг. почти каждый день (см.: Там же).

¹⁹⁴ Маленков Георгий Максимилианович (1901–1988) – член РКП(б) – ВКП(б) – КПСС в 1920–1961 гг. Член ЦК ВКП(б) – КПСС в 1939–1957 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) с 1941 г. Секретарь ЦК РКП(б) с 1939 г. В 1934–1939 гг. заведующий Отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). С 1939 г. начальник Управления кадров ЦК ВКП(б). В годы Великой Отечественной войны – член Государственного Комитета Обороны. В августе 1941 г. находился на Ленинградском фронте; осенью и зимой 1941 г. принимал активное участие в организации операций по разгрому немецких войск под Москвой.

¹⁹⁵ Берия Лаврентий Павлович (1899–1953) – член партии с 1917 г. Член ЦК ВКП(б) – КПСС в 1934–1953 гг. С 1931 г. первый секретарь ЦК КП(б) Грузии, одновременно с 1932 г. секретарь Закавказского крайкома и Тбилисского ГК. В 1938–1945 гг. нарком внутренних дел СССР. Член ГКО с июня 1941 г.

¹⁹⁶ Микоян Анастас Иванович (1895–1978) – член партии с 1915 г. Член ЦК РКП(б) с 1923 г. Кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) с 1926 г. Член Политбюро ЦК ВКП(б) – Президиума ЦК КПСС в 1935–1966 гг. С 1926 г. нарком внешней и внутренней торговли СССР, с 1930 г. – снабжения СССР, в 1934–1938 гг. – пищевой промышленности СССР. В 1938–1949 гг. – нарком (министр) внешней торговли СССР. С 1941 г. председатель Комитета продовольственно-вещевого снабжения Красной Армии, а также член Совета по эвакуации и Государственного комитета по восстановлению хозяйства освобождённых районов, с 1942 г. член Государственного Комитета Обороны.

¹⁹⁷ Вознесенский Николай Алексеевич (1903–1950) – член РКП(б) с 1919 г. С 1934 г. член Комиссии советского контроля при СНК СССР (КСК), член ЦК ВКП(б) в 1939–1949 гг. С 1941 г. кандидат, в 1947–1949 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б). В годы Великой Отечественной войны член ГКО и Комитета при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобождённых от немецко-фашистских оккупантов.

¹⁹⁸ В феврале – марте 1942 г. вдвоём Б.М. Шапошников и А.М. Василевский были в кабинете И.В. Сталина: 15 февраля, 26 февраля (дважды), 27 февраля, 8 марта, 12 марта, 21 марта, 23 марта (дважды), 26 марта, 27 марта, 30 марта, 31 марта, а также 1 апреля (Посетители кремлёвского кабинета И.В. Сталина. С. 41, 191).

¹⁹⁹ Тимошенко Семён Константинович (1895–1970) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (1940), дважды Герой Советского Союза (1940, 1965). Кавалер ордена «Победа» (1945). В 1940–1941 г. народный комиссар обороны СССР, провёл масштабную работу по совершенствованию боевой подготовки войск, их реорганизации, техническому переоснащению, подготовке новых кадров, которую не удалось полностью завершить в связи с началом Великой Отечественной войны. В мае 1942 г. Тимошенко руководил Харьковской наступательной операцией, в результате которой крупная группировка Красной Армии потерпела сокрушительное поражение.

²⁰⁰ Хрущёв Никита Сергеевич (1894–1971) – советский партийный и государственный деятель. Первый секретарь

ЦК КПСС (1953–1964), Председатель Совета Министров СССР (1958–1964). Герой Советского Союза (1964), трижды Герой Социалистического Труда (1954, 1957, 1961). В годы Великой Отечественной войны Хрущёв был членом Военных советов Юго-Западного направления, Юго-Западного, Сталинградского, Южного, Воронежского и 1-го Украинского фронтов.

²⁰¹ Баграмян Иван Христофорович (1897–1982) – советский военачальник, дважды Герой Советского Союза, кавалер семи орденов Ленина, Маршал Советского Союза, член ЦК КПСС. С 1 апреля 1942 г. без освобождения от должности начальника штаба Юго-Западного направления временно возглавил штаб Юго-Западного фронта. Весной 1942 г. как начальник штаба Юго-Западного направления И.Х. Баграмян стал одним из основных разработчиков Харьковской наступательной операции. Несмотря на то что все решения в ходе боевых действий принимали С.К. Тимошенко и Н.С. Хрущёв, И.В. Сталин назвал И.Х. Баграмяна главным виновником поражения.

Н.Ф. Задорожная

Севастополь в период немецко-фашистской оккупации 1942–1944 гг. По документам фонда «Газета “Голос Крыма”» (ГКУ РК «Государственный архив Республики Крым»)

В оккупированном гитлеровцами Крыму в 1941–1944 гг. выходило семь печатных изданий: «Феодосийский вестник», «Евпаторийские известия», «Земледелец Тавриды», «Дойче Крым цайтунг» (Крымская немецкая газета) – на немецком языке для немецких солдат, «Азат Крым» («Свободный Крым») – на татарском языке, журнал «Современник» и ведущее печатное издание – газета городского управления Симферополя «Голос Крыма».

Газета выходила на русском языке с 12 декабря 1941 г. по 9 апреля 1944 г. Всего было выпущено 338 номеров.

С июля 1943 г. она становится общекрымской газетой. В 1943 г. её тираж вырос с 5 тыс. до 80 тыс. экземпляров. Газета шла в розничную продажу (стоимость одного номера – 1 руб. или 10 пфеннигов) и по подписке. Редакция, размещавшаяся в отделе культуры горуправы на улице Салгирская, 26, получала заказы на подписку из Франции, Болгарии, Германии. Главный редактор – профессор филологии А.И. Булдеев, с 20 октября 1943 г. – К.А. Быкович.

Это было прогерманское, профашистское издание, задачей которого было помогать германскому

командованию, оккупационным органам управления насаждать и укреплять «новый порядок». Поэтому на первой и второй полосе газета публиковала статьи, порочащие социалистический строй, государственных деятелей СССР, восхваляющие «новый порядок», речи А. Гитлера, известия с театра боевых действий, международные новости.

На третьей полосе – рубрика «Из жизни Крыма», в которой освещалась жизнь в городах и сёлах Крыма, в том числе и в Балаклаве, Бахчисарае и Севастополе. С 1 июня 1943 г. на третьей полосе газета регулярно публикует материалы о добровольцах РОА: приказы, призывы, их публичные выступления в театре и перед началом киносеансов. С 30 июня на третьей полосе открывается «Уголок добровольца».

Четвёртая полоса – приказы, объявления, распоряжения оккупационных властей, кино-, театральная афиша.

В ГКУ РК «Государственный архив Республики Крым» (далее – ГКУ РК ГАРК) хранится полная подшивка этой газеты. В 1998 – начале 2000 г. мне посчастливилось ознакомиться с публикациями газеты «Голос Крыма».

Июльские номера 1942 г. – это прославление победы фон Манштейна под Севастополем. Газеты за 1–2 июля на первых и вторых полосах крупным планом публикуют материалы о взятии Манштейном Севастополя.

Экстренный выпуск за 2 июля 1942 г. на всю первую полосу в рубрике «Из Главной квартиры фюрера» от 1 июля 1942 г. публикует «Особое сообщение»: «...Германское Верховное командование сообщает: Севастополь пал! Германскими войсками взята сильнейшая в мире крепость – Севастополь! Над крепостью, городом и портом развеваются германские и румынские флаги. Германские и румынские войска под руководством генерал-полковника фон Манштейна, мощно поддержанные испытанным в боях авиационным корпусом генерал-полковника барона фон Рихтгофена, после 25-дневной ожесточённой борьбы взяли сегодня в полдень сильнейшую из всех когда-либо существовавших в мире сухопутно-морских крепостей [...] Число пленных и трофеев необозримо. Остатки разбитой севастопольской армии [...] бежали на Херсонесский полуостров. Там, стеснённые на узком пространстве, они идут навстречу гибели...».

Ниже – телеграмма фюрера фон Манштейну о присвоении ему звания «генерал-фельдмаршал»: «Главкомандующему Крымской Армией генерал-полковнику фон Манштейну. В ознаменование Ваших особенных заслуг, нашедших своё достойное завершение уничтожением противника под Керчью и взятием сильнейшей Севастопольской крепости в победоносных боях на Крымском полуострове, я произвожу Вас в генерал-фельдмаршалы и учреждением Почётного знака для всех борющихся на Крымском полуострове [...] я отмечаю перед всем германским народом героические достижения сражавшихся под Вашим командованием войск...»¹ (по тексту – примеч. автора).

Стремясь втянуть Турцию в войну на своей стороне, придать бóльшую значимость взятию фон Манштейном Севастополя, А. Гитлер привлекает внимание дипломатов, военачальников, корреспондентов зарубежных изданий, приглашая их посетить Крым и Севастополь. Поэтому июльские-августовские номера газеты сообщают о посещении Крыма и Севастополя делегациями разных стран:

«...4 июля в Симферополь по приглашению Верховного командования прибыла группа иностранных

корреспондентов с целью личного ознакомления с блестящими результатами боёв под Севастополем, т.к. Московское Информбюро [...] всячески старается принизить значение взятия этой крепости [...] Под руководством немецких офицеров, участников боёв под Севастополем, представители итальянской, японской, турецкой, французской, греческой, словацкой, датской, финской, аргентинской, шведской, испанской прессы осмотрели места боёв и ознакомились со всеми фазами военных действий под Севастополем [...] Перед отъездом в Севастополь иностранные корреспонденты были приняты главнокомандующим генерал-фельдмаршалом фон Манштейном. 5 июля иностранные гости провели в Севастополе и его окрестностях, а рано утром 6 июля вылетели на самолёте обратно в Берлин, чтобы сообщить мировой общественности о том, что они видели...»².

Известно, что надежды Манштейна на иностранных корреспондентов не сбылись. Мировая печать в основном с чувством преклонения перед мужеством защитников Севастополя освещала эти события.

3 августа 1942 г. Крым и Севастополь посетили аккредитованные в Берлине военные и морские атташе нейтральных и союзных Германии государств. Газета «Голос Крыма» сообщала: «...Военные и морские атташе посетили Севастополь, Ялту, Керчь и Евпаторию и осмотрели дома отдыха германских солдат на Южном берегу Крыма. В Евпатории они возложили венок на могилы погибших в Евпатории германских солдат...»³.

14 августа на первой полосе опубликована статья «Посещение Крыма турецкими деятелями»: «...В конце июля в Германию прибыла делегация из шести турецких представителей во главе [...] с генеральным инспектором печати Селимом Зариф. Все делегаты принадлежат к влиятельнейшей в Турции группе общественных деятелей – сторонников турецко-германской дружбы [...] 8 августа утром делегация прибыла на самолётах из Берлина на Симферопольский аэродром, где была встречена представителями Крымского военного командования [...] В субботу 8 августа делегация отбыла в Севастополь, где подробно осмотрела город и весь примыкающий к нему огромный район бывшей Севастопольской крепости [...] Делегация имела случай убедиться не только в исполинской мощи германского оружия, но и в явной

¹ Голос Крыма. 1942. 2 июля.

² Голос Крыма. 1942. 8 августа.

³ Там же. 5 августа.

лживости советских утверждений о неподготовленности Севастополя к обороне со стороны суши. Вечером того же дня, по возвращении делегации в Симферополь, в честь неё германским командованием был дан банкет. 9 августа турецкие гости отбыли на самолётах в Будапешт...»¹.

Из августовских же номеров газеты мы узнаём о посещении Севастополя румынским королём Михаилом I, о награждении им фон Манштейна орденом Михаила Храброго II ст.: «В конце прошлой недели в Симферополь прибыл румынский король Михаил I. В свите короля находились заместитель министра-президента Михаил Антонеску, военный министр Пантаци и министр авиации Енеску [...] В течение двух дней румынский король и прибывшие с ним румынские государственные деятели осматривали поля битвы под Севастополем и различные замечательные в том или ином отношении места на побережье Чёрного моря. Во время этих поездок Михаил I приветствовал те румынские части, которые особенно отличились в боях на Крымском полуострове»².

Через день газета сообщала: «...3 августа утром король в сопровождении генерала фон Ганзена и офицеров местного немецкого и румынского гарнизонов отбыл на аэродром и вылетел в 8 ч со своей свитой в Румынию...»³.

Меня, как исследователя темы «Севастополь в период немецко-фашистской оккупации 1942–1944 гг.», интересовало, как на страницах газеты отражена жизнь оккупированного города, установление и укрепление «нового порядка». Некоторые сведения по этим вопросам удалось выявить в публикациях газеты «Голос Крыма».

Режим прописки, комендантский час

В «официальном отделе» газеты печатались объявления, постановления комендатуры, городской управы, которые регламентировали жизнь в городе. В первые дни оккупации на прописку вновь прибывшему давалось 48 часов. В номере за 14 сентября 1942 г. разъяснялось, что «прописка на постоянное жительство даётся комендатурой [...]»:

«– для жительства до трёх дней разрешение даёт паспортный отдел;

– прописка и выписка осуществляется в течение 48 часов;

– неместные жители, которые без разрешения находятся в городе, и хозяева, которые без разрешения дали им квартиру, будут расстреляны;

– военным лицам, легионерам, добровольцам также запрещается давать квартиру без разрешения...»⁴.

В последнем номере за 9 апреля 1944 г. опубликовано объявление горуправы Симферополя: «Вновь поселившиеся лица в домовладениях должны быть немедленно записаны по домовым книгам и прописаны в участковой полиции [...] О выбывших должно быть немедленно сообщено полиции [...] Совершенно не допускается проживание и ночёвка лиц без прописки [...] За невыполнение указанного распоряжения владельцы частных домов, управляющие домами будут привлекаться к строгой ответственности, вплоть до ареста»⁵. Это было характерно и для Севастополя.

Публикации «официального отдела» (объявления, распоряжения) дают возможность получить сведения об изменениях в установлении комендантского часа, о правилах проезда по железной дороге и т.д.

С 1 мая 1943 г. гражданскому населению разрешалось находиться за пределами населённых пунктов с 4 ч утра до 19 ч 30 мин, а внутри населённых пунктов – с 5 ч утра до 20 ч вечера⁶.

16 февраля 1944 г. газета «Голос Крыма» констатировала, что в Севастополе с 14 февраля объявлен комендантский час с 17 ч вечера до 4 ч утра⁷.

Сложность передвижения для гражданского населения заключалась тогда не только в комендантском часе, но и в том, что для проезда по железной дороге необходимо было иметь специальные пропуска. 7 июля 1943 г. на страницах газеты опубликовано объявление за подписью командующего германскими войсками в Крыму, разъясняющее порядок оформления таких пропусков:

«1 [...] Ещё раз указывается, что для передвижения в пункты, находящиеся вне своего района, необходимо иметь пропуска, выданные соответствующей местной комендатурой. Эти пропуска не дают право пользоваться железной дорогой. Желающие ехать по железной дороге должны иметь кроме пропуска ещё соответствующее специальное удостоверение, которое выдаётся ортскомендатурой.

¹ Голос Крыма. 1942. 14 августа.

² Там же. 5 августа.

³ Там же. 7 августа.

⁴ Голос Крыма. 1942. 14 сентября.

⁵ Там же. 1944. 9 сентября.

⁶ Там же. 1943. 1 мая.

⁷ Там же. 1944. 16 февраля.

2. Лица, не имеющие пропусков для передвижения вне своего района, а также лица, пользующиеся железной дорогой, не имеющие на это специального удостоверения, будут наказаны принудительными работами на срок не менее четырёх недель. Кроме того, виновные, независимо от этого, будут наказаны денежным штрафом»¹.

Трудовая повинность

С начала 1942 г. и до конца 1943 г. газета публикует распоряжения, постановления, приказы, объявления германского командования и оккупационных властей о трудовой повинности, по которым можно проследить, как оккупанты ужесточали эту часть «нового порядка». В конце июля 1942 г. городской голова Севастополя Н. Мадатов дал распоряжение о проведении учёта трудоспособного населения в возрасте от 18 до 60 лет для выполнения трудовой повинности. Но уже 30 октября 1942 г. газета «Голос Крыма» публикует редакционную статью «Трудовая повинность на Украине», в которой разъясняются основные положения её выполнения: «Имперский комиссар по делам Украины определил порядок проведения трудовой повинности на Украине. В рамках этой повинности включаются все работы, имеющие общественный характер, в особенности сельскохозяйственные работы, стройки, возведение общественных зданий, прокладка и ремонт дорог, каналов железнодорожной сети и т.п. Подлежит трудовой повинности каждый трудоспособный...»². Каждый трудоспособный житель должен был отработать на выполнении трудовой повинности 28 дней.

29 марта 1943 г. газета публикует распоряжение главнокомандующего германскими войсками в Крыму под заголовком «Распоряжение для управляющих домами и домовладельцев по охвату лиц, которые должны быть привлечены к выполнению трудовой повинности». Согласно этому распоряжению «управдомы и домовладельцы обязаны провести полный охват лиц, живущих в подведомственных им домах»³. Распоряжение разъясняло: «В списки заносятся мужчины в возрасте от 16 до 60 лет и женщины в возрасте от 17 до 45 лет со следующими исключениями: а) мужчины и женщины, имеющие постоянную работу и работающие не менее 40 часов в неделю; б) беременные женщины и женщины, име-

ющие ребёнка, не достигшего 14-летнего возраста; в) самостоятельно работающие лица (ремесленники, торговцы). [...]

Первичный охват лиц, подлежащих трудовой повинности, провести до 10 апреля и не позже 14.04.1943 г. сдать все списки [...] От трудовой повинности освобождаются служащие военных и гражданских учреждений, врачи, адвокаты, нотариусы, учащиеся, духовные лица»⁴.

Если до этого времени работы по выполнению трудовой повинности жителям Крыма и Севастополя оплачивались: 5 руб. (до 4 часов работы), 10 руб. (свыше 4 часов), то данное распоряжение отменяло эту оплату и вводило неоплачиваемые работы по выполнению трудовой повинности. В этом же распоряжении указывалось: «Кто не может отработать, должен внести плату 80 руб. в год, при этом предоставить справку от врача о болезни, не позволяющей выполнять эту физическую работу, или справку о работе [...] (через два месяца устанавливалась плата 144 руб. в год. – Н.З.). Отказ и уклонение от работы, так же как и недобросовестное отношение к работе, будут рассматриваться как саботаж и строго наказываться»⁵. Перечислены и меры наказания:

«1. [...] Определяется штраф на неявляющихся на работу от 50 до 300 руб. [...];

2. Привлекать через полицию лиц, уклоняющихся от работы, на двойной срок с содержанием ночью под стражей...»⁶.

Публикации газеты свидетельствуют, что в сельских районах трудовая повинность отрабатывалась и предоставлением гужевого транспорта (лошадей) в распоряжение бюро труда или других организаций. Так, 23 октября 1942 г. до старост сельхозобщин Крыма через объявление в газете доведено распоряжение Главного управления шоссевых и грунтовых дорог (размещалось в г. Симферополе, ул. Пушкинская, 27. – Н.З.) о выделении работоспособного населения и транспорта для ремонта дорог: «Согласно распоряжению главного командования войсками Крыма всем общинам вменяется в обязанность выделить людей и транспорт в постоянные бригады по ремонту шоссе [...] Все граждане, не являющиеся к отбыванию трудовой повинности, будут подвергнуты штрафу до 1 тыс. руб. Кроме того, подводы [...]

¹ Голос Крыма. 1943. 7 июля.

² Там же. 1942. 30 октября.

³ Там же. 1943. 29 марта.

⁴ Голос Крыма. 1943. 29 марта.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

изымаются у владельца и передаются транспорту городского управления...»¹.

23 марта 1943 г. газета сообщала о другой разновидности выполнения трудповинности: «Население города Бахчисарая приводило в порядок кладбища немецких солдат [...] Старики и юноши, женщины и девушки нашего города, участвующие в этой работе, своей честной работой ещё раз доказали свою дружбу и верность немецкой армии...»².

Вербовка рабочей силы в Германию

С апреля 1942 г. по март 1944 г. редакция газеты публикует воззвания, распоряжения «О порядке и условиях вербовки рабочей силы в Германию», письма добровольно уехавших, их фотографии, объявления о выдаче пособий семьям работающих добровольцев в Германии, объявления о переносе сроков отправления из Симферополя очередных железнодорожных составов и т.д.

В этом плане интерес представляет огромная подвальная статья в номере за 5 августа 1942 г. – интервью корреспондента газеты с руководителем вербовочной комиссии в Крыму.

Отдельные выдержки из его ответов:

«– Германия предлагает вам на время войны работу и хлеб [...];

– Зарегистрироваться могут: 1) холостые мужчины и одинокие женщины [...]; 2) семейные, не имеющие детей, оба трудоспособные; 3) семейные с детьми свыше 15 лет [...];

– Рабочие будут жить в чистых уютных общежитиях или открытых лагерях, семьи могут жить вместе. Им, по возможности, будут предоставлены отдельные комнаты [...];

– Питание будут получать такое же, как и германское население [...];

– На различные повседневные нужды будут выдаваться деньги на руки, а остальные, за вычетом на питание и квартиру, будут переводиться в сберегательную кассу [...];

– Если семьи, кормильцы которых работают в Германии, сами работать не могут, они получают ежемесячно 130 руб. (по месту жительства³)».

И здесь же два ответа, опровергающие эти «преlestи» германской жизни. Вопрос: «В каких отраслях хозяйства будут работать наши рабочие?» – Ответ:

«В сельском хозяйстве, в горной промышленности, металлоиндустрии, на строительстве железных дорог, в лучших германских производствах». Вопрос: «Как часто можно будет обмениваться письмами с Родиной?» – Ответ: «Можно будет получать и отправлять одно письмо в месяц...»⁴. Позднее было объявлено через «Голос Крыма» разрешение на получение одной посылки в год весом не более 250 г.

Не набрав нужное количество добровольной дармовой рабочей силы в Крыму, германское командование, оккупационные власти снова и снова будируют этот вопрос через свои органы управления и печатные издания. В конце августа газета «Голос Крыма» вновь публикует несколько статей корреспондентов газеты о вербовке в Германию, в которых настойчиво разъяснялись условия работы для русских рабочих: «Им будут платить зарплату по их способностям. Значительная часть едущих будет направлена в промышленность. Они будут жить в светлых и тёплых общежитиях в рабочих посёлках при фабриках [...] Для семейных будут предоставлены, по возможности, отдельные комнаты. Все они получают карточки на право приобретения продуктов, белья, верхней одежды, обуви и т.д. [...]

Те, кто будет работать на заводе, вернуться на родину квалифицированными токарями, фрезеровщиками и т.д. Много женщин будет направлено на работу в магазины и домашнее хозяйство...»⁵.

Из статьи «Забота Германии о русских рабочих. Общие условия работы русских рабочих в Германии»:

«...Они будут использованы в промышленных предприятиях, на домашней работе и в сельском хозяйстве [...] Для помещения русских рабочих предусмотрены чистые, уютные, отвечающие всем требованиям гигиены общежития и квартиры [...] В питании нет никакой разницы по сравнению с германскими рабочими [...] Русский рабочий рассматривается как вполне равноценный рабочий по сравнению со всеми другими...»⁶.

Публикуются и статьи пропагандистского характера. Когда в город пришли первые письма из Германии с намёками на жуткие условия работы для женщин, 16 апреля 1943 г. газета публикует редакционную статью «Не верьте ложным слухам по поводу набора женщин в Германию!»: «Редакция газеты уполномочена заявить, что женщины будут посланы в Германию исключительно на работу в хозяйствах и промышленности Германии

¹ Голос Крыма. 1942. 23 октября.

² Там же. 1943. 23 марта.

³ Там же. 1942. 5 августа.

⁴ Голос Крыма. 1942. 5 августа.

⁵ Там же. 20 августа.

⁶ Там же. 1943. 25 августа.

[...] Германское правительство ставит едущих в Германию женщин в равные условия с работающими там германскими женщинами. Оно гарантирует женщинам жилище, питание такое же, как и германским женщинам, хорошую заработную плату, пособие и лечение на случай болезни. Все русские, работающие в Германии, будут получать газеты и книги на русском языке. Всем им обеспечена переписка с родственниками и знакомыми. Им будет оказано полное внимание и проявлена к ним добросовестная забота [...] Работая в Германии, вы будете помогать содействию Германской Армии и Русской Освободительной Армии [...] тем самым ускорить окончание войны [...] Смело идите в бюро труда и отправляйтесь на работу!..»¹

Плакат «Приезжай в Германию». Издавался в Германии в 1940–1941 гг. Распространялся в оккупированном Крыму и Севастополе в 1942–1943 гг. (копия).
Подлинник в ГКУ РК ГАРК

С самого начала вербовки в Германию публикуются и материалы, рекламирующие отклик жителей на призыв оккупационных властей ехать в Германию. 26 августа 1942 г. с целью пропаганды «массового и радостного» отъезда крымчан в Германию газета публикует статью корреспондента Вернера «Поезд в Германию», полную восторгов и описания праздничного настроения отъезжающих: «В 7-м часу по направлению к вокзалу начали двигаться колонны. Девушки и женщины, взявшись под руки, пели песни, им подыгрывала гармонь. Это шли добровольно уезжающие на работу в Германию. Всем отъезжающим розданы флажки со знаком свастики [...] Вскоре быстро примчался поезд, украшенный такими же флажками. Это прибыли бахчисарайские добровольцы. К часу дня оба эшелона были соединены в один состав. В три часа дня большой поезд, которому, казалось, не было конца, тронулся...»². В этом эшелоне находились и севастопольские добровольцы, прибывшие в Симферополь ещё 14 августа 1942 г. и зарегистрированные с № 1 по № 265 в бывшем совхозе «Красный», превращённом оккупантами в концлагерь.

Налоги

Они лежали тяжёлым бременем на жителях оккупированного Севастополя. По газетным публикациям можно проследить, как менялась налоговая политика оккупационных властей в Крыму и в Севастополе. С 1 января 1942 г. по всему Крыму, а в Севастополе – с 10 июля 1942 г., были введены следующие налоги для всех граждан с 18-летнего возраста:

а) для восстановления и поддержки порядка в городе – 5 руб. с человека;

б) для социального обеспечения – 3 руб. с человека;

в) подоходный налог – ежемесячно 10% с заработка, до 200 руб.;

г) лица свободных профессий, кустари – налог с предприятия (от 50 до 250 руб. за квартал). Причём уплачиваться налог должен был до 15-го числа последнего месяца квартала, т.е. заранее. Не уплатившие налог вовремя лишались патента;

д) налоги платили и лица моложе 18 лет, но работающие.

Освобождались от налогов только лица старше 65 лет, не работающие.

15 апреля 1943 г. опубликовано объявление о введении дополнительных налогов для сельского населения:

¹ Голос Крыма. 1943. 16 апреля.

² Голос Крыма. 1942. 26 августа.

а) культналог – по 7 руб. за весь второй квартал с каждого мужчины от 16 до 55 лет и с каждой женщины от 17 до 45 лет, как работающих, так и неработающих. Сбор налога должен быть закончен к 15 июня 1943 г.;

б) налог на собак – на весь 1943 г., по 50 руб. с собаки на привязи, по 200 руб. – без привязи; «на лиц, укрывших от учёта собак, старостам общин предоставить списки отдельно для привлечения виновных к ответственности...»¹.

Какие в оккупированном Севастополе работали предприятия, школы, больницы? Ответы на эти вопросы впервые получены из публикации газеты «Голос Крыма».

Это можно проследить по рубрике «Жизнь Крыма» и по обзорным и проблемным статьям городского головы Супрягина, завотделом здравоохранения горуправы Севастополя О.Л. Леденёвой, завотделом просвещения и культуры Н. Бачурского, отдельных корреспондентов газеты. О работе предприятий говорят только короткие строки хроники:

– «В Севастополе начал работать известковый завод, полностью удовлетворяющий потребности в известии для ремонтных работ»²;

– «Открылась фабрика искусственных минеральных вод»³;

– «Начал работать мраморный завод городской управы, изготавливающий памятники из местного розового мрамора, чернильные приборы и пепельницы с видами Севастополя. Возобновляется добыча мрамора из карьеров у деревни Кадыковка и в Мраморной балке...»⁴;

– «Ремонтно-строительная контора горуправы [...] произвела крупные работы в бывшем военном городке на Пироговке [...] Подготавливается ремонт Покровского собора...»⁵ и т.д.;

– «Балаклавские рыбаки начали заготовку дельфиньего жира для мыловаренного завода»;

– «Рыбацкая община готова к весенней путине. Сдан первый успешный улов...»⁶.

К сожалению, по вполне понятным причинам не удалось обнаружить материалы о работе таких крупных предприятий города, как «Верфь» и завод по ремонту оружия «Вулкан». Но о развитии торгов-

ли, сельского хозяйства, о работе севастопольской почты, об обеспечении населения города продуктами питания и ценах на них, о здравоохранении и о работе школ, о культурной жизни оккупированного города и другом материалы газеты дают некоторое представление.

Кустарное производство

27 декабря 1942 г. было разработано и 23 января 1943 г. опубликовано «Новое положение о промыслах». Положение устанавливало обязательный разрешительный порядок для всех видов промысловой деятельности.

«...Разрешение на открытие промыслового предприятия выдаётся городским комиссаром при комендантуре, патент – городским головой»⁷. Через два дня, 25 января, опубликованы ставки патентного налога.

Всего определено девять разрядов:

1-й разряд – 1400 руб.: для ресторанов, железнодорожных буфетов, кафе, кондитерских, виноторговли, комиссионных магазинов, заготовки и продажи топлива;

2-й разряд – 1000 руб.: для столовых и буфетов с продажей съестных припасов, с постоянных дворов, с торговли канцелярскими принадлежностями, художественными антикварными товарами, для постоянных дворов с меблированными комнатами;

3-й разряд – 800 руб.: для буфетов с продажей содовых и минеральных вод, постоянных дворов без меблированных комнат, торговли бакалейными товарами, овощами, фруктами в ларьках, торговли книгами, стройматериалами;

4-й разряд – 600 руб.: для ларьков, продающих освежающие напитки, продажи на базаре овощей и фруктов, «старых вещей для обихода»;

5-й разряд – 500 руб.: для портных, сапожников, изготовителей головных уборов, чувак, для часовщиков;

6-й разряд – 400 руб.: для слесарей и паяльщиков, изготовления мебели, чемоданов, расчёсок, мыловарения.

Портные и сапожники, работающие на дому, стекольщики, маникюрши, столяры, бондари, возчики, ассенизаторы отнесены к 7-му разряду – с уплатой налога в 300 руб., а работающие на дому клиента портные, жестянщики, точильщики – к 8-му разряду – с уплатой налога в 200 руб.;

9-й разряд – 100 руб.: для сапожников по ремонту обуви и чистильщиков обуви, работающих на ули-

¹ Голос Крыма. 1943. 15 апреля.

² Там же. 6 февраля.

³ Там же. 21 апреля.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. 26 апреля.

⁷ Голос Крыма. 1943. 23 января.

це, переплётчиков. Сюда же отнесены врачи, художники и другие лица «свободной профессии»¹.

В номере газеты за 6 февраля 1944 г. опубликовано постановление городского головы г. Симферополя (оно характерно и для Севастополя):

«1. Категорически запрещается всем ремесленникам, а равно и ремесленным товариществам принимать от частных лиц в переделку, перешивку и окраску вещи и материалы военного образца.

2. Виновные в нарушении настоящего постановления будут строго наказываться вплоть до направления в трудовые лагеря с лишением прав на занятия промыслом»².

8 марта 1944 г. в разделе «Хроника» газета «Голос Крыма» сообщала: «В Севастополе имеется 112 кустарно-промысловых предприятий, охватывающих 33 профессии. Имеются портные, сапожники, фотографы и т.д.»³.

Именно такими кустарями были члены КПОВТН: Н. Астафьев (ремонт часов), В. Величко, шивший тапочки, чувяки, А. Стеценко, ремонтирующий часы, пишущие машинки. По данным на 31 марта 1943 г., в Севастополе работали «кустарные промыслы по добыче извести и камня. В Балаклаве приступили к добыче и заготовке дельфиньего жира для варки мыла [...] Намечено приступить к добыче кила в Бахчисарайском районе...»⁴.

Торговля

Публикации газеты «Голос Крыма» дают представление и о состоянии торговли в оккупированном Севастополе.

25 мая 1943 г. при горуправе Севастополя создан отдел торговли. В начале своей деятельности он имел одну розничную торговую точку, в феврале 1944 г. – 4 магазина, 1 ларёк кондитерских изделий, 2 хлебопекарни, 1 столовую закрытого типа. Месячный оборот за это время вырос в 2,5 раза⁵. 25 февраля 1944 г. газета сообщала: «Городская торговля Севастополя представлена тридцатью шестью купеческими торговыми фирмами, преимущественно фруктово-овощными и бакалейными, расположенными на городском базаре»⁶.

Ещё в январе 1943 г. в Севастополе по примеру Симферополя была разрешена свободная торговля

для населения «до 1 февраля – с разовым сбором от 1 до 5 руб. в день»⁷. Но уже в конце марта 1943 г. в отделе торговли горуправы разработана инструкция о новом рыночном сборе. Ставки сбора за день торговли установлены в размере 5, 20, 30 руб. Они были доведены до жителей через газету. Из статьи «Новые ставки рыночного сбора»: «Ставка 5 руб. установлена для продающих подержанные вещи домашнего обихода для кустарей и ремесленников, продающих с рук изделия своего производства, для лиц, продающих исключительно молоко, также дрова небольшими вязанками [...] Ставка 20 руб. – для торгующих с лотков, столиков или стоек, а также для торгующих чебуреками, пирожками, вином и табаком. Ставка 30 руб. – для крестьян, торгующих продуктами своего сельского хозяйства с возов...»⁸.

Специальным постановлением полиции запрещалось заниматься торговлей детям. Газета «Голос Крыма» 8 февраля 1943 г. публикует сообщение-объявление «От управления полиции»: «Дети в возрасте до 16 лет, занимающиеся скупкой и продажей каких бы то ни было товаров, будут задерживаться, а обнаруженные у них товары конфисковываться. Наряду с этим родители этих детей за допускаемую безнадзорность будут подвергаться административным мерам взыскания (денежный штраф до 500 руб. или арест до 10 суток). Никакие ссылки на незнание этого распоряжения не будут приняты во внимание...»⁹.

Специальным распоряжением германского командования в Крыму категорически запрещалось немецким солдатам и офицерам что-либо продавать или покупать на рынке.

Газетные публикации отмечают высокие, спекулятивные цены в Севастополе. На 1–7 января 1943 г.: можара плохих дров – 1,5–2 тыс. руб.; пальто мужское – от 500–600 руб. до 1400 руб.; 1 кг сала – 1 тыс. руб.; 1 кг пшена – 80–100 руб.; 1 десяток яиц – от 150 до 200 руб.; буханка хлеба по карточкам – 20 руб., на рынке – 60–80 руб.¹⁰

В рубрике «Жизнь Крыма» в номере за 23 мая 1943 г. опубликованы данные о снижении цен в Севастополе: «Виды на богатый урожай зерновых, овощей и фруктов вызвали резкое снижение цен на пищевые продукты. Торговцы, придерживавшие запасы,

¹ Голос Крыма. 1943. 23 января.

² Там же. 1944. 6 февраля.

³ Там же. 8 марта.

⁴ Там же. 1943. 31 марта.

⁵ Там же. 1944. 23 февраля.

⁶ Там же. 25 февраля.

⁷ Голос Крыма. 1943. 7 января.

⁸ Там же. 31 марта.

⁹ Там же. 8 февраля.

¹⁰ Там же. 7 января.

выбросили их на рынок. Цены на зерно упали на 50%, на овощи – на 30%. Хлеб подешевел на 35%, дельфинье мясо и сало – на 50%...»¹.

В публикации «Дешёвая рыба» отмечалось значительное падение цен в мае 1943 г. на рыбу: «Ввиду большого подвоза рыбы в Севастополь цены на неё резко упали [...] Солёная хамса лучшего сорта, ещё недавно продававшаяся по 80–100 руб. за кг, теперь продаётся по 10 руб. Кроме хамсы появилось много в продаже окуня, ставриды, камбалы, кефали и другой рыбы. Цены на эту рыбу также упали на 40–80%. Населению города хамса выдана по продуктовым карточкам...»².

По продуктовым карточкам осуществлялось всё обеспечение населения продуктами питания. Из публикации в номере за 18 июня 1943 г. стало известно, что отдел питания горуправы Севастополя в июне 1943 г. имел в своём распоряжении 3 пекарни, 9 хлебных магазинов, 6 столовых³. В газете сообщается также, что в ноябре 1942 г. отделом питания севастопольцам продано по 20 кг картофеля на карточку работающего и 10 кг – иждивенца по цене 1 руб. за 1 кг.⁴ 13 июня 1943 г. опубликовано объявление о начале продажи картофеля для населения из расчёта «на каждого работающего – по 10 кг, на иждивенца – по 5 кг...»⁵.

С 1 июня 1943 г. установлены и новые нормы отпускаемых по карточкам продуктов. Нормы питания установлены по трём группам:

1. Работники, занятые на обыкновенных работах и питающиеся в городских столовых.
2. Лица, занятые на длительных физических тяжёлых работах.
3. Работники, занятые на вредных и сверхтяжёлых работах.

Восхваляя «новый порядок», газета не проходит мимо этого факта. Из публикации «Увеличение норм питания»: «Ежедневно работающие второй группы получают гораздо больше продуктов, чем работающие первой группы. Так, например, хлеба им отпускается 500 г, муки – 85 г, картофеля – 570 г и подсолнечного масла – 10,6 г. Третья группа – 570 г хлеба, муки и крупы – 100 г, картофеля – 650 г, масла – 24 г,

особое внимание обращено на детские дома [...] На каждого воспитанника отпускается 125 г муки и крупы, 120 г картофеля, 60 г фруктов, 24 г повидла, 5 г сливочного масла, 10 г подсолнечного масла, 15 г мяса, 36 г рыбы, 0,5 л молока и 15 г творога...»⁶.

В публикациях газеты находим стоимость обедов в столовых. 25 января 1943 г. управление питания ввело в столовых Севастополя новые единые цены: порция первого блюда – 1 руб., порция второго блюда – 1 руб. (хамса, каша), 2 руб. – мясо или жареная рыба⁷.

Работа почты

Публикации под рубрикой «Жизнь Крыма», а также объявления и извещения, печатавшиеся на 4-й полосе, дают возможность представить схему работы севастопольской почты. Согласно этим материалам, во всех городах и деревнях Крыма работало более 30 почтовых отделений. 21 апреля 1943 г. открыто почтовое отделение при горуправе Севастополя, а 6 июня 1943 г. – городская почта⁸. Почту собирали и развозили разъездные почтовые работники. Два раза в неделю они ездили по линии Симферополь – Джанкой – Керчь – Евпатория – Симферополь – Севастополь. По пути обслуживали все почтовые пункты. С июня 1943 г. почта в Севастополь приходила по железной дороге по вторникам. Поезд отправлялся из Симферополя в 6 ч 30 мин, в Севастополе его встречал уполномоченный связи при железнодорожной станции, «имея на руках удостоверение на право обмена почты [...] Уполномоченные связи при железнодорожных станциях [...] выезжают на свои вокзалы ко времени прихода поездов по расписанию. Явка в срок строго обязательна»⁹.

8 февраля 1943 г. газета сообщала, что севастопольцами «к Новому году получено более 700 писем от русских рабочих...»¹⁰.

Через год, 18 февраля 1944 г., опубликованы данные, позволяющие представить частичный объём работы, выполненный почтой Севастополя с момента её открытия: «Со дня своего открытия по 31 декабря 1943 г. она получила из Германии и доставила адресатам 9337 писем [...] Отправлено писем в Германию 7648 и посылок 5213. Поступило корреспонденции

¹ Голос Крыма. 1943. 23 мая.

² Там же. 4 июня.

³ Там же. 18 июня.

⁴ Там же. 1942. 15 ноября.

⁵ Там же. 1943. 13 июня.

⁶ Голос Крыма. 1943. 11 июня.

⁷ Там же. 25 января.

⁸ Там же. 1944. 18 февраля.

⁹ Там же. 1943. 6 августа.

¹⁰ Там же. 8 февраля.

из районов для отправки в Германию 1228 писем и отправлено в районы 1747 писем...»¹.

Здравоохранение

С целью восхваления преимуществ немецкого «нового порядка» газета публиковала материалы о состоянии здравоохранения Севастополя. В номере за 13 декабря 1943 г. опубликован отчётный доклад заведующей отделом здравоохранения севастопольской горуправы О.Л. Леденёвой. В нём приведены следующие данные: в июне 1943 г. в полуразрушенном здании школы № 14 организована больница для гражданского населения на 200 коек (4 отделения), в ней работали 35 медиков.

26 марта 1944 г. в газете опубликована статья «Медицинская помощь в Севастополе» в рубрике «От нашего корреспондента», в которой неизвестный корреспондент, опираясь и повторяя отчётный доклад О.Л. Леденёвой, с восторгом описывает состояние медицинской помощи в Севастополе:

«Больница имеет 200 коек и специализированные отделения: хирургическое, гинекологическо-акушерское, инфекционное, кожно-венерическое, лабораторию, рентгеновский кабинет, аптеку, туберкулёзный и венерический диспансеры. В последнее время при городской больнице организован специальный физиотерапевтический кабинет, в котором население города и районов сможет получать различные процедуры [...]».

Больница приняла в феврале месяце (имеется в виду 1944 г. – Н.З.) 205 человек, произведено 45 операций, в т.ч. 11 гинекологических, приняла 10 родов и провела 1224 анализа. Рентгеновский кабинет больницы пропустил 281 больного. Аптека отпустила 4130 рецептов.

Так же велика работа трёх поликлиник и двух амбулаторий: ими за февраль принято 6956 человек, сделано 177 посещений на дому, отпущено 1189 процедур...»².

Огромный объём этой работы в основном выполняли около 80 медиков, участников обороны Севастополя, выпущенных из лагерей военнопленных для борьбы с эпидемией тифа летом 1942 г., и несколько гражданских врачей и медсестёр, оставшихся в оккупированном городе. Как свидетельствуют их воспоминания, палата от палаты отгораживались иногда простынёй. Бельё, матрасы, подушки для этой больни-

цы собирали в развалках домов жители оккупированного города. Инструменты и медикаменты – медики на местах расположения бывших советских больниц и госпиталей.

Германские оккупационные власти ввели платное обслуживание в медицинских учреждениях Севастополя и во всех городах Крыма. Была установлена следующая оплата за оказание медицинской помощи:

«– за каждый первичный приём в поликлинике и амбулатории – 4 руб.;

– за каждый повторный приём по той же болезни – 2 руб.;

– вызов врача на дом (первичный) – 8 руб.;

– повторный вызов по той же болезни – 4 руб.;

– больничное лечение в первые 15 дней – 10 руб. в сутки. Следующие дни – 7 руб. в сутки;

– лечение зубов, протезные работы и анализы по установленной таксе;

– все вызовы «скорой помощи» в несчастных случаях, лечение больных венерическими болезнями, лечение заразных больных в больнице и анализы, имеющие профилактическое и эпидемическое значение, производятся бесплатно...»³.

Если принять во внимание, что средняя зарплата работающего в период оккупации, как уже говорилось ранее, составляла 250–300 руб., 1 кг хамсы – 80 руб., 1 булка хлеба – 20 руб. (на рынке по спекулятивной цене – 80 руб.), десяток яиц – 150–200 руб., 1 кг сала – 1 тыс. руб., то стоимость медицинских услуг ложилась непосильным бременем на жителей оккупированного Севастополя.

Существовала и бесплатная медицинская помощь для работающих на предприятиях и в воинских частях Германии. Порядок пользования ею был официально обнародован в газете «Голос Крыма» только 24 ноября 1943 г.:

«1. Каждый работающий на предприятии при заболевании обращается в своё учреждение [...] и получает удостоверение на право бесплатной медицинской помощи. Предприятие заполняет соответствующие графы удостоверения. С этим удостоверением работающий обращается в лечебное учреждение. Срок действия удостоверения 3 месяца, после указанного срока необходимо представить новое удостоверение на следующие 3 месяца.

2. Лечебные учреждения при предъявлении указанного удостоверения оказывают бесплатную

¹ Голос Крыма. 1944. 18 февраля.

² Там же. 26 марта.

³ ГКУ РК ГАРК. Ф. Р-1458. Оп. 1. Д.3. Л. 10.

медицинскую помощь в течение 3 месяцев. Если обратившийся в лечебное учреждение по состоянию здоровья должен быть освобождён от работ, он получает от лечебного учреждения специальное уведомление о нетрудоспособности, которое должен немедленно предъявить в своё учреждение. Взамен уведомления о нетрудоспособности учреждение выдаёт ордер на получение денег, который предъявляется в лечебное учреждение для заполнения.

3. Ордер на получение денег заполняется понедельно [...] до полного выздоровления повторяется указанный порядок.

4. Заполненный ордер предъявляется в платный пункт для получения денег...»¹.

В условиях оккупации советские врачи работали над научной мыслью, новыми методами борьбы с болезнями. Газета «Голос Крыма» неоднократно сообщала о проведении научных конференций севастопольских медиков.

Первое сообщение об этом – в статье заведующей отделом здравоохранения горуправы Севастополя О.Л. Леденёвой «Медицинская помощь в Севастополе», опубликованной 13 декабря 1942 г.: «14 ноября состоялась первая научная конференция врачей...»².

14 апреля 1943 г.: «В первой городской поликлинике проведена научная конференция по вопросам о сыпном тифе...»³.

6 июня 1943 г. в Севастополе состоялась следующая научная конференция врачей городских больниц и поликлиник.

Из публикации газеты «Голос Крыма» «Конференция врачей в Севастополе»: «Участники конференции с интересом заслушали доклад профессора Славского об отёчной болезни. Несмотря на тяжёлые условия жизни в разрушенном городе, севастопольские врачи проявляют глубокий интерес к новейшим открытиям в области медицины. За короткий период в Севастополе было 4 научные конференции...»⁴.

Работа севастопольских школ

Вопросы работы севастопольских школ нашли широкое отражение на страницах газеты «Голос Крыма».

В статье «Оживающий Севастополь»⁵ сообщалось, что комендантом Севастополя издан приказ об обязательном обучении детей в возрасте от 8 до 16 лет.

Из других публикаций стали известны следующие сведения: учебный год (1942/43) начался в ноябре 1942 г., закончился 14 июля 1943 г. Всего в Севастополе работало 4 школы, в том числе 2 – десятилетки, 1 – семилетняя и 1 – начальная. «Обучалось 767 учащихся, которые дали общий процент успеваемости 87,54%. Из этого количества 106 учащихся получили похвальные грамоты. В работе школ участвовало 48 преподавателей, из которых 25 – с высшим образованием, 3 – с неоконченным высшим, 17 – со средним образованием...»⁶.

О том, как проходили экзамены в школах в 1943 г., газета публикует две противоречивые статьи. Первая – в номере от 9 июня 1943 г. под названием «Экзамены в школах»: «...С 26 мая во всех школах начались экзамены. Экзамены проводятся в 4-х и 5-х классах по русскому языку (а в национальных – по родному языку), по арифметике и по немецкому языку. В 6-х классах [...] помимо русского и немецкого языков – по алгебре и естествознанию, а в 7-х классах – также по геометрии и физике. Экзамены проходят с конца июня до 14 июля...»⁷.

Месяц спустя, 11 июля, опубликована небольшая заметка корреспондента газеты под названием «Испытания в школах». В ней – другие сведения: «... Учебный год окончен. Начались испытания. В этом году они проходят не совсем обычно. Испытания держат только учащиеся 10-х классов. Они – выпускники. Остальные школьники переводятся в следующий класс по четвертным оценкам. Учащиеся, у которых по каким-либо предметам имеются неудовлетворительные оценки, должны сдать зачёты [...] 11 июля – выпускной вечер в школах...»⁸.

Как проходили выпускные вечера, также с гордостью и восхищением сообщали публикации газеты. Так, в статье заведомом образования Севастопольской горуправы Н. Бачурского «К итогам учебного года в Севастополе» читаем: «...Окончание учебного года ознаменовано утренниками в каждом из классов. Здесь выдавались учащимся табели успева-

¹ Голос Крыма. 1943. 24 ноября.

² Там же. 13 декабря.

³ Там же. 14 апреля.

⁴ Там же. 6 июня.

⁵ Голос Крыма. 1942. 13 декабря.

⁶ Там же. 1943. 13 августа.

⁷ Там же. 9 июня.

⁸ Там же. 11 июля.

емости, похвальные грамоты, после чего следовала художественная часть силами учащихся и угощения. Выпуск 10-х классов в школах № 1 и № 2 был ознаменован торжественными вечерами, где кроме педагогического коллектива и учащихся присутствовали гг. ортскомендант города, городской голова, инспектор горуправления, начальник отдела пропаганды, районный староста и др. На официальной части выпускникам были розданы аттестаты, похвальные грамоты и премии от городского управления. Всего было выдано 16 премий лучшим учащимся...»¹.

В новом 1944 г. оккупационными властями готовилось проведение школьной реформы. Этот факт нашёл отражение и в публикации газеты «Голос Крыма». Обучение мальчиков и девочек было совместным. Но, как следует из публикации «Новые задачи воспитания молодёжи», предлагалось в 1944 г. ввести раздельное обучение. Реформаторы немецкой школы считали: «...Совместное обучение [...] накладывало на детей, особенно на мальчиков, не весьма благоприятный отпечаток. Излишний налёт ухарства, грубости, чувства простой рисовки и непозволительных поступков (словесные и физические) в присутствии девочек приводили иногда к печальным последствиям [...] Девочки и мальчики будут строже относиться к себе...»².

Месяцем ранее, 2 января 1944 г., газета публикует объёмную статью В. Спасского «Программа по литературе», в которой дан сравнительный анализ программы по литературе для старших классов в школах СССР и новой, введённой в 1944 г. Рассмотрены особенности новой программы: «...Как пример древнего церковного красноречия введены проповеди Серапиона Владимировского, “Вечерние размышления о Божьем Величии” Ломоносова и “Бог” Державина даются как образцы русских философских од 18 века [...] Поэты чистого искусства Фет, Тютчев, Майков, Полонский, А. К. Толстой, давшие несравненные образцы лирики, воспевающие русскую жизнь и русскую природу, нашли подобающее им место в программе. Поэт Кольцов введён в нынешнюю программу. Самостоятельная тема “Чернышевский” – изъята. И лишь в общем обзоре 60-х гг. Чернышевский упоминается наряду с Достоевским и Писаревым. Ф. М. Достоевский введён самостоятельной темой с разбором романа “Преступление и наказание”.

Поэты-символисты К. Бальмонт, В. Брюсов и другие; поэты-акмеисты Н. Гумилёв и Анна Ахматова в советской программе упоминались лишь к слову, теперь разбираются подробнее [...] Введён обзорный курс теории словесности...»³.

Была развёрнута дискуссия по вопросу участия школы в религиозном воспитании детей. В газете «Азат Крым» за 23 января 1943 г. опубликована статья «Вопросы преподавания религиозных предметов», в которой сообщалось о начале преподавания этих предметов в школах Крыма.

18 мая в этой же газете публикуется статья А. Ибраимова «Несколько слов о религиозных школах», в которой автор поднял вопрос об открытии мусульманских религиозных школ как о главной задаче мусульманских комитетов Крыма. «Надо выбить из голов нашего народа, и в особенности из молодого нашего поколения, безбожье, которые 22 года стонали под игом большевистских и еврейских лжецов...»⁴ – говорилось в публикации.

А «Голос Крыма» 25 апреля 1943 г. сообщает, что «в школах Севастополя разрешено преподавание во внеурочное время Закона Божьего»⁵.

И ещё один штрих к работе школы в период оккупации. В газете за 1 декабря 1942 г. городское управление г. Симферополя опубликовало объявление, в котором предлагалось учащимся в 10-дневный срок сдать в полицию все имеющиеся у них учебники, учебные пособия и карты советского периода. «Выполнение этого предложения совершенно обязательно. Сдача учебников по полицейским участкам»⁶, – говорилось в этом объявлении. Освобождённые от понятий о совхозах, колхозах, всего, что напоминало о советском, учебники были возвращены учащимся для занятий. Школа в период оккупации должна была воспитать верноподданных Германии, свободных от социалистических идей молодых людей.

Культура

Отдельные публикации газеты дают представление и о культурной жизни Севастополя.

– Январь 1943 г. – опубликованы два сообщения о проведении в Рождественские каникулы Ёлок для школьников в здании театра.

³ Голос Крыма. 1944. 2 января.

⁴ Азат Крым. 1943. 18 мая.

⁵ Голос Крыма. 1943. 25 апреля.

⁶ Там же. 1942. 1 декабря.

¹ Голос Крыма. 1943. 13 августа.

² Там же. 1944. 18 февраля.

– 14 января 1943 г.: «...На Рождество городской управой для школьников была устроена Ёлка с раздачей подарков. Артисты театра поставили детскую пьесу»¹.

– 23 января 1943 г.: «...23–24 января артисты Симферопольского театра дали в Севастополе два концерта [...] Их выступление было неожиданным приятным сюрпризом для посетителей местного театра. Разнообразная интересная программа получила восторженное одобрение публики. Севастопольцы с нетерпением будут ожидать следующих гастролей...»².

– 4 февраля 1943 г.: «Открыт общедоступный Городской театр, в котором в дни Рождественских праздников успешно выступали перед школьниками цирковые артисты и состоялся ряд концертов камерного ансамбля»³.

– В апреле 1943 г.: «Организованы по воскресным дням бесплатные литературные утренники для гражданского населения [...] Зрительный зал театра не может вместить всех желающих»⁴.

15 марта 1944 г. в газете опубликована статья С. Валова «Пушкинские дни в Севастополе»: «...107-ю годовщину со дня смерти русского поэта А.С. Пушкина Севастопольский городской театр отметил концертом-спектаклем из произведений поэта. До отказа переполненный зрительный зал принял с восторгом программу вечера [...] В неё вошли [...] две сцены из трагедии “Борис Годунов”, арии и дуэты из опер “Евгений Онегин”, “Русалка”, “Пиковая дама”, “Руслан и Людмила”, а также несколько поэм и стихов поэта. До начала концерта с докладом “Жизнь и творчество А.С. Пушкина” выступил заведующий отделом просвещения г. Бачурский...»⁵.

По воскресеньям в театре проводились лектории для молодёжи, на которых выступали представители немецкого командования, добровольцы из РОА (Русской Освободительной Армии), бывшие перебежчики из Красной Армии, демонстрировались документальные фильмы: военная хроника, о красотах жизни в Германии и т.д.

Так, в середине апреля 1943 г. газета сообщила о том, что в театре Севастополя состоялось общего-

родское собрание под лозунгом «Наша победа – ваша свобода». С докладом на русском языке выступил офицер германской армии и городской голова Супрягин. «...Докладчик ярко нарисовал провал зимнего наступления большевиков и их стремление новой ложью привлечь на свою сторону угнетённые народы России. С заключительным словом выступил г. Супрягин. Он призвал население города отдать все свои силы на борьбу с большевизмом...»⁶.

В Севастополе и Балаклаве работали два кинотеатра. Об этом сообщала газета «Азат Крым» за 2 февраля 1943 г.: «...В Севастополе открыты два кинотеатра – большой и малый. Большой кинотеатр на 800 мест открыт в новом здании кинотеатра ЧФ, а малый – в бывшем здании Трибунала»⁷. По анонсам и афишам кинотеатров Симферополя, печатавшимся в каждом номере газеты, можно судить и о работе севастопольских кинотеатров. В основном демонстрировались хроника, немецкие комедии «Необыкновенная история» (в главной роли знаменитый комик Гайнц Рюмки), «Не обещай» (в главной роли Луиза Ульрих), «Её первое переживание» и т.д.

По данным Штаба пропаганды Крыма, на 7 июля 1943 г. в кинотеатрах Крыма, в том числе Севастополя и Балаклавы, демонстрировалось 78 немецких художественных фильмов. Наибольший успех имели «Индийская гробница», «Венская кровь», «Ошнапурский тигр» и др.⁸

Газета за 29 марта 1944 г. в разделе «Хроника. Балаклава» сообщает: «За два месяца 1944 г. в местном кинотеатре продемонстрировано 14 кинофильмов, на сеансах присутствовало более 8 тыс. человек»⁹.

В газетах есть два сообщения о работе севастопольских музеев:

21 апреля 1943 г.: «В Севастополе учреждается городской музей. Центральным отделом музея будет отдел “Возрождающийся Севастополь”, в котором намечено отразить всю работу учреждений, организаций и отдельных лиц по восстановлению города [...] Материалы музея послужат базой для будущей выставки, намеченной к открытию в годовщину освобождения города от большевиков – 1 июля 1943 г. Городская управа возбудила вопрос о восстановлении здания

¹ Голос Крыма. 1943. 8 января.

² Там же. 27 января.

³ Там же. 4 февраля.

⁴ Там же. 25 апреля.

⁵ Там же. 1944. 15 марта.

⁶ Голос Крыма. 1943. 14 апреля.

⁷ Азат Крым. 1943. 2 февраля.

⁸ ГКУ РК ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 26–27.

⁹ Голос Крыма. 1944. 29 марта.

Музея обороны Севастополя. Часть здания отводится под городской музей»¹.

19 мая 1943 г.: «Директор Херсонесских раскопок археолог г. Тахтай заканчивает подготовку музеев Херсонеса к весеннему экскурсионному сезону. Феодалный отдел готов к обозрению посетителей [...] Пересмотрен и дополнен составленный г. Тахтаем путеводитель по этому отделу, приведена в порядок библиотека, наиболее ценная часть которой вывезена большевиками и брошена на пристани в городе Баку (эвакуирована в сопровождении научного сотрудника С.Ф. Стржелецкого в г. Свердловск (Екатеринбург). – *Н.З.*) При последних раскопках найдены редкий, ажурной работы, наперстный крест и остатки лаковой посуды, имеющейся среди экспонатов музея...»².

В газете за 8 февраля 1943 г. – сообщение: «Открыта первая и единственная в городе библиотека, для создания которой старейший библиотечный работник г. Максимова при участии читательниц Федяевой, Буц и других собрали под развалинами домов более 10 тыс. книг. Около 300 томов собрал отдел инвентаризации в разрушенных квартирах»³.

Свою идеологическую обработку населения, и в первую очередь молодёжи, оккупационные власти проводили и через передачи на радио. Плата за радиоточку в месяц составляла 10 руб., за подключение – 20 руб.

Газета публиковала программы передач по радио. Вот одна из них на 22 марта 1943 г., понедельник:

«6.15 – Последние известия и сводка верховного командования.

14.30 – Обозрение “С микрофоном по свету” (о жизни в оккупированных странах).

15.45 – Последние известия.

16.00 – Передача из цикла “Победа Германии – свобода народов России”.

18.00 – Сводка верховного германского командования.

19.30 – Политический фельетон (о руководителях советского государства. – *Н.З.*).

19.35–21.00 – Концерт».

9 декабря 1942 г. в газете сообщалось о том, что «6 декабря группа немецких артистов дала для военных большой концерт в помещении бывшего клуба НКВД города Симферополя [...] Концерт транслировался по всему Крыму и по городскому радиовещанию и в Севастополе»⁴.

Дважды на Симферопольском радио выступал певец Пётр Лещенко. Офицер румынской армии, он принимал участие в боях в Крыму, на Перекопе.

Из публикации газеты «Голос Крыма» от 19 декабря 1943 г.: «...Он исполнил несколько номеров, среди которых есть и новые, в частности песенка, посвящённая его бывшей партнёрше по театру, известной артистке г. Одессы В. Белоусовой, – “Девонька”. Находясь в рядах действующей румынской армии в качестве офицера, лично принимал участие в защите Крыма от вражеского вторжения. П. Лещенко получает любезное согласие румынского командования на выступление перед гражданским населением и своими соотечественниками. Он надеется, что обстоятельства позволят ему скоро дать публичный концерт [...] П. Лещенко – балетный танцор и начал петь свои песни, случайно обнаружив дарование...»⁵.

14 января 1944 г. в Крыму и Севастополе вновь транслировалось по радио выступление Петра Лещенко. Газета сообщала: «...После ряда прекрасно исполненных песен на румынском языке он спел несколько песен на русском языке. Своеобразный фурор певец произвёл тем, что начал русский концерт с чтения своего стихотворения “Крымский вечер”, написанного им на фронте. Исполнение песен, как всегда, насыщено темпераментом, весёлым смехом и мягкой лиричностью...»⁶.

В данном обзоре конспективно освещена жизнь оккупированного Севастополя в 1942–1944 гг. по материалам газеты «Голос Крыма».

Но даже эти краткие заметки свидетельствуют, что газета «Голос Крыма» Симферопольской городской управы при внимательном и аналитическом изучении её публикаций может служить источником по освещению наиболее неизученного периода истории Севастополя – временной оккупации города 1942–1944 гг.

¹ Голос Крыма. 1943. 21 апреля.

² Там же. 19 мая.

³ Там же. 8 февраля.

⁴ Голос Крыма. 1942. 9 декабря.

⁵ Там же. 1943. 19 декабря.

⁶ Там же. 1944. 16 января.

Капитан А.Р. Кочерга. История одного поиска

Впервые фамилию Кочерга я услышала от Зинаиды Петровны Бабыниной, вдовы служащего Морского порта в период оккупации города 1942–1944 гг.

Тогда, в первые дни оккупации, гитлеровское командование на базе мастерских Военморпорта создало два предприятия по подъёму затонувших в бухтах Севастополя кораблей и ремонту судов под общим названием «Верфи».

В ноябре – декабре 1942 г. в мастерских начала действовать одна из первых подпольных патриотических групп под руководством П.Д. Сильникова – русского инженера «Верфи».

Распространение листовок среди рабочих «Верфи», сбор разведданных, обеспечение надёжными документами жителей города для спасения от угона в Германию, диверсионная работа на «Верфи» – это основные направления деятельности подпольщиков Морского порта. Взрыв румынского судна «Орион» в ночь с 6 на 7 ноября – одна из акций, проведённая подпольщиками этой группы.

При встрече в 1987 г. Зинаида Петровна рассказала, что накануне выхода «Ориона» в море, после ремонта, его капитаном был назначен её муж Владимир Александрович Бабынин. О предстоящем взрыве на «Орионе» мужа предупредил Андрей Кочерга, работавший в судоподъёмной группе. Владимир Александрович Бабынин через доктора В.И. Иванова оформил больничный лист и не вышел на службу к моменту выхода судна из мастерских «Верфи». Это спасло ему жизнь. «Какая-то трагическая судьба сложилась у Андрея Кочерги. Подробности не знаю. Вроде бы он был осуждён после войны...»¹ – этими словами закончила тогда нашу беседу Зинаида Петровна Бабынина. Рассказанное ею тогда на меня особенно впечатления не произвело, т.к. я только начинала входить в тему оккупации Севастополя и подпольной борьбы в 1942–1944 гг.

В следующем году, планируя собрать предметы музейного значения о Ефросинье Ивановне Сальниковой, хозяйке конспиративной квартиры Коммунистической подпольной организации в тылу немцев (КПОВТН), я встретила с её дочерью Зинаидой

Иосифовной Загребинной. В их доме 6 по улице Д. Севастопольской укрывались после побега из лагеря советские военнопленные, руководитель подпольной организации В.Д. Ревякин встречался с участниками подполья.

Двадцатилетняя Зинаида в период оккупации работала табельщицей в мастерских порта. Она официально не была участницей подполья, но по просьбе П. Сильникова многократно, рискуя жизнью, вешала на проходной жетоны рабочих, не вышедших на работу. Вместе с подругами Ольгой Рябчук и Нелли Велевой тайком выносила из мастерских порта электролиты. Электролиты на лодке переправляли через бухту на Корабельную сторону, в дом Сальниковых, а затем в штаб КПОВТН (Лабораторное ш., д. 46) и использовали в подпольной типографии при приёме сводок Совинформбюро. Из рассказа Зинаиды Иосифовны: «Был у Павла Даниловича верный помощник Андрей Кочерга. Он работал в порту. Именно он послал меня рано утром 13 октября 1943 г. на улицу Советскую, д. 31, где жил П.Д. Сильников: “Беги, кнопка, предупреди, чтобы уходил вместе с женой. Возможен арест”. Я подбежала к дому Сильникова, но было поздно [...] Жандармы вели Павла Даниловича, а за ним несли две корзины с пулями и гранатами [...] Андрей Кочерга в первые же дни после освобождения Севастополя был по доносу арестован, обвинён в сотрудничестве с немцами. Дальнейшую судьбу его не знаю [...] По-моему, у него остались в Севастополе жена и дочь. Жили они где-то в районе станции “Скорой помощи”»².

На запрос Музея Бюро ЗАГС сообщило, что Кочерга Прасковья Епифановна умерла в 1963 г. Опрос старожилов на улицах, прилегающих к станции «Скорой помощи», также ничего не прояснил, никто из них не знал человека по фамилии Кочерга.

В 2002 г., работая в ГКУ «Архив города Севастополя» (далее – ГКУ АГС, Архив города Севастополя) с листками прибытия жителей оккупированного города, заполнявшимися во время перерегистраций населения в 1942–1944 гг., вновь пришлось столкнуться с фамилией Кочерга. В деле № 298, оп. 1, ф. Р-312, на листах 17, 18, 19 значилась как прошедшая перерегистрации

¹ Музей героической обороны и освобождения Севастополя (МГООС). НВ 23805. Беседа с З.П. Бабыниной 1987 г.

² Музей героической обороны и освобождения Севастополя. Беседа с З.И. Загребинной 1988 г.

14.08.1942 г. и 28.01.1943 г. Кочерга Прасковья Епифановна, 1883 г.р., 14 октября, уроженка г. Бериславль (так в документе) Херсонской губернии, русская, православная, проживающая по адресу: дом 3, Воронцова гора, 5-я улица, прибывшая из места рождения в Севастополь на жительство в 1914 г., в 1942 и 1943 г. – безработная¹.

По этому же адресу были зарегистрированы 28 января 1943 г. ещё два члена семьи: Кочерга Андрей Романович, 18.08.1881 г.р., уроженец г. Бериславль, украинец, православный, прибывший в Севастополь на работу в 1914 г., в 1943 г. – капитан в судоподъёмной группе².

Судя по данным, муж Прасковьи Епифановны и есть тот человек, который интересует меня.

Третьим членом семьи значилась по этому же адресу их дочь Кочерга Зинаида Андреевна, 11.10.1912 г.р., уроженка г. Алёшки, украинка, православная, прибывшая в Севастополь на место жительства в 1914 г., в 1943 г. – официантка в итальянской воинской части³.

Так стал известен адрес проживания семьи Андрея Романовича Кочерги в период оккупации 1942–1943 гг., первые биографические данные этого человека, получено подтверждение, что он действительно работал в порту, что у него были жена и дочь.

ЛИСТОК ПРИБЫТИЯ Заполнить разборчиво, с прописными и всеми ответами во всех графах

Фамилия Кочерга
 Имя Андрей Отчество Романович
 Родился год 1881 м-д и число 18/10 в области, крае Херсонской городе Бериславль районе

село (деревня) _____
 Пол муж.
 Национальность укр
 Вероисповедание прав (правосл., католич., лютеран., баптист, магометан., карим. и т. д.)
 Партийность б/п (член ВКП-б, ВЛКСМ и т. д.)
 № какого времени с _____ года.

1. Происказывается по адресу города (раб. пос.) _____ село (деревня) _____ район Вор. гора улица 5-я д. дом № 3 кв. № _____ * отделение _____
 Позиция _____

2. Прибыл из области, края Видич. города (раб. пос.) _____ села (деревня) м. Бериславль

3. Или переехал в этом же населенном пункте с улицы _____ дом № _____ кв. № _____

Примечание. Если адресный листок составляется по причине перемены фамилии, имени или достижения 16-летнего возраста, обмена паспорта, то указывается эта причина _____

Принять: _____ на работу _____
 для работы, учебы, в отпуск, лечение, командировку, к родственникам и пр. и по др.

11. Работает судоподъемная группа
 в качестве капитан
 название предприятия, учреждения
 название должности или работы

12. Происказывается по паспорту сер. КМ № 696092
28/11/37 * отделением Полиции ев района, т/п _____

13. Вместе с ним (с ней) приехали дети моложе 16 лет

Имя	Пол	Год и месяц рождения
<u>судоподъемная</u>		

Примечание. Дети до 16 лет, прибывшие вместе со взрослыми, вписываются в листок прибытия только одного из них, например, в листок отца либо в листок матери.

14. Листок составлен _____ 28.11. 1943 г.
 Подпись _____ Макашев
 ответственного лица за процесс

15. _____ 28.11. 1943 г.
 Подпись _____
 сотрудника ОЗД, Подписки, оформляющего процесс

Примечание. Без отрывного талона листки прибытия составляются при пропуске прибывающих: а) на дачи на срок летнего дачного сезона; б) из отпуска или лечения в курортные местности, дома отдыха, санатории; в) в отпуск или из командировки на срок более 2 мес.; д) на совещания, съезды, конференции; е) на краткосрочные курсы; ж) экскурсантов и туристов; з) больных, прибывающих в больницы или другие лечебные заведения, а также при выписке; и) переменивших место жительства в том же городе, раб-поселке; к) переменивших имя, фамилию или обменных паспорт; л) получивших паспорт по достижении 16-летнего возраста.

Листок прибытия Андрея Романовича Кочерги. 28 января 1943 г. (копия). ГКУ АГС. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 298. Л. 17

¹ ГКУ «Архив города Севастополя» (ГКУ АГС). Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 298. Л. 19. Листок прибытия Кочерги П.Е. 1942 г.

² Там же. Л. 17. Листок прибытия Кочерги А.Р. 1943 г.

³ ГКУ АГС. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 298. Л. 18. Листок прибытия Кочерги А.Р. 1943 г.

Но поиск оборвался. Разыскав дом, указанный в адресных листках, я нашла его закрытым. Было видно, что в нём давно не живут. Это подтвердили и соседи, рассказавшие, что все хозяева дома, и вдова, и её дочери умерли. По их словам, «дом был то ли куплен какой-то женщиной ещё при жизни хозяев, то ли достался по наследству. Они точно не знают. Но эта женщина в нём не живёт и не появляется...».

В мае 2008 г. пришлось проводить занятия профучёбы директоров общественных музеев г. Севастополя. После окончания занятий ко мне подошла немолодая, очень симпатичная женщина, назвалась: «Плакидина Галина Васильевна, руководитель одного из школьных музеев» и спросила: «Знакома ли мне фамилия Кочерга?» Увидев мою осведомлённость и заинтересованность, заметила: «А у меня есть его документы. Готова передать их в музей...» Так состоялось знакомство с подружкой дочерей Андрея Романовича, наследницей его дома. При встрече она рассказала, что её семья долгие годы снимала квартиру в доме Андрея Романовича Кочерги. За прожитые вместе годы две семьи севастопольцев почти породнились. Так она оказалась единственной наследницей дома после смерти всех членов семьи А.Р. Кочерги. Несколько лет Галина Васильевна жила в другом городе, была студенткой... Именно на это время и выпала моя неудачная попытка в 2002 г. установить контакт с жителями дома 3 по 5-й улице Воронцовой горы.

Андрей Романович Кочерга. 1914 г. (копия).
Из личного архива Н. Ф. Задорожной

Так, в июле 2008 г. в фонды Музея героической обороны и освобождения Севастополя поступили фотография А. Кочерги 1914 г., пепельница производства Германии 1920–1930 гг., которой он пользовался дома, и уникальные документы.

Первый документ – письмо Управления МВД Краснодарского края Министерства внутренних дел СССР (вх. № К-157 от 24.11.1955 г.): «Гражданке Кочерге Анне Андреевне: Сообщаем, что Кочерга Андрей Романович, находясь в местах заключения Краснодарского края, 25/IV 1945 г. умер. И.о. начальника отдела УМВД Сухов»¹.

Второй документ – справка Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР № 2Н-0538/68 от 28 сентября 1968 г.: «Дело по обвинению Кочерги Андрея Романовича, до ареста 18 мая 1944 г. капитан самоходного крана – килектора, служащий отдела вспомогательных судов Черноморского флота, рассмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 19 сентября 1968 г.

Приговор Военного трибунала Черноморского флота от 28 августа в отношении Кочерги А.Р. отменён, и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Кочерга А.Р. реабилитирован посмертно.

Начальник Секретариата Военной коллегии Верховного Суда СССР полковник юстиции В. Чикин»².

На оборотной стороне этой справки – пометка начальника финчасти в/ч 95228: «Воинской частью 95228 выплачена компенсация в размере двух окладов в сумме 260 руб. (из оклада капитана Кил-20–130 руб. в месяц) дочерям: Кочерге Анне Андреевне и Кочерге Зинаиде Андреевне в равных долях (по 130 руб.) 13 декабря 1968 г.»³.

Внимательное изучение вышеназванных архивных и личных документов А.Р. Кочерги, его вдовы и дочерей, беседа с Г.В. Плакидиной, близко знавшей эту семью, встречи с З.П. Бабыниной и З.И. Загребинной позволили по крупицам собрать воедино сведения о славной семье А.Р. Кочерги, о нём самом. А именно:

Кочерга Андрей Романович (1881–1945), уроженец г. Бериславль Херсонской губернии (в 2019 г. – г. Берислав Херсонской области, Украина). Родился в се-

¹ МГООС. А 30326. КП 90920. Письмо Управления МВД Краснодарского края МВД СССР Кочерге А.А.

² Там же. А 30325. КП 90915.

³ Там же.

мые служащего морского торгового флота. Закончил морское училище в Одессе. В 1914 г. прибыл в Севастополь по месту службы. С 1914 г. ходил на разных судах ЧФ, с ноября 1941 г. до 1 июля 1942 г. – капитан килектора, служащий отдела вспомогательных судов ЧФ. В период оккупации 1942–1944 гг. – капитан самоходного плавучего крана (килектора) в судоподъёмной группе Морской комендатуры. Был связан с подпольной патриотической группой П.Д. Сильникова. Принимал участие в минировании германских и румынских судов, выходивших после ремонта из мастерских «Верфи». После освобождения Севастополя, при прохождении госпроверки, по ложному доносу 18 мая 1944 г. задержан и осуждён Военным трибуналом ЧФ 28 августа 1944 г. на 25 лет за измену Родине. Отбывал срок в местах заключения Краснодарского края, где и умер 25 мая 1945 г. Семье долгие годы ничего не было известно о судьбе Андрея Романовича. Многочисленные запросы, обращения в вышестоящие инстанции родственников, в том числе и к Председателю Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову, результатов не дали. Прояснило ситуацию решение Военной коллегии Верховного Суда СССР о пересмотре дела по обвинению Кочерги А.Р. от 19 сентября 1968 г., прекращения его за отсутствием состава преступления и реабилитации Кочерги А.Р.

Так в 2008 г. был завершён поиск героя, длившийся почти четверть века.

В 2010 г. фото и документы А.Р. Кочерги заняли достойное место в экспозиции Дома-музея севастопольских подпольщиков 1942–1944 гг., во время экскурсий гости музея слышат рассказ о его истории как свидетеле трагической судьбы многих оставшихся в июле 1942 г. в оккупированном Севастополе.

Но точка в изучении судьбы капитана Андрея Романовича Кочерги на этом не была поставлена. Ведь неясно было, каким образом килектор и его капитан служили во время героической обороны Севастополя 1941–1942 гг., как он остался в оккупированном городе, почему поступил на службу к оккупантам после июля 1942 г. и как работал «в плену», почему получил такой суровый приговор Военного трибунала Черноморского флота и многие другие вопросы.

Настоящим «сокровищем» для ответа на эти вопросы оказались четыре тома воспоминаний старожилы Севастополя Николая Максимовича Цыбульского, обнаруженные в ГКУ АГС в 2016 г. Николай Максимович Цыбульский – во время обороны Севастополя 1941–1942 гг. электросварщик команды МПВО г. Се-

вастополя, эвакуироваться не сумел. При прохождении регистрации в оккупированном гитлеровцами городе скрыл свою профессию, работал на «Верфи» кровельщиком, маляром. После освобождения Севастополя – в системе торговли. Талантливый рассказчик, патриот города и страны до глубины души, человек, который всегда боролся за торжество справедливости. Свои воспоминания он начал писать в 1958 г. по просьбе А.А. Саринной, председателя Исторической комиссии при Севастопольском ГК КПУ, назвал их: «Рассказал севастополец», «Килектор – корабль рейда», «Под тяжестью обвинений». В те же дни он много встречался с жителями оккупированного города, с водолазами, с В.А. Бабыниным, работавшими на «Верфи» во время оккупации города, с дочерьми А.Р. Кочерги – Анной Андреевной и Зинаидой Андреевной.

В этих воспоминаниях – подробное описание работы килектора, его команды и капитана в тяжёлые дни обороны Севастополя. Капитаном килектора А.Р. Кочерга был назначен в ноябре 1941 г., в самом начале героической обороны Севастополя.

Оборона города продолжалась 250 дней. Каждый эпизод работы килектора под бомбами и артиллерийским огнём гитлеровцев был подвигом. И тот факт, что тихоходный корабль не получил ни одного попадания, ни одного повреждения, говорит о большой опытности капитана Кочерги.

В декабре 1941 г., во время отражения II штурма города, именно килектор под огнём противника ставил в Южной бухте швартовые бочки для линкора «Парижская Коммуна». Ураганный и меткий огонь орудий этого корабля по позициям гитлеровцев переломил ситуацию в районе Мекензиевых гор, и II штурм был сорван.

Все дни обороны килектор перевозил через бухту раненых, боеприпасы, пополнение, инвентарь. Трудился как муравей – и всё под огнём противника.

Не раз он использовался как причал в Камышовой бухте для кораблей, прорывавшихся через морскую блокаду гитлеровцев с Кавказа в осаждённый Севастополь.

25 июня 1942 г. килектор получил приказ идти на Кавказ. Но в Камышовой бухте его настиг вражеский снаряд. В результате попадания плавучий кран не взорвался, а только притонул на мелком месте, а его команда и капитан А. Кочерга попали в плен.

В рассказе дочери капитана Зинаиды Андреевны, записанном Н.М. Цыбульским, ответ на вопрос, как в первых числах сентября 1942 г. не по своей

воле 61-летний капитан Кочерга снова оказался в морском порту, под Минной? В эти дни гитлеровское командование, оккупационные власти решили любой ценой возродить работу порта, Севморзавода, поднять затонувшие корабли, и в первую очередь «Червону Украину». Для выполнения этой задачи номер один и стали насильно сгонять на работу в морской порт на «Верфь» бывших его рабочих. Каждому тогда вручалась квитанция-расписка о том, что он предупреждён о немедленной явке на прежнее место работы, а «в случае невыполнения этого приказа – он и его семья будут расстреляны, а его дом и имущество – конфискованы»¹.

Именно так произошло и с капитаном Кочергой. Из рассказа Зинаиды Андреевны Н.М. Цыбульскому (орфография и пунктуация документа сохранены): «Однажды к нам во двор пришли незваных четыре русских мерзавца и я, прижавшись к стене дома, слышала весь их разговор с отцом:

– Андрей Романович, мы пришли за вами. Германское командование требует, чтобы вы вернулись на килектор, корабль уже поднят и стоит в Камышовой.

– Германское командование не могло знать обо мне. Это вы им сказали?

– Да, вынуждены были сказать. Нас разыскивали по домам, привели в комендатуру, записали фамилию и адреса. Мы обещали разыскать и вас. Потому-то нас четырёх и отпустили специально за вами. А что нам оставалось делать? Почти вся команда килектора уже разыскана и задержана. Так что идёте Андрей Романович.

– Значит продали? Возраст даёт мне право не идти, так и скажите.

– Андрей Романович, они на возраст не посмотрят, ещё раз погонят за вами, но уже в сопровождении солдат, а тогда берегитесь: избить могут.

– Это что, угроза? Быстро вас, подлецов, научили говорить таким языком!

Я поняла, какое большое несчастье свалилось на нашу семью. Конечно, понял это и отец, назвав пришедших людей подлецами. Он вынужден был пойти с ними в немецкую комендатуру.

Так оккупанты заставили моего отца вернуться на килектор на старую должность капитана.

...Зинаида Андреевна заплакала.

Но отцу как капитану пришлось нести тяжёлый ответ за работу килектора в плену...»².

Рассказ закончила Анна Андреевна:

«Вернувшись в Севастополь в июле 1945 г., я отца не застала. Он умер в тюрьме. Через несколько лет мама и мы, две дочери, сделали попытку снять с покойного отца пятно предателя, но наше заявление осталось без последствий. От горя рано умерла и наша мама»³.

Н.М. Цыбульский после встречи с дочерьми Андрея Романовича Кочерги твёрдо решил добиться реабилитации капитана, снять с него клеймо предателя.

В невиновности капитана Кочерги он убеждался каждый раз, когда беседовал с бывшими водолазами, работавшими на «Верфи» в оккупированном Севастополе, с Владимиром Бабыниным, помощником капитана. Именно по рассказам В.А. Бабынина Н.М. Цыбульский восстановил работу команды килектора и его капитана в плену в оккупированном городе, когда Андрей Романович жил одной мыслью – спасти корабль для ЧФ. Это было поручение руководителя подпольной группы П.Д. Сильникова, часто приходившего на килектор, это было и глубокое убеждение, и стремление самого капитана А.Р. Кочерги.

Первой победой команды плавучего крана был отказ поднимать флаг со свастики на корабле. За работой команды килектора и его капитана наблюдал унтер-офицер Кнопик, немец польского происхождения. В.А. Бабынин рассказал: «...Надоело ему самому укреплять флаг, и Кнопик потребовал, чтобы флаг укреплял кто-либо из пленных [...] Как он ни требовал, ни орал, никто не взял в руки ненавистный флаг со свастикой. Шефу скороговоркой сказали: “Пока на килекторе русская команда, это есть советский корабль”. Зная плохо русский язык, Кнопик переспросил: “Вас-вас?” (“Что-что?”) Давать ему повторное пояснение посчитали опасным. Было достаточно, что громко сказанные слова ободрили пленных, напомнили им, что у них есть советская Родина»⁴. Так и ходил килектор без флага, если Кнопик забывал поднять его утром, приходя на службу.

Капитан А.Р. Кочерга почти ежедневно получал от П.Д. Сильникова задания на выполнение далеко не первоочередных работ: длительное время корабль

¹ Иванов В.Б. Севастопольская эпопея 1941–1944 в официальных документах (сводки, приказы, распоряжения, донесения, публикации). Севастополь, 2004. С. 246.

² ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 4. Д. 8. Л. 149.

³ Там же. Л. 150.

⁴ Там же. Л. 55.

был занят на сборе швартовых бочек, плавающих в бухте. Бочки по совету П.Д. Сильникова складывали на берегу. Их осмотр, восстановление и установка затягивались, и они благополучно были использованы только для швартовки кораблей ЧФ, вернувшихся в ноябре 1944 г. с Кавказа.

Второй пример бесполезной работы килектора: собранный со дна бухт металлолом для отправки в Германию команда корабля по заданию П.Д. Сильникова складывала на берегу далеко от железнодорожной станции. Оккупанты так и не смогли его вывезти в Германию. Его использовали рабочие Севморзавода после восстановления предприятия, когда город был освобождён. И ещё один эпизод бесполезной работы под руководством А.Р. Кочерги описан в воспоминаниях Н.М. Цыбульского по рассказам В.А. Бабынина, участника тех событий. В них – свидетельство риска быть расстрелянным каждую минуту. Сколько тяжёлых дней и ночей нужно было пережить капитану Кочерге, какую смекалку и находчивость пришлось ему проявить в те пять жутких дней октября 1943 г., чтобы спасти корабль для Черноморского флота.

Был октябрь 1943 г. Тёплые солнечные дни. По севастопольским бухтам медленно плавал килектор. Для него нашлась работа – произвести проверку берегов главного рейда. И где обнаружатся в воде старые рельсовые сваи – удалить их. Работу эту назвали «ленивой». Свай было немного, они проржавели, никому не мешали и находились в основном в тех местах, где когда-то были уже несуществующие мелкие причалы.

В конце октября 1943 г. для килектора объявили срочный выход в море. Накануне Кнопик отпустил всю команду домой. На корабле остались только машинист и кочегар.

Сбор команды по городу поручили солдату Бегману, имевшему среди пленных репутацию жестокого зверя. Глубокая ночь. «По улицам мчалась грузовая автомашина. За рулём сидел русский пленный шофёр, который знал, где живут некоторые матросы. Был переводчик со списком и адресами людей. Автомашина обошла 23 адреса. Собрать удалось 13 человек, в т.ч. капитана Кочергу и его помощника Бабынина. По десяти адресам оказались одни развалины...»¹.

Когда доставленных людей собрали под Минной, капитану Кочерге пришлось проявить незаурядную смелость, он пошёл на риск. Узнав, что надо немед-

ленно выходить в Ак-Мечеть, он стал рьяно доказывать руководству, что надо ждать до утра, дособрать всю команду, пополнить запасы угля и воды. Иначе он категорически отказывается выходить в море, т.к. поднялся свежий ветер, возможен шторм и на обратный путь может не хватить угля.

Бегман схватился за пистолет. Капитана Кочергу остановил Бабынин. Конвойный катер подошёл к берегу у Минной пристани, и с него раздалась резкая команда: килектору сниматься и идти в море.

Капитан снова попытался возразить, и опять его остановил Бабынин. В это время незаметно для всех с килектора ушёл переводчик.

Утром оставшиеся 10 человек команды пришли под Минную. Оккупанты объявили их арестованными, потом передумали, посадили на грузовую машину и через Симферополь повезли в Евпаторию. Но из Евпатории килектор уже ушёл. Наконец разорванная на две части команда килектора морем и суши прибыла в Ак-Мечеть. И тут выяснилось, что советские войска подошли к Перекопу. Для снабжения немецких войск под Перекопом из порта Одессы вышел сильный морской буксир «Ваграйн». Двухтрюмная баржа его была загружена продовольствием. Ак-Мечеть оказалась ближайшим портом к Перекопу, отсюда продовольствие должно быть доставлено под Перекоп на автомашинах.

На подходе к Ак-Мечетскому причалу «Ваграйн» попал под бомбы советского бомбардировщика. Баржа была отправлена на дно, а буксир, стараясь спастись от вновь пикирующего бомбардировщика, не имея возможности маневрировать в бухте, выбросился на песчаный берег. Большая часть его корпуса с полного хода перескочила через подводные камни, и буксир застрял на них с лёгким креном на правый борт.

Команде, и в первую очередь капитану Кочерге и его помощнику Бабынину стало ясно: они должны выполнить предательскую работу – снять «Ваграйн» или достать со дна продукты для немцев.

О предстоящей работе стало известно всей команде. Первая мысль – открыть кингстоны и затопить килектор. Но это не выход. Немцы подгонят другой буксир, доставят новых водолазов и работу доведут до конца, а команду и членов семей расстреляют, понимал Кочерга. А главное – капитан Кочерга помнил наказ П.Д. Сильникова: любой ценой спасти килектор для Черноморского флота. Капитан решил посоветоваться с помощником Бабыниным.

В. Бабынин вспоминал:

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 4. Д. 8. Л. 56.

«– Ну, Владимир? Что скажешь о нашем рейсе? Нам предстоит отличиться. Германские газеты нас расхвалят. С чего и как будем начинать?»

– Андрей Романович! Это будет нашим большим позором. Давайте ночью утопим килектор.

– Нет, Владимир. Я на это не пойду. Килектор нужен для Севастополя. Неужели ничего другого мы вместе не придумаем?»¹

И придумали операцию «Розовые очки».

Напротив «Ваграйна», посреди бухты, – две рейдовые швартовые бочки, но они слабее севастопольских и для швартовки плавучего крана не годились. Килектор закрепили кормой за эти бочки. От носовой лебёдки завели трос к корме «Ваграйна» за буксирную дугу и начали тянуть его с мели. Заработала лебёдка. Волнуется и кричит на матросов советский капитан, спокойны немцы – они уверены в большой силе килектора. Но «Ваграйн» даже не качнулся. Кнопик даёт команду: в помощь лебёдке ввести в действие силу машины. Капитан, подчиняясь, даёт команду «Полный назад». И тут произошло: работа машины назад, а лебёдки вперёд. Натянутый до крайнего предела носовой трос оборвался и создал рывок вперёд, помог силе лебёдки. С места сорвало бочки. Килектор носом двинулся вперёд к «Ваграйну», тянул за собой бочки. Так закончилась первая попытка килектора спасти немецкий буксир. Сработала техника перетягивания канатов. Сработала операция «Розовые очки», придуманная капитаном Кочергой и его помощником Бабыниным. Капитан Кочерга выиграл ещё 24 часа бесполезной работы килектора, укрепив при этом свой авторитет профессионала у оккупантов, спас корабль и команду от катастрофы.

На третий день пребывания в Ак-Мечети начали поднимать груз с баржи. И опять – волнение капитана: как не помочь немцам, не выдав себя. Капитан поговорил с водолазом, не зная его настрой. Снова – риск. Водолаз сработал умело. Он всё понял. Вместо банок с консервами он начал поднимать на палубу килектора ящики с вермишелью, макаронами, сахаром, из которых текла мутная жидкость от раскисших в воде продуктов.

На четвёртый день немцы осмотрели берег, нашли врытый в землю старинный якорь. Решили использовать его как сильную точку опоры, а именно: за него закрепить кормовые швартовые концы

килектора. Носовой снова протянуть к «Ваграйну» и силой мощной лебёдки стянуть буксир с подводных камней. Но на буксире работала помпа, откачивали воду. Капитан Кочерга понял, что в днище – течь и отверстия будут увеличиваться, когда начнёт работать лебёдка, т.к. буксир стоял наискось к килектору. Но немцев об этом не предупредил. Умолчал об опасности.

Вторая попытка снять буксир с мели снова не удалась, только увеличился крен на правый бок.

Матросы повеселели и стали исчезать с корабля, обвешиваясь бутылками с керосином – менять их на хлеб, яйца, сало у местных жителей.

1 ноября 1943 г. в Ак-Мечети поднялась паника: советские войска вели бои на Крымской земле. С «Ваграйна» началась поспешная эвакуация немецкой команды.

Кнопик и Бегман решают затопить килектор и отдают команду: людям покинуть корабль. Над килектором нависла прямая угроза затопления.

И тут капитан Кочерга, вновь рискуя быть расстрелянным, решил объяснить немцам, что в любую минуту к Ак-Мечети могут прорваться советские танки и по шоссе не уехать в Севастополь. Надо уходить только морем. И когда немцы спустились в каюту, чтобы принять решение, в рулевой рубке килектора состоялся разговор:

«...Капитан, обращаясь к Бабынину, сказал:

– От наших танков в Крыму мы далеко не уйдём, но и сохранить килектор в Ак-Мечетской бухте не сможем. Признаюсь тебе, Владимир, что моя цель в плену – это сохранить килектор и с честью советского гражданина передать его Черноморскому флоту.

– Андрей Романович, дать машине полный ход вперёд и следовать в открытое море.

На что капитан возразил:

– Молодой ты и горячий [...] Паникёры снова возьмутся за оружие [...] Нужно тихо ночью отдать швартовые концы, оторваться от пристани. Машины держать наготове. Немцы этого не заметят.

На замечание Бабынина «Вас они могут пристрелить» капитан ответил:

– Знаю! Надоели угрозы этих идиотов. Давай будем действовать»².

Когда килектор течением и ветром снесло к середине бухты, в Ак-Мечетскую бухту зашёл немецкий военный болиндер. Он шёл на Севастополь.

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 4. Д. 8. Л. 63.

² ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 4. Д. 8. Л. 82, 83.

Переговорив с командиром болиндера, Кнопик приказал следовать за болиндером. Под конвоем болиндера килектор пониженным ходом начал следовать на Севастополь.

В рассказе В.А. Бабынина о панике в Ак-Мечети большого внимания заслуживает признание капитана Кочерги о его главной цели в плену: сохранить килектор для Черноморского флота. «И если раньше, – вспоминал Владимир Александрович, в команде несколько недолго любили капитана Кочергу, то после Ак-Мечети на судне стали глубоко уважать старика»¹.

Переход от Ак-Мечети до Евпатории и до Севастополя был также полон опасности и потребовал от капитана бесстрашия и принятия быстрых и опасных для жизни решений.

Несколько раз прилетали советские самолёты. Возникла опасность погибнуть от своих же бомб. Ведь подбитый болиндер открывал огонь из своих пушек по советским самолётам. Перед Евпаторией суда обстреляли два советских самолёта. Но команда высыпала на палубу и приветствовала их. Килектор не тронули ещё и потому, что он шёл без флага. Кнопик в панике, видимо, забыл об этом, а капитан Кочерга не помнил.

Но над килектором нависла новая беда: уголь был на исходе. В Евпатории пополнить запасы не удалось. Корабль не смог подойти к причалам из-за мелкого моря у берегов.

На подходе к Каче уголь закончился. А ветер крепчал. Предстояла борьба с волнами. И тогда по приказу капитана Кочерги команда вооружилась ломками и топорами, начали ломать внутреннюю деревянную обшивку бортов и переборок. Добытое таким образом топливо рубили на дрова и отправляли в кочегарку.

Изуродованный внутри килектор подходил к Севастополю. Бегман и Кнопик закрыли свои каюты и вышли на берег. Русской команде покидать корабль ночью было запрещено. А капитана и его помощника одолевали новые мысли: как Кнопик и Бегман доложат начальству об этом походе? Ходили, трудились, старались, делали и... ничего не сделали.

Самая главная трагедия заключается в том, что, если бы капитан и русская команда помогли Кнопiku затопить килектор во время паники в Ак-Мечети, они были бы обвинены не только немцами, но и советскими властями. Пришлось бы пережить два суда.

А так капитан Кочерга хотя и довёл килектор до Севастополя, но надолго вывел его из строя. А главное – в те пять дней в октябре 1943 г. снова сохранил корабль для Черноморского флота.

И таким, полным опасности для жизни, был для капитана Кочерги каждый день пребывания в плену.

Чем больше Н.М. Цыбульский встречался с участниками тех событий, тем всё больше и больше утверждался в мысли, что вины капитана Кочерги перед Родиной нет, он не предатель. Свои воспоминания он начинает словами: «Человека, о котором пойдёт речь, давно нет. Я никогда не был знаком с ним, хотя не раз приходилось выслушивать о нём хорошие и одновременно плохие отзывы. И самый тяжкий отзыв из числа плохих – “он был предателем”. Зато неплохо знал корабль, на котором он плавал в период очень тяжёлого для нашей Родины и Севастополя времени.

Продолжал не верить в предательство этого человека, беру на себя смелость поставить его имя рядом с судном, которым он тогда командовал...»².

На протяжении десяти лет Николай Максимович ищет всё новые и новые доказательства невиновности капитана Кочерги и привлекает новых людей, чтобы реабилитировать его.

В октябре 1963 г. он знакомится с Николаем Алексеевичем Мунаевым, который готовит к изданию книгу «Вместе с флотом» – о кораблях и людях вспомогательного флота. Н.М. Цыбульский обращает его внимание на судьбу капитана Кочерги. Н.А. Мунаев даёт ряд ценных советов, как действовать, в том числе и попытаться поднять судебное дело Военного трибунала ЧФ по обвинению А.Р. Кочерги в измене Родине.

Но Н.М. Цыбульский сам этот вопрос решить не может. Он встречается с дочерьми капитана Анной Андреевной и Зинаидой Андреевной. Даёт запросы от их лица в различные инстанции.

12 мая 1966 г. Цыбульский пишет письмо в Историческую комиссию, где доказывает, что А.Р. Кочерга работал под непосредственным руководством П.Д. Сильникова: «Благодарным Севастополем отмечены большие заслуги погибшего подпольщика П.Д. Сильникова, а капитан А.Р. Кочерга получил марку предателя. Очень хочется верить, что у капитана были все возможности оправдаться, но, будучи поспешно и необдуманно арестован, старик, видимо, морально не выдержал и в июне 1944 г. в тюрьме

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 4. Д. 8. Л. 84.

² ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 4. Д. 8. Л. 2.

умер (допущена неточность – 25 мая 1945 г. – Н.З.). Дело о нём за смертью прекратили. [...] Я обращаюсь в Историческую комиссию с просьбой проконсультироваться с прокурором города и просить содействия розыска в архиве дела Кочерги. Я не верю в предательство капитана. К сожалению, в 1965 г. меня постигла печаль: боцман Безродный и капитан Бабынин умерли»¹.

Н.М. Цыбульский потерял двух главных свидетелей невиновности капитана Кочерги, но не опустил руки. Материалы переписки Н.М. Цыбульского, хранящиеся в Архиве города Севастополя, позволяют проследить, с какой настойчивостью и верой в невиновность А.Р. Кочерги он пытается восстановить справедливость и добиться реабилитации капитана. Не добившись положительных результатов на месте, 18 января 1968 г. он пишет письмо в Военную коллегию Верховного Суда СССР. Письмо пересылается в Верховный Суд СССР. 31 января 1968 г. Верховный Суд СССР передаёт дело о пересмотре дела в отношении А.Р. Кочерги в Военный трибунал ЧФ. 7 мая 1968 г. Н.М. Цыбульский обращается с письмом к помощнику военного прокурора КЧФ Мазурову, доказывая с прежней неутомимостью невиновность капитана Кочерги, приводя новые факты: «В моей голове не укладывается, чтобы такое произошло в жизни – корабль на Доске Славы, а капитан – предатель. Следователь Рудаков дал остроумное пояснение: он нарисовал квадрат, разделил его чертой пополам. Одну сторону оставил светлой, а вторую затушевал. Светлая сторона – это участие корабля и капитана

в героической обороне Севастополя. Тёмная – это работа корабля и капитана в плену у немцев. В 1944 г. тёмная сторона перетянула, и капитан был сурово наказан. По тому времени Военный трибунал был прав. Прошли годы. С большим опозданием люди взялись за воспоминания. Сравнивая прошлое с настоящим, я нахожу, что в теневой стороне появилось маленькое светлое окно. Жизнь доказала: все работы, выполненные в плену кораблём и капитаном, принесли пользу только нашей советской Родине.

Получается интересно: не капитан, а сам корабль был подпольщиком... В 1963 г. я записал воспоминания Зинаиды Андреевны Кочерги. Вот отрывок: «Я помню 9 мая 1944 г. Когда вечером над разрушенным городом прогремел стихийный салют в честь освобождения Севастополя, я, отец и мама вышли на улицу. Отец, обнимая нас с мамой, радовался и говорил: теперь приедут Анна и Анатолий, снова все будем вместе. А за килектор я перед Родиной не виноват...»² (Анатолий Иванчук – муж старшей дочери Анны, погиб на буксире СП-15 под Геленджиком).

И наконец справедливость восторжествовала. 19 сентября 1968 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР отменяет приговор Военного трибунала ЧФ от 28 августа 1944 г. – капитан Кочерга Андрей Романович реабилитирован посмертно.

Так, спустя почти 24 года, благодаря неравнодушным севастопольцам, было снято «клеймо изменника Родины» с капитана Андрея Романовича Кочерги. А поиск документов о нём, начатый в 1987 г., завершился только через 30 с лишним лет – в 2018 г.

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 4. Д. 12. Л. 16, 17.

² ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 4. Д. 12. Л. 13, 14.

Н.Ф. Задорожная

Они были первыми. О деятельности в Севастополе в период немецко-фашистской оккупации 1942–1944 гг. подпольной патриотической группы под руководством П.Д. Сильникова

В самом центре города, на стене дома 46 по улице Ленина, выходящей на маленькую улочку Спуск Сильникова, обращает на себя внимание мемориальное обозначение: «Улица названа именем П.Д. Сильникова, руководителя подпольной патриотической

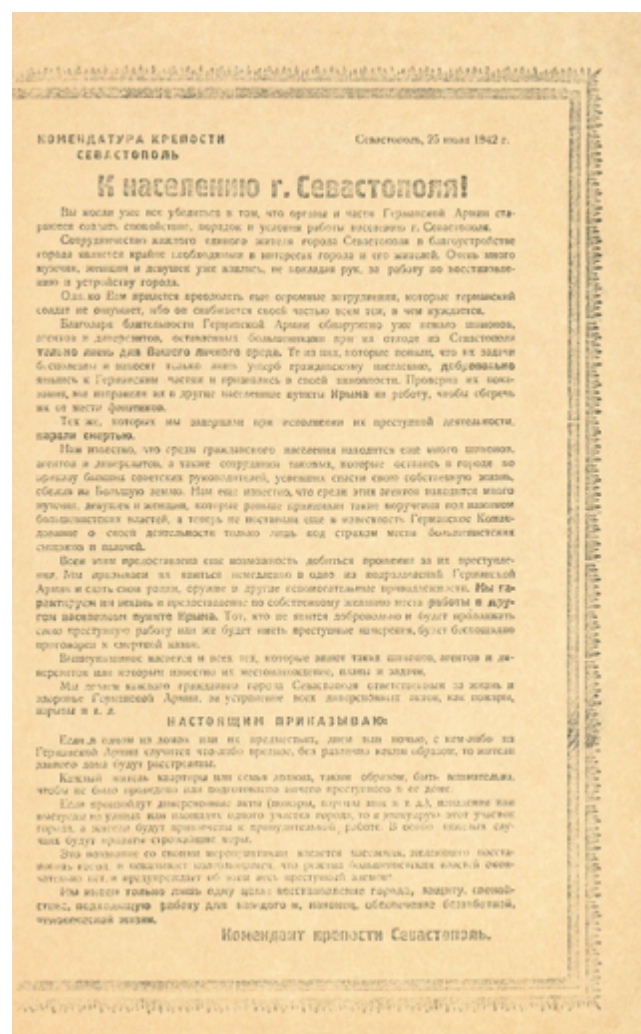
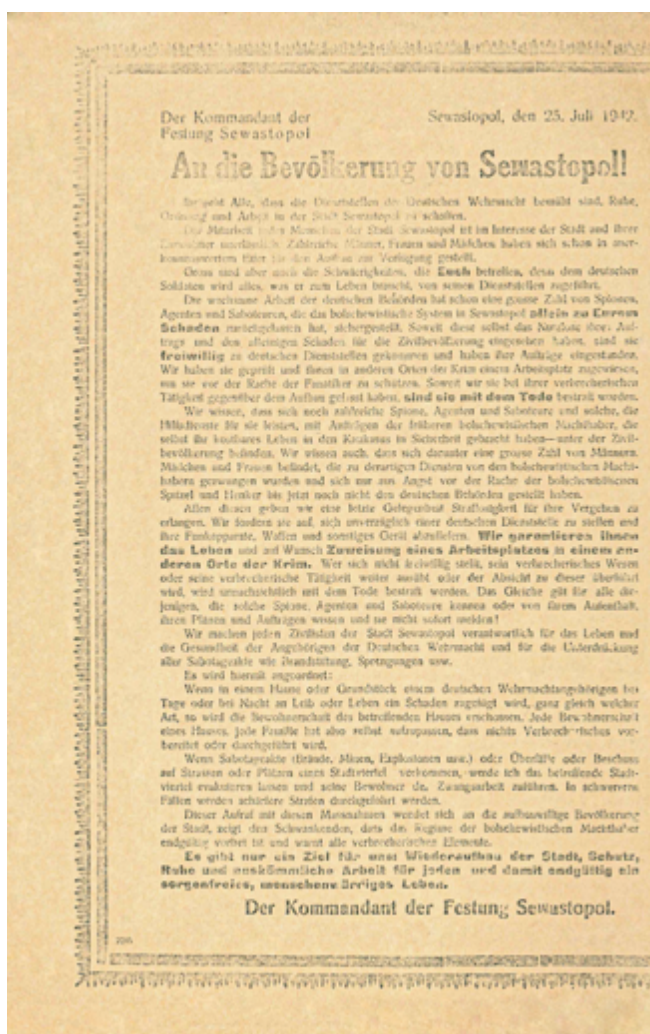
группы, действовавшей в 1942–1944 гг. в морском порту». Она возвращает нас к периоду временной оккупации Севастополя в годы Великой Отечественной войны, которая продолжалась 22 месяца – с июля 1942 г. по 8 мая 1944 г.

Почти два года севастопольцы жили в условиях «нового порядка», насаждаемого карательными органами германских оккупационных властей.

25 июля 1942 г. на улицах города появилось объявление «К населению!» на немецком и русском языках за подписью ортскоменданта крепости Севастополь: «...Настоящим приказываю: если в одном из домов или их предместьях, днём или ночью, с кем-либо из германской армии случится что-либо вредное, безразлично каким образом, то жители данного дома будут расстреляны [...] Если произойдут диверсионные акты (пожары, взрывы мин и т.д.), нападения или

выстрелы на улицах или площадях одного участка города, то я эвакуирую этот участок города, а жители будут привлечены к принудительной работе. В особо тяжёлых случаях будут приняты строжайшие меры...»¹

Строжайшими мерами ортскомендант подполковник Ганш называл массовые облавы, расстрелы коммунистов, комсомольцев, работников государственного аппарата, евреев, выявленных в ходе первой же регистрации населения, проводимой оккупантами в июле – августе 1942 г., и последующих перерегистраций, проходивших каждые шесть месяцев.

Объявление ортскоменданта крепости Севастополь «К населению!». 25 июля 1942 г. (копия). Из личного архива Н.Ф. Задорожной

¹ Музей героической обороны и освобождения Севастополя (МГООС). А 5992 (КП-11369) НВ-30202/5. Объявление «К населению!».

С первых же дней оккупации гитлеровское командование стремилось восстановить в Севастополе судоремонт. 16 июля 1942 г. ортскомендант крепости Севастополь издал приказ: «...Всем рабочим, работницам и служащим предприятий немедленно явиться на места своих прежних работ [...] Те, кто не явится в течение трёх дней, будут расстреляны...». В тот же день он рапортовал управляющему судостроительными и судоремонтными предприятиями Юга в г. Николаев: «...Мною был произведён ряд молниеносных крупных и малых акций для фиксации рабочей силы. Каждый выявленный работник предприятий получил квитанцию-расписку: “Скрепляю подписью, что я получил сообщение об обязательной явке на работу. Мне известно, что за невыполнение приказа у меня или моей семьи будет конфискован дом, двор и всё имущество. Если я и после этого не явлюсь на работу, то мой дом будет сожжён, а мои родные взяты в качестве заложников [...]”. Каждого выявленного работника завода доставляли в комендатуру, сажали в машину. В сопровождении солдат он объезжал крепость, указывал место нахождения не менее чем трёх работников завода. После этого получал право возвращения к семье. Таким способом удалось уже выявить более 300 специалистов...»¹.

Таким же способом «выявляли» специалистов и рабочих порта. 14 сентября 1942 г. начальник полиции безопасности и СД крепости Севастополь докладывал командующему войсками оперативного тылового района группы армий «Юг»: «В целях решительного подавления саботажа на морской верфи начато широкое выявление лиц, работавших на ней прежде и уклоняющихся от работ на ремонте судов, выдающих себя на бирже труда за хлебопёков, грузчиков, дворников, водопроводчиков, сантехников [...]».

2 сентября 87 выявленных, отказавшихся подписать квитанцию-расписку, оформлены (расстреляны. – Н.З.);

7 сентября 42 выявленных и 97 родственников оформлены;

8 сентября 87 выявленных оформлены;

9 сентября, соответственно, 18 и 20;

10 сентября – 8 выявленных и подписавших квитанции-расписки, но впоследствии пытавшихся скрыться, оформлены»².

¹ Иванов В.Б. Севастопольская эпопея 1941–1944 в официальных документах (сводки, приказы, распоряжения, донесения, публикации). Севастополь, 2004.

² Там же. С. 261.

Германские оккупационные власти предприняли всё, чтобы сломить севастопольцев, заставить их принять и выполнять «новый порядок». В том же рапорте начальника СД Севастополя – заключительные строчки: «Оперативная обстановка в крепости Севастополь и прилегающих районах в течение 14 суток сентября [...] характеризуется [...] решительным подавлением со стороны служб СД любой попытки самопроизвольного возникновения [групп] как в среде военнопленных, так и среди гражданского населения. Сегодня можно с уверенностью сказать: подполья в крепости нет, и уже не будет...»³.

Но даже в условиях такого жесточайшего террора в Севастополе в те дни нашлось немало истинных патриотов, формально подчинившихся «новому порядку», но в душе не покорившихся и стремившихся в меру своих возможностей оказывать сопротивление оккупантам.

В конце 1942 г. в Севастополе начали действовать несколько разрозненных патриотических групп: в Инкермане, Балаклаве, лагерях военнопленных. Подпольную работу вели врачи и медсёстры больницы для городского населения, поликлиник, санэпидстанции.

Одной из первых была создана патриотическая группа в морском порту, где на базе мастерских вяло начали работать два предприятия: судоремонт и судоподъёмная группа под общим названием «Верфь». Рабочие и служащие этих предприятий и составили ядро группы. Возглавил подпольную работу Павел Данилович Сильников (1909–1943).

Павел Данилович
Сильников
с женой Таисией
(копия).
Из личного
архива
Н.Ф. Задорожной

³ Иванов В.Б. Севастопольская эпопея 1941–1944... С. 260.

Уроженец Харькова, после окончания института он в 1935 г. прибыл в Севастополь. До войны и в осаждённом гитлеровцами городе Павел Сильников – механик группы катеров и самоходных барж Военморпорта. В последние дни обороны ему было поручено топить катера, не успевшие уйти из севастопольских бухт. Так Сильников оказался в оккупированном городе. При прохождении регистрации в августе 1942 г. он получил направление на работу главным инженером с русской стороны в Хафенверфь (Верфь), где с сентября 1942 г. работало около 200 человек, насильно согнанных гитлеровцами на прежнее место работы.

Один из них – Николай Максимович Цыбульский – впоследствии вспоминал о П.Д. Сильникове: «Удивительный человек был Сильников: среди общего уныния в плену он один не терял ни весёлости, ни жизнерадостности [...] В моей памяти он остался очень энергичным и деловым человеком, с быстрой походкой, тихо что-то напевавшим, всегда куда-то спешившим и улыбающимся. Чаще всего он заходил в мастерскую электриков, к старому Максюку [...] В севмастерских под Минной знали Павла Даниловича как отличного машиниста, электрика и радиста, но не как советского инженера...»¹.

Свои качества инженера, руководителя ему пришлось проявить в период оккупации, когда потребовалось входить в доверие к германскому руководству порта. Каждое утро германское руководство выстраивало руководителей и рабочих судоподъёмной группы на «круг-план», где перед каждым подразделением ставились задачи и планы на весь день. Рабочие видели Павла Даниловича всегда по-немецки подтянутым, чётко и кратко докладывающим о задачах предстоящего дня. Некоторые увидели в этом предательство Сильникова и выражали недовольство. Другие Сильникову поверили и пошли за ним.

В ноябре – декабре 1942 г. на квартире мастера электроцеха Григория Яковлевича Максюка, в доме 30 по улице Хирша (ул. Ленина), Павел Данилович Сильников и сын Г.Я. Максюка Андрей (1908–1944), механик судоподъёмной группы, собрали из старых запчастей радиоприёмник. С волнением патриоты ушлышали голос родной Москвы.

Григорий Яковлевич Максюк с женой и сыном.
1940 г. (копия).

Из личного архива Н. Ф. Задорожной

Чтобы узнать новости, полученные с Большой земли, на квартиру к Г.Я. Максюку стали заходить рабочие порта: завгаражом Николай Григорьевич Матвеев (1916–1943), моторист Константин Фёдоров (1915–1943), Татьяна Брацилова. Членами патриотической группы стали электрик мастерских Александр Мякота (1910–1944), жена П. Сильникова – Таисия, работавшая в столовой, и две участницы обороны Севастополя – медсёстры 40-го госпиталя ЧФ Мария Глебова и Мария Гаврильченко. До последних дней обороны они ухаживали за ранеными в госпитале на Максимовой даче, пытались вместе с ними эвакуироваться, но попали в плен. В июле 1942 г. бежали, поселились у Г.Я. Максюка, которого знали по работе в госпитале.

В конце декабря 1942 г. члены группы перешли от простого слушания радио к регулярному принятию сводок Совинформбюро и распространению их среди рабочих порта и жителей города – сначала устно, а затем в листовках.

Выступая на заседании Учёного совета Музея героической обороны и освобождения Севастополя в 1968 г., Мария Гаврильченко вспоминала: «...Был он (приёмник. – Н.З.) кустарного производства, но нам важно было то, что мы всё-таки могли слушать Москву, знать, что делается там, за чертой нашего рабства.

Хождение ночью по городу было запрещено, так что Сильников только иногда мог слушать радио, оставаясь у нас на ночь. В остальное время мы слушали сами, т.е. Максюк отец и сын, я и Глебова. Приёмник ставили на кровать, обкладывали подушками, чтобы

¹ ГКУ «Архив города Севастополя» (ГКУ АГС). Ф. Р-434. Оп. 4. Д. 8. Л. 104.

не так было слышно, а я и Андрей Максюк записывали сводки, делая это вдвоём для того, чтобы не пропустить чего-либо. Сводки эти мы передавали заходившему к нам Сильникову (жил в доме 31 по улице Длинной (ул. Советская. – Н.З.), и они распространяли их на заводе, а я – на бирже труда среди населения...»¹.

Главным направлением работы подпольщиков в порту стала организация диверсий: умышленно заставляли ремонт катеров, барж, выводили из строя станки, оборудование, топили моторы, ценные материалы. Часто Сильников, как инженер, давал капитану плавучего крана – килектору – Андрею Кочерге задания на выполнение далеко не первоочередных работ. Так, единственный в то время килектор длительное время был занят на сборе швартовых бочек, плавающих в бухте. По воспоминаниям Н.М. Цыбульского, эти бочки сложили на берегу, их осмотр и установка были затянuty. Впоследствии эти бочки благополучно были использованы для швартовки кораблей Черноморского флота, возвратившихся в Севастополь в ноябре 1944 г.

Собранный со дна моря металлолом рабочие судоподъёмной группы по заданию П.Д. Сильникова складывали на берегу бухт, далеко от железнодорожного вокзала. Оккупанты так и не смогли его вывезти в Германию. Этот металлолом с успехом использовали рабочие Севморзавода сразу же после освобождения города и восстановления предприятия.

Павел Сильников убедил германское руководство судоподъёмной группы поднять со дна бухты старый разбитый катер. Но килектор поднять его не смог, и тогда Павел Данилович взял на себя смелость уговорить начальство оставить катер притопленным у берега бухты. А драгоценное для немцев время, так необходимое для очистки дна бухты, подъёма затонувших в период обороны южнее Графской пристани теплоходов «Грузия», «Абхазия» и крейсера «Червона Украина», было потеряно. Восстановление же крейсера германские власти считали задачей № 1. Начальник полиции безопасности и СД крепости Севастополь ещё 16 июля 1942 г. в докладной управляющему судостроительными и судоремонтными предприятиями Юга рейхскомиссариата «Украина» в г. Николаев с надеждой сообщал: «Восстановление крейсера усилит наш флот на Чёрном море и резко увеличит престиж

Первые члены группы Павла Даниловича Сильникова (копии). Из личного архива Н.Ф. Задорожной

Гаврильченко
Мария

Глебова Мария

Матвеев
Николай

Мякота
Александр

Фёдоров
Константин

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 1. Д. 147. Л. 25.

наших судоремонтных служб...»¹. За все дни оккупации гитлеровцам так и не удалось поднять со дна бухты «Червону Украину».

Подпольщиками мастерских порта были сожжены большие запасы горючего, шкиперский склад.

В ночь с 6 на 7 ноября Н. Матвеев, К. Фёдоров и группа военнопленных водолазов, работавших на ремонте румынского судна «Орион», подготовили взрыв этого судна. Вышедший только что из ремонта в Южную бухту «Орион» взрывом был притоплен и снова поставлен на ремонт. Большую роль в организации взрывов играл один из первых членов подпольной группы Александр Сергеевич Мякота, занимавший должность электрика морской комендатуры. Большой эрудит, человек с «золотыми» руками, мастер в области точной механики. (В экспозиции Дома-музея севастопольских подпольщиков, ул. Ревякина, 46, представлены каютные часы, собранные Александром в 1936 г. из списанных запчастей. До наших дней они исправно ходят.) А.С. Мякота был допущен к ремонту моторов барж, катеров. Он умел делать расчёты по минированию с такой точностью, что после приёма немецкими специалистами на выходе из севастопольской бухты в открытое море на судах при малейшем шторме происходил взрыв.

Первые месяцы после создания группы П.Д. Сильникова были временем проверки и изучения людей. Только с весны 1943 г. Павел Данилович даёт членам своей группы конкретные поручения. Мария Гаврильченко, работавшая статистом на бирже труда, должна была похищать бланки необходимых документов, собирать данные и вести картотеку на предателей. Татьяна Александровна Брацилова было поручено перенести частями из кабинета П. Сильникова радиоприёмник на его квартиру. Мария Глебова, работавшая кухонной рабочей в СД, собирала данные об агентах СД. Таисии Сильниковой поручались распространение листовок и переноска боеприпасов и оружия, собранных членами группы. Константин Фёдоров распространял листовки. Капитану килектора Андрею Кочерге в те дни была поставлена задача: любым способом сохранить корабль для Черноморского флота.

Летом и осенью 1943 г. для группы П.Д. Сильникова произошло важное событие – объединение с подпольно-патриотической группой – Коммунистической подпольной организацией в тылу немцев (КПОВТН) под руководством В.Д. Ревякина. О своей

первой встрече с руководителем севастопольской КПОВТН М. Гаврильченко рассказывала в 1968 г.: «В первых числах сентября я была дома на больничном. В середине рабочего дня домой пришли Максюк Андрей и Павел Сильников. Я высказала им своё удивление по этому поводу, на что они мне ответили, что ждут Сашу, с которым и познакомят меня сегодня. Приказали мне закрыть дверь и никого не пускать, кроме товарища среднего роста, блондина, с большим портфелем. Прошло полчаса [...] Раздался звонок. Я вышла, открыла дверь, увидела перед собой человека с большим портфелем [...] и пригласила войти. Это был Саша. Сильников меня сейчас же представил. Мы обменялись несколькими вопросами, и в этот же день я получила задание снабжать организацию документами и засылать на работу в военные немецкие части своих людей, которые будут приходиться от него...»².

Каждый член группы Сильникова при вступлении в КПОВТН подписывал клятву. 20 сентября 1943 г. её подписал П.Д. Сильников (подпольная кличка «Павлов»), 1 октября – Николай Матвеев (подпольная кличка «Николаенко Николай Григорьевич»). Мария Гаврильченко при вступлении в КПОВТН получила подпольную кличку «Сергеева Мария Гавриловна», Татьяна Александровна Брацилова – две клички «Клименко» и «Александрова». 3 октября клятву подписали К.И. Виноградова, К. Коротаяев-Потапенко, 10 октября – Андрей Максюк. Свою клятву он подписал как «Андреев Максим Григорьевич».

С августа 1943 г. группа активизирует работу по привлечению к подпольной деятельности новых людей. Эта работа была возложена на А. Максюка. В это время в подпольную работу были вовлечены К. Коротаяев-Потапенко, П.И. Алейникова, её дочь К.И. Ибраимова, Агаев Сейф-Али и др.

Увлёкшись привлечением новых людей к работе, члены группы Павла Сильникова, видимо, не уделили достаточного внимания соблюдению строжайшей конспирации. По мнению Н.М. Цыбульского, «сказались и особенности характера Павла Даниловича [...] он был готов верить всякому и каждому, надеяться на всех, что плохих людей на свете нет...»³. В группу проник провокатор.

В ночь с 12 на 13 октября 1943 г. были арестованы П.Д. Сильников, его жена Таисия, Константин

¹ Иванов В.В. Севастопольская эпопея 1941–1944... С. 247.

² Фонды МГООС. Т. 44. С. 50.

³ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 4. Д. 8. Л. 104.

Коротаев, Константин Фёдоров. 13 октября в мастерских – Николай Матвеев, К.И. Виноградова и С. Агаев, живший у неё. Всего арестовали 8 человек. В 10 ч утра Мария Глебова рассказала Марии Гаврильченко об аресте П. Сильникова и его товарищей по подполью, «сообщила, что у Сильникова при обыске обнаружили документы, оружие и дневник, в котором излагались некоторые данные о подпольной группе [...] Сильников на допросе держался достойно»¹.

Для оставшихся «на воле» членов группы потянулись полные тревожных ожиданий дни и бессонные ночи. Узнав от Марии Глебовой об аресте боевых друзей, Мария Гаврильченко, сославшись на зубную боль, в полдень отпросилась с работы, чтобы уничтожить всё, что могло бы послужить уликой. В отчёте об участии в подполье в 1945 г. она указала: «...сожжены были портреты вождей, которых я сберегла как святыню, журнал, ведение которого мне было поручено, вторые экземпляры списков агентуры, целый ворох патриотических песен и сводок Совинформбюро, и самый верный друг, с которым я делилась всеми мыслями и впечатлениями – дневник»². Вечером того же дня она встретила с Андреем Максьюком. Было решено сообщить об аресте Павла Сильникова и других членов группы В.Д. Ревякину.

14 октября в 5 ч утра они встретились на Красном спуске (Корабельный спуск). Через час были в доме 46 по Лабораторному шоссе (с апреля 1957 г. – ул. Василия Ревякина), где жил руководитель Севастопольского подполья. «Выслушав нас, Ревякин приказал нам немедленно скрыться, справившись предварительно, какие мы имеем на это возможности...»³, – вспоминала Мария Гаврильченко. В тот день В.Д. Ревякин записал в своём дневнике: «...6 ч утра. Приходили гости. Сообщили страшную весть [...] Много говорили о предстоящих мероприятиях. Решили уйти в лес»⁴.

15 октября Мария Гаврильченко, следуя совету Ревякина «скрыться», оформила через участника подполья доктора В.И. Иванова больничный лист, 5 дней жила у Клары Смалюковой в доме 73 по Лабораторной улице (ул. Подольцева). Затем перешла на конспиративную квартиру КПОВТН в дом 42 по улице Углицкая, где жили Анна Онуфриевна и Александр Акимович

Киселёвы и её подруга Мария Глебова. Через неё Мария Гаврильченко узнавала новости из СД, продолжала держать связь с В. Ревякиным через связного, 16-летнего Анатолия Лопачука, жившего по соседству с руководителем подполья.

26 октября произошла встреча в штабе КПОВТН, во время которой Мария Гаврильченко рассказала, что Сильников и все арестованные на допросах держатся мужественно, никого не выдают. В тот день руководитель подполья высказал мнение, что раз арестованные проявляют стойкость, никого не выдают, «можно вернуться на службу, закончив болеть». А в дневнике В.Д. Ревякина в тот день появилась новая запись: «В 4.00 пришла “М.Я.”, рассказала вести. Рождение хороших товарищей...»⁵. Но радость была недолгой...

27 октября Мария Глебова сообщила Марии Гаврильченко о том, что Сильникова и его товарищей повели на расстрел. В этот день были расстреляны П. Сильников, его жена Таисия, К. Фёдоров, С. Агаев, К. Коротаев-Потапенко, Н. Матвеев. Тогда же Мария Гаврильченко сообщила о случившемся В.Д. Ревякину. В ночь на 28 октября в своём дневнике он записал: «Опять ночь. Опять тревожное состояние, опять бессонница. Каждый малейший шорох и стук напоминают о тревоге...»⁶.

Долгое время считалось, что они были расстреляны в Юхариной балке на 5-м км Балаклавского шоссе, ставшей в период оккупации своеобразным Бабым Яром Севастополя. Но в начале 2000-х гг., собирая материалы, документы для хроники «Севастополь в период оккупации 1942–1944 гг.», я обнаружила интересный архивный документ – протокол допроса Б.В. Корчминова-Некрасова от 15 января 1951 г. Во время допроса бывший начальник полиции Севастополя свидетельствовал: «В конце октября 1943 г. на Малаховом кургане расстреляны 8 человек севастопольцев “за саботаж”. На казни присутствовали 60–80 человек полиции, 20–25 человек немцев, служивших в шуцполиции, комендатура и жандармерия во главе со Шреве, начальник СД Майер, его помощник Минц, команда добровольцев... Кроме того, были какие-то военные немцы [...] Такой случай массового выезда карательных органов на расстрел был только один [...] На грузовой автомашине из жандармерии были привезены 8 человек арестованных советских граждан. Перед расстрелом полиция, жандармерия,

¹ Фонды МГООС. Т. 13. С. 134.

² Там же. С. 135.

³ Там же. С. 136.

⁴ Там же. А-598 (КП 1891). Л. 10.

⁵ Фонды МГООС. Т. 13. Л. 11 об.

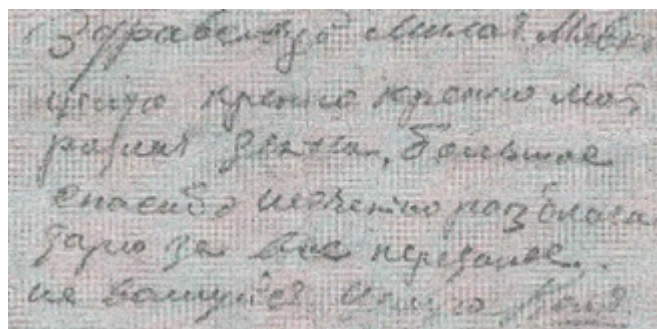
⁶ Там же. А 598 (КП 1891). Л. 11.

команда добровольцев и СД были построены, каждый орган в отдельности [...] Советские граждане, осуждённые к расстрелу, также были сняты с автомашины и построены в одну шеренгу. Расстрел производила [...] команда из жандармерии [...] После расстрела советских граждан их трупы были погружены на автомашины и вывезены в неизвестном направлении с целью похорон...»¹.

Можно предположить, что речь идёт о расстреле арестованных членов подпольной группы П.Д. Сильникова, т.к. совпадают и дата, и число расстрелянных, и то, с какой «помпой» была проведена акция.

День 27 октября на всю жизнь запомнила и вдова Николая Матвеева Пелагея Ивановна. Ведь накануне вечером ей чудом удалось передать мужу в камеру маленькую посылку. По её словам, узнав об аресте мужа, она подкупила охранника, отдав ему обручальное кольцо, и попросила передать Николаю в камеру маленькую шоколадку, пачку немецких сигарет «Астра» и огрызок карандаша. На крышке этой сигаретной пачки Николай написал и передал через того же охранника несколько слов: «Здравствуй, милая Мяска. Целую крепко, крепко, моя родная девочка. Большое спасибо. Несчётно раз благодарю за всё переданное. Не волнуйся. Целую. Коля»². Ровно через месяц у Пелагеи Ивановны и Николая Григорьевича родилась дочь Жанна. Женщина бережно хранила эту записку как знак большой любви и верности и только спустя 60 лет согласилась передать её в фонды Музея героической обороны и освобождения Севастополя. Так этот уникальный экспонат появился в экспозиции Дома-музея севастопольских подпольщиков.

Спустя несколько дней рабочие мастерских под Минной узнали о расстреле П.Д. Сильникова, его жены и других членов его подпольной группы. По воспоминаниям Н.М. Цыбульского, «гибель Сильникова русские тяжело переживали. На работу шли как на каторгу. Люди делали вид, что работают. Толпились на берегу, в мастерских [...] были какими-то пришибленными, угрюмыми, задумчивыми, даже разговаривать стали как-то тихо. В лице Сильникова был потерян человек свой в доску – весёлый, доверчивый и понятный...»³.

Записка Николая Матвеева из тюрьмы жене Пелагее. 1943 г. (копия).
Из личного архива Н.Ф. Задорожной

Оставшиеся в живых патриоты Мария Гаврильченко, Александр Мякота, Нелли Велиева, Андрей Максюк, Мария Глебова и другие продолжили подпольную работу под непосредственным руководством В.Д. Ревякина. В середине апреля 1944 г., всего за три недели до освобождения Севастополя советскими войсками, Нелли Велиева, А. Мякота, А. Максюк, как и В.Д. Ревякин, были расстреляны.

17 мая 1944 г. в Севастополе начала работать комиссия по установлению злодеяний, причинённых гитлеровцами за время оккупации. Эта комиссия с 26 мая вела раскопки на местах массовых расстрелов: в районе Лазаревских казарм, Холодильника, 4-го и 5-го км Балаклавского шоссе и др. Газета «Слава Севастополя» за 9 июня 1944 г. в корреспонденции «У противотанкового рва» сообщала: «Юхарина балка. Прибывшие сюда члены городской комиссии по расследованию фактов злодеяний немецко-фашистских захватчиков останавливаются у небольшого холмика. В суровом молчании приступают рабочие к вскрытию безвестной могилы. Так же молча извлекают они из неглубокой ямы истерзанные тела двух мужчин. Над трупом одного из них с глубоким рыданием склоняется женщина. Она опознала своего

¹ Архив ГУ СБУ в АРК. Д. 5093. Л. 102–103 (по сост. на 2020 г. – Архив расформирован).

² Фонды МГООС. А 21256 (КП 61064).

³ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 4. Д. 8. Л. 104.

зятя Александра Ревякина [...] (настоящее имя Василий Дмитриевич. – Н.З.), руководителя городской подпольной организации [...] Недалеко от противотанкового рва у разрытой воронки лежат три трупа. Женщины плачут. Пелагея Ивановна Матвеева опознала своего мужа Николая. Он в краснофлотской одежде, со следами чудовищных истязаний. Велико горе вдовы, не выразить его словами. Присутствующие при раскопках опознали также труп женщины, называют её имя – Таисия Сильникова, жена инженера военного порта»¹.

Останки героев-подпольщиков тогда были перезахоронены в Братской могиле на Кладбище Коммунарков. В 1963 г. открыт памятник «Борцам подполья» (скульптор – С.А. Чиж, архитектор – А.Л. Шеффер). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. В.Д. Ревякину присвоено звание Героя Советского Союза. П.Д. Сильников посмертно награждён орденом Ленина. В 1966 г. медалью «За отвагу» были награждены другие члены подпольной группы Павла Сильникова: М.С. Гаврильченко-Азарова, М.В. Глебова-Котельникова, А.С. Мякота (посмертно), А.Г. Максьюк (посмертно).

«Пройдут годы и годы, пройдут века. Люди, защищавшие город, навсегда останутся бессмертными героями великой Севастопольской эпопеи. И слово «севастопольцы» будет понятием долга, мужества и чести»², – писал в период обороны города военный корреспондент Александр Хамадан. Эти слова с уверенностью можно отнести к борцам подполья 1942–1944 гг., и в первую очередь к тем, кто первыми поднялся на борьбу в оккупированном фашистами Севастополе. Вот почему решением Исполкома Севастопольского городского Совета от 7 апреля 1961 г. улица в центре города Школьный спуск переименована в Спуск Сильникова. Спустя 30 лет руководство мастерских обратилось к рабочим с предложением отчислить свой дневной заработок на увековечение памяти подпольщиков, действовавших под руководством П.Д. Сильникова в мастерских Военморпорта. Были собраны средства, на которые в Севастополе установили две мемориальные доски: на здании мастерских № 1020 в мае 1990 г. и на фасаде дома 46 по улице Ленина, выходящем на Спуск Сильникова, 5 мая 1991 г.

¹ Фонды МГООС. А 23604 (КП 68163).

² Хамадан А. Записки корреспондента. М., 1968. С. 27.

Открытие мемориальной доски на здании мастерских № 1020. Май 1990 г. (копия).
Из личного архива Н.Ф. Задорожной

Ветераны Севастопольского подполья 1942–1944 гг. – участники торжественного открытия мемориального обозначения на улице Спуск Сильникова. 5 мая 1991 г. (копия).
Из личного архива Н.Ф. Задорожной

Так Севастополь и севастопольцы хранят память о героях подполья, которые первыми поднялись на борьбу в оккупированном городе осенью 1942 г.

Они приближали освобождение

5 июля 1942 года. В Севастополе германское командование устанавливает «новый порядок»... А на мысе Фиолент и у Херсонесского маяка предпринимают отчаянные попытки прорваться из окружения к партизанам воины-приморцы и моряки-черноморцы. Многие из них попадают в плен. Одна из колонн советских военнопленных медленно продвигается среди развалин города, втягивается на Лабораторное шоссе (с 1957 г. – ул. Ревякина).

Из дворов выходят женщины, дети. Кто-то пытается передать бойцам воду, кто-то – кусок хлеба, последнюю картошку или хотя бы тряпочку, смоченную водой. Конвой начинает отгонять женщин, отбивать прикладами. Крики, выстрелы, ругань, замешательство. В этот момент в толпу женщин из колонны бросается высокий худощавый светловолосый парень и скрывается в приоткрытой калитке дома 50. Это Василий Дмитриевич Ревякин, в дни обороны Севастополя – главстаршина 18-го гвардейского артиллерийского полка.

Василий
Дмитриевич
Ревякин.
1941 г. (копия).
Из личного архива
Н.Ф. Задорожной

дома, а к вечеру по его просьбе идёт на Комсомольскую улицу к Лиде Нефёдовой.

С Лидой Василий познакомился ещё в дни обороны Севастополя. Тогда ей было 17 лет. Она была красива, очень тонко чувствовала музыку, поэзию, писала стихи, играла на гитаре, пела.

До войны занималась в изостудии при Севморзаводе, очень любила копировать работы художника И. Левитана. Начавшаяся война заставила её заняться другим. Осенью 1941-го вместе с другими девушками и женщинами Корабельной стороны Лида пришла на Мекензиевы горы, где занимал позиции 265-й полк (с апреля 1942 г. 18-й гвардейский артиллерийский полк). Девушка помогала готовить еду, стирала и штопала бельё воинов, ухаживала за ранеными в санчасти.

Услышав от тётки Наты: «Саша бежал из плена» (так называли почему-то в полку Ревякина), Лида приходит за ним, укрывает у себя. Но это слишком опасно – в доме часто появляются немцы. Лида и Василий, став мужем и женой, снова приходят к тётке Нате, и она открывает им дом 46, хозяева которого были выселены гитлеровцами в степную часть Крыма. 7 августа 1942 г. они прописываются здесь¹.

Дом 46 по Лабораторному шоссе (ул. В. Ревякина).
1945 г. (копия). Из личного архива Н.Ф. Задорожной

Через несколько минут в дом возвращается хозяйка – Анастасия Павловна Лопачук, «тётка Ната», как называли её все на улице.

Рискуя быть расстрелянной вместе с четырёхлетней дочкой Лорой и 15-летним сыном Анатолием, Анастасия Павловна, не раздумывая, укрывает Василия Ревякина в пещере, выдолбленной в скале во дворе

¹ Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя (МГООС). Ф. А-6509 (КП-12433). Запись в домовую книгу.

2 февраля 1943 г. Василий Ревякин прошёл регистрацию на бирже труда¹.

ЛИСТОК ПРИБЫТИЯ Заполнять разборчиво, с прямыми и ясными ответами во всех графах

1. Фамилия Ревякин
Имя Александр Отчество Олеотриевич

2. Родился: год 1918 м-ч и число 28/10 в области, крае Саратовск. об. с. Николаевка района Николаевка села (деревни)

3. Пол м

4. Национальность русск

5. Вероисповедание прав. (правосл., католич., лютеран., баптист, магометан, и др.)

6. Партийность б/и (член ВКП(б), ВЛКСМ и т. д.) с какого времени с _____ года.

7. Приписывается по адресу: города (раб. пос.) _____ село (деревни) Севастополь улица Лабораторное кв. № 46 отделение Полицейского

8. Прибыл из области, края 1943 года (раб. пос.) _____ с Николаевки села (деревни) _____

9. Имя переваля в этом же населенном пункте с улиц _____ дом № _____ кв. № _____

Примечание. Если адресный листок составляется по причине перемещения фамилии, имени или достижения 16-летнего возраста, обмена паспорта, то указывается эта причина _____

10. Приехал на работу на работу, учёбу, в отпуск, лечение, командировку, каникулы и пр. и на какой срок _____

11. Работает 123 Кав название предприятия, учреждения в качестве педагог название должности или работы

12. Приписывается по паспорту сер. Брвск № 508 выданном 7/8 1943 г. _____ отделением Полиции: 1-му Сев. полемичу района, города _____

13. Вместе с ним (с ней) приехали дети моложе 16 лет

Имя	Пол	Год и месяц рождения
<u>Александр</u>	<u>м</u>	<u>1918</u>

Примечание. Дети до 16 лет, прибывшие вместе со взрослым, вписываются в листок прибытия только одного из них, например: либо в листок отца либо в листок матери.

14. Листок составлен 2/II 1943 г. Подпись Васильев ответственного лица за прописку

15. 2/II 1943 г. Подпись Гав сотрудника отдела Полиции, оформляющего прописку

Примечание. Без отрывного талона листки прибытия составляются при прописке прибывающих: а) в дачи на срок летнего дачного сезона; б) на отдых или лечение в курортные местности, дома отдыха, санатории; в) в отпуск или на каникулы; г) в командировку на срок более 2 мес.; д) на совещания, съезды, конференции; е) на краткосрочные, до 2 мес., курсы; ж) экскурсантов и туристов; з) больных, прибывающих в больницы или другие лечебные заведения, а также при прописке; и) переменивших местожительство в том же городе, раб. поселке; к) переменивших имя, фамилию или обменивавших паспорт; л) получивших паспорт по достижении 16-летнего возраста.

Листок прибытия В. Д. Ревякина от 02.02.1943 г. (копия). ГКУ АГС. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 327. Л. 8–8 об.

Изменив только имя, назвавшись Александром, учителем биологии и химии, никогда не служившим в армии, тяжело больным туберкулёзом, Ревякин заверил работников биржи, что документы сгорели во время бомбёжки. Это подтвердили А. П. Лопачук и Лида Нефёдова.

Ревякин получает направление на работу преподавателем химии в школу № 4 на Северной стороне, затем – в школу № 1 (ныне школа № 16 на Лазаревской улице). Так он получает право на легальное проживание в оккупированном городе.

В школе Василий встречает человека, чуть моложе его, но уже узнавшего, что такое бой, горечь по-

тери боевых друзей, окружение, плен и риск побега из него. Это Георгий Гузов, севастополец, бывший студент Севастопольского судостроительного техникума, а в период оккупации – учитель черчения и рисования. Сердцем Василий почувствовал в нём непокорность, стремление продолжать борьбу с фашистами. Они быстро сошлись, подружились. Эти два человека и стали организаторами Коммунистической подпольной организации в тылу немцев (КПОВТН).

17 марта 1943 г. они договорились о совместной борьбе против гитлеровцев. В тот вечер в дневнике Василия Ревякина появилась запись: «17.03.43 г. – состоялось первое совещание, на котором присутствовало всего два человека...

По первому вопросу было решено начать работу с агитации среди мирного населения, военнопленных,

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-312. Оп. 1. Д. 327. Л. 8–8 об. Листок прибытия В. Ревякина от 2 февраля 1943 г.

а также, по возможности, среди немецких и румынских солдат. Агитацию вести путём выпуска листовок или газеты.

По второму вопросу было решено изучить назначенные кандидатуры, узнать их настроение, политическую основу с тем, чтоб в ближайшее время предложить им вступить в ряды нашей тайной организации.

По третьему вопросу было решено написать Устав, в котором коротко указать об основных требованиях к вступающим в члены этой организации, об обязанностях членов и о конкретных целях борьбы»¹.

19 марта произошла их следующая встреча в доме 46 по Лабораторному шоссе, во время которой были приняты Устав и Программа КПОВТН. Согласно Уставу, членом организации мог быть каждый гражданин, достигший 15-летнего возраста, глубоко преданный Родине и своему народу, убеждённый в победе Красной Армии и готовый в любой час пожертвовать своей жизнью во имя этой победы.

Ближайшие задачи организации: ведение широкой агитационной работы среди населения города, военнопленных, солдат и офицеров противника, организация диверсионной и подрывной деятельности в немецких учреждениях, на предприятиях. Конечная цель – «путём регулярного выпуска политических агитационных листовок добиться полного привлечения всего населения на сторону подпольной организации, вооружить его ещё большей ненавистью к немецким извергам с тем, чтобы к моменту прихода Красной Армии в г. Севастополь выступить организованным путём вместе с населением и тем самым облегчить Красной Армии разгромить немецких поработителей и освободить Севастополь, помочь Красной Армии в наведении порядка»².

21 марта гитлеровцы на центральной площади города (ныне – пл. Нахимова) проводили общегородское собрание населения. Немецкий офицер долго и настойчиво призывал добровольно ехать в Германию на работу, вступать в добровольческую армию генерала Власова. После доклада началась запись в добровольцы, но люди молча расходились. «Сработали» листовки подпольщиков «Воззвание к трудящимся Севастополя», в которых содержался призыв

не верить гитлеровцам, продолжать борьбу с ними: «Дорогие братья, сёстры, отцы и матери! Трудящиеся г. Севастополя, стонущие под ярмом гитлеровских поработителей! К вам обращаемся мы, ваши кровные товарищи по классу и оружию, товарищи по совместной борьбе [...] День расплаты с врагом настал [...] Не идите на этот кровавый обман, а вставайте на борьбу [...] чтобы вместе с Красной Армией окончательно добить его (врага. – Н.З.) и поднять над г. Севастополем победоносное Красное Знамя...»³.

Написанная В.Д. Ревякиным и Г.П. Гузовым от руки на листах ученической тетради в количестве 25 экземпляров, эта листовка возвестила о создании в Севастополе подпольной организации, вселила в жителей оккупированного города веру в победу над фашизмом, призвала к продолжению борьбы с ним.

Началась работа по привлечению людей в организацию.

Однажды к Ревякину прибежал запыхавшийся Толя Лопачук, сын тётки Наты, сообщил, что в лагере военнопленных он увидел Ивана Пиванова, однополчанина Василия Ревякина, и их общую знакомую Наташу Величко. В тот же день Толя передал Наташе записку от Ревякина. Так была установлена связь с лагерем военнопленных в Лазаревских казармах. Через несколько дней Иван Пиванов бежал из лагеря вместе со своими друзьями Михаилом Пахомовым, Кузьмой Анзиным, Михаилом Балашовым. Они некоторое время укрывались у тётки Наты, а затем – на Лагерной улице, в доме 2, где семья Михеевых предоставила им укрытие, одежду, питание. Николай Михеев знакомит Василия Ревякина со своими друзьями Костей Белоконом и Александром Калгановым. Так складывается ядро КПОВТН, штаб подполья.

В один из весенних дней Ревякину принесли листок бумаги, в котором неизвестный автор призывал жителей города оказывать сопротивление гитлеровцам, помогать военнопленным: «Мы обращаемся к вам в надежде быть ещё полезными Родине и нашему народу. По возможности сопротивляйтесь. Всё случившееся страшно, но так долго не будет. Наши помогут нам...»⁴. Подпись: «Севастопольский Николай». «Значит, в городе действуют и другие подпольщики! Необходимо с ними связаться!» – решил Ревякин.

¹ МГООС. Ф. А-598 (КП-1891). Л. 1 об. Дневник Орловского (В. Ревякина).

² Там же. Л. 2–3.

³ МГООС. Ф. А-598 (КП-1891). Л. 4 об. Листовка «Воззвание к трудящимся г. Севастополя» 21 марта 1943 г.

⁴ Там же. НВ-8313. 1942 г. Листовка.

Члены штаба КПОВТН (копия). Из личного архива
Н. Ф. Задорожной

Анзин Кузьма
Максимович

Белоконь
Константин
Никитович

Пахомов
Михаил
Иванович

Пиванов Иван
Петрович

В это время в городе разрозненно действовало 17 подпольных патриотических групп: в Инкермане (Ф. Поцелуева, П. Малых, Ф. Деев, И. Колесенко, П. Петровский и др.), на Северной стороне (В. Пьеро, М. Фетисов, А. Крогулецкий и др.), в центре города (группа Белова), в Балаклаве. Подпольщики развернули свою работу в больнице для городского населения, в санэпидстанции.

Подпольную патриотическую группу в лагере военнопленных в Лазаревских казармах возглавлял бывший работник горкома партии Николай Игнатьевич Терещенко. До последних дней обороны он руководил эвакуацией предприятий, учреждений, жителей осаждённого города. Сам эвакуироваться не успел и оказался в лагере военнопленных в Лазаревских казармах, назвавшись Михайловым. Именно его листовку и принесли В. Ревякину.

Весной 1943 г. судьба свела Василия Ревякина с Галиной Прокопенко. Во время Гражданской войны она вместе с мужем, командиром 40-го особого полка Богучарской дивизии, и годовалой дочкой Валей на руках сражалась в подполье на Воронежской земле, была разведчицей. Перед войной Галина Васильевна приехала в Севастополь, работала завмагазином, бухгалтером в системе Военфлотторга до последних дней обороны. В июле 1942 г. вместе с дочерью и подругой Еленой Тютрюмовой в районе Херсонесского маяка попала в плен. Выходя из-под скал, Галина сказала: «Ну, девочки, умрём с высоко поднятой головой, не дождутся фашисты от нас просьб о пощаде»¹. Через несколько дней они бежали из лагеря военнопленных. В декабре 1942 г. Галина Прокопенко стала членом подпольной группы Н. Терещенко. Весной 1943 г. она поселилась на Лабораторной улице (ныне – улица Подольцева) и в апреле познакомилась Василия Ревякина с Николаем Терещенко.

В апреле – мае 1943 г. в районе дома Анненкова (ныне – здание торгового центра ГУМ на ул. Маяковского), на Базарной площади, где Терещенко работал с группой военнопленных на немецких складах, проходит несколько коротких встреч двух организаторов подполья, во время которых они договариваются о ведении совместной борьбы. Листовки теперь печатает Нина Николаенко в доме 36 по 6-й Бастионной улице; печатают их в доме В. Ревякина на пишущей машинке, которую из двух разбитых машинок, найденных Г. Гузовым и В. Ревякиным в развалинах в районе Царской

¹ МГООС. НВ-1897. Л. 3. Воспоминания Е. И. Тютрюмовой.

пристани, собрал Леонид Стеценко, работавший тогда в единственной действовавшей в городе часовой мастерской, на Большой Морской улице. Листовки подпольщиков обращены к молодёжи, военнопленным, к немецким солдатам и офицерам, полицаям. Их тираж увеличивается до 150–200 экземпляров.

Галина Васильевна
Прокопенко.
1940 г. (копия).
Из личного архива
Н. Ф. Задорожной

Николай Игнатьевич
Терещенко.
1939 г. (копия).
Из личного архива
Н. Ф. Задорожной

Летом – осенью 1943 г. происходит объединение с группой подпольщиков, действовавшей в мастерских Военморпорта под руководством инженера Павла Даниловича Сильникова. Уроженец Харькова, он в 1935 г. приехал в Севастополь. Работал механиком группы катеров и барж в Военморпорту. В первые дни оккупации прошёл регистрацию и был направлен на работу инженером на «Верфь», где ремонтировались немецкие и румынские суда, баржи.

Ещё в ноябре 1942 г. Павел Сильников на квартире Г. Максюка вместе с его сыном Андреем собрал из старых запчастей радиоприёмник, по которому начали прослушивать сводки Совинформбюро, а потом распространяли их в своих листовках среди рабочих «Верфи». Это были первые листовки в оккупированном Севастополе.

В сентябре – октябре 1943 г. члены группы П. Сильникова подписывают клятву, становятся членами КПВТН.

В следующем месяце, после побега из лагеря военнопленных, Николай Терещенко передаёт свою группу под непосредственное руководство В.Д. Ревя-

кина. Так создаётся крепкая подпольная организация со своим Уставом, программой, дисциплиной, строгой системой конспирации. Она объединила в своих рядах более 200 человек.

Так зарождалось Севастопольское подполье...

Василий Ревякин мучительно ищет пути расширения агитационной работы среди населения оккупированного Севастополя. «Нужна газета – боец и организатор. Она необходима как воздух»¹, – записал в своём дневнике Саша Орловский тёплой майской ночью 1943 г. И вскоре долгожданная мечта осуществилась.

По предложению Ревякина типографию оборудовали в его доме под полом кухни. Ночами В. Ревякин, М. Пахомов, К. Анзин и М. Балашов рыли со стороны двора яму глубиной 1,5 м, шириной 1,3 м.

Первый радиоприёмник для подпольной типографии купил за 3000 руб. Георгий Гузов. Его в разобранном виде хранили в доме Михеевых, в таком виде переносили на Сапунскую улицу, к рабочему железнодорожной станции Никонову, собирали, прослушивали и записывали сводки Совинформбюро, снова в разобранном виде ночью доставляли в дом Михеевых или Калгановых.

Однажды Костя Белоконь зашёл к своему знакомому Ивану Кравцу, увидел у него в углу ящик с типографским шрифтом.

- Где достал столько свинца?
- Шрифт у румын стащил, хочу его переплавить и обменять на хлеб.
- Не стоит возиться, у меня есть знакомые рыбаки, бедствуют очень без свинца, для сетей им очень нужен.
- Ну, что же, пусть купят, продам².

Так в штаб подполья был доставлен первый шрифт для подпольной типографии. Другую часть шрифта Иван Пиванов и Наташа Величко обнаружили во дворе жандармерии. Позже они доставили его в противогазных сумках в штаб подполья.

10 июня 1943 г. вышел первый номер газеты «За Родину!». Газета тиражом 300–400, а иногда 500–600 экземпляров стала регулярно, два-три раза в месяц, появляться в городе. Она несла правду жителям города, оказавшимся в оккупации, вселяла веру в победу Красной Армии, призывала к борьбе. Газета

¹ МГООС. Ф. А-598 (КП-1891). Л. 10. Дневник Орловского (В. Ревякина).

² ГКУ РК ГАРК. Ф. Р-156. Оп. 1. Д. 66. Л. 28. Воспоминания Н. Михеева. 1945 г.

расходилась мгновенно, передавалась из рук в руки, зачитывалась до дыр.

8 ноября 1943 г. В. Ревякин сделал радостную запись в своём дневнике: «Наши сухари весь город разбирал и с жадностью поглощал [...] Население готово встретить праздник боевыми делами»¹. А другая активная участница подполья, Елена Ивановна Тютрюмова, после войны вспоминала: «Газета была маленькая, но это была наша большая победа»².

Набор всех номеров подпольной газеты осуществляла Женя Захарова, уроженка Севастополя. Отец её был скульптором. Когда оккупанты заставили его делать памятники на могилах немецких солдат и офицеров, Семён Митрофанович ушёл пешком из города. По дороге заболел и умер. До войны Женя работала наборщицей в типографии газеты «Красный черноморец» (с 15 августа 1947 г. – «Флаг Родины»).

Георгий Петрович
Гузов – редактор
газеты «За Родину!».
1940 г. (копия).
Из личного архива
Н. Ф. Задорожной

Евгения Семёновна
Захарова – наборщица
подпольной типографии.
1940 г. (копия).
Из личного архива
Н. Ф. Задорожной

Василий
Григорьевич Горлов.
1942 г. (копия).
Из личного архива
Н. Ф. Задорожной

мывая, согласилась работать в подпольной типографии, когда ей это предложение при встрече сделала Г.В. Прокопенко в мае 1943 г. С июня 1943 г. она стала наборщицей в подпольной типографии. Днём – в типографии городской управы, а ночами – в подпольной типографии. Улита Арсентьевна вспоминала: «...Придёт с работы и пять минут не посидит – бежит в подпольную типографию. “Куда же спешишь так, посиди”, – скажешь, бывало. Остановится, улыбнётся светло так и ответит: “Не могу. Каждая минута дорога сейчас...”»³.

На поиск подпольной типографии был брошен весь сыскной аппарат: немецкая и румынская жандармерия, агенты СД, ГФП (тайной полевой полиции), русская полиция. Тому, кто укажет место расположения подпольной типографии, германское командование гарантировало награду в 50 000 рублей, полное обеспечение продовольствием, сохранение тайны информации. Но все усилия ни к чему не приводили. Последний, 25-й номер газеты вышел 8 марта 1944 г.

Объединение подпольных групп в единую организацию позволило её штабу значительно активизировать диверсионную работу. С весны – лета 1943 г. она становится одним из главных направлений боевой деятельности КПОВТН. Диверсионная группа к концу 1943 г. насчитывала более 60 человек. После побега из лагеря военнопленных 29 октября 1943 г. её возглавил Н.И. Терещенко.

Об этом решении штаба руководитель подполья 7–8 ноября 1943 г. записал: «...А в 2.00 дня понедельника ходил на свидание к руководителю группы Н-Кв. Он покинул уже свой рай и живёт, где придётся [...] Х-м было дано целый ряд указаний, за осуществление которых и взялась эта компания...»⁴.

По воспоминаниям матери Жени Улиты Арсентьевны, когда в Севастополь пришли фашисты, девушка почти два месяца травила руки и ноги кислотой, чтобы не отрабатывать трудовую повинность. Во второй половине августа 1942 г. она прошла регистрацию и получила направление на работу наборщицей в типографию городской управы. Женя, не разду-

¹ МГООС. Ф. А-598 (КП-1891). Л. 13 об. Дневник Орловского (В. Ревякина).

² Там же. НВ-4355. Воспоминания Е.И. Тютрюмовой. 1980 г.

³ МГООС. НВ-4355. Личное дело Е.С. Захаровой; Газета «Красный черноморец». 1944. 10 августа.

⁴ Там же. Ф. А-598 (КП-1891). Л. 14. Дневник Орловского (В. Ревякина).

Заместителем Николая Терещенко стал Василий Горлов, к тому времени также бежавший из лагеря военнопленных.

До войны – повар в южнобережных санаториях. Уходя на Черноморский флот в июле 1942 г., прощаясь с семьёй, остававшейся в Алушке, он сказал: «Ну, что ж, повоюем! Или грудь в крестах, или голова в кустах!»¹ В последние дни обороны он возглавил группу из 10 краснофлотцев, которые до 11 июля 1942 г. сражались в районе 35-й батареи. Ранен в грудь. Несколько раз безуспешно пытался прорваться в лес к партизанам. А потом был плен. Лагерь военнопленных на горе Матюшенко, затем – в Лазаревских казармах. На сильного, богатырского сложения матроса обратил внимание Н.И. Терещенко. По заданию подполья Василий Горлов стал в лагере полицейским, чтобы иметь возможность легально ходить по городу, узнавать ночные пароли, проносить в лагерь листовки КПОВТН и газету «За Родину!», организовывать побеги товарищей. Вокруг этого человека и собрались дерзкие и отчаянные люди. Они действовали всюду: в порту, на железной дороге и немецких складах, почти на всех предприятиях, в немецких воинских частях. На железной дороге работали: учётчиком вагонов – Виктор Кочегаров, электриком – Миша Шанько, табельщицей – Лида Осипова. Они узнавали и сообщали в штаб подполья график движения поездов, о грузах, их назначении и времени отправки. Ночами, учитывая, что охрана садится в головной и хвостовой вагоны, подпольщики подбирались к полотну дороги, прыгали на подножки вагонов и, забираясь внутрь, сбрасывали грузы: продовольствие, оружие, одежду. Всё похищенное до рассвета доставлялось на конспиративные квартиры. Их в распоряжении подпольщиков было более 50. Семьи Киселёвых, Костиковых, А.П. Проколий, В.К. Радовой, Е.В. Висикирской, Е.П. Ленюк рисковали жизнью детей, предоставляя свои дома в распоряжение подпольщиков. В их домах укрывались бежавшие из лагерей военнопленные, находились склады и тайники с оружием, продуктами питания.

28 октября 1943 г. Севастополь погрузился в темноту. Это группа Н. Терещенко взорвала паровые котлы на электростанции.

С лета 1943 г. группа П.Д. Сильникова усилила диверсионную деятельность в судоремонтных ма-

стерских. В Северной бухте сожжён катер, в Южной бухте – две казармы, шкиперский склад и баржа, с двух катеров сняты моторы и потоплены в море.

В ночь на 7 ноября над бухтой взметнулось багровое пламя. Наутро по всему городу стало известно: взорвано и потоплено транспортное судно «Орион», только что вышедшее из ремонта. Это сделали члены группы П.Д. Сильникова Николай Матвеев и Константин Фёдоров – пленные водолазы, работавшие на «Верфи».

В ночь с 22 на 23 декабря 1943 г. снова вздрогнула земля Севастополя и небо озарилось красным заревом, а в окнах домов на Корабельной стороне вылетели стёкла. Это подпольщики-железнодорожники взорвали эшелон с боеприпасами и три цистерны с горючим.

Диверсионная деятельность подпольщиков была направлена не только против оккупантов, но и против тех, кто сотрудничал с ними, служил им верой и правдой. Так, по заданию штаба КПОВТН, Михаил Фетисов пригласил на вечеринку в дом 28 по Комсомольской улице (хозяйка – Е. Сливенко) начальника 2-го отделения полиции (Корабельная сторона) Н. Леонтьева. Эта вечеринка оказалась для него последней. В подготовке и проведении этой операции принимал участие начальник паспортного стола 2-го полицейского отделения К.А. Фок. Врач железнодорожной поликлиники Семён Момот получил задание отравить начальника станции полковника Филя: зверствовал он на станции, забил плёткой не одного рабочего. Яд, подсыпанный Семёном Момотом в спиртное, прекратил зверства Филя над рабочими.

Организация активно готовилась к встрече Красной Армии. В сентябре 1943 г. был разработан и доведён до каждого члена КПОВТН «План действий на случай высадки десанта Красной Армии в районе Севастополя». Согласно этому плану, каждая боевая пятёрка КПОВТН получила конкретное задание: препятствовать разрушению уцелевших предприятий, сеять панику среди отступающих фашистов, создавать пробки на дорогах и коммуникациях, вступать в уличные бои. Поэтому каждая боевая пятёрка должна была иметь на вооружении для уличных боёв гранаты, пистолеты, винтовки, а также красный флаг. Снабжение подпольщиков оружием возлагалось и на молодёжную группу – Диму Хилько, Бориса Архипова, Виталия Мухина и Леонида Костикова. Ребята уже давно собирали на местах боёв автоматы, карабины, пулемёты, сносили в пещеру на Кузнечной улице; под руковод-

¹ МГООС. Ф. А-598 (КП-1891). Личное дело В. Горлова. Биография В. Горлова, записанная сыном Евгением со слов матери.

ством лейтенанта Владимира Громова, бежавшего из фашистского лагеря, ремонтировали это оружие и передавали подпольщикам.

По заданию штаба КПОВТН участники подполья работали более чем на 50 предприятиях и немецких объектах: в типографии городской управы – Женя Захарова, начальником полиции Северной стороны – Владимир Пьеро, полицаем – Владимир Марченко, начальником паспортного стола Корабельной стороны – Кондрат Фок, уборщицами в морской комендантуре и жандармерии – Галина Прокопенко и Елена Тютрюмова, кухонной рабочей в СД – Мария Глебова, статистом на бирже труда – Мария Гаврильченко, шофёрами в немецкой воинской части – Карп Горбатенко, Иван Пиванов и Наташа Величко. Рискуя жизнью, они собирали ценные разведданные о расположении оборонительных укреплений, батарей, штабов воинских частей, о планируемых в городе карательных операциях и облавах, составляли списки предателей и агентов СД, засылаемых гитлеровцами на предприятия и в учреждения. В те дни Ревякин с болью сделал в дневнике очередную запись: «Как жаль, что не в состоянии сделать большего. Вот бы связь...»¹. Штаб подполья готовит дерзкую и смелую операцию.

В первых числах февраля 1944 г. Иван Пиванов, проходя мимо Наташи Величко, сидевшей за рулём, шепнул: «Посетишь Корабельный спуск, дом 2. Пароль “Штык”, отзыв “Граната”».

В тот же день, проезжая по Корабельному спуску, девушка незаметно перекрыла бензин. Машина остановилась. «Мотор забарахлил, сейчас устраним», – сказала она с улыбкой немцу-конвоиру и открыла капот. Конвоир отошёл за недостающим инструментом. К Наташе быстро подошёл вихрастый паренёк и после обмена паролем бросил на ходу: «Корабельный спуск 2 – 12». Это означало, что нужно пригнать машину на Корабельный спуск в 2 часа дня 12 февраля².

Группу из 13 человек готовили для отправки в лес две недели. Снабдили их оружием, медикаментами и продовольствием. Подпольщики должны были пробиться к партизанам и через них установить связь с командованием Красной Армии. Собравшиеся в доме Макаровых подпольщики за считанные

секунды погрузились в крытую машину, доставленную Наташей Величко по указанному адресу. В ста метрах маячила фигура полицейского. Грузовик рванул с места. На 17-м километре Ялтинского шоссе неожиданно появилась чёрная машина, а вокруг – полевые жандармы. Один из них поднял руку, требуя остановиться. «Жми!» – отрывисто бросает Владимир Марченко, сидевший в полицейской форме рядом, и Наташа изо всех сил давит на газ, проскочив мимо ошеломлённых гитлеровцев. А потом была погоня. Оторвавшись от преследователей, Наташа сбавляет скорость и кричит: «Прыгайте! Живее!», а затем сама покидает кабину³. Подъехавшие фашисты встречены огнём автоматов и гранатами. В пылу боя подпольщики группами скрываются в лесу. Пять суток блуждания по заснеженному лесу, уход от погони...

17 февраля 1944 г. партизанский секрет 7-й бригады Южного соединения партизан Крыма задержал в лесу двух оборванных, голодных, полуобмороженных мужчин. Они назвали себя: Владимир Громов и Василий Осокин, члены подпольной организации Орловского из Севастополя, посланы на связь с Красной Армией. Через несколько дней подошли и остальные, уходившие в лес. Часть из них осталась в партизанском отряде, а В. Громов и В. Осокин были переведены в разведотряд штаба ЧФ «Сокол», действовавший в горах Крыма под командованием капитан-лейтенанта А.А. Глухова. Заинтересованный в постоянной резидентуре в Севастополе, А.А. Глухов отправляет прибывших подпольщиков в город на связь к Орловскому.

7 марта. Поздно вечером в калитку дома 46 по Лабораторному шоссе постучали. Стук был условный. Открыла Лида и сразу же с радостью бросилась в дом, следом за ней вошли Громов и Осокин. На встречу из типографии поднялись Василий Ревякин и Георгий Гузов, готовившие 25-й номер газеты «За Родину!». Радости встречи не было конца. Проговорили до самого утра. Наконец-то установилась долгожданная связь!

10 марта. На рассвете Ревякин провожал из своего дома Константина Белокопя, Василия Осокина, Кузьму Анзина, Алексея Воронова, Василия Горлова, Владимира Громова и Людвиг Шпурника. Они уходили к разведчикам ЧФ, унося пакет с разведданными и подписками подпольщиков «работать на совершенный секретный орган ЧФ». В горах разыгралась метель,

¹ МГООС. Ф. А-598 (КП-1891). Л. 13 об. Запись в Дневнике Орловского (В. Ревякина) за 7–8 ноября 1943 г.

² ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 1. Д. 47. Выступление Н.С. Величко на расширенном заседании учёного совета Музея героической обороны и освобождения Севастополя. 1968 г.

³ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 1. Д. 47. Выступление Н.С. Величко...

пошёл снег. Продвигались очень медленно. И вдруг – румынская засада. Завязался бой. Раненный в ноги Василий Горлов крикнул: «Отходите, я прикрою! Это приказ!»¹ Оторвавшись от преследователей, подпольщики вышли к подножию высокой гряды. Измученные, обессиленные люди не могли нести через хребет заболевшего Людвиг Шпурника. Было решено оставить его в заброшенной партизанской землянке и идти за помощью. Но помощь опоздала. Румынские части, прочёсывавшие лес, обнаружили подпольщика раньше партизан и увезли его на допрос в жандармерию в Бахчисарай. пыток он не выдержал...

14 марта 1944 г. В 2 ч ночи к дому 46 на Лабораторном шоссе подъехала машина с 30 гестаповцами. Василий Дмитриевич Ревякин был арестован. Шеф СД Майер, не допрашивая Ревякина, сразу же увёз его в Бахчисарай на очную ставку со Шпурником, и тот подтвердил, что это Орловский, руководитель организации.

Далее события развивались стремительно. В 6 ч утра к Е.В. Висикирской прибежала Г.В. Прокопенко и сообщила, что ночью арестован Саша².

15 марта. В коридоре СД произошла встреча В. Ревякина с Марией Глебовой, работавшей кухонной рабочей. Позже она вспоминала: «Он сидел в ожидании вызова к допросу. Я стала брать дрова на кухню. В это время мне Ревякин сказал: “Сходи ко мне домой и предупреди, чтобы спрятали патроны, проводку, бумагу”»³.

16 марта. По свидетельству А. Лопачука, Шпурник вместе с карателями прибыл к дому Василия Ревякина и указал место нахождения подпольной типографии, тайников, складов с оружием. «Из дома были вынесены 4 ящика со шрифтом, 3 заряженных аккумулятора, радиоприёмник, пишущая машинка. В этот же день арестован на работе Иван Пиванов»⁴.

17 марта. Днём арестована Лида Нефёдова.

18 марта. Расстреляна член КПОВТН Людмила Осипова⁵.

20 марта. Расстреляны члены молодёжной группы КПОВТН В. Мухин, Б. Архипов и Д. Хилько.

20–23 марта. Прошли обыски и аресты в домах А. Мякоты, А. Сорокина, Н. Жуковой и А. Проколий⁶.

29 марта. Днём раздался стук в калитку дома подпольщицы Е.П. Ленюк, у которой скрывался Н.И. Терещенко. В своих воспоминаниях она свидетельствует, что на стук никто не вышел. И тогда раздался голос Людвиг: «Николай, открой, партизаны пришли»⁷. Н.И. Терещенко, зная, что Людвиг был отправлен в лес, поверил ему и вышел. Его схватили.

30 марта. Нелли Велиева и другие девушки с Лабораторной улицы были приглашены «на пироги» в чешскую воинскую часть, размещавшуюся на территории продовольственных складов ЧФ. «Танцы были в разгаре, когда перед воротами части остановилась машина с гестаповцами. На требование гестаповца выдать Нелли командир чешской части ответил: “Она наша гостья, а мы гостей не выдаём. Будет дома, тогда и арестовывайте”. Нелли предложили бежать, согласились помочь ей укрыться. Но на это предложение она твёрдо ответила: “Если я не вернусь, они расстреляют маму и Рефата (брат. – Н.З.)”. Дома её ждала засада»⁸. Пытали Нелли жестоко. Очевидцы рассказывали: «Нелли бьют, она стонет, а следователь на гитаре играет. Упадёт, польют водой, опять бьют. Никого не выдала Нелли...»⁹

Нелли Керимовна
Велиева.
1941 г. (копия).
Из личного архива
Н.Ф. Задорожной

¹ Фонды МГООС. Т. 13. С. 296. Воспоминания К. Белоконь.

² МГООС. Ф. НВ-9422. Л. 38. Воспоминания Е.В. Висикирской.

³ Архив ГУ СБУ в АРК (по сост. на 2019 г. – Архив расформирован). Д. 1922. Л. 47, 48.

⁴ Фонды МГООС. Т. 44. С. 22. Воспоминания А. Лопачука.

⁵ Книга памяти города-героя Севастополя. Т. 1. Симферополь, 1994. С. 601.

⁶ Архив ГУ СБУ в АРК. Д. 248. Л. 117.

⁷ МГООС. НВ-4305. Т. 1. С. 77. Воспоминания Е.П. Ленюк.

⁸ Там же. НВ-10052. Воспоминания Н. Поповой.

⁹ Фонды МГООС. Т. 13. С. 204. Рассказ А. Копыловой в записи капитана Суковского.

Женя Захарова в те тревожные дни ночевала у подружки на улице 1905 года. 31 марта она поднялась с постели и торопливо начала собираться домой. Подруга уговаривала её не делать этого, но Женя, сославшись на то, что дома больные мама и брат и их могут убить, ушла. Как только она появилась дома, нагрянули гестаповцы. Проходя мимо матери, Женя успела шепнуть: «Сохрани мою хлебную карточку»¹. Улита Арсентьевна поняла: речь идёт о комсомольском билете. Она выполнила последнюю просьбу дочери. После освобождения Севастополя передала её комсомольский билет в музей КЧФ.

Подпольщики выдержали почти месяц нечеловеческих мук, истязаний, пыток, многочасовых допросов и очных ставок. На допросах и очных ставках Ревякин, пытаясь спасти своих товарищей, упорно отвечал: «Нет», «Не знаю», «Не был», «Не участвовал». К чему были обращены их думы в те дни? Вот несколько строчек из записок, чудом дошедших до родных из застенков гестапо.

Нелли Велиева – матери: «Мамочка! Прости меня за всё! Береги Рефата, а придёт время, вспомните меня. Целую крепко. Твоя Неля». Любимому человеку: «Дорогой мой Вика! Прости меня! Умру, тебя любя, но их никого никогда не выдам. Целую пылко, твоя Нелли»².

Женя Захарова – матери: «Мамочка моя родная, здравствуй! По ночам гудит земля. Это идут наши. Жаль, нас уже не будет... Как хочется жить! Мне ведь только 20. Но я не жалею. Лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Прощай. Помни свою Женьку»³.

Когда в мае 1944 г. в Юхариной балке вскрыли захоронение, в кармане брюк у подпольщика Панфилова нашли дощечку, на которой было нацарапано: «Не сознался, ничего не сказал».

Лида Нефёдова в момент ареста переживала последние дни беременности. Участники подполья, врачи городской больницы В.И. Иванов и В.Е. Шевалёв, решили облегчить её участь. Они добились

её перевода из тюремной камеры в инфекционное отделение городской больницы, как заболевшей тифом. Иванов вспоминал: «Так как нам всем было совершенно очевидно, что её расстреляют, мне пришла в голову мысль спасти хоть ребёнка, сделал Лиде специальную операцию. Нашлась и женщина, которая изъявила желание взять ребёнка себе. Но осуществить эту мысль не удалось, так как скоро приехали жандармы и увезли её. Конечно, увезли на расстрел...»⁴. По воспоминаниям матери, «на допросах Лида держалась стойко, уверенно. Когда её повели на расстрел, она сказала всего несколько слов: «Я знаю только то, что жила я правильно...». В своей последней записке Лида сообщает матери: «...Приходите, т.к. я не знаю, может и расстреляют. Дело у него серьёзное. Самое главное, приходите. Целую крепко всех. Лида»⁵.

Их расстреляли в Юхариной балке на 5-м км Балаклавского шоссе ранним апрельским утром. До освобождения Севастополя оставалось 20 дней...

Памятник «Борцам подполья» на братской могиле подпольщиков на кладбище Коммунаров. Открыт 5 августа 1963 г. Автор – заслуженный художник УССР С.А. Чиж, архитектор А.Л. Шефер (копия). Из личного архива Н.Ф. Задорожной

¹ Фонды МГООС. Газета «Слава Севастополя». 1945. 6 марта. Воспоминания У.А. Захаровой.

² МГООС. А 21956 (КП-63133). Личное дело Н. Велиевой.

³ Там же. Личное дело Е.С. Захаровой. Б/н (этот документ на момент исследования не имел номера по книге поступлений).

⁴ МГООС. А-292 (КП-1291).

⁵ Там же. НВ-21137/1. Воспоминания В.И. Иванова.

В 1965 г. В.Д. Ревякину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. П.Д. Сильников и Н.И. Терещенко посмертно были награждены орденами Ленина. В последующие годы 60 участников подполья награждены орденами и медалями СССР.

Имена севастопольских подпольщиков живут в названиях улиц и площадей. В посёлке Каменка Симферопольского района одна из улиц носит имя Н. Велиевой. В селе Оборонное – улица М. Балашова. В Севастополе есть улицы П. Сильникова, Н. Терещенко, Г. Прокопенко. Площадь и улица в районе автовокзала названы именем В.Д. Ревякина.

14 апреля 2009 г. XIV сессия Севастопольского горсовета приняла решение о присвоении новым

улицам имён участников подпольно-партизанского движения. В Гагаринском районе – А. Хамадана, в Нахимовском – Юры Рацко, Виктора Калганова, Владимира Шевалёва, Евгении Захаровой и Тamarы Смоленской. Имя руководителя подпольной организации – В.Д. Ревякина было присвоено рыболовецкому траулеру (порт приписки – Новороссийск), школе № 16 г. Севастополя, педагогическому институту и улице в г. Балашове Саратовской области.

С 1967 г. в доме, где в период оккупации жили Василий Ревякин и Лида Нефёдова, находились штаб и типография подполья, работает мемориальный Дом-музей севастопольских подпольщиков 1942–1944 гг.

М.Г. Соловьёва

Подвиг длиною в жизнь. По документам фондов личного происхождения М.Г. Байсака и П.М. Рогачёва в Архиве города Севастополя

Оборона Севастополя 1941–1942 гг. вписала яркую страницу в историю борьбы советского народа за победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военные историки рассматривают её события как образец длительной активной обороны крупного промышленного центра и военно-морской базы, оказавшейся в глубоком тылу противника. В самый трудный для Советского Союза период войны, когда гитлеровцы пытались захватить Мурманск, задушить в блокаде Ленинград, рвались к Москве, овладели большей частью Донбасса, пробивались к берегам Волги и к кавказской нефти, защитники Севастополя за 250 огненных дней и ночей, израсходовав все ресурсы для ведения обороны, чётко выполнили задачу командования – сковали на 8 месяцев значительные силы немецко-румынских войск, нанесли им большой урон (около 300 тыс. убитыми и ранеными), расстроили планы германского командования на южном стратегическом направлении и задержали продвижение противника к Волге и на Кавказ.

Начиная с 1960-х гг. севастопольские архивисты постоянно проводили целенаправленную кропотливую работу с организациями и учреждениями, участниками Великой Отечественной войны, членами

их семей по сбору документов о подвиге Севастополя и севастопольцев в годы войны. В результате в ГКУ «Архив города Севастополя» (далее – ГКУ АГС) был сформирован уникальный фонд – «Коллекция документов о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в котором по состоянию на 2019 г. насчитывалось 765 дел: рукописные и машинописные тексты воспоминаний, выступлений, докладов, переписка, фотографии и другие документы со сведениями о событиях, участниках обороны, с описанием боевых действий частей и соединений Севастопольского оборонительного района, деятельности городского комитета обороны, предприятий, организаций, учреждений Севастополя.

Одно из самых больших собраний документов (впоследствии из него было сформировано 149 дел) передал в Севастопольский архив капитан 1-го ранга в отставке Михаил Григорьевич Байсак. Рукописи книг, журнальные публикации, газетные статьи, письма ветеранов морской пехоты с воспоминаниями, переписка по вопросам реабилитации числившихся пропавшими без вести защитников Севастополя, списки ветеранов 8-й бригады морской пехоты с адресами проживания в послевоенный период, фронтовые письма, фотографии и другие

бесценные свидетельства о войне составляют фонд М.Г. Байсака¹.

Призванный на флот по комсомольскому набору в 1940 г., Михаил Григорьевич отдал службе около 30 лет жизни, пройдя путь от краснофлотца до капитана 1-го ранга. И на пути этом были испытания обороной Севастополя в составе различных формирований морской пехоты Черноморского флота (1-го Севастопольского полка, 8-й бригады), обороной Кавказа, десантом на Малую Землю. Боевые заслуги М.Г. Байсака были отмечены 18 государственными наградами. После выхода в отставку в 1968 г. «морпех» Байсак продолжил свою службу Родине и флоту, теперь на поприще общественной, литературной деятельности².

Он являлся организатором и активным участником Декад Памяти героев обороны Севастополя, военно-исторических конференций, празднования юбилейных дат, связанных с историей Великой Отечественной войны. Велик вклад Михаила Григорьевича в дело реабилитации защитников Севастополя, которые, до конца выполняя свой долг, в последние дни обороны оказались в немецком плену, не только прошли все круги ада в фашистской неволе, но и подверглись общественному, историческому забвению после возвращения на Родину. Долгие годы капитан 1-го ранга в отставке М.Г. Байсак боролся за возвращение из небытия имён севастопольских героев, погибших в застенках немецкого лагеря № 338 в Кривом Роге и считавшихся после войны пропавшими без вести³.

О своём личном героизме, мужестве и отваге, проявленных в боях за Севастополь, Михаил Григорьевич писал мало. Раскрывает некоторые детали составленная 5 января 1941 г. характеристика «на кандидата ВКП(б) Байсака Михаила Григорьевича рождения 1921 г., по социальному положению – служащий, по происхождению – из крестьян, по национальности – украинец...». В стилистике описания эпизодов боевой деятельности заместителя политрука 9-й роты 3-го батальона 1-го Севастопольского морского полка Байсака отчётливо прослеживается характерный южноукраинский говор.

Капитан 1-го ранга в отставке М.Г. Байсак (у микрофона) выступает на митинге по случаю торжественного открытия знака «Памятное место боёв частей и соединений 3-го сектора обороны». Севастополь. 13-й км Симферопольского шоссе. 1991 г. ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 12. Д. 75. Л. 63

«...При получении ротой задачи разведать силы и расположения противника в х[уторе] Черкес-Кермен т. Байсак добровольно взялся выполнять эту задачу. Вместе с пятью бойцами вышли в разведку, хутор ими был достигнут, силы и расположения противника узнали. По обратному пути вместе с бойцами попали в окружение противника. Тов. Байсак своей организованностью, храбростью и мужеством решил вывести бойцов с окружения и доставить ценные сведения в срок во что бы то ни стало. Вместе с бойцами окопы противника забросал гранатами, с окружения вышли, сведения были доставлены в срок. При сильном арт[иллерийском] и мин[омётном] огне противника телефонная линия 1-й пушки была перебита, т. Байсак под ураганным огнём, не дожидаясь указания, на расстоянии 50 м направил линию, связь была установлена, пушка обратно начала продолжать громить врага...»⁴.

¹ ГКУ «Архив города Севастополя» (ГКУ АГС). Ф. Р-434. Оп. 12.

² Там же. Д. 23. Л. 1.

³ Там же. Д. 32.

⁴ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 12. Д. 23. Л. 2.

Ветераны 8-й бригады морской пехоты на месте последних боёв за Севастополь в дни Декады Памяти, посвящённой 50-летию начала обороны Севастополя. Севастополь, м. Херсонес. Октябрь 1991 г. ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 12. Д. 75. Л. 29

В 1982 г. в Краснодарском краевом книжном издательстве вышла книга М.Г. Байсака о подвигах его боевых товарищей – морских пехотинцев: документальная повесть «Матросы идут по земле»¹, удостоенная вскоре литературной премии им. А. Фадеева Краснодарской краевой организации Добровольного Общества любителей книги РСФСР. Книга вызвала многочисленные отклики, взволновала читателей, дала толчок к активной переписке с тысячами участников обороны Севастополя, членами их семей, которую автор вёл до конца жизни. Только отзывы, отклики на книгу М.Г. Байсака, поступившие в 1982–1983 гг., составили четыре отдельных дела².

Поздравляя боевого товарища с вручением литературной премии им. А. Фадеева, однополчанин М.Г. Байсака Александр Веденеев (г. Александрия Кировоградской области) писал: «Ты, Миша, выстрадал эту премию ещё как герой легендарного Севастополя, где пролиты твои несколько капель крови. Твои, Миша, “Матросы” идут по советской земле, призывая к мужеству, учат отваге и благородству, борьбе со злом и особенно беззаветной любви к Родине. В лице читателей ты, Миша, стал их адмиралом, точнее – адмиралом морских пехотинцев!..»³

¹ Байсак М.Г. Матросы идут по земле. Краснодар, 1982.

² ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 12. Д. 19–22.

³ Там же. Д. 20. Л. 1.

О последних днях обороны, о том, как отбивались защитники от наседавшего противника, прижатые к скалам в районе Херсонесского маяка, прочитав мы в письме-отклике на книгу «Матросы идут по земле», присланном из Никополя в феврале 1983 г. боевым товарищем Михаила Григорьевича, Владимиром Климовичем. В подарок другу на день рождения он прислал три стихотворения. «В них есть некоторые вольности и неточности, но зато нет ненужной поэтической “воды”, – писал другу В. Климович, – то есть воды хватает – солёной: море и слёзы. Но это – правда. Я и сам, когда в колонне пленных шагал от удалявшегося Севастополя, плакал и не стеснялся слёз. Да и не я один...»⁴.

Воспроизведём лишь одно из этих стихотворений, написанных ветераном под впечатлением от прочтения книги «Матросы идут по земле».

26 февраля 1983 г.

Дрались матросы упорно и смело,
Но многочисленный всё же был враг,
Мало патронов, гранат – плохо дело,
В пору им петь: «Не сдаётся “Варяг”».

Вот уж герои у самого моря,
Вот Херсонесский красавец-маяк;
Нет, не видать кораблей на просторе,
Крикнул матросам Михайло Байсак:

– Братцы, товарищи, нам не отбиться,
Море родное, но нас не спасёт. –
Хмуρο глядят почерневшие лица.

– Все, кто не ранен, – сколачивать плот!

Рвались снаряды, осколки визжали,
Ранен Михайло – пробита нога,
Надины руки уже бинтовали,
Речь её была нежна и строга:

– Дай партбилет, я к ноге прибинтую, –

Молвила, взяв с окровавленных рук,

– Ладно! Теперь я тебя поцелую,

– Ну, поползли! Да не плач, политрук.

Слёзы глотали, но брёвна таскали,
Кузов машины на плот сволокли,
Ствол пулемёта на борт привязали
И от родимой земли отошли.

⁴ ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 12. Д. 20. Л. 84–84 об.

Плакали мы не от страха и боли:
Ведь оставляли мы город родной!
Наш Севастополь в фашистской неволе!
Можно заплакать от мысли одной!

Думали морем уйти к партизанам
Или погибнуть в неравном бою;
Нет, не сдадимся фашистским тиранам,
Будем сражаться за честь мы свою!

И налетели стервятников стаи,
Сыпались бомбы одна за одной –
Мы не сдаёмся, хотя погибаем,
Приняв последний решительный бой.

Что могли сделать матросы-герои
Против фашистских пиратов-громил?
Вот их осталось всего только трое...
Двое... потом лишь один Михаил.

Весь окровавлен в матросской тельняшке,
В взгляде померкшем и боль, и тоска,
Рядом винтовка, граната за пряжкой...
Тёмная ночка спасла смельчака.

Утром лишь катером ноль девятнадцать
Он был замечен и бережно снят.
Так вот пришлось ему с плотом расстаться,
Слёзы блестели в глазах у ребят.

На берегу повстречался с комбригом,
«Батя» матросам был ровно отец.
Ловко повязку с ноги снял он мигом –
– О! – партбилет! Ну, каков молодец!

«Батя» наш, Павел Филиппыч Горпищенко¹,
Звали его мы ещё «Бородой»,
Молвил: «Добро, поправляйся-ка быстренько,
Ты награждён, Миша, Красной Звездой».

Долго фашистская сволочь не будет
Русскую землю топтать,
Если такие советские люди
Станут к орудьям опять!²

В. Климович

Огромный вклад в увековечение памяти защитников Севастополя, в пропаганду их подвига в послевоенные годы внёс и другой участник обороны Севастополя, сражавшийся в рядах морской пехоты, –

¹ Горпищенко Павел Филиппович (1893–1943) – полковник, участник обороны Севастополя 1941–1942 гг. Командовал 1-м Севастопольским полком морской пехоты, затем 8-й бригадой морской пехоты (2-го формирования), 77-й Краснознамённой стрелковой дивизией. Погиб в боях на Никопольском плацдарме 28 ноября 1943 г.

² ГКУ АГС. Ф. Р-434. Оп. 12. Д. 20. Л. 87, 88 об.

Пётр Михайлович Рогачёв. Уроженец Архангельской области, русский, как и уроженец Кировоградщины украинец Михаил Байсак, Пётр Рогачёв пришёл на Черноморский флот по комсомольской путёвке, добровольно оставив тихую и спокойную должность счетовода.

Гвардии старшина
1-й статьи
Пётр Михайлович
Рогачёв,
комсорг
1-го гвардейского
Новороссийского
отдельного
артдивизиона
Черноморского
флота.
Новороссийск.
1943 г. ГКУ АГС.
Ф. Р-567. Оп. 4.
Д. 51. Л. 1

С ноября 1939 г. проходил обучение в Учебном отряде Черноморского флота, осваивал военную специальность, готовился к службе на кораблях. Но в октябре 1941 г. был включён в состав 18-го отдельного батальона морской пехоты и вышел на позиции под Севастополем защищать город на суше, на передовых рубежах обороны. «В последующем, в 1941–1944 гг., участвовал в обороне Кавказа, в высадке десанта на Малую Землю и в освобождении Новороссийска в составе дивизиона десантных мотоботов [...] в освобождении Крыма, в Керченско-Эльтигенской десантной операции в должности комсорга 3-го и 4-го отрядов десантных судов...» – записал о своей боевой биографии 5 апреля 1997 г. в анкете ветерана-участника Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. П.М. Рогачёв³.

В графе 10 «Опишите случаи героизма Ваших товарищей (живых или погибших). Сообщите сведения о моряках, солдатах, героическая деятельность которых заслуживает пропаганды» П.М. Рогачёв написал: «Бессмертный подвиг пяти моряков из 18-й ОБМП – политрука Фильченкова, матросов Красносельского, Паршина, Цибулько и Одинцова – освещён в литературе и в специальных листовках. Героически сражались в составе этого батальона командир пулемётного взво-

³ ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 4. Д. 50. Л. 1–1 об.

да лейтенант Звездин, погибший в одной из атак. Помощник командира взвода старшина 2-й ст[атьи] Волков Дмитрий Архипович, будучи раненым, не покинул поле боя, продолжал сражаться, пока не потерял сознание. Отважно воевали старшина 1-й ст[атьи] Карп Савченко, ст[арший] краснофлотец Василий Рябов, краснофлотцы Пётр Сердюков, Николай Пашенко и другие»¹.

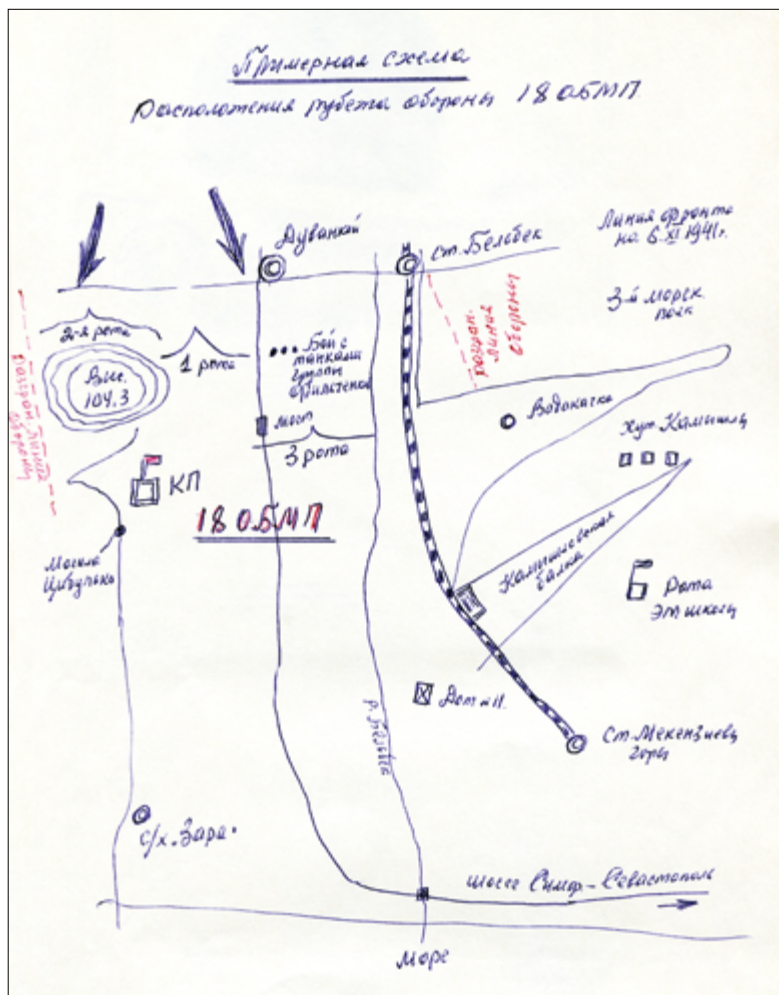
Но ширины поля в 7 см предусмотренной типографским бланком анкеты для имён товарищей, чьи подвиги «заслуживают пропаганды», было явно недостаточно, и Пётр Михайлович приложил к анкете справку о 18-м отдельном батальоне морской пехоты Черноморского флота, составленную 5 апреля 1997 г.² Три страницы рукописного текста, заполненные ровным, аккуратным, красивым убористым почерком, дополняет примерная схема расположения рубежа обороны 18-го ОБМП на период боёв с 4 по 9 ноября 1941 г.³

Читая эту справку, невольно отмечаешь, как постепенно меняется стиль изложения, характер приведённых фактов. Сначала акцентируешь внимание на том, как автор, искушённый политработник, историк, опытный «музейщик», приводит чёткие стандартные сведения о батальоне, о его формировании и хронике ноябрьских боёв. Но далее, при описании примеров личного мужества боевых товарищей, кажется, что политработник Рогачёв как бы отошёл на второй план, как будто память вынесла из потаённых глубин сознания какие-то детали о чертах характера, настроении боевых товарищей, о необходимости изучать науку «воевать» прямо в бою с опытным, хорошо подготовленным и вооружённым противником, и о пренебрежении к изучению науки «выживать» на войне. Как будто всё это нахлынуло на человека, он не смог сдержать в себе воспоминаний и поделился своей памятью о войне с нами.

Текст краткой справки о боевом пути 18-го батальона морской пехоты, составленной одним

из его ветеранов спустя 56 лет после описанных событий, мы приведём полностью, не меняя ни стиль изложения, ни орфографию, ни пунктуацию автора.

«18 Отдельный батальон морской пехоты был сформирован по приказу Командования ЧФ № 00310 в критическое время, когда немецко-фашистские захватчики рвались к Севастополю, стремясь захватить его сходу.

Примерная схема расположения рубежа обороны 18-го ОБМП на период боёв с 4 по 9 ноября 1941 г. Составлена П.М. Рогачёвым 5 апреля 1997 г. ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 4. Д. 50. Л. 6

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 4. Д. 50. Л. 1 об.

² Там же. Л. 4–5.

³ Там же. Л. 6.

Формировался он в течение 2 суток (28 и 29 октября 1941 г.) в казармах Учебного отряда флота.

Численность батальона – около 1000 человек.

Батальон сформирован из личного состава всех школ Учебного отряда, кораблей, частей береговой обороны Главной базы, 26 ОЗАД, 61 арт. зен. полка¹ флотского экипажа и других.

29 октября поздно вечером, в условиях беспрепятственных налётов на город вражеской авиации, батальон в полном составе был отправлен по железной дороге в товарных вагонах на Мекензиевы горы, а затем переброшен под Мамашай (в р-н Качи).

С 1 по 3 ноября вёл оборонительные бои против румын.

4 ноября в срочном порядке был переброшен под Дуванкой, где противнику удалось прорвать нашу оборону.

Батальону была поставлена задача отбить господствующую высоту севернее дер. Дуванкой, закрепиться на ней, остановить противника.

Заняв высоту 104,3, перекрыв шоссе на дорогу Севастополь – Симферополь, батальон продолжил вести кровопролитные бои, уничтожая живую силу и танки противника.

Особенно ожесточённые бои шли 5, 6, 7 и 8 ноября, когда противник непрерывно атаковал наши позиции. Но прорвать нашу оборону противнику не удалось. Более того, 7 ноября наш батальон сам перешёл в атаку, оттеснив противника до 1–1,5 км.

В эти дни совершили свой бессмертный подвиг политрук Николай Дмитриевич (Данилович – отчество указано ошибочно. – М.С.) Фильченков, краснофлотцы Иван Красносельский, Юрий Паршин, Василий Цибулько и Даниил Одинцов, ценою своей жизни преградив врагу дорогу на Севастополь. Все они посмертно удостоены звания Героя Советского Союза.

Личный состав батальона проявил массовый героизм, невиданную стойкость и мужество. Исключительный героизм проявлял командир пулемётного взвода лейтенант Звездин.

Во взводе большинство матросов были молодыми, недавно призванными во флот. Им пришлось изучать не только пулемёт, но и винтовку непосредственно на боевых позициях. А мужеству они учились на личном поведении в бою у своего командира взво-

да. Нельзя было не восхищаться тем, как верил лейтенант Звездин в нашу победу, как он успевал в период жаркого боя быть именно там, где всего нужнее, воодушевить своих подчинённых.

Под стать ему были помощник командира взвода старшина 2-й ст. Волков Дмитрий Архипович. Только он излишне пренебрегал опасностью и в первом же бою был ранен. Но и раненый продолжал сражаться, пока не потерял сознание.

Героически сражались бойцы взвода: старшина 1-й ст. Карп Савченко, краснофлотцы Пётр Сердюков, Николай Пащенко, Жаворонков и все остальные.

Особо хочется отметить старшего краснофлотца Василия Рябова. В батальон он попал из кадровой команды Объединённой школы Учебного отряда. Внешне спокойный и всегда уравновешенный, кипел жгучей ненавистью к фашистским захватчикам. Сидя в окопе, Рябов круглые сутки вёл наблюдение за противником и меткими выстрелами из обычной винтовки истребил не один десяток фашистов.

Батальон отдельным оставался до прихода частей Приморской армии, 16 ноября был передан в состав 241-го стрелкового полка 95-й стрелковой дивизии².

Капитан 3-го ранга в отставке П.М. Рогачёв всю оставшуюся жизнь, как и капитан 1-го ранга М.Г. Байсак, посвятил памяти боевых товарищей, павших в бою и выживших: активно участвовал в послевоенном восстановлении Севастополя, в должности 1-го секретаря Севастопольского горкома комсомола поднимал молоток на возрождение города из руин. Стоял у истоков Севастопольского городского бюро путешествий и экскурсий, разработки маршрутов по местам боёв, формирования лучших традиций севастьяновской школы экскурсоводов. На посту директора Музея героической обороны и освобождения Севастополя вывел это учреждение в число лучших по стране. Уйдя на заслуженный отдых, он не смог оставаться в стороне, когда было принято решение реализовать народную инициативу по созданию Книги Памяти героев войны. Пётр Михайлович возглавил рабочую группу по созданию Книги Памяти города-героя Севастополя. В период с 1989 по 1995 г. был проделан поистине титанический труд и группа подготовила к печати пять томов Книги Памяти, на страницы которой были занесены имена 91 982 воинов, погибших, пропавших без вести, умерших от ран в боях за Севастополь в годы Великой Отечественной войны.

¹ 26 ОЗАД, 61 арт. зен. полка – 26-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион 61-го артиллерийского зенитного полка.

² ГКУ АГС. Ф. Р-567. Оп. 4. Д.50. Л. 3–5.

7 ноября 2006 г. Петру Михайловичу Рогачёву «за проявленный героизм при обороне Севастополя 1941–1942 гг., восстановление города в послевоенный период и большой вклад в дело героико-патриотического воспитания молодёжи и трудящихся» было присвоено звание «Почётный гражданин города-героя Севастополя». Через 20 дней после этого радостного известия капитан 3-го ранга в отставке Пётр Михайлович Рогачёв ушёл из жизни.

А через полгода, в апреле 2007 г., Севастополь проводил в последний путь председателя Совета ветеранов 8-й бригады морской пехоты, первого заместителя председателя Севастопольского городского совета ветеранов, члена Совета старейшин города капитана 1-го ранга в отставке Михаила Григорьевича Байсака.

Документы Архива города Севастополя сохранили память о сотнях севастопольских героев. В этой статье – рассказ только о двух.

Два капитана. Выйдя в отставку, они, как тогда, в ноябре 1941-го, остались на переднем рубеже, никогда не прятались за чужие спины, всегда на линию огня противника выходили первыми. И не важно, что считалось огневым рубежом на новом отрезке жизненного пути – борьба с равнодушием чиновников, халатностью бюрократов, работа с молодёжью, помощь боевым товарищам, воскрешение из небытия забытых имён и героев... Они каждым днём своей жизни, и в «сороковые роковые», и в 1990-е, и в 2000-е, совершали свой бесмертный подвиг служения Отечеству, защиты памяти о героях и событиях войны.

М.Г. Соловьёва

О Герое Советского Союза Марии Карповне Байда (по документам ГКУ «Архив города Севастополя» и ГКУ РК «Государственный архив Республики Крым»)

Имя Марии Карповны Байда в Севастополе известно практически каждому.

Кто-то видел её фотографию в музейной экспозиции и слышал рассказ экскурсовода о подвиге участницы обороны Севастополя 1941–1942 гг. старшего сержанта Марии Байда. Кто-то запомнил её добрые тёплые слова напутствия при регистрации брака или рождения ребёнка в Севастопольском городском отделе ЗАГСа. Кто-то каждый день по-соседски здоровался с этой миловидной приветливой женщиной, встречаясь во дворе дома на улице Гоголя.

На вопрос «Что Вы знаете о Марии Байда?» в первую очередь севастопольцы ответят: знаменитая участница обороны Севастополя, заведующая Севастопольским бюро ЗАГСа.

В кратком биографическом словаре «Герои Советского Союза», подготовленном к публикации в 2015 г. Научно-исследовательским институтом военной истории Военной академии Генерального штаба и Центральным архивом Министерства обороны Российской Федерации, о ней приводятся следующие сведения: «Байда Мария Карповна, род. 1.2.1922 в с. Новосельское, ныне Черноморский р-н Респ. Крым, в семье крестьянина. Русская. Окончила среднюю школу в г. Джанкой в 1939.

Работала в совхозе, сестрой-хозяйкой в больнице, затем в кооперативе с. Воинка Черноморского р-на. В Кр. армии с июля 1941. Окончила курсы медсестёр. Участник Вел. Отеч. войны с сент. 1941. Санинструктор 514-го стр. полка (172-я стр. див., Приморская армия, Сев.-Кавк. фронт) комсомолка ст. сержант Байда в одном из боёв за Севастополь в мае 1942 из автомата уничтожила 15 солдат и офицера противника, освободила из плена сов. ком-ра и нескольких бойцов. Звание Героя Сов. Союза присвоено 20.6.1942. В июле 1942 была тяжело ранена и попала в плен, держалась мужественно и стойко. Освобождена из нем.-фаш. концлагеря сов. войсками 8 мая 1945. После войны демобилизована. Работала зав. отделом ЗАГСа Севастопольского горисполкома. Почётный гражданин города-героя Севастополя (1976). Член КПСС с 1951. Нагр. орд. Ленина и медалью «Золотая Звезда» (6183), орд. Отечественной войны 1-й ст., медалями. Умерла 30.8.2002. Похоронена в Севастополе, на кладбище Коммунаров. Мемор. доска установлена на здании ЗАГСа. Имя Героини было присвоено школе № 36»¹.

¹ Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь: В 2 т. / Под ред. В.П. Горемыкина. М., 2015. Т. 1. С. 99.

АВТОБИОГРАФИЯ

Фамилия, имя, отчество

Я Байда Мария Карповна
родилась 1-го-1922 года в семье крестьянина
Крымской обл. Красно-Береконский р-он село
Новый-Гувац, семья из бегловцев отец Байда
Карп Сидорович Мать Байда Васелиса Васильевна
два брата и сестра, 1932 году умерло мать,
с 1930-1938г. училась в школе начальная классы в
г. Армянск и старшая Вешка, в 1937 году пошла
на работу, так как семья была большая и не было
возможности продолжать учиться. Я уехала из
Вешки в Джанкой пошла работать совхоз
Комбинат Джанкой работая с 1939 по 1939 год
с 1939-го-1941 год работала в больнице восточной
г. Вешка 10-1941-2-1941г. находилась в госпитале
Башальские 35 Самострелов, в мае 1941г.
Наш госпиталь-Башальские 35 отступил в лесной с войсками
от (Красная) Береконжа до Севастополя
с 7-го-1941. Я служила в тыловой бригаде
12 стр. дивизии 514 полка 3 бригады 1 Башальские
Самостреловской, с 10-1941-10-1942г. в тыловой
полку разведчиков. 12 июля 1942 году
ранена измайданом после длительного времени
без воды и пищи, французам удалось
захватить Севастополь в зенитный

Автобиография М.К. Байда. Составлена
в Севастополе 6 января 1962 г.
ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 2-Д. Д. 252. Л. 3

Внимательное изучение этих документов даёт ответы на многие вопросы о жизни, боевом и гражданском подвиге Героя Советского Союза М.К. Байда.

Другим ценным источником сведений о М.К. Байда являются документы, собранные в отдельное дело о Герое Советского Союза М.К. Байда в архивном фонде «Крымская комиссия по истории Великой Отече-

ственной войны 1941–1945 гг.» в ГКУ РК «Государственный архив Республики Крым» (далее – ГКУ РК ГАРК)¹.

Прежде всего из этого комплекса документов выделим стенограмму беседы с генерал-майором И.А. Ласкиным² о Героях Советского Союза Марии Байда и Павле Линнике, которая была записана 4 января 1943 г., в период боёв под Сталинградом. Ценным источником сведений являются очерки и статьи об «отважной севастопольской героине Марусе Байда», опубликованные в 1942 г. в газетах «Известия», «Красный флот», «Красный черноморец», письмо с воспоминаниями о Марии Байда в дни боёв за Севастополь её боевого командира С.А. Хитарова³, написанное в Краснодаре 20 мая 1946 г.

Но особое внимание привлекает стенограмма беседы со старшим сержантом Героем Советского Союза Марией Карповной Байда, которую провёл в Симферополе 25–26 мая

¹ ГКУ РК «Государственный архив Республики Крым» (ГКУ РК ГАРК). Ф. Р-156. Оп. 1. Д. 186.

² Ласкин Иван Андреевич (1901–1988) – советский военачальник, генерал-лейтенант, один из участников обороны Крыма и Сталинградской битвы. В период обороны Севастополя 1941–1942 гг. полковник,

командир 172-й стрелковой дивизии Приморской армии, до января 1942 г. комендант 2-го сектора обороны Севастопольского оборонительного района; в январе 1943 г. генерал-майор, начальник штаба 64-й армии Сталинградского фронта, как представитель советского командования вёл переговоры с командованием 6-й армии вермахта о капитуляции, принимал участие в пленении фельдмаршала Паулюса.

³ Хитаров Сергей Артемьевич – в период обороны Севастополя 1941–1942 гг. старший лейтенант, помощник начальника штаба, командир разведоты 514-го стрелкового полка 172-й стрелковой дивизии Приморской армии.

1946 г. ответственный секретарь Крымской комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. при Крымском областном комитете Компартии Украины Р.М. Вуль¹.

Машинописный текст на 58 страницах содержит сведения, сообщённые лично Марией Карповной о её участии в Великой Отечественной войне, пленении на м. Херсонес в июле 1942 г., пребывании в лагерях военнопленных на территории Украины, Польши, Австрии, о допросах в гестапо в тюремной камере г. Зальцбург (Австрия), деятельности в рядах антифашистского сопротивления после пленения в Севастополе и до момента освобождения частями армии США в 1945 г., о возвращении на Родину.

При чтении стенограммы, с первых страниц, невольно возникает эффект «личного присутствия»: как будто мы перенеслись во времени в Симферополь 1946 года... В тихом кабинете Роман Михайлович Вуль беседует с Марией Байда, недавно прошедшей все проверки и получившей разрешение вернуться на Родину по месту проживания до начала войны. Рядом стенографистка В.П. Дроздова ведёт запись беседы. Мария Карповна рассказывает неспешно, обстоятельно, описывает в деталях детство, юность, начало войны, бои под Севастополем. Дословная запись беседы очень хорошо передаёт и сбивчивый от волнения рассказ М.К. Байда при воспоминании об отдельных эпизодах обороны Севастополя, и особенную многозначительную сдержанность в описании обстоятельств пребывания в немецком плену. Такое же ощущение «личного присутствия» возникает при чтении стенограммы беседы с И.А. Ласкиным и эмоционального письма разведчика С.А. Хитарова.

Хранящиеся в Архиве города Севастополя и Государственном архиве Республики Крым уникальные документы дают возможность «послушать» рассказы ветеранов об обороне Севастополя, её героине Марии Байда.

¹ Вуль Роман Михайлович – в 1944–1947 гг. ответственный секретарь Крымской комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. при Крымском областном комитете Компартии Украины (использовалось и другое её название – Историческая комиссия). Одним из первых после возвращения М.К. Байда из плена на Родину провёл с ней беседу под стенограмму об участии в обороне Севастополя 1941–1942 гг., о пребывании в плену, участии в антифашистском сопротивлении, способствовал возвращению М.К. Байда всех государственных наград и звания Героя Советского Союза в 1947 г.

Из стенограммы беседы с Марией Карповной Байда

Симферополь

1946 г.

О детстве и юности: «Родилась в 1922 г., 1 февраля, в селе Ново-Чуваш Краснопереконского района в крестьянской семье. В семье было четверо детей. До 1932 г. жила с родителями. В 1932 г. мать умерла, после этого мы – дети жили у бабушки. Отец уехал из деревни и женился в Воинке. Я год жила у него, училась, потом опять приехала к бабушке. С 1935 г. жила в Джанкое у тётки, летом работала на огородах, а зимой была дома, не училась. Окончила пять классов школы. В Джанкое жила до 1938 г. В комсомол вступила в 1942 г. в армии. В 1938 г. работала в колхозе Курман у второй тётки по 1939 г. В 1939 г. уехала работать в Воинку. Там работала в больнице кастеляншей и санитаркой по 1940 г. В 1941 г., до войны месяца четыре, училась на медицинских курсах. Доктор Лейченко за хорошую работу посылал нас на эти курсы. В июле месяце 1941 г. я пошла в истребительный батальон»².

Об отступлении с севера Крыма к Севастополю в октябре 1941 г.: «При отступлении наш батальон задерживал дезертиров, а вообще наша работа заключалась в медицинском обслуживании, подбирали раненых бойцов [...] Шли пешком через Фрайдорский район, наши войска ещё держались на 117-м участке, и, когда начали все отступать, мы соединились с воинской частью и шли до Симферополя. Из Симферополя прошли на Бахчисарай, там наши машины обстреляли, и они возвратились в Симферополь и пошли на Ялту [...] Не доезжая Байдарских ворот, там нас снова обстреляли, пришлось и ползком пробираться, и перебежками. Командир батальона Логвинов отстал с бойцами и задержался дня на два, мы считали, что он погиб. Вид у него было жуткий. Все были уставшие. Встретились с командиром на кирпичном заводе в районе Итальянского кладбища. Пришёл наш командир очень измученный. Мы встретили его как своего отца, стали расспрашивать о положении, он рассказывал, что их окружили где-то за Ялтой и много бойцов погибло. Мы стали спрашивать, куда будем уходить и что дальше делать. Он сказал уходить в Севастополь, там скажут. Тут ещё несколько машин прибыли, и вечером двинулись в Севастополь. Прибыли в балку за Севастополем ночью, соединились с воинской ча-

² ГКУ РК ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 186. Л. 8.

стью [...] Командир части Устинов организовал баню, дал каждой из нас работу, произвести дезинфекцию. Нас, санитарок, было 15 человек. Он возражал: "...куда я вас пошлю, у меня нет такой работы, сидеть у меня тут негде..." Я ему ответила, что я не сидеть сюда приехала и об этом не мечтала, а пойду куда пойдут все бойцы. Он решил послать меня в батальон»¹.

Из письма Сергея Артемьевича Хитарова

Краснодар

1946 г.

О первой встрече с Марией Байда: «Девушка высокого роста, открытое, весёлое лицо, полное жизнерадостности. Мария не могла быть незамеченной. При расквартировании в Симферополе командир одного из подразделений, будучи недоволен своей квартирой, подошёл ко мне и в весьма "крепких" выражениях стал изливать своё возмущение. Я взбесился претензиями, с моих губ готово было сорваться "крепчайшее" слово, когда я увидел лицо Марии, она в большом смущении от ругательств забывшегося командира стояла вся пунцовая, опустив глаза, и растерянно мяла косынку – слово застряло на моих губах, я его не произнёс. И вообще, я, кажется, ничего не произнёс, а "возмущённый" командир, поняв свою нетактичность, быстро исчез. Прошло, может, с час, когда все были размещены, я встретил Марию.

– А Вы, товарищ комендант, видно, тоже материтесь?!

Я посмотрел на неё, ну так, как смотрят на сильнейшего обвинителя. Что мне было говорить?

– Иногда... Редко, – ответил я и постарался исчезнуть².

Из стенограммы беседы с Марией Карповной Байда

Симферополь

1946 г.

О боевом крещении на передовой под Севастополем: «7 ноября, в годовщину Октября, был утром маленький митинг, а часов в 10–11 стали вывозить нашу часть на передовую. Вывезли машин 6. Остались мы с женой Логвинова. Нас посылают на Итальянское кладбище, где располагалась рота. Мы заплутались, попали к краснофлотцам, спрашиваем, где Итальян-

ское кладбище, они сами не знают. Это был первый батальон 514-го полка. Мы спустились с Итальянского кладбища и вышли к деревне Чоргунь, встретили краснофлотцев. Они спрашивают: куда идёте? – Свой батальон искать. Он отвечает – там немцы.

Мы повернули обратно на Итальянское кладбище, спустились вправо, увидели своих бойцов, нашли командира Логвинова, окопов ещё не было. Командир дал задание сделать блиндаж недалеко от бойцов. Мы стали окапываться с женой Логвинова, оружия у нас не было, только санитарная сумка. Уже стало темно, мы поднялись на Итальянское кладбище, зашли в сторожку, мокрые мы все были, дождь шёл целый день. Там мы отдохнули. К ночи привезли нам покушать, покушали, походили по отделениям и вернулись.

Утром посылают меня в село Комары за продуктами и медикаментами. Я рано утром ушла [...] К обеду я вернулась на Итальянское кладбище, задание выполнила благополучно, набрала всего. Со мной послали ещё одного санитаря. Меня встретил командир с женой, с вечера я не кушала. Сели мы покушать [...] тут начался обстрел. Тут я первый раз услышала миномётный обстрел. Я вышла, постояла и думаю: может, в нас не попадёт. Только сели, Логвинов говорит: давай кушать, а снаряд прямым попаданием в коридор. В этом здании был НП (наблюдательный пункт. – М.С.) краснофлотцев, их было человек 10–15. Все стали бежать на улицу. В коридоре двух краснофлотцев завалило камнями. Мы с Логвиновой стали их откапывать. Сняли камни с краснофлотцев, у одного ноги были переломаны, а второй кончился. Мы оказали первую помощь и вытащили краснофлотца в ров, сделали перевязку. Он был без сознания. В этом рву лежали ещё двое. Посидели часа два с этими бойцами. Был жуткий обстрел и с нашей и с их стороны, через наши головы летали мины [...] Невозможно было подняться из-за обстрела. Под вечер краснофлотцы своих раненых забрали и отправили. К вечеру зашли мы в Итальянское кладбище. Было жутко от обстрела. Мы решили вырыть блиндаж для санчасти. Бойцы стали окапываться, мы также принимали участие.

На третий-четвёртый день спустились вниз окапываться со всей своей ротой, эта местность находилась за Итальянским кладбищем, там протекала Чёрная речка.

На пятые или шестые сутки нас посылают на кирпичный завод. Он немного впереди. Когда окапывались в Итальянском кладбище, стоял какой-то морской штаб, штаб нашего батальона присоединился к нему.

¹ ГКУ РК ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 186. Л. 8 об. – 9.

² Там же. Л. 47 об.

К вечеру мы пробрались туда, нас собрали и говорят: «Берите побольше бинтов и пойдём». Нас было три санитаров и один ездовой, подвода шла впереди, а мы сзади. В темноте подошли к кирпичному заводу. Мы думали, что будет какое-то наступление, мы сами не знали куда идти. Пробыли на заводе до утра, никакого наступления не было. Утром командир сказал, что будем возвращаться [...] Возле Итальянского кладбища стоял домик, побыли там немного, пошли в свои окопы [...] там уже были небольшие окопы, где могли спрятаться один-два человека [...] сказали, что надо окапываться, будем держать оборону.

К утру на Федюхиных высотах началось наступление немцев на Черноречье. Командир сказал, что мы будем пока здесь. Логвинов отправился на высоту, где спускались немцы. Стала жуткая бомбёжка с самолётов по позициям по Итальянскому кладбищу. Прибегает один боец и говорит, что командир приказал прийти санитару и политработнику. Я и Ветров отправились, но туда не добрались. К шоссе подошли, а к Чёрной речке подойти не могли: пролежали под кустами под открытым небом, бомбы пролетали, но нас не зацепили. К вечеру возвратился Логвинов и говорит, что было жуткое наступление немцев, но их отогнали, возвратились мы к вечеру на место. Некоторые отделения стали подниматься выше на Итальянское кладбище, делать окопы, а санитарную часть командир отправил внутрь Итальянского кладбища. Там есть ямы, где лежали кости. Первый день мы не решались туда заходить, а когда немцы увидели, что люди там ходят и связь тянут, они стали зверски обстреливать, но было ни минуты спокойной, чтобы не стреляли по Итальянскому кладбищу.

К вечеру подбегает связной и сказал, что кто-либо из санитаров должен быть возле бойцов. Логвинова была медсестрой и распоряжалась, кого куда послать. Она меня послала с санитаром, мы ходили по окопам. Днём там больше всего лежали, а окапывались ночью. Обстрел вёлся по нашей передовой, были раненые и убитые. Приходилось перевязывать. Не успели мы к утру возвратиться на Итальянское кладбище, как был такой жуткий обстрел, что много народу полегло. Ветров был тяжело ранен и умер на руках, не успели сделать перевязку. Раненых было много.

На второй вечер жуткого обстрела не хватило бинтов, некоторые бойцы снимали рубахи и рвали их на бинты. К пункту на Итальянском кладбище за бинтами нельзя было подойти. Когда совсем стемнело, связной пробрался к Итальянскому кладбищу, до-

жил командиру. Немедленно послали связного в Комары за санитарной машиной. Вскоре она пришла. А мы пока стали вытаскивать раненых и убитых, готовить, чтобы не задерживать машину. Машина пришла быстро, и к рассвету раненых вывезли в Комары.

Меня командир послал внутрь Итальянского кладбища отдохнуть. Здание Итальянского кладбища такое крепкое, что всё было в дырках от пуль и снарядов, но всё-таки стояло. Ограда и сторожка, церковь – всё уже было разбито. Внутри здания было жутко находиться [...] Итальянское кладбище представляет собой церковь или часовню, построенную над грудой костей, которые находились в подземелье [...] Потом мы [...] сделали там себе убежище. В одном месте было убежище для санитаров, в другом штаб, там было безопасно. Там я отдохнула. Спала так крепко, что никакой бомбёжки не слышала. Немцы стреляли в убежище, старались попасть в порог и целились в него. Логвинов хотел вылезти, но в это время разорвался большой снаряд у порога, воздушной волной его отбросило внутрь. Я проснулась. Было полно дыма, копилка потухла. Логвинова поцарапало, он побледнел, но всё прошло. Целый день я пробыла на кладбище, выйти было невозможно. К вечеру пошла по отделениям перевязывать раненых»¹.

Из письма Сергея Артемьевича Хитарова

Краснодар

1946 г.

О Марии Байда в период отражения первого наступления в ноябре 1941 г.: «Ноябрьские бои. В то время я был командиром батальона и стоял на высоте 440,8. Жаркие дни, бои шли жестокие. Наконец все попытки врага были разбиты. Настало затишье. И тогда я узнал, что в этих боях Мария показала себя как бесстрашная патриотка. Она в один день особо тяжёлых боёв не покидала поле боя, под осколками мин, снарядов, под дождём свистящих пуль, под вой рвущихся бомб, она творила поистине чудеса, она оказывала первую помощь раненым перевязками, жгутами, добрым словом, непосредственно на поле боя. Ежесекундно рискуя жизнью, она выносила раненых из самой гущи боя. Десятки раненых обязаны ей жизнью. Её имя как сестры-спасительницы передавалось из уст в уста [...] Тогда весь полк узнал о скромной девушке Марии Байда [...]»².

¹ ГКУ РК ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 186. Л. 9–10 об.

² Там же. Л. 48.

Из стенограммы беседы с Марией Карповной Байда

Симферополь

1946 г.

О декабрьских боях 1941 г.: «До середины декабря было затишье, а потом опять начался обстрел и наступление. Пять суток никто не спал, и даже кушать не успевали. Итальянское кладбище было оставлено, бой был жуткий. Под самым Итальянским кладбищем стоял домик лесничества, немцы взяли и кладбище, и этот домик. У нас остался только небольшой клочок земли.

В одну тёмную ночь пришли из балки разведчики, пробрались в этот домик, там были румыны. Разведчики вытащили трофейную подводу и привели двух румын, а разведчики были ранены. Когда я шла к своим раненым в мельницу, меня один встречает и говорит: «Там есть раненые разведчики, их надо забрать». Я повернулась и пошла с ним. Пришли к самому лесничеству, нас встретил кто-то гранатой, но мы подошли к лесничеству. Там было трое раненых и убитых, мы их забрали принесли к батальонному штабу. Командир мне сказал, чтобы я была в роте, есть раненые. Командир мне сказал, чтобы ни один раненый или убитый не был оставлен. Никто из нас никогда не оставлял ни раненых, ни убитых, вытаскивали из огня в тыл, а наши машины вывозили в госпиталь. Наша работа трудная. У меня всегда была на спине замерзшая кровь слоем. В декабре я никогда не ходила в шинели, было тяжело выносить раненых, я их всегда таскала в одной гимнастёрке, и за эти пять дней жутких боёв крови налипло на гимнастёрке очень много. Приходилось быть в опасности, но всё же выходила целой. Раз раненый лежит, то, несмотря ни на какой обстрел, его нужно было вынести. Со мной был фельдшер и ещё три санитары и ездовой Лысенко.

Я вытаскивала раненых поближе к шоссе, здесь стоял ездовой, раненых сразу клали на подводу и отвозили в санитарную часть, а оттуда уже машиной отправляли в тыл в госпиталь.

Когда начался бой, за Чёрной речкой стоял наш дзот. Днём оттуда было выбито наше отделение, и к вечеру оттуда пришли и сказали, что в этом дзоте есть несколько убитых и раненых, они оттуда не могут выйти.

Когда стало темно, командир батальона послал несколько бойцов и меня. Пробирались мы очень долго, трудно было пробираться к дзоту. Стали подползать к дзоту, ничего не слышим, зашли в дзот, стали окликать. Долго никто не отвечал. Наконец, один боец отозвался. Их всего было трое, двух мы взяли. Оказывается, туда

заходили немцы, которые кричали, но никто из раненых не отзывался, поэтому они боялись нам отозваться вначале, думая, что это немцы. Мы взяли оружие, двух раненых и ушли. Не успели перейти Чёрную речку, как немцы стали нас обстреливать, но мы всё же прошли благополучно к самому лесничеству. Когда мы пришли в батальон, там был командир полка, он поблагодарил нас, что мы не оставили раненых. Немцы в декабре пошли в наступление, а потом приостановились. Мы слышали, что Керчь и Феодосия нашими войсками взяты. После пятидневных жутких боёв наш полк перебросили к Бельбеку, там мы держали оборону. Мы одну неделю стояли во втором эшелоне, ознакомились; там ещё какая-то часть стояла как ненадёжная. Она допустила, что противник поставил проволочные заграждения. У Бельбека мы простояли недели две или три. Пришёл командир, все вышли на высоту одетые в белое, он стал объяснять и наблюдать, он взял меня с собой, чтобы знать кто где находится и какие высоты как называются. После этого командир полка сказал, что я пойду в штаб полка работать. Там была одна сестра, её забрали. Долго я отговаривалась, мне не нравилось в штабе работать. Дня через два по приказу я должна была явиться в штаб. В это время было затишье»¹.

Из стенограммы беседы с Иваном Андреевичем Ласкиным

Сталинград

1943 г.

О Марии Карповне Байда: «Она очень серьёзной была, разговор тихий, пользовалась большой популярностью. Бойцы на неё смотрели как на какую-то важную и боевую персону: смотри-ка, дескать, и с ней всегда разговаривать больше всего приходилось о деле. Бывает у людей, шутят, всё такое, а она – нет. Если с ней заговоришь с шуткой, она быстро перейдёт на деловую сторону»².

Из стенограммы беседы с Марией Карповной Байда

Симферополь

1946 г.

О службе в штабе 514-го стрелкового полка: «В штабе полка я пробыла недели две или три, очень скучала о роте. Часто ходила в батальон, пробиравась

¹ ГКУ РК ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 186. Л. 10 об. – 11 об.

² Там же. Л. 7.

к своим солдатам, как вечер, я, бывало, обойду, со всеми поговорю, а тут, когда командир или комиссар идёт на передовую, берут меня с собой. Я часто ходила проводывать своих в роту. Я обслуживала разведчиков, но с ними не ходила в разведку. Бывало, они придут утром с разведки, я их перевязываю. Они мне рассказывают, что было сегодня, что они были в тылу немцев и видели, как немцы ходят. Мне это очень нравилось [...] Я стала просить командира полка, чтобы меня отпустили в батальон. Он сказал, что я уже знакома с работой. Он меня в батальон отпустил. Я стала проситься в разведку. Он говорил: что там женщина может делать, в разведке? Я сказала, что буду делать что нужно. Он долго не соглашался, отговаривал»¹.

Из письма Сергея Артемьевича Хитарова

Краснодар

1946 г.

О приходе Марии Байда в разведроту: «1942 год. Полк в районе Бельбек. Однажды ко мне в блиндаж пришла Мария, я тогда был начальником разведки (ПНШ²-2): “Товарищ начальник, возьмите меня в разведку!” – сказала и замерла. Я от неожиданности обалдел. Карусель мыслей – Разведка [...] Девушка. Даже смешно стало. “Мария, о чём ты говоришь?! Ты ведь не знаешь, что такое разведка?! Нет, нет, иди дивчина, работай по медицине. Польза от тебя и так велика!” – похлопал я её по плечу.

– Товарищ начальник – возьмите! – настаивает она. – Не возьмёте, пойду к командиру полка. Всё равно буду в разведке, – твёрдо заявила она. И надо было видеть её лицо, её глаза – в них был огонь, огонь, который может быть только у людей сильных, уверенных в себе. И Мария стала разведчиком [...] Чудный товарищ, она ни при каких затруднениях не оставляла товарища в беде»³.

Из письма Сергея Артемьевича Хитарова

Краснодар

1946 г.

О боевых друзьях Марии Карповны Байда: «Большой весельчак, она могла кого угодно “подыграть”. В тылах был водитель Михаил Мосенко, моряк. Везил

питание, в частности и для разведчиков; как только он появлялся, Мария сейчас же его и “подыгрывала”: “Марак, кашу возишь?! Приходи к нам, научим тебя стрелять!” – смеялась она. Мосенко выходил из себя и однажды пришёл ко мне. “Товарищ начальник, возьмите меня в разведку, Мария не даёт жизни”, – просил он. Видно, парень лихой, таких в разведку только и надо, да решил помаленить. “Да, нет, – говорю, – работай на машине”. “Возьмите. Жизни не даёт Мария, так из “мараков” да “каши” и не выхожу”. Мосенко я взял в разведку и не жалел»⁴.

Слева направо: начальник политотдела 172-й стрелковой дивизии Г.А. Шафранский, старший сержант разведроты 514-го стрелкового полка 172-й стрелковой дивизии М.К. Байда, заместитель начальника политотдела 172-й стрелковой дивизии батальонный комиссар А. Нешин. 1942 г. ГКУ АГС. Фотофонд. Ед. хр. О-10455

Из беседы с Марией Карповной Байда

Симферополь

1946 г.

О первой награде: «К первой награде – ордену Красного Знамени – меня представили в феврале, а наградили в марте. Наградили за дело: на Итальянском кладбище и 23 февраля в Бельбеке было наступление немцев, и с нашего КП (командный пункт. – М.С.) командир полка послал меня с адьютантом с боевым донесением и дал задание, [чтобы] всё это было выполнено. Потом, после 9 или 10 марта, было наступление немцев на Бельбек. В этом наступ-

¹ ГКУ РК ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 186. Л. 11 об.

² ПНШ – помощник начальника штаба.

³ ГКУ РК ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 186. Л. 48–49.

⁴ ГКУ РК ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 186. Л. 49–49 об.

лени меня немного контузило на передовой, за всё это меня наградили орденом Красного Знамени»¹.

Об отражении третьего наступления в июне 1942 г.: «В начале июня мы достали немецкого языка на сопке “Язык”, это была самая выгодная позиция для немцев, с неё был виден весь Севастополь. По данным “языка”, нам стало известно, что готовится штурм Севастополя. Вскоре после сдачи Керчи, в начале июня, мы слышали шум машин, танков и большое движение войск противника. К утру вылетали наши самолёты, обстреливали противника.

6 июня пришли мы утром с ночной вылазки. Командир Хитаров сказал, что сегодня пойдёте на НП, будете наблюдать за сопкой “Язык” и за шоссе на дороге. Нам не удалось пойти на НП. Когда мы пришли к селу, все легли тихонько. К обеду начался жуткий обстрел, пойти на НП не было возможности [...] Сели мы в блиндаж [...] тут были разведчики, командир взвода. Вдруг один боец пробежал через двор. Начался обстрел нашей позиции со стороны Камышовского моста: там стояла немецкая батарея, они стали бить. Командир с политруком пришли в блиндаж к бойцам и стали их ругать, что бегают в такое время, и в этот момент снаряд попал в их сарай и не разорвался. Нас засыпало, все побежали, я бросилась искать свои вещи и увидела кровь [...] Не успели отойти четырёх-пяти метров, как в этот сарай попал снаряд и опять не разорвался. Я по ходу сообщения побежала, оказывается, это была кровь [...] заместителя политрука.

Когда снаряд упал, проломило бревно и бревном ударило заместителя политрука. Мы оказали ему первую помощь. Все сидели. Мы интересовались судьбой бойцов и командиром, что в первом блиндаже были. Я подошла к блиндажу, он был засыпан. Бойцы стали землю выгребать. Я стала окликать тех, что в блиндаже. “Мария, ты?” Я сделала дыру в замке и залезла в блиндаж, все были живы, только Герасимова ударило бревном в висок и убило наповал, а несколько бойцов оглушило. Политрук был очень бледный при виде убитого Герасимова и говорит мне: “Снимай с него медали и документы – я отнесу в штаб”.

Нам было жалко потерять такого командира. Я сняла все медали и документы, отнесли его в сторону, прикрыли. Я говорю политруку: “Пойду, скажу ребятам”. Прихожу в блиндаж и от волнения не могла говорить, пришла и на порог села. Меня спраши-

вают: “Что там?” – “Герасимова убило”. Все охнули. Все любили его, хоть он и требовательный был как командир, но сам всегда был примером. Все побежали туда. Дело шло к вечеру. Вечером готовились идти в наблюдение. Моё оружие, автомат, пистолет – всё было засыпано землёй. Мне дали немецкий автомат с дисками, и мы пошли. К вечеру сообщили, что Герасимов убит. В штаб батальона сообщили, чтобы Герасимова привезли и чтобы явились 6 человек хоронить. Вечером его отправили, но из-за обстрела нам не пришлось его хоронить. В эту ночь мы пошли в наблюдение, пробыли всю ночь. Танки двигаются, мотоциклы, дороги были загружены. К рассвету, часам к 4, мы пришли и заняли свои места. Привезли завтрак, но мы не успели прикоснуться к завтраку, как начался жуткий обстрел. Нашу роту не стало видно за дымом. Командир Хитаров был отдельно от нас, потому что два отделения были в наблюдении и два отделения он увёл куда-то с собой. Когда мы возвратились из наблюдения, его не было. Они были в направлении томатного завода, а мы были в направлении Бельбекского сада. На место Герасимова назначили Шкуричева. Когда мы пробежали через речку по ходу сообщения, то немцы бомбили ниже батальона по саду. Вскоре Мосенко и Борис, фамилии не помню, пробежали вперёд, а нас оставили в ходах сообщения. Когда немецкие автоматчики стали приближаться, то Мосенко сказал, что будем занимать оборону за садом и будем тут держаться. До сада было метров 30–40. За садом мы залегли в канаве в траве. Автоматчики двигались бесконечно, мы также двигались рядом с ними, трава большая. Много их осталось в садах, мы стреляли в них всё время. Раненых и убитых наших было много. Вокруг меня было 13–15 человек. Нас было два отделения, но когда стали перебегать эти 30–40 м, то многих наших положили, даже командира 2-го отделения убило, заместителя его и помощника. С нами были санитары полка, они отыскивали и перевязывали.

Мы долго держали оборону, у каждого было по два-три диска патронов, но боеприпасы иссякали. Мой автомат часто отказывал, но всё же стрелял. Мы с этого места не отходили с 7-го по 8-е число. Раненых ещё оставалось три человека: я, Мосенко и Борис грузин. Мы сошли в канаву, патрон мало, оставили одну коробку на всякий случай. Подходим, лежит один боец украинец. Спрашиваю: “Вы ранены?” – “Нет, не ранен”. – “А что лежите?” – “Да так, испугался”.

¹ ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 186. Л. 12 об. – 13.

Я стала ругаться, а в это время между мной и им упала граната, в голову и в руку мне впились осколки, его тоже ранило. Жарко было, пить хотелось. Мне стало нехорошо от слабости, и в глазах потемнело. Какой-то боец сделал мне перевязку, я несколько минут полежала и опять пошла, взяла у бойца автомат. У меня рука стала синяя и опухла, осколки впились в кость. Я правой рукой держала диск, а левой стреляла. Через канаву много немцев проходило, но многим не удалось, мы в них стреляли. Автомат с боеприпасами не устраивал нас. Нас остался один человек не ранен. Мосенко говорит: “Ты не лезь, у тебя голова белая, тебя увидят и обнаружат нас всех”. Я повязку сняла, надела пилотку, и всё время была с ними. Сидели в канаве и наблюдали. Мосенко через некоторое время приходит и приносит пулемёт и полторы ленты патронов и говорит: “Теперь мы заживём”. Он взял немецкий автомат у меня и, когда немецкий пулемётчик устанавливал пулемёт, он дождался и убил пулемётчика и взял у него пулемёт.

Немного мы зажили. Оставили половину ленты патронов и целую ленту израсходовали. Стреляли редко, да метко, мы сидели в канаве в траве, а немцы спускались в канаву и опять вылезали, нам их было хорошо видно. Когда положили немцев с одной стороны канавы, потом с другой стороны, а кто приходил из немцев их вытаскивать, их тоже укладывали. Половину ленты мы оставили на всякий случай, потому что надо было пробираться к своим. Раненые говорят: “Немцы уже везде: впереди, сзади и по бокам, и, наверно, уже в Севастополе, а нам уже всё равно, наверно, мы попадём в плен”. А другие говорили: “Ну, ребята, ничего, доживём до вечера, там посмотрим”.

Это было 8 июня 1942 г. Мосенко берёт немецкий автомат, ползёт, я за ним, выползли наверх, видим: ползут немцы. А я всегда гранату далеко бросала. Когда я увидела немцев, Мосенко говорит: “Будем стрелять”. А я машу ему головой: нет. Подползла и я. Одну гранату бросила прямо в гущу немцев, а вторую гранату бросила очень близко, она разорвалась, но никого не затронула. Мосенко мне говорит: “Больше не бросай гранату, убьёшь себя”. Мы лезли вдвоём, остальные раненые никуда не выходили, с ними сидели санитары. У раненых были перебиты руки и у кого ноги, мы просили их не кричать и не стонать, и они сознавали, что этим могут обнаружить нас и сдерживали себя, не кричали.

После броска гранаты мы долго лежали, наблюдали по сторонам. Вижу трава качается, я думала, что

это наши пробираются, я посмотрела и вижу: в траве чёрная каска, он приподнялся, и вижу погоны немецкие. Я первый момент хотела закричать, но потом ударила автоматом по голове. Мосенко забрал у него, офицера, автомат и патроны, тут мы опять зажили. После обеда я ещё одного немца уложила: как будто его денщика, а Мосенко полез забрать их патроны, думал, может быть, в сумке чего найдём съестного. Когда он пополз за патронами, я подумала: поползу я немного. На Мосенко немец навалился и ударил его тяжёлым чем-то, тут началась рукопашная схватка. Я прибежала во весь рост. Тут мы этих пятерых немцев уложили. Сначала я думала, что будем стрелять, но стрелять было очень тесно, можно было своих убить. Мы их убивали кто чем, прикладами и стволами. Бориса грузина тяжело ранило, мы его не донесли до места, он умер. Принесли мы патроны, автомат, сумку офицера с письмами и фотографиями и фляжку с ромом. Дали раненым немного рома. Мосенко лёг в траву наблюдать. У меня закружилась голова. Потом всё прошло, я поползла к нему и тоже стала наблюдать, а он мне говорит: “Что пришла, опять маячить?” – “Я не маячу”. – “У тебя руки перевязаны белым – видно. Возьми, травой закрой”.

Он мне травой её обмазал, и мы сидим. В это время немцы с горы спускаются. Мосенко дал по ним очередь. Тут, откуда ни возьмись, появился один наш боец возле сада, не из тех, возле которых мы были. Три немца двигались на него. Я говорю: “Мосенко, стреляй”. – “В своих попадешь”. – “Попадешь или не попадешь, а стрелять надо”.

Я дала очередь – немцы упали, но некоторые раненые были и лежали. В это время показался четвёртый немец, его снял Мосенко, а боец тот неизвестно куда делся.

Это было к вечеру. Мы сели, опять стали говорить с Мосенко, как будем выходить. Мосенко говорит: “Как-нибудь выйдем. Дороги я, – говорит, – не знаю”. Я говорю: “Я дорогу знаю, если будете меня слушать, то выйдем”. Он говорит: “Мы тебя всегда слушаем”.

Мы пошли к раненым и стали говорить, что вечером будем выходить, ребята стали стонать, а некоторые благодарить. Мы сказали, что если будем выходить, то всех заберём. Я говорю: “Надо понаблюдать, нет ли в штабе батальона немцев”, потому что там было заметно движение.

Уже темнело, мы сидим, а вокруг нас ходят немцы, только что на нас не натываются. А тут ребята все вылезли в канаву, кто хочет идти сам, кого надо вести.

Впереди посылаем бойца Попова, за ним я разведываю местность. Мосенко остался с группой раненых, когда я проползу несколько метров, если всё благополучно, я машу рукой ему, и он выдвигается со всеми ранеными. Мосенко был с пулемётом, а мы с Поповым с автоматами. Проползли мы порядочное расстояние, слышим стон в саду, это оказался наш, его взяли с собой. Я всё время шла впереди. Мы решили, если не удастся пройти по этой тропинке, то пойдём прямо по-над канавой к морю и задами выйдем возле берега. Мы не знали, где немцы. Дошла я до тропинки, где зимой часто ходила в разведку. Говорю ребятам – идите друг за другом. Поле минировано, а тропинка одна. Слышу оклик: “Кто идёт!” Я говорю: “Свои”. – “Кто свои?” – “Да свои. Что – не узнаете?”

Это был грузинский батальон, и меня узнали, я у них раненых перевязывала. Они и не думали стрелять, даже если бы и не узнали. Спрашиваю их, где наш батальон. Говорят: “На старом месте”. Пришли мы к своей полковой кухне, нас было человек 13–15. Тут мы шли уже свободно, делились впечатлениями, пить хотелось. Пришли мы, а тут кричат: “Маша наша пришла”. Пришли мы в блиндаж, там был кто-то из дивизии, и командир полка, и комиссар, стали нас спрашивать. Оказывается, до этого какой-то моряк был здесь, он выбрался из окружения и сказал, что там какая-то сестра с бойцами дерётся. Если бы он сказал – разведчица, а то сестёр там было много. Они приблизительно догадывались, что это была я. Они уже не думали, что я жива. Стали спрашивать, я рассказала, командир и комиссар вышли к раненым, отослали их в санитарную часть. Я пошла к разведчикам...»¹.

Из письма Сергея Артемьевича Хитарова

Краснодар

1946 г.

О действиях Марии Карповны Байда: «Мне рассказывал один мой разведчик Бей-али-Турпалов – немцы всё лезли, и несмотря ни на что огонь косил их и косил, они лезли – им нужен был этот выход.

Мария была спокойна, она расстреливала в упор, а когда в её автомате не оказалось патронов, она его обернула как палицу. “Я видел, – говорил Турпалов, – как раскололись черепа трёх фашистов” [...] Подвиги Марии зажигали товарищей, и, воодушевлённые бес-

страшием, они не пропустили немцев в течение всего дня. Немцы обошли с далёких флангов маленькую, но такую грозную точку сопротивления. Ночью Мария вывела оставшихся разведчиков из окружения, унеся всех раненых»².

Из стенограммы беседы с Иваном Андреевичем Ласкиным

Сталинград

1943 г.

Об отражении третьего наступления в июне 1942 г.: «Накануне третьего штурма в боевых порядках дивизии было не более 4 тыс. человек. Дивизия состояла из двух полков, а наступали на её позиции три дивизии немцев. Ввиду отсутствия резервов (мы это прямо так и говорили) мы не особенно переходили в контратаки. Вопрос ставился на уничтожение врага [...] использовали то, что было накоплено [...] Вот, к примеру, такой факт. Есть Герой Советского Союза Мария Байда [...] Она была санитаром, была послана в роту, которая защищала один укреплённый пункт на самой передовой. И вот, когда немец перешёл в наступление, она бросила свою работу, взяла автомат и уничтожила вместе с другими много фашистов. На её долю досталось 50 немцев, на подступах к её окопу. Когда эта группа людей была окружена, командир батальона и роты погибли, она в непосредственной близости уничтожила 21 фашиста и, когда у них не стало патронов, она автоматом убила 5 человек на глазах у бойцов [...] Я не видел этого, но находился от этого места в 400 м, так что бой, что там делалось, я видел [...] а то, что она это сделала, мне сказали люди, которые оттуда пришли. И Мария Байда пришла ко мне. Это была исключительная скромница лет 19–20. И вот она оказалась в кольце [...] После того как немцы уничтожили их группочку, человек 12–13, потом была вторая группа, их окружило ещё человек 300. [...] И вот, когда она выходила из окружения, – она не говорит и я не скажу, но бойцы говорят, что “мы под руководством Марии Байда, – она приняла командование, – расчистили себе выход из окружения. Мария Байда сама бросала гранаты. Вот это её первый день работы в первый день штурма”»³.

² ГКУ РК ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 186. Л. 50 об. – 51.

³ Там же. Л. 3.

¹ ГКУ РК ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 186. Л. 12 об. – 15 об.

Из стенограммы беседы с Марией Карповной Байда

Симферополь

1946 г.

О присвоении звания Героя Советского Союза: «...Я пробыла несколько дней со своими ребятами. Но рука моя стала кровиться, меня опять отправили в госпиталь, там я пробыла несколько дней, потом выписалась. Наши отошли за Инкерман [...] я в боях также участвовала, на некоторое время меня отозвали в дивизию. Это было 25–26 июня. Немцы взяли Северную сторону. Потом я узнала, что меня наградили званием Героя, когда была второй раз в госпитале. Хитаров где-то достал газету, там прочитал о моём награждении и стал поздравлять, потом командир вызвал меня к себе, и тут я узнала.

Дня два или три я пробыла в дивизии, в политической части. Потом с Линником¹ нас отвезли на передовую, и с бойцами был маленький митинг»².

Из стенограммы беседы с Иваном Андреевичем Ласкиным

Сталинград

1943 г.

О характере Марии Карповны Байда: «Байда такая полненькая, не женственная, ростом высокая, строгая, не позволит с собой шутить. Ходила в брюках, коротко подстриженные волосы под польку, слегка носик вздёрнутый. Совершенно спокойная, как будто, на первый взгляд, нелюбознательная. Любит больше слушать и слушает внимательно. Речей не говорит

¹ Линник Павел Дмитриевич (1916–1944), родился в с. Макариха Кировоградской области (Украина), в семье рабочего, украинец. Образование 7 классов. Работал на шахтах в Донбассе, слесарем в Симферополе. В Красной Армии с 1938 г. В период обороны Севастополя ефрейтор, разведчик 173-й отдельной разведроты 109-й стрелковой дивизии Приморской армии. Неоднократно проникал в тыл противника и доставлял в штаб ценные разведданные. Когда враг прорвал оборону города у Балаклавы, стойко отражал атаки превосходящих сил танков и пехоты, гранатами уничтожил 3 танка и несколько вражеских солдат и офицеров. Звание Героя Советского Союза присвоено указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июня 1942 г. Лишённый возможности эвакуироваться из Севастополя вместе с советскими войсками, пробрался в родное село и продолжал воевать в партизанском отряде на Украине. Во время одной из операций был ранен и умер 19 января 1944 г. Похоронен в с. Весёлый Кут Знаменского района Кировоградской области (Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 2. С. 11).

² ГКУ РК ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 186. Л. 15 об. – 16.

особых, кратка в разговоре [...] но очень вдумчивая. [...] Многократно отличалась своей храбростью, ходила в разведку [...] с полковой разведкой в тыл врага. Приходила жива, здорова.

В полку её все знали не как санитаря, а больше как бойца храброго такого. Она прекрасно стреляла, умела пользоваться и всегда работала гранатами, автоматом, стреляла из пулемёта. Женщина с большой физической силой, упругая такая, крепкая. Медаль она носила, а в эти дни (третий штурм Севастополя. – М.С.) показала исключительную храбрость. [...] Несмотря на своё ранение (рука у неё была перевязана), она продолжала вести бой, воевать, в госпиталь не пошла, находилась с бойцами в полку. Только в конце я вызвал её и говорю: «Находитесь при мне». Я хотел, чтобы она уехала...»³.

Из стенограммы беседы с Марией Карповной Байда

Симферополь

1946 г.

О последних днях обороны Севастополя: «...Числа 27-го возвратились назад, мне сделали ещё перевязку. Мы отходили в Казачью бухту. Мы не знали, где находятся наши разведчики. Потом меня забрали из Казачьей бухты опять в дивизию. Вопрос о том, будем ли мы оставлять Севастополь, не был ясным. Я думала, что ещё будем бороться [...] Командир дивизии Ласкин с Линником отправлялись в Камышовую бухту. Там было формирование новых частей, и мы попали туда в качестве пополнения. Командир и комиссар нашего полка погибли уже. Там мы пробыли с Линником некоторое время, не успели попасть в оборону, нам сказали, что будем эвакуироваться.

С Камышовой бухты перешли в Казачью бухту, спустились к морю, и в первых числах июля пришёл приказ, что надо отогнать немцев на несколько километров, будет часов в 10 наша эскадра и всех возьмёт. Никто не отказывался, все взяли оружие и от 35-й батареи, где были посты, километров на 5 отогнали немцев, даже почти с пустыми руками, взяли много пулемётов и автоматов у немцев.

Часов в 11 пришли к 35-й батарее. Перед тем как отогнать немцев, генерал-майор Петров на 35-й батарее сделал доклад, что нужно отогнать немцев, все знали, раз нужно – значит нужно, и все пошли в атаку на немцев. Часов в 11 Петров уехал. Пришли мы,

³ ГКУ РК ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 186. Л. 6, 7.

захожу я, сидит начальник политотдела Шафранский, я спрашиваю: “Ну, как?” Он говорит: “Петров уехал, пока ещё никого нет”.

Мы всё время были вместе: Шафранский, Нешин, капитан Макаров, Гузинин – симферопольский, Линник, я. Всё время мы ожидали, народу на пристани было много. Прибыли несколько катеров к часу ночи, кто сумел, тот сел, но из-за сильной бомбёжки катера ушли почти пустыми. Пристань с народом провалилась, и человек 400 оказались в воде, некоторых шлюпки спасли, некоторым верёвки бросали, а большинство погибло. Когда начался обстрел, катера ушли, было грустно, что они ушли.

После ухода катеров каждый стал думать, что будем делать. Пока не поздно, будем в скалы прятаться. Днём невозможно было появляться на берегу. Мы спустились в скалы, пробыли до вечера. Все, кто оставался наверху, пошли в плен. Немцы сверху стреляли, кричали, чтобы мы сдавались. Пробыли до вечера, начали собирать свою дивизию кого мы знали, думали пробираться наверх и уйти в лес. Со мной остались Рябова, Хитаров командир автоматной роты и ряд командиров и бойцов. Там было очень много людей, сколько было в армии, все ушли в скалы. Когда люди узнали, что мы собираемся выходить в лес, стали думать, что Байда – это спасение, стали присоединяться к нам, и не успели подняться, как за нами все вылезли. У нас было оружие, автоматы, гранаты. Мы поднялись, а наверху уже были немцы, это было в ночь на 3 июля. Когда мы вылезли, со мной была Рябова. Мы с ней договорились, если меня тяжело ранят, то она меня пристрелит, а если её ранят, то я должна её застрелить. Мы всё время держались [вместе].

Вылезли мы на берег, а немцы бросают ракеты и не дают подняться. Мы от 35-й батареи были правее несколько километров. Когда вылезли, всюду слышим стрельбу, крики. Мы проползли по берегу метров 20, но немцы пулемётным огнём преграждают путь, не дают подняться. Первый раз мы отошли. Через некоторое время поднялись опять, проползли метров 20, вдруг немцы начали осветительными ракетами освещать и пулемётным огнём, как дождём, осыпать. В это время пролетела пуля и раздробила Рябовой колено. Все отползли вперёд, а мы остались. Свалила я её на себя с автоматом и поползла несколько метров, а навстречу мне два-три бойца, спрашивают: “Маша, ты?” Я говорю: “Помогите, Татьяна ранена”. Они подползли, взяли её автомат. Спустились мы к морю, сделали маленькую перевязку. Дело шло к рассвету, это было часа в 2 ночи. Куда идти? Давайте возвра-

щаться. Много погибло наших, много попало в плен, многие возвратились. Мы отстреливались. Потом, когда уже к берегу спустились, нечем было стрелять. А ракета за ракетой, никто не может поднять голову.

Принесли Рябову в скалы, где можно было безопасно находиться, наложили шину на ногу. Она всё время просила меня, чтобы её застрелить, но я не могла этого сделать. С нами осталась Сальникова, подполковник какой-то был из нашей части и майор. Они послали меня узнать, можно ли дальше пробираться и где скрыться. Я попросила девчат присмотреть за Татьяной. Отказаться я не могла и пошла узнать [...] к вечеру я возвратилась в скалы. Рябова уже была застрелена, все девушки пошли в плен и некоторые бойцы, остались только командиры. Там людей осталось уже мало. Встретился командир автоматной роты и сказал: “Оставаться здесь незачем – пойдём с нами”. Пошли. Когда пришли в эти скалы, я встретила Хитарова и несколько связистов из нашего полка. Пробыли два дня, на третий день решили, что оставаться дальше нельзя. Не так мучил голод, как отсутствие воды. Днём сидели, невозможно было никуда выходить, а ночью пытались вылезать, пробираться дальше. Мы думали, что можем проплыть до самой Ялты, и не подумали что через Балклаву мы не сможем перебраться. Всё время была с Хитаровым и с бойцами...»¹.

Из стенограммы письма Сергея Артемьевича Хитарова

Краснодар

1946 г.

О последних днях обороны Севастополя: «...Мыс Фиолент. Там я встретил снова Марию, мы как самые близкие расцеловались. Я её поздравил с высоким званием Героя Советского Союза. Она смущённо опустила глаза. Это была всё та же скромная девушка, беззаветно преданная Родине.

Ночь со 2 на 3 июля. Ушли последние корабли, а утром снова бой. Мария со мной рядом. И день за днём, час за часом в условиях полного окружения, без пищи, без воды, Мария, как и все севастопольцы, уничтожала фашистов. Десять дней – они не вошли в историю Великой Отечественной войны, но они полны самоотверженности (поверьте, Роман Михайлович, эти 10 дней ещё ярче показали величие советского воина, презрения к смерти). Они, эти дни,

¹ ГКУ РК ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 186. Л. 16–17.

полны величия и героизма защитников Севастополя. На пустынных, исцарапанных огнём и калёной сталью мин, снарядов и бомб, обрывах Херсонесского мыса кровью написана история этих великих по героизму последних дней защитников Севастополя.

13 июля 1942 г. в Балаклаве видел Марию последний раз [...] В 1943 г. я встретил Петра [...] однополчанина, двоюродного брата Марии, от него узнал, что Марию вывезли на запад. Считал, что она погибла...»¹.

Из стенограммы беседы с Иваном Андреевичем Ласкиным

Сталинград

1943 г.

О Марии Карповне Байда в последние дни обороны и эвакуации из Севастополя: «...У меня есть сведения, что будто бы она погибла. Она была в моей дивизии и последние дни моего пребывания в Севастополе находилась при мне [...]. Я Марию Байду, Линника, ещё ряд таких людей в самый последний день собрал и говорю: “Я вас постараюсь отправить”.

О себе-то я не думал, потому что кто думает о себе? Послал их к воде на катеришко какой-нибудь. Патронов уже не стало, снарядов не стало, стали пушки свои подрывать. Это уже последний наш день боя. Севастополь уже полностью уничтожен, и немцы там. Тогда я их и хотел направить и послал для отправки. Потом у меня были данные, что с Марией Байда будто бы там случилось несчастье какое-то, с Линником тоже. Судьбы я их не знаю. Знаю только одно, что в последний день (вообще-то я об эвакуации не думал), когда всё было использовано и доведено до предела, была организована группа для прорыва с тем, чтобы уйти в горы. Это и было сделано. Я был в этот день волею начальства эвакуирован по приказу Петрова, а вообще было получено в последний день распоряжение т. Сталина эвакуировать высший комсостав. Это было в самый последний день, и тогда Петров на подлодке, я, генерал-майор Коломиец на самолёте вылетели из Севастополя...»².

Дальнейший рассказ Марии Карповны в беседе с Р.М. Вуль о пленении в районе 35-й батареи, следовавших за этим трагических испытаниях в немецких лагерях военнопленных, на принудительных работах в Австрии, в тюремной камере г. Зальцбург напоминает скорее журнал боевых действий войсковой части:

кто, когда, с кем, о чём говорили, что делали, результат действий. Иногда прорываются фразы, которые позволяют лишь догадываться, какую бурю эмоций и чувств переживала в тот момент Мария Карповна.

Момент пленения: «Вид у каждого из нас был измученный, как посмотрим друг на друга как призраки [...] вдруг из-за косы показались несколько немецких катеров. Все бросились вглубь пещеры. А с катеров кричат через рупор: “Коммунисты, командиры, политработники, девушки, сдавайтесь, не бойтесь, мы вас накормим, напоим, чем вам в скалах сидеть”.

И тут же они открыли огонь по пещерам, из автоматов, и спустили шлюпки. Тут никто из нас не успел оглянуться, как возле нас стоят автоматчики немецкие и шлюпки. Один кто-то из наших сказал: “Ну, раз такая судьба, давай выходить”. Тут мне показалось, что я как будто на том свете или брежу [...] Посадили нас в шлюпки, нас было десятка два, только в нашей пещере, по всем остальным пещерам людей собирали целый день. Пришёл катер, и отправили в Балаклаву...»³.

Первые часы плена: «...Привезли в Балаклаву, стали выгружать. Тут мы увидели: наши русские женщины стояли с немецкими офицерами, раскрашенные, и смотрели на нас с насмешкой. На берегу кто-то сказал, что наши героини остались, их лишь в Балаклавской бухте утопить. Было обидно, но ничего нельзя было сказать, мы только посмотрели друг на друга. Когда нас выстроили в ряд, я увидела Нешина и несколько прокуроров, мы только посмотрели друг на друга. Стали делать обыски – у кого часы, у кого бумажник, фотографии, всё отобрали...»⁴.

Переход из Севастополя в Симферополь: «...Недели две мы пробыли в Балаклаве, потом стали перегонять людей в Севастополь, в Виноградную бухту [...] Пробыли там с неделю [...] Через несколько дней отправили в Симферополь через Бахчисарай, Бельбек [...] Проходить все эти места было тяжело, все тропинки знакомые. Тогда ещё здесь сады цвели, а теперь уже немцы ходили по садам и кушали ягоды, показывая нам жестами, что, мол, мы вот кушаем, а вы сидите и смотрите на нас. Но русское сердце могло всё перебороть...»⁵.

Опознание Героя Советского Союза Марии Байда в симферопольской тюрьме: «...Я себя назвала в тюрьме Катя Чёрная, тут меня называли наши девушки не по этому имени, никто не знал, что я Мария

¹ ГКУ РК ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 186. Л. 51–51 об.

² Там же. Л. 4.

³ ГКУ РК ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 186. Л. 17 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 18.

[...] Однажды днём в обед лежали мы в камере все на полу, вдруг заходит румынский офицер, идёт так важно и держит бумагу. Он поздоровался со всеми, развернул бумагу и говорит: “Я буду спрашивать, а вы мне отвечайте правильно. Кто скажет правильно, тот будет выпущен”. Тут он сказал, что Севастополь взяли и Москву берут. Словом, наговорил нам всякой пако-сти, потом стал спрашивать, кто знает Онилову Нину¹. Пусть скажет о её судьбе, находится ли она среди вас?

Тут поднимается одна из наших девушек и гово-рит, что Нина Онилова убита, её в живых нет.

Он спросил: “Это точно?” Она подтвердила: “Да, точно”.

Дальше он стал спрашивать о Павличенко Люд-миле², где она, кто знает и что может сказать о ней.

Тут кто сказал, [что] она на Кавказе, кто говорит, что убита. Мы не знали ничего. Может быть, и знали, но не говорили.

Наконец, дошла очередь до меня. Он спрашива-ет: “Кто знает Байду, ходила с автоматом”.

В это время я поднимаюсь, а девушки, которые были рядом со мной, схватили, дёргают меня, дума-ют, что я сейчас скажу, что я Байда. А я лицо закрыла платком и говорю офицеру, что Байду знаю.

Он меня спрашивает:

– Вы видели её в последнее время?

– Да, видела на 35-й батарее. Там была большая воронка, её тяжело ранило в грудь и в ноги, я делала ей перевязку, и на моих руках она умерла.

– Это точно?

– Я говорю то, что видела.

– А если мы проверим?

– Пожалуйста, в воронке её найдёте.

Дальше он опять начал говорить разную чепуху и нас спрашивает одно и то же. Так Байду и не нашли...»³.

В автобиографии, написанной уже в Севастополе в 1962 г., М.К. Байда о пребывании на принудитель-ных работах в Австрии, допросах в гестапо в г. Зальц-бург, рассказывает так: «...Привезли в Австрию, прода-ли меня на работу к бавару гор. Цаль-Ам-Зе, примерно через 3 месяца отправили к хозяину, где сам хозяин был СС и командовал отрядом по разгрому партизан в Югославии, прибыл в отпуск, узнал, что работает в его хозяйстве русская, где была избита и отправле-на на лесоразработку Конкорт-Де-Гюте. Работая этот период, я была связной между лагерями военноплен-ных, из лагеря в лагерь доставляла листовки и другую литературу, в лесу, где была уже развёрнута работа, я доверилась одной из женщин доставить листовки, т.к. я находилась в штрафной недели дело неотложно (так в документе. – М.С.), она, вместо того чтобы пере-дать по назначению, передала в гестапо, позже на до-просах узнала, что она давно ходила по моим сле-дам, но доказательств было недостаточно, она вошла ко мне в доверие. Этим самым я вложила в её грязные руки свою судьбу, в начале января 1945 г. была аре-стована гестапо и брошена в тюрьму г. Зальцбург. При нечеловеческих пытках не выдала ни одного связного. Была брошена в зимний период в подвал с водой, без сознания была брошена в камеру с раскалённой до-красна небольшой печкой. Когда пришла в себя, меня взяли вновь на допрос, не добились от меня ни слова, меня отправили в камеру расплат, получила 25 плёток, где потеряла сознание, и через трое суток меня доста-вили в камеру, где, конечно, мои боевые бесстрашные друзья Лена Землякова и Галя и много других подруг не ожидали моего возврата, окружили заботой. После

¹ Онилова Нина Андреевна (1921–1942) – в период оборо-ны Севастополя 1941–1942 гг. старший сержант, командир пулемётного расчёта 45-го стрелкового полка 25-й стрелко-вой дивизии им. В.И. Чапаева Приморской армии. С августа 1941 г. по март 1942 г. в ходе боёв в период обороны Одес-сы и Севастополя уничтожила несколько сотен фашистов. В бою 1 марта 1942 г., когда все товарищи в пулемётном расчёте были убиты, Н. Онилова продолжала вести пулемёт-ный огонь по наступающей пехоте противника, была тяже-ло ранена, в ночь на 8 марта скончалась от ран в госпитале в штольнях Инкермана, была похоронена в Севастополе на Кладбище Коммунаров. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 мая 1965 г. Н.А. Ониловой было присво-ено звание Героя Советского Союза (посмертно).

² Павличенко Людмила Михайловна (1916–1974) – в пери-од обороны Севастополя 1941–1942 гг. младший сержант, снайпер 54-го стрелкового полка 25-й стрелковой дивизии им. В.И. Чапаева Приморской армии. За время боевых дей-ствий под Одессой и Севастополем в 1941–1942 гг. уничто-жила 309 гитлеровских солдат и офицеров, одержала побе-ду в 36 снайперских дуэлях. После тяжёлого ранения была эвакуирована из Севастополя на Кавказ. В 1942 г. в составе делегации советской молодёжи совершила поездку в США, Канаду, Великобританию, где, с целью формирования обще-ственного мнения в поддержку скорейшего открытия второго фронта, выступала с рассказами о борьбе советского народа с немецко-фашистскими захватчиками. Указом Президиу-ма Верховного Совета СССР от 25 октября 1943 г. Л.М. Пав-личенко было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1945–1953 гг. продолжила службу в Главном штабе ВМФ СССР на должности научного сотрудника. 9 мая 1970 г. вме-сте с полковником Ф.И. Матвеевым участвовала в церемо-нии зажжения Вечного огня у Обелиска Славы на Сапун-горе.

³ ГКУ РК ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 186. Л. 19 об. – 20.

первой процедуры, примерно через 10–15 дней, меня уводили на допросы, где два последних раза я получила по 15 плёт[ок], больше не выдержала, потеряла сознание, и самый последний раз уже выдержала только [не] больше 10 плёток. Затем была брошена в тюрьму, где и получила заболевание лёгких, когда была освобождена из Зальцбургской тюрьмы в очень тяжёлом состоянии...»¹.

Из стенограммы беседы с Марией Карповной Байда

Симферополь

1946 г.

Об освобождении из тюрьмы и возвращении на Родину: «...Когда открыли дверь нашей камеры, мы увидели людей в незнакомой нам форме. Выходить я не могла. Меня вынесли, я в коридоре встала на ноги, меня пахнуло свежим воздухом, и я упала. Они стали нас спрашивать, кто мы по национальности. Я говорю – русские. Это были американцы. Меня на машине отвезли в госпиталь в город [Бативотсен] (неразборчиво. – М.С.), там я пролежала две недели, мне стало лучше. Я им сказала, где у меня есть знакомые. Я вышла из госпиталя и была в русском лагере у американцев, с мая по 19 июня. 19 июня нас отвезли к русским через границу.

Первый день нас перебросили к пограничникам, там пробыли сутки, потом нас отправили в проверочный пункт № 301, г. Лебек.

Там мы пробыли недели две, нас привезли в Ровно, в лагерь № 302, местность Солотвино, здесь пробыли два месяца, там все мы прошли через особый отдел. В октябре месяце нас перебросили в лагерь № 304 в Сегаде (Сегет, Румыния. – М.С.), в 304-м лагере нас не допрашивали, там мы пробыли неделю. Из 304-го лагеря нас отправили в Западную Украину, местечко Коломыя, где я была с 1 октября по декабрь. Здесь я прошла СМЕРШ и особый отдел, это был лагерь, 224-й сортировочный пункт. 13 декабря я была дома в Джанкое»².

На этом стенограмма беседы Р.М. Вуль с М.К. Байда в Симферополе в майские дни 1946 г., заверенная подписью М.К. Байда, заканчивается. О том, как складывалась её жизнь после войны, рассказывают документы Архивного фонда города Севастополя – документы личного дела Героя Советского Союза М.К. Байда.

Герой Советского
Союза М.К. Байда.

После 1947 г.
ГКУ АГС. Фотофонд.
Ед. хр. 8144–135

М.К. Байда, заведующая
городским отделом
ЗАГСа г. Севастополя,
вручает свидетельство
молодожёнам.
Севастополь. 12 апреля
1965 г. ГКУ АГС.
Фотофонд. Ед. хр. 7476

Герой Советского
Союза М.К. Байда
среди участников
Митинга
памяти и скорби
по случаю
56-й годовщины
окончания
обороны Севастополя.
Мыс Херсонес.
3 июля 1998 г.
Фото Д.Г. Метёлкина.
ГКУ АГС. Фотофонд.
Ед. хр. О-14197

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 2-Д. Д. 252. Л. 4–4 об.

² ГКУ РК ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 186. Л. 29.

В личном листке по учёту кадров и автобиографии Мария Карповна указывает, что с декабря 1945 г. по апрель 1946 г. она проживала в Джанкое, «не работала по болезни», затем с мая 1946 г. по август 1947 г. работала официанткой, заведующей в чайной № 2 г. Джанкоя. В 1947 г. «рассчиталась и уехала на Южный берег Крыма, т.к. [...] обнаружилось заболевание со стороны лёгких (туберкулёз. – М.С.), с 1947 по 1961 г. жила и работала в Гурзуфе: 1947–1948 гг. – винсовхоз в Гурзуфе (повар. – М.С.). В 1948–1951 гг. не работала, тяжело болела. [В] 1951–1952 гг. работала секретарём к/п (курортного поселкового. – М.С.) совета. [В] 1952–1953 гг. тоже не работала. В 1954–1961 гг. работала в Доме творчества им. Коровина. С 1961 г. переехала из Гурзуфа в Севастополь. По настоящему время работаю в Севастопольском бюро ЗАГС»¹.

Трудное детство, война не позволили Марии Карповне получить хорошее образование, приобрести профессию. Только в 1956–1959 гг., проживая в Гурзуфе, работая кладовщицей в Доме творчества им. Коровина, тяжело больная, ослабленная военными испытаниями 37-летняя женщина, инвалид 3-й группы, закончила обучение по программе средней

школы (10 классов). Нелегко выстраивалась её мирная послевоенная жизнь. В 1947 г. ей были вручены Грамота о присвоении звания Героя Советского Союза, орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», в 1951 г. Мария Карповна вступила в партию. Вышла замуж за фронтовика Елисеева Степана Фёдоровича, в 1945 г. в их семье родился сын Анатолий, в 1948 г. – дочь Жанна.

В Севастополе, куда она приехала по приглашению руководства города, Марию Карповну назначили на должность заведующей городским бюро записи актов гражданского состояния, предоставили квартиру на улице Гоголя, окружили вниманием и заботой, любовью и уважением.

В 1976 г. Марии Карповне Байда было присвоено звание «Почётный гражданин города-героя Севастополя», она неоднократно, с 1964 г., избиралась депутатом Севастопольского городского Совета. И это было самое малое, чем могли севастопольцы выразить свою благодарность отважной защитнице Севастополя, посвятившей свою жизнь защите Отечества, на фронте – с оружием в руках, в концлагерях – сражаясь в рядах антифашистского сопротивления, в мирное время – честным добросовестным трудом, борьбой за сохранение памяти о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны.

¹ ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 2-Д. Д. 252. Л. 1–2, 4–5.

Т.М. Булавкина

М.В. Стёганцев – «активный участник обороны Севастополя» (к 75-летию освобождения Севастополя)

...Здесь невозможно было выстоять,
а выстояв – не умереть.

Ю. Белаш

22 июня 1941 г. в 3 часа 15 минут фашистская авиация совершила первые налёты на Севастополь и Измаил, подвергла артиллерийскому обстрелу населённые пункты и корабли на Дунае, на входной фарватер и Северную бухту Севастополя было сброшено несколько магнитных мин. Внезапность нападения, однако, не дала того результата, которого ожидал враг. Благодаря директиве наркома ВМФ СССР Н.Г. Кузнецова, советский Черноморский флот оказался готов к отражению атаки: весь личный состав находился

в частях и на кораблях, Севастополь был затемнён. Именно из Севастополя в Москву поступило первое сообщение о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Моряки-черноморцы одними из первых вступили в боевые действия, жители города все как один встали на его защиту. Так началась война в легендарном, овеянном славой Севастополе, за который на протяжении многовековой истории сражались и отдавали свои жизни тысячи и тысячи русских солдат и моряков.

К началу Великой Отечественной войны Севастополь был крупнейшим портом на Чёрном море и главной военно-морской базой страны. Героическая оборона города началась 30 октября 1941 г. и продолжалась 250 дней. После провала попытки сразу овладеть Севастополем немецкое командование предприняло ещё три крупных наступления на город: первое – 11 ноября 1941 г., второе – 17 декабря 1941 г., третье – 7 июня 1942 г. Особенно мощной была третья атака. Противник имел двукратное превосходство в живой силе, более чем трёхкратное – в артиллерии, десятикратное – в авиации.

Захватить Севастополь немцам удалось только с четвёртой попытки. С первых боёв и до последних дней обороны защитники Севастополя проявляли самоотверженность, беспримерную стойкость и героизм. Советские войска, исчерпав все возможности обороны, вынуждены были оставить его, и фашисты вступили в разрушенный город. За время оккупации они расстреляли, сожгли и насильно угнали в Германию десятки тысяч севастопольцев. В городе, насчитывавшем до войны более 100 тыс. жителей, на момент освобождения осталось примерно 3 тыс. человек.

Из сводки Совинформбюро за 3 июля 1942 г.: «250 дней героической обороны Севастополя. Наши войска оставили Севастополь».

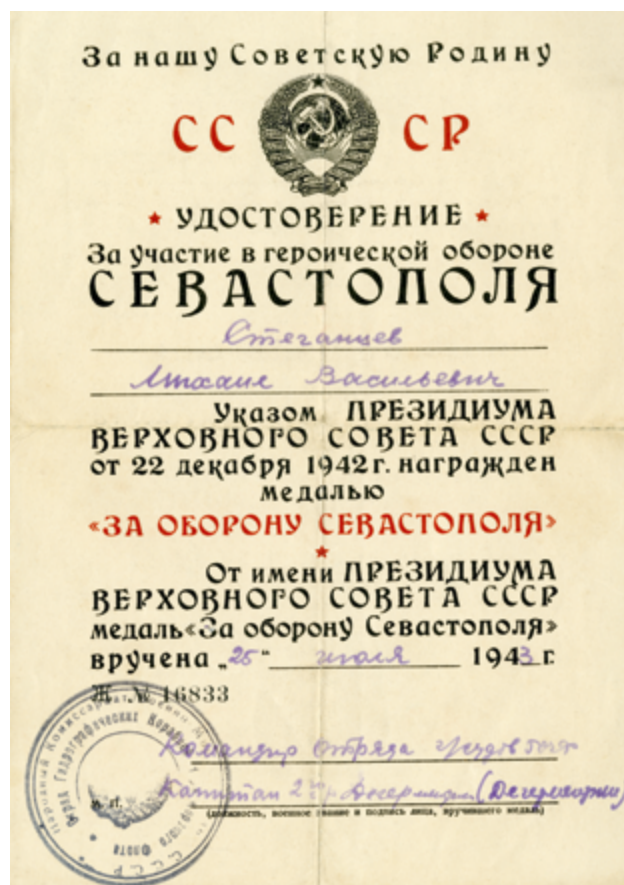
По приказу Верховного Командования Красной Армии 3 июля советские войска оставили город Севастополь.

В течение 250 дней героический советский город с беспримерным мужеством и стойкостью отбивал бесчисленные атаки немецких войск. Последние 25 дней противник ожесточённо и непрерывно штурмовал город с суши и с воздуха. Отрезанные от сухопутных связей с тылом, испытывая трудности с подвозом боеприпасов и продовольствия, не имея в своём распоряжении аэродромов, а стало быть, и достаточного прикрытия с воздуха, советские пехотинцы, моряки, командиры и политработники совершали чудеса воинской доблести и геройства в деле обороны Севастополя. Немцы в июне бросили против отважных защитников Севастополя до 300 000 солдат, свыше 400 танков и до 900 самолётов. Основная задача защитников Севастополя сводилась к тому, чтобы приковать на севастопольском участке фронта как можно больше немецко-фашистских войск и уничтожить как можно больше живой силы и техники противника. [...]

В боях за Севастополь немецкие войска понесли огромные потери, приобрели же – руины [...]»¹.

Каждый день севастопольцы отражали непрерывные атаки численно превосходящих немецко-фашистских войск, поддерживаемых авиацией, артиллерией и танками. Севастопольская оборона вошла в историю как пример массового героизма и самопожертвования, мужества и стойкости.

В ознаменование подвига защитников города 22 декабря 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль «За оборону Севастополя», которой были награждены свыше 50 тыс. человек. В их числе – мой отец, Михаил Васильевич Стёганцев.

Удостоверение к медали «За оборону Севастополя», которая была вручена М. В. Стёганцеву 25 июля 1943 г.

¹ Сообщения Совинформбюро. Июль – декабрь 1942 г. М., 1944. Т. 3. С. 9, 10.

Михаилу Васильевичу повезло вопреки всему, что пришлось пережить ему и его поколению. По статистике, среди фронтовиков 1922–1924 гг. рождения в живых осталось три процента. Он оказался среди тех, кто в 1941–1942 гг. оборонял Севастополь, а в 1944-м освобождал его, и одним из тех, кто выжил в этой страшной войне. О ней отец, кстати как и многие воевавшие, не любил рассказывать.

Восстановить его боевой путь помогли сохранившиеся в семейном архиве документы, удостоверения, наградные листы.

М.В. Стёганцев
в составе учебного
отряда ЧФ.
Севастополь.
15 апреля 1941 г.

Вначале — коротко о его жизни до войны. Родился М.В. Стёганцев 16 ноября 1922 г. в селе Житкур Астраханской области в крестьянской семье. Рано лишился родителей: отец умер, когда ему исполнилось 2 года, а в 10 лет потерял маму. Воспитывали его и младшего брата Петра, ставшего, как и отец, профессиональным военным, старшие братья и сестра. После окончания средней сельской школы поступил на исторический факультет Астраханского педагогического института. В 1940 г., второкурсником, был призван на службу во флоте.

Война застала Михаила Стёганцева в рядах сформированной ещё в июле 1940 г. Дунайской военной флотилии. Боевое крещение он получил в первые же дни войны: с 22 июня по 2 июля 1941 г. в составе экипажа монитора «Жемчужин» участвовал в боях под городами Галац (Румыния) и Рени (Одесская обл.), а со 2 по 25 июля — на мониторе «Железняков» под Измаилом (Одесская обл.),

Кременчугом (Полтавская обл.) и Знаменкой (Кировоградская обл.). Не раз высаживался с отрядом моряков на берег противника, ходил в разведку, корректировал по радио артиллерийский огонь с орудий монитора. Когда бомба попала в монитор, и он был потоплен, отцу удалось выплыть. Позже он был направлен в Киевский флотский экипаж, где, будучи в разведке, неоднократно выполнял задания командования по уничтожению огневых точек врага из засады. Воевал под Киевом.

М.В. Стёганцев (справа). Севастополь.
Ноябрь 1941 г.

С октября 1941 г. по июль 1942 г. М.В. Стёганцев участвовал в героической девятимесячной обороне Севастополя. Сохранилась боевая характеристика на отца, данная его командиром капитаном 2-го ранга Е.П. Вострых, с рекомендацией на представление к правительственной награде старшины 2-й статьи, старшего рулевого гидрографического судна «Горизонт» М.В. Стёганцева как «активного участника обороны Севастополя». Вот один из эпизодов его участия в обороне Севастополя. В одну из январских ночей 1942 г., во время шторма, оборвало кормовые

и носовые швартовые тросы, «Горизонт» стало уносить на камни. Стёганцев бросился в ледяную воду, доплыл до берега и закрепил концы тросов, предотвратив аварию судна. Этот подвиг описан в наградном листе к приказу о награждении его медалью «За отвагу»¹ – за проявленные при этом доблесть и мужество.

Ещё один эпизод. В марте 1942 г. фашисты сбросили бомбы на танкер «Серго», который перевозил бензин для самолётов; на танкере начался пожар, огонь мог перекинуться на бензин, которым был загружен танкер, тушить пожар было некому: все члены судна были либо убиты, либо ранены. Отец с тремя другими краснофлотцами в течение трёх часов тушили пожар, рискуя каждую минуту взорваться, проявляя при этом «исключительную стойкость по тушению пожара», что спасло судно от взрыва, а людей от гибели.

При бомбёжке завода № 45 бомба попала в убежище, которое завалило, а там находились люди. Четыре краснофлотца: Непрокин, Вовненко, Козленко и Стёганцев, несмотря на бомбёжки, отрыли убежище и спасли восемь рабочих, из которых трое были ранены. А когда вражеская бомба попала в 35-тонный кран, стоявший в бухте, те же краснофлотцы, несмотря на непрерывающиеся бомбёжки и артобстрелы, сумели потушить пожар и тем самым спасли кран, который был жизненно необходим городу при разгрузке и погрузке кораблей, приходящих в Севастополь с Большой земли. Эти эпизоды происходили одновременно с основной службой отца на судне «Горизонт».

Краснофлотская книжка
старшего рулевого
М.В. Стёганцева.
20 апреля 1942 г.

Работа военных лоцманов и экипажей военно-гидрографических судов была связана с постоянной смертельной опасностью для судов и экипажей. Каждый раз с наступлением темноты гидрографические суда узкими коридорами между минными полями проходили десятки километров, выходили в открытое море и поджидали караваны наших судов или отдельные транспорты с Большой земли, чтобы провести их невредимыми в Севастопольскую бухту. Приходящие с Большой земли танкеры, сухогрузы, теплоходы доставляли в Севастополь боеприпасы, горючее для самолётов и танков, продовольствие, пополнение живой силы, что было жизненно необходимо для сражающегося Севастополя.

Все подходы к Севастополю находились под жесточайшим контролем немецкой авиации, дальноточной артиллерии, вход в бухту перекрывали вражеские подлодки и торпедные катера. Вся территория Севастопольской бухты регулярно простреливалась немцами. И потому для проводки наших судов выбирались самые тёмные ночи, штормовая погода и любое ненастье, чтобы сократить вероятность атак гитлеровцев на приходящие транспорты. После того как транспорты успешно причаливались для разгрузки, гидрографические суда маскировались под береговые развалины и ожидали очередного распоряжения выхода в море. Экипажи этих кораблей, как и тысячи других севастопольцев, солдат и моряков, лётчиков и артиллеристов, делали свою ежедневную, обычную военную работу.

Выполняли её честно, самоотверженно, ежеминутно рисковали жизнью, выживая в ситуациях, когда это казалось невозможным. Севастопольцы сражались и на суше, и на море, и в воздухе, это был ад, в котором невозможно было даже выжить, а они жили вопреки всему и вся и продолжали бороться. Это из их героических подвигов складывались севастопольские будни. Можно вспомнить знаменитые штыковые атаки, которых немцы панически

боялись и не понимали, зачем идти на смерть, если можно сдаться и сохранить себе жизнь. Даже спустя десятки лет отец не мог слышать треск сухих сучьев в лесу под ногами. Этот звук напоминал ему штыковые атаки, когда черноморские моряки, закусив ленточку бескозырки зубами (чтобы не потерялась в бою), шли с голыми руками на немцев и раскалывали им головы автоматами, в которых не оставалось патронов.

¹ Приказ командующего Черноморским флотом по личному составу № 103 от 7 декабря 1943 г. ЦВМАМО РФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 589. Л. 610.

После отступления советских войск из Севастополя отец продолжал работать при секретной части Отряда гидрографических кораблей Черноморского флота и имел право получать всю секретную и совершенно секретную корреспонденцию, адресованную Отряду гидрографических кораблей Черноморского флота. Был ранен, находился на излечении в Батумском военном госпитале.

Удостоверение № 2011, выданное старшине 2-й статьи М.В. Стёганцеву и подтверждающее, что М.В. Стёганцев действительно работает при секретной части Штаба Отряда гидрографических кораблей Черноморского флота. 20 ноября 1942 г. (Из-за нехватки бумаги удостоверения печатались на обратной стороне гидрографических карт.)

По возвращении на фронт после госпиталя отец был назначен командиром военно-лоцманского бота № 5881. Какой была осень 1943 г.— можно представить по эпизоду, приведённому в наградном ли-

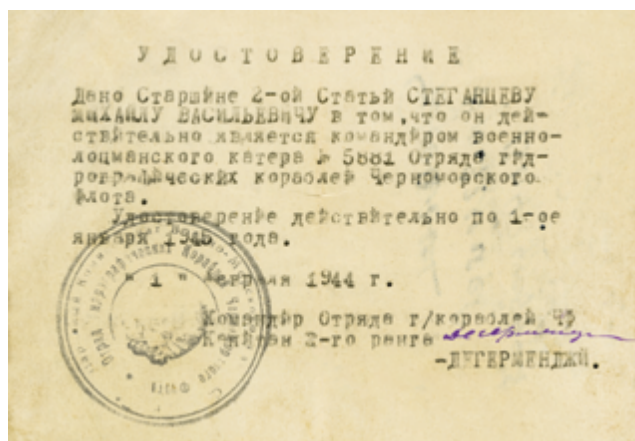
сте к приказу о награждении его орденом Красного Знамени¹: «Тов. Стёганцев, будучи командиром л/б «5881» в течение осени 1943 г. всё время работал в Керченском проливе, осуществляя проводку сейнеров, буксировал понтоны с войсками и вооружением на Крымский берег, проявляя образцы мужества и бесстрашия, умело маневрируя катером во время артобстрела и налётов вражеской авиации. Захватил в плен немецкого лётчика, упавшего в воду со сбитого самолёта, а также спас четырёх русских лётчиков во время штормовой погоды. Исключительно умело и мужественно управлял катером, снимая с мели наш катер с двумя понтонами с войсками и вооружением на буксире, севший на мель под артобстрелом противника у Крымских берегов».

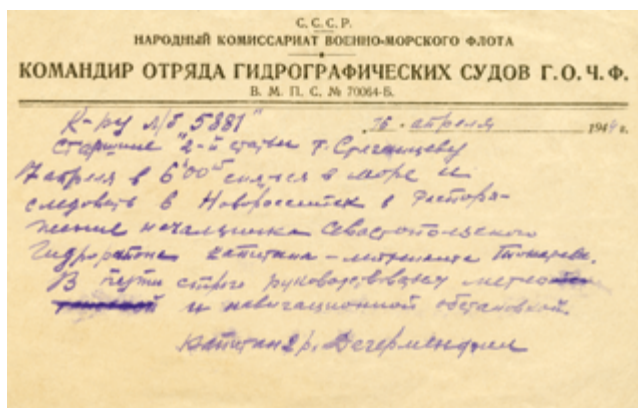
Новогодняя открытка, адресованная М.В. Стёганцеву 29 декабря 1943 г. Текст на обороте: «Тов. Стёганцев! Поздравляю Вас и весь личный состав с новым, счастливым и победным годом. Желаю благополучного плавания и успехов. Желаю также, чтобы Вы успешно могли выйти и прийти сюда. Посылаю Вам выписку из приказа, если останетесь там, предъявите финчасти, и Вам будут оплачивать как офицеру-командиру. С приветом капитан-лейтенант (подпись неразборчива) Р.С. Письма для Вас взял Садовский. 29/XII 43 г.».

Сохранились удостоверение, выданное ему 1 февраля 1944 г., и распоряжение от 16 апреля 1944 г., отражающее небольшой эпизод его военных будней.

¹ Приказ командующего Черноморским флотом по личному составу № 205 от 22 декабря 1944 г. ЦВМА МО РФ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 964. Л. 348.

Удостоверение, выданное старшине 2-й статьи М.В. Стёганцеву и подтверждающее, что он действительно является командиром военно-лоцманского катера № 5881 Отряда гидрографических кораблей Черноморского флота. 1 февраля 1944 г.

Распоряжение капитана 2-го ранга Е.М. Дегерменджи командиру л/б 5881 старшине 2-й статьи т. Стёганцеву от 16 апреля 1944 г.: «17 апреля в 6:00 сняться в море и следовать в Новороссийск в распоряжение начальника Севастопольского гидрорайона капитана-лейтенанта Токарева. В пути строго руководствоваться метео- и навигационной обстановкой».

В 1944 г. Михаил Стёганцев участвовал в морских операциях под Новороссийском, Анапой, Таманью, Керчью, Феодосией, Ялтой и – самое главное для отца – в освобождении Севастополя.

Десантники на Графской пристани. 9 мая 1944 г. Фото А.М. Межуева. Музей истории Черноморского флота при Дворце творчества детей и молодёжи «Севастополь»

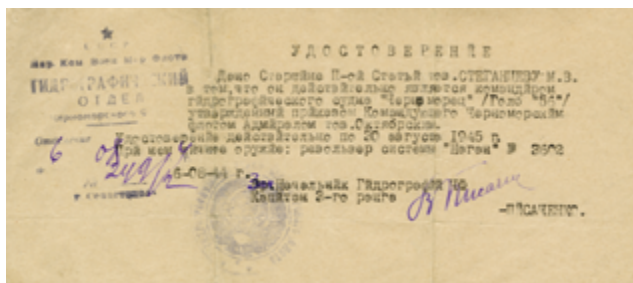

Последние минуты боя на Приморском бульваре. 1944 г. Музей истории Черноморского флота при Дворце творчества детей и молодёжи «Севастополь»

Писатель Л.С. Соболев с морскими пехотинцами на Графской пристани. 9 мая 1944 г. Фото А.М. Межуева. Музей истории Черноморского флота при Дворце творчества детей и молодёжи «Севастополь»

7 мая 1944 г. войска 4-го Украинского фронта (командующий — генерал армии Ф.И. Толбухин) начали штурм немецких оборонительных укреплений на Сапун-горе, и 9 мая 1944 г., ровно за год до великой Победы, советские войска освободили Севастополь от немецких оккупантов и успешно завершили Крымскую операцию.

Удостоверение, выданное старшине 2-й статьи М.В. Стёганцеву и подтверждающее, что он действительно является командиром ГОЛБ-56 (г/с «Черноморец»). При нём личное оружие: револьвер «наган» № 3602. 6 августа 1944 г.

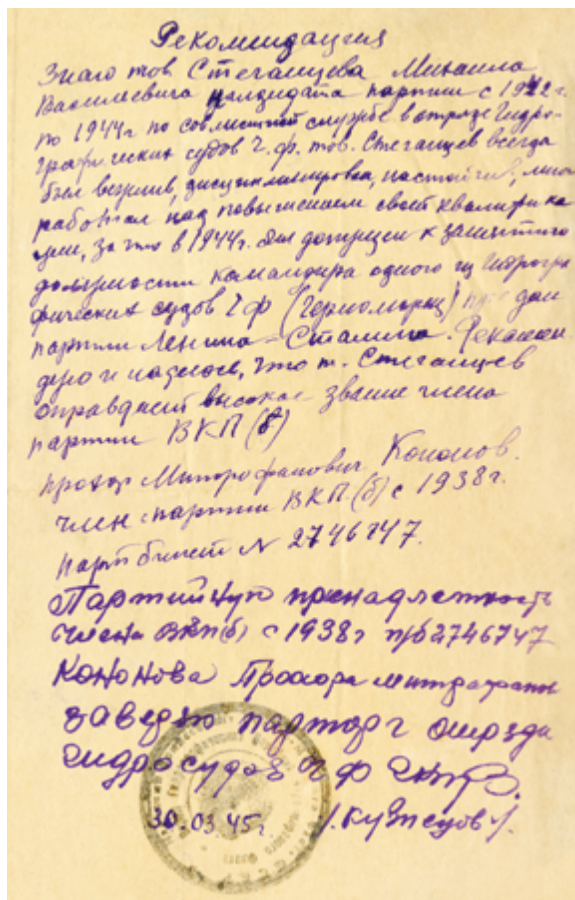

М.В. Стёганцев — командир гидрографического судна «Черноморец». Севастополь. Декабрь 1944 г.

10 мая 1944 г. Москва 24 залпами из 342 орудий салютовала освободителям Севастополя. В этот день газета «Правда» писала: «Здравствуй, родной Севастополь! Любимый город советского народа, город-герой, город-богатырь! Радостно приветствует тебя вся страна!»

Севастополь был освобождён, но война продолжалась. С июня 1944 г. М.В. Стёганцев — командир военно-гидрографического корабля «Черноморец».

Среди сохранившихся в семейном архиве документов — рекомендация, выданная отцу 30 марта 1945 г., в связи с вступлением в партию. Вот как характеризовал его автор рекомендации Прохор Митрофанович Кононов: «Знаю т. Стёганцева Михаила Васильевича, кандидата партии с 1942 г. по 1944 г., по совместной службе в Отряде гидрографических судов ЧФ. Тов. Стёганцев всегда был вежлив, дисциплинирован, настойчив, много работал над повышением своей квалификации, за что в 1944 г. был допущен к занятию должности командира одного из гидрографических судов ЧФ («Черноморец»), предан партии Ленина — Сталина. Рекомендую и надеюсь, что т. Стёганцев оправдает высокое звание члена партии ВКП(б)».

Рекомендация в партию, выданная М.В. Стёганцеву 30 марта 1945 г. Подписана П.М. Кононовым, членом ВКП(б) с 1938 г.

День Победы 9 мая 1945 г. отец встретил в Кремле, где ему был вручён орден Боевого Красного Знамени.

После войны отец поступил в Военный институт иностранных языков и, окончив его в 1948 г., работал помощником начальника политического отдела института.

С 1958 по 1978 г. М.В. Стёганцев был начальником отдела, а затем начальником управления ЦК ДОСААФ СССР. После выхода на пенсию в звании полковника успешно работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела (ВНИИДАД). С этого времени все свои глубокие разносторонние знания, силы и огромный жизненный опыт он отдавал архивному делу.

Кремль. В зале Президиума Верховного Совета СССР после вручения правительственных наград. Первый справа в третьем ряду старшина 2-й статьи Военно-Морского Флота М.В. Стёганцев. 9 мая 1945 г.

Группа слушателей Военного института иностранных языков. Второй справа во втором ряду — М.В. Стёганцев. Май 1945 г.

М.В. Стёганцев.
Москва. Май 1980 г.

В 1985–1992 гг. М.В. Стёганцев возглавлял Центральный государственный архив Советской армии (ЦГАСА). Будучи одним из инициаторов внедрения новых форм популяризации архивных документов, он создал в ЦГАСА выставочный зал (первый в федеральных архивах). Выставки, про-

ведённые по инициативе и при непосредственном участии Михаила Васильевича, пользовались большой популярностью среди российских архивистов, исследователей, преподавателей и студентов вузов, учащихся московских школ. Михаил Васильевич участвовал и в создании путеводителя по фондам

архива¹, в конференциях и семинарах по вопросам сохранности документов, приёма на государственное хранение документов личного происхождения.

По мнению сотрудников ЦГАСА (ныне Российский государственный военный архив, РГВА), Михаил Васильевич был строгим, но справедливым руководителем, который не обходил вниманием ни одну, даже малейшую проблему архивной жизни. Центральный государственный архив Советской армии, оставаясь сугубо гражданским учреждением, под управлением фронтовика М.В. Стёганцева работал как командирские часы. За 7 лет его руководства архив трижды удостаивался переходящего Почётного Красного Знамени, что само по себе говорит как о блестящих организаторских способностях директора, так и о его нацеленности на успех всего коллектива.

Авторитет и огромная энергия М.В. Стёганцева нашли своё подтверждение в том, что ему было доверено руководство Советом директоров федеральных архивов, председателем которого он был несколько лет.

¹ Центральный государственный архив Советской армии. Путеводитель: В 2 т. М., 1991, 1993.

В 1990 г. Михаил Васильевич вместе с группой архивистов и учёных выступил с инициативой создания Всесоюзного общества историков-архивистов. В 1992 г. он был избран заместителем председателя правления Центрального совета общества. На этом посту М.В. Стёганцев приложил много усилий по укреплению общества, созданию и развитию его региональных отделений и представительств в субъектах федерации, налаживанию и укреплению связей общества с зарубежными коллегами. Благодаря его стараниям начал издаваться информационный бюллетень «Вестник архивиста», на высоком уровне проходили международные и общероссийские научные конференции и семинары, организованные обществом совместно с архивными учреждениями и научными организациями страны.

За свои боевые и трудовые заслуги Михаил Васильевич был отмечен 35 государственными наградами, в том числе орденами Боевого Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, «За службу Родине»; в 1987 г. ему было присвоено почётное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

С.Д. Гарнюк

Герои Советского Союза – участники боёв за Севастополь (по документам ЦГА Москвы)

В первые послевоенные годы Институт истории партии МК и МКГ ВКП(б) проводил большую работу по собиранию материалов биографического характера о Героях Советского Союза, имевших какое-либо отношение к Москве. Продолжалась она и в дальнейшем. В настоящее время все собранные документы по данной теме входят в состав фонда П-8682 Центрального государственного архива города Москвы (Коллекция документов личного происхождения Героев Советского Союза). Всего в фонде 1324 единицы хранения за 1918–1990 гг.

В первом выпуске архивно-краеведческого альманаха «Москва – Севастополь» (М., 2016) В.А. Арцыбашевым были опубликованы хранящиеся в фонде П-8682 документы четверых Героев Советского Союза, получивших это высокое звание за боевые действия в Крыму: Айриева Армена Тевановича, Ворон-

кова Ивана Семёновича, Похлебаева Ивана Григорьевича, Цикоридзе Платона Лукича¹.

Между тем в фонде хранятся материалы личного происхождения и ряда других военнослужащих, отличившихся именно в боях за Севастополь: Коробкова Фёдора Григорьевича, Родионова Алексея Павловича и Тургенева Фёдора Николаевича. Документы об их жизни и деятельности, представляющие несомненный интерес, публикуются в настоящем сборнике.

Фёдор Григорьевич Коробков

Родился 7 июня 1898 г. в г. Спасск Тамбовской губернии в семье рабочего. С 1915 г. служил в старой

¹ Арцыбашев В.А. «Сломив сопротивление немецких захватчиков»...: Герои Советского Союза – участники боевых действий в Крыму // Москва – Севастополь: Архивно-краеведческий альманах. М., 2016. С. 176–186.

армии в звании старшего унтер-офицера гренадерского полка.

С апреля 1918 г. в рядах РККА, занимал командные должности в стрелковых частях. В 1932 г. с должности командира 6-го Туркестанского стрелкового полка перешёл в авиацию. В 1933 г. окончил 1-ю Военную школу лётчиков имени А.Ф. Мясникова в посёлке Кача под Севастополем. Своё военное образование Фёдор Григорьевич продолжил в Высшей лётно-тактической школе ВВС в Липецке, по окончании которой был направлен в командировку в Испанию. В октябре 1936 г. – сентябре 1937 г. принимал участие в боях как командир авиаэскадрильи. За проявленное мужество в январе 1937 г. был награждён орденом Красного Знамени, а в ноябре 1937 г. – орденом Ленина. В октябре 1937 г. Ф.Г. Коробкову было присвоено воинское звание комбриг, а в феврале 1939 г. – звание комдив. После введения в 1940 г. генеральских званий Фёдор Григорьевич стал генерал-майором авиации. После возвращения из Испании занимал с января 1938 г. должность временно исполняющего обязанности начальника авиации Военно-морского флота. В июне 1939 г. был назначен заместителем командующего авиацией ВМФ.

Во время Великой Отечественной войны неоднократно выезжал на флоты для руководства действиями военно-морской авиации. 24 апреля 1942 г. Ф.Г. Коробков и генерал-майор авиации командующий ВВС Черноморского флота Н.А. Остряков осматривали авиационные мастерские, расположенные на берегу Круглой бухты¹ Севастополя. Внезапный налёт немецкой авиации привёл к тому, что одна из бомб попала в ангар и разорвалась. В результате погибли оба военачальника, а также 46 военнослужащих и работников мастерских. Похоронили Ф.Г. Коробкова на кладбище Коммунаров² в Севастополе. Звание Героя Советского Союза присвоили посмертно 14 июня 1942 г. Память о Фёдоре Григорьевиче была увековечена в названии одной из улиц Севастополя³ 15 апреля 1951 г.⁴

¹ Находится в 5 км к юго-западу от входа в Севастопольскую бухту. Название получила по своей форме, которая близка к кругу.

² Мемориальное кладбище в Ленинском районе Севастополя. Расположено на месте пятого бастиона Севастопольской обороны 1854–1855 гг. Образовано в ноябре 1923 г., название получило в память о захороненных на этом месте в конце 1920 г. 49 большевиках-подпольщиках.

³ Новая улица в Ленинском районе, которая возникла после окончания Великой Отечественной войны.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 546. Л. 23–32; Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь: В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 732.

**Наградной лист на присвоение
звания Героя Советского Союза
заместителю начальника Военно-воздушных сил
ВМФ генерал-майору авиации Коробкову Ф.Г.**

Не ранее 13 июня 1942 г.

1. Год рождения – 1898 г.
2. Национальность – русский.
3. Соцположение – служащий.
4. Партийность – член ВКП(б).
5. С какого времени в РККА – с 1918 г.
6. Участие в Гражданской войне – участвовал на Западном, Туркестанском фронтах и против Колчака.
7. Ранения и контузии – не имеет.
8. Представлялся ли ранее к награде, когда и за что – за успешную борьбу с басмачеством – орденом Трудового Красного Знамени Узбекской ССР – 1928 г.; за успешное выполнение правительственного задания – орденом Ленина и орденом Красного Знамени; за образцовое выполнение задания командования в борьбе с немецкими захватчиками – орденом Красного Знамени – 1942 г.
9. Какие имеет поощрения и награды и за что⁵.
10. Служба в белой или других буржуазных армиях и пребывание в плену – не служил.
11. Постоянный адрес⁶:

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Тов. Коробков погиб на боевом посту при бомбардировке вражескими самолётами аэродромов г. Севастополя.

Начиная с 1918 г. по день гибели т. Коробков являлся активным строителем и борцом Красной Армии.

Выйдя из старой армии ст. унтер-офицером, в 1918 г. добровольно вступает в Красную Армию и на протяжении всей Гражданской войны, работая на командных должностях до начальника штаба бригады включительно, многократно участвует в боях.

В 1923 г. добровольно уходит на Туркестанский фронт, где последовательно командует ротой, батальоном, полком, участвуя в боевых действиях против басмачей. Награждается орденом Трудового Красного Знамени Узбекской ССР.

⁵ Сведения отсутствуют.

⁶ Сведения отсутствуют.

В 1936 г. по заданию правительства, уже как командир-лётчик, участвует в боевых действиях в Испании, командуя Северной группой Авиации. Награждается орденами Ленина и Красного Знамени.

С 1937 г. врид начальника ВВС ВМФ, а затем в должности заместителя начальника ВВС ВМФ проводит исключительно большую работу по организации и боевой подготовке ВВС ВМФ.

На протяжении Великой Отечественной войны он на ответственных участках действий авиации способствует лучшей организации и боевому использованию ВВС, постоянно работая над совершенствованием ВВС в целом. Награждён орденом Красного Знамени.

Скромный, чуткий, отзывчивый, беззаветно преданный сын партии Ленина – Сталина, прекрасный организатор. Смелый, храбрый командир, он пользовался беспредельной любовью у всего личного состава ВВС ВМФ.

Заслуживает посмертного присвоения звания Героя Советского Союза.

П[одлинный] п[одписал]:
начальник ВВС ВМФ
генерал-лейтенант авиации Жаворонков¹

Верно: начальник 4-го отдела
Ком[андного] упр[авления] ВМФ
капитан Остяков²

Копия с копии верна:
нач[альник] 3-го отд[еления]
4-го отдела УК ВМС майор и/с³ Шапиро⁴

ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 546. Л. 4, 5.
Заверенная копия с заверенной копии.
Машинопись.

¹ Жаворонков Семён Фёдорович (1899–1967) – маршал авиации (1944). В 1939–1946 гг. – начальник Военно-воздушных сил Военно-Морского Флота.

² Остяков, в 1942 г. – капитан, начальник 4-го отдела командного управления ВМФ. Биографические сведения не установлены.

³ Интендантская служба.

⁴ Шапиро, в 1942 г. – майор интендантской службы, начальник 3-го отделения 4-го отдела Управления кадров ВМС. Биографические сведения не установлены.

Биографическая справка на Ф.Г. Коробкова, составленная в Институте истории партии МК и МГК ВКП(б)

1948 г.

Коробков Фёдор Григорьевич, генерал-майор авиации, русский, родился в 1898 г. в г. Спасске⁵, бывшей Тамбовской губернии (ныне Рязанской области), в семье рабочего. Отец его работал на складе швейных машин, мать на подённых работах у разных хозяев. Родители имели 11 человек детей, из них осталось в живых 5 человек, а 6 умерли в раннем возрасте.

В крайней бедности и нужде мать воспитывала пятерых детей. Ф. Коробков с восьмилетнего возраста работал на подённых работах у кулаков, получая 10 коп. в день. С 1905 г. по 1913 г. он учился, окончив приходское и городское четырёхклассное училище. По окончании он поступил рассыльным в Спасскую уездную земскую управу, где одновременно учился на писаря, получая 10 руб. в месяц.

В 1915 г. Ф. Коробков пошёл добровольно служить в царскую армию, где был вначале рядовым, а потом, находясь на фронте, в 1917 г. окончил учебную команду и был произведён в старшие унтер-офицеры.

В период тяжёлых испытаний Советской Родины, когда враги народа при поддержке иностранных империалистов старались задушить советскую власть, Ф. Коробков добровольно в начале 1918 г. вступил в ряды Красной Армии.

Весь период Гражданской войны он находился на фронте, участвуя против белогвардейских банд, пройдя походным порядком с боями от р. Волги до г. Иркутска.

В 1921 г. Ф. Коробков окончил Высшую военную школу в г. Омске. Потом учился в Высшей военной педагогической школе, которую не окончил ввиду расформирования.

В 1922 г. он был назначен командиром роты в стрелковый полк в г. Курск.

В 1923 г. Ф. Коробков добровольно убыл в Туркестан, где последовательно командует ротой, батальоном, полком. В Туркестане в то время свирепствовали контрреволюционные банды басмачей, организованные при помощи иностранных империалистов.

⁵ В настоящее время – г. Спасск-Рязанский.

В период командования Узбекским стрелковым батальоном и полком, он с присущей ему энергией отдаёт все свои знания, умение и опыт делу усовершенствования в учёбе и боевой подготовке воинов части.

Прекрасный организатор, смелый и храбрый командир, Коробков пользовался среди подчинённых любовью и уважением. Он был скромным, чутким, отзывчивым товарищем, беззаветно преданным сыном партии Ленина – Сталина.

В 1925 г. партийной организацией полка он был принят в члены Всесоюзной Коммунистической партии большевиков.

Правительство Узбекской Социалистической Советской Республики высоко оценило выдающиеся заслуги командира Коробкова, наградив его орденом Трудового Красного Знамени.

В 1932 г. Ф. Коробков был назначен инспектором ВВС авиабригады. В 1933 г. он учился в лётной школе и по окончании был назначен командиром авиаэскадрильи.

В 1936 г. Ф. Коробков выполнял специальное задание правительства, за что был награждён орденами Ленина и Красного Знамени.

В 1937 г. он был слушателем Высшей лётно-тактической школы, по окончании которой был назначен на должность врид начальника ВВС Военно-Морского Флота, а затем исполнял должность зам. начальника. Он проводил большую работу по организации и боевой подготовке Военно-воздушных сил Военно-Морского Флота.

В этой должности его застала Великая Отечественная война советского народа с немецко-фашистскими захватчиками. Он на всех ответственных участках боевых действий с врагом способствует лучшей организации, боевому использованию и совершенствованию Военно-воздушных сил для уничтожения немецко-фашистских захватчиков.

За проявленные героические подвиги в боевых действиях с немецко-фашистскими захватчиками Указом Президиума Верховного Совета СССР Фёдор Григорьевич Коробков награждён орденом Красного Знамени.

Летом 1942 г. в боях с врагом погиб смертью храбрых пламенный патриот Социалистического Отечества Фёдор Григорьевич Коробков¹.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Фёдору Григорьевичу Коробкову за геройский подвиг,

проявленный при выполнении боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Примечание: биография составлена мл[адшим] научным сотрудником Института истории партии МК ВКП(б)

П. Хромовым.

ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 546. Л. 17–19.

Копия. Машинопись.

Воспоминания генерал-лейтенанта авиации, заместителя командующего Северным флотом по политической части В.П. Алексева, направленные директору Института истории партии МК и МГК ВКП(б) Г.Д. Костомарову, о совместной службе с Ф.Г. Коробковым в апреле 1939 г. – апреле 1942 г.

№ 3/11, г. Ваенга (Мурманская обл.) 3 ноября 1948 г.

На Ваш запрос № 15 от 25.09.1948 г.

Сообщаю: с генералом т. Коробковым Фёдором Григорьевичем я служил вместе три года – с апреля 1939 по апрель 1942. Что-либо особое о нём сообщить не могу. Могу сказать из своих наблюдений, что это был очень партийный, кристально честный, высоко грамотный и мужественный генерал. Замечательный товарищ.

В своих отношениях с начальниками сочетал дисциплинированность с прямоотой и правдивостью, с подчинёнными был строгий, но никогда его не покидало чувство сердечности и чуткости к человеку, даже если этот человек провинился, и очень суровый был ко всякому злему умыслу.

Вот за всё это любили и уважали Фёдора Григорьевича.

Обладал хорошим даром слова. Его слова доходили до массы.

В дни войны он неутомимо работал, успевал беседовать с подчинёнными, говорил всегда просто, доходчиво, убедительно.

Очень остроумный – даже в быту. Как-то он мне рассказывал про свою старушку мать, которая стала однажды ему доказывать, что на войне не так уж тяжело и страшно, как об этом иногда говорят солдаты. Фёдор Григорьевич не стал её убеждать и, ничего

¹ Точная дата гибели 24 апреля 1942 г.

не говоря, вызвал машину и пригласил старушку мать на экскурсию в Севастопольскую панораму¹ (тогда он учился под Севастополем, Качинская школа), и когда мать увидела на полотне кровавый бой, вцепилась в перила, часа два смотрела с затаённым дыханием, затем молча пошла и два дня молчала. После этой экскурсии, говорил он, мать уже не говорила, что на войне легко, и с особым уважением стала относиться к военным.

Или ещё один пример: Как-то старушка мать стала доказывать, что на небе есть рай. Он ей заявил: «Что на небе есть рай – ты не докажешь, а что на земле есть рай – я тебе докажу», и свёз старушку в Большой театр в Москве, где шла опера. Она до этого в таком театре, будучи всегда в деревне, не бывала. И когда старушка вошла в Большой театр, осмотрела театр, вздохнула, села и сразу уснула в кресле. По окончании оперы, которую она проспала, сказала: «Да – это рай для живых». И больше о небесном рае не говорила.

Я знаю, что все эти штрихи не имеют отношения к тому, что Вас интересует, но Фёдор Григорьевич был мой личный друг и поэтому ничего о нём не сказать я не мог. Но то, что говорю – это точно.

Скажу ещё, что это был большой самородок, большой психолог. Будучи под Севастополем, на одном из непрерывно обстреливаемых немцами аэродромов, он заметил, что некоторые техники боятся обслуживать боевые самолёты под арт[иллерийским] огнём. Тогда, в момент артобстрела аэродрома, он вышел из блиндажа и стал ходить по аэродрому и якобы осматривать самолёты на глазах всего личного состава, который был в щелях и блиндажах.

В беседе с техниками его спросили: «Почему Вы так свободно ходили? Видимо, у Вас отсутствует чувство страха?» Он ответил: «Нет, это чувство и у меня есть, но долг перед Родиной выше, чем страх за себя. Тот, кто дрожит, скорее погибнет – и прежде всего мо-

рально, – и дальше, шутя, ответил: – Тело моё может погибнуть, а я – никогда». После этого технический состав смелее работал под артогнём. Их же начальникам он сказал отдельно: «Если мы, генералы, будем злоупотреблять бережливостью к себе, то трудно убеждать будет подчинённых и призывать к бесстрашию и самопожертвованию».

Вскоре, через два дня, Фёдор Григорьевич погиб от вражеской бомбы вместе с таким же замечательным сыном нашей Родины, Героем Советского Союза генералом Остряковым Николаем Алексеевичем.

Вот и всё, что я мог Вам написать, дорогой т. Костомаров.

Понимаю, что Вы, наверное, ждали от меня нечто большего, но это всё, что я мог Вам написать в порядке ответа на Ваш запрос.

С уважением к Вам,
генерал-лейтенант авиации
Северный флот

В. Алексеев²

ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 546. Л. 43–45.
Подлинник. Машинопись. Подпись – автограф.

Алексей Павлович Родионов

Родился 18 марта 1898 г. в г. Елец Орловской губернии (ныне Липецкая область) в семье рабочего. С апреля 1917 г. служил в армии рядовым в артиллерийском дивизионе.

С февраля 1918 г. – в рядах РККА. Занимал командные должности в стрелковых частях. В 1934–1942 гг. – помощник коменданта и комендант Наркомата обороны СССР.

С ноября 1942 г. в действующей армии. В феврале 1944 г. – мае 1945 г. – командир 77-й стрелковой дивизии, которая особо отличилась при освобождении Крыма. Под командованием А.П. Родионова части дивизии 11 апреля 1944 г. вступили в Симферополь, 7 мая взяли штурмом Сапун-Гору близ Севастополя, водрузив там Красное Знамя. Уже 16 мая за умелое командование дивизией и проявленные при этом мужество и героизм Президиум Верховного Совета СССР присвоил Алексею Павловичу звание Героя Советского Союза.

² Алексеев Владимир Петрович (1901–1958) – генерал-лейтенант авиации (1945), в 1948 г. заместитель командующего Северным флотом по политчасти.

¹ Художественное полотно размером 14x115 м, созданное под руководством батального живописца Ф.А. Рубо к 50-летию обороны Севастополя 1854–1855 гг. Изображает бой 6 июня 1855 г. на Малаховом кургане. Открытие панорамы состоялось 14 мая 1905 г. Во время Великой Отечественной войны панорама была повреждена и эвакуирована из города. После реставрации вновь открыта 16 октября 1954 г. В настоящее время – музейный объект Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя.

После окончания войны А.П. Родионов продолжил занимать командные должности. В 1947–1951 гг. находился в Германии: сначала был заместителем начальника Управления Советской военной администрации земли Саксония, затем военным комендантом советского сектора Берлина.

В 1952 г. окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба, после чего занимал должность заместителя начальника Управления вневоинского обучения Главного управления боевой и физической подготовки Сухопутных войск. С марта 1957 г. – в отставке.

Скончался А.П. Родионов 24 октября 1965 г. в Москве, похоронен на Кузьминском кладбище. В память об Алексее Павловиче 6 мая 1969 г. Забалканская ул. Севастополя была переименована в ул. Генерала Родионова. Его именем названа и одна из улиц в Симферополе.

**Учётная карточка Института истории партии
МК и МГК ВКП(б) на Героя Советского Союза,
участника Великой Отечественной войны
А.П. Родионова**

31 июля 1948 г.

1. Фамилия, имя и отчество: *Родионов Алексей Павлович.*

2. Год и место рождения: *1898 г., Елец Орловской области.*

3. Национальность: *русский.*

4. Образование: *среднее.*

5. Партийность: *чл[ен] ВКП(б), с какого года: 1926 г.*

Номер партбилета: *2206666.* В какой парторганизации состоит на партучёте и адрес: *Управл[ение] Советской] военной администрации земли Саксония.*

6. Были ли колебания в проведении линии партии и участвовали ли в оппозициях (каких, когда): *нет.*

7. Имели ли партвызыскания (когда, за что): *выговор 1932 г. за утерю партбилета (выговор снят).*

8. В какой части и в качестве кого принимали участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: *302-я и 77-я стрелковые дивизии, командир дивизии.*

9. Какие имеются награды и за что: *Золотая Звезда Героя Советского Союза, два ордена Ленина, три орд[ена] Кр[асного] Зн[амени], орд[ен] Отеч[е-*

ственной] войны 1-й ст[епени], [орден] Красной Звезды, медали: «XX лет РККА», за Сталингр[ад], за Москву¹ и «[За] победу над Германией [в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.]», «XXX лет Сов[етской] Армии [и Флота]».

10. Где и в качестве кого Вы работали до [начала] Великой Отечественной войны: *комендант Наркомата обороны СССР.*

11. На какую тему можете написать работу о Великой Отечественной войне: *об этом не думал и попыток не делал.*

12. Семейное положение: *женат, сын 1925 г.р. – лейтенант запаса, учится в институте (г. Москва).*

13. Адрес местожительства, номер телефона: *В СССР, Москва, Шмитовский пр.*

Подпись: *Родионов*

ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 967. Л. 1–1 об.

Подлинник.

Текст на бланке

«Институт истории партии МГК ВКП(б)».

Подпись – автограф.

Приложение 1

**Наградной лист
на присвоение звания Героя Советского Союза
командиру 77-й стрелковой дивизии
полковнику А.П. Родионову**

14 июля 1947 г.

1. Фамилия, имя и отчество – Родионов Алексей Павлович.

2. Звание – полковник.

3. Должность, часть – командир стрелковой дивизии.

4. Год рождения – 1898.

5. Национальность – русский.

6. Партийность – член ВКП(б).

7. Участие в Гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР в Отечественной войне – в Отечественной войне с ноября 1942 г.

8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне – ранен в 1943 г.

¹ Так в документе. Имеются в виду – «За оборону Сталинграда» и «За оборону Москвы».

9. С какого времени в Красной Армии – с 1918 г.

10. Каким ВРК призван – кадровый.

11. Чем ранее награждён (за какие отличия) – орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, медалью «XX лет РККА» и медалью «За оборону Сталинграда».

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи – г. Москва.

Жена – Родионова Валентина Ефимовна.

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Стрелковая дивизия под командованием полковника т. Родионова, выполняя задачу по развитию наступательных действий частей корпуса с 11.04.1944 г. и энергично преследуя в направлении, на плечах его ворвалась в город.

Преодолевая горно-лесистую местность и водный рубеж, дивизия с ходу заняла и подошла к сильнейшей оборонительной полосе противника, прикрывающей подступы. После непродолжительной подготовки и перегруппировки своих сил дивизия 07.05.1944 г. перешла в решительное наступление, прорвала первую линию обороны противника и стремительным броском вырвалась на гребень горы и первая водрузила на ней Красное Знамя. Противник после ошеломляющего удара последовательно провёл несколько ожесточённых контратак. Дивизия, выдержав натиск противника и нанеся ему громадные потери, 09.05.1944 г. опрокинула и обратила в бегство контратакующих и на плечах противника первой ворвалась в слободу, завершив тем самым великую битву.

За период боёв дивизия уничтожила до 1200 солдат и офицеров противника и 1100 взяла в плен, уничтожила 6 танков, 55 станковых пулемётов, 10 дотов, 5 дзотов, свыше 50 орудий, 10 мин[омётных] батарей и захватила 38 орудий, 40 автомашин и большое количество боеприпасов и другой техники врага.

Полковник Родионов, сочетая высокий наступательный порыв бойцов со стремительностью наступления, сокрушил долговременную, глубоко эшелонированную оборону противника, насыщенную всеми видами современного оружия.

За умелое руководство боевыми действиями дивизии, стремительное преследование противника, за прорыв сильнейшей его обороны на подступы

к городу полковник т. Родионов достоин присвоения звания «Герой Советского Союза»¹.

Сверка произведена правильно:

машинистка М[инистерства]

В[ооружённых] С[ил] СССР

Рябинина

С подлинным верно:

научный сотрудник

Института истории партии

МГК ВКП(б)

26/VI 1947 г.

Хромов

ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 967. Л. 7–8.

Заверенная копия. Машинопись.

Автобиография А.П. Родионова

3 марта 1949 г.

Я родился в 1898 г. в г. Ельце Орловской области, в семье рабочего-пекаря. Отец мой – Павел Афанасьевич Родионов, начиная с детства и до самой своей смерти (умер в 1919 г.), был непрерывно рабочим-пекарем, но в деревне имелась земля на 4 души, которая сдавалась в аренду. Мать, Мария Феоктистовна, умерла в 1930 г. и была во время своей жизни домохозяйкой.

Брат Константин, 1903 г.р., рабочий-пекарь, сейчас живет под Москвой и работает грузчиком.

Брат Иван, 1900 г.р., всё время проживает в г. Ельце, работает рабочим-пекарем.

Брат Николай, 1909 г.р., рабочий-пекарь, погиб в Великую Отечественную войну.

Брат Пётр, 1911 г.р., был рабочим С[талинградского] т[ракторного] з[авода], сейчас – старший лейтенант, был на фронтах Великой Отечественной войны и в настоящее время служит в Советской армии.

Сестра Татьяна, 1903 г.р., замужем за рабочим-пекарем, проживает в г. Ельце Орловской области.

Сестра Мария, 1915 г.р., была на фронтах Отечественной войны, замужем за рабочим, проживает также в г. Ельце.

Отец, мать, братья и сёстры за границей не проживали, в плену не были, на территории белых не жили, избирательных прав не лишались.

¹ Указ [Президиума Верховного Совета СССР] от 16.05.1944 г. Д. 3/61. Л. 47. – *Примеч. док.*

Семейное положение моё – женат. Жена – служащая, Валентина Ефимовна Солдатова, ранее проживала в г. Владимире. Работала всё время в советских учреждениях, член ВКП(б) с 1945 г. Имею сына Виталия, 1925 г.р., кандидат в чл[ены] ВКП(б), студент Московского механического института. Родители жены умерли, родные жены также за границей не проживали, в плену не были, на территории белых не жили и избирательных прав не лишались.

Я окончил 3 года сельской школы в селе Тростное Елецкого уезда Орловской губ[ернии] в 1910 г.

Самостоятельно начал работать с 1910 г., сначала мальчиком в хлебопекарне, а затем подмастерьем до 1917 г., в г. Ельце.

В конце 1916 г. был призван в армию и направлен в г. Серпухов в 1-й запасной артиллерийский дивизион, а с мая 1917 г. и до начала 1918 г. был на Юго-Западном фронте (Галиция) в 25-м легкомортирном артиллерийском дивизионе в чине рядового артиллериста. Никаких военно-учебных заведений в царской армии не кончал. Демобилизован из царской¹ армии в начале января 1918 г.

Во время Февральской революции находился в г. Серпухове в 1-м запасном артиллерийском дивизионе. Во время Октябрьской революции был на Юго-Западном фронте в районе Гусятин и в районе местечка Орынин Каменец-Подольской губ[ернии] в 25-м легкомортирном дивизионе.

Активного участия в Октябрьской революции не принимал, голосовал за большевиков. В числе других отказался ехать в банду Корнилова для подавления Ленинграда.

В ряды РККА вступил добровольно в феврале 1918 г. в г. Ельце, в красногвардейский отряд. Будучи в красногвардейском отряде, участвовал в подавлении кулацких восстаний. В начале 1919 г. поступил на курсы красных командиров (г. Елец), которые окончил в конце 1919 г. По май 1920 г. был командиром взвода в 1-м Орловском полку. В составе курсов участвовал на Южном фронте, в районе г. Калач, и в боях с бандами Мамонтова, в районе Ливны – Елец.

В мае 1920 г. отправился в 1-й заградотряд Западного фронта на должность командира взвода, где пробыл около месяца, потом по собственному желанию отправился на фронт.

С июня 1920 г. по февраль 1921 г. был на польском фронте и, по ликвидации банд Булак-Бала-

ховича², в 151-м стрелковом полку в должности командира взвода, помкомроты и комроты.

С февраля 1921 г. до конца года был слушателем курсов «Выстрел» (Москва). По окончании их был назначен в 17-й кадрово-учебный полк 17-й стрелковой дивизии на должность помкомбата.

С апреля 1922 г. был на Туркестанском фронте по ликвидации банд басмачей Джура-Амина, Мула-Кагара и других в районе Ст[арой] Бухары и Карши в составе 17-го к[адрового] у[чебного] п[олка] 17-й стрелковой дивизии, в должностях: помкомбата, врид комбата и военкома батальона.

С начала 1923 г. по 1934 г. был в 51-м и 50-м стрелковых полках в должностях: помкомроты (1 год), комроты (5 лет, начальником полковой школы (4 года) и комбата (3 года, когда был начальником полковой школы и комбатом – был единоначальником).

На Южном фронте, будучи в составе курсов, был ранен в руку, а на польском фронте и в Пружанской операции был контужен.

В 50-м стр[елковом] полку 17-й стрелковой дивизии за боевую подготовку имею ряд наград: часы, кожаное пальто, м[елко]калиберную винтовку, несколько денежных наград, лошадь, а в 1932 г. представлялся к ордену Красной Звезды.

С мая 1934 г. по 1938 г. был помощником коменданта Наркомата обороны СССР. В 1938 г. был назначен комендантом Наркомата обороны СССР и пробыл в той должности до мая 1942 г.

По моей личной просьбе в мае 1942 г. был направлен в Высшую военную академию, где окончил усовершенный курс в октябре 1942 г.

В ноябре 1942 г. прибыл в состав Сталинградского фронта и получил назначение на должность командира 302-й стрелковой дивизии, которой командовал до конца 1943 г.

В конце 1943 г. убыл в госпиталь и был на излечении около двух месяцев (г. Макеевка).

В январе 1944 г. получил назначение на должность командира 77-й стрелковой Азербайджанской дивизии, в составе которой и закончил Великую Отечественную войну.

² Булак-Балахович Станислав Никодимович (1883–1940), политический авантюрист, офицер старой армии. В 1918 г. командир полка в РККА, перешёл на сторону белогвардейцев. Генерал-майор в армии Н. Н. Юденича. В 1920 г. воевал в составе польской армии. Затем проживал в Польше. Получил известность своей крайней жестокостью.

¹ Так в документе.

Будучи командиром 302-й и 77-й стрелковых дивизий, всё время был на фронтах Великой Отечественной войны: Сталинградский фронт, Южный фронт, 4-й Украинский фронт, 1-й и 2-й Прибалтийские фронты.

Будучи командиром 77-й стрелковой дивизии, за операцию в Крыму дивизии было присвоено звание «Симферопольской» и дивизия награждена орденом Суворова 2-й степени. Мне же было присвоено звание Героя Советского Союза. В составе этой дивизии я закончил войну и убыл в Уральский военный округ в сентябре 1945 г., где пробыл до сентября 1945 г.

В сентябре 1946 г. был переведён в С[еверо-]Ка[вказский] в[оенный] о[круг] на должность командира отдельной стрелковой бригады, в составе которой прослужил до мая 1947 г., [когда она] была расформирована.

После расформирования бригады я получил назначение на должность заместителя начальника Управления Советской военной администрации земли Саксония в Германии, где нахожусь по сей день.

За боевые подвиги управляемых мною соединений и за долголетнюю службу в РККА получил правительственные награды:

1. Медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза за штурм и овладение г. Севастополь.
2. Два ордена Ленина.
3. Три ордена Красного Знамени.
4. Орден Отечественной войны 1-й степени.
5. Орден Красной Звезды.
6. Медаль «XX лет РККА».
7. Медаль «XXX лет Советской Армии [и Флота]».
8. Медаль «За оборону Москвы».
9. Медаль «За оборону Сталинграда».
10. Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».
11. Медаль «[В память] 800-лет[ия] Москвы».

В кандидаты партии вступил в 1925 г. в г. Горьком¹ в 17-й стрелковой дивизии. С 1926 г. – член ВКП(б), партбилет № 2206666.

В ВКП(б)² состоял раньше, с 1918 г. по 1924 г. включительно, выбыл за отсутствием во Владимирском губкоме сведений о прохождении Всероссийской переписи.

[В] 1921–1927 гг. был рядовым членом партии, ответственной партработы не нёс, но всегда выступал и голосовал за генеральную линию партии.

С 1928 по 1938 г. был членом партбюро 50-го стрелкового полка 17-й стрелковой дивизии.

По общественным организациям: был членом бюро Осоавиахима 50-го стрелкового полка 17-й стрелковой дивизии, членом Горьковского городского Совета СХХ³, около года – член Безводнинского волисполкома (Горьковский край).

Будучи комендантом Наркомата обороны, был членом партбюро Управления делами НКО и председателем Совета СХХ Управления делами НКО СССР.

Работая в 1947 г. в г. Армавире командиром отдельной стрелковой бригады СКВО, был там членом бюро Армавирского горкома партии.

Партвзыскания – имел выговор в 1932 г., наложенный парткомиссией 17-й стр[елковой] дивизии за утерю партбилета и за похищенный у меня револьвер [системы] «наган». Взыскание снято при обмене партдокументов в 1936 г. В других партиях никогда не состоял, никогда не был участником антипартийных и контрреволюционных группировок, отклонений от генеральной линии партии не было.

Военное образование: а) курсы красных командиров (г. Елец, 1920 г.); б) повторные курсы МВО (г. Москва, 1925 г.); 3) 3 курса вечернего факультета Академии им. Фрунзе (Москва); г) Высшая военная академия.

В белых армиях, армиях интервентов, в антисоветских националистических армиях не служил. В плену во время империалистической и Гражданской войн не был. На территории белых и интервентов не проживал. Работы против царского правительства не вёл. С подпольными организациями связан не был. Преследованиям со стороны царского правительства не подвергался. За границей не был и не проживал. Репрессиям со стороны советской власти не подвергался.

Герой Советского Союза
генерал-майор

Радионов

ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 967. Л. 2–6.
Подлинник. Машинопись. Подпись – автограф.

Фёдор Николаевич Турганев

Родился 28 июня 1912 г. в г. Абдулино (ныне город в Оренбургской области). На военной службе находился с 1934 г. После окончания в 1937 г. Ейского

¹ До 1932 г. – Нижний Новгород.

² Так в документе. В 1918–1925 гг. – РКП(б).

³ Имеется в виду Осоавиахим – Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР.

военно-морского авиационного училища им. Сталина служил в морской авиации. В 1941–1942 гг. участник обороны Севастополя, командир звена 18-го штурмового авиаполка ВВС Черноморского флота. 24 июля 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» присвоил Ф.Н. Тургеневу звание Героя Советского Союза. Свой боевой путь Фёдор Николаевич закончил 9 мая 1945 г. После окончания войны продолжил воинскую службу. В 1960 г. вышел в запас в звании подполковника. Проживал в г. Орехово-Зуево Московской области. Скончался Ф.Н. Тургенев 15 декабря 1971 г.¹

**Учётная карточка Института истории партии
МК и МКГ ВКП(б) на Героя Советского Союза,
участника Великой Отечественной войны
1941–1945 гг. Ф.Н. Тургенева**

21 февраля 1949 г.

1. Фамилия, имя, отчество: *Тургенев Фёдор Николаевич*.
2. Год и место рождения: *1912, г. Абдулино Куйбышевской области*.
3. Национальность: *русский*.
4. Образование: *8 классов*.
5. Партийность: *чл[ен] ВКП(б)*, с какого года: *декабрь 1941 г.*
Номер партбилета – *4261667*. В какой парторганизации состоит на партучёте и адрес: *войсковая часть 49268, г. Балтийск, Калининградская область*.
6. Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (каких, когда): *нет*.
7. Имели ли партвызыскания (когда, за что): *не имею*.
8. В какой части и в качестве кого принимал участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: *войсковая часть 49234, командир звена; войсковая часть 49334, командир части*.
9. Какие имеются награды и за что: *4 ордена Красного Знамени, орден Ленина, «Золотая Звезда», орден Ушакова II ст[епени]*. Медали: *«За боевые заслуги», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа», «Победа над Германией», юбилейная медаль «XXX лет*

¹ Герои Советского Союза. Т. 2. М., 1988. С. 610.

Советской Армии и Флота]» и медаль «За взятие Кёнигсберга».

10. Где и в качестве кого Вы работали до Великой Отечественной войны: *военнослужащий, в[оинская] ч[асть] 4047, командир звена*.

11. На какую тему можете написать работу о Великой Отечественной войне: –

12. Семейное положение: *женат, трое детей*.

13. Адрес местожительства, номер телефона: *г. Балтийск, Калининградская область, в[оинская] ч[асть] 49268*.

майор Тургенев

Помета: «Подпись Героя Советского Союза гвардии майора Тургенева Ф.Н. свидетельствую. Вр[е- менный] нач[альник] стр[оевого] отдела в[оинской] ч[асти] 49268 гвардии капитан Сысенков».

ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 1157. Л. 1–1 об. Подлинник.

Рукопись на бланке «Институт истории партии МКГ ВКП(б)». Подпись – автограф. Имеется печать воинской части 49268.

**Наградной лист на присвоение звания
Героя Советского Союза командиру звена
2-й авиаэскадрильи 18-го авиаполка ВВС
Черноморского флота капитану Ф.Н. Тургеневу**

21 июня 1942 г.

1. Год рождения – 1912.
2. Национальность – русский.
3. Соцположение и происхождение – рабочий.
4. Партийность и стаж – член ВКП(б) с 1941 г.
5. С какого времени в РККА и РККФ – с 1934 г.
6. Участие в Гражданской войне – не участвовал.
7. Ранения и контузии – не имеет.
8. Представлялся ли ранее к награде, когда и за что – представлялся за боевые штурмовые вылеты.
9. Какие имеет поощрения и награды и за что – награждён дважды орденом Красного Знамени.
10. Служба в белой или других буржуазных армиях и пребывание в плену – не служил.
11. Постоянный адрес: *18-й авиаполк ВВС Ч[ерноморского] ф[лота], 2-я а[виа]э[скадрилья]*.

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

Тургенев Фёдор Николаевич за весь истекший период по защите Главной базы Черноморского флота – г. Севастополя произвёл 86 боевых вылетов, из них: 77 штурмовых – по огневым точкам и живой силе румыно-немецкой вшивой армии. Тургенев, обладая отличной техникой пилотирования, отличной тактической подготовкой, хорошо ориентируется и правильно обнаруживает боевые порядки и огневые точки врага.

Все эти отличные качества он сочетал с бесстрашием в бою, нанося сокрушительные удары противнику. Не было ни одного случая, чтобы Тургенев не выполнил боевого задания, несмотря на трудности, стоящие впереди. Во время боя всегда оказывал взаимную выручку своим боевым товарищам, поэтому лётный состав всегда о нём отзывается положительно и в бой с ним идут с большим желанием.

За героическую борьбу, отвагу и мужество, проявленные в защите города-героя Севастополя, дважды награждён орденами Красного Знамени. За период героической защиты базы Черноморского флота с 30/X 1941 г. по настоящее время т. Тургенев уничтожил: 1 артиллерийскую пушку, 6 танков и танкеток, 102 автомашины с войсками и грузами, 3 бронемшины, 21 миномёт, до батальона живой силы противника, 26 повозок с грузами и живой силой, 1 мотоцикл, 1 штабной автобус, 2 зенитно-пулемётные точки. При штурмовке вражеского аэродрома уничтожил 3 бомбардировщика, сбил в воздушном бою самолёт Хе[йнкель]-111.

Его смелость, отвагу и мужество можно подтвердить следующими боевыми примерами:

1/XI 1941 г. в составе семи самолётов штурмовали колонну танков противника, лично т. Тургенев в этом бою уничтожил 3 танка.

16/XI 1941 г. 7 самолётов в районе по дороге на Черкез-Кермен¹ уничтожили более 17 автомашин с грузами и пехотой. Тов. Тургенев был ведущим, пра-

вильно вывел самолёты на цель и лично сам подбил и частью зажгёт до семи автомашин.

24/XI 1941 г. в составе пяти самолётов нанесли бомбовой и штурмовой удар по самолётам на аэродроме Сарабуз², уничтожено 17 самолётов: на долю Тургенева падает три самолёта.

28/XI 1941 г. штурмовой удар по миномётным батареям и живой силе в составе трёх самолётов; в районе высоты 474,4 и 555,3 уничтожена миномётная батарея с прислугой, 6 автомашин с живой силой. После штурмового удара Тургенев атаковал и сбил самолёт-корректировщик Хе-111. Результаты подтверждены командованием наземных войск Севастопольского участка фронта.

2/XII 1941 г. штурмовой удар по скоплению живой силы противника в районе Мекензия³ в составе пяти самолётов – ведущий Тургенев. В результате внезапного нападения уничтожено более роты живой силы противника, сожжено 18 автомашин с грузами и живой силой, особенно отличился в этом бою капитан Тургенев.

15/XII 1941 г. 5 самолётов в районе Альма-Тамак⁴ при штурмовке автоколонны: уничтожено 31 автомашина с грузами и до взвода пехоты гитлеровцев; ведущим был капитан Тургенев.

Можно было бы привести бесчисленное количество примеров отваги и мужества капитана Тургенева в борьбе с румыно-немецкими полчищами.

Тов. Тургенев является отважным и героическим защитником г. Севастополя, он не останавливается ни перед какими трудностями для достижения нашего общего дела по уничтожению заклятого врага.

Во имя освобождения русской земли от гитлеровской нечисти он не считает своей жизнью, но борется умело и стойко, и так, чтобы свою жизнь, если потребуется, отдать с большой пользой для любимой матери-родины.

Тургенев – яркий образец для всего личного состава по уничтожению румыно-немецких шакалов.

Тургенев любит свою Родину и поэтому летает на боевые задания с большим подъёмом, он в бою

¹ Крепкое (до 1945 г. Черкез-Кермен) – исчезнувшее село в Бахчисарайском районе (Автономной) Республики Крым, находилось на юго-западе района, у самой границы с Балаклавским районом Севастополя. Во время обороны Севастополя в окрестностях деревни проходила первая линия обороны города. После освобождения Крыма, согласно Постановлению ГКО № 5859 от 11 мая 1944 г. «О крымских татарах», все крымские татары были депортированы в Среднюю Азию.

² Гвардейское – государственный аэродром в Крыму, в 13 км севернее Симферополя. До 1945 г. именовался Сарабуз.

³ Мекензия – хутор на Мекензиевых горах, в верховьях Камышловского оврага. Место ожесточённых боёв в период обороны Севастополя 1941–1942 гг., одна из ключевых позиций обороны.

⁴ Аэродром Альма-Тамак (позже с. Песчаное, Бахчисарайский р-н) близ Качи.

ни о чём не думает, кроме того как бы больше уничтожить вшивых гадов; он часто рассказывает своим боевым товарищам о своём боевом опыте, его часто можно видеть у кабины молодого лётчика, где он практически, на самолёте, показывает, как надо бороться против врага.

Тургенев пользуется исключительным авторитетом среди всего личного состава, он активно участвует в партийно-политической работе. За боевую работу и активную партийно-политическую деятельность избран членом партийного бюро первичной организации, несмотря на молодость пребывания в партии. Тургенев до конца предан делу нашей партии и советской власти.

Достоин высшей правительственной награды – звания Героя Советского Союза.

Командир 2-й а[виа]э[скадрильи]
18-го а[виа]п[олка]
майор
Фириченко

Комиссар 2-й а[виа]э[скадрильи]
18-го а[виа]п[олка]
старший политрук
Смирнов

За доблесть, мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецкими оккупантами, достоин присвоения звания «Герой Советского Союза».

Командир 18-го а[виа]п[олка]
полковник
Морозов
Комиссар 18-го а[виа]п[олка]
старший политрук
Кочетов

II. Заключение вышестоящих начальников
Достоин высшей правительственной награды – присвоения звания «Герой Советского Союза».

Командир 3-й Особой авиагруппы
полковник
Дзюба¹

Военком 3-й Особой авиагруппы
полковой комиссар
Михайлов

¹ Дзюба Георгий Георгиевич (1911–1960) – генерал-лейтенант авиации (1947). В период Великой Отечественной войны командир 62-й истребительной авиабригады и 3-й Особой Севастопольской авиагруппы ВВС Черноморского флота, заместитель командующего ВВС Балтийского флота, командующий ВВС Беломорской флотилии.

Достоин высшей правительственной награды – присвоения звания «Герой Советского Союза».

Командующий ВВС ЧФ
генерал-майор авиации
Ермаченков²

Военный комиссар ВВС ЧФ
бригадный комиссар
Кузенко³

Верно: майор Шапиро

ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 1157. Л. 12–15.
Заверенная копия. Машинопись.

Автобиография Ф. Н. Тургенева

16 мая 1949 г.⁴

ОБ ОТЦЕ: Тургеневский Николай Михайлович, рождения 1884 г., в семье крестьянина, беспартийный, уроженец деревни Мардуш Ермешинского района. До революции работал кочегаром, помощником машиниста и машинист на Самаро-Златоустовской железной дороге. В 1918 г. умер.

МАТЬ: Тургеневская Пелагея Петровна, рождения 1889 г., деревни Мардуш Ермешинского района, в семье крестьянина, русская, беспартийная. До революции – домохозяйка. После смерти отца переехала в город Орехово-Зуево Московской области, где работала до 1932 г., чернорабочая в котельной при БПФ № 2⁵, затем работница на ОКФ⁶ и с 1932 г. работала судомойкой в столовой при КНФ⁷ г. Орехово-Зуево. В 1935 г. скоропостижно умерла.

СЕСТРА: Тургенева Анна Николаевна, рождения 1910 г., город Абдулино Куйбышевской области. Русская, беспартийная. До революции – учащаяся.

² Ермаченков Василий Васильевич (1906–1963) – генерал-полковник авиации (1944). В годы Великой Отечественной войны заместитель командующего (1941–1942) и командующий (1942–1945) ВВС Черноморского флота. В апреле – июне 1942 г. командующий ВВС Севастопольского оборонительного района.

³ Кузенко Николай Васильевич (1899–1966) – генерал-майор авиации (1944). В ноябре 1941 г. – июне 1942 г. военком ВВС Черноморского флота.

⁴ Датируется по номеру входящей регистрации.

⁵ Бумагопрядильная фабрика.

⁶ Отбельно-красильная фабрика.

⁷ Крутильно-ниточная фабрика.

А с 1929 г. по 1930 г. работала ткачихой на ткацкой фабрике № 2 в городе Орехово-Зуево. В 1930 г. умерла.

Других родственников не имею.

ЖЕНА: Тургенева Анастасия Васильевна (Осипова), рождения 1915 г., г. Покров Владимирской области, в семье рабочего, беспартийная. Образование 7 классов. С 1929 г. по 1932 г. училась в ФЗУ¹ и с 1932 г. работала токарем на механическом заводе им. Барышников в городе Орехово-Зуево. А с 1933 г. по 1937 г. работала счетоводом в лаборатории при БПФ № 1. А с 1933 г. – домохозяйка. В начале Отечественной войны была эвакуирована из города Либава² ЛССР³ в г. Орехово-Зуево, где проживала до конца войны. В настоящее время проживает вместе со мной. Имеет троих детей.

О СЕБЕ: Тургенев Фёдор Николаевич, родился в 1912 г. в г. Абдулино Куйбышевской области, в семье рабочего, воспитывался при родителях. В 1923 г. по 1929 г. окончил 5 групп [общеобразовательной школы] и ввиду плохого материального положения пошёл учиться в ФЗУ, которое окончил в 1931 г. С 1931 г. по 1933 г. учился [на] ВРШТП⁴ в городе Москве, Донская, 51⁵.

Трудовую деятельность начал с момента поступления в ФЗУ. С мая 1931 г. по осень 1931 г. работал по мобилизации на торфоразработках в г. Орехово-Зуево. После окончания ВРШТП с 1933 г. работал на ткацкой фабрике № 3 в должности пом. мастера (подмастер), до призыва в армию. В 1934 г. по спецнабору был призван в В[оенно]-м[орское] а[виационное] у[чилище] им. Сталина⁶, которое окончил в 1937 г., и был послан в в[оинскую] ч[асть] 4047 ВВС К[раснознамённого] Б[алтийского] ф[лота], где находился до августа 1941 г. В августе 1941 г. был послан на переучивание в В[оенно]-м[орском] а[виационном] у[чилище] им. Сталина на новую материальную часть. С октября 1941 г. был зачислен в состав 18-го ш[турмового] а[виационного] п[олка] (ныне 8-й Г[вардейский] ш[турмовой] а[виационный]

п[олк]) в должности командира авиаэскадрильи, где находился до марта 1943 г. С марта 1943 г. по декабрь 1943 г. – командир 47-го ш[турмового] а[виационного] п[олка]. А с 1 января 1944 г. по август 1944 г. учился на ВОК⁷. С августа 1944 г. – помощник командира полка по лётной подготовке и воздушному бою в 8-м Г[вардейском] ш[турмовом] а[виационном] п[олку]. В декабре 1947 г. был переведён в в[оинскую] ч[асть] 49268 на должность помощника командира полка по тактике лётной подготовки и воздушному бою, где и нахожусь по настоящее время.

Член ВЛКСМ с 1932 г., принят комсомольской организацией ВРШТП, г. Москва, Донская, 51, комсомольский билет № 1343759, выдан Ленинским райкомом комсомола г. Москвы. С 1938 г. – кандидат ВКП(б), а с 1941 г. – член ВКП(б), партийный билет № 4261667, выдан парторганизацией 62-й авиабригады Ч[ерноморского] ф[лота], политотделом.

Комсомольских и партийных взысканий не имею и не имел.

В ряды ВМС поступил в 1934 г., В[оенно]-м[орское] а[виационное] у[чилище] им. Сталина – курсант. С 1937 по 1938 г. – лётчик, младший лейтенант в/ч 4047 ВВС КБФ⁸. С 1939 по 1941 г. – командир звена, старший лейтенант в в/ч 43 МБР⁹ АЭ ВВС КБФ. С 1941 по 1942 г. – командир звена, старший лейтенант в/ч 18-го ШАП ВВС КБФ. В 1942 г. – командир АЭ, капитан в в/ч 18 ШАП ВВС ЧФ. С марта 1943 г. – командир 47-го ШАП, майор. С декабря 1943 г. учился на ВОК ВВС ВМС – слушатель. С июля 1944 г. – помощник командира 8-го ШАП по лётной подготовке и воздушному бою.

Участвовал в войне с белофиннами с 30.11.1939 г. по 13.03.1940 г.

Участник Великой Отечественной войны с 22.06.1941 г. по 09.05.1945 г. В период войны работал на должности командира звена, пом[ощником] командира АЭ, командиром АЭ, помощником командира полка по лётной подготовке и воздушному бою и командиром полка. Начал войну в составе в/ч 43-й МБР АЭ ВВС КБФ, на самолётах МБР-2 в должности командира звена и на ИЛ-2 в 18-м ШАП ВВС ЧФ до 1942 г. С 1942 г. – зам. командира АЭ в 18-м ШАП ВВС ЧФ, а с марта 1942 г. по март

¹ Школа фабрично-заводского ученичества.

² Официальное название г. Лиепая в Латвии до 1917 г.

³ Латвийская Советская Социалистическая Республика.

⁴ Вечерний рабфак Школы текстильной промышленности.

⁵ По этому адресу в 1930-е гг. располагался Вечерний рабфак Школы текстильной промышленности.

⁶ Военно-морское авиационное училище им. Сталина в г. Ейск.

⁷ Высшие общевоинские курсы ВМС ВМФ.

⁸ Краснознамённый Балтийский флот.

⁹ Морской ближний разведчик (самолёт).

1943 г. – командир АЭ. С марта 1943 г. по декабрь 1943 г. – командир полка 18-го ШАП ВВС ЧФ. С декабря 1943 г. – пом[ощник] командира полка 8-го ГШАП ВВС КБФ.

Ранения не имел, в плену не был. В запас не увольнялся.

НАГРАДЫ: Герой Советского Союза, орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» – Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24.07.1942 г.; 4 ордена Красного Знамени, орден Ушакова 2-й степени. Медали: «За боевые заслуги», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», «За взятие Кёнигсберга», юбилейная медаль «XXX лет Советской Армии и Флота».

За границей не был, по состоянию здоровья из флотов не переводился. Научных изобретений не имею. Не судился, взысканий не имею.

В настоящее время проживаю с семьёй: посёлок Нойтиф, город Балтийск.

Герой Советского Союза
гвардии майор

Тургенев

Подпись Героя Советского Союза
гвардии майора Тургенева заверяю:
командир в/ч 49268
гвардии полковник

Строганов

ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 1157. Л. 50–51.

Подлинник. Машинопись. Подписи – автографы.

Имеется печать воинской части 49268.

**Сведения о результатах боевых вылетов
Ф.Н. Тургенева в годы Великой Отечественной войны,
направленные строевым отделом
воинской части 49268
директору Института истории партии
МК и МГК ВКП(б) Г.Д. Костомарову**

6 мая 1949 г.

Герой Советского Союза гвардии майор Тургенев Фёдор Николаевич проходит службу в воинской части 49268 по должности помощника командира полка по лётной подготовке. Летает в данный момент в части на самолётах: ЯК-11, ЯК-18, Р-63, П-39, УТ-2, ПО-2.

За период Великой Отечественной войны командованию части известны следующие отдельные дан-

ные о боевой деятельности Героя Советского Союза Тургенева Ф.Н.:

В Великой Отечественной войне участвовал с первого дня её начала и до 09.05.1945 г. В начале – в составе воинской части 4047 – командир звена, летал на самолётах: МБР-2 с 21.06.1941 г. по 10.08.1941 г. Затем был переведён в в/ч 49234 – командир звена, зам[еститель] командира АЭ и пом[ощник] командира АП, летал на самолёте ИЛ-2 с 20.08.1941 г. по 23.03.1943 г. С 23.03.1943 г. – командир воинской части 49234 до 1944 г. С 16 августа был направлен в воинскую часть 49334, после окончания ВОК, на должность пом[ощника] командира АП, где работал до конца войны.

За период Отечественной войны майор Тургенев имеет 249 боевых вылетов, из них 30 боевых вылетов на самолёте МБР-2. Боевая работа началась с г. Либавы по действующим наземным войскам противника от Мемеля¹ до Либавы, затем на подступах к Риге, Таллину, Ленинграду, действия были по наземным войскам, аэродромам противника на р. Луга, Псков, Гдов, Овсинце, оз. Сапро, действия по финским городам и т.д. 219 боевых вылетов на самолёте ИЛ-2, действовал по обороне Севастополя, Кавказа, в районе Клетской, Цимлянкой, при наступлении на Новороссийск, Выборг, Таллин, Либаву, Кёнигсберг², Пиллау³ и т.д.

Всего за период Великой Отечественной войны гвардии майором Тургеньевым было лично уничтожено:

1. Транспорт – 4, водоизмещением 27 тыс. т;
2. Танкер – 1, водоизмещением 3 тыс. т;
3. Танков и танкеток – 15;
4. Бронемашин – 3;
5. Орудий – 22;
6. Миномётов – 36;
7. Автомашин – 136;
8. Повозок с разным военным грузом – 36;
9. Бронестерн – 5;
10. Тягачей – 2;
11. Ж.-д. вагонов – 6;
12. Складов боезапаса – 2;
13. Живой силы – 170 чел.⁴
14. Уничтожено 8 самолётов на земле и 1 самолёт в воздухе.

¹ Официальное название г. Клайпеда до 1923 г.

² С 1946 г. – г. Калининград.

³ С 1946 г. – г. Балтийск.

⁴ Одна из суммарных цифр зачёркнута и неразборчива. Предположительно – 170 чел.

Кроме того, в группе было потоплено:
транспортов – 3, водоизмещением 18 тыс. т;
СКР¹ – 1;
СК² – 7;
ТЩ³ – 1;
барж – 2;
мотоботов – 1.

Участник Финской войны с 30.11.1939 г.
по 13.03.1940 г.

Данные взяты из записи в личной книжке лётчика АВМС⁴ Героя Советского Союза гвардии майора Тургенева Фёдора Николаевича.

Вр[еменный] начальник строевого
отдела в/ч 49268
гвардии капитан

Сысенков

ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 1157. Л. 8, 9.
Подлинник. Машинопись.
Подпись – автограф.
Имеется печать воинской части 49268.

Характеристика на члена ВКП(б) Ф.Н. Тургенева, выданная партбюро воинской части 49268

10 января 1950 г.

Партийная характеристика на Героя Советского Союза, члена ВКП(б) Тургенева Николая Фёдоровича,

¹ Сторожевой корабль.

² Сторожевой катер.

³ Тральщик.

⁴ Авиация Военно-морских сил.

рождения 1912 г., воинское звание – подполковник, занимаемая должность – помощник командира авиационного полка.

За время пребывания в первичной партийной организации воинской части 49268 т. Тургенев Николай Фёдорович, как член партии, показал себя дисциплинированным, пользующимся заслуженным авторитетом среди личного состава коммунистом. В послевоенный период, когда личный состав Советской армии совершенствует своё боевое мастерство, т. Тургенев, имеющий замечательный боевой опыт, систематически передаёт его молодым лётчикам.

Как лётчик-руководитель, занимает подлинно авангардную роль в боевой и политической подготовке, воспитывает лётный состав в духе беззаветной преданности делу Ленина – Сталина.

Как коммунист, повышает свой идейный рост, изучает труды Ленина – Сталина. На отчётно-выборном собрании в 1949 г., в декабре м[еся]це, был избран в руководящие партийные органы – членом бюро первичной партийной организации и заместителем секретаря партийной организации. К выполнению партийных поручений относится добросовестно, к партийной ответственности не привлекался.

Делу партии Ленина – Сталина и социалистической Родине предан. Морально устойчив.

Секретарь партбюро в/ч 49268
ст[арший] лейтенант

Мусиенко

ЦГА Москвы. Ф. П-8682. Оп. 1. Д. 1157. Л. 11.
Подлинник. Машинопись. Подпись – автограф.

С.С. Войтиков

Хроника участия Черноморского флота в съёмках фильма «Адмирал Ушаков». Год 1952-й

3 марта 1944 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении военных орденов и медалей Ушакова и Нахимова¹. Орденом Ушакова I степени офицеры ВМФ награждались, в соответствии с текстом указа, «за отличную организацию и проведение операций против противника

в море и против его побережья, достигнутые успехи в уничтожении сил флота противника или его береговых баз и укреплений в результате внезапного и решительного нанесения ударов, основанных на полном взаимодействии всех сил и средств флота»². Указ имел важное агитационно-пропагандистское

значение: «Впервые в истории нашей [советской] страны введены специальные награды за выдающиеся заслуги в организации, руководстве и обеспечении боевых операций на морских театрах, за мужество и отвагу, проявленные личным составом кораблей и частей Военно-морского флота в боях за родину»³. В публичной лекции, прочитанной 12 апреля 1944 г. в Московском Доме учёных, контр-адмирал Н. А. Бологов заявил, что Военно-морской флот СССР гордился «великой честью»⁴, оказанной ему учреждением указанных орденов и медалей. Командованию ВМФ было важно подчеркнуть роль в истории нашей страны деятелей, в честь которых учредили новые ордена и медали. Бологов сказал: «Ордена и медали названы именами великих русских адмиралов, беззаветно любивших свой народ. Все свои силы они отдали русскому флоту, создавали его боевую мощь и водили эскадры в победоносные бои с врагом. И родина чтит память своих знаменитых флотоводцев. И адмирал Ушаков, соратник великого Суворова, и адмирал Нахимов, герой Синопа и Севастопольской обороны 1854–1855 гг., в своей личной жизни были простыми, отзывчивыми людьми и пользовались уважением и любовью со стороны матросов и офицеров. В дни боевых испытаний личными примерами доблести и храбрости они вдохновляли русских моряков на бессмертные подвиги во имя счастья и процветания Родины. Новые ордена и медали украсят грудь достойных продолжателей боевого мастерства Ушакова и Нахимова. В битвах Великой Отечественной войны умножилась слава русского Военно-морского флота. Новые ордена и медали будут звать военных моряков к дальнейшей героической борьбе за свободу и независимость нашей отчизны»⁵. Бологов отметил: «Постоянно учиться и побеждать численно превосходящего противника – вот основное требование, которое предъявляет Родина к будущим кавалерам орденов Ушакова и Нахимова. Высокое личное мужество, безграничная отвага, способность к инициативным и смелым действиям – таковы качества, необходимые краснофлотцу, чтобы удостоиться награждения медалью Ушакова и Нахимова»⁶. В числе прочих фактов в лекции подчёркивалось, что в 45 лет Ушаков «являлся ответственным начальником Севастопольского порта и корабельной эскадры»⁷.

Во время своего пребывания на фронте в том же 1944 г. занялся написанием сценария об адмирале Фёгоре Ушакове известный историк литературы

и романист А. К. Виноградов. Сценарий был написан, однако в постановке Виноградову отказали⁸, видимо, по той причине, что она оказалась несвоевременна в свете открытия Второго фронта (напомним широко известный факт: отечественные и английские историки и поныне имеют обыкновение сравнивать двух выдающихся флотоводцев XVIII в. – Ушакова и Нельсона).

После развязывания Великобританией «холодной войны», начало которой положила антисоветская речь У. Черчилля в Фултоне, резко возрос интерес к героическим страницам истории нашего прошлого, связанным как с открытым, так и с латентным противостоянием русских и англичан, в частности к биографиям военно-морских деятелей Российской империи, которые конкурировали с флотоводцами Альбиона. Интерес советской общественности к личности адмирала Ф. Ф. Ушакова формировался руководящим ядром ВКП(б) и советского Военно-Морского Флота, прежде всего Адмиралом Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецовым.

1 июня 1949 г. новый сценарий фильма «Адмирал Ушаков» сочинил А. П. Штейн⁹. Он же написал драму «Флаг Адмирала», удостоенную в 1950 г. Сталинской премии. Оба произведения оказались тогда в русле политики всемогущего «хозяина» партийно-государственного механизма, Председателя Совета Министров СССР, Секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина.

14 марта 1951 г. в газете «Красный флот» появилась заметка «Флотоводец-новатор» об адмирале Ф. Ф. Ушакове, который в своих действиях на море сравнивался с А. В. Суворовым на суше¹⁰. Автор заметки капитан I ранга Н. Мильграм подчёркивал:

«Господствующие классы царской России, преклоняющиеся перед иностранщиной, легко забыли величайшие заслуги лучших представителей русского народа. Приоритет многих представителей русской науки, впервые в истории сделавших величайшие открытия, изобретения и усовершенствования, был или забыт, или с преступным легкомыслием отдан, а иногда и продан иностранцам. Таким же образом бездарные чиновники в адмиральских мундирах скрыли и похоронили в архивах новаторские тактические приёмы виднейшего русского адмирала Ф. Ф. Ушакова. Разработанные Ушаковым положения были восприняты лишь небольшой частью наиболее передовых моряков-флотоводцев – таких как Сенявин, а затем Лазарев и Нахимов.

В то же время чиновные вершители судеб русского флота, “забыв” об Ушакове, высоко подняли и широко разрекламировали английского адмирала Г. Нельсона. Его считали основоположником новых тактических приёмов Ф.Ф. Ушакова. Нельсон как флотоводец по сути дела не дал ничего принципиально нового, что не было бы ранее применено Ушаковым. Правящие круги царской России, раболепствуя перед Западом, уступили авторитет Ушакова Нельсону»¹¹.

Страна Советов решительно отмежевалась от «раболепствующих» и активно взялась за пропаганду русского патриотизма.

В 1951 г. под редакцией кандидата военноморских наук капитана I ранга Р.Н. Мордвинова был выпущен первый том фундаментального сборника документов «Адмирал Ушаков». Материалы для истории русского флота»¹², получивший высокую оценку военно-научной общественности. Подполковник В.А. Дивин и капитан III ранга К.Ф. Фокин отмечали в положительной (не хвалебной¹³) рецензии: «Сборник представляет собой первый том подготовляемого к печати трёхтомного издания документов о выдающемся русском флотоводце. Этот сборник, содержащий документы о разносторонней деятельности Ф.Ф. Ушакова за период с 1768 по 1797 г., имеет большую научную ценность. Обширный фактический материал, содержащийся в сборнике, значительно расширяет возможность всесторонней научной разработки наследства Ушакова в области флотоводческого искусства. Выпуск данного сборника документов является продолжением издания серии документов о русских флотоводцах. Вышедшие ранее сборники документов “Адмирал Нахимов” (1945) и “Вице-адмирал Корнилов” (1947) получили широкое признание советской общественности»¹⁴.

Документы, опубликованные в сборнике, позволяли, в частности, «проследить особую заботу Ушакова о строительстве флота, порта и города Севастополя, об улучшении быта моряков, о поддержании их здоровья и морального духа, о боевой подготовке личного состава кораблей»¹⁵. О больших заслугах Ф.Ф. Ушакова в деле строительства Севастополя как главной базы Черноморского флота свидетельствует напечатанный в сборнике доклад от 16 апреля 1797 г. контр-адмирала Карцова, производившего инспекторский смотр Черноморского флота: «При входе в Севастопольский залив на мысах северном

и южном, [а] также подле города при самой воде построены для защищения входа довольно сильные каменные батареи... Казармы для служителей построены на высотах берегов кругом гавани против каждого корабля, каменные, в один этаж, некоторые покрыты черепицею, а иные землёю, другие же достраиваются... Находящиеся при сём порте фрегаты и прочие суда расположены на якорях возле берега... все суда содержатся чисто и с возможною бережливостью»¹⁶.

С аналогичной рецензией (положительной, но с серьёзными замечаниями¹⁷) выступил капитан I ранга Ф. Носов. На основании опубликованных в сборнике документов он пришёл к выводу, что адмирал Ф.Ф. Ушаков учил своих артиллеристов стрелять таким образом, чтобы «не потерять свой выстрел»¹⁸. Для этого адмирал организовал ежедневные упражнения при орудиях, поскольку было «весьма нужно, чтоб определённые к пушкам служители в скорострельной пальбе сделали довольную выучку»¹⁹. Скорострельность стала одним из главных «козырей» Черноморского флота и лично адмирала Ф.Ф. Ушакова, что было мастерски обыграно режиссёром М. Роммом и автором сценария А. Штейном в художественном фильме «Адмирал Ушаков»²⁰, подготовка которого велась параллельно с подготовкой сборника документов об отечественном флотоводце²¹.

Сценарий А.П. Штейна был направлен режиссёрами «Мосфильма» (Роммом и Гильденбомом²²) на рецензирование видным военным и научным работникам. В личном фонде И.С. Исакова отложились рецензии 1951 г. на сценарий, принадлежащие перу академика Е.В. Тарле²³, доцента контр-адмирала в отставке Н.А. Бологого²⁴, кандидата военноморских наук капитана I ранга Р.Н. Мордвинова²⁵, и другие отзывы.

Е.В. Тарле, выпустивший в 1948 г. монографию об адмирале Ушакове на Средиземном море²⁶, писал: «Сценарий, по моему мнению, живой, интересный, и ошибок (в слове XVIII в. и другие ошибки) незначительное количество (в действительности 83, как следовало из дальнейшего текста рецензии. – С.В.²⁷), указаны мною в прилагаемых листах. Решительно нужно видоизменить, как я указываю в своём месте, разговор о мнимом тайном сговоре англичан с Бонапартом в 1799 г. Этого не только не было, но и быть не могло. Австрийцы – другое дело. После побед Суворова в Италии русские стали для них и не нужны, и уже казались опасны. Но не англичане, тоже тайные враги, но смертельно

боявшиеся тогда Бонапарта, а не русских. И Нельсон в русских очень нуждался, хотя и ненавидел их. Это абсолютно необходимо круто видоизменить. Потёмкина нужно сделать не “под Суворова”, а “под Потёмкина”. Важный и в хандре, тугой, тучный, не очень удобоподвижный. Павла [I] не следует давать слишком уж сумасшедшим. В 1798 г. он ещё не был так патологичен, как немного позже. Выбросить буффонскую и невозможную сцену появления переодетого султана [...] и свист и улюлюканье по его адресу. Другого турка, да и это излишне, но не султана! Всё это – вон! Диктору подчеркнуть [...] что русские боролись уже не с французскими революционными войсками, а с агентами французской крупной буржуазии, с алчными захватчиками чужой земли, с безжалостными грабителями и угнетателями чуждых народов: греков, итальянцев. Это *гораздо больше и яснее* надо выявлять не раз и не два в сценарии. *Это очень важно политически*²⁸.

Н.А. Бологов, прочитавший, как мы помним, об адмирале Ушакове лекцию в годы Великой Отечественной войны²⁹, указал на серьёзные перегибы в сценарии, связанные с неверным пониманием автором сценария агитационно-пропагандистских задач, стоявших перед кинокартиной: «В фильме, посвящённом памяти Ф.Ф. Ушакова, состоящем из двух серий, не следует отводить специальной серии, изображающей к тому же литературными вымыслами, вопросу сопоставления деятельности двух адмиралов-антиподов. Адмиралу Нельсону могут быть отведены лишь один-два кадра, разъясняющие его неудачные попытки повлиять на направление деятельности адмирала Ушакова на Средиземном море и не блестящее его руководство действиями английского флота на острове Мальта. Во всяком случае, допускать прямые оскорбления памяти Нельсона, не подкреплённые историческими документами, в сценарии исторического характера не следует»³⁰.

Р.Н. Мордвинов, составитель первого тома (и последующих томов) вышеназванного сборника документов об адмирале Ушакове, чьи заслуги, впрочем, рецензенты сборника признали достаточно спорными, отметил «много недоработок, а также и отдельных ошибок, без устранения которых» он считал невозможным начало работы «над постановкой кинокартины», отдавая при этом должное А.П. Штейну, которому удалось показать «главные звенья» в биографии «знаменитого русского флотоводца Фёдора Фёдоровича Ушакова»³¹.

Постраничные замечания рецензентов, и главным образом Е.В. Тарле, позволили А.П. Штейну устранить допущенные в сценарии неточности. 15 декабря 1951 г. на заседании художественного совета «Мосфильма» состоялось обсуждение материала по кинокартине³². М.И. Ромм приступил к съёмкам фильма, первая серия (из двух) которого, с актёром Иваном Переверзевым в главной роли, вышла на экраны в 1953 г.³³

А.А. Громыко рассказал о своём диалоге с Б.Н. Ливановым – исполнителем роли князя Потёмкина: «Великолепно звучал повелительный, но не резкий, несколько приглушённый голос всеильного царедворца. Высокое положение Потёмкина в обществе, а на протяжении определённого периода и положение фаворита российской самодержицы Екатерины II, получило достаточное отражение и в исторической науке, и в художественной литературе. Ливанов вывел этот образ на всесоюзный экран. Борис Николаевич сказал мне как-то: “Я не сразу дал согласие сыграть Потёмкина в кино. Когда этот вопрос возник, то я стал «глотать» литературу о Потёмкине. Особенно хотел узнать, как он выглядел внешне. Приходилось устраивать даже как бы домашние репетиции с участием Потёмкина – Ливанова. Аудитория, которая это наблюдала, состояла из одного человека – того же Ливанова, но перед зеркалом. Когда у меня появилось внутреннее убеждение, что образ может получиться, я согласился на эту роль. Особенно воодушевило то, что мои друзья и знакомые меня поддержали”»³⁴.

В батальных сценах фильма в 1952 г., по советским традициям масштабных съёмок, были активно задействованы силы Черноморского флота. Об этом – публикуемый нами документ, отложившийся в личном фонде И.С. Исакова.

*Не позднее 1 марта 1952 г.**

Мероприятия по обеспечению съёмки кинокартины «Адмирал Ушаков»**

Во исполнение приказа военно-морского министра по обеспечению съёмки в 1951–1952 гг. цветного художественного фильма «Адмирал Ушаков» командующий Черноморским флотом приказал:

1. Предоставить корабли, боевые катера, вспомогательные суда, плавучие средства и личный состав

* Датируется по содержанию.

** Заголовок документа.

в распоряжение съёмочной группы в местах и на сроки, как ниже указано:

контр-адмиралу Козлову Е.А.:

– учебное парусное судно «Дунай» на срок с 1 марта по 10 октября 1952 г. на 2500 ходовых часов для обеспечения съёмок в районах: Одесса, Херсон, Ялта, Судак.

Корабль декорируется под флагманский турецкий корабль и обеспечивает размещение съёмочной группы и 116 человек личного состава флота, прикомандировываемого на всё время съёмки;

– семь гребных шлюпок (в том числе: 10-вёсельных – две, 12-вёсельных – одну, 16-вёсельных – две, шестёрки – две) и 50 человек личного состава в период времени с 8 по 16 июля 1952 г. на шесть съёмочных дней съёмок в районе Белгород-Днестровский;

контр-адмиралу Сухиашвили К.Д.:

– 80 человек личного состава для съёмок на шлюпках в период времени с 16 апреля по 7 июля 1952 г. на 11 съёмочных дней для работы в районе Одессы;

– одну 10-вёсельную гребную шлюпку со старшиной из Военно-морского медицинского училища и две шестёрки в период времени с 8 по 16 июля 1952 г. на шесть съёмочных дней для работы в районе Белгород-Днестровский;

– 250 человек личного состава для съёмок на шлюпках в период времени с 8 по 16 июля 1952 г. на шесть съёмочных дней для работы в районе Белгород-Днестровский;

– сторожевой катер «СК-449» со всем личным составом для использования в качестве катера связи при съёмках в районах Одесса, Белгород-Днестровский и Херсон в период времени с 23 апреля по 9 июля 1952 г. на 40 съёмочных дней (ходовых часов – 720);

капитану I ранга Галицкому Л.А.:

– три гребных шлюпки (в том числе: 10-вёсельных – одна) со старшинами шлюпок из школ связи в период времени с 8 по 16 июля 1952 г. на шесть съёмочных дней для работы в районе Белгород-Днестровский;

– сторожевой катер «СК-450» со всем личным составом для использования в качестве катера связи при съёмках в районах Одесса, Белгород-Днестровский и Херсон в период времени с 23 апреля

по 9 июля 1952 г. на 40 съёмочных дней (ходовых часов – 720);

капитану III ранга Бакалову Я.И.:

– пять танко-десантных кораблей для установки на них прожекторов в обеспечение ночных съёмок в период времени с 29 апреля по 10 июня 1952 г. на пять съёмочных суток (ходовых часов – 100) для работы в районе Одессы;

командующему БО флота:

– три катера-дымзавесчика для постановки дымзавес при съёмках морских сражений в период времени с 23 апреля по 9 июля 1952 г. на 40 съёмочных дней (ходовых часов – 1440 на все катера) для работы в районах Одесса, Белгород-Днестровский, Херсон;

– три катера-дымзавесчика для постановки дымзавес при съёмках морских сражений в период времени с 20 августа по 21 сентября 1952 г. на 21 съёмочный день (ходовых часов – 540 на все катера) для работы в районах Ялта, Судак;

контр-адмиралу Иванову А.П.:

– два сторожевых катера (или два МО) со всем личным составом для использования в качестве катеров связи при съёмках в районе Ялта, Судак в период времени с 13 августа по 20 сентября 1952 г. на 37 съёмочных дней;

командиру учебного отряда флота:

– два гребных 10-вёсельных баркаса со старшинами шлюпок в период времени с 8 по 16 июля 1952 г. на шесть съёмочных дней для работы в районе Белгород-Днестровский;

– два гребных 16-вёсельных баркаса со старшинами шлюпок и 290 человек личного состава в период времени со 2 по 26 сентября 1952 г. на 12 съёмочных дней для работы в районах Судак, Ялта;

начальнику тыла флота:

– мореходный буксир для буксировки корпуса ТР «КТ-28» и шлюпок в районах Одесса, Херсон и Ялта по заявкам начальника съёмочной группы Министерства кинематографии СССР в период с 1 февраля по 20 октября 1952 г. на 1000 ходовых часов;

– самоходную баржу для установки 6 передвижных электростанций для работы в районах: а) Одесса, Ялта, Белгород-Днестровский – на срок с 22 апреля по 19 июля 1952 г. на 1500 ходовых часов; б) Ялта,

Судак с выходом в море – на срок с 20 августа по 2 октября 1952 г. на 900 ходовых часов;

контр-адмиралу Зубкову А.И.:

– корпус транспорта «КТ-28» для оборудования под макет корабля «Святой Павел» на срок до 20 октября 1952 г.;

– построить на Лазаревской судовой верфи флота и передать в Одессе начальнику съёмочной группы Министерства кинематографии СССР без рангоута и парусов: а) до 16 апреля 1952 г. – десять 16-вёсельных гребных баркасов; б) до 8 июля 1952 г. – два 16-вёсельных гребных баркаса, одиннадцать 6-вёсельных ялов.

Прикомандировать к УС «Дунай» опытных офицеров-специалистов: химика, минёра-подрывника и пиротехника – на сроки с 15 апреля по 16 июля и с 1 сентября по 26 сентября 1952 г. для руководства использованием дымовых и взрывчатых веществ и организации безопасности при хранении этих веществ и выполнении работ с ними силами личного состава флота;

начальнику отдела подготовки и комплектования штаба флота:

– прикомандировать к УС «Дунай» за счёт общего некомплекта флота: а) минёров – 15, химистов – 10, радистов – 24, связистов – 32, строевых – 10; всего – 91 человек личного состава на период с 1 марта по 10 октября 1952 г.; б) старшин шлюпок – 10 для обслуживания шлюпок, передаваемых съёмочной группе контр-адмиралом Зубковым на период с 16 апреля по 26 сентября 1952 г.; в) старшин шлюпок – 13 для обслуживания шлюпок, передаваемых съёмочной группе контр-адмиралом Зубковым на период с 8 июля по 26 сентября 1952 г.;

командиру УС «Дунай»:

– выделить для участия в съёмках десантов на шлюпки из числа личного состава корабля и прикомандированных: а) всех прикомандированных старшин шлюпок и б) по 70 человек личного состава;

– для организации материально-технического обеспечения съёмок и расквартирования и организации питания личного состава в районах съёмок выдать:

начальнику тыла флота:

а) контр-адмиралу Сухиашвили для расквартирования личного состава в районе Белгород-

Днестровский: палаток лагерных – на 400 человек (походных кухонь для питания на 400 человек и четыре грузовые автомашины для обеспечения питания и перевозок личного состава и снабжения в районе съёмок выделяет из своих ресурсов контр-адмирал Сухиашвили*); б) командиру учебного отряда флота – для расквартирования, перевозок и питания личного состава в районе Судак: палаток лагерных – на 300 человек; походных кухонь – на 300 человек; выделить четыре грузовых автомашины на период с 25 августа до 12 сентября 1952 г.; в) начальнику съёмочной группы, в пунктах по его заявкам, имущество и горюче-смазочные материалы;

контр-адмиралу Зубкову,
командующему БО флота:

начальнику съёмочной группы, в пунктах по его заявке, имущество и материалы.

3*: Для установления должной воинской организации во время съёмок, исключающей чрезвычайные происшествия, и для обеспечения выполнения съёмок в полном объёме, предписанном флоту, назначены***:

– ответственным за организацию обеспечения съёмок в районах Одесса, Белгород-Днестровский, Херсон – контр-адмирала Сухиашвили. На него же возлагается и организация лагерного размещения личного состава в районе Белгород-Днестровский;

– ответственным за организацию обеспечения съёмок в районах Ялта, Судак – контр-адмирала Иванова. Организация лагерного размещения в районе Судак возлагается на командира учебного отряда флота капитана I ранга Лебедева.

4. Выделяемый для участия в съёмках личный состав свести во временные подразделения: роты, взводы (выделяются целыми штатными подразделениями).

Командиры соединений, выделяющие личный состав на обеспечение съёмок, назначают командирами рот, их зам[естителями] по политчасти, командирами взводов наиболее дисциплинированных, требовательных офицеров, способных поддерживать должный воинский порядок.

Лагерное размещение личного состава организуется в точном соответствии с требованиями Устава внутренней службы ВС СССР.

* Так в документе.

** Сохранена нумерация документа.

*** Так в документе. Следует – назначаю.

При выполнении работ по съёмкам обращается особое внимание на организацию безопасности при обращении со взрывчатыми веществами, дымсмесями и другими взрывоопасными веществами и на организацию массовых батальных сцен, связанных с использованием холодного и огнестрельного оружия.

Контроль за выполнением настоящего [приказа] возлагается на заместителя начальника штаба флота по оргвопросам капитана I ранга Ерещенко.

РГАЛИ. Ф. 2559. Оп. 1. Д. 747. Л. 1–8.
Копия. Машинопись.

¹ Адмирал Ф.Ф. Ушаков: Стеногр. публ. лекции контр-адмирала Н.А. Бологова, прочитанной 12 апреля 1944 г. в Доме учёных в г. Москве / Лекц. бюро при Комитете по делам высшей школы при СНК СССР. М., 1944. С. 3.

² Цит. по: Там же. С. 26.

³ Там же. С. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Сценарий и переписка с инстанциями отложились в РГАЛИ, см.: Ф. 1303. Оп. 1. Д. 268, 287, 504, 507.

⁹ См.: Там же. Ф. 2372. Оп. 21. Д. 387.

¹⁰ *Мильграм Н.* Флотоходец-новатор // Красный флот. 1951. 14 марта. № 60.

¹¹ Там же.

¹² «Адмирал Ушаков». Материалы для истории русского флота. Т. 1 / Под ред. Р.Н. Мордвинова. М., 1951.

¹³ Критические замечания см.: *Дивин В.А., Фокеев К.Ф.* Сборник документов «Адмирал Ф.Ф. Ушаков» // Морской сб. 1952. № 7. С. 127, 128.

¹⁴ Там же. С. 118.

¹⁵ Там же. С. 125.

¹⁶ Цит. по: Там же. С. 125, 126.

¹⁷ Критические замечания см.: *Носов Ф.* Сборник документов «Адмирал Ушаков» // Военная мысль. 1952. № 8. С. 86, 87.

¹⁸ Цит. по: Там же. С. 83.

¹⁹ Цит. по: Там же.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 2559. Оп. 1. Д. 747. Л. 15.

²¹ Там же. Д. 746. Л. 2.

²² Там же. Л. 9.

²³ Там же. Л. 10–17.

²⁴ Там же. Л. 1–3.

²⁵ Там же. Л. 4–9.

²⁶ *Тарле Е.В.* Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798–1980 гг.). М., 1948.

²⁷ Подсчитано по: РГАЛИ. Ф. 2559. Оп. 1. Д. 746. Л. 10–17.

²⁸ Там же. Л. 10.

²⁹ Адмирал Ф.Ф. Ушаков: Стеногр. публ. лекции контр-адмирала Н.А. Бологова, прочитанной 12 апреля 1944 г. в Доме учёных в г. Москве.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 2559. Оп. 1. Д. 746. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 4.

³² См., напр.: Там же. Ф. 2081. Оп. 2. Д. 85. Л. 1–4.

³³ Продолжение – фильм «Корабли штурмуют бастионы».

³⁴ *Громыко А.А.* Памятное. Кн. 2. М., 2016. С. 488, 489.

С.С. Войтиков

«Севастопольский вальс» в Московском театре оперетты

Оперетта «Севастопольский вальс» Константина Листова была поставлена в Московском театре оперетты дважды. Премьера первой постановки состоялась 30 октября 1961 г., второй – 11 апреля 1985 г.¹

По оценке театроведа Я. Гринберга, «за десятилетие (1954–1964), когда художественную линию определяли В.А. Канделаки и Г.А. Столяров, Московский театр оперетты не раз подымался на пьедестал почёта, хотя и имел немало досадных поражений. Кривая оперетты высоко взлетала вверх и круто падала вниз»². Безусловным успехом стала постановка оперетты К.Я. Листова «Севастопольский вальс», которую Московский

театр оперетты посвятил XXII съезду КПСС³. По мнению Я. Гринберга, оперетта «прозвучала достойным и убедительным подтверждением права [жанра] оперетты на серьёзные темы и сюжеты»⁴.

Художественный руководитель Московской оперетты В.А. Канделаки «по своей жизнерадостной натуре [...] стремился создавать в театре атмосферу праздничности, весёлой нарядности. Были «амнистированы» бисы, поклоны и цветы»⁵, отменённые предыдущим художественным руководителем театра И.М. Тумановым. В.А. Канделаки стал настоящим ангелом-хранителем спектакля (см. стеногр.), постав-

ленного режиссёром А. Заксом. «Хорошо прижился в коллективе, профессионально окреп, творчески возмужал режиссёр А. Закс, пришедший в Театр оперетты из Ленинградского театра миниатюр под руководством Аркадия Райкина, – писал в 1967 г. Я. Гринберг. – Постановки “Севастопольский вальс”, “Ромео, мой сосед”, “Баранкин, будь человеком”⁶ говорят о зрелости его мастерства»⁷.

Композитор К.Я. Листов – «армейский менестрель». В 1918 г. в революционном кавалерийском полку прозвучал первенец песенного дара Листова. С тех пор полвека основной и любимой темой его творчества является душа простого солдата, лихого моряка. Знаменитая листовская “Тачанка” звонко промчалась по всем городам и сёлам страны. В суровые годы войны обогрела солдатское сердце любимая всеми “Землянка”. Из цикла послевоенных песен слушателям пришёл по душе “Севастопольский вальс”. Песня, положенная в основу оперетты, стала её лейтмотивом и широко раскрылась в партитуре оперетты и во всей пьесе. За гражданский темперамент и оптимизм полюбили актёры своих героев и заставили зрителей разделить с ними это высокое чувство»⁸.

Фабула спектакля:

Первое действие. 1942 год. Рота морских пехотинцев обороняет Инкерманские высоты. Командир роты, лейтенант Дмитрий Аверин, вспоминает любимую жену Нину, которая ничего ему не пишет вот уже три месяца. К матросам прорывается транспортный корабль, который привозит почту и с ней долгожданное письмо. Нина сообщает, что решила связать свою судьбу с другим человеком. Чтобы не расстраивать друзей перед боем, Аверин говорит им, что с ним всё в порядке, жена любит и ждёт. Начинается бой за Инкерман – за последний рубеж обороны Севастополя. Медсестра Любаша, тайно влюблённая в Аверина, отказывается уходить с передовой, но Аверин отсылает её в тыл.

Второе действие. Первые послевоенные годы, весна на Приморском бульваре Севастополя. Появляется Любаша, окружённая группой молодых лейтенантов, которые наперебой ухаживают за девушкой, приглашая её на бал в Дом офицеров флота. Любаша шуточно отделяется от кавалеров, а затем и от бывшего однополчанина Генки Бессмертного. По бульвару проходит Нина – молодая певица из Ленинграда, бывшая жена Аверина. Теперь она жалеет, что рассталась с Авериним.

Любаша знает, что Аверин сейчас служит на Балтике, но неожиданно он появляется перед ней: его

снова перевели на Черноморский флот. Дмитрий напоминает Любаше данное им когда-то в шутку обещание пригласить девушку на мирный сева­стопольский вальс. Любаша убегает счастливая. Взволнованный Аверин выражает свои чувства в арии, которая заканчивается «Севастопольским вальсом». Снова появляется Нина, Дмитрий делает вид, что они незнакомы.

Праздничный вечер в Доме офицеров флота. Вновь звучит музыка «Севастопольского вальса». Нина подходит к Аверину, и ему приходится пригласить на танец её, а не Любашу. Огорчённую Любашу успокаивает однополчанин Рахмет. На попытки Нины восстановить прежние отношения Аверин отвечает отказом. Когда Бессмертный провозглашает тост за любовь, раздражённый Аверин делает горькое замечание о женщинах, которые все, как одна, ищут спокойной жизни и прячутся от опасностей и тревог. Эти жестокие и несправедливые слова вызывают резкую отповедь у слышавшей их Любаше. Она поёт о девушках-бойцах, которые умели воевать и любить.

Третье действие. Рахмет решает помочь Любаше и Дмитрию и устраивает их встречу. Аверин просит прощения за свои грубые и злые слова о женщинах. Разговор прерывает Бессмертный, прибывший к командиру с поручением от «ленинградской певицы». Аверин уходит, объясняется с Ниной и прощается навсегда. После этого Дмитрий возвращается к Любаше, и также навсегда.

«Севастопольский вальс», ставший лейтмотивом оперетты, был написан К. Листовым на слова Г. Рублёва в 1955 г. Оперетта «Севастопольский вальс» – о людях, прошедших Великую Отечественную войну, принявших на себя страшные испытания и потери, о людях, мужественно выстоявших в этих испытаниях и построивших новую мирную жизнь для будущих поколений, «удивительно поэтичное повествование о юности и любви, о фронтовой дружбе. Тема войны придаёт героико-романтическую окраску произведению. Жизненная достоверность характеров и положений, сочетание патетики и юмора, мелодическая яркость музыкальных номеров, многие из которых стали популярными песнями и романсами, сделали эту оперетту одной из лучших советских оперетт»⁹.

Помимо заглавной мелодии сердца зрителей трогала песня-воспоминание Любаше. По оценке Я. Гринберга, в «первой части это сокровенная исповедь:

Девушки-бойцы, что с вами случилось?
Так ли и у вас, как у меня,
В памяти нетронутым осталось
Море непогасшего огня?

Вторая часть звучит как реквием:

Где вы, девчата,
Сёстры-солдаты?
Сколько вас пало в бою!..
Вспомним же вместе
В горестной песне
Грозную юность мою.

В последней части – суровая клятва:

Так мы стояли,
Сердце сжимали,
Чтоб никому не узнать,
Как мы мечтали,
Как мы страдали,
Как мы умели молчать!¹⁰

Собственно, в «этой сцене происходит то, что в ли-тературе именуется “катарсисом”»¹¹.

Наибольший восторг у зрителей вызвали актёрские работы Татьяны Шмыги, исполнявшей роль Любаши, и Юрия Богданова, игравшего Аверина (см. док.). Дуэт сложился до постановки «Севастопольского вальса». Т.И. Шмыга писала в своих воспоминаниях: «Начиная с “Поцелуя Чаниты” моим партнёром чаще других был Юрий Богданов. Он появился в театре немного позже меня – они с Нонной Куралесиной приехали к нам из Волгограда. [...] Юра был настоящий русский человек – добрый, размашистый. Хотя он и прошёл фронт, был танкистом, много повидал, но при этом оставался весёлым, непредсказуемым, даже бесшабашным. С ним могло произойти всё что угодно. Мы часто выезжали на гастроли в разные города – давать концерты или играть спектакли в местном театре. И вот однажды приехали в какой-то город. В первый день начинаем репетировать, всё идёт хорошо – голос у Юры звучит превосходно. На следующий день у нас с утра свободное время, и Юра ни свет ни заря отправляется на рыбалку – рыболовом он был просто сумасшедшим. Возвращается совершенно обгоревшим от долгого сидения на солнце – живого места нет, дотронуться до кожи невозможно. Голос при этом, естественно, садится, а вечером нам играть. И первый наш спектакль Юра от боли не мог играть

по-настоящему. Конечно, он пел, но не так красиво, как это было на репетиции»¹². Богданов «очень любил» свою работу, «был предан ей до последних дней. Уже будучи больным, он всё равно не переставал играть, хотя и ноги у него болели, и двигаться ему из-за полноты было трудно. Но без театра жизнь для него не имела смысла [...]»¹³ На вклейке книги своих воспоминаний Т.И. Шмыга сделала, в частности, примечательную подпись к фотографии: «1961 год. В спектакле “Севастопольский вальс” я играла с Юрием Богдановым, одним из самых любимых моих партнёров»¹⁴.

К сожалению, единственная малопривлекательная с точки зрения сюжета роль – Нины, которая в годы Великой Отечественной войны бросает ради другого мужчины своего мужа-фронтовика, досталась примадонне Московской оперетты Татьяне Саниной, что было отмечено в публикуемом документе. Для воссоздания исторической справедливости приведём характеристику этой гранд-дамы театра Татьяны Шмыги: «Когда она (Санина. – С.В.) выходила на сцену, на концертную эстраду, сразу становилось ясно – вышла королева»¹⁵.

Премьера второй постановки «Севастопольского вальса» (А.Д. Смелякова) состоялась в Московской оперетте 11 апреля 1985 г.¹⁶ Роль Аверина исполнил уже завоевавший известность Герард Васильев, а Любаши – совсем ещё молодая Елена Зайцева. «В полном соответствии с режиссёрским замыслом, – отметили театральные критики, – строит роль ст. лейтенанта Дмитрия Аверина артист Г. Васильев, создавая образ умного, мужественного, интеллигентного морского офицера. [...] Молодая артистка Е. Зайцева в роли Любаши Толмачёвой, следуя режиссёрскому замыслу, также акцентирует внимание на патриотическом, героическом началах своей героини. Светлое чувство Любаши к Аверину, возникшее под ежесекундной угрозой смерти, стало в спектакле символом жизнеутверждающего, морального превосходства советского человека над чёрными силами фашизма»¹⁷.

Герард Васильев вспоминал впоследствии: «На всю сцену лестница Графской пристани. На этих ступеньках как будто блики от воды, и все декорации в этих бликах [...] Белые декорации с сине-белыми пятнами – как будто смотришь на море и у тебя в глазах рябит от маленьких волн. Режиссёр-постановщик спектакля [...] А. Смеляков говорил: “Вы всё время должны смотреть на море. Все в Севастополе, выйдя на берег, смотрят на море и разговаривают, глядя на море, а не друг на друга”. Может быть, в жизни и не все так делают, но это было театрально и по-настоящему впечатляло [...]»¹⁸ Герард

Васильев испытывал тогда проблемы со здоровьем. В воспоминаниях он написал: «Что помогло мне в день премьеры? Конечно, Господь Бог и мой долг перед Отечеством, которое вырастило и воспитало меня. Это был мой творческий отчёт перед отцом, погибшим на Ленинградском фронте в 43-м, перед моими учителями и братьями-кадетами. И дело не в том, как привычно я чувствовал себя в военной форме, а в том, что, надевая её, я ощущал себя в строю великого воинского братства»¹⁹. На премьере присутствовал «Лев Петрович Хияйнен – контр-адмирал, подводник. Он одним из последних покидал Севастополь в сорок первом (так в тексте, видимо, в 1942 г. – С.В.)»²⁰.

Критик М. Ильичёв побывал на спектакле в годовщину Победы и написал в рецензии: «Начало спектакля было необычным. В 19 ч более двух тысяч зрителей Театра оперетты поднялись с мест, чтобы минутой молчания почтить память тех, кто отдал свою жизнь в боях за свободу и независимость нашей Родины. Стояли ветераны Великой Отечественной войны, стояли их дети и внуки, в оркестровой яме стояли музыканты. Более 20 лет назад состоялось первое представление музыкальной комедии К. Листова на этой сцене. Но спектакль, поставленный сейчас и посвящённый коллективом театра 40-летию Великой Победы, – не возобновление, не реконструкция, а абсолютно новая версия. Режиссёр А. Смеляков, много лет бывший главным режиссёром Драматического театра Краснознамённого Черноморского флота им. Б. Лавренёва, привнёс в свою работу на столичной сцене особый дух хорошо знакомой ему военно-морской тематики. Это сказалось прежде всего в том, что акценты музыкальной комедии несколько сместились, и любовная коллизия (пьеса Е. Гальперинной и Ю. Анненкова), уступив место героико-романтическому началу, как бы отошла на второй план»²¹. «“Севастопольский вальс” в нынешнем прочтении, – отмечал М. Ильичёв, – это гимн подвигу людей в матросских бескозырках, завоевавших вместе со всем народом право на своё счастье, на счастье детей и внуков»²².

Публикуемый документ, выявленный в фонде Московского театра оперетты (РГАЛИ. Ф. 2930), даёт представление о первой постановке «Севастопольского вальса» в Московской оперетте.

Если ещё в годы Великой Отечественной войны практиковались совместные обсуждения премьер, с одной стороны, профессиональными критиками и театральными деятелями, с другой – рядовыми советскими гражданами²³, то в послевоенный период, и особенно

во время хрущёвской «оттепели» получили распространение чисто зрительские конференции (семинары), на которых впечатлениями о спектакле делились простые советские граждане. Срез мнений в публикуемом документе далёк от профессиональной критики, и именно поэтому он представляет особый интерес, помогает проникнуться атмосферой давно ставшего историей спектакля.

**Стенограмма конференции зрителей
по обсуждению спектакля
Московского театра оперетты
«Севастопольский вальс» К. Листова,
направленная в Центральный Дом актёра**

20 ноября 1961 г.

(Обсуждение проводилось в помещении Театра оперетты после окончания спектакля.)

Председатель – И.М. Хазанова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сегодня мы с вами обсудим спектакль Театра оперетты «Севастопольский вальс», подготовленный театром к XXII съезду партии.

До съезда театр взял в работу другую оперетту, [но] по техническим причинам её пришлось заменить другой опереттой – «Севастопольский вальс». Театру пришлось выполнить очень тяжёлую работу в связи с тем, что у него было очень мало времени, и за очень короткий срок театр выпустил спектакль, который мы видели. Спектакль, выпущенный к знаменательной дате, имеет настоящую советскую тематику, и есть смысл обсудить этот спектакль.

В связи с тем что этим спектаклем мы начинаем обсуждение всех спектаклей, выпущенных к XXII съезду партии, мы решили, что это один из самых благоприятных спектаклей к XXII съезду, и поэтому начинаем с обсуждения спектакля «Севастопольский вальс». Так как времени после спектакля у нас остаётся не так много, как обычно, мы установим регламент для выступлений в 5 минут. Будут выступать зрители, желающих, вероятно, много, и, кроме того, попросим выступить товарищей от театра, композитора Листова, который находится здесь, в зале, и не откажется пойти навстречу нашей просьбе.

Просьба к товарищам, желающим выступить, подавать записки с указанием фамилий и специальности.

Первое слово для выступления предоставляется чертёжнице Завода им. Ильича Нине Сеницыной.

Тов. СЕНИЦЫНА: Я хочу сказать большое спасибо всему коллективу театра: постановщику, режиссёру, художнику и всем артистам, вспомогательному составу за такой хороший спектакль. Мне спектакль очень понравился.

Я сегодня уже второй раз смотрела эту оперетту. Постановка мне очень понравилась. Ни одной ложной детали нет в костюмах, ни одной ложной детали в игре актёров. Мне очень понравился Богданов. Когда я шла на этот спектакль, я шла с каким-то предубеждением: Богданов – я лучше не пойду²⁴, а в этом спектакле он мне очень понравился. Кому я не совсем поверила, это Пиневицу²⁵: ну, не любит, ну, пойду к другой девушке, ни капельки правды нет в его образе²⁶.

Первый раз видела Алчевского²⁷ в роли Рахмета, а сегодня играл Витюхов²⁸. Здорово играл!

Хочу сказать о танцах, поставленных Куриловым. Каждый танец, поставленный им, сжился с образом, и, кажется, если бы балетмейстер не поставил этих танцев, они сами его станцевали бы, так здорово! (*Аплодисменты.*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет т. Юровский.

Тов. ЮРОВСКИЙ: Товарищи, я, может быть, несколько тенденциозно подхожу к этой пьесе, потому что я сам моряк, много лет служил на флоте, и, когда я шёл на этот спектакль, я больше всего боялся бутафорских матросов, традиционного «яблочка», т.е. того, чего мы здесь не увидели, а мы увидели настоящих матросов, настоящих людей – и в труде, и в бою. Мне кажется, это очень большая удача театра. Я не хочу обидеть Театр оперетты, но мне кажется, что мы давно такого хорошего спектакля не видели, потому что очень много современных оперетт звучит так, как «Граф Люксембург»²⁹, а эта оперетта звучит как новая хорошая советская пьеса – весёлая, драматическая. Играть актёры хорошо – забываешь порой, что это актёры.

Мне пришлось бывать в морской пехоте, и первое действие дано так, как будто действительно это живые люди, которые воевали в Севастополе.

Почему получилась такая удача? Во-первых, потому, что те, кто написал эту вещь: и композитор Листов, и авторы – связаны с флотом. Листов всю войну был на флотах, в частности и на Северном флоте, и он не случайно написал «Севастопольский вальс» во время войны. Один из авторов пьесы сам был матросом, и самое приятное, что Театр оперетты сумел поставить хороший, реалистический, приятный спектакль. (*Аплодисменты.*) [...]

Тов. ФЕДОРЕНКО: Товарищи! Мне часто приходится бывать в театре, т.к. я работаю в завкоме Завода [им. Лихачёва] и у нас часто проходят смотры спектаклей. Недавно мы смотрели балет «Лесная песнь»³⁰.

После сегодняшнего спектакля я завтра же буду болеть, чтобы обязательно наш коллектив пришёл на этот спектакль.

Я несколько опоздала на спектакль, но, когда я смотрела второе действие, я стала записывать артистов: кто лучше играет, и к концу спектакля я даже не могу сказать, кто играл лучше, настолько все хорошо играли и настолько всё просто, что я даже плакала.

Вспомнились война и такая жизнь. И поэтому хочу поблагодарить от души т. Канделаки за прекрасно поставленный спектакль, также поблагодарить всех актёров, режиссёра и оркестр. (*Аплодисменты.*)

Артисты настолько хорошо играли, что они вытягивали всё, и от души хочу поблагодарить весь коллектив Театра оперетты от Завода им. Лихачёва. Я имею полное право это сделать. (*Аплодисменты.*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет т. Слёзкин – научный работник.

Тов. СЛЁЗКИН: Дорогие товарищи, до Великой Отечественной войны я жил в Севастополе. С первых дней войны я участвовал в боях. Сейчас, как и все, участвую в построении нашей счастливой жизни, и то, что актёры показали на сцене театра, очень близко моему сердцу.

Кстати, замечу, что художник театра очень удачно схватил специфику чудесного морского города Севастополя. Когда я сидел в зале, я чувствовал себя в городе, где жил до войны.

Когда окончился спектакль, я подумал, что этот спектакль мне близок потому, что он связан с моими личными воспоминаниями и моей личной жизнью. Но потом пришёл к выводу, что не только поэтому, что это не только моё субъективное впечатление, а что спектакль хорош и объективно.

У нас есть некоторые товарищи, которые к оперетте относятся с предубеждением. Чаще всего, ориентируясь на старую традиционную классическую оперетту, ссылаются на узость и ограниченность этого жанра.

Что можно сказать о спектакле «Севастопольский вальс»? Во-первых, это спектакль героический. В нём со всей полнотой показана героика тех дней, когда мы с вами все защищали нашу Родину от фашистов. Во-вторых, это спектакль лирический, и в нём показана душа советского человека. Эта лирика звучит и в песне в защиту советской женщины, которую поёт Шмыга, и в дуэте Нины и Дмитрия. И нужно отдать должное

и режиссёру, и постановщику, что в этой трудной сцене, где можно легко скатиться в сентиментальность и чувствительность, артисты донесли до зрителя эти чувства в лучшей форме.

Кроме того, это спектакль комедийный, весёлый, и запомнится надолго Савельев³¹ в роли боцмана, а также многие другие артисты. *(Аплодисменты.)*

И, наконец, это спектакль музыкальный. Я хочу сказать, что оперетта «Севастопольский вальс» – это как раз тот образец и эталон, который мы должны считать настоящей, хорошей советской опереттой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет т. Грундфест – инженер 1-го ГПЗ³².

Тов. ГРУНДФЕСТ: Предыдущий товарищ говорил о тех людях, которые относятся с предубеждением к оперетте. Я отношу себя также к этим людям, и поэтому, честно говоря, я боялся даже смотреть эту оперетту, а я знал, что мне нужно будет сказать несколько слов. Ругать – неудобно, если все хвалят, а лицемерить я не могу, но, к счастью, мне лицемерить сегодня не придётся.

Мне спектакль понравился, смотрится с большим интересом, очень музыкальная оперетта; музыка мелодичная, хорошо запоминается. Нравится мне очень, что спектакль на современную тему, причём такой широкий охват – начиная с дней [Великой] Отечественной войны и до наших дней. Лучшими сценами спектакля являются песня Любаши, встреча Любаши и Дмитрия.

Лучших артистов мне трудно выделить, но хочется отметить Татьяну Шмыгу. *(Аплодисменты.)* Она настолько обаятельна, что лучшую исполнительницу роли Любаши, мне кажется, даже трудно (вернее, невозможно) себе представить. Ещё мне хочется сказать о сцене воспоминаний Дмитрия в первом акте. Очень хорошо, что такая сцена введена. Это на уровне современной драматургии. Это хорошо, что отступают от опереточного трафарета. *(Аплодисменты.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет заслуженный деятель искусств, художник Шевалдышева.

Тов. ШЕВАЛДЫШЕВА: Мне, как художнику, хотелось сказать больше всего о работе своего товарища – Григория Львовича Кигеля, который сделал, по-моему, очень хорошую работу. Его работа является одним из компонентов всего спектакля. Все компоненты, по-моему, стоят на очень высоком уровне, и слитность, слаженность этих компонентов, т.е. работы актёров, режиссёра, композитора, художника, технических цехов, в данном спектакле стоит на очень высоком уровне. И эта слитность нам даёт возможность говорить о присутствии настоящего искусства в спектакле.

Мне кажется, что по своей специфике художник нашёл нужный образ всего спектакля, и, главное, он нашёл принцип очень выразительный, лаконичный и очень современный.

Заслуга т. Кигеля в том, что он не останавливается в своей работе. Я знаю его многие годы и знаю, как он растёт, и как ищет, и [как] сейчас оформляет нашу оперетту.

Эта оперетта производит впечатление произведения искусства, и ей присущ высокий вкус. Я не поборник оперетты, всегда работала в драматических театрах, и с большим удовольствием констатирую тот факт, что нахожу в этом спектакле высокую сценическую культуру: особенно постановочную, актёрскую и художника. Художник в этой работе отрешился от всех ненужных деталей, сумел очень лаконично и образно выразить сущность всего спектакля. Кроме того, он сумел создать атмосферу Севастополя несколькими станками, какими-то деталями и хорошим задником образ моря, образ Севастополя, образ юга. Я думаю, что это большое достижение в работе Кигеля, что он идёт новыми путями, он всё время ищет новое в своей работе.

Я закончу своё выступление тем, что я душевно рада, что видела этот спектакль, и хочу пожелать дальнейших творческих удач этому театру и художнику Кигелю. *(Аплодисменты.)*

Разрешите сделать одно небольшое добавление. Мне хочется, чтобы товарищи, которые будут выступать после меня, обращали внимание и делали свои замечания и по поводу работы художника, как они делают это по работе режиссёра и артистов. *(Аплодисменты.)*

(Тов. Канделаки представляет зрителям артистов – участников спектакля, автора – композитора К. Листова, либреттистов Гальперину и Анненкова и художника Кигеля.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет т. Соколова – научный сотрудник Дагестанского филиала Академии наук.

Тов. СОКОЛОВА: На меня спектакль «Севастопольский вальс» произвёл большое впечатление. Это победа нашего советского искусства на сцене. Тут счастливо сочетается классическое искусство с нашим советским искусством. Меня поразила хорошая игра актёров, которые сумели показать нашего простого и вместе с тем большого человека – с хорошей, большой душой.

Я позволю себе сделать два небольших замечания. Мне кажется, что не совсем оправданна встреча Любаши

с этой актрисой³³: она не подкреплена фактами, непонятно, где они встречались и почему у них должна была быть такая тяга друг к другу. Нужно было подготовить эту встречу. В общем, это не совсем оправданно.

И второе замечание – по поводу образа узбека Рахмета. Достигнуть национального своеобразия этого образа не стоило подчёркнутым искажением слов. Есть другие средства для отражения психологического склада этого национального характера. Может быть, нужно было дать ему больше изречений из народного творчества или национальные народные танцы. Но давать этот образ таким трафаретным приёмом коверканья слов – это больше бьёт на эффект, но не раскрывает подлинный национальный характер³⁴. А тут нужно было в основном показать эту дружбу народов, вводя образы [узбека] и русских, и нужно было углубиться в этот образ, дать национальный характер.

А в общем, этот спектакль произвёл на меня потрясающее впечатление. (*Аплодисменты.*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет т. Сироткина – завод «Динамо».

Тов. СИРОТКИНА: Я боюсь, что моё выступление начнётся «за здравие», а закончится «за упокой». Моя задача облегчается тем, что мы обсуждаем этот спектакль в старом здании³⁵, и мне хочется в этом старом здании оставить те претензии, которые имеются у меня, и приберечь все хорошие, лестные слова [до того времени], когда театр переедет в новое, прекрасное здание³⁶.

Что мне понравилось в этом спектакле? Прежде всего мне понравилась музыка Листова. (*Аплодисменты.*) Мне очень понравилось, как вкраплён здесь вальс, который мы давно знаем. Очень много интересной, запоминающейся музыки – [такой], как дуэт Любаши и Дмитрия: «Не забудь», ария Любаши, песня матросов и другие, но лирические куплеты мне показались интереснее, чем каскадные.

Кроме того, мне очень понравился ансамбль исполнителей. Но мне кажется, в этой оперетте все огромные возможности, которые заложены в коллективе актёров этого театра, не использованы полностью. Об этом уже много говорили здесь, но я хочу ещё раз вернуться [к этому]. Мы предъявляем претензию к либреттистам. Режиссёр Равенских на обсуждении спектакля «Свиные хвостики»³⁷ сказал, что зритель стал сейчас мудрёным, потерял непосредственность восприятия. И он говорил: «Смейтесь, когда вам смешно, и плачьте, когда вам грустно». Мы, конечно, самые обыкновенные люди и очень любим смеяться, когда нам смешно, но как бы непосред-

ственна я ни была, от меня не скрылось, что в нашей оперетте перемалывается одно и то же, хотя дано это, казалось бы, на неплохой подкладке – это треугольник: он любит, она не любит, а его любит другая. Казалось бы, всё хорошо, речь идёт о войне, потом о мирном труде, но опять всё оборачивается в этот треугольник. Неужели нет более интересного и оригинального в жизни, что можно было бы воплотить в оперетту. Например, мало использованы прекрасные возможности актёра Витюхова. Мне кажется, если театр хотел, чтобы зритель отдохнул на этой оперетте, чтобы ему просто понравилась эта оперетта, то он бы этого добился уже одним тем, что сделал героиней Шмыгу, потому что все мы в неё влюблены.

Но нам хочется, чтобы и другие актёры смогли полностью себя показать, развернуть свои возможности. Например, Богданов: он мне очень нравится, его взяли из Сталинграда, и если взяли, то уж давайте ему роли!

Общее впечатление от спектакля, конечно, хорошее, но, по моему мнению, это средний спектакль. Театр оперетты может сделать гораздо лучший* спектакль. Может быть, моё выступление прозвучало диссонансом: все хвалят, но я говорю искренно и откровенно. (*Аплодисменты.*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово предоставляется рабочему завода «Мострансчасть» т. Крейнину.

Тов. КРЕЙНИН: Спектакль «Севастопольский вальс» – очень удачный подарок XXII съезду партии (*аплодисменты*), с чем и нужно поздравить коллектив Театра оперетты.

И если мы сейчас выносим такие хвалебные отзывы, то следует за этот спектакль премировать и дать первую премию. (*Аплодисменты.*)

Очень отрадно нам, старикам, видеть в коллективе Театра оперетты большинство молодых актёров. Только художник Кигель похож на меня, старичка. Но и Кигель, и все остальные на своих местах.

Какая прекрасная вещь – музыка! Тут выступала девушка, которая больше меня понимает в оперетте и, может быть, больше меня посещала театр; она окончила вуз, а я не окончил высшего учебного заведения. Но хочу сказать, что она всё-таки не права. Нельзя так подходить и охаивать, что она не получила удовольствия от спектакля. По-моему все получили удовольствие. (*Аплодисменты.*) Даже от одной только музыки было удовольствие. Пусть человек не понимает музыку, но душой и слухом он всё это воспринимает.

* Так в стенограмме.

Эта оперетта удачна ещё и потому, что тут показана наша армия единая с народом, и здесь это так подчёркнуто и заметно, что, когда женщины пошли на стройку, армия пошла к ним на помощь. Это показывает, что наш народ и армия едины.

Я повторяю то, что сказал раньше, что зрителям нужно будет ходатайствовать о премировании коллектива театра за этот спектакль. (*Аплодисменты.*) Нужно сказать коллективу театра за этот спектакль большое спасибо. (*Аплодисменты.*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово предоставляется т. Ивановой – бухгалтеру.

Тов. ИВАНОВА: Товарищи, я очень часто посещаю оперетту и очень люблю оперетту, и спектакль «Севастопольский вальс» произвёл на меня очень большое впечатление. Этот опереточный спектакль не похож ни на один предыдущий спектакль, который я видела. Прекрасно звучала музыка, прекрасно дирижировал оркестром Оссовский³⁹. Я бы сказала, что самая лучшая роль Богданова – именно эта роль Аверина⁴⁰. Очень хороша Шмыга. Она везде обаятельна – и также и в этом спектакле. (*Аплодисменты.*) Эта пара в этом спектакле настолько хороша, что лучше и не придумаешь. (*Аплодисменты.*)

И очень хороши также Марон⁴¹ и Савельев. Если бы у Марон и Савельева было больше материала, они сделали бы больше. Эта пара из-за отсутствия лучшего текста немного проигрывает.

Прекрасно оформлен спектакль. Я совершенно не согласна с предыдущим товарищем. Она первая, которая так отозвалась об этой оперетте: то ли хотела произвести впечатление оригинальностью своих суждений, но это совершенно неправильные суждения. Около меня сидели зрители, и не было человека, который сказал бы, что оперетта ему не понравилась*. (*С места: «А предыдущий товарищ так и не говорил».*) (*Аплодисменты.*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет т. Молочникова – студентка Института им. Плеханова.

Тов. МОЛОЧНИКОВА: Не хочу повторять слова предыдущих товарищей. Я присоединяюсь к их мнению, мне тоже очень понравился спектакль. Очень хорошо поставлен, но хочется отметить одно «но». Эта сцена, когда Санина⁴² играет жену Аверина. Я очень люблю эту артистку, она очень хорошо играет все свои роли, но, мне кажется, эта роль не для неё⁴³. По пьесе молодая девушка учится в институте, полюбила моряка. А тут выходит какая-то выдуманная молодая девушка,

которая бросается ему в объятия, которая вся полна им, а Санина пережила этот возраст, и она очень уж положительная по своему характеру в этой роли, в то время как здесь должен быть образ девушки не совсем положительной, а даже легкомысленной, раз она могла послать такое письмо мужу, которого она любила и который находится на фронте. Нужно было показать именно образ легкомысленной девушки. А когда она встречается с ним после войны, тогда уже она более серьёзная и положительная. (*Аплодисменты.*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет т. Перельс – студент.

Тов. ПЕРЕЛЬС: Мне, прежде всего как зрителю, который не очень искушён в театре и не очень часто бывает в театре, хочется поклониться театру за эту героическую работу. Создать трёхактный спектакль меньше чем за месяц очень трудно, мне кажется.

Я хочу задать один вопрос. Я прошу прощения за косноязычие. Я редко бываю в театре, и тем более в оперетте, и хочу рассказать одну историю. Три года назад я был солдатом. Мы нашли в Севастополе одну старую пластинку. Мы её склеили, т.к. она была очень старая. На одной стороне на плохом коверканном русском языке был целый ряд армянских поговорок, а на другой стороне – песня о Карапете, который забирается на гору. Мы склеили эту пластинку и стали её слушать, и замполит сказал, что это пошло, что это Лещенко – и что это очень плохо⁴⁴. И я несколько удивился, когда в несколько модернизированном виде я услышал эту пластинку сегодня на сцене. Я удивился, когда я недавно по радио слышал изложение Программы партии, и говорили, что этот спектакль подготовлен к съезду, и там написано, что нужно выпускать спектакли более высокого вкуса и воспитывать на них зрителя. И были отклики на эту Программу, и в том числе одного из руководителей Театра оперетты, который говорил, что будем выпускать спектакли на высоком художественном уровне, на высокой идейной основе. А потом я услышал со сцены [...] и про луну, и про девушку, которая как луна, которую трудно достать, но вкусно кушать. Если бы такая реприза была только одна, это было бы ещё ничего, а когда их много, начинаешь думать, где же тот вкус, где же плохое и где хорошее. (*Аплодисменты.*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет т. Олейникова – юрист.

Тов. ОЛЕЙНИКОВА: Я неожиданно и случайно оказалась на такой конференции, и мне хочется высказать и своё мнение. Тут было много сказано и хорошего, и критического, и я не буду об этом говорить. Нам сказали, что оперетта «Севастопольский вальс» – подарок XXII съезду партии, значит – подарок и нам. А за

* Так в стенограмме.

подарок принято благодарить, и тут уже благодарили. Наряду с этим хочется сказать, что мне хотелось бы ещё увидеть в этом подарке. Я согласна со многими товарищами, которые высказывались и положительно, и делали и критические замечания. Основные замечания у меня будут к автору музыки⁴⁵ и авторам текста, потому что об артистах оперетты, которые за такой короткий срок подготовили спектакль, можно сказать, что они безупречны.

Но, идя на оперетту «Севастопольский вальс», мне хотелось кроме этой знакомой и любимой мелодии «Севастопольского вальса» услышать ещё такие же, равноценные, а может быть, ещё более высокие по своим музыкальным качествам мелодии, хотелось бы, чтобы кроме мелодии «Севастопольского вальса», которая прозвучала здесь как основная мелодия, были бы такие же запоминающиеся, радостные, хорошие мелодии, которые можно было бы унести с этого спектакля.

К сожалению, я, кроме «Севастопольского вальса», не запомнила ни одной мелодии. Может быть, нужно несколько раз послушать оперетту. Это моё личное, субъективное восприятие музыки. Это даже не критика, а просто пожелание. Хорошо бы побольше музыкальных номеров: каскадных, весёлых, радующих арий и дуэтов.

И в отношении текста есть пожелание, которое, мне кажется, можно было бы учесть в процессе дальнейшей работы над этой опереттой, потому что, очевидно, не всё закончилось у театра с постановкой этой оперетты. Действительно, комедийные образы не совсем удачные, потому что остроты эти уже знакомы, и для авторов текста есть ещё над чем поработать.

Эти два основных выступления* мне кажется, сливаются с выступлением товарища, который выступал до меня.

Если наши замечания будут учтены, то, безусловно, об оперетте в целом, как о самом произведении, так и о коллективе, который сыграл этот спектакль, можно будет сказать, что они хороши и безупречны. *(Аплодисменты.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет т. Маркова.

Тов. МАРКОВА: Я не буду повторяться. Всё, что думала и чувствовала во время спектакля, тут уже сказали. В Москву я приехала из Ленинграда на несколько дней, и, когда попадаешь в Москву, хочется посмотреть и услышать всё самое интересное.

Я очень довольна, что попала на эту оперетту. От имени ленинградцев я хочу поблагодарить весь кол-

лектив театра, который сделал большое дело, поставив очень хорошую оперетту. Хочу вас поздравить и пожелать дальнейших больших успехов. *(Аплодисменты.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово предоставляется т. Седову – слушателю Академии им. Ленина⁴⁶.

Тов. СЕДОВ: Здесь многие выступали, но не сказали об одном существенном факте – на мой взгляд, главное. Девушка тут говорила о пресловутом треугольнике, и все это восприняли довольно оппозиционно. На мой взгляд, она выступила правильно, но взяла этот вопрос в другой плоскости.

Ей не понравилось, что в этой оперетте динамика действия раскрывается через любовь. Она полюбила и бросила мужа, затем полюбила кого-то другого. Благодаря этим отношениям тут большая идея – показать единство народа в том смысле, что, когда наши отцы сражались на фронте, были женщины, которых, к счастью, было мало, которые наносили раны своим мужьям (я об этом в своё время слышал в армии и знаком со многими офицерами, которые на себе испытали такие ужасные удары в спину, и их моральное состояние было очень тяжёлое, и тяжело было в таком состоянии идти в бой), и в этом заключается главное. И авторы очень правильно отразили этот факт, взяв его как одно из главных направлений.

Я хочу остановиться на игре артиста Богданова, поскольку он является моим земляком (я его слышал в Сталинградской оперетте и давно уже за ним слежу) и мы с ним в своё время даже встречались в одном месте – в хорошем смысле. Но я хочу дать ему⁴⁷ несколько дружеских советов. Он играет превосходно, безупречно, все зрители восхищаются им (некоторые девушки даже говорили, что они любят Богданова), это говорит о больших чувствах к нему как к артисту. Он артист темпераментный, старается выразить свои чувства ярко, но иногда он соскакивает на односложность, часто повторяет одни и те же движения и жесты, и если он их устранил, то его игра от этого только выиграет. *(Аплодисменты.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет т. Валикова – инженер.

Тов. ВАЛИКОВА: Когда я прочла в афише, что это не оперетта, а спектакль, я решила, что нечего будет слушать, а придётся только смотреть, и сразу разочаровалась. А спектакль меня захватил прежде всего тем, как он оформлен художником. Я очень люблю море, я хорошо знаю Севастополь и сегодня только вернулась оттуда. Здесь так дано море и так даны детали...

Я очень люблю Шмыгу, она искренна, и я с удовольствием увидела её в такой неопереточной роли. Это не

* Так в стенограмме. Следует – замечания.

оперетта, это спектакль, и спектакль очень хороший. То, что принято видеть в оперетте, мы уже видели. Ни одной современной оперетты полностью хорошей, с моей точки зрения, мы не видели. Или музыка не очень хорошая, или текст. А эта оперетта – прекрасная, и даёт новые представления о возможностях этого актёрского коллектива. Может быть, этот спектакль станет особняком для этого театрального коллектива, но это очень удачное направление.

Относительно вставной сцены – сцены воспоминания Аверина о своей жене. Я не люблю, когда приходишь в кино или в театр и сразу видишь, кто хороший, а кто плохой. Здесь сразу было видно в этой сцене, что у них ничего хорошего не будет. Правильно сказала тут выступившая девушка, что эта актриса⁴⁸, пожалуй, пережила этот⁴⁹ возраст. Это единственное фальшивое место. И ещё я скажу: я плакала, и плакала хорошими слезами. *(Аплодисменты.)*

С МЕСТА: Я считаю необъективным, если мы всё внимание сосредоточим на выгодных ролях. На высоком уровне играет и Санина. Объективность требует, чтобы мы всегда оценивали людей, которые творчески работают. Я совершенно искренне могу сказать, что наряду с тем, что Шмыга прекрасно играет, и Санина в своём амплуа⁵⁰ в этой роли прекрасна, и мы должны выразить ей свою благодарность. *(Аплодисменты.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет представитель театра – артист Пиневиц.

Тов. ПИНЕВИЧ: Мне ничто не угрожает, поэтому я выступаю первым, я «Бессмертный». *(Аплодисменты.)*
Дорогие товарищи!

Разрешите мне от имени моих товарищей, занятых в этом спектакле, горячо, предельно искренне вас всех поблагодарить за то, что вы, утруждая себя, остались сегодня на нашей зрительской конференции и высказали целый ряд очень важных для нас замечаний. Большое спасибо! *(Аплодисменты.)*

Теперь несколько слов по частностям. В адрес композиторов и авторов пьесы раздавались какие-то критические замечания, а в отношении коллектива актёров в основном общее мнение было, что актёрский коллектив здесь показал себя достойно. *(Аплодисменты.)* Мне хочется в связи с этим сказать, что актёрский коллектив, занятый в этом спектакле, в кратчайший срок, в течение неполного месяца, сделал то, что вы сегодня видели. На это актёрский коллектив был мобилизован не только тем, что спектакль должен был быть подготовлен к XXII съезду партии. Да, это великая цель, которая нас согревала и вдохновляла, но было

бы несправедливым не отметить, что материал, который актёры получили в работу, был этим благородным и благодарным материалом, который позволил создать этот спектакль, потому что в пьесе и в музыке Листова бьётся пульс настоящего живого сердца, и потому это сердце увлекло зрительный зал. Не будь его, не было бы тех высказываний, которые мы здесь услышали. И мы лишний раз убедились, что не ошиблись, взяв этот материал. Может быть, мы не всё сделали, что от нас зависело, но мы вынесли этот спектакль на общий суд зрителей не только как скоропалительный труд, наспех сделанный, а и в короткий срок выстраданный и полюбившийся нам, что не только вам, но и нам, актёрам, доставляло удовольствие играть.

Позвольте ещё раз от лица моих товарищей поблагодарить вас за присутствие на этой конференции и пожелать ещё дальнейших подобных встреч по целому ряду следующих наших спектаклей. *(Аплодисменты.)*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово предоставляется постановщику спектакля т. Заксу.

Тов. ЗАКС: Товарищи, мне кажется, что очень много сказано в адрес нашего спектакля, адресованного не только театру, но и в первую очередь авторам произведения, композитору, ибо мы сегодня с вами разбираем произведение, в котором, может быть, впервые мы увидели психологическое раскрытие в жанре оперетты образов наших современников. Мы имели дело очень часто с материалом, который давал нам возможность раскрыть в нашем жанре образ современника, но какую-то одну сторону, не средствами психологического театра.

Достоинство этого произведения состоит в том, что средствами психологического театра в этом жанре раскрыты образы людей, и мне хотелось бы, чтобы товарищи, которые сегодня выступали по поводу этого произведения, поняли, что в какой-то степени они действительно являются свидетелями разновидности и более широких граней в этом жанре.

Тут были высказаны и критические замечания. Некоторые из этих замечаний нами будут учтены [...].

Но я должен сказать, что то, что тут говорили о пресловутом треугольнике и банальности пьесы, в какой-то степени является глубокой неправдой.

«Горе от ума», как говорили наши классики, также построено на этом треугольнике, и вся наша жизнь построена на треугольниках, двуугольниках и т.д. *(Аплодисменты.)*

Важно увидеть за треугольником гораздо большее, и мне кажется, что мы постарались увидеть за этим треугольником судьбу человека, начавшего жизнь до

войны, в войне и пришедшего к нашим дням. Эта судьба близка нам всем и позволила нам и всему коллективу с настоящей, большой отдачей работать. Мне кажется, что образы, созданные Богдановым, Шмыгой, так же как и Ниной – Саниной, наделены настоящей человеческой теплотой и настолько разносторонни, что они выходят за рамки нашего жанра. Мне кажется, что в этом залог жизнелюбия данного спектакля. (*Аплодисменты.*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово предоставляется композитору – Константину Листову.

Тов. ЛИСТОВ: Дорогие товарищи! Я много говорить не буду: время уже позднее. Хочу ответить на некоторые замечания. Здесь говорили, чтобы было больше запоминающихся мелодий. Но всё же из 32 номеров, чтобы запомнилась даже половина, даже у величайших композиторов трудно найти. Но постараюсь что-нибудь сделать ещё, чтобы запомнилось, если это требуется, [я сочиню] побольше мелодий. (*Аплодисменты.*)

Я хочу вас поблагодарить за ваше сердечное отношение к этому спектаклю, и главное – за сердечное отношение к коллективу актёров этого замечательного театра. Тут чудесные артисты. Они сделали эти образы лучше, чем мы ожидали. Они великолепно почувствовали морскую душу. Я сам моряк, и это подлинные наши чудесные морские люди, и за это я тоже хочу их поблагодарить, что они показали наших замечательных моряков. (*Аплодисменты.*)

Спасибо вам! (*Аплодисменты.*)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет Владимир Аркадьевич Канделаки.

Тов. КАНДЕЛАКИ: Я должен сказать, что я необычайно взволнован. Я первый раз в жизни присутствую на таком замечательном, дружеском, искреннем обсуждении. Но вы не представляете, какая это большая польза для нашего коллектива, и я уверен, что весь наш коллектив с удовольствием будет просить вас каждый спектакль так обсуждать, чтобы вы делились своими впечатлениями о спектакле, и, если вы что-нибудь нехорошее скажете в наш адрес, мы не обидимся.

Да, коллектив здорово работал, никаких выходных дней, с утра до ночи, никакого семичасового рабочего дня. Может быть, мы и нарушили закон о труде, но все – от рабочих постановочных цехов, хора, оркестра до солистов – так хотели сделать спектакль к сроку и на хорошем художественном уровне, что не считались ни с временем, ни с усталостью.

Мне кажется, судя по вашим высказываниям, что коллектив этого добился. В чём преимущество этой оперетты? Это первая оперетта, где ни одного отрица-

тельного образа нет. Нина тоже не отрицательный образ, мы не знаем, что произошло в её жизни; она мучается и страдает, но она советский человек; она поступила нехорошо, но это не человек, который должен быть выброшен из нашей жизни.

Обычно мы ждём в оперетте юмора наших отрицательных комиков, а здесь весь этот юмор исходит от наших положительных комиков. Может быть, я в какой-то степени пристрастен, но это естественно. Но какая-то необыкновенная внутренняя чистота людей, которые действуют на сцене, может быть, во мне есть элемент сентиментальности, но я смотрю уже много репетиций и все спектакли, но меня это волнует и до сих пор, потому что я знаю каждого актёра вдоль и поперёк и меня волнует то, что они делают на сцене и как они хорошо и по-настоящему живут на сцене той жизнью, той атмосферой, теми чистотой и чистоплотностью, которые нам необходимы, которые мы должны нести со сцены любого театра, а тем более театра оперетты, который в устах некоторых товарищей кажется ещё таким легкомысленным жанром, тру-ля-ля.

О вкусах не спорят. Есть люди, которым не нравится «Севастопольский вальс», почему я должен их переубеждать в этом, если не нравится? Но если человек приходит на спектакль и ждёт каких-то фраз, чтобы сказать: «Какая пошлая фраза, ах, какая мерзость...» Был у нас такой товарищ, который следил за нашим искусством, я ни разу не видел, чтобы он хлопал и даже в жизни улыбнулся, и, когда я ему это сказал на одном совещании, я в первый раз видел его улыбающимся – за то, что сказал ему это.

Очевидно, и тут есть недостатки. Но и актёры, при способностях одного в большей, другого в меньшей степени, не могли бы делать на сцене то, что на вас производит впечатление, если бы не было музыки или драматургического произведения. Это их подхлестывает и волнует, и поэтому они так хорошо, по-настоящему действуют на сцене. А приходить и думать так: я пойду в оперетту, но зачем я буду смеяться – это не нужно, это неправильно.

Нам принесли однажды переделанную «Весёлую вдову», которая была руководителем партизанского движения. (*Смех.*) У наших актёров, всех, без исключения, есть ещё много недостатков, и они ещё будут работать над спектаклем, и нужно всегда смотреть спектакль 10-й или 15-й, когда люди уже вживаются в него. Но если учесть, что наш замечательный актёр Алчевский, играющий Рахмета, выбыл по болезни и что Витюхов впервые сегодня играет роль Рахмета (*бурные*

аплодисменты), не имея такого количества репетиций, но он это делает так мягко, разве он коверкает язык? Он делает акцент и немного интонаций, и в этом есть обаяние его исполнения. (*Аплодисменты.*)

Я не могу согласиться с первой выступавшей, которая говорила о Пиневице, что он должен до конца любить (*смех*), а он бросился к другой. Он эту девушку убеждает, что я буду у тебя на свадьбе танцевать, он это искренне переживает, но видя, что его товарищ Аверин и Любаша по-настоящему друг друга любят, он не будет мешать этой настоящей любви. А у неё, наверное, очень глубокое чувство остаётся. Саниной труднее всех. Мне кажется, она с достоинством вышла из положения в этой роли.

Я не говорю о Савельеве, который очень хорошо и убедительно играет. Разве не обаятельна Зиновка – Панкова: она искренне любит, на расстоянии любит, такая чистота этого образа.

Я, очевидно, начинаю всех перехваливать, но что делать? Очень мне нравятся они. Я очень рад, что моё мнение сходится с вашим.

Огромная работа проведена постановщиком А. Р. Заком, и дирижёром Оссовским, и художником Г. Л. Кигель.

Нам очень приятно, что вы так тепло оценили этот спектакль. И нам очень приятно, что уже двенадцатый час ночи и вы всё сидите здесь. Это говорит о том, что вы по-настоящему интересуетесь судьбой нашего театра. За это мы вам очень благодарны. (*Аплодисменты.*)

Тов. ХАЗАНОВА: Видимо, не случайно мы начали обсуждение спектаклей, подготовленных к XXII съезду партии, спектаклем «Севастопольский вальс». Мы приглашаем вас в Дом актёра на обсуждение других спектаклей, подготовленных к XXII съезду КПСС. (*Аплодисменты.*)

РГАЛИ. Ф. 2930. Оп. 2. Д. 61. Л. 2–43.
Неправленая стенограмма. Машинопись.

¹ Большой канкан. М., 2003. С. 145, 150.

² Гринберг Я. Московский театр оперетты. М., 1967. С. 169.

³ XXII съезд КПСС проходил с 17 по 31 октября 1961 г. в Москве, впервые в Кремлёвском Дворце съездов.

⁴ Гринберг Я. Указ. соч. С. 158.

⁵ Там же. С. 166.

⁶ Многие театралы – представители старшего поколения до сих пор с удовольствием вспоминают об этом детском спектакле, и прежде всего об исполнителе главной роли Алексее Степуненко.

⁷ Гринберг Я. Указ. соч. С. 165.

⁸ Там же. С. 159, 160.

⁹ Волгоградский музыкальный театр [официальный сайт] // URL: <http://www.muzteatr-vlg.ru/news/381-sevastopolskij-vals-istoriya>

¹⁰ Цит. по: Гринберг Я. Указ. соч. С. 162.

¹¹ Там же.

¹² Шмыга Т.И. Счастье мне улыбалось. М., 2001. С. 133, 134.

¹³ Там же. С. 135.

¹⁴ Там же. Чёрно-белая вклейка.

¹⁵ Там же. С. 150. См. подр.: Там же. С. 149, 150.

¹⁶ Татьяна Константинова [официальный сайт] // URL: <http://tvkonstantinova.narod.ru/Arhiv/Arhiv.htm>

¹⁷ Цит. по: Ильичёв М. «Севастопольский вальс» [электронный ресурс] // URL: <http://operetta-story.narod.ru/Sevastopolskijvals/SevastopolskijvalsSMI.htm>

¹⁸ Васильев Г. Роли, которые нас выбирают. М., 2004. С. 193.

¹⁹ Там же. С. 194.

²⁰ Там же. С. 193.

²¹ Цит. по: Ильичёв М. «Севастопольский вальс»...

²² Там же.

²³ См., напр.: РГАЛИ. Ф. 3069. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–29.

²⁴ Юрий Богданов был несколько грузен и значительно старше своего персонажа.

²⁵ Пиневиц Анатолий Васильевич (1921–1997) – советский певец, солист Московского театра оперетты, заслуженный артист РСФСР. Участник Великой Отечественной войны. Т.И. Шмыга писала: «...с Толей Пиневицем мы много выступали в различных спектаклях, часто выезжали на гастроли. Он не только исполнял свои номера, но и был очень хорошим ведущим наших концертов. Талантливый актёр, умный, обаятельный человек, Пиневиц выделялся среди наших ребят особой эрудицией, писал стихи. В театре к нему относились с уважением» (Шмыга Т.И. Указ. соч. С. 151, 152).

²⁶ Большинство зрителей были иного мнения.

²⁷ Алчевский (настоящая фамилия – Чередниченко) Василий Иванович (1904–1975) – известный советский комик, народный артист РСФСР (1959), солист Московского театра оперетты, секретарь парткома театра (член ВКП(б) с 1940 г.).

²⁸ Витюхов Борис Константинович (1923 г.р.) – солист Московского театра оперетты, выпускник студии при театре, созданной в 1940-е гг. Письмо Б.В. Витюхова В.И. Алчевскому от 30 апреля 1962 г. см.: РГАЛИ. Ф. 2393. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.

²⁹ «Граф Люксембург» – оперетта в трёх актах австро-венгерского композитора Франца Легара. Впервые поставлена в венском театре «Ан дер Вин» 12 ноября 1909 г.

³⁰ В действительности «Лесная песня» – балет в трёх действиях композитора Г.Л. Жуковского. На сюжет произведения Л. Украинки в 1960 г. сценарий написал Михаил Габович.

³¹ Савельев Юрий Александрович – актёр Ростовского театра музыкальной комедии, позднее комик Московского театра оперетты.

³² Первый государственный подшипниковый завод (ГПЗ-1) – московский завод по изготовлению шарикоподшипников.

³³ С Ниной – молодой певицей из Ленинграда.

³⁴ Стандартное замечание Московскому театру оперетты. Вполне уместно вспомнить режиссёрское «решение» образа Мустафы в последней постановке «Бала в Савойе» П. Абрахама. Что не мешает, впрочем, сделать в отношении данной постановки тот же вывод, что сделал и докладчик (см. последний абзац стенограммы выступления).

³⁵ Вскоре театр переехал в бывшее здание филиала Государственного академического Большого театра: Пушкинская ул. (ныне Б. Дмитровка), д. 6.

³⁶ Филиала Большого театра.

³⁷ «Свиные хвостики» – спектакль Московского драматического театра им. А.С. Пушкина по комедийной пьесе чешского драматурга Ярослава Дитла, поставлен в 1961 г. главным режиссёром театра (1960–1970) Б.В. Равенских.

³⁸ В Древнем Риме во время триумфа специально обученный раб шептал триумфатору, которого провозглашали богом: «Ты человек», дабы тот не зазнался.

³⁹ Оссовский Лев Моисеевич (1922–2012) – дирижёр, затем главный дирижёр (1948–1968) Московского театра оперетты.

⁴⁰ Именно эта роль и ассоциируется в памяти театралов с Юрием Богдановым и поныне.

⁴¹ Марон Валентина Ивановна (1923–2012) – комическая актриса Московского театра оперетты, заслуженная артистка РСФСР.

⁴² Санина Татьяна (Таисия) Леонидовна (1923–2011) – примадонна Московского театра оперетты (1948–1990), народная артистка РСФСР (1978). По определению И.О. Дунаевского, королева жанра. Как сказала другая прима театра, Л.Я. Амарфий, «я думаю, она даже не всегда понимала, насколько гениально она играла».

⁴³ Действительно, в «Севастопольском вальсе» талант Татьяны Саниной не мог раскрыться в полном объёме.

⁴⁴ Имеется в виду Лещенко Пётр Константинович (1898–1954) – русский и румынский эстрадный певец, исполнитель народных и характерных танцев, ресторатор. Исполнял свои песни перед немецкими солдатами. Арестован в 1951 г., умер в румынской тюремной больнице Тыргу-Окна.

⁴⁵ Композитору.

⁴⁶ Военно-политическая академия им. В.И. Ленина – высшее военное учебное заведение Вооружённых Сил СССР, предназначенное для подготовки военно-политического состава с высшим военным образованием для всех видов Вооружённых Сил, родов войск, внутренних и пограничных войск, научно-педагогического состава с высшим педагогическим образованием для военных вузов, а также проведения научных исследований в области ряда гуманитарных наук.

⁴⁷ Бывшему фронтовику, получившему контузию.

⁴⁸ Т.Л. Санина.

⁴⁹ Своей героини.

⁵⁰ В данном случае Т.Л. Санина, как уже говорилось во вводной статье, выступала не в своём амплуа.

С.Д. Гарнюк

Севастопольский район г. Москвы и его управленческие структуры (апрель 1977 – октябрь 1993)

Административное деление Москвы на территориальные районы ведёт свой отсчёт с 1917 г. Осенью 1917 г. – весной 1918 г. в Москве насчитывалось 17 районов. Затем, после ряда объединений, их число значительно сократилось. В мае 1920 г. в Москве насчитывалось 7 районов: Бауманский, Городской, Замоскворецкий, Краснопресненский, Рогожско-Симоновский, Сокольнический, Хамовнический. Городской район упразднили 10 июня 1922 г.

По мере роста населения столицы разукрупнение шести существовавших районов становилось настоятельной необходимостью. 13 декабря 1930 г. вопрос об изменении административно-территориального деления столицы рассматривал пленум Моссовета. В ре-

зультате было принято постановление об увеличении числа московских районов до 10, с характерной формулировкой, отражающей дух времени: «В целях наибольшего вовлечения рабочих в работу советов, в целях охвата советами растущей активности масс и их трудового энтузиазма, а также для лучшего обслуживания пролетарских масс»¹. В апреле 1936 г. количество районных Советов выросло сразу до 23.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны в городе появилось ещё 2 района: 3 апреля 1941 г. – Калининский и 26 мая 1941 г. – Тимирязевский. После окончания войны городское хозяй-

¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 19. Д. 392. Л. 455 об.

ство Москвы активно развивалось, увеличивалась её территория. Например, в августе 1960 г. границы столицы были расширены до черты кольцевой автодороги. Одновременно происходил постоянный и очень заметный прирост населения. Если в 1936 г. в Москве проживало 3,6 млн человек, то в 1956 г. – уже 4,9 млн. За последующие три года численность москвичей возросла уже до 6 млн¹, тогда как количество районов заметно уменьшилось. В сентябре 1957 г. их было 20, а в августе 1960 г. уже 17. Город тем временем продолжал развиваться бурными темпами, и прежние границы районов уже не отражали сложившуюся социально-экономическую ситуацию.

25 ноября 1968 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление «Об изменении административного районирования г. Москвы», согласно которому количество районов увеличивалось до 29². Права района получил и город-спутник столицы – Зеленоград. Такое административно-территориальное деление сохранялось до 1977 г., когда столичные власти проявили инициативу в увеличении числа московских районов.

2 февраля 1977 г. Бюро МГК КПСС и Исполком Моссовета приняли совместное решение «О частичном изменении административного районирования Москвы». В нём необходимость образования новых районов столицы обосновывалась тем, что три северных района – Бауманский, Кировский, Тимирязевский и два южных – Советский и Черёмушкинский «в результате их интенсивного развития претерпели существенные изменения. Здесь возведены крупнейшие в Москве жилищные массивы, что обусловило приток значительного числа жителей из сложившейся части города. В то же время число предприятий промышленности, транспорта, науки и других организаций в районах сохранилось фактически на прежнем уровне. Так, в Советском районе население составляет 552 тыс. человек, трудозанятость – 123,7 тыс.»³. Далее в записке говорилось о том, что после осуществления намеченных преобразований численность населения в вышеупомянутых районах и двух новых не будет превышать 400 тыс. человек. В развитие данного постановления 5 марта 1977 г. Исполком Моссовета принял решение № 560, в котором говорилось: «Про-

сить Президиум Верховного Совета РСФСР образовать в г. Москве два новых административных района: за счёт территорий Ленинградского и Тимирязевского районов и на юге – за счёт территорий Советского и Черёмушкинского районов, присвоив вновь образованным районам названия: Железнодорожный (на севере) и Севастопольский (на юге)»⁴. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании Железнодорожного и Севастопольского районов в городе Москве» был выпущен 23 марта 1977 г.⁵

На следующий день, 24 марта, вышло решение Исполкома Моссовета № 755, устанавливавшее границы двух новых районов. Вот что говорилось в интересующей нас части решения:

Севастопольский район

«Граница Севастопольского района проходит по: северо-восточной границе Малого кольца Московской жел[езной] дор[оги] (в районе ст. Канатчиково), западной и южной границам полосы отвода соединительной ж.-д. ветки Малого кольца Московской жел[езной] дор[оги] и Павелецкого направления Московской жел[езной] дор[оги], оси речки Котловка, северо-восточной и восточной границам помологического рассадника им. В.И. Ленина, осям Нахимовского проспекта, Симферопольского бульвара и Сумского проезда, восточной границе Битцевского лесопарка (по западным границам территории турбазы Советского района и опытного хозяйства «Красный маяк»), внешней границе полосы отвода Московской кольцевой автомобильной дороги, западной границе Битцевского лесопарка, южной и юго-восточной границам предприятий территории промзоны, осям Севастопольского проспекта, Херсонской улицы, улицы Каховка, улицы Намёткина, Профсоюзной улицы, южной границе территории ТЭЦ № 20, до северо-восточной границы полосы отвода Малого кольца Московской жел[езной] дор[оги]»⁶.

Название «Севастопольский район» возникло на карте столицы не случайно. Впервые крымская топонимика появилась в Москве ещё в 1965 г. Массовое жилищное и гражданское строительство, освоение новых обширных территорий на московских окраинах породили проблему наименования новых улиц и магистралей. На помощь пришёл географический принцип. В результате 29 апреля 1965 г. Исполком

¹ Московская власть. Исторические портреты. 1708–2012 гг. М., 2012. С. 466.

² Московская правда. 1968. № 276. 26 ноября.

³ ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 186. Д. 11. Л. 61, 62.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 4691. Л. 84.

⁵ Там же. Оп. 24. Д. 616. Л. 78.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 4696. Л. 83–85 об.

Моссовета принял решение № 17/25 «О наименовании проектируемых проездов в Москворецком районе г. Москвы», в котором говорилось: «Принять предложение Исполкома Москворецкого райсовета о присвоении проектируемым проездам в Москворецком районе (Зюзино, Волхонка-ЗИЛ, Новые Черёмушки) наименований, связанных с географическим направлением района (южные области УССР)»¹. Вот тогда и появились в столице Артековская, Керченская, Перекопская и Ялтинская улицы; Симферопольский, Черноморский и Чонгарский бульвары; Балаклавский и Нахимовский проспекты. Наименование «Севастопольский проспект» присвоили проектируемому проезду № 3576. Именно этот проспект и дал имя новому району.

30 марта 1977 г. Бюро МГК КПСС приняло постановление «Об организационных мероприятиях в связи с частичным изменением административного районирования г. Москвы». В соответствии с ним создавалось организационное бюро (далее – оргбюро) для подготовки районной партийной конференции и избрания руководящих партийных органов Севастопольского района. В его состав вошли: председатель Е.А. Асосков (председатель Черёмушкинского райисполкома), заместитель председателя П.П. Хилькевич (заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации МГК КПСС) и И.П. Желтова (инструктор отдела транспорта и связи МГК КПСС); члены оргбюро – В.А. Виноградов (директор Института научной информации по общественным наукам АН СССР, член бюро Черёмушкинского РК КПСС), В.С. Жуков (секретарь партбюро механического завода № 2 Главмоспромстройматериалов, член ревизионной комиссии Советской районной партийной организации), Л.И. Линёва (секретарь парткома Министерства текстильной промышленности РСФСР), В.И. Тимошин (заместитель заведующего отделом лёгкой промышленности Комитета народного контроля г. Москвы), Е.Г. Чикин (секретарь парткома завода «Электрон», член Советского РК КПСС), В.П. Щелкунов (второй секретарь Советского РК КПСС)². В рамках данного постановления оргбюро руководило проведением в подотчётных партийных организациях собраний по избранию делегатов на районную конференцию.

Другое постановление бюро горкома определило, что сотрудники райкома КПСС и Исполкома совета

Севастопольского района будут размещены в здании школы № 4 по адресу: ул. Б. Черёмушкинская, д. 38. До окончания работ по реконструкции данного здания аппарат райкома партии располагался в помещении Черёмушкинского райкома народного контроля, а аппарат райисполкома – в здании Советского райисполкома³.

Первая конференция Севастопольской районной организации КПСС состоялась 19 апреля 1977 г. в помещении Института проблем управления АН СССР (ул. Профсоюзная, д. 81).

Согласно докладу мандатной комиссии, в работе конференции участвовало 372 делегата. Немалую часть участников, а именно 66 человек, составляли сотрудники академических и отраслевых научно-исследовательских институтов, проектных организаций и конструкторского бюро. Среди делегатов были члены-корреспонденты АН СССР, директора академических институтов: О.Т. Богомолов (Институт экономики мировой социалистической системы), В.Г. Костомаров (директор Института русского языка им. А.С. Пушкина), Т.В. Рябушкин (Институт социологических исследований). Присутствовали на конференции и видные государственные деятели: начальник Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР И.А. Кутузов и министры РСФСР: В.С. Конарыгин (мясной и молочной промышленности), Е.Ф. Кондратьев (лёгкой промышленности), П.К. Сизов (текстильной промышленности), В.К. Успенский (местной промышленности). Кстати, именно парторганизации российских министерств, как самые многочисленные, послали наибольшее количество делегатов. Министерство текстильной промышленности – 18 человек, лёгкой промышленности – 15, промышленности строительных материалов – 12.

Из доклада комиссии можно узнать также, что лишь 87 делегатов были моложе 40 лет, тогда как лиц от 50 лет насчитывалось 139. Партийный стаж с 1925 г. до 1940 г. имели 30 делегатов, с 1941 г. по 1945 г. – 35, с 1946 г. по 1960 г. – 110, с 1961 г. по 1975 г. – 195⁴.

Выступавший с докладом на конференции председатель оргбюро Е.А. Асосков дал следующую характеристику новому району. Площадь его составляла 3100 га (3,5% общегородской территории), население 308 800 (4% от общегородского) человек. На терри-

¹ ЦГА Москвы. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 3092. Л. 174–181.

² Там же. Ф. П-4. Оп. 186. Д. 14. Л. 2, 29.

³ ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 186. Д. 14. Л. 2, 33.

⁴ Там же. Ф. П-8213. Оп. 1. Д. 1. Л. 53–56.

тории Севастопольского района находилось 13 промышленных предприятий, 18 НИИ и КБ, 42 общеобразовательные школы, 84 детских дошкольных учреждения, 27 объектов здравоохранения, 233 предприятия торговли и общественного питания, 10 кинотеатров и клубов. Общее количество работающих – 54,5 тыс. человек. На учёте в районной парторганизации состояло 12 363 члена и кандидата в члены КПСС¹.

Все участвовавшие в прениях по докладу выступали в духе времени, рассказывали о достижениях, отмечали имеющиеся недостатки и намечали пути их преодоления. Общий же настрой был, безусловно, положительным². Так, второй секретарь МГК КПСС В.Н. Макеев отметил, «что оргбюро в короткий напряжённый срок хорошо поработало, хорошо подготовило основу для проведения нашей сегодняшней конференции», и в заключение выразил «уверенность в том, что Севастопольский район займёт достойное место среди районов Москвы, с честью будет носить присвоенное ему имя легендарного города-героя Севастополя»³.

Избранный на конференции районный комитет КПСС состоял из 65 членов и 21 кандидата, а районная ревизионная комиссия – из 25 членов⁴. В тот же день состоялся и первый пленум райкома, посвящённый организационным вопросам. Руководителями Севастопольского РК избрали тех партработников, кто проводил всю подготовительную работу. Первым секретарём РК стал Е.А. Асосков, вторым секретарём – П.П. Хилькевич, секретарём – И.П. Желтова. В состав бюро райкома помимо секретарей вошло ещё 8 членов⁵. Руководителей структурных подразделений аппарата райкома: общего и организационного отделов, отдела пропаганды и агитации, промышленно-транспортного отдела и сектора партийного учёта – утвердили на последующих заседаниях бюро РК 27 апреля и 5 мая⁶. Одновременно проходил процесс формирования районных органов государственной власти. Причём руководящую роль и здесь играл районный комитет КПСС. Так, на заседании бюро Севастопольского РК КПСС № 1 от 20 апреля 1977 г. было постановлено в тот же день провести первую сессию

районного совета, где избрать исполком райсовета в количестве 9 человек и комитет народного контроля из 5 членов⁷. Первая сессия Севастопольского районного совета депутатов трудящихся состоялась 20 апреля и в точности выполнила все партийные рекомендации. Председателем райисполкома на ней утвердили В.П. Щелкунова. Из 218 депутатов Севастопольского райсовета 114 ранее являлись депутатами Советского района, 104 – Черёмушкинского⁸. Кстати, эта первая сессия Севастопольского райсовета именовалась сессией Пятнадцатого созыва.

Вплоть до 1990 г. деятельность и районной партийной организации, и районного совета осуществлялась в соответствии с давно установившимися традициями. Партийные конференции созывались в декабре 1978 г., декабре 1980 г., январе 1984 г., декабре 1985 г., декабре 1988 г. На них заслушивались отчёты райкома и районной ревизионной комиссии, проходили прения по этим докладам, избирался новый состав руководящих органов Севастопольской парторганизации. Пленумы райкома созывались от 4 до 7 раз в году. Они собирались по итогам конференций и решали только организационные вопросы: избирали секретарей и членов бюро РК, а также утверждали заведующих отделами райкома.

Вся текущая деятельность Севастопольской районной организации проходила под руководством бюро райкома. Собирались члены бюро на свои заседания от 30 до 40 раз в году. Например, в том же 1980 г. – 34 раза. На бюро Севастопольского РК КПСС назначались и освобождались партийные, советские и комсомольские работники, входившие в номенклатуру райкома. Также утверждалось создание новых первичных парторганизаций, заслушивались отчёты парткомов и партбюро, выдавались рекомендации для направления в заграникомандировки, для поступления в партийные учебные заведения и элитарные вузы (такие как МГИМО), для работы в органах госбезопасности и внутренних дел. Регулярно принимались постановления, связанные с премированием освобождённых партийных, комсомольских и профсоюзных работников, а также с представлением к правительственным наградам и почётным званиям. Важнейшим направлением деятельности бюро являлось рассмотрение персональных дел коммунистов, подвергавшихся дисциплинарным взысканиям.

¹ ЦГА Москвы. Ф. П-8213. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

² Там же. Л. 32–52, 57–78.

³ Там же. Л. 77.

⁴ Там же. Л. 140–149.

⁵ Там же. Д. 4. Л. 1–6.

⁶ Там же. Д. 5. Л. 9–13.

⁷ ЦГА Москвы. Ф. П-8213. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 2.

⁸ Там же. Ф. Р-2977. Оп. 1. Д. 2. Л. 11, 44.

Именно на бюро райкома утверждались решения первичных организаций о приёме в КПСС и исключении из её рядов. Постоянными пунктами повестки дня являлось рассмотрение самых различных вопросов, связанных с деятельностью промышленных предприятий, организаций транспорта, связи и жилищно-коммунального хозяйства, научно-исследовательских институтов, общеобразовательных и культурно-просветительных учреждений, больниц и поликлиник. Несколько раз в году в районе проходили собрания партийного актива (например, в 1985 г. – пять раз). Повестка дня трёх из них была следующей:

11 июня – о задачах партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций и хозяйственных руководителей района по выполнению постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма».

15 июля – об итогах совещания в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса и задачах районной партийной организации.

25 декабря – о социалистических обязательствах коллективов предприятий и организаций промышленности, транспорта, районного хозяйства, учреждений науки Севастопольского района г. Москвы на 1986 г.

Структура райкома в первое десятилетие своего существования не претерпела изменений и включала отделы: общий, организационный, пропаганды и агитации, промышленно-транспортный, финансово-хозяйственный и сектор партийного учёта. Одновременно с 1978 г. при райкоме функционировал внештатный отдел социологических исследований, который опирался в своей деятельности на академические институты гуманитарного профиля, расположенные на территории района (головной из них – Институт социологических исследований).

Е.А. Асосков, возглавивший райком 19 апреля 1977 г., руководил им до 31 октября 1985 г. Его преемником стал В.Ф. Матвеев, ранее работавший в Севастопольском РК секретарём и вторым секретарём. 20 марта 1987 г. первым секретарём райкома избрали председателя Солнцевского райисполкома А.М. Брячихина. Важно отметить, что вся деятельность Севастопольской районной парторганизации осуществлялась под постоянным контролем МК КПСС и его отраслевых отделов.

19 июня 1977 г. в Москве прошли выборы депутатов районных советов. В Севастопольский райсовет

было избрано 300 депутатов¹. Первая сессия районного совета состоялась 4 июля². Всего выборы в Севастопольский районный совет в 1980-е гг. проходили четыре раза: 24 февраля 1980 г., 20 июня 1982 г., 24 февраля 1985 г., 21 июня 1987 г.

Избрание народных представителей проводилось по испытанной схеме: на одно место один кандидат, получавший более 99% голосов. Традиционным было и количество проголосовавших жителей: те же без малого 100%.

На первых сессиях райсовета решались организационные вопросы. Прежде всего избиралась мандатная комиссия. Она в оперативном порядке проверяла полномочия вновь избранных депутатов, а потом её председатель докладывал на сессии о результатах своей работы. Никаких внештатных ситуаций при проверке мандатов тогда не возникало. Состав же депутатского корпуса в те годы от выборов к выборам претерпевал заметные изменения. Так, среди 300 депутатов, избранных 24 февраля 1980 г., впервые вошли в состав райсовета 135 человек. По возрасту депутатский корпус созыва 1980 г. распределялся следующим образом: от 19 до 30 лет – 90; от 30 до 40 лет – 67; от 40 до 49 лет – 89 и от 50 лет и старше – 54 депутата. Мужчин было 165, женщин, соответственно, 135. Членов КПСС насчитывалось 153, комсомольцев – 60. По профессиональному признаку явное большинство было у представителей рабочего класса – 141 депутат, 45 составляли работники науки, культуры, просвещения и здравоохранения, 40 – партийные, советские, профсоюзные и комсомольские работники³. Далее на первой сессии 17-го созыва, работавшей 5 марта 1980 г., прошли выборы Исполнительного комитета из 13 человек. Также были образованы 16 постоянных депутатских комиссий (планово-бюджетная; по благоустройству и охране окружающей среды; по бытовому и коммунальному обслуживанию; по вопросу труда и быта женщин, охраны материнства и детства; по жилищному хозяйству; по здравоохранению; по культуре; по делам молодёжи; по народному образованию; по общественному питанию; по промышленности, транспорту и связи; по социалистической законности и охране общественного порядка; по социальному обеспечению; по строительству; по торговле; по физической

¹ ЦГА Москвы. Ф. Р-2977. Оп. 1. Д. 1.

² Там же. Д. 3.

³ Там же. Д. 326. Л. 75, 76.

культуре и спорту)¹. Следующим пунктом повестки дня стало утверждение руководителей управлений, отделов и служб райисполкома. Также были образованы районный комитет народного контроля и комиссии при райисполкоме: административная, наблюдательная, по делам несовершеннолетних, по борьбе с пьянством². Сессии райсовета проходили от четырёх до шести раз в году, например, в 1980 г. – 5 марта, 4 июня, 24 сентября, 17 декабря.

В числе прочих вопросов на них обсуждались: 24 сентября 1980 г. – отчёт о работе постоянной комиссии райсовета по здравоохранению; 17 декабря 1980 г. – вопрос о бюджете Севастопольского района на 1981 г. и об исполнении бюджета за 1979 г.; 25 мая 1983 г. – отчёт о работе районного комитета народного контроля и сообщение депутата Н.В. Смирновой о выполнении депутатских обязанностей, решений и поручений совета и его органов; 21 декабря 1983 г. – сообщение о работе территориальной депутатской группы № 14; 29 мая 1985 г. – отчёт о работе треста столовых Севастопольского района; 26 апреля 1986 г. – вопрос о задачах Севастопольского районного совета народных депутатов, вытекающих из решений XXVII съезда КПСС; 25 октября 1986 г. – вопрос о состоянии и мерах по охране окружающей среды в районе в свете требований XXVII съезда КПСС; 28 сентября 1988 г. – отчёт о работе районного управления внутренних дел и отчёт о работе постоянной комиссии по здравоохранению и социальному обеспечению.

Вопросы, которые Исполком Севастопольского райсовета решал на своих, как правило, еженедельных заседаниях, были типовыми, обычными для всех других райисполкомов столицы. Среди них – назначение и освобождение работников районного уровня, образование различных районных организаций и утверждение их уставов и положений, награждение почётными грамотами и материальное премирование, оказание материальной помощи, предоставление мест под строительство гаражей, рассмотрение заявлений граждан о снятии штрафов, выселение из Москвы лиц, ведущих антиобщественный образ жизни. Важное место занимали вопросы брака, семьи, опекунов (в т.ч. усыновление, выдача разрешений на вступление в брак лицам, не достигшим 18 лет, назначение пособий многодетным семьям, установле-

ние опеки над несовершеннолетними и недееспособными, лишение родительских прав).

На территории Севастопольского района в 1980-х гг. продолжалось массовое жилищное строительство, и поэтому особенно большое место в решениях райисполкома занимали жилищные вопросы (утверждение списков очередников, постановка на учёт для предоставления жилой площади, предоставление жилья очередникам района и гражданам, переселяемым из ветхих и сносимых домов, утверждение обменов и разделов жилой площади, предоставление служебного жилья, ремонт жилого фонда, раздел, объединение и перевод лицевого счетов).

В 1987 г. началось бурное развитие кооперативного движения. Очень быстро вопросы, связанные с деятельностью кооперативов, заняли важное место в повестках заседаний райисполкомов столицы, в т.ч. и Севастопольского. В основном эти постановления касались выдачи разрешений на индивидуальную трудовую деятельность, регистрации уставов кооперативов, передачи в аренду кооператорам нежилых помещений. В.П. Щелкунов руководил Исполкомом Севастопольского райсовета до 28 марта 1979 г., его сменил В.С. Беляев (заместитель заведующего отделом строительства и строительных материалов МГК КПСС). После назначения Беляева начальником Управления по подготовке и проведению в г. Москве XII Всемирного фестиваля молодёжи и студентов Севастопольский райисполком 5 февраля 1987 г. возглавил М.И. Пономарёв (второй секретарь райкома партии), который руководил им до 18 мая 1987 г. Недолгое время, с 19 мая по 5 июня 1987 г., обязанности председателя райисполкома исполнял первый заместитель председателя В.В. Кирюшин. 5 июня 1987 г. Исполком Севастопольского райсовета возглавлял В.В. Воеводин (второй секретарь РК КПСС).

Общий контроль над деятельностью Исполкома Севастопольского райсовета и подчинённых ему организаций осуществлял Исполком Моссовета. Многие вопросы жизни района решались непосредственно на городском уровне. Вот какие решения в разные годы принимал Исполком Моссовета:

8 августа 1977 г. – № 2166 об организации треста столовых Севастопольского района, 17 октября 1977 г. – № 2920 о создании конторы материально-технического снабжения Севастопольского района, 12 февраля 1979 г. – № 358 об открытии Дома санитарного просвещения Севастопольского райздравоотдела, 25 июля 1980 г. – № 2281 о подготовке

¹ ЦГА Москвы. Ф. Р-2977. Оп. 1. Д. 326. Л. 8–12.

² Там же. Л. 39–45.

общеобразовательных школ района к новому 1980/81 учебному году, 28 апреля 1983 г. – № 1233 об организации общежития для рабочих управлений и хозяйств Исполкома Севастопольского райсовета, 25 августа 1983 г. – № 2718 о выделении ассигнований в 1983 г. Севастопольскому райсовету, 19 декабря 1986 г. – № 2293 об открытии наркологического диспансера № 12 Севастопольского района, 16 ноября 1989 г. – № 2189 о передаче помещений в аренду Севастопольскому районному суду. Исполком Моссовета держал под своим неусыпным контролем и строительство административного здания РК КПСС и райсовета. Первоначальные планы разместить их в школе по Б. Черёмушкинской ул., 38, были изменены. Возведение нового здания по адресу: Севастопольский просп., 28, началось в соответствии с решением Исполкома Моссовета № 2113 от 4 августа 1977 г.¹ Строительство это было завершено спустя четыре года. Приём здания в эксплуатацию осуществила Госкомиссия, созданная по распоряжению Исполкома Моссовета № 1380р от 21 августа 1981 г.²

После избрания 11 марта 1985 г. Генеральным секретарём ЦК КПСС М.С. Горбачёва в Советском Союзе начались преобразования, получившие впоследствии название «перестройка». Проводником нового курса в Москве стал первый секретарь МГК КПСС Б.Н. Ельцин, сменивший 24 декабря 1985 г. на главном столичном посту многолетнего руководителя московской парторганизации В.В. Гришина (Ельцин был снят с этой должности 11 ноября 1987 г.).

26 октября 1988 г. Бюро МГК КПСС во исполнение решения июльского (1988 г.) пленума ЦК КПСС «Об основных направлениях перестройки партийного аппарата» приняло постановление «О реорганизации структуры Московского городского и районных комитетов КПСС». Все отраслевые отделы в горкоме и райкомах были упразднены в связи с тем, что партийные органы перестали непосредственно руководить хозяйственной жизнью³.

В Севастопольском райкоме, в соответствии с постановлением бюро РК от 17 ноября 1988 г., отныне имелись следующие отделы: организационный, идеологический, социально-экономического развития, общий и финансово-хозяйственный⁴. Важным нов-

шеством стало и образование постоянных комиссий райкома, состоявших из его членов. По постановлениям пленумов Севастопольского РК КПСС от 3 декабря 1988 г. и 3 марта 1989 г. были сформированы четыре комиссии: организационно-партийная (по вопросам организационно-партийной работы, политического руководства советами, общественными организациями); идеологическая; социально-экономического развития (по вопросам хозяйственной реформы и социально-экономического развития района); по работе с молодёжью⁵.

Все эти структурные изменения не могли тем не менее остановить начавшийся уже процесс ослабления роли КПСС в государственном управлении. Это наглядно продемонстрировали первые в советской истории демократические выборы народных депутатов СССР в марте 1989 г. А.М. Брючихин баллотировался по Севастопольскому территориальному округу № 22 и занял второе место среди трёх кандидатов. За него проголосовали 37 362 избирателя из 184 627 (20,23%)⁶. В результате тех выборов была нарушена монополия партийного аппарата на власть. Внутри самой партии стремительно нарастали внутренние противоречия. Как отмечалось в написанной по итогам голосования информационно-аналитической записке двух отделов МГК КПСС (идеологического и организационно-партийной и кадровой работы), «итоги голосования показали, что наибольшую поддержку москвичей получили кандидаты в депутаты, выступавшие с наиболее радикальных позиций, идущие в ряде случаев вразрез с линией, выработанной КПСС»⁷.

Настоящим триумфатором тогдашних выборов стал опальный Б.Н. Ельцин, баллотировавшийся по Московскому национально-территориальному округу № 1, которого из проголосовавших 5 722 937 москвичей поддержало 5 118 745 (89,44%). Между тем, против Ельцина работала тогда вся мощь партийной пропаганды. Несмотря на все реальные демократические изменения в КПСС: свободное обсуждение общественно-политических проблем, возможность создания различных дискуссионных клубов, альтернативные выборы партийных секретарей разного уровня, – положение и в партии и в стране продолжало ухудшаться. Реальным фактором политической

¹ ЦГА Москвы. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 4728. Л. 117.

² Там же. Д. 5377. Л. 258.

³ Там же. Ф. П-4. Оп. 213. Д. 29. Л. 49, 50, 70–72.

⁴ Там же. Ф. 8213. Оп. 1. Д. 623. Л. 42–43.

⁵ ЦГА Москвы. Ф. 8213. Оп. 1. Д. 609. Л. 17; Д. 684. Л. 22.

⁶ Вечерняя Москва. 1989. № 72. 27 марта.

⁷ ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 221. Д. 117.

жизни стала многопартийность, особенно после отмены 3-м внеочередным съездом народных депутатов СССР 14 марта 1990 г. положения Конституции СССР о руководящей и направляющей роли КПСС в жизни общества. Сама партия раздиралась острейшими противоречиями, из её рядов стали выходить уже тысячами. Так, в Москве в 1989 г. подобные заявления подали почти 11 тыс. человек¹.

Очень тревожным сигналом для партии стали выборы, прошедшие в марте 1990 г. В Москве выбирали народных депутатов РСФСР, Московского городского и районных советов.

В итоге победу на них одержали сторонники предвыборного блока «Демократическая Россия», в состав которого входили как члены КПСС из числа сторонников «Демократической платформы в КПСС» (создана в январе 1990 г.), так и беспартийные. Приверженцы официальной линии КПСС показали внешне неплохие результаты. Многие партработники были избраны депутатами как Моссовета, так и районных советов. Так, А. М. Брючихин уверенно победил на выборах как в Моссовет, так и в Севастопольский райсовет. Более того, 11 апреля 1990 г. он был избран и председателем районного совета. Кстати, в апреле – мае 1990 г. председателями различных райсоветов столицы стали ещё 9 первых секретарей райкомов КПСС. Но эти успехи никак не отражали влияние МГК и райкомов партии на деятельность Моссовета и райсоветов, потому что этого влияния уже не было.

14 мая 1990 г. заведующий орготделом Севастопольского горкома компартии Украины И. И. Куликов обратился с письмом на имя А. М. Брючихина, в котором предложил ему ответить на 12 вопросов. Полученные ответы должны были стать основой для интервью Брючихина газете «Слава Севастополя», приуроченного к XXVIII съезду КПСС. Среди заданных вопросов были, например, такие: «Что отталкивает людей от партии?», «Как Вы оцениваете эти процессы? Ведь покидают её ряды не всегда худшие», «Каким Вам видится будущее КПСС?», «Что Вы ждёте от предстоящего съезда партии?», «К какой из трёх опубликованных в печати платформ тяготеете?», «Ваше отношение к социал-демократии?», «Как Вы относитесь к идее трансформации коммунистической партии в социал-демократическую?», «Какой смысл Вы вкладываете в понятие “передача всей власти Советам”? Каковы при этом функции КПСС, коммунистов

и организаций?», «Какую цель и задачу надо ставить перед идеологами? Плюрализм мнений и идейное единство партии – совместимы ли эти понятия?», «Что нового появилось в работе Вашего партийного комитета за время политической реформы?», «Учитывая, что взгляд со стороны всегда помогает более активно бороться с недостатками, что Вы могли пожелать коммунистам Севастополя в это переломное время?»².

Свои ответы на поставленные вопросы Алексей Михеевич предварил краткой характеристикой самого района и его партийной организации. Прежде всего, Севастопольский район, по его мнению, – это «спальный» район. Свободных территорий для развития инфраструктуры нет: «Районное хозяйство ветхое, именно отсюда, с нашей территории, примерно 30 лет назад в Москве началось массовое строительство известных всей стране пятиэтажек, составляющих ныне около 65% всего жилищного фонда района». Что касается политической жизни, то «более половины всех политизированных самостоятельных организаций Москвы родом из нашего района». Основу всех этих объединений составляли сотрудники расположенных в районе 30 научно-исследовательских институтов³. Отвечая на конкретные вопросы, Брючихин указал на то, что «глубина нынешнего кризиса определяется не только прошлым, но и настоящим, вялостью действий, ошибками и просчётами, допущенными уже после того, как руководство партии взяло курс на радикальное обновление нашего общества». «Целый ряд парторганизаций и их лидеров находятся в полной растерянности», «в КПСС сегодня большая разногласица. Партийный билет имеют лица, откровенно и открыто проповедующие буржуазные, социал-демократические, националистические, монархические и другие идеалы»⁴. Далее он высказал мнение, что в связи с реальным переходом власти в руки советов работа парторганизаций должна перемещаться к месту жительства избирателей. Деятельность членов партии в советах любого уровня, как новых органов власти, теперь должна быть направлена как на отстаивание интересов своих избирателей, так и на решение программных целей своей партии⁵. Затронув тему партаппарата, Брючихин призвал решительно и бескомпромиссно освобождаться от реликтов сталинщины и застоя, сокращать количество штатных

¹ ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 215. Д. 18. Л. 20.

² ЦГА Москвы. Ф. П-8213. Оп. 1. Д. 772. Л. 1, 2.

³ Там же. Л. 3, 4.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 15.

парработников. Вместе с тем он предложил «разобраться с функциями партии вообще и профессиональных партийных работников»¹. Рассказывая о деятельности Севастопольского райкома, Алексей Михеевич выделил поворот в сторону улучшения информированности населения с помощью районной газеты «Слово», проведение «Субботних вечеров в райкоме», постоянный диалог с неформальными движениями. Одновременно при РК создавалось собственное малое предприятие². Что касается личного момента, то Брячихин указал на невозможность совмещения постов первого секретаря РК и председателя районного совета: «Учитывая, что наиболее сложное положение у партии, на мой взгляд, сейчас в советах, намерен отказаться от должности первого секретаря РК КПСС»³.

Обращаясь же к коммунистам Севастополя, А. М. Брячихин отметил: «Поможет же нам с вами только самокритичность и каждодневная тяжёлая и всегда объективно оцениваемая коммунистами и людьми реальная работа. В преддверии съезда КПСС хочу пожелать всем коммунистам и жителям искренне дружественного нам города Севастополя успехов в перестройке, стойкости и оптимизма»⁴. На эти вопросы Брячихин отвечал накануне открытия 7-й конференции Севастопольской районной организации КПСС, которая в 1990 г. прошла в два этапа. Первый из них состоялся 19 мая, второй – 2 ноября.

Демократизация партии в то время действительно становилась реальностью. Так, впервые в истории рядовые коммунисты непосредственно выбирали делегатов на предстоящий XXVIII съезд КПСС. В Севастопольской районной организации по решению пленума РК от 23 марта 1990 г. образовали пять избирательных округов по выборам делегатов партсъезда. На пять мандатов претендовали 35 кандидатов. Выборы проходили в два тура: 27 апреля и 14 мая. Одним из избранных стал знаменитый в то время экономист, академик С. С. Шаталин, который уже тогда не скрывал своей однозначной ориентации на ценности свободного рынка⁵.

В мае – июне 1990 г. в Москве работал 1-й съезд народных депутатов РСФСР, на котором председателем Верховного Совета РСФСР избрали

Б. Н. Ельцина, что стало сильнейшим ударом по позициям Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР М. С. Горбачёва. На том же съезде 12 июня была принята декларация о государственном суверенитете РСФСР, положившая начало реальному разрушению Советского Союза. Вскоре, в июле, Ельцин и его тогдашние сподвижники по «Демократической платформе в КПСС» вышли из партии. Среди них были и председатели Моссовета Г. Х. Попов и Ленсовета А. А. Собчак. Уход из КПСС этих чрезвычайно популярных политиков стал примером для очень многих людей. В Москве процесс выхода из партии принял просто массовый характер. Осенью антикоммунизм стал совершенно обычным явлением в столице. Примечательно, что особенно преуспела в этом газета «Московский комсомолец». В этих условиях и собрались 2 ноября 1990 г. коммунисты Севастопольского района завершать свою конференцию. Кстати, в период с июня по октябрь из числа 430 делегатов конференции 25 вышли из КПСС⁶.

Второй этап собирался для решения организационных вопросов и поставленную задачу выполнил.

В новый состав Севастопольского РК вошло 55 членов (кандидаты более не избирались), а в районную контрольную комиссию – 23 члена⁷. Первым секретарём райкома вместо Брячихина на безальтернативной основе избрали Е. П. Соловьёва – начальника управления кадров концерна «Ростекстиль», ранее секретаря парткома Министерства текстильной промышленности РСФСР, с 1980 г. входившего в состав Севастопольского РК. То есть новым человеком его назвать было нельзя. Кандидатуру Соловьёва поддержал 281 делегат из 300 проголосовавших, 19 было против⁸.

В конце 1990 г. новая структура Севастопольского РК КПСС включала в себя четыре подразделения: отдел по работе с первичными партийными организациями; отдел работы по месту жительства с советами, с партиями, движениями, общественными формированиями; управление делами; сектор партийного учёта.

Одновременно были созданы из членов райкома три комиссии по направлениям деятельности: по воздействию на общественное мнение и координации организационно-политической работы первич-

¹ ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 221. Д. 117. Л. 17, 18.

² Там же. Л. 21.

³ Там же. Л. 23.

⁴ Там же. Л. 22.

⁵ Там же. Ф. П-8213. Оп. 1. Д. 746. Л. 85–87.

⁶ ЦГА Москвы. Ф. П-8213. Оп. 1. Д. 747. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 98–107.

⁸ Там же. Л. 95.

ных партийных организаций; по выработке политических действий органами советской власти, политическими партиями и общественными формированиями; по финансово-хозяйственной деятельности.

Однако районный партийный комитет и его руководители никакого реального влияния на функционирование органов государственного управления и хозяйственных структур Севастопольского района уже не оказывали. Они лишь констатировали кризисное состояние общества и партии и принимали заявления и декларации, больше походившие на заклинания.

Между тем положение КПСС становилось всё хуже и хуже. 12 июня 1991 г. состоялись выборы президента РСФСР, на которых с большим преимуществом победил Б.Н. Ельцин, занимавший уже однозначно антикоммунистическую позицию. Тогда же мэром Москвы избрали ближайшего ельцинского сподвижника, председателя Моссовета Г.Х. Попова. Победу Гавриил Харитонович одержал над четырьмя своими соперниками за явным преимуществом, получив 65,32% голосов¹. Московский горком КПСС не нашёл ничего лучшего, как противопоставить Попову сразу троих кандидатов: заместителя председателя Госкомитета СССР по машиностроению В.Т. Сайкина (в январе 1986 г. – апреле 1990 г. председатель Исполкома Моссовета), генерального директора НПО «Спектр» В.В. Клюева и председателя Севастопольского райсовета А.М. Брячихина. Свою программу Брячихин сформировал из 10 пунктов:

1. Кардинально перестроить работу органов власти в 1991–1992 гг.;
2. Повернуться лицом к каждому москвичу;
3. Разработать программу привлечения иностранного капитала и начать её осуществлять;
4. Заставить каждого руководителя соблюдать закон;
5. Смягчить рост безработицы;
6. Улучшить жизнь москвичей;
7. Обеспечить малоимущих москвичей дешёвыми товарами и услугами;
8. Начать поэтапную приватизацию;
9. Ускорить предоставление москвичам жилья;
10. Добиться сокращения роста преступности в Москве².

Всё это были благие пожелания, ничем не подкреплённые. Такие же идеи кстати, высказывали и другие претенденты на должность мэра от КПСС.

В итоге Брячихин занял третье место из пяти, завоевав 4,49% голосов³.

20 июля 1991 г. Б.Н. Ельцин подписал указ «О прекращении деятельности организационных структур политических и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР», вступивший в силу спустя 14 дней. Формально указ относился ко всем партиям и движениям, но всем было очевидно, что направлен он именно против КПСС, построенной именно по производственному принципу. Понятно, что партийные структуры должны были хоть как-то отреагировать на подобный выпад. Так, 23 июля 1991 г. «Московская правда» опубликовала совместное заявление Бюро МК КПСС и совещания секретарей райкомов, которые требовали, чтобы президент М.С. Горбачёв и Комитет конституционного надзора СССР дали соответствующую оценку данному неправомерному документу⁴.

Выступая на пленуме Севастопольского РК 24 июля 1991 г., первый секретарь райкома Е.П. Соловьёв так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «...крайне отрицательную роль сегодня играет отсутствие чёткой позиции КПСС по основным вопросам общественного развития, декларативность и размытость политических установок перестроечного периода. Главная наша сегодняшняя ошибка состоит в том, что, как партия, мы по сей день не предложили ни коммунистам, ни обществу понятную программу преобразований. Это одна из причин, почему мы проиграли на выборах. Именно поэтому мы плетёмся в хвосте у настроений общества, огрызаемся на нападки, вместо того чтобы активно воздействовать на общественное сознание и процессы»⁵. По итогам заседания приняли «Обращение к коммунистам Севастопольской районной организации КПСС г. Москвы», в котором указ Ельцина от 24 июля 1991 г. охарактеризован как «антидемократический». Обращение заканчивалось призывом к коммунистам «проявить выдержку, не поддаваться эмоциям и возможным провокациям, действуя строго в соответствии с буквой и духом Закона»⁶. А что последовало за этими словами? Ничего. И последовать не могло, потому что партия попросту развалилась.

³ Вечерняя Москва. 1991. № 116, 117. 14 июня.

⁴ Московская правда. 1991. № 140. 23 июля.

⁵ ЦГА Москвы. Ф. П-8213. Оп. 1. Д. 805. Л. 125.

⁶ Там же. Д. 809. Л. 13.

¹ Вечерняя Москва. 1991. № 116, 117. 14 июня.

² ЦГА Москвы. Ф. П-8213. Оп. 1. Д. 818. Л. 4.

Члены КПСС, сохранявшие свои партбилеты, в массовом порядке не посещали партийные собрания, не выполняли никаких поручений, задерживали выплату партвзносов. Самое главное состояло в том, что никакого идейного единства между ними не было. Судьба КПСС была решена в августовские дни того же 1991 г. Накануне подписания нового союзного договора ближайшие сподвижники М.С. Горбачёва, включая вице-президента СССР Г.И. Янаева и премьер-министра СССР В.С. Павлова, изолировали его в Крыму и создали ГКЧП – незаконный Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР. Эти деятели попытались таким образом сохранить Советский Союз как единое государство. Получилось же всё с точностью наоборот. Участники ГКЧП сами по себе не пользовались популярностью в стране. Открыто их не поддержали даже те, кто стоял в оппозиции к Горбачёву, например, первый секретарь МГК КПСС Ю.А. Прокофьев. Молчание в те дни сохраняли и официальные партийные инстанции.

Возглавивший сопротивление ГКЧП президент РСФСР Б.Н. Ельцин между тем действовал напористо и решительно и переломил ситуацию в свою пользу. Вернувшийся в Москву 22 августа М.С. Горбачёв обнаружил, что реальная власть находится в руках у Б.Н. Ельцина. Окончательно судьба партии была решена 23 августа 1991 г. В тот день проходило заседание внеочередной сессии Верховного Совета РСФСР с участием М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина. Именно тогда российский президент подписал незаконный указ № 79 «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР»¹. Хотя в указе говорилось только о Российской компартии, на деле оказалась парализована деятельность всей КПСС. В Москве опечатали помещения Центральных комитетов КПСС и КП РСФСР, Московского горкома и райкомов. 24 и 25 августа Ельцин подписал ещё два указа: № 83 «О партийных архивах», которые передавались в ведение архивных органов РСФСР, и № 90, который объявил государственной собственностью всё движимое и недвижимое имущество КПСС и Российской компартии². В числе прочих партийных структур прекратил свою деятельность и Севастопольский райком. Окончательную точку в судьбе партии поставил ещё один указ Б.Н. Ельцина, от 6 ноября 1991 г., «О деятельности КПСС и КП РСФСР», где говорилось: «...прекратить

деятельность на территории РСФСР КПСС, КП РСФСР, а их организационные структуры распустить»³. В тот же день по Севастопольскому РК КПСС было издано распоряжение № 73, в соответствии с которым первый секретарь райкома Е.П. Соловьёв прекращал исполнять свои обязанности с 10 ноября 1991 г.⁴ Документы Севастопольской районной организации КПСС передали на хранение в Центральный государственный архив общественных движений Москвы объединения «Мосгорархив», созданный по распоряжению мэра Москвы № 130-рм от 27 августа 1991 г. на базе Научного и информационного центра политической истории Москвы (бывший Институт истории партий МГК и МК КПСС)⁵. В настоящее время это Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы ЦГА Москвы.

Победивший в выборах мэра Москвы 12 июня 1991 г. Г.Х. Попов, вступив в должность, приступил к проведению давно задуманной административной реформы. В частности, согласно распоряжению № 4-РМ образовывалось правительство Москвы, являвшееся правопреемником Мосгорисполкома⁶. Изменялось и административно-территориальное деление столицы. С 10 июля вместо 33 районов создавалось 10 административных округов, которые в свою очередь делились на муниципальные округа⁷. Руководители административных округов именовались на французский манер префектами, руководители муниципальных – супрефектами. В Центральном округе существовали территориальные управления во главе с начальниками. Общее количество муниципальных округов составляло 127. Границы между административными округами были установлены по распоряжению мэра № 78-рм от 2 августа 1991 г. В частности, территория Севастопольского района распределялась между Южным и Юго-Западным округами⁸.

Одновременно были проведены и основные кадровые назначения. Публично Г.Х. Попов резко отрицательно оценивал как всю советскую политическую систему, так и присущий ей принцип номенклатурного подбора кадров. А на деле на все ключевые должно-

³ Ведомости съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 45. 7 ноября Ст. 1537.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. П-8213. Оп. 4. Д. 47. Л. 143.

⁵ Там же. Ф. Р-3215. Оп. 1. Д. 2. Л. 56–58.

⁶ Там же. Д. 1. Л. 4, 5.

⁷ Там же. Л. 65, 66.

⁸ Там же. Л. 139–147.

¹ ЦГА Москвы. Ф. П-150. Оп. 24. Д. 850. Л. 188.

² Там же. Л. 204, 216, 217.

сти он выдвинул выходцев из партийного и советского аппарата. В частности, хорошие назначения получили и руководители Севастопольского района. А.М. Брячихин стал префектом Западного округа, а его заместителем – В.И. Даниленко. В связи с образованием новых управленческих структур прекращалась деятельность исполнительных комитетов райсоветов. Исполком Севастопольского совета был ликвидирован по распоряжению мэра Москвы № 108-РМ от 19 августа 1991 г., а его правопреемником стала префектура Юго-Западного округа¹. Фактически райисполком продолжал свою деятельность до 23 октября 1991 г.

4 сентября 1991 г. на сессии Севастопольского райсовета были прекращены полномочия председателя райисполкома В.И. Даниленко, а исполнение обязанностей председателя исполкома возложили на первого заместителя Е.П. Маркову. Председателя районного совета ни тогда, ни позднее избрать так и не удалось.

Между тем Севастопольский райсовет заключил с префектурой Юго-Западного округа Временное соглашение, в соответствии с которым на территории вновь образованных муниципальных округов из числа депутатов районного совета создавались ТДГ (территориальные депутатские группы, они же муниципальные советы). Основным направлением деятельности ТДГ являлось «обеспечение взаимодействия с су-префектом и совместной работы по направлениям в интересах жителей». Для этой цели образовывался общественный совет муниципального округа. В соглашении был также пункт о том, что «по вопросам, затрагивающим жизненно важные интересы жителей округа и способным повлечь социальную напряжённость или тяжёлые последствия, исполнение решений префекта им же приостанавливается по требованию 2/3 депутатов, входящих в ТДГ, до рассмотрения вопроса префектом»².

Создание же территориальных депутатских групп произошло лишь 2 апреля 1992 г. Всего их было четыре: «Академический», «Зюзино», «Котловка», «Черёмушки». Представители всех этих групп вошли в состав созданного тогда же Малого Совета Севастопольского районного совета³. Впрочем, деятельность этих новообразованных структур оказалась малоэффективной. На совместном заседании Пре-

зидиума и Малого Совета райсовета 18 мая 1993 г. член Президиума В.М. Козырев расценил работу ТДГ «Черёмушки» как неудовлетворительную: «...вопросы выносятся на обсуждение неподготовленными, не налажен контроль за их выполнением, план работы не доводится до депутатов, не определены сроки и нет ответственных за его выполнение»⁴. Да и сам районный совет, судя по его документам, работал из рук вон плохо. Выше уже отмечалось, что председатель райсовета после ухода Брячихина так и не был избран. Причина простая – отсутствие кворума. Последнее в истории полноценное заседание Севастопольского райсовета состоялось 21 апреля 1992 г. Намеченные на 28 апреля и 13 мая того же года заседания четвёртой сессии не состоялись. Так, 13 мая в зале присутствовало лишь 34 депутата из 106⁵.

Пятая сессия, проведение которой намечалось на 1993 г., не состоялась вовсе. 3 июня 1993 г. на первое заседание данной сессии явился 61 депутат при необходимом кворуме 69. В результате решили собраться заново 10 июня, причём уже с пониженным кворумом – 61 депутат. В июне из имевшихся тогда в составе райсовета 103 депутатов на заседание явилось только 44, в связи с чем открытие сессии перенесли на осень 1993 г.⁶

1992 г. и 1993 г. характерны резким усилением политической напряжённости. Результаты деятельности президента РСФСР Б.Н. Ельцина и правительства «молодых реформаторов» во главе с Е.Т. Гайдаром на пути ускоренной и всеобъемлющей капитализации России оказались настолько разрушительными, что поставили в оппозицию к президентскому кругу многих его прежних сторонников. Большинство народных депутатов Российской Федерации выступали за изменение социально-экономической политики. Открыто выражали своё несогласие с Ельциным вице-президент А.В. Руцкой и председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов. Подобные настроения поддерживались и большинством депутатов Моссовета и районных советов столицы.

Между тем Ельцин и его ближайшее окружение не желали идти ни на какие уступки. Наоборот, их отношение к оппонентам становилось всё более враждебным. В итоге, 20 сентября 1993 г. Б.Н. Ельцин огласил указ № 1400 «О поэтапной конститу-

¹ ЦГА Москвы. Ф. Р-3215. Оп. 1. Д. 2. Л. 15, 16.

² Там же. Ф. Р-2977. Оп. 2. Д. 22. Л. 2.

³ Там же. Л. 17–24.

⁴ ЦГА Москвы. Ф. Р-2977. Оп. 2. Д. 35. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 34.

⁶ Там же. Д. 22. Л. 30.

ционной реформе в Российской Федерации», где в нарушение Конституции объявлялось о прекращении деятельности Съезда народных депутатов и Верховного Совета и проведении выборов в новый парламент – Федеральное собрание, состоящее из Государственной думы и Совета Федерации. Указ этот, разумеется, взорвал политическую ситуацию. В результате 22 сентября Верховный Совет, а затем и 10-й, внеурочный, съезд народных депутатов приняли, на основании постановления Конституционного суда РФ, постановления об отрешении Ельцина от должности и о досрочных выборах как народных депутатов, так и президента. В поддержку этой позиции высказались и Моссовет, и многие столичные районные советы.

А вот руководящие органы Севастопольского райсовета: Президиум и Малый Совет – в целом старались уклониться от ответственности. 23 сентября состоялось заседание Президиума и Малого Совета, на котором обсуждалось сложившееся положение.

Итогом собрания стала следующая формулировка: «В связи с большим расхождением мнений по данному вопросу среди членов Президиума и Малого Совета никакого решения принято не было»¹.

30 сентября 1993 г. члены Президиума и Малого Совета Севастопольского совета собрались на своё очередное заседание, которое стало последним. Сначала выступил и.о. председателя С.Л. Кузнецов, который ознакомил собравшихся с решениями Моссовета и совместных собраний Малого Совета Моссовета и Малых Советов районных советов, посвящённых сложившейся ситуации. На основании этих документов руководящие органы Севастопольского райсовета должны были рассмотреть вопрос о создании районного штаба по защите конституционной законности и делегировать своего представителя в уже созданный при Моссовете городской штаб. Итоги голосования были таковы: за создание районного штаба – 0, против – 8, воздержалось – 4. За делегирование представителя в городской штаб – 4, против – 8, воздержалось – 2². Единственное, на что сподобились руководители Севастопольского райсовета, это единогласно принять уклончивое решение «О конфликтной ситу-

ации между высшими органами власти в Российской Федерации», в котором правительству России и московской администрации предлагалось «незамедлительно обеспечить нормальное функционирование инженерных объектов, средств связи и других систем жизнеобеспечения Верховного Совета Российской Федерации», а также содержался призыв «о необходимости соблюдения прав человека обеими сторонами при разрешении конфликтной ситуации в городе между властями»³.

Развязка противостояния наступила 3–4 октября 1993 г., когда был обстрелян Дом Советов и обеспечена победа Ельцина. И тут же выяснилось, что его планы включали в себя ликвидацию не только Верховного Совета, но и Советов всех уровней вообще. Уже в указе № 1578 «О безотлагательных мерах по обеспечению режима чрезвычайного положения в городе Москве», датированном пятью часами утра 4 октября, приостанавливалась до особого распоряжения деятельность Моссовета и районных советов⁴. На основании этого документа столичный мэр Ю.М. Лужков в тот же день издал распоряжение № 549-РМ, которое предписывало префектам административных округов опечатать и взять под охрану помещения районных советов⁵. 7 октября 1993 г. Б.Н. Ельцин выпустил ещё один указ – № 1594, посвящённый советским органам Москвы. В нём Московский городской Совет и все прочие советы, расположенные в столице, обвинялись в активном противодействии выполнению указа № 1400 и содействию вооружённому мятежу. В связи с этим их полномочия окончательно прекращались⁶. Так закончилась история не только Севастопольского районного совета народных депутатов, но и Севастопольского района в целом. 5 июля 1995 г. Московская городская дума приняла закон «О территориальном делении города Москва», в соответствии с которым в городе вместо муниципальных округов создавалось 128 районов. В этом же документе подтверждалась и ликвидация прежних 33 районов, которые уже давно не существовали⁷.

³ ЦГА Москвы. Ф. Р-2977. Оп. 2. Д. 35. Л. 34.

⁴ Там же. Ф. Р-150. Оп. 24. Д. 897. Л. 188 об.

⁵ Там же. Ф. Р-3215. Оп. 1. Д. 253. Л. 142.

⁶ Там же. Ф. Р-150. Оп. 24. Д. 897. Л. 142.

⁷ Вестник мэрии Москвы. 1995. Июль. № 14. С. 3–25.

¹ ЦГА Москвы. Ф. Р-2977. Оп. 2. Д. 35. Л. 27.

² Там же. Л. 34.

ОБ АВТОРАХ

Онопенко Ярослав Аксентьевич,
начальник Главного архивного управления города Москвы,
член Российского военно-исторического общества

Алексеев Дмитрий Андреевич,
кандидат биологических наук

Булавкина Татьяна Михайловна,
ведущий специалист Отдела научно-информационной и выставочной работы
ГБУ «ЦГА Москвы»

Войтиков Сергей Сергеевич,
кандидат исторических наук,
заведующий сектором Отдела публикации архивного фонда ГБУ «ЦГА Москвы»

Гарнюк Сергей Дмитриевич,
главный специалист Отдела публикации архивного фонда ГБУ «ЦГА Москвы»

Доскато Олег Глебович,
капитан 1-го ранга в отставке,
председатель Севастопольского Клуба любителей истории города и флота

Задорожная Надежда Фёдоровна,
заслуженный работник культуры Украины,
главный архивист Отдела информации и использования документов
ГКУ «Архив города Севастополя»

Клатаевский Виталий Иванович,
географ-краевед, мастер спорта СССР по альпинизму,
инструктор по горным лыжам

Крестьянников Валерий Васильевич,
заслуженный работник культуры Украины,
в 1998–2008 гг. директор Государственного архива города Севастополя

Кузнецова Ольга Владимировна
главный архивист ГКУ ЯО
«Государственный архив Ярославской области»

Соловьёва Марина Геннадиевна,
главный архивист Отдела информации и использования документов
ГКУ «Архив города Севастополя»

Ушаков Сергей Владимирович,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Отдела античной археологии Института археологии Крыма РАН,
доцент кафедры истории и международных отношений филиала МГУ в городе Севастополе

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

авг. – август	дисс. – диссертация
авт. – автор	доб. – добавочный
автореф. – автореферат	док. – документ
АН – академия наук	доп. – дополненный
арт. – артиллерийский	др. – другие
археол. – археологический	
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика	Е.И.В. – Его (Её) Императорское Величество
	ед. хр. – единица хранения
БО – береговая охрана	
	ж.-д. – железнодорожный
в., вв. – век, века	зав. – заведующий
ВВС – Военно-воздушные силы	ЗАГС – (отдел, бюро) записи актов гражданского состояния
ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)	зам. – заместитель
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодёжи	
ВМН – высшая мера наказания	изд. – издание
ВМФ – Военно-Морской Флот	им. – имени; именной
военком – военный комиссар	и. о. – исполняющий обязанности
врид – временно исполняющий должность	и/с – интендантская служба
ВРК – Военно-революционный комитет	испр. – исправленный
ВС – военный совет	ист. – исторический
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства	
вх. – входящий	кав. – кавалерийский
ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет	канд. – кандидат
в/ч – воинская часть	кап. – капитан
вып. – выпуск	Каспвоенфлот – Каспийская военная флотилия
	КБ – конструкторское бюро
г., гг. – год, годы; город	кв. – квартира
га – гектар	к.и.н. – кандидат исторических наук
ГА – государственный архив	км – километр; километры
ген. – генерал	кн. – книга; князь
горком – городской комитет	ком.; ком-р – командир
горпрофсовет – городской совет профсоюзов	команд. – командующий
горсовет – городской совет	комбриг – командир бригады
г. р. – года рождения	комдив – командир дивизии
гр-н – гражданин	коммент. – комментарии
г/с – гидрографическое судно	коп. – копейка; копейки
губ. – губерния	корп. – корпус
	КП(б)У – Коммунистическая партия (большевиков) Украины
д. – дом	КПОВТН – Коммунистическая подпольная организация в тылу немцев
Д. – дело	КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
див. – дивизия	КТ – корпус транспорта

- Л. – лист
л/б – лоцманский бот
лекц. – лекция
лин. – линейный
- м – метр
м. – мыс
М. – Москва
МГИМО – Московский государственный институт международных отношений
МГК – Московский городской комитет
мемор. – мемориальный
МИД – Министерство иностранных дел
мин – минута
МК – Московский комитет
млн – миллион
МО – Министерство обороны
- нагр. – награда; награждён, награждена
напр. – например
нарком – народный комиссар
Наркомугля – Народный комиссариат угольной промышленности
нач. – начальник
нем. – немецкий
нем.-фаш. – немецко-фашистский
НИИ – научно-исследовательский институт
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКВД – Народный комиссариат иностранных дел
НКПС – Народный комиссариат путей сообщения
- о. – остров
об. – оборот
обл. – область
ОБМП – отдельный батальон морской пехоты
оз. – озеро
ОЗАД – Отдельный зенитный артиллерийский дивизион
Оп. – опись
оргбюро – организационное бюро
орд. – орден
отв. – ответственный
офиц. – официальный
- ПВРК – Петроградский военно-революционный комитет
пер. – перевод
подр. – подробнее
политчасть – политическая часть
полн. – полный
- пом. – помощник
пос. – посёлок
пр. – проезд
прим., примеч. – примечание
продсклад – продовольственный склад
просп. – проспект
публ. – публичный; публикатор
- р. – река
райисполком – районный исполнительный комитет
РАН – Российская академия наук
РАХ – Российская академия художеств
РВС, Реввоенсовет – Революционный военный совет
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
ред. – редактор
рис. – рисунок
РК, райком – районный комитет
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РКП(б) – Российская Коммунистическая партия (большевиков)
р-н – район
РОА – Русская освободительная армия
РСДРП(б) – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
руб. – рубль
РФ – Российская Федерация
- С. – страница; страницы
с. – село
САВО – Среднеазиатский военный округ
сб. – сборник
Св. – святой; святая
Сев.-Кавк. – Северо-Кавказский
Севморзавод – Севастопольский морской завод
сент. – сентябрь
СК – сторожевой катер
сл. – словарь
см – сантиметр
см. – смотри
СНК, Совнарком – Совет Народных Комиссаров
собр. – собрание
сов. – советский
сост. – составитель
соч. – сочинение
СПб. – Санкт-Петербург
ССР – Советская Социалистическая Республика

СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ст. – станица; станция; старший; статья; степень
стеногр. – стенография
стр. – стрелковый

т. – том
т., тов.; тт. – товарищ; товарищи
т. д. – так далее
т. е. – то есть
тел. – телефон
т. к. – так как
т. н. – так называемый
т. п. – тому подобное
т. ч. – том числе
тыс. – тысяча; тысячи
ТЭЦ – теплоэлектроцентраль

ук. – указатель
указ. – указанный
УК ВМС – Управление кадров Военно-морских сил
ул. – улица

ур. – урождённый; урождённая
УС – Управление снабжения
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
устар. – устаревший

Ф. – фонд
финчасть – финансовая часть

ЦВМА МО – Центральный военно-морской архив
Министерства обороны
ЦГА – Центральный государственный архив
ЦГАМО – Центральный государственный архив
Московской области
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
цит. – цитата
ЦК – Центральный комитет

ч – час
ч. – часть
ЧК – Чрезвычайная комиссия
ЧФ – Черноморский флот

СОДЕРЖАНИЕ

Москва и Севастополь: вехи сотрудничества <i>Я.А. Онопенко</i>	4
Совместные выставочные проекты архивных учреждений Москвы и Севастополя: 2014–2019 <i>Т.М. Булавкина</i>	6
Религиозные праздники на Черноморском флоте и в крепости «Севастополь» в конце XIX – начале XX в. <i>В.В. Крестьянников</i>	15
Образы Севастополя в фотодокументах конца XIX – начала XX в. (из собрания Государственного архива Ярославской области) <i>О.В. Кузнецова</i>	18
Когда были построены первые базилики Херсонеса? (О некоторых возможностях историографического анализа) <i>С.В. Ушаков</i>	29
Олег Иванович Домбровский – человек, который делал мир лучше <i>В.И. Клатаевский</i>	44
Из истории вооружённого восстания в Севастополе в ноябре 1905 г. (по документам ЦГА Москвы) <i>С.Д. Гарнюк</i>	60
О праздновании 300-летия Императорского Дома Романовых в 1913 г. в Крыму и в Севастополе <i>О.Г. Доскато</i>	76
«Триумфальное шествие советской власти» на Черноморском флоте глазами революционного матроса <i>С.С. Войтиков</i>	86
Потопление Черноморского флота в 1918 г. (по документам РГАСПИ и ЦГА Москвы) <i>С.С. Войтиков</i>	102
Воспоминания о Севастополе 1918–1921 гг.: документ из семейного архива <i>Д.А. Алексеев</i>	139
Наперекор стихии. О ликвидации в Севастополе последствий землетрясения 1927 г. в Крыму (по документам ГКУ «Архив города Севастополя») <i>М.Г. Соловьёва</i>	144
И каждый памятник нам дорог. Об истории строительства в Севастополе в 1930-е гг. и восстановлении в 1950-е гг. памятника В.И. Ленину <i>М.Г. Соловьёва</i>	149

Оборона Севастополя 1941–1942 гг. в советской историографии второй половины 1940–1960-х гг. <i>С.С. Войтиков</i>	161
Севастополь в период немецко-фашистской оккупации 1942–1944 гг. По документам фонда «Газета “Голос Крыма”» (ГКУ РК «Государственный архив Республики Крым») <i>Н.Ф. Задорожная</i>	190
Капитан А.Р. Кочерга. История одного поиска <i>Н.Ф. Задорожная</i>	204
Они были первыми. О деятельности в Севастополе в период немецко-фашистской оккупации 1942–1944 гг. подпольной патриотической группы под руководством П.Д. Сильникова <i>Н.Ф. Задорожная</i>	212
Они приближали освобождение <i>Н.Ф. Задорожная</i>	221
Подвиг длиною в жизнь. По документам фондов личного происхождения М.Г. Байсака и П.М. Рогачёва в Архиве города Севастополя <i>М.Г. Соловьёва</i>	231
О Герое Советского Союза Марии Карповне Байда (по документам ГКУ «Архив города Севастополя» и ГКУ РК «Государственный архив Республики Крым») <i>М.Г. Соловьёва</i>	237
М.В. Стёганцев – «активный участник обороны Севастополя» (к 75-летию освобождения Севастополя) <i>Т.М. Булавкина</i>	253
Герои Советского Союза – участники боёв за Севастополь (по документам ЦГА Москвы) <i>С.Д. Гарнюк</i>	261
Хроника участия Черноморского флота в съёмках фильма «Адмирал Ушаков». Год 1952-й <i>С.С. Войтиков</i>	275
«Севастопольский вальс» в Московском театре оперетты <i>С.С. Войтиков</i>	281
Севастопольский район г. Москвы и его управленческие структуры (апрель 1977 – октябрь 1993) <i>С.Д. Гарнюк</i>	293
ОБ АВТОРАХ	306
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	307

МОСКВА – СЕВАСТОПОЛЬ
Архивно-краеведческий альманах
Выпуск 2

Ответственный редактор
Я.А. Онопенко

Составители
Е.Д. Алексеева, Л.С. Ванян

Редактор
Л.С. Ванян

Корректор
Е.И. Логачёва

Макет, художественное оформление, вёрстка
Е.В. Горшкова

Ретушь иллюстраций
Е.В. Горшкова, А.С. Марахова

*В оформлении обложки и авантитула использованы:
репродукция картины И.К. Айвазовского «Малахов курган». 1893
(Феодосийская картинная галерея им. И.К. Айвазовского);
Севастополь. Памятник вице-адмиралу В.А. Корнилову
(почтовая открытка начала 1900-х гг.).*

Главархив Москвы. 117393, Москва, Профсоюзная ул., 80

